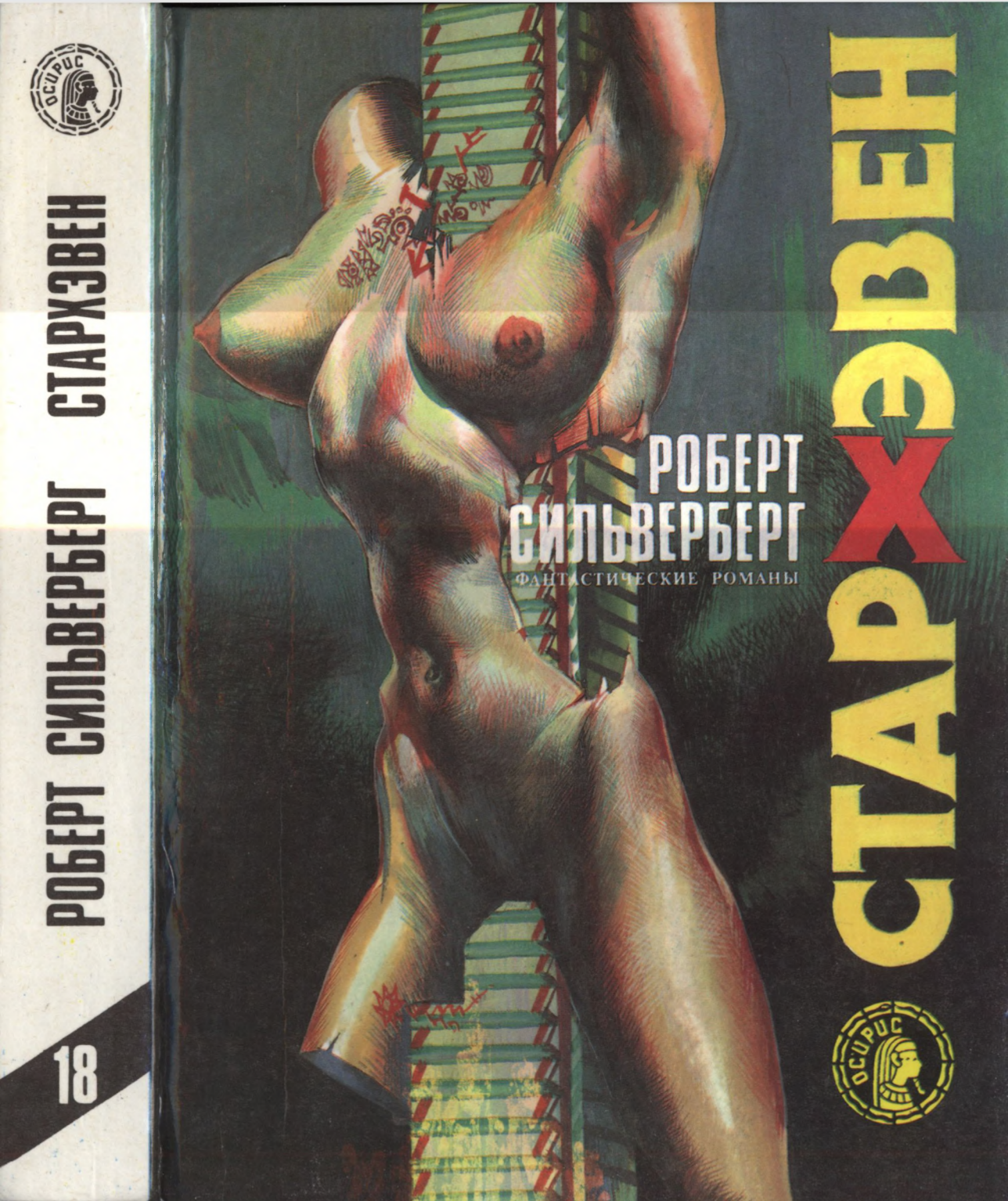

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ СТАРХЭВЕН
18
РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
СТАРХЭВЕН

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

СТАРИК ЗВЕЗДА

Москва
Центрполиграф
1992

ББК 84.7 (США)
С36

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 18

Художник *А.В.Вальдман*

Сильверберг Р.
С36 Пасынки Земли. Стархэвен. Прыгуны во времени: Фантастические романы. Вертикальный мир: Эротическая антиутопия. Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1992. 492 с.
ISBN 5-7001-0009-6

За сорок лет работы в американской фантастике Роберт Сильверберг выпустил более восьмидесяти книг — под своим именем и под различными псевдонимами. Расцвет творчества писателя приходится на конец 60-х начало 70-х годов. Его зрелая проза поражает богатством воображения, запутанностью интриги, яркостью характеров. К этому периоду относятся и публикуемые в этой книге произведения, которые в Соединенных Штатах уже отнесены к разряду классических.

ББК. 84.7 (США)

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1992

ISBN 5-7001-0009-6

ПАСЫНКИ ЗЕМЛИ

РОМАН

Глава 1

Эвинг медленно просыпался, всем своим телом ощущая стужу. Холод постепенно покидал его. Вот уже стало теплее голове и плечам, затем начало оттаивать и все остальное. Он попробовал пошевелиться, насколько это было возможно, и искусно сотканная нежная паутина из пены, в которой он, как в люльке, покоился в течение всего космического путешествия, затрепетала под действием его еще не вполне разогревшихся мускулов.

Он вытянул руку и потянул вниз рукоятку, находившуюся от него в каких-нибудь шести дюймах. Из отверстия рассеивателя на него обрушился поток жидкости, растворяя и смывая опутавшую его паутину. Теплее стало ногам. Тяжело дыша, он поднялся, двигаясь, как глубокий старик. Сделав два шага, Эвинг остановился и осторожно потянулся.

Он проспал одиннадцать месяцев, четырнадцать дней и около шести часов, как показывали цифры на панели управления. Часы были установлены как раз над тем местом, где он спал. Время отсчитывалось в абсолютных Галактических Единицах. Секунда — Галактическая Единица измерения времени была выбрана произвольно — только потому, что в свое время ею пользовались на планете, откуда происходили все люди.

Эвинг прикоснулся к покрытой эмалью кнопке, и маленький сегмент внутренней обшивки корпуса корабля откинулся вниз. За ним светился мягким свечением смотровой экран. В центре экрана висела зеленая планета. И это не был цвет люминофоры экрана — зеленый цвет был ее естественным цветом. Обширные моря омывали ее материки.

Земля!

Эвингу было хорошо известно, что он должен делать дальше. Теперь, когда в его оттаявших конечностях восстановилось нормальное кровообращение, он быстро, одним махом, оказался у про-

тивоположной стены, где был установлен субэфирный генератор, и щелкнул выключателем. Загорелась зеленая лампочка.

— Говорит Бэри Эвинг, — произнес он в микрофон передатчика. — Спешу сообщить, что нахожусь на орбите вокруг Земли, благополучно завершив перелет. Пока что все в порядке. В ближайшее время начну спуск на Землю. Ждите следующих сообщений.

Он отключил передатчик. В эти самые мгновения — он был в этом уверен — его слова летели уже через галактические просторы к родной планете, унесенные субэфирной волной. Пройдет пятнадцать дней, и его сообщение будет принято на Корвине.

Эвингу очень хотелось бодрствовать все эти долгие месяцы его одиночного полета. За это время можно было бы прочитать много интересных книг и прослушать массу музыкальных записей. Мысль о том, что пришлось проспать почти год, не пробуждаясь, привела его в ужас. Сколько времени пропало зря!!!

Однако те, кто послал его в это далекое путешествие, были непреклонны.

— Вы преодолеете космическое пространство в одиночном корабле, — сказали они ему. — Никто не сумеет бодрствовать все это время — и не сойти с ума, Эвинг. Нам необходимо, чтобы вы оставались в здравом уме.

Он попытался было протестовать, однако никто не стал его слушать. Жители Корвина посылали его на Землю, не считаясь с огромными расходами, чтобы он смог выполнить поручение огромной, жизненной важности. Стоило им хоть на миг усомниться в том, что он прибудет на Землю не в самом лучшем виде, они тотчас же решили бы его заменить. Эвинг неохотно уступил. Его поместили в питательную ванну и показали, как с помощью управляемых руками и ногами рычагов активизировать механизм глубокого охлаждения, позволяющего безболезненно перенести длительное путешествие в состоянии «спячки», а затем, по окончании полета, быстро выйти из этого состояния. Его корабль был тщательно герметизирован и запущен в тьму космоса — одноместный плот в безбрежном мире. Космический корабль размером чуть больше обычного гроба, рассчитанный на одного-единственного пассажира...

Прошло не менее десяти минут, прежде чем весь его организм полностью восстановился и все физиологические функции его пришли в норму. В зеркале он увидел необычную мягкую щетину, которой заросло его лицо. У него был очень изможденный вид. Он и раньше не страдал избытком плоти, но теперь был похож на

скелет. Щеки его глубоко запали, кожа туго обтягивала выступавшие скулы на лице. Казалось, что даже волосы его увяли за этот год. В 3805 году, когда он покинул Корвин, чтобы совершить этот крайне необходимый перелет на Землю, они были огненно-рыжими. Теперь же его шевелюра была темного, неописуемого грязно-коричневого цвета. Эвинг был высоким мужчиной, скорее поджарым, чем коренастым, с резкими чертами лица, так контрастировавшими с мягкими пытливыми глазами.

Теперь живот у него и вовсе впал, ноги и руки скорее напоминали конечности паука, чем человека. Казалось, жизненная сила оставила его тело.

Однако сейчас ему предстояла очень важная работа.

Рядом с субэфирным передатчиком была смонтирована установка обычной радиосвязи, применявшаяся для сообщения внутри планетарной системы. Глядя на бледно-зеленый шар Земли, он включил радиопередатчики. В ответ послышался только шум атмосферных помех. Затаив дыхание, он ждал. Ждал те первые слова, которые он услышит, слова, которые будут произнесены на земном языке. Его охватило сомнение: поймут ли люди его англо-корвинский диалект?

Ведь как-никак прошла почти тысяча лет с тех пор, когда была основана колония на Корвине, и более пятисот лет с той поры, когда обитатели этой планеты остались без каких-либо контактов с материнской планетой. За пятьсот лет языки могли довольно сильно измениться.

Внезапно в кабине его корабля раздался мужской голос:

— Наземная станция Прима-два. Кто на связи?! Говорите! Говорите!

Эвинг улыбнулся, ему были понятны услышанные им слова.

— Вызывает одноместный корабль. На связи с Землей корабль Свободной планеты Корвин. Я нахожусь на устойчивой орбите на расстоянии пятидесяти тысяч километров от поверхности Земли. Прошу разрешение на посадку в точке, координаты которой мне будут указаны.

Наступило длительное молчание, настолько длительное, что его никак нельзя было объяснить временной задержкой, вызванной конечной скоростью распространения радиоволн в околоземном пространстве.

«Может быть, — подумал Эвинг, — я говорю слишком быстро или мои слова потеряли свое истинное значение для современных землян?»

Однако в конце-концов ответ все же пришел:

— Какая, вы сказали, свободная планета?

— Корвин. Эпсилон 12 Большой Медведицы. Бывшая колония Земли.

Снова наступила пауза.

— Корвин... Корвин. О, я полагаю, что вы вполне можете совершить посадку. Каков тип корабля? С искривляющим пространство приводом?

— Да, — ответил Эвинг. — С фотонным ускорителем, разумеется. И ионно-лучевыми двигателями для полета в атмосфере.

— Ваши фотонные ускорители радиоактивны? — спросил земной собеседник.

Захваченный врасплох путешественник на мгновение задумался. Затем, нахмурившись, произнес в микрофон:

— Если вы имеет в виду радиоактивность в обычном смысле, то есть излучение тяжелых частиц, то нет. Фотонные ускорители просто превращают ... — он задумался. — Следует ли мне подробно все объяснять или нет?

— Нет. Не торчать же вам весь день на орбите. Если ваш корабль нерадиоактивный, то валяйте, спускайтесь. Сейчас я вам дам координаты места посадки.

Эвинг тщательно переписал возникшие на экране цифры, повторил их с помощью клавишного устройства — с целью правильности приема, поблагодарил землянина и дал отбой связи. Затем он ввел полученные координаты в бортовой компьютер.

В горле у него пересохло. Его что-то беспокоило, было нечто такое в самом тоне, с каким землянин разговаривал с ним. Он показался ему чуть-чуть легкомысленным, небрежным, даже, пожалуй, раздраженным.

«Вероятно, я сказал ему слишком много, — подумал Эвинг. — Ведь, в конце-концов, для того человека это обычная рутинная работа».

И тем не менее начало было не очень понятным. Эвинг понимал, что у него, как и у всех корвинитов, было в высшей степени идеализированное представление о землянах, как о существах мудрых, во всех отношениях превосходящих других людей. По сути дела, они представлялись ему сверхлюдьми, как в физическом, так и в умственном плане. И, разумеется, когда узнаешь, что легендарные обитатели материнской планеты являются обычными человеческими существами, такими же, как и их дальние потомки на планетах-колониях, то это может вызвать определенное разочарование.

Эвинг пристегнулся перед тем, как совершить заключительный бросок вниз, сквозь атмосферу, окутавшую Землю. Началась последняя фаза его путешествия. Через час он будет стоять на земле — в прямом смысле слова.

Надеюсь, что они окажутся в состоянии помочь нам, подумал он. Перед его мысленным взором ярко вспыхнула картина того,

как орды лишенных даже лица варваров-клодов, сметая все на своем пути, неутомимо рвутся в нашу Галактику из туманности Андромеды.

Уже четыре планеты пали под натиском клодов с тех пор, как эти пришельцы начали свой захватнический поход. Элементарный расчет показал, что они достигнут Корвина в ближайшие десять лет.

Сраженные горем, уведенные в рабство женщины и дети, обугленные руины сверкающей остроконечной Башни Планетарного Совета, развалины Университета, плодородные земли, испепеленные огнем...

Эвинг содрогнулся от этих мыслей, занимавших его разум, пока его крохотный корабль по спирали опускался к Земле. Земля поможет нам, утешал он себя. Земля спасет свои колонии от порабощения.

Эвинг почувствовал, что его кровеносные сосуды вот-вот взорвутся от резкого торможения. Он уцепился за поручни и начал что было мочи кричать, чтобы облегчить давление на барабанные перепонки. Однако от напряжения, охватившего его разум, освободиться подобным образом было невозможно. Грохот торможения сотрясал остов его корабля, и зеленая планета с устрашающей скоростью разрасталась на смотровом экране.

Еще несколько минут, и корабль замер на широкой железобетонной посадочной площадке. На какое-то мгновение он завис благодаря действию собственных тормозных ракет, затем мягко опустился на поверхность.

Пальцами, едва разгибающимися в неожиданно навалившемся на его тело тяготении, Эвинг отстегнулся и увидел на смотровом экране небольшие автотележки, с грохотом пересекавшие поле космодрома в направлении его корабля. Дезинфекционная команда, подумал он. И, конечно, состоящая только из роботов.

Он терпеливо подождал, пока они сделают свое дело, затем распахнул люк и выбрался наружу. Запах воздуха был вполне приличным, хотя и чуждым для него, так как в воздухе его родной планеты содержание кислорода было двадцать три процента, то есть на два процента выше, чем на Земле. День был на Корвине теплее, чем здесь. Эвинг сразу же заприметил похожее на узкий высокий парус здание вокзала и направился к нему.

Робот, безликий и тупой, просканировал его своим фотодатчиком, едва он переступил порог вокзала сквозь распахнувшиеся перед ним двери. Внутри вокзал оказался лабиринтом из мигающих красно-зеленых огней, то вспыхивающих, то гаснущих. Голова Эвинга тотчас же пошла кругом.

Существа самого различного рода толпились вокруг. Эвинг увидел четыре полугуманоидные фигуры с головами, как пузыри, занятые оживленной беседой, неподалеку от того места, где он стоял. Немного поодаль двигались целые толпы существ в большей степени похожих на землян. Эвинг был поражен их внешностью.

Некоторые из них были «обычными», хотя и причудливо мускулистыми и угловатыми на вид, но все же не в такой степени, чтобы вызвать на Корвине удивленные восклицания. Зато другие!!!

Пышно разодетые в сверкающие блестками длинные хитоны, бирюзовые и черные, черные и золотистые, они являли собой причудливое зрелище. У одного из них не было ушей. Череп его был совершенно голый, украшенный лишь бриллиантовыми кулонами, которые, казалось, были прикреплены к его голове. У другого была одна нога, и он опирался на светящийся костыль. В носу третьего было продето золотое кольцо со сверкающими изумрудами.

Ни один из них, казалось, не был похож на другого. Как опытному специалисту по обычаям различных культур Эвингу была понятна причина этого явления. Увлечение украшениями было общей тенденцией для высокоразвитых обществ, одним из представителей которых было земное. И все же перед этой кричащей выставкой мод он почувствовал себя ужасным провинциалом. Корвин был молодым миром, хотя история его насчитывала уже добрую тысячу лет. Такие причуды моды еще не укоренились у них.

Он решительно подошел к группе щеголеватых землян, расположившихся неподалеку от него. Они болтали между собой, их высокие голоса звучали резко и искусственно для его провинциального уха.

— Простите меня, — произнес Эвинг. — Я только что прибыл со Свободной планеты Корвин. Скажите, пожалуйста, где я могу увидеть кого-либо из властей?

Разговор прервался, будто обрубленный топором. Все трое смешались при виде Эвинга.

— Вы с планеты-колонии? — поинтересовался одноногий голосом, в котором с трудом можно было различить что-либо членораздельное. Эвинг кивнул.

— С Корвина. В шестнадцати парсеках отсюда. Планета была заселена землянами тысячу лет назад.

Присутствующие стали обмениваться фразами с такой скоростью, что невозможно было понять, о чем идет речь. Казалось, что они говорили на каком-то особом, только им понятном языке. Их нарумяненные лица явно выражали неприязнь.

— Где я могу повидаться с властями? — переспросил Эвинг, на этот раз менее уверенно.

Тот, у которого не было ушей, визгливо рассмеялся:

— Какие еще власти? Это Земля, дружок! Мы здесь вольны делать все, что нам заблагорассудится!

Эвингу стало не по себе. Ему с первого же взгляда очень не понравились эти земляне. Теперь же чувство неприязни возросло еще больше. Сбоку раздался еще один голос, весьма необычный и с сильным акцентом.

— Если я не ослышался, вы сказали, что прибыли с одной из колоний?

Эвинг повернулся. С ним говорил один из «обычных» землян — мужчина ростом выше среднего, с квадратным массивным лицом и густыми бровями, нависшими над глубоко посаженными маленькими глазками. У него был глухой и монотонный, очень неприятный голос.

— Я с Корвина, — кивнул Эвинг.

Собеседник нахмурился. Его огромные брови сошлись над переносицей.

— Откуда, откуда? — переспросил он.

— С Корвина. Планета отстоит от Земли на расстоянии шестнадцати парсеков и находится в системе звезды Эпсилон двенадцатого созвездия Большой Медведицы.

— А что же вы делаете на Земле?

Враждебный тон голоса раздражал Эвинга. Стараясь быть спокойным, он бесстрастно ответил:

— Я назначен властями нашей планеты официальным посланником на Землю, и поэтому мне хотелось бы встретиться с представителями правительства. Для начала меня устроила бы... таможня.

— Такой здесь нет, — ответил коренастый. — Земляне отказались от подобной роскоши около столетия назад. Таможенники доставляли им немало излишних хлопот.

Он весело, с едва скрываемым презрением взглянул на троих щеголей, которые отодвинулись подальше и вернулись к своему сугубо личному разговору.

— Вряд ли землян хоть что-нибудь сейчас волнует.

— А вы что, разве сами не с Земли? — недоуменно спросил Эвинг. — Я имею в виду...

— Я? — Из широкой груди собеседника раздался сардонический смех. — Вы, видимо, на самом деле находитесь в состоянии крайней изоляции. Я — с Сириуса. Сириус-4 — старейшая из земных колоний. Неплохо бы нам с вами выпить, а? Мне хотелось бы поговорить с вами подольше.

Глава 2

Эвинг без особой охоты двинулся вслед за здоровяком-сирианином сквозь вокзальную толпу в салон, находившийся в дальнем конце сводчатой галереи. Как только они уселись за слабо мерцавший полупрозрачный столик, сирианин спокойно взглянул на Эвинга и произнес:

— Ну что ж, начнем по порядку. Как вас зовут?

— Бэрд Эвинг. А вас?

— Роллан Фирник. Что же привело вас на Землю?

Высокомерная и туповатая манера Фирника заставила Эвинга насторожиться. Эвинг стал не спеша игриво разглядывать янтарно-золотой напиток, которым угостил его Фирник, затем пригубил его слегка и поставил на стол.

— Я уже говорил, — начал он спокойно. — Я прибыл на Землю как посол правительства Корвина. Это так просто!

— Так ли? Когда ваш народ имел в последний раз какой-нибудь контакт с остальной галактикой?

— Пятьсот лет тому назад. Однако...

— Пятьсот лет... — задумчиво протянул Фирник. — И теперь вы решили возобновить связи с Землей? — Он покосился на Эвинга. — Да, пожалуй, именно так. И всего лишь посол-одиночка. Но ведь это не просто так! Не просто из любви к общению, а, Эвинг? Каковы же истинные причины вашего визита на Землю?

— Я не знаком с последними новостями, — сказал Эвинг. — Вам доводилось слышать когда-нибудь упоминание о клодах?

— Клодах? — переспросил он. — Нет! Это название мне ни о чем не говорит!

— Новости по Галактике распространяются очень медленно, — кивнул Эвинг, — Клоды — это гуманоидная раса, пришедшая из звездного скопления, которое раньше называлось Туманностью Андромеды. Я видел объемное изображение этих существ. Это небольшие грязные создания, ростом чуть более полутора метров. Цивилизация их очень сильно напоминает сообщество муравьев. Боевой флот клодов в настоящее время оперирует среди планет нашей Галактики.

Фирник вопросительно поднял одну бровь, но ничего не сказал.

— Несколько тысяч кораблей клодов появились в нашей Галактике около четырех лет назад. Они высадились на Варнхольте — это планета-колония, удаленная от земли на пятьдесят световых лет, и начисто опустошили ее. Примерно через год они собрали свои силы и двинулись дальше. Сейчас они покорили уже четыре

планеты, и пока что никто не может их остановить. Они роем набрасываются на планету и уничтожают все, что попадается им на глаза. Затем они отдыхают, набираются сил и отправляются дальше — к следующей планете.

— Ну и что из этого?

— Мы вычислили их наиболее вероятный маршрут и получилось, что клоды нападут на Корвин где-то в интервале ближайших десяти лет. Ошибка — плюс-минус один год. Мы понимаем, что нам не под силу отразить это нашествие. Наш народ — мирный, и мы не имеем боевых традиций. Мы просто не в состоянии за это время военизировать свою планету в надежде победить клодов.

Эвинг помолчал и отпил немного из своего бокала. Напиток, к его удивлению, оказался на редкость приятным.

— Как только стало известно, — продолжал он, — об угрозе нашествий, мы отправили по субэфирной связи послание на Землю, в котором изложили создавшееся положение и попросили помощи. Но ответа так и не получили. Мы вновь повторили наше послание, но ответа с Земли и на этот раз не последовало.

— Поэтому вы и решили направить сюда посла, — усмехнулся Фирник. — Должно быть, вы считаете, что ваше послание затерялось где-то в бюрократических дебрях, не так ли? И вы хотите начать переговоры с глазу на глаз?

— Да.

Сирианин рассмеялся.

— А вам известно хоть что-нибудь о положении на Земле? Вот уже более трехсот лет здесь никто не держал ружья. Земляне стали законченными пацифистами.

— Это неправда!

Насмешливое дружелюбие тотчас исчезло с лица Фирника. Голос его стал почти равнодушным, когда он произнес:

— На этот раз я вас прощаю, приятель, только потому, что вы чужеземец и не знакомы с нашими обычаями. Но стоит вам еще хоть раз назвать меня лжецом — и я убью вас!

Эвинг стиснул зубы. «Ну и варвар», — подумал он. Однако вслух произнес:

— Другими словами, я зря потерял столько времени, прибыв сюда, вы это хотели сказать? Я вас правильно понял?

Сирианин равнодушно пожал плечами.

— Своими войнами занимайтесь сами. Боюсь, что земляне не смогут вам помочь, приятель.

— Но ведь опасность в такой же мере грозит и вам или, вернее, им, землянам, — горячо возразил Эвинг. — Вы что, полагаете, что клоды остановятся и не нападут на Землю?

— Сколько времени, по-вашему, уйдет у них на то, чтобы добраться до Земли? — спросил сирианин.

— Столетие, не меньше...

— Что! Вот видите! Целое столетие! На своем пути им придется столкнуться еще с Сириусом-4! Когда настанет час, мы позаботимся о них, это уж точно!

«А ведь я пересек шестнадцать парсеков космоса, чтобы добраться сюда», — подумал Эвинг.

Он поднялся.

— Было очень приятно побеседовать с вами. Благодарю вас за угощение, сэр.

— Всего хорошего, — кивнул сирианин.

Почему-то Эвинг подумал, что эти слова были далеко не так чистосердечны, как должны быть по своему смыслу. Скорее наоборот, в них сквозила нескрываемая насмешка.

Проходя по галерее космопорта сквозь снующие толпы, Эвинг увидел взлет космического корабля. Он задержал на нем свой взгляд и смотрел ему вслед, пока тот с ревом не исчез из виду. Эвинг понял, что если в словах сирианина есть хоть какая-то доля правды, то ему, Эвингу, лучше всего было бы вернуться на Корвин прямо сейчас и доложить о полном провале его миссии.

Однако его разум отказывался смириться с образом пришедшей в упадок мягкотелой Земли. Они не имели с ней контакта с течение пяти веков. Однако на Корвине до сих пор из уст в уста передаются легенды о планете-прародине, где впервые зародилась человеческая цивилизация. И не только на Корвине, но и на всех остальных планетах-колониях были в ходу эти сказания.

Он часто вспоминал рассказы о первопроходцах космоса, первых смельчаках, добровольно отправляющихся на другие планеты. Он часто вспоминал рассказы об отважных колонистах, распространивших влияние Земли на большие расстояния, охватывающие около тысячи планет. И было совершенно естественно, что со временем, по мере становления и развития цивилизации, контакт этих планет с планетой-прародиной становился все менее тесным. Для процветающих, всецело опирающихся на собственные ресурсы планет почти не было причин поддерживать столь дорогое межзвездное общение ради простых сыновьих чувств. У планет-колоний было и без того немало насущных экономических проблем, требовавших незамедлительного разрешения.

Однако среди корвинцев никогда не угасали легенды о главенствующей роли Земли. Они верили, что в случае серьезной опасности Земля всегда сможет оказать необходимую помощь.

И вот это время пришло. Можно ли им рассчитывать на помощь Земли?

Он печально взглянул на толпящихся вокруг него щеголей, усыпанных бриллиантами, и в душу его вкралось тревожное сомнение.

Он остановился перед балконом, с которого открывалась панорама огромного взлетно-посадочного поля космодрома. Медная табличка рядом с выходом на балкон гласила, что эта секция вокзала была сооружена в 2176 году. Эвинга, впервые прибывшего в столь древний мир, охватил священный трепет. Здание, в котором он сейчас находился, было построено за сто с лишним лет до того, как первые земные корабли с ревом спустились на Корвин, который тогда был всего лишь безымянной планетой на звездных картах. И люди, построившие это здание тысячу сто лет назад, были столь же удалены во времени от современных землян, как и нынешние обитатели Корвина.

Ему было горько от этой мысли. Выходит, он зря проделал это путешествие. На Корвине осталась его жена и сын — более двух лет у Лайры не будет мужа, а у Блейда — отца. И ради чего? Ради бессмысленного путешествия на планету, величие которой осталось в глубоком прошлом?

«Где-то на этой планете, — подумал он, — не может не оказаться кого-нибудь, кто был бы в состоянии оказать нам помощь! Эта планета породила нас всех! И где-то обязательно должна остаться хоть какая-то частица ее могучей жизненной силы. Не попытавшись ее отыскать, я не имею права покинуть эту планету».

После долгих и мучительных расспросов у стационарных роботов-охранников он в конце концов выудил необходимую для себя информацию — есть такое место, где вновь прибывшие инопланетяне могут при желании зарегистрироваться. Он договорился о том, чтобы были решены вопросы хранения и дозаправки его корабля, и записался в Регистрационном зале как Бэрд Эвинг, посол Свободной планеты Корвин. К космопорту примыкала гостиница. Эвинг справился, можно ли остановиться в ней, и получил номер. Он подписал разрешение на то, чтобы обслуживающий персонал из роботов проник в его корабль и перенес его личные вещи в отведенный ему номер гостиницы.

Комната, хоть и немного тесноватая, была довольно приличная. Эвинг привык к своему просторному дому на Корвине, планете, где на площади, превышающей площадь пригодной для обитания территории на Земле, жило всего восемнадцать миллионов человек. Он сам помогал строить свой дом двадцать лет назад, когда они поженились с Лайрой. Его дом занимал почти одиннадцать акров. И поэтому Эвингу было нелегко привыкнуть к комнате размером пять на пять метров.

Освещение номера было мягкое и непрямое. Он безуспешно пытался отыскать его источник, долго шарил пальцами по стенам, однако так и не обнаружил электролюминисцентных панелей.

Земляне, очевидно, изобрели какой-то новый способ общего освещения, подумал он.

Небольшое отверстие, прикрытое сеткой, служило для связи с администрацией гостиницы. После некоторого раздумья он нажал на кнопку, и тотчас же из переговорного устройства раздался голос робота.

— Чем мы можем служить вам, мистер Эвинг?

— Здесь есть что-то вроде библиотеки?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Не могли бы вы тогда попросить, чтобы мне нашли материалы по земной истории за последнюю тысячу лет, а также я хотел бы получить свежие газеты и журналы либо что-то в этом роде.

— Разумеется, сэр.

Прошло, как ему показалось, не более пяти минут, и у его двери раздался мелодичный звонок.

— Заходите, — сказал он.

Дверь была уже настроена на индивидуальные особенности его голоса. Как только он произнес это слово, послышались слабые щелчки реле замка, и дверь медленно начала открываться, за ней стоял робот, держа в своих металлических руках целую груду рулонов, очевидно, с микрофильмами.

— Вы заказывали материалы для чтения, сэр?

— Спасибо. Оставьте их, пожалуйста, вот здесь, возле просмотрового устройства.

Как только робот вышел из номера, он поднял наиболее массивный рулон из груды принесенного чтива и пробежал глазами его название:

«Земля и Галактика» — так назывался этот микрофильм. Ниже мелким шрифтом было написано «Исследование в области взаимоотношений с колониями».

Эвинг одобрительно кивнул. Начало подходящее, сказал он себе. Прежде, чем приступить к делу, надо как следует изучить вопрос. Насмешливый сирианин, вероятно, умышленно недооценивал силу Земли. По каким-то ему одному известным причинам он отнюдь не казался лицом, заслуживающим доверия.

Эвинг зарядил микрофильм в просмотровый аппарат и включил его. Послышался привычный щелчок. Аппарат был такого же типа, как и употребляющиеся на Корвине, и у Эвинга не было никаких сложностей в управлении им. Он подрегулировал освещение экрана. Появился титульный лист, и через мгновение оптика аппарата сфокусировала на экране четкое и яркое изображение.

«Глава первая, — прочитал Эвинг. — Ранний период экспансии».

— Ну что ж, начнем! — подбодрил он самого себя и принялся читать.

«Можно с уверенностью сказать, что эра межзвездного освоения началась в 2560 году, когда усовершенствование искривляющего пространство привода сделало возможным...»

Дверь снова тихо зазвенела. Эвинг недовольно оторвался от экрана. Он не ждал посетителей и ни о чем не просил персонал гостиницы.

— Кто там?

— Мистер Эвинг, — раздался знакомый голос. — Можно войти? Мне хотелось бы поговорить с вами. Мы уже встречались сегодня днем в здании космопорта.

Эвинг узнал голос. Он принадлежал безухому землянину в бирюзовом хитоне, от которого при первой встрече Эвинг не добился никакого результата. «Что нужно ему от меня сейчас?» — удивился Эвинг.

— Хорошо, — громко сказал он. — Заходите!

Дверь повиновалась этому распоряжению.

Тщедушный землянин, кланяясь и бормоча приветствия, вошел в комнату.

Глава 3

Это был худой, болезненный и хрупкий на вид мужчина. Эвингу даже показалось, что хороший порыв ветра мог бы разнести его на множество частиц. Он был ростом не более полутора метров, бледный, с восковой кожей, большими серьезными глазами и тонкими безвольными губами. Свод его черепа был совсем лысым и слегка лоснился. В его кожу на руках и ногах были имплантированы бриллиантовые кулоны, покачивающиеся при каждом его движении.

Землянин с изысканной чопорностью пересек комнату и подошел к Эвингу.

— Надеюсь, что я не потревожил вашего уединения, — произнес он нерешительным полушепотом.

— Вовсе нет! Может быть, вы присядете, — пытаясь унять свое раздражение, предложил Эвинг.

— Я предпочел бы постоять, — ответил землянин. — Таков наш обычай.

— Как вам будет угодно.

Вместе с любопытством Эвинг ощущал глубокое отвращение, глядя на этого нелепого землянина. На Корвине всякий, кто облачился бы в такой клоунский наряд, подвергся бы язвительным насмешкам.

Землянин натянуто улыбнулся.

— Меня зовут Сколар Майрак, — сказал он. — А вы Бэрд Эвинг с планеты-колонии Корвин, не так ли?

— Правильно, — кивнул Эвинг.

— Мне очень повезло, что я повстречался с вами в здании космовокзала сегодня днем. По-видимому, первое впечатление, которое я произвел на вас, было неважным, наверное, я показался вам легкомысленным. Я хотел бы попросить у вас прощения за это, колонист Эвинг. Я должен был сделать это еще там, в здании космопорта, но мне помешал этот орангутанг сирианин, который завладел вашим вниманием прежде, чем я смог заговорить.

К своему удивлению, Эвинг заметил, что землянин говорит практически без всякого акцента, который, как ему показалось раньше, был характерен для жителей Земли. Но что, однако, нужно этому фатоватому коротышке?

— Совсем наоборот, Сколар Майрак, совсем наоборот. Не надо никаких извинений. Я не сужу о человеке по первому впечатлению, особенно на чужой планете, чьи обычаи и образ жизни не знакомы.

— Отличная философия! — печальное лицо Майрака прояснилось. — Однако вы выглядите настороженным, колонист Эвинг. С вашего позволения я хотел бы несколько смягчить нервное напряжение и дать вам возможность расслабиться.

— Расслабиться?

— Просто небольшая коррекция вашего нервного состояния. Здесь, на Земле, мы неплохо овладели подобными приемами. Вы разрешите?

— Но что это означает в действительности? — с сомнением в голосе спросил Эвинг.

— Мимолетный физический контакт и ничего больше. — Майрак просительно улыбнулся. — Для меня нестерпимо видеть человека в таком ужасном состоянии — это причиняет мне настоящую физическую боль.

— Вы возбудили мое любопытство, — улыбнулся Эвинг. — Ну что же, давайте, поработайте надо мной.

Майрак легким шагом приблизился к Эвингу и приложил ладони к шее скептически усмехающегося космонавта. Эвинг инстинктивно замер.

— Спокойно, колонист, — пропел Майрак. — Пусть ваши мышцы расслабятся. Не сопротивляйтесь мне. Расслабляйтесь...

Его тонкие, как у ребенка, пальцы без предупреждения сдавили кожу на затылке Эвинга у самого основания черепной коробки, и тому вдруг показалось, что в его глазах вспыхнул яркий свет. Все это длилось не более одной десятой доли секунды. Затем он почувствовал, что напряженность покидает его. Внезапно ему стало легко, будто гора свалилась с его плеч, будто он одним рывком стряхнул с себя все то напряжение, которое накапливалось в нем в течение целого года.

— Это чудо! — восторженно воскликнул он.

— Мы умеем искусно манипулировать нервными узлами. В неумелых руках исход подобной операции мог бы быть фатальным, — улыбнулся Майрак. — В руках такого профессионала, как я, тоже все могло бы закончиться фатально, но только в том случае, если бы это входило в мои намерения.

Во рту Эвинга пересохло.

— Можно задать вам нескромный вопрос, Сколар Майрак? — спросил он.

— Конечно.

— Ваша одежда и украшения... все это принято здесь, на Земле, или это просто ваша личная причуда?

— Ну... как вам сказать. Это самовыражение, присущее нашей культуре. Мне очень трудно объяснить вам... Люди моего склада и наклонностей одеваются подобным образом, другие одеваются иначе, в зависимости от настроения. Мой внешний вид показывает, что я сотрудник университета или института.

— Значит, сколар — это ваше звание?

— Не только. Это и мое имя. Я сотрудник Института абстрактных знаний города Валлона.

— Признаюсь в своем невежестве, — пожал плечами Эвинг. — Но я ничего не знаю о вашем институте.

— Вполне понятно, — кивнул землянин. — Мы не стремимся к известности. — На мгновение Майрак впился взглядом в корвинита. — Тот сирианин, который вас увел, можно узнать его имя?

— Пожалуйста. Это не секрет. Он назвался Роллан Фирник, — ответил Эвинг.

— Это особо опасный тип. Мне известна его репутация. Однако перейдем к делу, колонист Эвинг. Вы не могли бы выступить в Институте абстрактных знаний в начале будущей недели, в любое удобное для вас время?

— Я? Но я не ученый, Сколар. Я даже не знаю, о чем мне говорить.

— Вы прибыли из колонии, причем такой, о которой никому из нас ничего не известно. Вы сами по себе представляете неоценимый кладезь опыта и информации.

— Но я совершенно новый человек в этом городе, — возразил Эвинг. — Я даже вряд ли сумею отыскать ваш институт.

— Мы позаботимся о том, чтобы доставить вас туда. Собрание состоится, если вам удобно, ну... скажем, в четвертый день будущей недели. Вы согласны?

На некоторое время Эвинг задумался. Такая возможность ничем не хуже любой другой. Для того чтобы начать ознакомление с земной культурой, причем с близкого расстояния. Ему нужны,

возможно, более обширные и глубокие знания, чтобы изыскать средства для спасения своей родной планеты от уничтожения пришельцами-варварами.

Он поднял глаза.

— Договорились — четвертый вечер следующей недели.

— Мы будем вам очень благодарны, колонист Эвинг.

Майрак отвесил поклон, затем, продолжая кланяться, попятился к двери и задержался возле нее только для того, чтобы повернуть дверную ручку.

— Приятного отдыха, — сказал он. — Премного вам благодарен. До встречи.

Дверь мягко закрылась за ним.

Эвинг пожал плечами, вспомнив о заказанных микрофильмах, сосредоточил все свое внимание на экране просмотрового устройства.

Он бегло читал около часа. Благодаря мнемоническим упражнениям, которые он проделывал в прекрасном Университете Корвина, он неплохо владел техникой ускоренного чтения. Его мозг эффективно перерабатывал материал одновременно с тем, как глаза пробегали по буквам, распределяя прочитанное по соответствующим каналам обработки. Через час он уже отчетливо представлял себе ход земной истории за те тринадцать веков, которые прошли со времени первого успешного межзвездного прыжка.

Именно тогда начался бум полетов к звездам. Первым колонизирован был Сатурн. В 2573 году семьсот двенадцать отважных мужчин и женщин начали эру колонизации планет. Вскоре после этого были созданы и другие колонии. Перенаселенная Земля крупными партиями отправляла своих сыновей и дочерей к звездам.

Всю вторую половину третьего тысячелетия космическая экспансия задавала тон земной истории. Колонии возникали одна за другой.

В небе было полным-полно планет. Из семнадцати планет системы Альдебарана восемь оказались пригодными для колонизации. В системе двойной звезды Альбирео таких планет было четыре.

Быстро пробегая по страницам, заполненным названиями миров, Эвинг наткнулся на имя Блейка Корвина, основавшего поселение землян на планете, образовавшейся вокруг звезды Эпсилон-12, что в созвездии Большой Медведицы, в 2856 году.

Люди продвигались все дальше и дальше. «К началу тридцатого столетия, — гласила книга, — человеческая цивилизация была размещена на тысячи с лишним планет Вселенной».

Но великий натиск в космосе все же иссяк. На Земле долгожданное установление контроля над рождаемостью навсегда покончило с угрозой перенаселения, вследствие чего несколько снизилась

тяга к колонизации других миров. Население Земли сбалансировалось на неизменном уровне — в пять с половиной миллиардов человек. За три столетия до этого около одиннадцати миллиардов теснились на перенаселенной Земле.

Вместе со стабилизацией населения наступила и культурная стабилизация. На смену личности первопроходца пришел новый тип землян, у которых и в помине не было честолюбия предков. Колонии поглотили людей, у которых было стремление к перемене мест. А те, что остались на Земле, положили начало культуре эстетов, мыслителей, музыкантов и математиков. Число людей, занимавшихся физическим трудом, сначала выросло, так как необходимо было поддерживать механику цивилизации. Однако с изобретением способных передвигаться роботов надобность в них отпала.

Можно было заранее предсказать ход истории в четвертом тысячелетии. Эвинг уже прикинул его на основании ставших доступными ему данных и почти не удивился, когда прочел подтверждение своим умозаключениям. Наступила эпоха падения численности населения. Обслуживаемая роботами земная культура стала замкнутой, ни от кого не зависящей системой.

Вместе со стабильностью наступила изоляция. Активные и энергичные жители планет-колоний были уже больше не нужны родной планете, да и она была им не нужна! Контакты между ними прекратились.

«В 3800 году, — гласил текст, — из всех земных колоний только Сириус-4 еще поддерживал регулярные связи с планетой-прародиной. Представители же других колоний стали на Земле такой редкостью, что казалось, будто их вообще не существует».

Только Сатурн-4, нет, Сириус-4! «Странно, — подумал Эвинг, — что из всех колоний только суровые обитатели Сириуса-4 стремились к матери-Земле. Между Ролланом и Сколаром не было ничего общего».

И чем больше читал Эвинг, тем меньше оставалось у него надежды на то, что он сможет добиться здесь хоть какой-то помощи Корвину. Ему казалось, что Земля стала планетой изнеженных комментаторов древних авторов. Сможет ли он найти здесь нечто такое, что могло бы послужить делу борьбы с надвигающимися клодами?

Скорее всего, что НЕТ! Эвинг не был намерен прекращать свои поиски в самом начале.

Он продолжал читать всю оставшуюся часть дня, пока не проголодался. Поднявшись, он выключил просмотровый аппарат, пересмотрел рулоны с микрофильмами и опять уложил их в коробку. У него устали глаза. Физическая усталость, от которой его освободил Майрак, снова завладела его телом.

На шестьдесят третьем этаже отеля находился ресторан, как это следовало из надписи на табличке, укрепленной на внутренней стороне двери номера. Он принял душ и переоделся к ужину в костюм-двойку с кружевами и бантами. Затем, проверив патронник своего бластера, он перезарядил его и пристегнул оружие к поясу. Подняв телефонную трубку и услышав голос робота, он сказал:

— Я хотел бы пообедать. Не могли бы вы об этом уведомить персонал ресторана и заказать для меня столик на одного?

— Разумеется, мистер Эвинг.

Он положил трубку и еще раз взглянул на себя в зеркало, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Нащупав в кармане бумажник, туго набитый земными бумажными деньгами, он удовлетворенно усмехнулся. Денег было достаточно для всего срока пребывания на этой планете.

Он открыл дверь. Сразу же за ней он обнаружил пластмассовый ящичек, в который опускались письма, и, к своему удивлению, обнаружил на нем красный сигнал, сообщавший, что внутри что-то имеется для него.

Прижав большой палец к идентификационной пластинке, он приподнял крышку ящика и вытащил листок белой бумаги. На ней заглавными буквами было написано:

«Колонист Эвинг! Если вы не хотите погубить свое здоровье, то держитесь подальше от Майрака и его друзей!»

Подписи не было. Эвинг спокойно улыбнулся: уже начались интриги. Он ожидал этого. Прибытие чужеземца-колониста на Землю было довольно редким событием. И факт этот становился все более известным в разных кругах.

— Откройся, — коротко приказал он двери.

Дверь отодвинулась в сторону. Он возвратился в свой номер и поднял трубку телефона. Раздался голос дежурного робота:

— Чем можем служить, мистер Эвинг?

— Похоже на то, — сказал корвинит, — что в моем номере установлено подслушивающее устройство. Пришлите кого-нибудь осмотреть номер.

— Я вас заверяю, сэр, что ничего подобного не может...

— А я уверен, что в моем номере установлена скрытая камера или микрофон. Либо проверьте и устраните шпиона, либо я перееду в другой отель.

— Хорошо, мистер Эвинг. Мы немедленно обследуем ваш номер.

— Так вот! Я сейчас ухожу в ресторан. Если что-нибудь найдете, свяжитесь со мной.

Глава 4

Обеденный зал гостиницы был обставлен очень пышно, с кричащей безвкусицей. Под сводчатым потолком беспорядочно кружились сверкающие шары, отбрасывающие во всех направлениях слепящие блики. Столики на периферии зала стояли выше, чем в центре, где медленно вращался панхроматикон, освещая лица обедающих всеми цветами радуги.

У дверей стоял отполированный до блеска робот.

— Я заказывал столик, — сказал Эвинг. — Мое имя Бэрд Эвинг. Номер 4113.

— Да, сэр. Пройдите сюда, пожалуйста.

Эвинг последовал за роботом по главному проходу, затем поднялся на верхний ярус огромного зала, где было несколько свободных столиков. Робот остановился у одного из них, но потом, видно передумав, опять двинулся по проходу и остановился у столика, где уже сидела какая-то девушка. По ее загорелому с крупными чертами лицу Эвинг решил, что она, очевидно, с Сириуса.

Робот установил кресло напротив незнакомки и сделал приглашающий жест. Эвинг покачал головой.

— Произошла какая-то ошибка. Я не знаком с этой леди. И к тому же я заказал столик на одного.

— Мы просим извинения, сэр. В этот час невозможно получить столик на одного. Мы спросили разрешения у лица, заказавшего этот столик, и оно не возражает разделить его с вами, если вы сами соблаговолите согласиться на это.

Эвинг нахмурился и посмотрел на девушку. Она спокойно встретила его взгляд и улыбнулась. Казалось, она приглашала его присоединиться к ней.

Он пожал плечами.

— Хорошо. Я пообедаю за этим столом.

— Вот и прекрасно, сэр.

Эвинг плюхнулся в кресло и разрешил роботу пододвинуть себя к столику. Затем он внимательно посмотрел на девушку. У нее были ярко-рыжие волосы, подстриженные таким образом, что на Корвине посчиталось бы мужской стрижкой. Она была одета в пошитый на заказ костюм из какого-то пурпурного материала, ярко блестевшего на плечах и груди.

Ее широкое скуластое лицо с угольно-черными глазами, казалось, было высечено из цельного куска камня.

— Я прошу прощения за то, что причинил вам неудобство, — произнес Эвинг. — У меня и в мыслях не было, что меня посадят за ваш столик... вообще, за чей бы то ни было занятый столик.

— Я сама попросила об этом, — просто сказала девушка. У нее был звонкий, отчетливый голос. — Меня зовут Бира Корк. Вы корвинит. У нас с вами много общего: мы оба родились в земных колониях.

Эвингу понравилось такое непринужденное начало беседы, хотя соплеменник девушки был ему неприятен.

— А вы с Сириуса, не так ли?

— Да... А как вы узнали об этом?

— Догадался! — рассмеялся Эвинг и сосредоточил свое внимание на полке со спиртными напитками, висевшей над столом.

— Выпьете? — спросил он у девушки.

— Нет, — покачала она головой. — Я уже выпила. Разве только совсем немного. Я бы попробовала что-нибудь экзотическое.

Эвинг бросил в щель автомата монету и нажал на кнопку «коктейль-хук». В стене возникло отверстие, в котором на небольшом подносе стоял бокал. Корвинит взял его и пригубил. На вкус напиток был сладким, с небольшой кислинкой.

— Отлично. Вам тоже?

Бира Корк кивнула.

Когда они выпили по бокалу, Эвинг задал вопрос:

— Вы сказали, что сами попросили, чтобы меня провели к вашему столику. Откуда вам известно мое имя?

— Далеко не каждый день на Землю прибывает инопланетянин, — сказала она. — А я очень любопытна.

— Кажется, я вызываю любопытство у многих, — покачал головой Эвинг.

Над его плечами нависла фигура официанта-робота. Эвинг сказал:

— У меня нет ни малейшего понятия о здешней кухне. Мисс Корк, вы не могли бы порекомендовать мне, что заказать на обед?

Она кивнула.

— Принесите то же, что заказала я: оленину, картофель со сливками, зеленый горошек, — сказала она роботу.

— Заказ принят, — отозвался робот.

Когда он отошел, Эвинг спросил:

— Это самое вкусное из того, что здесь подают?

— Наверное. Во всяком случае, это самые дорогие блюда.

— Вы не щадите мой бумажник, — усмехнулся Эвинг.

— Вы сами передали мне бразды правления. А деньги у вас есть. Утром я видела, как вы меняли целую большую пачку.

— Значит, вы меня уже видели раньше? — В голове у него мелькнула одна мысль.

— А не вы ли послали мне днем записку?

— Записку? — На ее широком лице отразилось замешательство. — Нет, я не посылала вам никаких записок. А что?

— Я получил записку, — пояснил Эвинг. — И сейчас мне просто интересно, кто бы мог быть ее автором.

Он задумчиво стал потягивать свой коктейль. Через несколько минут появился робот с заказанными для него блюдами. Мясо издавало острый пряный аромат — очевидно, оно не было синтетическим. Этим и объяснялась его высокая стоимость.

Некоторое время они ели молча. Когда Эвинг справился с большей частью содержимого своей тарелки, он решил возобновить беседу:

— Чем вы занимаетесь на Земле, мисс Корк?

Она улыбнулась.

— Работаю в консульстве Сириуса, охраняю интересы своих соплеменников, которым случается посетить Землю. Очень скучное занятие, можете мне поверить.

— Кажется, на Земле не так уж мало сирианцев, — небрежно заметил Эвинг. — Земля, должно быть, довольно популярна среди ваших соотечественников — в качестве аттракциона для туристов.

Услышав это замечание Эвинга, она слегка смутилась. Голос ее дрогнул, когда она сказала:

— Да, очень популярна. Сириане любят проводить здесь свой отпуск.

— А сколько сирианцев находится сейчас на Земле, вы не могли бы сказать?

Теперь было ясно видно, что она вся напряглась. Эвинг понял, что затронул деликатную тему.

— А почему это вас интересует, колонист Эвинг?

Он обезоруживающе улыбнулся.

— Просто любопытство, не более того. Без всякой задней мысли, мисс.

Она сделала вид, будто этого вопроса не было вообще. Вокруг них витала мягкая музыка, смешиваясь с ровным гудением застольных бесед. Она молча закончила обед и, приступая к десерту, произнесла:

— Мне кажется, вы не очень высокого мнения о Фирнике.

— О ком?

— О том сирианине, с которым вы встречались утром. Он иногда бывает весьма бесцеремонным. Он мой босс, вице-консул Сириуса в Валлоне.

— Так это он приказал вам пообедать сегодня со мной? — спросил Эвинг в упор.

Глаза девушки блеснули и потухли.

— Вы грубо выражаетесь, колонист! — произнесла она.

— Зато точно.

— В этом вам не откажешь.

Эвинг улыбнулся, извлек из внутреннего кармана пиджака анонимную записку, полученную им ранее, развернул ее и протянул через столик девушке. Она бесстрастно прочла ее и вернула Эвингу.

— Вы имели в виду именно эту писульку, когда спрашивали меня, не посылала ли я вам записок? — спросила она.

Эвинг кивнул.

— Сегодня днем меня навестил Сколар Майрак. Через несколько часов я нашел у себя в ящике эту записку. Возможно, ее послал вице-консул Фирник?

Она посмотрела на него так, будто пыталась прочесть его мысли. Эвинг почувствовал, что между ними происходит нечто похожее на шахматную партию, что он быстро становится центром в паутине осложнений. А пока они молча смотрели друг на друга, к ним неслышно подошел робот и вкрадчиво произнес:

— Мистер Эвинг?

— Да.

— Я принес вам послание от управляющего нашей гостиницей.

— Давайте его сюда.

Робот, однако, передал его на словах:

— В вашем номере на стыке потолка и одной из стен обнаружено подслушивающее устройство. Сейчас оно удалено, и в номере смонтировано защитное устройство, предотвращающее установку любого подобного оборудования в дальнейшем. Управляющий выражает вам самое глубокое сожаление и просит принять в качестве компенсации за причиненные неудобства бесплатное проживание в нашей гостинице в течение недели.

Эвинг улыбнулся.

— Передайте ему, что я принимаю предложение, и скажите, чтобы он был более внимателен в следующий раз, когда будет предоставлять номера клиентам.

Как только робот ушел, Эвинг пристально посмотрел на Биру Корк и сказал:

— Сегодня кто-то подслушивал и подсматривал за мной, когда в номере у меня был гость. Это мог быть Фирник?

— А как вы полагаете?

— Мог! — решительно заявил Эвинг.

— Пусть будет по-вашему, — без тени смущения сказала девушка. Она встала из-за стола и добавила: — Если можно, включите стоимость моего обеда в ваш счет. У меня сейчас трудности с наличными.

Она собралась уходить. Эвинг перехватил взгляд робота и тотчас проговорил:

— Стоимость обоих обедов запишите на мой счет. Эвинг, номер 4103.

Он прошел мимо металлического существа и нагнал девушку у выхода из общего зала. Распахнулась створчатая дверь, они прошли в коридор и оказались в роскошном салоне, стены которого были увешены абстракционистскими картинами. Из замаскированных громкоговорителей звучала громкая музыка.

Девушка, казалось, намеренно не обращала внимания на следующего за ней Эвинга. Быстрыми шагами она пересекла весь салон и остановилась у одной из дверей. Эвинг тронул ее за предплечье, ее бицепсы были удивительно твердыми. Она освободила руку и произнесла:

— Вы, конечно, не намереваетесь следовать за мной сюда, мистер Эвинг?

Он взглянул на надпись на двери.

— Я — грубый, неотесанный, примитивный житель колонии, — сказал он уныло. — Если для достижения моей цели мне придется ходить за вами по пятам, то я пойду за вами даже сюда. А вы вполне можете задержаться здесь и ответить мне на мой вопрос, а не пытаться от меня скрыться.

— А почему я должна вам отвечать?

— Потому что я спрашиваю: шпионили за мной сегодня днем вы или Фирник?

— Откуда мне знать, чем занимается Фирник на досуге.

Эвинг сдавил ее руку и в то же самое время стал беззвучно произносить стихи, предназначенные для поддержания своего метаболизма на нормальном уровне во время стрессовой ситуации. У него зачастил пульс, и он методично заставил его вернуться в общий ритм.

— Вы делаете мне больно, — произнесла она хриплым шепотом.

— Я хочу знать, кто установил в моем номере подслушивающее устройство и почему я получил предупреждение не связываться с Майраком?

Она резко изогнулась и освободилась от хватки Эвинга. Лицо ее горело, дыхание стало частым и прерывистым. Она произнесла низким голосом:

— Позвольте мне дать вам один бесплатный совет, мистер Эвинг. Собирайте-ка свои вещи и возвращайтесь домой. На Земле вы не оберетесь хлопот.

— Каких именно? — резко спросил Эвинг.

— Больше я ничего не скажу. Послушайтесь меня и держитесь от этой планеты подальше. Улетайте завтра, а еще лучше, сегодня!

Она быстро огляделась, затем повернулась и побежала по коридору. Эвинг думал было последовать за ней, но не без внутренней борьбы решил отказаться от этого намерения. Она

казалась по-настоящему испуганной, как будто ей угрожала опасность.

Он постоял немного, чтобы успокоиться и оценить сложившееся положение.

Кто-то прослушивал его номер. У него в гостях был землянин. И девушка с Сириуса подстроила так, чтобы он пообедал вместе с ней. Одна несообразность громоздилась на другую. Все это озадачивало его, и он безуспешно пытался найти случившемуся какое-то рациональное объяснение. Он находился на Земле менее пятнадцати часов. Приходилось считать, что события развиваются слишком уж быстро.

У него был хорошо тренированный мозг аналитика. В той же степени он был одаренным экстраполятором. Капли пота выступили у него на лбу, пока он старался найти взаимосвязь между запутанными событиями этого дня.

Прошло несколько минут. Мимо него проплывали разодетые в умопомрачительные одежды земляне, они шли парами, иногда по трое, тихо обсуждая между собой выставленные картины. Эвинг мучительно плюсовал факты в своем мозгу. Наконец, стала вырисовываться определенная картина, основанная на догадках, и тем не менее это было полезное руководство для будущих его действий.

Присутствие здесь, на Земле, сирианцев не предвещало ничего хорошего. Возможно, они намеревались превратить планету-прародину в свою вотчину. Допустив это, легко можно было бы предугадать, что неожиданное прибытие сюда колонистов из глубин космоса могло стать потенциальной угрозой в осуществлении их планов.

На горизонте вырисовывались новые тени. Вероятно, Фирник подозревал его в том, что он намерен составить заговор с учеными, направленный против Сириуса. Несомненно, за приглашением Майрака стояло именно такое намерение. В таком случае...

— Мистер Эвинг? — раздался внезапно спокойный голос.

Он обернулся. За ним стоял робот ростом с человека, без рук и с лицом из пластика.

— Да. Меня зовут Эвинг. Что такое?

— Я говорю с вами от имени генерал-губернатора Медлиса, главы правительства Земли. Генерал-губернатор Медлис просит, чтобы вы посетили столицу и по возможности быстрее.

— Но как я туда доберусь?

— Если вы желаете, я провожу вас туда, — промурлыкал робот.

— Да, желаю, — сказал Эвинг. — Проводите меня туда прямо сейчас.

Глава 5

Снаружи гостиницы их поджидал ракетомобиль. Обтекаемый, сияющий лаком, он тем не менее показался Эвингу старомодным.

Робот открыл заднюю дверцу, и Эвинг забрался вовнутрь машины.

К его удивлению, робот не присоединился к нему. Он закрыл дверь и исчез в сгущавшихся сумерках. Эвингу это не понравилось. Он покрутил ручку дверцы и обнаружил, что заперт.

Раздался бесстрастный голос робота:

— Куда ехать, говорите, пожалуйста.

Эвинг заколебался.

— Э... отвезите меня к генерал-губернатору Медлису.

Ответом было урчание турбогенератора автомобиля. Машина слегка колыхнулась и двинулась плавно, будто скользя по хорошо смазанной рельсовой дорожке.

Эвинг не ощущал движения, однако космопорт и башня гостиницы становились позади него все меньше и меньше. Вскоре ракетомобиль выехал на широкое двенадцатирядное супершоссе, расположенное на уровне тридцати метров над землей.

Эвинг нервно вглядывался в панораму за окном.

— Где размещается резиденция генерал-губернатора? — спросил он, обращаясь к передней приборной панели. В машине даже не было сиденья для водителя, отметил он, как и органов ручного управления. Она действовала всецело автоматически.

— Резиденция генерал-губернатора Медлиса находится в столице, Кэпитал-сити, — последовал точный, размеренный ответ. — Она расположена в трехстах километрах к северу от Валлон-сити. Мы прибудем туда через сорок одну минуту.

Ракетомобиль двигался точно по графику. Ровно через сорок одну минуту он свернул с супершоссе на дорогу поуже, которая постепенно шла под уклон. Впереди Эвинг увидел огромный город, состоявший из огромных зданий, расположенных на значительном расстоянии друг от друга и выстроившихся по кругу, в центре которого стоял огромный серебристый дворец.

Через несколько минут машина разом остановилась, отчего Эвинг резко подался вперед.

Раздался голос робота.

— Это дворец генерал-губернатора. Дверь слева от вас открыта. Пожалуйста, выйдите из машины и вы будете приняты адъютантом генерала.

Эвинг толкнул дверцу и вышел наружу. Ночной воздух был прохладен и свеж. Дворец был мягко освещен снизу. Это аккумуляторная батарея, расположенная под мостовой, отдавала световую энергию, накопленную за день под лучами солнца.

— Пройдите, пожалуйста, сюда, — раздался голос еще одного робота.

Его быстро провели через вращающуюся дверь и протолкнули в лифт, тотчас рванувшийся вверх. Через несколько секунд кабина открылась, и Эвинг очутился в большой, весьма скромно обставленной комнате.

В центре ее стоял невысокий человек. У него были седые волосы, однако на лице не было морщин, а на теле не было видно следов каких-либо хирургических операций, столь обычных сейчас среди землян. Он вежливо улыбнулся.

— Я генерал-губернатор Медлис, — представился он. Голос у него был звучный и раскатистый, вполне подходящий для выступлений перед публикой. — Входите, пожалуйста.

Эвинг поблагодарил и вошел в кабинет. Двери тотчас же закрылись за ним.

Медлис сделал несколько шагов вперед — он едва достигал середины груди Эвинга — и протянул бокал. Эвинг взял его. В нем была искрящаяся пурпурная жидкость, слегка насыщенная углекислотой. Он удобно устроился в кресле, которое пододвинул для него Медлис, и посмотрел на генерал-губернатора, который продолжал стоять.

— Вы послали за мной, не желая терять времени, — заметил Эвинг.

— Я узнал о вашем прибытии сегодня утром. Не очень часто на Землю прибывают посланники планет-колоний. По правде говоря, — тут он вздохнул, — вы первый за триста с лишком лет. Вы вызвали определенное любопытство, что вы уже, наверное, успели ощутить на себе.

— Да, я это заметил, — Эвинг сделал несколько глотков, наслаждаясь разливающимся по всему телу теплом. — Я намеревался связаться с вами завтра утром. Но вы избавили меня от этих хлопот.

— Любопытство не давало мне покоя, — улыбаясь, признался Медлис. — В смысле официальных обязанностей мне, понимаете ли, практически нечего делать.

— Мне хотелось бы в самом начале своего визита заявить вам, что я прибыл на Землю с просьбой о помощи — от имени своей родной планеты. Свободной планеты Корвин, — начал Эвинг.

— Помощи? — На лице генерал-губернатора появилась тревога.

— Над нами нависла угроза нашествия противника внегалактического происхождения, — сказал Эвинг. Он вкратце обрисовал опустошения, чинимые клодами, и добавил: — Мы отправили на Землю несколько посланий для того, чтобы сообщить вам о сложившейся ситуации. Мы полагаем, что эти послания затерялись где-то в пути. Поэтому я и прибыл сюда лично просить помощи у Земли.

Прежде чем ответить, Медлис стал расхаживать по кабинету подпрыгивающей нетерпеливой походкой, напоминающей птичью. Затем он внезапно развернулся и успокоительным тоном произнес:

— Послания вовсе не затерялись, мистер Эвинг.

— То есть?

— Они были своевременно приняты и направлены в мой кабинет. И я их читал!..

— Но вы не ответили нам! — сурово прервал его Эвинг. — Вы умышленно проигнорировали их! Почему?

Спокойным, сдержанным тоном Медлис ответил:

— Потому что нет никакой возможности помочь вам или кому-нибудь другому, мистер Эвинг. Вы можете этому поверить?

— Я ничего не понимаю, — пожал плечами корвинит.

— У нас нет ни вооружения, ни армии, ни умения, ни желания сражаться. У нас нет космических кораблей.

Эвинг широко раскрыл глаза. Он не поверил своим ушам, когда сирианин Фирник сказал ему, что Земля беззащитна. Но услышать подобное из уст самого генерал-губернатора Земли?

— И все же, хоть какую-нибудь помощь Земля может нам предоставить! Нас на Корвине всего восемнадцать миллионов, — сказал Эвинг, заставив себя успокоиться. — Мы, конечно, имеем силы обороны, но они очень малочисленны. И наш запас ядерного оружия невелик.

— А у нас его нет вообще, — перебил его Медлис. — Имеющиеся у нас расщепляющиеся материалы могут быть использованы только в ядерных котлах электростанций общего пользования.

Эвинг посмотрел на кончики своих пальцев. Его бросило в дрожь при мысли о том, что он провел целый год жизни во сне, в тисках мороза для того, чтобы пересечь пятьдесят световых лет пространства. И все впустую.

Медлис понимающе улыбнулся.

— Есть еще один дополнительный аспект вашей просьбы о помощи. Вы говорите, что клоды нападут на вашу планету не раньше, чем через десять лет, а на нашу — не ранее, чем через столетие?

Эвинг утвердительно кивнул.

— В таком случае, — произнес Медлис, — проблема приобретает чисто академический характер. Гораздо раньше, чем истекут эти десять лет, Земля, так или иначе, окажется под властью Сириуса. И мы окажемся в положении, в котором никому не сможем помочь.

Эвинг взглянул на грустное лицо генерал-губернатора. Глубокие глаза Медлиса о многом сказали ему. Медлис четко сознавал, что ему выпало быть правителем Земли в эпоху глубокого упадка ее влияния.

— И насколько вы уверены в своем предположении? — спросил колонист.

— Настолько, насколько уверен в том, что меня зовут Медлис... — ответил правитель Земли. — Сириане уже давно проникли на Землю. Их сейчас на нашей планете больше миллиона. В любой день я могу ждать уведомления о том, что я уже больше не являюсь главой земного правительства.

— И вы ничего не можете сделать, чтобы помешать им?

Медлис покачал головой.

— Мы абсолютно бессильны. То, что нас ждет, неизбежно. Поэтому нас мало беспокоят клоды, дружище корвинит. Я буду уже давным-давно мертв, когда они появятся здесь и разделаются с сирианцами.

— И для вас безразлична судьба планет-колоний? — яростно вскрикнул Эвинг. — Вы будете сидеть сложа руки и позволите пришельцам уничтожить вас? Среди планет-колоний слово «Земля» еще кое-что значит. Если вы провозгласите всеобщее военное положение, все колонии вышлют силы, для того чтобы защитить вас. Пока же разобщенные планеты и не помышляют об общем благополучии. Их беспокоят только собственные проблемы. Они не понимают, что если мы объединимся против клодов, то будем в состоянии их легко уничтожить. Поодиночке же они будут уничтожены одна за другой. Объявление войны, провозглашенное Землей...

— ... будет совершенно бессмысленным и пустым делом, — закончил за него Медлис. — Поверьте мне, мистер Эвинг! Вас постигла несчастная судьба. Официально я вам сочувствую. Но я лишь старик, которого скоро скинут с трона, я не могу вам помочь.

Эвинг ощутил, как каменеют его челюсти. Поняв, что ему в общем-то сказать нечего, он поднялся.

— Я полагаю, что наша беседа подошла к концу. Прошу извинения за то, что отнял у вас столько времени, генерал-губернатор Медлис. Если бы я знал, каково истинное положение дел на Земле, я, скорее всего, не совершил бы этого путешествия.

— Я надеялся... — начал было Медлис. Однако он осекся и покачал головой. — Нет, было бы глупо...

— Сэр?

Старик вяло улыбнулся.

— У меня возникла одна нелепая мысль, когда я узнал о приземлении в Валлоне посла с планеты Корвин. Теперь я понимаю, насколько бредовой была эта идея.

— Можно спросить...

Медлис пожал плечами.

— Я подумал, что вы, возможно, прибыли, чтобы помочь Земле отстоять свою независимость, что вы предлагаете помощь в борьбе

против Сириуса. Но, оказывается, вы сами нуждаетесь в помощи. С моей стороны было глупо ожидать, что среди планет найдутся защитники матери-Земли.

— Я очень сожалею, сэр, — тихо вымолвил Эвинг.

— О чем? О том, что вы не в состоянии оказать нам помощь? Но вам нет необходимости извиняться. — Медлис покачал головой. — Слишком долго над нами было безоблачное небо. Теперь же тени начинают падать на наши планеты. Пришельцы из Туманности Андромеды подкрадываются к нам, и дети Земли поворачиваются к своей Матери.

Он помолчал некоторое время, потом произнес:

— Я, наверное, надоел вам своей болтовней, мистер Эвинг. Вам сейчас лучше всего возвратиться назад. Я имею в виду — покинуть нашу планету. Отправляйтесь-ка лучше защищать свою родную планету от нашествия врагов. От нас вам не приходится ждать помощи.

Он нажал на кнопку в стене. Появился робот-слуга, бесшумно проскользнул сквозь открывающуюся дверь. Генерал-губернатор повернулся к нему:

— Проводите мистера Эвинга назад к ракетомобилю и проследите за тем, чтобы его с максимальным комфортом доставили в гостиницу в Валлоне.

Эвинг ощутил прилив жалости к старику, чья беда заключалась в том, что он представлял верховную власть на Земле в столь мрачные времена. Он сжал кулаки и ничего не сказал. Корвин казался сейчас ему бесконечно далеким. Его жена, его сын, жившие лицом к лицу с угрозой со стороны пришельцев, едва ли имели такое значение в сравнении с Землей и ее судьбой, гораздо менее страшной, но зато более мучительной.

Ни слова не говоря, он покинул старика и последовал за роботом к ожидавшей его машине.

По дороге в гостиницу он составил в уме текст послания, которое он на следующее утро должен будет отправить на Корвин. Завтра днем он навсегда покинет Землю, отправляясь в обратное путешествие длиной в год, унося с собой подтверждение того, что помощи против надвигающихся орд клодов не будет.

Глава 6

Было уже за полночь, когда Эвинг вышел из лифта на сорок первом этаже Гранд-отеля в городе Валлоне. Пройдя к двери своего номера, он проверил почтовый ящик. Пусто. Хотя он на пятьдесят процентов был уверен, что в нем окажется еще одна угрожающая записка.

Он прижал большой палец к идентификационной панели двери и тихо, чтобы не разбудить соседей, произнес:

— Откройся.

Дверь бесшумно скользнула в сторону. К его удивлению, свет в комнате был включен.

— Привет! — крикнула ему Бира Корк.

Эвинг замер в дверях, в замешательстве глядя на широкоплечую девушку с Сириуса. Она сидела в непринужденной позе в кресле у окна. На ночном столике стояла бутылка и два бокала, один из которых был наполовину наполнен янтарной жидкостью. Казалось, она чувствовала себя здесь совершенно свободно.

Он вошел внутрь и тихо прикрыл за собой дверь.

— Каким образом вы оказались здесь? — спросил он.

— Я выпросила запасной ключ от вашего номера у администратора. Он был со мной очень любезен.

— Даже так! — Эвинг рассердился. — Похоже, что я ничего не понимаю в порядках, которые заведены в гостиницах на Земле. По своей наивности я полагал, что номер принадлежит тому, кто за него своевременно платит, и что посторонним лицам не разрешается проникать в номер в отсутствие хозяина.

— Не обращайте на это внимания! Мне нужно переговорить с вами о более важных делах, которые имеют очень большое значение для консульства Сириуса на Земле, представителем которого я являюсь.

Только теперь Эвинг сообразил, что все еще стоит возле двери. Сев в кресло напротив девушки, он иронически спросил:

— Весьма позднее время для исполнения обязанностей, связанных с деятельностью консульства. Вы этого не находите?

Девушка улыбнулась.

— Есть вещи, которые делать никогда не поздно. Хотите выпить?

Он не обратил никакого внимания на бокал, который она ему протянула. Он хотел, чтобы она побыстрее убралась из его номера.

— Как вы пробрались сюда? — повторил он свой вопрос.

Она сделала жест в сторону таблички, установленной рядом с дверью, на которой были напечатаны правила пользования гостиницей.

— Все достаточно ясно изложено вот на этом листочке. Я процитирую вам кое-что из этих правил, если вы сами еще не удосужились с ними ознакомиться.

Так вот:

«Администрация гостиницы оставляет за собой право войти в любое время в любой номер и произвести проверку».

Вот я и провожу такую проверку.

— Но ведь вы же не администрация?

— Я здесь нахожусь по поручению администрации, — она улыбнулась, порылась в сумочке и протянула ошеломленному Эвингу глянцевую карточку.

На карточке было напечатано:

«Роллан Фирник.

Управляющий Гранд-отелем.

г. Валлон».

— Что это значит? — недоуменно спросил Эвинг.

— Это значит, что роботы-администраторы непосредственно подчиняются Фирнику. Дельцы с Сириуса приобрели эту гостиницу восемь лет назад и направили Фирника в качестве своего представителя на Землю. Он, в свою очередь, поручил мне посетить ваш номер сегодня вечером. Так что все в рамках закона. А теперь, Эвинг, сядьте и давайте поговорим. Но сначала вы должны успокоиться.

Эвинг даже не заметил, что он вскочил на ноги и возбужденно мерил шагами свой номер. Слова девушки его немного отрезвили. Он снял пиджак и сел на край кровати напротив нее.

— У нас уже состоялся один разговор с вами сегодня, не так ли? В высшей степени неубедительный и обрывочный, закончившийся, как только...

— Забудьте об этом! — резко оборвала его сирианка.

Неожиданная бледность на ее лице подтвердила одно из его предположений — за ними следят. Он едва не проговорился о чем-то таком, что она не хотела бы, чтобы узнали те, кто ее послал.

— У меня... у меня сейчас другие инструкции, — нерешительно начала девушка. — Может быть, вы все-таки выпьете?

Он покачал головой.

— Спасибо, я уже выполнил сегодняшнюю норму. К тому же я очень устал. Но раз вы уже здесь, говорите все, что хотели сказать.

— Сегодня вечером вы посетили генерал-губернатора Медлиса, не так ли? — спросила она резким тоном.

— Я?

— Зачем вы делаете из этого секрет? Вас видели сегодня, когда вы уезжали и возвращались обратно в правительственной машине. Не тратьте времени на отрицание очевидного факта: сегодня вы были приняты главой правительства Земли!

Эвинг пожал плечами.

— Даже если предположить, что так оно и было, какое вам до всего этого дело?

— Я буду с вами предельно честной, мистер Эвинг. Ваше присутствие на Земле вызывает у нас беспокойство. Я имею в виду представителей правительства Сириуса, чьи интересы мы здесь

представляем. Мы не хотим, чтобы нашим капиталовложениям что-либо угрожало.

— Вряд ли подобным объяснением вы смогли что-либо прояснить для меня, — сердито произнес корвинит, стараясь скрыть охватившее его любопытство.

— Если говорить кратко, то нас интересует, имеете ли вы, как представитель Корвина или, возможно, лиги бывших колоний, какие-либо намерения относительно Земли в целом либо определенных ее территорий, — отчеканила девушка. — Сейчас я абсолютно с вами откровенна. Пожалуй, даже слишком. Мы, обитатели Сириуса, никудышние дипломаты. Прямота — одна из национальных черт нашего характера.

— Корвинитам тоже свойственна эта черта, — кивнул Эвинг. — Возможно, это общая черта уроженцев колоний. И я отвечу вам столь же прямо — нет никакой лиги планет-колоний и у нас нет никаких намерений завладеть чем-либо на Земле.

— Тогда почему же вы здесь?

Он не на шутку рассердился.

— Я все это объяснил вашему другу Фирнику еще утром, через несколько минут после того, как очутился в здании вокзала космопорта. Я рассказал ему, что Корвину угрожает опасность от нашествия пришельцев из другой галактики и что я вынужден был прибыть на эту планету, чтобы просить помощи.

— Да. Вы именно это рассказали ему. Однако неужели вы думаете, что он поверит этому вашему рассказу?

В отчаянии Эвинг застонал.

— А почему он не должен мне поверить, черт возьми! Ведь это же чистейшая правда!

— То, что разумный человек способен преодолеть расстояние в пятьдесят световых лет только ради того, чтобы просить военную помощь у самой слабой и самой беспомощной планеты во всей Вселенной? Вам нужно было придумать какую-нибудь другую ложь, получше этой, — насмешливо сказала она.

Он пристально посмотрел на нее.

— Наша планета сильно изолирована, — произнес он спокойно, но убедительно. — Нам ничего не известно о нынешнем состоянии Земли. Мы считали, что Земля сможет нам помочь. Теперь я, правда, понимаю, что все это было глупо, и завтра я намерен отправиться домой, преисполненный печали, но поумневший. А пока что я очень устал и хочу спать. Будьте добры, уходите.

Неожиданно для Эвинга Бира встала и уселась на кровать рядом с ним.

— Хорошо, — произнесла она громко и вместе с тем нежно. — Я скажу Фирнику, что вы здесь именно по той причине, которую вы мне только что изложили.

Ее слова должны были смутить его, но он ждал этого. Это был отвлекающий маневр с целью усыпить его бдительность. Сирианцы были не слишком щепетильны в выборе средств для достижения своих целей.

— Спасибо, — сказал он с усмешкой. — Я тронут вашим доверием.

Она пододвинулась к нему поближе.

— Почему вы не хотите выпить вместе со мной? Ведь работа в консульстве Сириуса, поймите это, не заполняет всю мою жизнь. Вам трудно поверить этому, но вне работы я совершенно другой человек, имеющий право на личную жизнь.

Он ощутил тепло ее тела. Она протянула руку, наполнила бокал и вложила его в неподатливые пальцы Эвинга. Интересно, подумал корвинит, видит ли все это Фирник на экране своей шпионской аппаратуры?

Ее руки ласкали его плечи, гладили грудь. Эвинг смотрел на нее с жалостью. Глаза девушки были закрыты, влажные губы открыты для поцелуя. Ее дыхание стало прерывистым. Может быть, она искусно притворяется, подумал он. Как бы то ни было, его не влекло к ней.

Он резко отодвинулся от нее так, что сирианка едва удержала равновесие. Глаза ее широко раскрылись, неприкрытая ненависть блеснула в них. Однако она быстро овладела собой и приняла позу оскорбленной невинности.

— Зачем вы так? Я вам не нравлюсь?

Эвинг простодушно улыбнулся.

— Вы мне кажетесь очень забавной. Но мне не по нраву заниматься любовью прямо перед объективом скрытой камеры.

Глаза ее сузились, она сердито скривила губы, а затем рассмеялась.

— Вы посчитали, что я разыгрываю спектакль? Что я все это делаю во славу своей великой планеты?

— Да, — подтвердил он.

Она залепила ему пощечину. Это можно было предсказать. Он ожидал именно такой реакции с того самого момента, когда слово «да» слетело с его губ. Удар был поразительно силен для пощечины. Ему даже показалось, что, может быть, неверно истолковал ее поведение. Однако ему сейчас было все равно.

— Теперь-то вы уйдете? — спросил он.

— Мне и остается только уйти, — с горечью прошептала она и, покраснев, добавила: — Если вы типичный представитель мужчин Корвина, то я рада, что корвиниты объявляются здесь не чаще одного раза в полтысячелетия. Механический робот!

— Вы все сказали?

Она взяла легкую накидку, брошенную на спинку кресла, и накинула ее себе на плечи. Эвинг не пошевелился, чтобы помочь ей. Он спокойно ждал, скрестив руки на груди.

— Вы чудовище! — полупрезрительно, полусерьезно произнесла она. Затем глаза ее снова вспыхнули. — И все же вы выпьете со мной прежде, чем я уйду от вас?

«Ты столь же хитра, сколь неуклюжа», — подумал Эвинг. Она столько раз предлагала ему выпить за последние полчаса, что он был бы последним дураком, если бы не заподозрил, что напиток отравлен. Ну так он будет не менее хитрым!

— Хорошо, — согласился Эвинг. — Попробую.

Взяв бокал, который она наполнила для него, и передав ей другой, он посмотрел на нее с вызовом.

— Так чего же вы ждете? — спросила она.

— Жду, когда вы выпьете первой.

— Вы все еще полны подозрений? — она отпила из своего бокала, взяла бокал у него и отпила из него примерно столько же.

— Вот! — сказала она, переводя дух. — Я, как видите, еще жива. Ни в одном из бокалов нет яда. Поверили теперь?

Он улыбнулся.

— Только на этот раз.

Продолжая улыбаться, он поднял бокал. Напиток был крепкий и согревающий. Еще через мгновение его ноги подкосились. С большим трудом он заставил себя удержать равновесие. Комната закружилась перед его глазами. Он увидел торжествующее, ухмыляющееся лицо девушки, упал на колени и оперся на ковер руками.

— Все-таки наркотик... — прошептал он.

— Конечно. Это вещество совершенно не воздействует на метаболизм уроженцев Сириуса. Раньше мы не знали, действует ли оно на корвинитов. Теперь знаем.

Он изо всех сил вцепился пальцами в ковер. Комната бешено крутилась перед ним. Ощущая неимоверную слабость во всем теле, он испытывал горькое чувство стыда за себя, за то, что дал себя провести и выпил наркотик. Он изо всех сил боролся с беспамятством. Подняться с пола он уже не мог.

Все еще находясь в сознании, он услышал, как открылась входная дверь номера. У него уже не было сил поднять глаза, но он услышал голос Биры:

— Вы следили все это время?

— Конечно! — голос принадлежал Фирнику. — Вы считаете, что он все еще продолжает скрывать истинные цели своей миссии?

— Уверена в этом, — в голосе Биры сквозила злобная интонация. — Но прежде чем он заговорит, его нужно будет хорошенько помучить.

— Уж об этом мы позаботимся, — рассмеялся Фирник и отдал какое-то отрывистое распоряжение на непонятном Эвингу языке. Корвинит хотел было закричать о помощи, но только невнятный стон слетел с его губ.

— Он все еще борется с наркотиком! — услышал он голос Биры. — Но с минуты на минуту он должен отключиться.

Волны боли периодически пронизывали тело Эвинга. Сильные руки подхватили его, и он провалился во тьму.

Глава 7

Когда он пришел в сознание, его руки были плотно прижаты к бокам, ноги крепко связаны. От ужасного холода отупел мозг, занемели все члены.

Он не делал попыток пошевелиться и едва был способен мыслить. Он был обречен лежать на спине и ждать. Эвинг был уверен, что находится на корабле, летящим на Корвин.

Но оказалось, что он ошибался. До его сознания дошли звуки голосов откуда-то сверху, и он нерешительно шевельнулся, зная, что на борту корабля не может быть никаких голосов, как не должно быть места для кого-либо, кроме него самого.

Голоса не умолкали — неразборчивый низкий рокот, раздражающий его нервы, не распадающийся на отдельные слова, которые можно было понять. Эвинг беспокойно задвигался. Где он может находиться? Кто может издавать эти приглушенные нечленораздельные звуки?

Он изо всех сил напрягся, стараясь прийти в сознание и открыть глаза. Какая-то пелена затрудняла ему зрение. Он попробовал сесть, ощущая, как все его мышцы протестуют, не давая приподняться. Глаза его открылись, но тотчас же закрылись снова — их ослепил яркий свет. Лишь постепенно они адаптировались к свету.

Во рту было препротивно, язык был покрыт толстым налетом, в глазах покалывало, а в желудке была свинцовая пустота.

— Мы ждали больше двух дней, пока вы проснетесь, Эвинг, — произнес знакомый голос. — Это вещество, которое вам дала Бира, должно быть, сильно действует на корвинитов.

Ему удалось разогнать туман, окутавший его сознание, и осмотреться. Он находился в большой комнате с треугольными зашторенными окнами. Он лежал на чем-то вроде импровизированной койки. Вокруг него расположились четверо: Роллан Фирник, Бира Корк и еще два смуглых сирианина, которых он раньше не встречал.

— Где я? — требовательно спросил он.

— Вы в подвале консульства, — сказал Фирник. — Мы принесли вас сюда ранним утром шестого дня. Сегодня — первый. Все это время вы спали.

— Следовало бы сказать — был одурманен, — хмуро произнес Эвинг. Он сел и свесил ноги с края койки. Тотчас же один из незнакомцев подошел к нему, уперся рукой в грудь, другой захватил его лодыжки и снова водрузил ноги на койку. Эвинг снова начал приподниматься. На этот раз он заработал болезненный удар тыльной стороной кисти, который рассек ему верхнюю губу. Подбородок его окрасился струйкой крови.

Эвинг осторожно вытер кровь с лица и затем все-таки полуприсел.

— Какое право вы имеете держать меня здесь? Я — гражданин Корвина. Полноправный гражданин!

Фирник расхохотался.

— Корвин в пятидесяти световых годах отсюда! Вы в данное время находитесь на планете Земля. И права у вас только те, о которых я вам скажу.

Разъяренный Эвинг попытался подняться на ноги.

— Я требую своего освобождения! Я...

— Врежь ему еще! — засмеялся Фирник.

Похожий на бочонок сирианин снова подошел к Эвингу и ударил его по лицу — в то же самое место. Эвинг почувствовал, что рана на губе увеличилась, к тому же стала сочиться кровь из десен. Больше он уже не делал попыток встать.

— Что ж, — кивнул головой Фирник, — раз вы уже поняли, что лучше не причинять нам лишних хлопот, мы можем начать. Как я полагаю, вы знакомы с мисс Корк?

Эвинг кивнул.

— А эти двое джентльменов, — Фирник сделал знак в сторону двух молчаливых сириан, — сержант Драйл и лейтенант Фиркс из полиции города Валлон. Я хотел бы, чтобы вы осознали, что вам не надо вызывать полицию. Поскольку двое самых лучших сотрудников полиции города уже здесь!

— Они из полиции? Разве они не уроженцы Сириуса-4?

— Естественно. — Фирник прищурился. — Лучшие полицейские получаются из сириан. Более половины сотрудников местной полиции мои соотечественники.

Эвинг задумался. Отели, полиция — что еще? Сирианам совсем не нужен кровавый переворот, чтобы утвердить свою власть на Земле официально. Они уже захватили контроль над этой планетой при попустительстве, если не с одобрения, самих землян. Когда наступит час, все, что нужно будет совершить сирианам, — это формально уведомить генерал-губернатора о том, что он освобожден от своих обязанностей и что Земля официально переходит во владение Сириуса.

Корвинит с тревогой оглядел комнату. В углах ее стояли необычные с виду приспособления. Последние достижения в области совершенствования орудий пыток, подумал он и посмотрел на Фирника.

— Чего вы от меня хотите?

Сирианин скрестил на груди свои толстые руки и произнес:

— Информацию! Только информацию! Но вы продолжаете упрямиться, Эвинг.

— Я говорил вам истинную правду все время. Чего вы добиваетесь — чтобы я сказал что-нибудь, что доставило бы вам удовольствие?

— Вы знаете, что правительство Сириуса-4 в самом скором времени возьмет Землю под свое покровительство? — начал Фирник. — Однако вы никак не хотите понять, что сделано это будет ради благополучия нашей общей прародины, ради того, чтобы защитить ее в эпоху упадка от возможных посягательств со стороны других, враждебных ей планет. При этом я вовсе не имею в виду гипотетических захватчиков из других галактик.

— Гипотетических? Но...

— Тихо! Я еще не кончил! Вы представитель Корвина и, возможно, некоторых других удаленных колоний, и вы прибыли на Землю, чтобы проверить дошедший до вас слух, что подобный протекторат вот-вот будет установлен. Планеты, которые вы представляете, пришли к совершенно ошибочному заключению, что в нашем отношении к Земле есть что-то недоброжелательное, какие-то империалистические планы. Вы не в состоянии понять, что у нас есть какие-то альтруистические чувства, на которых основано наше решение освободить Землю от утомительного бремени самоуправления. И поэтому ваша планета послала вас сюда в качестве, так сказать, лазутчика, чтобы определить на месте, какие на самом деле сложились отношения между Землей и Сириусом-4, и принять меры, которые могли бы помочь землянам защитить Землю от наших посягательств. Вы уже встретились с генерал-губернатором Медлисом и договорились посетить Майрака, этого опасного радикала и потенциального революционера. Почему вы так упорно отрицаете это?

— Потому что вы городите полнейшую чепуху! Я не шпион! Я...

Ребро ладони сержанта Драйла с силой опустилось на то место, где шея Эвинга переходила в плечи. У корвинита перехватило дыхание, но он не потерял контроль над собой. Острая боль пронзила ключицу.

— Вы сказали мисс Корк и мне, — продолжал Фирник, — что целью вашего прибытия была просьба о помощи у землян против предполагаемого вторжения нечеловеческих существ из-за пределов

нашей галактики. Это столь нелепая выдумка, что на вас и на всю вашу планету просто жалко смотреть.

— К сожалению, это чистая правда! — упрямо произнес Эвинг.

Фирник усмехнулся.

— Правда! Это нашествие — чушь!!!

— Я видел снимки, сделанные на Варнкольте...

Обрушившийся на него удар едва не лишил его сознания. Он старался изо всех сил держаться, но от боли все плыло у него перед глазами.

— Вы представляете собой смертельную угрозу безопасности союза Земля — Сириус, — высокопарно заявил Фирник. — Мы должны получить от вас правдивую информацию и будем действовать соответственно.

«Вы получили всю правду», — подумал Эвинг. Он не посмел высказать это вслух, ибо это повлекло бы за собой по крайней мере еще один удар.

— Мы располагаем средствами допроса, — продолжал Фирник. — К сожалению, почти все они связаны с нанесением тяжелых телесных повреждений или психических увечий. Нам не хотелось бы причинять вам вред, Эвинг. Нетронутый рассудок был бы для нас гораздо более полезным.

Эвинг устремил пустой взгляд сначала на него, потом на Биру, стоявшую рядом с консулом.

— Что вы хотите, чтобы я вам рассказал? — спросил корвинит.

— Подробности планов вашей планеты. Я хотел бы услышать от вас полную информацию о содержании ваших переговоров с генерал-губернатором Медлисом. Я повторяю — полную информацию! Я хотел бы услышать от вас сведения о возможных военных намерениях других планет-колоний.

— Я уже сказал вам все, что мог, — устало произнес Эвинг. — Если я скажу еще что-нибудь, это будет ложью.

Фирник пожал плечами.

— Мы не торопимся. Подобная манера допроса будет продолжаться, пока мы не добьемся полного взаимопонимания или не поймем, что защитный барьер вашей психики слишком прочен для этой манеры. И тогда, — он сделал жест в сторону механизмов, — придется прибегнуть к другим средствам.

Несмотря на боль, Эвинг слабо улыбнулся опухшими губами. Он подумал о своей жене и о сыне Блейде, о других корвинитах, которые с надеждой ожидают его возвращения и добрых вестей. А вместо триумфального возвращения ему предстоят пытки, увечья, возможно, даже смерть от рук сириан, которые отказываются поверить в правдивость его слов.

Что ж, достаточно скоро им предстоит узнать правду, подумал он горько. После того как обычные методы допроса окажутся бес-

полезными, его подвергнут испытанию на этих устройствах. Они вывернут его наизнанку, проникнут в самые глубины подсознания и тогда... обнаружат, что он им говорил только правду. Одну лишь правду!

Вероятно, после этого и у них вызовет тревогу нашествие клодов. Но ему, Эвингу, будет уже все равно. Корвин будет уничтожен пришельцами-клодами независимо от того, вернется ли он на свою планету или нет, и, пожалуй, уж лучше умереть сейчас, чем увидеть, как умирают жена и сын. Лучше умереть сейчас, чем видеть печальную участь своей планеты!

Он почти с сожалением взглянул на бесстрастное лицо тяжеловеса-сержанта. Потом медленно перевел взгляд на Фирника. На Биру он даже не взглянул, она для него не существовала. Разве женщина могла присутствовать здесь? Настоящая женщина!

Эвинг снова перевел взгляд на сержанта и произнес:

— Валяй, приятель, — голос его звучал очень спокойно. — Начинайте допрос. Вас ждет нечто удивительное.

Глава 8

Минуты, часы, возможно, даже дни проходили как в тумане. Вместе с бумажником и другими личными вещами у Эвинга отобрали и часы. Поэтому он не мог определить, сколько прошло времени. Да и после первых нескольких часов ему было все равно.

Допрос продолжался круглосуточно. Обычно над его головой стоял Фирник и принуждал его сознаться, в то время как Фрешл и Фирск стояли сбоку, время от времени нанося удары. Иногда допрос проводила Бира, и голос ее был настолько бесцветным и металлическим, что можно было подумать, что у нее гортань не человека, а робота.

Он ощущал, как тают его силы, когда ответы его становились неразборчивыми, его обливали холодной водой.

Его мучители тоже проявляли признаки усталости. У Фирника от напряжения покраснели глаза, временами голос его срывался и становился сиплым. Он почти умолял Эвинга перебороть упрямство и выдать сведения.

Однажды, когда Эвинг в миллионный раз шептал: «Я с самого начала рассказываю вам правду», Бира со злостью посмотрела на консула и произнесла:

— Может быть, он искренен? Может быть, мы заблуждаемся относительно него? Сколько времени нам еще с ним мучиться?

— Заткнись! — взревел Фирник. Он набросился на девушку и сильным ударом в лицо повалил ее на пол. Мгновением позже,

не обращая внимания на Эвинга, он подхватил ее на руки и пробормотал извинения.

— Придется заняться ментальной экстракцией, — сказал он, — мы уже зашли в тупик.

Эвинг услышал, как к его койке что-то подкатили. Он не поднял глаз. До его слуха донеслись слова Биры:

— После того как ты перетряхнешь его мозг, от него ничего не останется!

— Ничего не поделаешь, Бира! Нам нужно узнать правду. Источник питания подключен, Драйл?

— Да, сэр!

— Тогда опустите шлем и укрепите электроды.

Эвинг открыл глаза и увидел рядом со своей койкой какой-то сложный прибор. Множество сигнальных лампочек и подсвеченных шкал глядели на него сверкающими глазами. С гибкого штатива свисал сверкающий медный шлем. Сержант Драйл придвинул к нему шлем. Присоски внутри шлема мягко прикоснулись к коже головы.

Он почувствовал, как что-то металлическое щелкнуло вокруг его запястья. Он оставался совершенно неподвижен. Страха он не ощущал, только тупое чувство облегчения, вызванное тем, что наконец-то допрос вступает в заключительную стадию.

— Все готово, сэр! — донесся до корвинита голос сержанта.

— Прекрасно, — в голосе Фирника сквозила напряженность. — Эвинг, вы меня слышите?

— Да, — сказал он, чуть помедлив.

— Хорошо. Это ваш последний шанс. Скажите нам, почему свободная планета Корвин решила послать вас на Землю?

— Из-за клодов, — устало начал Эвинг. — Они приходят из Туманности Андромеды и...

Фирник не дал ему договорить.

— Хватит! Я включаю экстрактор!

Эвинг расслабился, ожидая оглушительного удара по своему рассудку. Прошла одна секунда, потом вторая. «Что же это такое?» — уныло подумал он.

Раздался встревоженный голос Фирника:

— Кто вы? Как вы сюда попали?

— Какое это имеет значение? — голос был твердым и повелительным. — Прочь от этого аппарата, Фирник. У меня парализатор, а руки так и чешутся, чтобы пустить его в ход. Быстро к стене, все вы! Да, да, и вы, Бира, тоже! Драйл, отстегни запястья и сними с него шлем!

Эвинг почувствовал, как от него отодвигают аппаратуру. Он недоуменно вытаращил глаза, не понимая того, что происходит. В дверях стоял кто-то высокий, направив небольшой блестящий писто-

лет в сторону сириан. Лицо его было закрыто маской — золотистым полупрозрачным футляром, полностью скрывавшим черты лица.

Незнакомец пересек комнату, стал рядом с койкой Эвинга и поднял его одной рукой, тогда как в другой его руке был парализатор, нацеленный на изумленных сириан. Эвинг был слишком слаб, чтобы стоять без поддержки. Он покачнулся, однако незнакомец вовремя поддержал его, не дав упасть.

— Подойдите к телефону, Фирник! Но смотрите, не включите ненароком изображение! Позвоните в охрану консульства и скажите, что узника сейчас переправят в другое место, и поэтому они не должны удивляться, если его увезут из этого здания. Не забудьте, что интенсивность парализатора на максимуме. Одно ваше лишнее слово, и от вашего мозга ничего не останется!

Эвингу все происходящее казалось сном. Ничего не понимая, он следил, как Фирник звонит наверх и передает распоряжения незнакомца.

— Пока все в порядке, — кивнул человек в маске. — Я покидаю это здание и забираю корвинита с собой. Впрочем, сперва, — он передвинул регулятор на рукоятке оружия, которое держал в руке. — Думаю, что неплохо было бы предпринять кое-какие меры предосторожности. Это должно обезвредить вас по крайней мере на несколько часов.

Фирник издал сдавленный возглас и бросился вперед, намереваясь вцепиться в незнакомца. Тот выстрелил. Поток голубого свечения беззвучно вылетел из ствола пистолета, и Фирник мгновенно застыл с искаженным от ярости лицом. Столь же невозмутимо незнакомец провел стволом по комнате, пока Бира, Драйл и Фирник не превратились в три неподвижные статуи.

Эвинг почувствовал, что незнакомец крепко обхватил его тело. Он хотел было ему помочь и попытался идти самостоятельно, однако ноги отказались ему повиноваться.

Спотыкаясь и волоча ноги по полу, он позволил человеку в маске перенести себя в лифт. Когда кабина остановилась наверху и его снова поволокли, он почувствовал, как приступ острой боли сковал все его мышцы. Ему страстно захотелось остаться там, где он сейчас был, и уснуть. Однако незнакомец неумолимо продолжал тащить его вперед.

В ноздри Эвинга ударил свежий воздух. Он закашлялся, так как уже успел привыкнуть к затхлой сырости подземелья.

Полуоткрытыми глазами он видел, как незнакомец нанял такси. Затолкнув его в машину, он произнес:

— Пожалуйста, в Гранд-отель!

— Похоже, что ваш приятель неплохо кутнул, — произнес водитель. — Даже не припоминаю, когда я в последний раз видел кого-нибудь в такой степени опьянения. Ха-ха-ха!

«Почему же он везет меня назад в отель? — подумал Эвинг. — У Фирника ведь там полным-полно аппаратуры для слежки».

Плавное движение такси действовало убаюкивающе. Через несколько секунд он погрузился в сон. Проснулся, когда почувствовал, что незнакомец снова поддерживает его. Лифт. Коридор. Какая-то дверь.

Это был его номер.

Он проковылял несколько шагов и ничком упал на постель. Он слышал, как незнакомец раздевает его, умывает ему лицо, прикладывая к подбородку и скулам средство для снятия боли.

— Я хочу спать, — прошептал Эвинг.

— Сейчас, сейчас...

Его перенесли в смежную комнату, под душ. Потоки ионов смыли с его тела грязь и пот. И только после этого ему дали уснуть. Постель была теплой. Сухие чистые простыни действовали успокаивающе на его измученное пытками тело. Сон пришел к нему быстро. Последнее, что он услышал, был щелчок дверного замка где-то там, далеко позади...

Когда он через некоторое время проснулся, тело его нестерпимо ныло в тысяче мест. Он ворочался в постели, то и дело сжимая руками виски, чтобы облегчить ужасную головную боль.

Что же это со мной случилось, напряженно пытался уяснить себе Эвинг.

Память медленно восстанавливалась. Он вспомнил, как обнаружил Биру у себя в номере, вспомнил, как выпил напиток, в который был подмешан наркотик, как его повезли в консульство Сириуса. Туманные дни и ночи бесконечных мучений, допросов, шлем ментельного экстрактора, надвигающийся ему на голову...

Затем совершенно неожиданно пришло спасение. Его спас какой-то незнакомец! Затем он уснул... На этом воспоминания заканчивались!

Морщась от боли, он сполз с кровати и включил телестат, найдя канал последних известий. Застрекотало автоматическое печатающее устройство, и из аппарата стала выползать широкая лента с новостями.

«Четвертый день, тринадцатое число Пятого месяца 3308 года. Пресс-служба генерал-губернатора Медлиса объявила сегодня, что продолжается разработка проекта строительства плотины на реке Герд, несмотря на возражения Сириуса, суть которых состоит в том, что предлагаемый проект гидроэлектростанции ущемляет их монополию на производство электрической энергии на Земле, предоставленную им в соответствии с договором 3304 года. Генерал-губернатор заявил...»

Эвингу было безразлично, что заявил генерал-губернатор. Един-

ственной целью, ради которой он включил телестат, было желание узнать, какой сегодня день.

Четвертый день. Тринадцатое число Пятого месяца! Он произвел несложный подсчет. Встреча с Медлисом состоялась вечером Пятого дня седьмого числа Пятого месяца. Ночью Пятого дня, фактически утром шестого он был похищен Фирником!

Двумя днями позже, то есть в Первый день, его разбудили и начали пытать. Первый день. Второй... Третий... сегодня Четвертый день. Значит, пытки длились не более двух суток. Незнакомец спас его либо во Второй день, либо в Третий. Остальное время он спал.

Он вспомнил еще кое-что. Встреча с Майраком назначена на вечер Четвертого дня, то есть на сегодня.

Он начал медленно прохаживаться по комнате, разминая мышцы.

Мелодично зазвенел телефон.

Какое-то мгновение Эвинг колебался, стоит ли отвечать. Мелодичный звонок повторился снова, на этот раз более настойчиво. Эвинг нажал клавишу «прием» и с интересом прислушался.

Раздался голос робота:

— Вас вызывают, мистер Эвинг. Соединить?

— Кто именно? — осторожно поинтересовался корвинит.

— Этого не говорят.

— Хорошо, — сказал Эвинг после короткой паузы.

Через секунду экран засветился, и Эвинг увидел изображение Сколара Майрака, внимательно смотревшего на него.

— Я вас побеспокоил? — в голосе землянина чувствовалось участие.

— Нисколько, — попытался улыбнуться Эвинг. — Я только что думал о вас, Майрак. У нас на сегодняшний день назначена встреча, не так ли?

— О, да! Но только что мне анонимно позвонили и сказали, что с вами произошло нечто не очень-то приятное. Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, чтобы облегчить ваши страдания?

Эвингу припомнился тот чудесный массаж, который сделал ему этот человек в прошлый раз. Он также принял во внимание, что отель, в котором он сейчас находится, принадлежит Фирнику и что сирианин, несомненно, уже оправился от паралича и усиленно ищет его. Было бы неумно и дальше оставаться в этой гостинице.

Он улыбнулся.

— Я был бы вам очень благодарен за помощь. Вы говорили, что организуете мой визит к вам, правильно?

— Да.

— Если бы это можно было осуществить прямо сейчас...

— Мы будем у вас через несколько минут.

Глава 9

Спустя одиннадцать минут Майрак позвонил из своего автомобиля и сообщил о прибытии в отель. Эвинг спустился вниз на запасном лифте и осторожно пересек вестибюль, направляясь к условленному месту.

Там его уже ждала группа из нескольких землян. Он узнал Майрака и одноногого, которого он видел в то первое утро в здании космопорта. Внешность двух других землян была столь же причудлива. В неутомимых, достойных жалости поисках способов выделиться среди себе подобных они добровольно подвергали себя хирургическим изменениям. У одного из них вся голова, включая веки и переносицу, была инкрустирована бриллиантами, самые крупные размещались на лбу. У четвертого не было губ, вместо них параллельно линии рта шли цепочки рубцов. Однако на этот раз Эвинг не ощутил неприязни к этим землянам, частично вследствие чрезвычайной физической усталости, частично потому, что уже начал привыкать к их гротескной внешности.

— Машина ждет нас на улице, — сказал, здороваясь, Майрак.

Это была обрубленная трехцветная модель, которая, казалось, вовсе не имела окон. Эвинг задумался над тем, управляется ли она автоматически, или за ее рулем должен сидеть шофер, которому все время приходилось бы гадать, что делать. Оказавшись внутри машины, Эвинг обнаружил, что корпус ее изготовлен из листового зеленого пластика, который пропускал свет только в одном направлении. Это обеспечивало обзор водителю и пассажирам, тогда как сами они оставались невидимыми для окружающего мира.

За руль сел Майрак. Вернее, он просто привел машину в движение, а затем лишь изредка корректировал ее движение едва заметными прикосновениями пальцев. Они повернули на юг, в противоположную сторону от космопорта, и заскользили по широкому шоссе. Проехав около восьми миль, они круто свернули на восток, в район, похожий на пригород. Эвинг устало сидел в своем углу, время от времени бросая взгляд на аккуратные ряды домов, каждый из которых был снабжен своим собственным защитным экраном, обеспечивающим хозяевам полное уединение.

В конце концов они выехали на обочину. Эвинг удивился, не увидя ничего, кроме свободного участка земли. Дальше по улице были видны несколько домов и обширные пустые пространства перед ними для автостоянок. Почему же Майрак предпочел остановиться именно здесь?

Ничего не понимая, он выбрался из машины. Майрак осторожно осмотрелся во всех направлениях, вынул из кармана ключ из какого-то блестящего желтого металла и двинулся к пустому участку.

— Добро пожаловать в здание Института абстрактных знаний! — произнес он.

— Куда?

Майрак сделал приглашающий жест в сторону пустоты:

— Сюда, разумеется.

Эвинг прищурился. Воздух вокруг был каким-то особенным. Все вокруг, казалось, дышало, как дышит теплый воздух в жаркий летний день над аккуратно подстриженной травой.

Майрак выставил впереди себя ключ, ступил в это марево и какое-то мгновение будто что-то искал на ощупь — прямо в воздухе. Казалось, он пытается отыскать замочную скважину. И он действительно ее нашел — ключ исчез на три четверти своей длины...

Перед ними возникло здание.

Это было ярко-розовое круглое здание, увенчанное куполом, так же как и другие дома по соседству. Однако оно казалось каким-то странным, призрачным, мимолетным, как будто было создано воображением. Безгубый землянин крепко схватил Эвинга за руку и потащил вперед, к зданию. Все, что было на улице, внезапно исчезло.

— Хитро придумано! — восхищенно произнес Эвинг. — Как вам это удалось сделать?

Майрак улыбнулся.

— Дом по фазе не совпадает на три микросекунды с остальной улицей. Он всегда существует всего лишь в ничтожной доли момента в Абсолютном Прошлом, что недостаточно для того, чтобы стать причиной серьезного разрыва структуры времени, но вполне достаточно, чтобы скрывать его от наших многочисленных недругов.

Вытаращив глаза, Эвинг пробормотал:

— Вы в состоянии управлять временем?

Землянин кивнул.

— Это наименее абстрактное из всех наших знаний. Здесь вы видите просто необходимое средство для обороны.

У корвинита мороз пробежал по коже. Глядя на невысокого землянина с нескрываемым уважением, он подумал: «Да ведь это невероятно!!!» Уже давно считалось, что управление временем теоретически возможно — с тех пор, как были опубликованы уравнения Блекмура более тысячи лет назад. Однако на Корвине практически не занимались исследованиями времени, а те, которые были проведены, доказывали, что либо были некорректны вычисления Блекмура, либо контроль над временем нельзя было осуществить технологически. А вот эти разукрашенные земляне все-таки сумели подчинить себе время! Уму непостижимо!!!

Он выглянул в окно. На улице было тихо и спокойно. Он понимал, что в абсолютном времени то, что он видел сейчас, было

отстающим на три микросекунды будущим, но интервал этот был столь ничтожным, что для любой практической цели хозяева этого здания могли им пренебречь. Однако этот барьер был непреодолимым препятствием для любого, пытавшегося проникнуть в здание снаружи. Не было возможности войти в дом, который не существовал во времени, который является настоящим для находящихся снаружи его.

— Для этого, наверное, нужна колоссальная энергия? — поинтересовался Эвинг.

— Как раз наоборот. Для поддержания этого интервала нужно не более тысячи ватт мощности. Наш генератор дает гораздо больше. Это обходится на удивление дешево, хотя мы никогда не смогли бы получить достаточно энергии, если бы попытались спроектировать этот дом на такое же удаление в будущее. Но об этом мы еще поговорим. Вы, должно быть, устали?

Эвинга провели в гостиную, обставленную комфортабельной мебелью. Стены были увешаны полками с рулонами микрофильмов и грампластинками. Планы, которые заполнили голову Эвинга, заставили его забыть про усталость, владевшую его телом. Если эти земляне обладают властью над временем, подумал он, и если я смогу склонить их к тому, чтобы они поделились своими знаниями...

Это совершенно безумная идея! Однако только что-то безумное и могло спасти Корвин! Да, это могло бы сработать!

— Садитесь, пожалуйста, сюда, — предложил Майрак.

Эвинг с удовольствием вытянулся в глубоком кресле. Землянин набрал на пульте бара заказ и поставил грампластинку на диск проигрывателя. Мощные звуки музыки наполнили комнату. Воспроизведение было настолько качественным, что музыка, казалось, проникала до глубины души.

— Что это?

— Бетховен, — произнес Майрак. — Один из наших древних авторов. Если хотите, я сниму усталость с ваших мышц.

— Будьте добры.

Эвинг почувствовал прикосновение рук Майрака к своему затылку. Он ждал. Внезапная вспышка.. На какое-то мгновение Эвингу показалось, что он лишился всех чувственных восприятий. Затем физические ощущения вернулись к нему, но боли и усталости как не бывало.

— Замечательно! — признался он. — Как будто Фирник никогда и не обрабатывал меня. Вот только эти шрамы остались в качестве сувениров.

— Они тоже скоро исчезнут. Телесные повреждения обычно пропадают, как только... устраняется источник боли.

Эвинг откинулся в кресле, наслаждаясь тем, что больше не ощущает боли. Чувство облегчения было настолько велико, что

позволяло забыть не только последние дни пыток, но и весь предыдущий год адской неудобной спячки в тесном космическом корабле. Музыка была обворожительной, предложенное спиртное согревало внутренности. Было чертовски приятно сознавать, что где-то в Валлон-сити есть убежище, где можно сколь угодно долго скрываться от Фирника.

Комната постепенно заполнялась землянами. Одиннадцать или двенадцать маленьких с различного рода причудливыми искусственными деформациями своей внешности.

— Все находящиеся здесь в настоящее время являются сотрудниками нашего института, — представил их Майрак. — Остальные занимаются исследованиями в других местах. Я не знаю, какого типа институты имеются у вас на Корвине, но наш — единственный исследовательский институт в наиболее древнем значении этого слова. Здесь у нас нет различий между учителями и учениками. Мы в равной степени учимся друг у друга.

— Понятно. И кто же из вас разработал систему управления временем?

— О, никто из нас не сделал этого! Этим мы обязаны Паулису. Произошло это более ста лет назад. Мы просто-напросто поддерживаем аппаратуру в исправном состоянии, хотя и несколько видоизменили ее.

— Более ста лет? — Эвинг был потрясен. — Сто лет прошло, как возникло это чудо, а вы все еще таитесь в норах и темных углах, позволяя сирианам контролировать свою планету?!

Тут Эвинг сообразил, что хватил лишку.

Земляне были в замешательстве. Некоторые из них, казалось, вот-вот разразятся рыданиями.

«Точно дети», — подумал он и поспешил извиниться

Хрупкий землянин с искусственно расширенными плечами спросил у него:

— Это правда, что вашей планете угрожает нападение пришельцев из далекой галактики?

— Да, мы ожидаем нападения через десять лет.

— А вы сумеете отразить его?

Эвинг пожал плечами.

— Мы попытаемся. Они покорили первые четыре планеты, включая две, считавшиеся значительно сильнее нашей. У нас нет особых надежд на победу. Но мы попытаемся.

— Мы размышляли над тем, — печально сказал Майрак, — не покинуть ли нам Землю и не переселиться ли на вашу планету. Однако если вам грозит уничтожение...

Голос его сорвался.

— Переселиться на Корвин? Но почему?

— Скоро здесь будут хозяйничать сириане. Они заставят нас

работать на себя или убьют. Мы в безопасности, пока остаемся в этом здании, но нам ведь время от времени необходимо выходить из него!

— Но вы же располагаете контролем над временем! Вы могли бы переместиться назад, в предпоследний день, чтобы уйти от преследования.

Майрак покачал головой.

— Это вызовет парадоксы. Будет происходить размножение индивидуальности. А мы не можем этого допустить. Мы просто не решимся на это.

Пожав плечами, Эвинг произнес:

— Вам надо рисковать. Осторожность полезна только в том случае, когда она не превращается в глупость.

— Мы надеялись, — сказал сидевший в углу землянин с глазами мечтателя, — что сможем договориться с вами об отъезде на Корвин. Возможно, на корабле, которым вы сюда прибыли.

— Но это же одноместный корабль! — воскликнул Эвинг.

Никто из присутствующих землян не смог скрыть своего разочарования.

— В таком случае, вы смогли бы прислать за нами корабль побольше, — начал Майрак. — У нас вообще нет космических кораблей, поймите это. Строительство звездолетов прекратилось на Земле два столетия назад, а старые были либо проданы, либо пришли в негодность. Промышленность Земли в настоящее время контролируется сирианами, а они не позволяют нам обзаводиться кораблями. Так что галактика, просторы которой мы некогда бороздили, ныне для нас закрыта.

Эвингу хотелось хотя бы чем-нибудь помочь этим тщедушным малым. Однако ничего путного не приходило в голову.

— У Корвина самого очень мало звездолетов, — сказал он. — Таких, которые способны совершать межзвездные путешествия — с очень небольшим количеством пассажиров — менее дюжины. Все корабли, которые у нас есть, определенно будут переданы военным в целях использования их в грядущей войне против клодов. Я не представляю, каким образом мы могли бы устроить переселение. Кроме того, даже если я покину Землю завтра же, меня не будет на Корвине целый год. И еще год понадобится для возвращения на Землю с кораблями — уже для вас. Вы рассчитываете, что сможете продержаться против сириан?

— Возможно, — сказал Майрак, однако в голосе его явно слышались нотки сомнения.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Затем Сколар произнес:

— Мы готовы уплатить за наш переезд. Возможно, мы располагаем некоторыми научными достижениями, которые неизвестны

на вашей планете. В этом случае наше переселение могло бы оказаться весьма ценным для вас.

Эвинг задумался над этими словами. Безусловно, у землян есть много всего, что они могут предложить, и прежде всего аппаратуру управления временем. Но он легко представил себе, как по возвращении на Корвин он безуспешно пытается убедить Совет в необходимости посылки крупного звездолета за учеными-беженцами с Земли, планеты, которая не смогла хоть чем-нибудь помочь Корвину! Если только у этих милых созданий не окажется какого-нибудь сверхоружия...

С другой стороны, будь оно у них, им не нужно было бы спасаться бегством от сириан. Заколдованный круг, из которого нет никакого выхода!

— Возможно, я могу что-то придумать, — начал неуверенно Эвинг. — Мне кажется, что все не так безнадежно...

Глаза Майрака засветились надеждой:

— Вы так думаете?

— Меня очень интересует ваше оборудование для перемещения во времени. Можно ли мне самому испытать его в действии?

Майрак обменялся со своими друзьями несколькими фразами на непонятном языке. В интонациях этого разговора звучали сомнения, но все же Майрак дрожащим голосом произнес:

— Не вижу причин для отказа вам испытать нашу аппаратуру.

«Они мне не слишком-то доверяют, — отметил Эвинг. — Они побаиваются решительного человека со звезд. Что ж, за это их нельзя порицать».

Майрак поднялся и обратился к Эвингу.

— Пройдите сюда. Лаборатория находится внизу.

Эвинг последовал за землянином, сзади тащились другие ученые.

Они спустились по винтовой лестнице в помещение, ярко освещенное излучением, которое испускала каждая молекула стен и пола. Громоздкая аппаратура была расположена по кругу, а в центре был подвешен большой шар. С одной стороны стояла небольшая платформа. Повсюду было много измерительной аппаратуры, назначение которой Эвингу определить не удалось.

— Это не основная машина, — сказал Майрак. — Большой генератор, который сдвигает нас во времени относительно всего остального мира, хранится на самом глубоком уровне этого здания. Я мог бы показать вам и его, но эта машина гораздо более интересна.

— А для чего она предназначена?

— Она вызывает прямое темпоральное перемещение в небольших пределах. Теория, на основе которой создана эта машина, очень сложна, однако ее основные принципы чрезвычайно просты. Видите ли...

— Один момент! — перебил его Эвинг. В голову ему пришла мысль, заставившая его встрепенуться. — Скажите, эта машина способна перенести человека в непосредственное Абсолютное Прошлое? Вы понимаете, что я имею в виду?

Майрак нахмурился.

— Пожалуй, да. Но мы не смели рисковать...

Эвинг опять не дал землянину закончить фразу:

— Я нахожу это очень интересным, — произнес он. — Скажите, возможно ли теоретически направить человека, скажем, меня, назад во времени, ну хотя бы в вечер Второго дня этой недели?

— Да, это можно было бы сделать, — признался Майрак.

Кровь прилила к голове Эвинга. Пальцы его рук дрожали. Но он подавил в себе чувство страха. Один раз такое путешествие уже состоялось, и притом успешно. Он смог бы совершить его еще раз!

— Что ж, очень хорошо! Я хотел бы увидеть эту машину в действии. Отправьте меня назад, в вечер Второго дня.

— Но...

— Я настаиваю! — с улыбкой произнес Эвинг.

Теперь он знал, кто был его неизвестный спаситель в маске!

Глава 10

На бледном лице Майрака появилось выражение неподдельного ужаса. Несколько секунд он беззвучно шевелил губами, пока наконец ему не удалось выдавить из себя еле слышно:

— Вы шутите! Произойдет раздвоение континуума, если осуществить то, что вы предлагаете! Поймите, будет одновременно существовать два... Бэрда Эвинга...

— Разве это так опасно? — спросил Эвинг.

Майрак, казалось, был сбит с толку.

— Мы не знаем. Мы никогда не отваживались на подобное. Последствия могут выйти из-под контроля. Возможен внезапный взрыв галактических масштабов...

— И все же я рискну, — сказал Эвинг. Он знал, что на первый раз ничего опасного не произойдет. Теперь он был уверен, что его спасителем был ранний Эвинг, тот, который предшествовал ему в колесе времени, достиг этого пункта и, сделав петлю, отправился назад, чтобы стать его спасителем, — точно так, как он сам теперь хотел это сделать. Голова его поплыла. Он запретил себе погрузиться в эти запутанные, парадоксальные аспекты сложившегося положения.

— Не понимаю, как вы решились на такой опаснейший эксперимент, — тихо проговорил Майрак. — Вы ставите нас в

крайне неприятное положение. Риск слишком велик. Мы не можем сделать это.

В пределах досягаемости руки Эвинга лежал гаечный ключ. Он схватил его и угрожающе сказал:

— Извините, что вынужден угрожать вам, но вы никогда не сможете понять меня, даже если я попытаюсь объяснить вам, почему я вынужден так поступить. Либо вы перенесете меня во Второй день, либо я начну крушить вашу аппаратуру!

— Я уверен, что вы не решитесь на подобное насилие, — испуганно взмолился Майрак. — Мистер Эвинг, мы знаем вас как человека рассудительного. Конечно же вы не станете...

— Конечно, стану! — пальцы его сжимали рукоятку ключа, по лбу катились крупные капли пота. Он был уверен, что никто из них не ответит на его вызов, что в конце концов они либо уступят, либо... Второго «либо» быть не могло — они уже уступили один раз — но когда? Когда эта сцена проигрывалась в первый раз? В первый ли? Эвинг почувствовал, что внутри у него похолодело.

Майрак безвольно кивнул.

— Хорошо. Мы сделаем все, что вы хотите. У нас нет выбора.

На его лице изобразилось нечто вроде презрения к самому себе и извиняющаяся улыбка, за которой, как показалось Эвингу, скрывалось чувство превосходства.

— Пожалуйста, встаньте вот на эту платформу.

Эвинг отложил в сторону гаечный ключ и осторожно ступил на платформу. Вокруг него и над ним громоздилась внушающая самые противоречивые чувства аппаратура. Майрак возился у регулировочной панели управления, находящейся вне поля зрения Эвинга. Остальные земляне, испуганно сбившись в кучу, следили за происходящим.

— А как я совершу обратный переход в Четвертый день? — неожиданно спросил Эвинг.

Майрак пожал плечами.

— Передвигаясь вперед во времени с ускорением одна секунда за секунду, у нас нет возможности вернуть вас в это время или место в ускоренном темпе. — Он умоляюще посмотрел на корвинита. — Я прошу вас не совершать этого. Не вынуждайте меня, мистер Эвинг, на подобное! Мы еще не разработали до конца методику путешествий во времени. Нам неясно...

— Не беспокойтесь! Я вернусь... как-нибудь или когда-нибудь!

Он улыбался, хотя уверенности в благополучном исходе дела у него не было. Он вступал в самую неясную из сфер — во вчера! В его арсенале было только одно утешение: поставив все на карту, он, возможно, спасет Корвин. Если не рискнет, то потеряет все.

Он ждал взрыва энергии, думая, что должна возникнуть сокрушительная вспышка сверхъестественной силы, которая отшвырнет его в прошлое. Было слышно только бормотание Майрака, заканчивающего настройку аппаратуры. Затем раздалась команда «Готово», и рука землянина протянулась к тумблеру включения.

— Возможно, произойдет и некоторое перемещение в пространстве, — произнес Майрак. — Я надеюсь, что вы материализуетесь в открытом месте, а не в...

Конца предложения Эвинг не услышал. Ничего особенного он не почувствовал, однако лаборатория и земляне исчезли, будто стертые начисто величественной космической рукой, а он сам оказался парящим в воздухе, на высоте полуметра над зеленой лужайкой. Был теплый солнечный день.

Мгновение спустя он плюхнулся на землю, упав на руки и колени. Он поспешно выпрямился, чувствуя незначительную боль в колене. Глянув вниз, он увидел, что ссадил колено о камень, валявшийся на земле.

Поблизости раздался детский смех. Звонкий голос произнес:

— Смотри, как кувыркается этот смешной человек!

— Так говорить невежливо, — произнес ровный механический голос. — Не следует вслух обсуждать поведение другого человека.

Эвинг обернулся и увидел мальчика примерно лет восьми, которому делал замечание высокий робот-нянька.

— А откуда взялся этот человек? — не унимался мальчик. — Он как будто упал с неба. Разве ты не видел?

— Я смотрел в другую сторону. Однако тебе пора знать, что люди не могут падать с неба. Во всяком случае, в наши дни в городе Валлон-сити.

Посмеявшись над собой, Эвинг пошел прочь. Хорошо, что он узнал, что все еще находится в Валлон-сити. Ему стало интересно, продолжает ли мальчик спрашивать о человеке, который упал с неба. Этот робот, казалось, совершенно не имел в своем мозгу цепей, отвечающих за чувство юмора. Ему стало жаль мальчугана.

Он находился в парке. Это было совершенно очевидно. Чуть дальше он заметил детскую площадку и нечто вроде зоосада. Поблизости продавались прохладительные напитки. Он подошел к ближайшему киоску, где молодой человек с ярко окрашенными волосами покупал мальчику у продавца-робота воздушный шарик.

— Прошу прощения, — сказал Эвинг. — Я новичок в Валлон-сити и боюсь, что заблудился.

Землянин протянул роботу монету, взял шарик, отдал его ребенку и только потом вежливо улыбнулся корвиниту.

— Чем же я могу вам помочь?

Эвинг тоже улыбнулся в ответ.

— Я вышел прогуляться и заблудился. Я хотел бы вернуться в консульство Сириуса, в котором я остановился.

Землянин в изумлении уставился на него и не сразу овладел собой.

— Вы прошли пешком весь путь от консульства до Муниципального парка?

Эвинг понял, что совершил грубейшую ошибку. Он покраснел и начал оправдываться.

— Нет, не совсем так. Часть пути я проехал в такси. Но я забыл, через какой вход я вошел сюда, и теперь...

— Вы можете взять такси, — предложил землянин. — Конечно, ехать отсюда весьма дорого. Если хотите, вы можете проехать на автобусе номер шестьдесят до Большого круга, а оттуда добраться до центра на метро. Чтобы попасть в консульство, вам надо выйти на станции «Семьдесят восьмая улица».

Эвинг терпеливо ждал, когда прекратится этот поток вежливых разъяснений.

— Мне кажется, лучше всего сесть в автобус. Будьте добры, подскажите, где ближайшая остановка?

— С другой стороны парка, у главного входа.

— Боюсь, что я не смогу найти. Вы не могли бы немного меня проводить? Мне не хотелось бы причинять вам такие хлопоты, но видите ли...

— Пожалуйства, что за разговоры!

Они пошли по аллее, пересекающей парк. На полпути к главному входу землянин остановился и проговорил:

— Видите? Вон там! Здесь уже не заблудитесь.

Эвинг кивнул.

— Еще одна, последняя, просьба.

— Да?

— Я потерял все свои деньги во время одного утреннего инцидента. Понимаете, я потерял свой бумажник. Вы не могли бы одолжить мне кредитов сто?

— Ну, парень! Я не против того, чтобы показать дорогу и все такое, но сто кредитов... Это совсем другое дело! Отсюда до консульства автобус обойдется вам всего в два кредита.

— Я знаю, — кивнул Эвинг. — Но мне нужна именно сотня.

Он похлопал по карманам брюк.

— В этом кармане парализатор. Мои пальцы касаются спусковой кнопки. Предлагаю вам отсчитать сотню кредитов небольшими купюрами или я буду вынужден прибегнуть к оружию. Поверьте, мне очень не хотелось бы делать это.

Землянин, казалось, был готов вот-вот разрыдаться. Он бросил быстрый взгляд на мальчика, забавляющегося с шариком метрах

в пяти от него, затем резко обернулся к Эвингу. Не проронив ни слова, он вытащил свой бумажник и отсчитал деньги. Эвинг молча взял их и положил в карман, где хранил бумажник до того момента, как его конфисковал Фирник.

— Я очень сожалею о том, что мне пришлось так поступить, — сказал он землянину. — Но я не имею времени на объяснения, и мне нужны деньги. А теперь я хочу, чтобы вы взяли ребенка на руки и медленно пошли к тому большому озеру, не оглядываясь назад и не зовя на помощь. Как вам известно, парализатор действует на расстоянии до пятнадцати метров.

— Помог незнакомцу — и вот что заработал! — проворчал землянин. — Грабеж среди белого дня в Муниципальном парке!

— Пошевеливайтесь, приятель! Да побыстрее.

Землянин с ребенком пошли к озеру. Эвинг еще некоторое время следил за ними, чтобы удостовериться, что все происходит так, как было сказано, затем развернулся и быстро зашагал к выходу из парка. Он достиг его как раз в тот момент, когда автобус номер шестьдесят огибал угол. Улыбаясь, Эвинг вскочил в него. Неподвижный робот спросил у корвинита:

— Вам куда, сэр?

— До Большого круга.

— Ноль целых шесть десятых кредита, пожалуйста.

Эвинг достал из кармана банкноту в один кредит, поместил ее в приемную щель робота и стал ждать. Прозвенел звонок, из приемной щели выпал билет и четыре медных монеты сдачи. Он подобрал монеты и прошел в салон. Из окна он посмотрел в сторону парка и заметил красный воздушный шарик мальчика. Мужчина с ярко-красными волосами стоял рядом с ним спиной к выходу и смотрел на воды озера. По-видимому, он до сих пор не может отойти от испуга, подумал Эвинг. Он испытал минутный укор совести за то, что совершил. Ему нужны были деньги. Фирник забрал у него всю наличность, а его спаситель не удосужился снабдить его деньгами.

Большой круг соответствовал своему названию: к нему сходились пятнадцать радиальных улиц. В центре круглой площади стоял какой-то памятник.

Выйдя из автобуса, Эвинг отыскал робота—регулировщика уличного движения и спросил:

— Где я могу сесть на линию метро, ведущую к центру?

Получив точное разъяснение, он вошел в станцию метро и через несколько минут уже был на Семьдесят восьмой улице, по обеим сторонам которой были расположены бесчисленные магазины.

Немного поразмыслив, он понял, что ему нужна маска и парализатор. Неподалеку он увидел вывеску оружейного магазина.

Навстречу ему, услужливо улыбаясь, вышел невысокий морщинистый землянин.

— Чем могу служить вам, сэр?

— Я хотел бы приобрести парализатор по сходной цене.

— Я не уверен, что у нас есть парализаторы, — нахмурился землянин. — Но все же пройдемте, посмотрим.

Он порылся под прилавком и извлек коробку из темно-синей пластмассы. От нажатия на защелку крышка коробки открылась.

— Вот, сэр! Прелестная модель. Всего восемь кредитов.

Эвинг взял у него пистолет и внимательно его осмотрел. Парализатор был удивительно легким. Эвинг вскрыл механизм и с удивлением обнаружил, что внутри ничего нет. Он рассердился.

— Это что, шутка? А где силовая камера?

— Вы имели в виду настоящий пистолет, сэр? Я думал, что вы ищете просто украшение, чтобы придать законченный облик вашему прекрасному костюму...

— Ближе к делу! У вас имеется настоящее оружие? — Приказчик побледнел. Казалось, он вот-вот упадет в обморок. Однако скоро он овладел собой, скрылся в подсобке и через несколько минут появился снова, держа в руке небольшой пистолет.

— Вам повезло, сэр. Один покупатель родом с Сириуса заказал его в прошлом месяце, но, к несчастью, умер. Я хотел было возвратить его на склад, но если он вам нужен, то за девяносто кредитов я вам его отдам.

Девяносто кредитов — это почти все, что у него было. А он хотел приберечь немного денег, чтобы передать тому, кого собирался спасти.

— Слишком дорого. Я могу дать вам только шестьдесят.

— Сэр! Я...

— Берите шестьдесят, — твердо сказал Эвинг. — Я — близкий друг вице-консула Фирника. При первой же встрече он вернет вам разницу.

Землянин смиренно взглянул на лжесирианина и вздохнул.

— Что ж, берите за шестьдесят. Завернуть?

— Не беспокойтесь, не нужно, — ответил Эвинг, засовывая в карман коробку с пистолетом. Отсчитав требуемую сумму, он было пошел из магазина, но обернулся с порога и произнес:

— У вас есть маски для лица?

— Да, сэр. Большой выбор.

— Прекрасно! Подберите мне маску золотистого цвета.

Дрожащими руками приказчик выбрал маску. Она точно соответствовала той, память о которой смутно запечатлелась в мозгу Эвинга.

— Десять кредитов, сэр... Впрочем, для вас восемь.

— Возьмите десять, приятель, — усмехнулся Эвинг.

Он сложил маску, широко улыбнулся до смерти перепуганному приказчику и вышел из магазина.

Очутившись на улице, он увидел, что огромные часы на одном из зданий показывают 15.52.

От досады он хлопнул себя по лбу — он же забыл о самом важном! И бросился назад в оружейный магазин.

— Да, слушаю вас, сэр! — выдавил из себя дрожащий приказчик.

— Все, что мне сейчас нужно, приятель, это кое-какая информация, — спокойно произнес Эвинг, похлопывая приказчика по плечу. — Какой сегодня день?

— Что?! Ка... какой день? Разумеется... второй. Второй день, одиннадцатое число.

Эвинг торжествующе улыбнулся и опрометью выскочил на улицу. Схватив за руку одного из прохожих, он спросил:

— Извините меня, сэр! Мне хотелось бы узнать, как пройти к консульству Сириуса?

— Два квартала на север, затем налево. Пройдете еще три квартала, увидите большое светлое здание. Его невозможно не заметить.

— Благодарю, — кивнул Эвинг.

Стараясь скрыть свое возбуждение, он быстро зашагал к консульству, засунув руки в карманы. Одна из них покоилась на холодной рукоятке парализатора, другая сжимала маску.

Глава 11

Чтобы попасть в консульство, Эвингу пришлось проталкиваться сквозь толпу сириан, каждому из которых нужно было обязательно посетить его по тому или иному личному делу. Корвинита удивило, что в Валлон-сити так много сириан.

Консульство размещалось в здании весьма внушительных размеров. Будучи одним из самых новых сооружений в Валлон-сити, оно по своей архитектуре сильно отличалось от окружающих его зданий. Пересекающиеся грани и многочисленные козырьки придавали ему потрясающий вид. Эвинг пересек просторный вестибюль и повернул налево, к лестнице, которая вела вниз. Он не очень задумывался над тем, каким образом ему удастся проникнуть в подземную темницу, где в этот самый момент другая его версия подвергалась допросу. Он знал, что однажды он уже был спасен и, значит, это можно повторить.

Он спустился вниз, пока его не остановил сержант на последней лестничной площадке.

— Куда вы идете, сэр?

— На самый нижний уровень. Мне нужно срочно встретиться с вице-консулом Фирником по неотложному делу.

— Фирник сейчас на совещании. Он распорядился, чтобы его не беспокоили.

— Все правильно, сержант, — кивнул Эвинг. — Но у меня специальное разрешение. Я случайно узнал, что сейчас он допрашивает внизу одного узника вместе с Бирой Корк, сержантом Драйлом и лейтенантом Фирском. У меня для него очень важные сведения, и вам может нагореть, если я не попаду туда, чтобы тут же обговорить их с ним.

На лице сержанта отразилось замешательство.

— Ну, что ж...

— Смотрите! — прервал его Эвинг. — Почему бы вам не спуститься в караулку и не спросить, что делать, у своего непосредственного начальника, если вы не хотите брать на себя ответственность? Я могу подождать здесь.

Сержант улыбнулся, довольный тем, что бремя принятия решения будет снято с его плеч.

— Не уходите отсюда, сэр, — попросил он. — Я быстро вернусь.

— Не беспокойтесь! — заверил его Эвинг.

Сержант повернулся и побежал вниз. Когда он спустился на один лестничный пролет, Эвинг молниеносно вытащил из кармана парализатор и, поставив его на небольшую активность, прицелился и выстрелил.

Затем он быстро подбежал к сержанту, подтащил его на первоначальное место, усадил на стул и поспешил на нижний уровень.

Еще один часовой, на этот раз в форме лейтенанта, находился в самом низу лестницы.

Эвинг подбежал и, запыхавшись, произнес:

— Сержант послал меня сюда, сэр! Он сказал, что здесь я смогу отыскать вице-консула. У меня срочное сообщение на его имя...

— Идите прямо по коридору, вторая дверь налево, — выпалил лейтенант и отдал честь.

Эвинг поблагодарил его и побежал в указанном направлении. На какое-то мгновение он остановился у указанной двери, чтобы надеть маску, и услышал голоса, идущие изнутри.

— Хорошо. Это ваш последний шанс. Почему Свободная планета Корвин решила послать вас на Землю?

— Из-за клодов, — произнес бесконечно усталый голос. Акцент был знакомый, свойственный только корвинитам. Но голос был несколько выше по сравнению с тем, который ожидал услышать Эвинг. Это был его собственный голос. — Они происходят из Туманности Андромеды и...

— Хватит! — перебил его грубый оклик Фирника. — Бира, приготовьтесь начать запись. Я включаю извлечение содержимого его мозга.

Легкое замешательство на миг охватило Эвинга, того Эвинга, который находился сейчас перед дверью. Включает экстрактор? Именно в этот момент он был спасен двумя днями раньше! Теперь он был своим собственным предшественником на оси времени и... он покачал головой. Размышления о парадоксах были сейчас неуместны! Нужно было действовать, а не философствовать!

Он уперся рукой в дверь и распахнул ее. Крепко сжимая в руке парализатор, он вошел внутрь.

Его взору открылась весьма странная сцена. Фирник, Бира, Драйл и Фирск сгрудились вокруг пятого человека, неподвижно лежавшего под металлическим колпаком.

И этим пятым человеком был...

ОН САМ!

Фирник удивленно поднял брови:

— Кто вы? Как вы сюда попали?!

— Сейчас это не имеет значения! — резко произнес Эвинг.

События разворачивались с такой ясностью, будто он уже видел их однажды во сне. Каждая фраза, каждая фаза действий была ему знакома до мелочей. «Я уже был здесь прежде», — подумал он, глядя на безвольное, измученное пытками тело более раннего себя, сгорбившегося под колпаком экстрактора.

— Прочь от аппарата, Фирник! — прорычал он. — У меня парализатор, а мои руки так и чешутся, чтобы пустить его в ход. Быстро все к стене. Вы тоже, Бира! Драйл, отстегни запястья и сними с него шлем.

Аппаратуру отодвинули в сторону, и взору корвинита предстало небритое лицо второго Эвинга. Взгляд его был затуманен. Он смотрел, не в силах что-либо понять, на человека в маске, стоящего у двери. Эвинга в маске охватил ужас при виде самого себя из Второго дня, но он заставил себя оставаться хладнокровным. Он пересек комнату, не сводя дула парализатора с сириан, и поднял того, другого, на ноги.

Тоном, не допускающим возражений, он приказал Фирнику позвонить наверх, в охрану консульства, и дать указания о том, чтобы его пропустили. Когда Фирник сделал это, Эвинг со словами «это должно обезвредить вас по крайней мере на несколько часов» парализовал одного за другим всех четырех сириан и потащил другого себя по коридору в лифт.

И только когда он оказался на первом этаже, он позволил проявиться своим чувствам. Дрожь пробежала по всему телу, как только он вышел из переполненного сирианами вестибюля консульства на улицу. Все еще оставаясь в маске, он вытащил полуотключив-

шегося другого Эвинга на тротуар. В горле у него пересохло, ноги казались ватными. Он спас сейчас самого себя от мучителей, и все повторилось вплоть до мельчайших деталей для того из них, кто, казалось, был более «ранним» для Эвинга в маске, но кто на самом деле не был ранним вообще.

«Теперь этот сценарий должен отключиться от своего раннего прототипа», — угрюмо осознал Эвинг. Но пока не пройдет должного отрезка времени, он предпочел не думать о суровой необходимости, которая ожидала его.

Он заметил такси, одну из тех редких машин, которая управлялась не автоматически, а человеком, и остановил его. Заталкивая своего спутника внутрь, он приказал водителю:

— Нам нужно как можно быстрее попасть в Гранд-отель.

— Похоже, что ваш приятель неплохо кутнул, — заметил таксист. — Даже не припомню, когда я в последний раз видел кого-нибудь в такой степени опьянения.

— Ему здорово не повезло, — сказал Эвинг, глядя на то, как теряет сознание его альтерэго.

Дорога до гостиницы обошлась в пять кредитов. Эвинг быстро провел своего двойника через вестибюль к лифту и поднял его в номер 4113. Эвинг-2, как он теперь его называл, сразу же упал в постель лицом вниз. Эвинг с удивлением смотрел на него, изучая распухшее, с заплывшими глазами лицо человека, который был им самим двумя днями раньше. Он взял на себя труд раздеть его, снять с лица щетину, умыть. Он затащил его под ионный душ. Затем он положил этого обессиленного человека в свежую постель. В течение нескольких секунд теперь можно было перевести дух.

До сих пор все шло по уже проверенному сценарию. Правда, были кое-какие отклонения в поведении некоторых «актеров», но Эвинг не собирался сейчас задумываться над этими столь ничтожными деталями.

Теперь он должен был принимать решения самостоятельно.

У него было несколько возможностей. Он мог выйти из номера и предоставить Эвинга-2 самому себе. В этом случае, если события будут разворачиваться, как им положено, Эвинг-2 проснется, отправится по просьбе Майрака посмотреть на машину времени и в соответствующий промежуток времени отправится назад, в этот день, чтобы стать Эвингом-1, спасающим нового Эвинга-2. Но этот путь оставляет слишком много вопросов, на которые не было, либо не могло быть ответов. Что станет с изменившимся Эвингом-1? При каждом колебании временного цикла будет ли проявляться еще один Эвинг и какая судьба его ждет? Справиться с этим парадоксом было безнадежной задачей!

Однако есть путь, на котором можно было избежать парадоксов,

подумал Эвинг. Он состоит в том, чтобы разорвать цепь циклов, которые угрожают поддерживать топтание бесчисленных Эвингов на одном и том же месте во веки веков. Но чтобы ступить на этот путь, нужно было быть отважным человеком.

Он посмотрел на себя в зеркало. «Решусь ли я на это?» — подумал он.

Он вспомнил о своей жене и сыне, перебрал в памяти все, что произошло с ним на Земле. «Я теперь уже не нужен», — подумал он. «Человек в постели был тем, в чьих руках была судьба. Эвинг-1 был просто временным заместителем, человеком-дополнением, вполне заменимой спицей в колесе времени».

«Я не имею права оставаться в живых», — признался самому себе Эвинг-1. Его лицо в зеркале было спокойно и бесстрастно. Он кивнул и улыбнулся самому себе.

Путь его был ясен. Он должен уйти в сторону. Но ведь он покинет этот мир ради самого себя и, возможно, такого чувства, что что-то прервалось, не возникнет вообще.

Он еще раз твердо и решительно кивнул самому себе.

На письменном столе в номере имелся диктофон, присоединенный к печатающему устройству. Эвинг включил его, немного выждал, приводя в порядок свои мысли, и стал диктовать.

«Второй день после полудня. Самому себе из более раннего времени — человеку, которого я называю Эвингом-2, от Эвинга-1. Прочти это очень внимательно, даже запомни наизусть, а затем полностью уничтожь.

Только что ты был вырван из рук палачей посредством, как тебе казалось, чудесного вмешательства. Ты должен поверить в то, что твоим спасителем был некто иной, как ты сам, удвоившийся при переходе в прошлое, то есть в сегодня, из своего русла времени, отстоящего от сегодня на два дня в будущем. Поскольку я уже прожил это время, которое только еще разворачивается перед тобой, позволь мне рассказать о том, что ждет тебя впереди. Заклинаю тебя точно следовать моим инструкциям ради того, чтобы спасти наше общее существование.

Сегодня — Второй день. Твое избитое тело проспит более суток, и ты проснешься в Четвертом дне. Вскоре после пробуждения тебе позвонит Майрак Сколар, который напомнит тебе о назначенной им встрече и который организует твою доставку в его Институт на окраине города. Ты должен отправиться туда. Там тебе откроют возможность перемещения объектов во времени — по сути, само здание института перемещается во времени на три микросекунды, чтобы избавиться от преследований.

В этой точке моего собственного русла времени я заставил их силой отправить меня в прошлое из Четвертого дня во Второй и по прибытии сюда организовал твое спасение.

Моей целью, ради которой я предпринял это путешествие во времени, было снабжение тебя этой информацией, которую мой спаситель не догадался передать мне. Ни при каких обстоятельствах ты не должен предпринимать перемещение в прошлое! Запомни это! Это очень важно! Тобой должен быть разорван этот цикл навсегда!

Когда Майрак покажет тебе машину времени, ты должен заинтересоваться ею, но не настаивать на демонстрации ее действия. Тем самым автоматически будет создано новое прошлое, в котором по-настоящему умрет на допросе у Фирника Эвинг-3, в то время как Эвинг-2 останется в живых и на свободе, готовый продолжать свою деятельность. Если это не очень тебе понятно сейчас, перечитай это более тщательно. Надеюсь, тебе станет немного яснее.

Что же касается меня, то для нормального развития событий я больше не нужен и поэтому намереваюсь покинуть поток времени, как только закончу эту записку. К твоему сведению, я намерен сделать это, совершив короткое замыкание в энергитронном киоске в вестибюле. Ты легко можешь в этом удостовериться, просмотрев новости за Второй день одиннадцатого числа. Эта акция вкупе с твоим отказом воспользоваться машиной времени положит конец множественности существующих Эвингов и оставит тебя единственным на сцене жизни. Получше используй все предоставленные тебе возможности. Я знаю, что ты способен решить задачу по делу спасения нашей планеты.

Желаю тебе удачи! Она сейчас очень нужна тебе. С самыми дружескими чувствами к тебе Эвинг-1».

Закончив диктовать, Эвинг вытащил из машины отпечатанный текст и медленно перечитал его три раза. Теперь можно было уже не спешить.

Он сложил записку и вынул из кармана десять кредитов — об этом также забыл его предшественник во времени — и спрятал деньги и записку в конверт, который положил на стол.

Удовлетворенный сделанным, он тихо вышел из номера и отправился в вестибюль гостиницы. Маска больше была не нужна, и он выбросил ее. Парализатор он тоже оставил наверху, на случай, если он понадобится еще Эвингу-2.

В вестибюле он нашел телефон, набрал номер центрального бюро связи и произнес:

— Я хотел бы послать письмо Майраку Сколару, в Центральный Институт абстрактных знаний, отделение восемьдесят шесть, Валлон-сити. (Это было поддельное сообщение, переданное ему Майраком.) Передать нужно вот что: ваши враги допрашивали и

сильно избили Бэрда Эвинга. В настоящее время он спит у себя в номере гостиницы. Позвоните ему днем и помогите избавиться от западни. Закройте кавычки. Это послание нужно передать не раньше Четвертого дня, но не позже полудня. Ясно?

Оператор-робот повторил сообщение, включая инструкцию по доставке, и под конец произнес:

— С вас один кредит, сэр.

Эвинг бросил в щель монету и подождал, пока оператор не удостоверился, что оплата произведена.

Эвинг удовлетворенно кивнул. Механизм был запущен, и теперь он может уйти со сцены. Он пересек вестибюль и подошел к праздно слонявшемуся землянину.

— Извините меня за беспокойство. Вы не могли бы мне разменять один кредит? Я хочу воспользоваться энергитроном, но, как назло, нет мелочи.

Землянин разменял бумажку, они перебросились парой принятых фраз, и Эвинг направился к киоску с энергитроном, довольный тем, что дал о себе знать своему двойнику.

Когда произойдет взрыв, будет один свидетель, который покажет, что в киоск только что вошел какой-то высокий мужчина.

Он бросил в щель автоматической двери киоска монету в полкредита. Энергетический занавес стал почти прозрачным, позволив корвиниту пройти внутрь, а затем киоск снова принял свой черный лоснящийся цвет, скрывая от посторонних глаз все, что происходило внутри.

Энергитронный киоск был всего-навсего коммерческой разновидностью обычного ионного душа. Он взбадривал тело и успокаивал душу, так гласила надпись снаружи. Эвинг знал также, что это было и чрезвычайно эффективное устройство для совершения самоубийства. Внутри на эмалированной табличке крупными буквами было написано:

«ОСТОРОЖНО !!!

Вас предупреждают о том, что нельзя приближаться к ограничительным линиям или дотрагиваться до механизма энергитрона. Этот сложный агрегат в неумелых руках может быть очень опасным».

Эвинг улыбнулся. Настало время для него уйти со сцены — однако ни тело, ни личность Бэрда Эвинга не будут уничтожены. Исчезнет только один из его отростков.

Без дрожи в руках он вцепился в опечатанную панель управления, раздавил ее и резко повернул регулятор, находившийся внутри. Теперь молекулярный душ изменился. Он стал видимым, словно клочья тумана, и потрескивающим.

Теперь уже было достаточно просунуть руку или ногу за ограничительную линию, как тут же произойдет оглушительный взрыв.

Эвинг подошел поближе к ограничительной черте и стал водить рукой возле опасной зоны.

Внезапно ему в голову пришла одна мысль.

— А что же случилось с тем, кто спас его самого? — Он совсем забыл о нем. Но ведь существует еще один Эвинг — Эвинг-1, тот, который не оставил ни записки, ни денег, ни оружия и который, вероятно, не совершил самоубийства. Где теперь этот человек???

Эвинг на мгновение задумался. Однако времени на размышления оставалось у него совсем немного.

Вспыхнул ослепительный свет, и сокрушительная сила смела и раздавила его бренное тело.

Глава 12

Эвинг проснулся.

У него гудела голова и ныло все тело. Кровь стучала в висках и страшно хотелось пить. Он повернулся на спину и сдавил руками виски.

Что это со мной случилось?

Мало-помалу воспоминания стали разматываться, будто нить времени. Он припомнил, как обнаружил в своем номере Биру, выпил спиртное с примесью какого-то наркотика, которое она ему подсунула, вспомнил, как его перевезли в консульство Сириуса. В памяти его возникли, будто окутанные туманом, дни бесконечных мучений и допросов. Он вспомнил эту ужасную машину, предназначенную для ковыряния в мозгу, этот металлический шлем, который уже был надет на его голову...

Затем это неожиданное спасение. Кто этот неизвестный? Может быть, все это приснилось ему?

На этом воспоминания заканчивались. Морщась от боли, он сполз с кровати и взглянул на себя в зеркало. Он выглядел жутко изможденным: темные круги возле глаз, обвисшая под подбородком кожа, туго обтянутые скулы. Он выглядел еще хуже, чем в момент пробуждения несколько дней назад на борту своего корабля.

На стуле возле кровати лежал конверт. Он нахмурился, поднял его, пощупал пальцами. Конверт был заклеен, сверху было написано его имя. Из вскрытого конверта выпали пять бумажек достоинством по два кредита и вместе в ними записка. Он аккуратно положил банкноты на постель, развернул записку и начал читать:

«Второй день, после полудня. Самому себе из более раннего времени — человеку, которого я называю Эвинг-2, от Эвинга-1...»

Прочтя записку, он стряхнул с себя остатки сна. Первой его реакцией были гнев и недоверие, затем он задумчиво поскреб по подбородку, обдумывая определенные обороты речи, некоторые характерные черты изложения. У него был довольно своеобразный стиль при пользовании диктофоном. Прочтенное им послание было очень хорошей подделкой, если не было подлинным.

В последнем случае...

Он набрал справочную гостиницы и спросил:

— Пожалуйста, какой сегодня день?

В голосе робота-дежурного не было и тени удивления:

— Четвертый день, тринадцатое число Пятого месяца, — прозвучал уверенный ответ.

— Спасибо. Я могу получить по телестату новости за Второй день, одиннадцатое число?

— Мы можем соединить вас с Бюро регистрации, — предложил робот.

— Соедините, — сказал Эвинг, думая про себя, насколько это все глупо и что записка эта наверняка простая подделка.

Он услышал щелканье переключателя и голос другого робота:

— Регистрация. Чем можем быть вам полезны?

— Меня интересуют новости, касающиеся происшествий, имеющих... вернее, имевших место во второй половине Второго дня.

— У нас есть нужная вам информация. Прочитать?

— Пожалуйста, — хрипло произнес Эвинг.

— Второй день, одиннадцатое число Пятого месяца 3806 года. При взрыве киоска энергитрона в вестибюле Гранд-отеля в Валлон-сити погиб один человек. Нанесенный ущерб оценивается в две тысячи кредитов. Обычное функционирование гостиницы было прервано на два часа. Причиной взрыва считают удавшуюся попытку самоубийства.

Среди обломков киоска тело самоубийцы не было обнаружено, однако имеются свидетели, заметившие, как за минуту до взрыва в киоск вошел высокий мужчина в верхней одежде. Проверка проживающих в гостинице показала, что среди постояльцев такой не присутствовал. Полиция Валлон-сити заявила, что будет произведено расследование.

Голос робота осекся.

— Вот и все, сэр. Вам нужна копия? Есть ли необходимость в передаче вам дополнительной информации по данному делу по мере ее поступления?

— Нет, — четко ответил Эвинг. — Спасибо, но мне больше ничего не нужно. Я удовлетворен.

Он отключился и тяжело опустился на кровать.

Это все равно могло быть розыгрышем. Он проспал несколько дней. Этого было вполне достаточно, чтобы какой-нибудь шутник, прослышав о взрыве в гостинице, направил ему записку.

Однако бритва «Оккама» начисто отмела предположение о розыгрыше. Слишком много во всем этом было непонятных обстоятельств и немотивированных действий. Допущение того, что предшествующий Эвинг раздвоился во времени, чтобы организовать его спасение и оставить записку, было несоизмеримо более простой гипотезой, если, разумеется, допустить возможность совершения путешествия во времени, до сих пор считавшегося невозможным.

И все же одно, достаточно убедительное, доказательство можно было получить. Эвинг отыскал на туалетном столике маленький темно-синий парализатор и принялся его осматривать.

Согласно записке, вскоре после того, как он проснется, ему позвонит Сколар Майрак.

«Прекрасно! — подумал Эвинг, — подожду звонка Майрака».

Глава 13

Через час он уже сидел в глубоком кресле в гостиной Института абстрактных знаний, чувствуя, как боль после пыток покидает его тело в результате манипуляций, совершенных искусными пальцами Майрака. Вокруг него струились звуки волшебной старинной музыки. Бетховен, судя по словам этого маленького землянина, был одним из знаменитых древних композиторов. Эвинг с наслаждением потягивал предложенный ученым напиток.

Все было для него абсолютно непостижимо: звонок Майрака, поездка через весь Валлон-сити, сказочное здание, сдвинутое во времени на три микросекунды по сравнению с остальным городом, и превыше всего — тот факт, что записка в его комнате была, сейчас он уже в этом не сомневался, несомненно настоящей. Эти земляне владели тайной путешествий во времени, и хотя никто и не догадывался, что они уже отправили по меньшей мере одного Бэрда Эвинга в прошлое из точки, которая в потоке времени все еще лежала в будущем где-то во второй половине этого Четвертого дня, сам Эвинг был оглушен.

Он понял, что его ответственность, и без того огромная, теперь стала просто чудовищной. Один человек отдал свою жизнь ради того, чтобы настоящая жизнь при этом не оборвалась. Эвингу казалось, что какая-то его часть, о существовании которой он и не догадывался ранее, отмерла, и теперь он снова был единственным хозяином своей судьбы.

Беседа текла непринужденно. Земляне, настороженные и любознательные люди, хотели как можно больше узнать об угрозе со стороны клодов и о том, способны ли жители Корвина отразить это нападение, когда оно произойдет. Эвинг рассказал им всю правду — что они приложат все силы, но что надежды на успех совсем немного.

И тогда Майрак перевел разговор в другое русло. Его интересовала возможность организации переброски сотрудников Института абстрактных знаний на Корвин, где они, во всяком случае, были бы в большей безопасности, чем сейчас на Земле, под пятой Сириуса-4.

Это предложение об эмиграции показалось Эвингу весьма сомнительным. Он откровенно объяснил разочарованным землянам, насколько тяжело организовать такое крупное мероприятие и какое малое число кораблей способен выделить Корвин для этой цели. Он также упомянул и о неизбежной задержке, которую повлекут за собой переговоры.

Он прочитал горечь на лицах. С этим ничего нельзя поделать, подумал он. Корвину грозит уничтожение. Земле же — всего лишь оккупация. Корвину нужна помощь гораздо больше, чем Земле. Но от кого?

— Мне очень жаль, — произнес он под конец. — Я просто не вижу, каким образом мы могли бы предоставить вам убежище. С другой стороны, мне кажется, что на Корвине вы можете оказаться в гораздо худшем положении, чем на Земле. Нападение клодов будет жестоким и смертельным. Здесь же Сириус, по-видимому, оставит все, как оно есть, разве что теперь вы будете платить те же налоги сирианам, а не правительству Медлиса.

Удручающее ощущение тщетности всех его усилий охватило корвинита. Он не нашел возможности разрешить проблему, стоящую перед Корвином, не сумел хоть чем-нибудь помочь этим бедным землянам. Им придется смириться с жизнью под игом Сириуса-4, в то время как Корвину остается только ждать нашествия клодов и неизбежно сопутствующего ему завоевания и истребления своих соплеменников.

Его миссия провалилась. Какие бы смелые планы ни строил покойный Эвинг, оставивший ему записку, в его собственном мозгу они не нашли соответствующего отражения. Было ясно, что тот Эвинг видел какое-то решение для Корвина, какой-то способ защиты планеты от клодов. Однако он ничего не сказал об этом в своей записке.

Очевидно, путешествуя во времени в прошлом, он испытал что-то такое, что дало ему ключ к решению дилеммы.

В голову пришла заманчивая мысль. А что, если сделать еще одно обратное путешествие во времени, спасти Эвинга, которого он обяза-

тельно найдет в прошлом, еще раз продиктовать записку и включить в нее ту информацию, которой сейчас в ней так недоставало.

Нет!!!

Он отверг эту мысль решительно и бесповоротно. О еще одном путешествии во времени не может быть и речи. У него сейчас имеется возможность разорвать зацикленную цепь и обрезать пуповину, соединявшую его с Землей. Отказаться от подобной возможности было бы неразумно. Вернуться на Корвин, готовиться к отражению нападения, защищать свой дом и Родину, когда настанет для этого час, — вот единственно разумный порядок действий. Продолжать поиски несуществующего сверхоружия бесполезно.

«Лучше предоставить Землю ее печальной участи, — подумал он, — и вернуться на Корвин».

Беседа стала затухать и почти совсем остановилась. Ему и землянам больше не о чем было говорить. Обе стороны взывали о помощи, и ни одна из них не была в состоянии оказать ее.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Майрак. — Эти разговоры о бегстве и о нашествии портят настроение.

Пластинка с музыкой Бетховена закончилась. Майрак встал, вынул ее из проигрывателя и поставил на место.

— У нас отличная коллекция старинных авторов. Вот, например, Моцарт, Бах, а вот это Гайдн...

— Боюсь, что мне не приходилось слушать никого из них, — признался Эвинг. — У нас на Корвине сохранилось всего лишь несколько записей произведений старинных композиторов с Земли. Я слышал их в музее. — Он наморщил лоб, пытаясь припомнить имена. — Там были Равель и Стравинский, помнится. И, кажется, какой-то Барток. Записи эти принадлежали одному из пионеров-колонистов.

Майрак поставил пластинку Баха. Он объяснил, что приятно звучащий инструмент, который ведет основную тему, называется клавесином. Это был очень примитивный инструмент, издававший звуки при механическом воздействии на его струны.

Несколько ученых всерьез интересовались музыкой, как новой, так и старой. Они стали наперебой излагать свои точки зрения. В другое время Эвинг, возможно, и принял бы участие в этой дискуссии. Теперь он их слушал только из вежливости, почти не вникая в то, что говорилось. Он пытался точно вспомнить текст записки, которую он прочел, а затем уничтожил сегодня утром. Они покажут ему свою машину времени. И он должен будет не поддаваться соблазну прыжка в прошлое. Это вызовет необходимые изменения в прошлом и будет способствовать осуществлению плана, разработанного Эвингом-1.

«Каким бы он ни был!» — подумал настоящий Эвинг.

Наконец Майрак сказал:

— Мы многого достигли в разработке теории времени. Наши машины, находящиеся в глубоких подвалах этого здания, могут...

— Нет! — произнес Эвинг так внезапно и так резко, что это прозвучало почти как крик. Затем более спокойным тоном он продолжал: — Я имел в виду, что сейчас уже поздно. Боюсь, что стоит мне увидеть хоть одним глазом ваши машины времени, я буду настолько заворожен ими, что до неприличия затяну свое посещение и злоупотреблю вашим гостеприимством. Надо ценить время хозяев!

— Но мы очень хотим, чтобы вы провели у нас столько времени, сколько вы пожелаете, — запротестовал Майрак. —Если вам хочется взглянуть на машины...

— Нет! — решительно повторил Эвинг. — Боюсь, что мне пора.

— В таком случае мы отвезем вас в гостиницу.

Вот здесь должна быть точка расхождения, подумал Эвинг в то время, как земляне провели его к двери и стали выполнять операции, которые делали возможным синхронизацию с остальным миром.

«Мой предшественник ни разу не выходил из этого здания, — отметил про себя Эвинг. —Вместо этого он удваивался вечером Второго дня. Теперь я наконец-то отделился от двойника».

Он сел в машину и оглянулся на свободный участок, который на самом деле был занят зданием Института.

— Вы должны когда-нибудь посмотреть, как действуют наши машины, — сказал сопровождающий его Майрак.

— Да... разумеется, — уклончиво ответил Эвинг. — Как только управлюсь с неотложными делами.

«Завтра я уже буду возвращаться на Корвин, — подумал он. — Скорее всего я больше никогда не увижу ваши машины, приятель».

Он понял, что своими действиями во второй половине дня породил новую цепочку событий. Он не вернулся назад, во Второй день, и не спас узника, допрашиваемого Фирником, тем самым он создал Эвинга-3, у которого сириане все же извлекли из мозга информацию и который скорее всего умер два дня назад. Таким образом, Фирник уверен, что Эвинг мертв! И будет очень удивлен, когда призрак затребует свой корабль из ангаров космопорта и возьмет курс на Корвин.

Эвинг нахмурился, пытаясь выбраться из лабиринта, в котором бились его мысли. Что ж, теперь все это не имеет никакого значения, заключил он. Решающий шаг сделан!

К худу или добру, но временной континуум был изменен, и время теперь текло по новому руслу.

Глава 14

Эвинг выписался из Гранд-отеля в полдень следующего дня. Очень удачно, подумал он, что администрация освободила его от уплаты за проживание в течение недели. Иначе он не смог бы расплатиться. У него было всего десять кредитов — «подарок» от таинственного спасителя, ныне уже мертвого.

Робот—дежурный администратор был сдержанно вежлив, когда Эвинг подписывал бумаги, прекращавшие его дальнейшие взаимоотношения с гостиницей и извещавшие о его отбытии из Валлон-сити.

— Я надеюсь, что вам понравилось пребывание в нашем отеле, — произнес робот скрипучим голосом.

Эвинг зло посмотрел на это создание из металла и сказал:

— О, да! Я просто восхищен!

Он просунул в окошко бумаги.

— Вы можете доставить мой багаж в космопорт?

— Разумеется, сэр! Это гарантируется нашим обслуживанием.

— Спасибо, — поблагодарил Эвинг и быстро прошел через роскошный вестибюль — мимо светового фонтана, мимо кресел для отдыха, мимо того места, где прежде находился энергитрон и где теперь роботы занимались ремонтом киоска. Он был уже наполовину восстановлен. К концу дня, скорее всего, не останется никаких следов того, что всего лишь три дня назад здесь погиб страшной смертью человек.

По пути к выходу он прошел мимо троих сириан, однако это не вызвало у него ни малейшего беспокойства. Для Роллана Фирника и его приспешников корвинит Бэрд Эвинг умер под пытками вечером Второго дня. И если кто-то был очень на него похож, то это было чистым совпадением. Он смело прошел мимо группы сириан и вышел на улицу.

Солнце клонилось к зениту. На улицах становилось все более оживленно. Бюллетень, отпечатанный телестатом в номере, обещал постояльцам гостиницы небольшой восьмиминутный дождь в четырнадцать часов сегодня, Пятого дня, и Эвингу пришлось задержаться. Теперь улицы были свежими и чистыми.

Эвинг сел в машину, предоставляемую гостиницей своим постояльцам для отправления в ближайший космопорт, и в последний раз взглянул на Гранд-отель Валлон-сити. Он чувствовал усталость и легкую грусть перед расставанием с Землей. Очень многое здесь напоминало о былых временах, и так же много было признаков нынешнего упадка. С одной стороны, этот день был для него полным событий, а с другой — на редкость пустым: он возвращался на Корвин, так ничего и не добившись и ничего не узнав, кроме того, что никакой помощи Корвину оказано не будет.

Некоторое время он размышлял над вопросом путешествий во времени. Очевидно, эта машина землян, наряду с другими парадоксальными свойствами, была способна создавать материю там, где ее прежде не существовало. Она извлекла неизвестно откуда тела Эвинга, из которых по меньшей мере два, а может быть, и больше, существовали одновременно. Казалось, что, как только очередное новое тело извлекалось из структуры времени, оно оставалось существовать параллельно остальным. Если бы это было не так, подумал Эвинг, то мой отказ вернуться в прошлое и организовать спасение уничтожил бы меня в данном временном континууме. Однако этого не случилось. В результате оборвалась только жизнь того «Эвинга», который находился в подвале для пыток вечером Второго дня.

— Космопорт, — объявил робот.

Эвинг направился к двери с табличкой «Вылет». Он заметил, что в очереди к служащему-роботу очень мало землян. В основном Землю покидали только сириане. Очередь продвигалась очень медленно.

Когда подошел черед Эвинга, он положил на стол свои бумаги. Робот быстро пробежал по ним фотоэлектрическими глазами.

— Вы — Бэрд Эвинг со свободной планеты Корвин?

— Да.

— Вы прибыли на Землю в Пятый день, седьмого числа Пятого месяца сего года?

Эвинг кивнул утвердительно.

— Ваши документы в порядке, сэр. Ваш корабль находится в ангаре номер 1078. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Это было разрешение на вылет и одновременно предписание службам космопорта извлечь его корабль из ангара, произвести все необходимое обслуживание перед вылетом, погрузить его вещи на борт корабля и установить корабль на взлетном поле. Эвинг быстро ознакомился с документом, расписался и вернул его роботу.

— Пожалуйста, пройдите в зал ожидания номер два и оставайтесь там, пока вас не вызовут. Менее, чем за час, ваш корабль будет подготовлен к вылету.

У Эвинга пересохло в горле.

— Это значит, что меня вызовут по системе общего оповещения?

— Да.

Мысль о том, что его фамилия будет громко названа в помещении космовокзала, где находится так много сириан, очень ему не понравилась.

— Я бы предпочел, чтобы моя фамилия не называлась. Может быть, можно будет использовать какое-нибудь слово?

Робот заколебался.

— Ну, положим, — голос у Эвинга был спокойным, — вы вызовете меня, употребив имя... э... Блейд. Да, можно назвать меня мистер Блейд. Договорились?

С сомнением в голосе робот произнес:

— Но так нельзя поступать.

— А разве в правилах существует особый параграф, запрещающий использование псевдонимов?

— Нет, но...

— А если в правилах об этом не сказано, то почему бы вам так не поступить? — почти натурально изумился Эвинг. — Итак, зовите меня Блейд.

Сбить этого робота с толку было довольно просто. Робот-служащий с ним согласился. Эвинг весело улыбнулся и двинулся в зал ожидания номер два.

Это было величественное помещение, увенчанное огромным куполом на высоте более сотни футов над головой, заливающим все вокруг мягким голубым светом. В одном из углов зала была возведена колонна с огромным громкоговорителем, в другом конце на высоте десяти метров от уровня пола был установлен огромный экран, на котором для скучающих пассажиров мелькали абстрактные узоры.

Некоторое время Эвинг без всякого интереса наблюдал за игрой красок на экране, затем нашел место в одном из углов зала ожидания, где его труднее всего было заметить. Сейчас в зале вряд ли был хоть один землянин. Жители этой планеты редко покидали Землю, а этот гигантский космопорт, этот памятник тысячу лет назад закончившейся эпохи освоения звезд теперь обслуживал туристов с Сириуса-4 и других, еще более чуждых Земле существ.

Мимо прошло создание с головой, похожей на пузырь, и с чешуйчатой пурпурной кожей. В каждой из его конечностей было по уменьшенной копии этого существа. Мистер Х с планеты Хабд, подумал с горечью Эвинг. Он привозил своих ребятишек на Землю, чтобы показать им поучительное зрелище угасающей цивилизации.

Неподалеку от Эвинга остановилось трое инопланетян. Они стали обмениваться захлебывающимися гортанными звуками. «Похоже, что один из них говорит другому, чтобы он внимательно все разглядывал, — подумал Эвинг. —Ничего этого, возможно, уже не будет, когда они прибудут сюда в следующий раз».

Отчаяние охватило Эвинга. В который раз он осознавал то, что Корвин и Земля обречены и что нет никакой возможности задержать безжалостные клыки, нависшие над ними. Он опустил голову и сжал пальцами виски.

— Мистер Блейд, пожалуйста, пройдите к стойке отправления! Мистер Блейд, пожалуйста, пройдите к стойке отправления!...

До Эвинга смутно дошло, что это вызывают именно его.

Он прошел в направлении, указанном фиолетовыми огоньками, загоравшимися в полу зала ожидания, миновал центр зала и повернул налево — к стойке отправления. Только он подошел к ней, как громкоговоритель еще раз взорвался:

— Мистер Блейд, пожалуйста, пройдите к стойке отправления!

— Блейд — это я, — сказал он роботу, с которым разговаривал за час до этого, и протянул свое удостоверение.

Робот внимательно его осмотрел:

— Тут сказано, что вы — Бэрд Эвинг, — не сразу произнес робот.

Эвинг раздраженно вздохнул.

— Свертесь со своей собственной памятью, милейший! Конечно, моя фамилия — Эвинг, но ведь я договорился с вами, чтобы меня вызывали под именем Блейда. Вспомнили?

Оптические линзы робота яростно вращались, пока он тупо перебирал содержимое своей памяти. Эвинг напряженно ждал, нервничая и переминаясь с ноги на ногу. После, как ему показалось, пятнадцатиминутного ожидания взгляд робота снова прояснился и он заявил:

— Утверждение правильное, сэр. Вы — Бэрд Эвинг, взявший себе псевдоним Блейд. Ваш корабль, мистер Блейд, ждет вас в секторе одиннадцать.

Эвинг с благодарностью взял блестящий планшет и вышел в коридор для отправляющихся. Здесь он передал планшет дежурному роботу-водителю, который повез его через широкое поле космодрома к кораблю.

Она стояла одна в свободном пространстве радиусом в добрую сотню метров — стройная, полная изящества золотисто-зеленая игла, сверкающая в лучах заходящего солнца. Эвинг взобрался вверх по трапу, отодвинул входной люк и вошел внутрь своего корабля.

Воздух был здесь слегка затхлым — сказалось недельное пребывание корабля в ангаре космопорта. Внешне все было в порядке: резервуар для сна, который будет длиться все его одиннадцатимесячное путешествие обратно на Корвин, радиоаппаратура вдоль противоположной стены, видеоэкран. Он повернул рукоятку грузового отсека и открыл его. Немногочисленные его вещи находились на борту. Корабль был готов к взлету.

Но прежде всего донесение.

Он включил субэфирный генератор, провел необходимую настройку для того, чтобы направить луч с донесением на Корвин. По субэфирному лучу оно будет идти еще около недели, прежде чем достигнет приемного устройства на его родной планете.

Второе донесение, подумал он с горечью, сообщающее об его отбытии, последует за первым всего лишь через несколько дней.

Он включил тумблер «передача». Загорелась лампочка разрешения.

Он взял в руки микрофон.

«Говорит Бэрд Эвинг. Буду краток. Это мое второе и последнее донесение. Возвращаюсь на Корвин. Миссия полностью провалилась. Земля не в состоянии помочь нам. Ей самой непосредственно угрожает захват со стороны обитателей Сириуса-4, далеких потомков колонизаторов с Земли. В культурном отношении на Земле, похоже, еще хуже, чем у нас. Извините, что передаю плохие вести. Надеюсь, что ничего серьезного не произойдет за время моего путешествия. Больше никаких сообщений от меня не будет. На этом заканчиваю сеанс связи».

Некоторое время он задумчиво смотрел на затухающие огоньки генератора, затем тряхнул головой и поднялся. Включив планетарное радио, он связался с координационным центром, размещенным в диспетчерской вышке космопорта.

«Это Бэрд Эвинг, на борту одноместного корабля на стартовой площадке номер одиннадцать. Я намерен произвести автоматический запуск через пятнадцать минут. Давайте сверим время».

Мгновенно голос робота ответил:

— Сейчас 19.12.

— Хорошо. Могу я произвести запуск в 19.30?

— Разрешается, — ответил робот после небольшой паузы.

Пробормотав подтверждение, Эвинг ввел данные в автопилот и включил пусковое устройство. Через несколько минут корабль стартует с Земли, независимо от того, где он сам будет находиться в этот момент: в защитном резервуаре либо вне его. Однако спешить не было необходимости. Процесс замораживания отберет у него не более нескольких минут.

Он сбросил с себя одежду, аккуратно сложил ее и открыл кран наполнителя ванны питательным раствором. Автопилот неумолимо отсчитывал время: оставалось одиннадцать минут до старта.

До скорого, Земля!

Он залез в резервуар. Теперь в его сознании взяли верх глубоко сублимированные инструкции. Он абсолютно точно знал, что нужно делать. Все, что оставалось, это нажать ногами на педали, чтобы войти в состояние гибернации. Автоматически ему будут сделаны все необходимые уколы и начнет функционировать термостат. В конце путешествия, когда его корабль будет на орбите Корвина, он будет автоматически размерожен, чтобы с помощью ручного управления произвести посадку.

Звонок коммуникатора включился как раз в тот момент, когда он уже собирался нажать на педаль. Эвинг раздраженно поднял голову. Что это такое?

— Вызывается Бэрд Эвинг... Вызывается Бэрд Эвинг...

Это была центральная диспетчерская. До старта оставалось восемь минут. От него ничего не останется, кроме лужи из студня, если в момент старта он еще будет шататься по кораблю.

Эвинг все же вылез из ванны и отозвался на вызов.

— Говорит Эвинг. Что случилось?

— Срочный звонок из здания вокзала, мистер Эвинг. Позвонивший говорит, что он должен связаться с вами прежде, чем вы стартуете с Земли.

Эвинг задумался. Кто бы это мог быть? Преследующий его Фирник? Или Бира Корк? Нет. Они были свидетелями его смерти во Второй день. Тогда Майрак? Возможно... Кто еще?

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Соедините меня с абонентом.

Послышался новый голос:

— Эвинг?

— Да. Кто вы такой?

— Сейчас это не имеет никакого значения. Слушайте меня внимательно, Эвинг. Не могли бы вы прямо сейчас прийти в здание космовокзала?

Голос был ему знаком. Эвинг рассердился.

— Нет, не могу. Мой автопилот включен, и я стартую через несколько минут. Если вы не можете сказать мне, кто вы такой, то я не намерен изменить график своего взлета.

Эвинг услышал глубокий вздох.

— Я мог бы сказать вам, кто я такой, но вы просто этому не поверите, вот и все. Но вы обязаны сейчас же отложить свой старт. Помните, обязательно отложить! И прийти в здание космовокзала!

— Нет!

— Предупреждаю вас, Эвинг, — произнес собеседник. — Я могу принять меры по предотвращению вашего полета. Но это может причинить вред нам обоим. Поэтому вам остается просто поверить мне. Понятно?

— Я не собираюсь покидать корабль из-за каких-то анонимных угроз, — запальчиво произнес Эвинг. — Назовите мне, кто вы такой! В противном случае, я намерен тотчас же отключиться и перейти в состояние гибернации.

— Шесть минут до взлета, — раздался голос автопилота-робота.

Прошло еще несколько секунд.

— Хорошо, — отозвался на другом конце линии незнакомец. — Я вам скажу, кто я. Мое имя Бэрд Эвинг со Свободной планеты Корвин. Я — это ты, понятно? Теперь ты наконец вылезешь из своего корабля?

Глава 15

Дрожащими пальцами Эвинг отключил автомат и возвратил аппаратуру для замораживания в исходное состояние. Затем он вызвал диспетчерскую и нетвердым голосом уведомил о том, что он временно приостанавливает график взлета и возвращается в здание космовокзала.

Он снова оделся и был уже полностью готов, когда робокар прогромыхал по бетону поля, направляясь к его кораблю, чтобы отвезти его назад в здание вокзала.

Он договорился встретиться с другим Эвингом в зале для отдыха, в том самом, где он впервые встретился с Ролланом Фирником по прибытии на Землю. Зал встретил его ровным гудением разговоров многочисленных пассажиров. Его взгляд остановился на высокой и стройной, одетой в костюм-двойку фигуре за столиком в дальнем конце зала.

Он подошел и сел за столик, не спрашивая разрешения. Человек за столиком улыбнулся ему спокойно и уверенно. У него закружилась голова.

— Я даже не знаю, с чего начать. Кто вы? — спросил он.

— Я уже сказал. Я — это ты сам! Я — Бэрд Эвинг!

Интонация, тембр голоса, улыбка — все соответствовало. Эвинг почувствовал, что все вокруг поплыло перед его глазами. Он глядел прямо в зеркальное отображение самого себя, находящегося по ту сторону столика.

— Но я считал, что ты мертв! — произнес Эвинг. — В записке, которую ты мне оставил, говорилось...

— Я не оставлял тебе никакой записки, Бэрд, — сразу же прервал его другой Эвинг.

— Хорошо, — согласился Эвинг, — давай все по порядку. — Этот разговор походил на какой-то кошмарный сон. Он задыхался от застывшего в горле комка. — Ты спас меня от Фирника, верно?

Собеседник кивнул.

— И ты отвез меня в гостиницу, уложил в постель и написал записку, в которой старался мне все объяснить. В конце концов ты написал, что намерен спуститься вниз, в вестибюль, чтобы взорвать себя в киоске энергитрона...

Его собеседник смотрел на него изумленными глазами.

— Нет! Все было совершенно не так, Бэрд. Да, я привез тебя в гостиницу и уложил в кровать. Потом я ушел. Я не оставлял тебе никакой записки, в которой бы грозился совершить самоубийство.

— И ты не оставлял мне денег? А как насчет бластера?

Человек по ту сторону стола недоуменно качал головой.

Эвинг на мгновение закрыл глаза.

— Но если эту записку оставил мне не ты, тогда кто же ее оставил?

— Расскажи-ка о записке подробнее, — попросил другой Эвинг.

Эвинг вкратце изложил по памяти содержание этой записки. Другой Эвинг внимательно слушал, загибая пальцы. Когда Эвинг умолк, он еще некоторое время глубокомысленно молчал, морща брови. Наконец он произнес:

— Теперь понятно. Нас было четверо.

— Что!?

— Попробую объяснить все по порядку. Я — первый из нас, который прошел через все это. Все началось с парадокса замкнутого круга, в котором было только два участника: «я» — в камере пыток, «я» — будущий, «я» — вернувшийся из будущего, чтобы спасти самого себя. Было четыре отдельных расщепления континуума: тот Эвинг, который умер под пытками, который спас измученного пытками Эвинга, оставил записку и совершил самоубийство, тот, который спас измученного пытками Эвинга, но самоубийства не совершил, и, наконец, был еще Эвинг, который был спасен, но сам не вернулся в прошлое, чтобы стать спасителем, и тем самым разорвал этот порочный круг. Двое из четырех Эвингов еще живы — третий и четвертый. Ты и я.

— Мне кажется, что какой-то смысл в этом есть, — очень тихо произнес Эвинг. — Но при этом остается один лишний Бэрд Эвинг, не так ли? После того, как ты осуществил мое спасение, почему ты решил остаться в живых?

Другой пожал плечами.

— Я не отважился на риск самоубийства, так как не знал, что могло при этом случиться.

— Нет! Знал, — обвиняющим тоном произнес Эвинг. — Ты знал, что следующий в данной последовательности остается в живых. Ты мог бы оставить ему записку, но не сделал этого. И поэтому он пошел по цепи, оставил мне записку и сошел с дороги.

Второй Эвинг грустно улыбнулся.

— По-видимому, он был более храбрым, чем я.

— Но как это могло быть? Разве мы все не одинаковы?

— Это так, — снова печально улыбнулся другой. — Но человек — существо очень сложное. Жизнь не является простой последовательностью логически обоснованных событий. Она скорее является переходом от одного сурового решения к следующему. Семена моего решения были в прото-Эвинге. Отсюда побуждение к самоубийству. Я смотрел на происходящее одними глазами, он — несколько иными. И вот я здесь, а он — там.

Эвинг понял, что сердиться бесполезно. Человек, который сидел напротив него, был им самим, а кому, как не ему, знать, что он всегда был полон внутренних противоречий, что в нем уживались

различные, как сильные, так и слабые стороны, что характерно не только для него, Бэрда Эвинга, но и для любого другого человека. Сейчас не время для упреков. Однако он предвидел возникновение серьезных проблем.

— Так что же нам теперь делать? — спросил он.

— Существует причина, из-за которой я снял тебя с корабля. И она вовсе не в том, что я хочу остаться здесь, на Земле.

— А в чем же?

— Машина времени, которая есть у Майрака, поможет спасти Корвин от клодов, — уверенно произнес другой Эвинг.

Эвинг раскрыл рот от изумления.

— Каким образом?

— Я заехал сегодня утром к Майраку, и он встретил меня с распростертыми объятиями. Он сказал, что очень рад, что я вернулся, чтобы взглянуть на его машину времени. Вот тогда-то я и понял, что ты был там вчера и не вернулся на эту карусель, — он покачал головой. — Я рассчитывал, понимаешь, на то, что ты станешь единственным из Эвингов, который по-настоящему двинется дальше вдоль русла времени, в то время как все остальные вертятся между Четвертым днем и Вторым, гоняясь друг за другом. Но ты разорвал эту цепь и все перепутал.

— Это ты все перепутал, — огрызнулся Эвинг, — предполагалось, что ты не останешься в живых.

— Но ведь и тебе не полагалось существовать в Пятом дне!

— Перебранкой делу не поможешь, — более спокойно произнес Эвинг. — Ты говоришь, что машина времени землян может спасти наш Корвин. Но каким образом?

— Я пришел именно к такому выводу. Сегодня утром Майрак показал мне различные способы применения своей машины. Она может быть преобразована во внешнее развертывающее устройство, излучение которого может быть использовано для того, чтобы забрасывать предметы любых размеров назад в прошлое.

— Флот клодов! — тотчас воскликнул Эвинг.

— Да, и флот клодов! Мы устанавливаем проектор на Корвине и ждем, пока не появится флот неприятеля, а затем отбрасываем их назад, ну скажем, на пять миллиардов лет, причем без обратного билета.

Эвинг улыбнулся.

— А я отправился домой и вот-вот должен стартовать, в то время как ты уже все это знал...

Другой Эвинг пожал плечами.

— Тебе ведь не довелось присутствовать на демонстрации машины времени. Мне просто повезло. Сразу же после того, как Майрак заявил, что способен управлять временем, в голову мне пришла мысль: это то, что нам надо.

— Что же ты теперь предлагаешь? — спросил Эвинг.

— Вернемся к Майраку и возьмем у него чертежи устройства. А затем сразу на корабль и...

Он осекся. Эвинг, взглянув на своего двойника, произнес:

— Что же ты замолчал? Я жду!

— Это... это ведь одноместный корабль? — спросил второй Эвинг дрогнувшим голосом.

— Да, — подтвердил Эвинг. — Я долго ждал, когда ты подойдешь к этой проблеме. Наконец ты вспомнил, что, к несчастью, это одноместный корабль. После того как мы раздобудем чертежи, нам надо решить, кому из нас возвращаться на Корвин, а кому остаться здесь.

Он понимал, что страдания на хмуром лице его двойника были зеркальным отображением его мук. Ему было очень тяжело, и он знал, что его двойник испытывает такое же чувство. Он физически ощущал муки бессилия человека, глядящего на себя в зеркало и отчаянно пытающегося предпринять что-либо такое, на что не могло быть способно заключенное в зеркале его отражение.

— С этим мы разберемся позже, — сказал уклончиво другой Эвинг. — Сначала надо заполучить чертежи. Все остальное потом.

Они быстро нашли автоматически управляемое такси и направились в пригород, где был расположен Институт абстрактных знаний. По пути Эвинг повернулся к своему спутнику и спросил:

— Каким образом ты узнал, что я собираюсь отправиться назад на Корвин?

— Как только я узнал от Майрака о твоем существовании и о том, что его машина может помочь Корвину, я вернулся в Гранд-отель и направился в твой номер, однако идентификационная пластина не сработала. А ведь эта дверь должна была бы подчиняться мне в такой же степени, как и тебе. Поэтому я спустился вниз, из вестибюля позвонил администратору и спросил о тебе. Мне ответили, что ты уже выписался и находишься в космопорту. Слава богу, я успел туда вовремя.

— А что, если я отказался бы выйти из корабля? — спросил Эвинг.

— Тогда я стал бы настаивать на том, что Эвинг это я, а ты украл у меня корабль, что, между прочим, было бы недалеко от истины. Потребовалась бы проверка личности. Разумеется, они установили бы, что я — Эвинг, и заинтересовались бы, а кем тогда являешься ты? Чтобы установить это, тебя нужно было бы снять с корабля. Это было очень рискованным — либо обнаружилось бы, что существует еще один Эвинг, либо ты плюнул бы на их распоряжения и стартовал. Они наверняка послали бы вслед тебе перехватчика, и мы оба попали бы в серьезный переплет. Можно было бы потерять корабль!

Возле пустого участка улицы, где располагался Институт абстрактных знаний, они вышли из такси.

— Жди меня здесь, — сказал второй Эвинг. — Я расположусь внутри их приемного поля и стану ждать, пока меня не впустят внутрь. Через десять минут ты следуешь за мной.

— У меня нет часов, — покачал головой Эвинг. — Их отобрал Фирник.

— Вот, возьми мои! — раздраженно проговорил его двойник. Он расстегнул цепочку и отдал часы Эвингу. На вид они были очень дорогими.

— Откуда у тебя такие часы? — спросил Эвинг.

— Я позаимствовал их у одного землянина вместе с пятью сотнями кредитов утром Третьего дня. Ты — нет, не ты, а тот Эвинг, который стал твоим спасителем позже, отсыпался в гостинице в нашем номере, поэтому мне пришлось поискать другое место, где бы я мог остановиться. И все, что у меня было, это десять кредитов, оставшихся после покупки маски и оружия.

«Кто-то оставил мне десять кредитов», — подумал Эвинг. Парадоксы росли, как снежный ком. Лучшее, что он мог сделать, не думать о них вовсе.

Он надел часы. На них было 19.50, вечер Пятого дня. Его двойник подошел, как бы гуляя, к определенному месту и внезапно исчез. Его поглотил Институт абстрактных знаний.

Эвинг стал ждать. Время ползло медленно. Пять минут... шесть... семь...

Через восемь минут он двинулся, как ему казалось, с полнейшим безразличием к пустому участку. Через десять минут он был в нескольких метрах от его границ. С большим трудом он заставил себя переждать последнюю минуту. В кармане брюк ощущалась тяжесть парализатора. Он помнил, что у другого Эвинга тоже был такой пистолет — точная копия его собственного.

Через девять минут сорок пять секунд, осмотревшись по сторонам, он непринужденно подошел к границе участка и тотчас ощутил переход в другой временной континуум, отстоящий от того, в котором он жил, всего лишь на три микросекунды. Он был внутри Института абстрактных знаний, внезапно исчезнув для всего остального мира.

Его взору открылась весьма живописная картина. Другой Эвинг стоял у одной из стен с парализатором в руке. Перед ним было семь или восемь сотрудников Института с бледными лицами и испуганными глазами.

Эвинг встретился с укоряющим взглядом Сколара Майрака.

— Спасибо вам за то, что впустили меня и моего... э... брата, — сказал с улыбкой второй Эвинг. Какое-то время оба корвинита, не мигая, смотрели друг на друга. В глазах своего альтерэго Эвинг

прочел осознание глубокой вины и понял, что этот человек был ему больше, чем близнец: они оба мыслили и чувствовали одинаково.

— Мы очень сожалеем об этом, — сказал он, обращаясь к Майраку. — То, что нам приходится делать, поверьте, причиняет нам невыразимые страдания.

— Я уже объяснил уважаемым землянам, зачем мы сюда прибыли, — сказал второй Эвинг. — Здесь есть модель машины времени в уменьшенном размере и полный комплект чертежей, а также несколько тетрадей с теоретическими обоснованиями возможности путешествия во времени. Однако все это вряд ли можно унести.

— Тетради нам невозможно будет восстановить, — с горечью произнес Майрак.

— Мы постараемся их сохранить, — пообещал Эвинг. — Но сейчас они нам нужнее, чем вам, поверьте.

Другой Эвинг произнес:

— Ты останешься здесь с парализатором наготове, а я с Майраком спущусь вниз, чтобы отобрать то, что мы могли бы забрать с собой.

Эвинг кивнул.

Достав свое оружие, он заменил своего двойника у стены, продолжая удерживать своих незадачливых хозяев у другой стены на почтительном расстоянии.

Примерно через пять минут его двойник и Майрак вернулись, неся чертежи, тетради и модель, которая с виду весила килограммов двадцать.

— Здесь все, что нужно! — торжественно произнес второй Эвинг. — А теперь вы пропустите меня через свой темпоральный барьер. Мой брат останется здесь и будет держать всех под прицелом. Я бы не советовал вам пытаться что-либо отколоть.

Через десять минут оба Эвинга стояли снаружи Института абстрактных знаний. Между ними была сложена их богатая добыча.

— Как мне было противно делать это, — признался Эвинг.

— Мне тоже, — кивнул двойник. — Они такие вежливые, кроткие, а мы так подло отплатили за их гостеприимство. Но нам позарез нужен этот генератор, если только мы хотим спасти все, что нам дорого.

— Да, — сдавленно ответил Эвинг. — Мы были вынуждены пойти на это. Если бы мы этого не сделали, то ничто уже не спасло бы Корвин.

Второй Эвинг внимательно посмотрел на своего «брата» и усмехнулся. Эвингу его улыбка почему-то не понравилась.

— Пойдем скорее отсюда, — заторопил он. — Нам нужно погрузить все это на корабль.

Глава 16

В полном молчании они совершили обратный переезд в космопорт. Глаза Эвинга случайно встретились с глазами двойника, и каждый из них виновато опустил взор.

«Кто из нас вернется на Корвин? — подумал Эвинг. — Кто из нас является подлинным Бэрдом Эвингом? И что будет с другим?»

В космопорту Эвинг затребовал робота-носильщика и передал ему краденые чертежи, записки и модель машины времени для погрузки на корабль. Когда это было выполнено, они оба холодно посмотрели друг на друга. Настало время отправления. Один из них должен был остаться на Земле.

Эвинг почесал подбородок и нерешительно произнес:

— Один из нас должен отправиться в диспетчерскую и переутвердить график вылета. Другой...

— Да. Я знаю.

— Как мы это уладим? Бросим монету? — Эвингу не терпелось поставить все точки над «i».

Один из них вернется к Лайре и Блейду. А другому...

Об этом не нужно было говорить. Перед ними была поставлена неразрешимая задача: каждый из Эвингов был уверен в том, что именно он является тем единственным, которому следует оставаться в нормальном потоке времени, и каждый из них в глубине души считал, что другой был должен, просто обязан был уступить.

Зажглись огни космопорта. Настало время принимать решение.

— Пойдем выпьем, — предложил Эвинг.

Перед входом в буфет толклась целая толпа отправляющихся с Земли в этот вечер и надеющихся пропустить одну-другую рюмку перед стартом. Эвинг заказал спиртное для обоих, и они угрюмо обменялись тостами.

— За Бэрда Эвинга — кто бы он ни был!

Эвинг выпил, но легче ему не стало. Ему вдруг показалось, что тупик, в который они зашли, будет длиться вечно, что они останутся на Земле навсегда, так и не определив, кто из них должен возвратиться с планом спасения Корвина, а кто останется на Земле. Однако, минуту спустя, все переменилось.

Включились громкоговорители информационной службы:

«Внимание, внимание! Просим всех оставаться на своих местах. Повторяем, просим всех оставаться на своих местах!»

Они обменялись тревожными взглядами. Голос из громкоговорителя продолжал:

«Предполагается, что где-то в районе космопорта находится опасный преступник. Его рост — сто восемьдесят семь сантиметров.

У него светло-каштановые волосы, темные глаза, одет в старомодную двойку. Пожалуйста, оставайтесь там, где находитесь в данный момент, пока служба безопасности будет проводить розыск. Подготовьте документы для проверки, по первому же требованию службы безопасности вы должны их предъявить».

Взрыв недоуменных возгласов последовал за этим объявлением. Оба Эвинга с тоской посмотрели друг на друга.

— Кто-то нас выдал, — сказал Эвинг. — Наверное, Майрак. Или тот, которого ты ограбил. Но скорее всего, Майрак.

— Не все ли равно, кто нас выдал! — огрызнулся второй Эвинг. — Единственное, что сейчас имеет значение, — это то, что сейчас они будут здесь. И как только обнаружится, что описанию соответствуют двое...

— Но Майрак должен был предупредить, что нас двое!

— Нет! Он никогда этого не сделал бы. Он не захотел бы раскрывать способ, с помощью которого были вызваны к жизни мы оба.

— Наверное, ты прав, — согласился Эвинг. — Однако, если обнаружится, что у нас одинаковые удостоверения личности и мы сами идентичны, то схватят нас обоих. И ни один из нас тогда не сможет вернуться на Корвин.

— А если они найдут только одного? — спросил другой Эвинг.

— Каким образом? Мы не можем улететь, не покидая здания вокзала. К тому же здесь вряд ли есть такое место, где можно было бы спрятаться.

— Я не это имел в виду. Предположим, один из нас добровольно отдастся им в руки, уничтожив предварительно свои документы, а затем совершит попытку бегства. В наступившем беспорядке другой мог бы благополучно вылететь на Корвин.

Глаза Эвинга сузились — точно такой же план зародился и у него в голове.

— Но кто же из нас должен будет раскрыть себя? Мы снова сталкиваемся с той же самой дилеммой.

— Нет! — твердо сказал второй. — Никакой дилеммы нет. Я иду на это добровольно.

Эвинг покачал головой.

— Я не могу согласиться на такое. Ведь это самоубийство.

— У нас нет времени. Имеется только один способ решить наш спор.

Он порылся в кармане, извлек оттуда новенькую монету в полкредита и внимательно осмотрел ее. На одной стороне монеты было выгравировано символическое изображение Солнца с девятью планетами вокруг него. На другой — украшенное орнаментами число «50».

— Я бросаю монету, — сказал он. — Если выпадет «Солнечная система» — идешь ты. Если номинал — иду я. Согласен?

— Да, — выдавил из себя Эвинг.

Эвинг положил монету на ноготь большого пальца и подбросил ее вверх, затем быстрым движением поймал ее прямо в воздухе и прикрыл ладонью руки. Когда он приподнял руку, монета лежала номиналом вверх.

Он кисло улыбнулся.

— Значит, иду я, — произнес он. Вынув из кармана свои документы, он разорвал их в клочья и, взглянув на бледное, вытянувшееся лицо человека, которому было суждено стать настоящим Бэрдом Эвингом, произнес: — Прощай парень. Удачи тебе во всем! И поцелуй за меня Лайру, когда вернешься...

Четверо полицейских-сириан вошли в бар и начали сновать среди посетителей. Еще один остался стоять у двери. Эвинг медленно поднялся со своего стула. Теперь он был абсолютно спокоен. Как будто и не собирался умирать.

«Кто все-таки настоящий «я»? Человек, который умер, не вынеся пыток Фирника? Или взорвавший себя в киоске энергитрона? Или тот, который оставался сейчас сидеть в углу бара? Все эти люди — Бэрды Эвинги. Их индивидуальность непрерывна, она продолжается в каждом последующем воплощении настоящего Эвинга... Нет, Бэрд Эвинг не умрет, просто прекратят дальнейшее существование ставшие теперь ненужными его двойники. И так и должно быть!»

Эвинг хладнокровно прошел через помещение мимо ошеломленных посетителей бара, прикованных к своим столикам. За исключением троих полицейских он был единственным, кто осмелился передвигаться. Полицейские еще не заметили его. Он шел, не оборачиваясь.

Парализатор в кармане брюк был всего лишь в нескольких сантиметрах от его руки. Он неожиданно выхватил его из кармана и выстрелил в полицейского, который охранял вход. Сирианин опрокинулся навзничь. Остальные полицейские бросились к Эвингу.

— Кто вы такой? — спросил у него один из них. — Что вы здесь делаете?

— Я тот, кого вы ищете, — крикнул Эвинг так громко, что его можно было бы услышать за несколько сотен метров... — Если я вам нужен, то подходите поближе и берите, — он весело рассмеялся.

Пока полицейские осмысливали сказанное, он повернулся и выбежал в длинную сводчатую галерею.

Почти сразу же за ним бросились преследователи. Он крепко сжал парализатор, но пока еще не стрелял. Вспышка энергии выплеснулась у него над головой, обив со стены штукатурку. Позади него раздался вопль:

— Хватайте его! Остановите этого человека!

Будто по мановению волшебной палочки в дальнем конце коридора появились еще четверо полицейских. Эвинг нажал на спусковое устройство парализатора и заморозил двоих из них. Затем он рванулся вправо, проскочив сквозь автоматически открывающиеся двери, он очутился на взлетной полосе космодрома, куда доступ был строго воспрещен.

К нему подкатил робот.

— Можно взглянуть на ваш пропуск, сэр? — металлический голос был ровный и невозмутимый. — Людей допускают в этот сектор только по особым пропускам.

В ответ Эвинг вскинул парализатор и превратил в непроводящий материал «непрерывные» цепи и мозг робота. Он неуклюже рухнул, как только вышла из строя гироскопическая система, поддерживающая его равновесие. Эвинг обернулся. Со всех сторон к нему бежали около двух десятков полицейских.

— Сдавайся! — Кричали они ему. — У тебя нет шансов на спасение!

«Я знаю это и без вас, — подумал Эвинг. — Но я не хочу, чтобы меня взяли живым».

Он плотно прижался к стоящему на поле заправщику и стал поливать приближающихся полицейских парализующими лучами. Они отвечали на его стрельбу осторожно, поскольку на поле было много дорогостоящего оборудования. Кроме того они получили приказ взять этого человека живым во что бы то ни стало. Эвинг выждал, пока ближайший полицейский подбежал на расстояние пятидесяти метров.

— Ну, лови, — крикнул он и, повернувшись, побежал зигзагами по взлетному полю.

Бетонная полоса тянулась километров на пять. Он бежал легко, описывая широкие круги, время от времени останавливаясь, чтобы выстрелить в преследователей. Он хотел удержать их на почтительном расстоянии до тех пор, пока...

Поле погрузилось в темноту. Эвинг поднял голову, чтобы выяснить причину этого неожиданного затмения.

Над его головой высоко в воздухе навис огромный звездолет. Он медленно, словно на невидимом блоке, снижался. Его турбины ревели, изрыгая клубы раскаленных газов, доходящих почти до поверхности земли.

Эвинг улыбнулся при виде этого зрелища. Это будет очень быстро, подумал он.

Эвинг услышал удивленные возгласы полицейских. Они остановились и стали пятиться назад, подальше от опускающегося на бетон огромного корабля. Эвинг побежал по широкой дуге, пытаясь на бегу определить курс снижавшегося лайнера.

«Это все равно, что упасть на солнце, — подумал он. — Мгновенная смерть!»

Он угадал место, где должен был опуститься корабль. Страшный жар охватил его. Он уже был в опасной зоне и смело побежал дальше, туда, где воздух был огненным адом. «За Корвин! — подумал он. — За Лайру и Блейда!»

— Идиот! Он же погибнет! — закричал кто-то издалека. Языки раскаленного газа, казалось, обрушились на него. Он почти оглох от всесокрушающего рева турбин. Затем на него навалился ослепительный огонь, и сознание, а вместе с ним и боль в течение микросекунды оставили Эвинга.

Внутри здания вокзала во всю мощь гремели динамики:

«Внимание, внимание! Мы приносим всем свою глубочайшую благодарность за оказанное содействие. Преступник найден, он больше не угрожает общественному спокойствию. Можете вернуться к своим делам. Мы еще раз благодарим всех за содействие и надеемся, что вам не было причинено беспокойство».

В вокзальном баре Эвинг тупо глядел на половину выпитые два бокала, стоящие на столике, — его и покойника. Резким порывистым жестом он выпил содержимое второго бокала, потом своего. Почувствовав, как алкоголь обжег его внутренности, он содрогнулся.

«Что принято говорить, думать, делать, когда человек отдает свою жизнь за то, чтобы ты смог спастись? Ничего. Ты даже не можешь сказать ему спасибо...» — мелькнуло у него в голове.

Он наблюдал за всем, что произошло, из окна бара. Отчаянное бегство, погоня, обмен выстрелами. Гигантский звездолет над одиноким беглецом, курс которого было невозможно изменить, независимо от того, кто оказался бы под его ревущими тормозными установками — один человек или целый полк, выстроенный на поле.

Даже сквозь защитное покрытие стекла было нестерпимо больно смотреть на ослепительное сияние газов. На всю жизнь на его сетчатке и в его мозгу останется крохотный человеческий силуэт под производящим посадку звездолетом, мгновенно исчезнувший в языках пламени.

Он встал. Сейчас Эвинг испытывал страшную усталость и полное опустошение. Совсем не такие чувства должен был испытывать человек, наконец-то получивший возможность вернуться домой, к своей жене и сыну...

Его миссия близилась к успешному завершению, однако он не испытывал радости: слишком дорогой ценой достался этот успех.

Кое-как он разыскал диспетчерскую и вытащил бумаги, которые были заполнены теперь уже мертвым Эвингом, то есть им самим, утром того же дня.

— Мой корабль в одиннадцатом секторе, подготовлен для взлета, — сказал он, протягивая документы. — Первоначальный старт планировался несколько раньше, однако я попросил отсрочки и изменения графика.

Он оцепенело ждал, пока робот произведет надлежащие манипуляции, даст ему новые формы для заполнения и в конце концов проведет его к выходу из вокзала. Здесь, у взлетного поля, его встретил другой робот и отвез на корабль. На его корабль, который мог отправиться на Корвин несколькими часами раньше, с другим пилотом на борту.

Эвинг встряхнулся, пытаясь отбросить охватившую его печаль. Если бы корабль стартовал раньше, ведомый другим Эвингом, то миссия закончилась бы полным провалом. Задержка на пять часов круто изменила результат этого полета на Землю.

И было глупо всерьез говорить о покойнике. А кто собственно умер? Бэрд Эвинг? Но ведь я жив!

Он взошел на корабль и осмотрелся. Все было готово к старту. Тот Эвинг, помнится, говорил, что отправил донесение на Корвин, в котором он, кажется, сообщал, что возвращается с пустыми руками.

Он включил субэфирный передатчик и отправил новое донесение, сообщая, что дело приняло другой оборот и что он возвращается на Корвин, располагая средствами спасения от клодов.

Он вызвал центральный пункт управления и спросил разрешения на взлет через двадцать минут. Затем он активировал автопилот, разделся и опустился в питательную ванну.

В его тело впились иглы, температура быстро поползла вниз. Из крохотных отверстий полились струйки, образуя из пены неразрушаемую паутину-колыбель, которая убережет его при взлете.

От успокаивающего наркотика затуманилось сознание. Угасающий разум успел зарегистрировать падение температуры на несколько десятков градусов и...

Последнее, что он успел ощутить, это первый момент старта. Едва только началось ускорение, он уже спал.

Глава 17

Одиннадцать месяцев, двенадцать дней, семь с половиной часов Эвинг спал, пока крохотный корабль совершал обратный полет.

И вот настал час, когда заранее отрегулированные датчики выдали сигнал о том, что путешествие окончено. Автоматически работавшие бортовые компьютеры вывели корабль на орбиту вокруг

возникшей поблизости планеты. Отключилась система гибернации. Температура постепенно приближалась к нормальной, и игла, вонзившаяся Эвингу в бок, пробудила его к жизни.

Он был дома.

Как только он окончательно пришел в себя, он связался с властями на поверхности планеты.

— Планетарный Совет Корвина вас слушает, — почти мгновенно последовал ответ. — Мы приняли ваш сигнал. Пожалуйста, назовите себя.

Эвинг ответил серией закодированных сигналов, которые были его условным идентификационным кодом.

Тотчас же были приняты символы опознавания, после чего тот же самый голос с планеты произнес:

— Эвинг! Наконец-то!

— Прошла всего лишь пара лет! — сказал Эвинг. — какие новости на планете?

— Ничего существенного!

В голосе было едва сдерживаемое любопытство. Эвинг ощутил некоторую неловкость, но продолжать разговор не стал.

Он записал координаты места посадки, как только получил их, обработал и ввел в бортовой компьютер, после чего перевел автопилот в режим посадки.

Он вышел из корабля на поле космодрома Браутон, в двенадцати километрах от Браутона, главного города планеты Корвин. Воздух был чист и свеж, с некоторым привкусом, которого ему так недоставало в течение всего пребывания на Земле. Спустившись на бетонную платформу, он стал ожидать электрокар. По голубому небесному своду пробегали легкие облака, взлетно-посадочное поле обрамляли несколько рядов величественных деревьев высотой около двухсот пятидесяти метров. Ни одно дерево на Земле, подумал он, не может сравниться с такими красавцами.

Подошел электрокар. Водитель, улыбаясь, приветствовал его:

— Поздравляю с возвращением, мистер Эвинг!

— Спасибо, — сказал Эвинг, занимая свободное место рядом с ним. — Как приятно вернуться домой!

У входа в здание вокзала электрокар уже ожидала наспех собранная делегация. Эвинг узнал премьера Девидсона, трех или четырех членов Совета, несколько профессоров Университета. Он пробежал глазами по делегации, удивляясь, почему не пришли встретить его Лайра и сын.

Затем он увидел их. Они стояли, замыкая группу встречающих, вместе с его друзьями. Они вышли вперед. Лайра как-то странно улыбалась, Блейд безразлично глядел на человека, которого он почти не помнил.

— Здравствуй, Бэрд, — сказала Лайра. Ему показалось, что

голос у нее стал несколько выше по сравнению с тем, который он помнил, и выглядела она старше, чем он себе представлял. Глаза ее запали, лицо похудело.

— Очень хорошо, что ты вернулся, Бэрд. Сынок, поздоровайся с отцом.

Эвинг посмотрел на мальчика. Он вытянулся. Круглолицый увалень, которому было чуть больше восьми лет, когда он покидал Корвин, превратился в долговязого нескладного подростка. Он нерешительно смотрел на отца.

— Здравствуй... папа!

— Привет, Блейд!

Он сгреб мальчика, оторвал от земли, легко подбросил вверх, поймал и опустил на землю. После этого повернулся к Лайре и поцеловал ее. Однако встреча была лишена настоящего тепла. Одна странная мысль не покидала его.

«На самом ли деле я Бэрд Эвинг? Тот ли я человек, который родился на Корвине, женился на этой женщине, построил дом и стал отцом этого мальчика? Или настоящий Эвинг умер там, на далекой Земле, а я всего лишь его копия, не отличающаяся от оригинала?»

Ему было больно от этой мысли. Умом он понимал, что с его стороны глупо расстраиваться из-за этого. У него тело Бэрда Эвинга, в нем заключена вся память, душевный мир и жизненный опыт Бэрда Эвинга, неповторимость его личности. Что еще может быть в человеке, кроме его физических проявлений, образа мысли и склада натуры, которые можно назвать душой?

Я и есть Бэрд Эвинг, убеждал он себя, пытаясь развеять возникшие у него сомнения.

Все смотрели на него с надеждой. Он старался оставаться спокойным, чтобы не показать борьбы, происходящей у него внутри.

Повернувшись к премьеру Девидсону, он сказал:

— Вы получили мое донесение?

— Все три. Их было только три, не так ли? Мы получили три ваших донесения.

— Да, — кивнул Эвинг. — Я прошу извинения за предпоследнее.

— Мы по-настоящему взволновались, когда получили то донесение, в котором говорилось, что вы возвращаетесь с пустыми руками. Мы очень рассчитывали на вас, Бэрд. А затем, примерно через четыре часа, поступило еще одно донесение.

Эвинг натянуто улыбнулся, хотя ему вовсе не было весело.

— Кое-что произошло в самую последнюю минуту. Такое, что может спасти нас от нападения клодов, — он неуверенно посмотрел вокруг себя. —Какие здесь новости? Что слышно о клодах?

— Они покорили Бергман, — сказал Девидсон, — на очереди

мы. Говорят, это может произойти в течение года. Они изменили маршрут своего нашествия после Лундквисла.

— Они завоевали Лундквисл? — воскликнул Эвинг.

— Теперь уже пали шесть планет. Мы следующие в их списке.

Эвинг покачал головой.

— Этого не будет. Это они окажутся в нашем списке. Я привез кое-что с Земли и думаю, что клодам это не очень-то понравится.

В тот же вечер он предстал перед Советом — после того как ему позволили провести полдня в кругу семьи, компенсируя двухлетнее отсутствие.

С собой он взял чертежи, записи и модель, отобранную у Майрака. Он подробно разъяснил, каким образом он намерен отразить нашествие клодов. Когда он закончил говорить, в зале разразилась настоящая буря.

Джасперс, представитель Северо-Западного Корвина, немедленно запротестовал:

— Путешествие во времени? Но это же невозможно!

Четверо других представителей словно эхо отозвались на эти слова. Премьеру Девидсону пришлось постучать по столу, призывая присутствующих к порядку.

Эвинг продолжал:

— Господа! Я вовсе не прошу, чтобы вы мне поверили. Вы послали меня на Землю за помощью, и я ее привез.

— Но ведь это чистейшей воды фантастика! То, о чем вы нам только что рассказали...

— Называйте это как угодно. Но вся штука в том, что эта аппаратура действительно работает.

— Откуда вам это известно?

Эвинг сделал глубокий вдох. Ему очень не хотелось давать объяснений.

— Я испытал ее, — наконец вымолвил он. — Я совершил путешествие в прошлое и разговаривал в нем с самим собой лицом к лицу. Можете мне не верить. Но тогда сидите, как стая подсадных уток, и пусть клоды уничтожат вас так же, как они уничтожили шесть планет в этом секторе галактики. А я говорю вам, что здесь у меня средство защиты от них, на которое можно положиться.

— Скажите нам, Бэрд, — спокойно возразил Девидсон, — во что нам может обойтись строительство этого вашего... оружия и сколько времени уйдет на это?

Эвинг на мгновение задумался.

— По моей оценке, понадобится от шести до восьми месяцев напряженной работы группы квалифицированных инженеров, чтобы

эта штука работала в нужном режиме. Что же касается стоимости, то не думаю, что это будет стоить менее трех миллионов стелларов.

Джасперс опять вскочил.

— Три миллиона стелларов! Я хотел бы спросить у вас, господа...

Но ему так и не удалось задать свой вопрос. Голосом, исключающим возможность перебить себя, Эвинг произнес:

— А я вас спрашиваю, господа, во сколько стелларов вы оцениваете свою жизнь? И зачем вам вообще нужны будут стеллары, если через год здесь будут властвовать клоды и вся ваша экономия не будет стоить и ломаного гроша? А может быть, вы намерены победить клодов посредством имеющегося у вас собственного оружия?

— Три миллиона стелларов составляют двадцать процентов нашего годового бюджета, — заметил Девидсон. — А если окажется, что ваше устройство неэффективно?

— Вы ничего не поняли! — воскликнул Эвинг. — Если мое устройство не сработает, то больше уже никогда не будет никаких бюджетов, о которых нам нужно будет беспокоиться!

Ответить на это было нечем. Джасперс, ворча, уступил, после чего оппозиция рухнула, как карточный домик; изготовление оружия, привезенного Эвингом с Земли, было санкционировано. Тень приближающихся клодов заслонила звезды, а другого оружия у Корвина не было. Ничто, известное людям, не могло остановить надвигающиеся орды захватчиков.

Это могло сделать только что-то до сих пор неизвестное.

Прежде Эвинг был человеком, предпочитающим уединение, однако теперь спокойной жизни у него больше не было. Двери его дома были круглосуточно открыты настежь. С ним непрерывно советовались важные советники, обсуждая новый проект. Ученые из Университета хотели как можно больше узнать о Земле. Издатели уговаривали его написать книгу о Земле. Журналисты умоляли его написать статью.

Но он всем отказывал. Большую часть своего времени он проводил в лаборатории, предоставленной ему в Северном Браутоне, руководя сооружением излучателя времени. У него не было специальной научной подготовки, и поэтому все работы велись под контролем инженеров. Однако он им помогал советами и предложениями, базировавшимися на его разговорах с Майраком и на собственном опыте, опыте перемещения во времени.

Прошло несколько недель. Обстановка дома оказалась натянутой и прохладной. Лайра стала почти чужой для него. Он рассказал ей все, что мог, о своем кратковременном пребывании на Земле, но еще раньше он решил сохранить абсолютное молчание относительно своих перемещений во времени, и поэтому рассказ его был неполным и отрывистым.

Что касается Блейда, то он снова привык к отцу. Эвинг тем не менее чувствовал себя неловко с ними обоими. Как ни нелепо это было, но он был не в состоянии признать до конца реальность своего существования.

Он был убежден в том, что именно он был первым из четырех Эвингов. Он был убежден, что остальные были просто его копиями. Однако полной уверенности в этом у него не было. Он не мог забыть, что двое из его дублей отдали свои жизни ради того, чтобы он смог вернуться на Корвин.

С тяжелым сердцем он думал об этом, а также о Майраке и о Земле, которая теперь была всего лишь протекторатом Сириуса. О Земле, которая посылала своих самых отважных сыновей к звездам и тем самым истощила свою плоть.

Он видел картины опустошения на Лундквисле и Бергмане. Лундквисл был планетой-аттракционом, планетой-курортом, привлекающим туристов с десятка планет в свои игорные дома и роскошные парки. Это был прекрасный, сверкающий мир. На фотоснимках были показаны кружевные башни, похожие на чудесный сон. На других — эти же башни, рухнувшие под безжалостными орудийными обстрелами клодов. С бессмысленной жестокостью клоды уничтожали все на своем пути. Теперь они снова тронулись в путь.

Корабли-разведчики следили за их приближением. Их флот сосредоточился сейчас на Бергмане. Если они будут придерживаться привычной тактики, то через год они покинут систему, к которой принадлежит Бергман, и устремятся к Корвину. И этого года должно хватить корвинитам, иначе...

Эвинг вел счет уходящим дням. Конусообразное сооружение излучателя времени медленно, но неуклонно обретало законченный вид. Никто не задавался вопросом, каким образом это оружие будет пущено в ход. Эвинг сам определил, что его нужно установить на звездолете, с таким расчетом оно и разрабатывалось.

По ночам ему не давал покоя непрерывно возвращающийся образ Эвинга, который по собственной воле бросился в струю газа, истекавшую из тормозных двигателей производящего посадку звездолета. Это мог быть я, часто думал Эвинг. Я вызвался тогда добровольно, но он настоял на том, чтобы бросить жребий.

И был еще один Эвинг, в равной степени смелый, которого он никогда не видел. Человек, который предпринял такие шаги, которые сделали его самым нужным, а затем спокойно и просто оборвал свое дальнейшее существование.

Не я все это совершил. Я рассчитывал на то, что они будут навечно прикованы к круговерти событий и что я буду тем единственным, который освободился из плена времени. Но случилось иначе.

Он также не мог забыть укоряющие глаза Майрака, когда двое корвинитов отобрали у Института секретное оружие и бросили Землю на произвол судьбы. Эвинг видел свое оправдание в том, что он ничем не мог помочь Земле. Земля была заложницей своей собственной слабости...

В конце концов Лайра сказала ему, что он сильно изменился, что он стал замкнутым, ожесточенным, раздражительным, после того как совершил это свое путешествие на Землю.

— Мне это непонятно, Бэрд. Раньше ты был таким добрым, таким... таким человечным. Теперь ты совсем другой — холодный, замкнутый в себе, все время о чем-то напряженно думающий.

Она слегка прикоснулась к его руке.

— Почему ты не хочешь поделиться со мной тем, что тебя тревожит? Может быть, с тобой что-то случилось на Земле?

Он отпрянул от нее.

— Нет! Ничего! — он понимал, что это жестоко по отношению к ней, но ничего не мог с собой поделать. Он видел муку на ее лице и ласковым тоном добавил: — Я ничего не могу с собой поделать, Лайра. Мне нечего сказать тебе. Просто слишком велико было напряжение, которое мне пришлось испытать, — вот и все.

Напряжение, почти шок, вызванный видом собственной смерти, видом гибели великой цивилизации... «Мне через многое пришлось пройти, — думал он. — Даже, пожалуй, чересчур многое».

Он чувствовал себя бесконечно усталым. Сидя на крыльце своего дома, он часто всматривался в ночное небо, где по черному бархату небосвода были разбросаны самоцветы звезд: знакомые с детства созвездия —Черепаха и Голубь, Большое колесо, Гарпун. Этих созвездий очень недоставало ему там, на Земле. В его глазах они олицетворяли собой родной дом, полный света и тепла.

Однако теперь холодные звезды в ночном небе Корвина не излучали ни тепла, ни света. Он прижал к себе жену и с тревогой взглянул в небо, всем своим существом ощущая угрозу, исходящую от него. Он явственно ощущал, как орды клодов собираются, будто частицы влаги в дождевой туче, ожидая своего часа, чтобы упасть.

Глава 18

Тревога была объявлена почти через год после возвращения Эвинга на Корвин. Случилось это ранним весенним утром. Шел небольшой дождь, автоматически включив отклоняющую систему на крыше принадлежащего Эвингу дома. Благодаря ее ячейкам капли дождя не барабанили по плоской крыше. Сон Эвинга был тем не менее беспокойным.

Зазвонил телефон. Он повернулся на живот, уткнувшись лицом в подушку. Ему снилась крохотная фигурка, застывшая на бетонном поле на фоне белых языков пламени, изрыгаемых тормозными ракетами. Телефон продолжал звонить. Эвинг почувствовал, что кто-то трясет его. Раздался голос Лайры:

— Проснись, Бэрд! Это вызывают тебя, проснись!

Часы показывали 4.30. Он буквально сполз с кровати и на ощупь двинулся к телефону.

— Эвинг слушает!

Резкий голос премьера Девидсона заставил его проснуться окончательно:

— Бэрд, клоды идут!

— Что???

— Только что мы получили сообщение, что главные силы космического ударного флота клодов выступили с планеты Бергман около четырех часов назад. В первом эшелоне насчитывается не менее пятисот звездолетов.

— Когда ожидается их появление здесь?

— Оценки противоречивы. Не так просто вычислить время полета со сверхсветовой скоростью. Однако на основании того, что нам известно, я бы сказал, что они появятся в зоне ответного огня с Корвина в период от десяти до восемнадцати часов.

Эвинг кивнул.

— Хорошо. Подготовлен ли специальный корабль к немедленному полету? Я сейчас отправляюсь в космопорт...

— Бэрд...

— Что такое? — нетерпеливо перебил премьера Эвинг.

— Не думаете ли вы, что вас мог бы подменить кто-нибудь помоложе? Я вовсе не имею в виду, что вы стары для этого, но у вас жена, сын, а это сопряжено с немалыми опасностями. Один человек против пятисот боевых звездолетов врага! Это самоубийство, Бэрд!

Последние слова вызвали дремавшие в его мозгу ассоциации, и он вздрогнул. Затем он упрямо сказал:

— Совет одобрил то, что я намерен сделать. Сейчас нет времени на подготовку кого-либо другого. Все это уже давным-давно обсудили, и я не вижу причин менять план.

Он быстро оделся в золотисто-голубую форму космических сил Корвина, в которой он отбывал воинскую повинность более десяти лет тому назад. Форма была хоть и тесновата теперь, но все еще вполне пригодна для носки.

Пока Лайра готовила завтрак, он стоял у окна, глядя на клубящийся предутренний туман. Он так давно жил под дамокловым мечом угрозы нашествия клодов, что теперь ему было трудно поверить окончательно в то, что день этот наконец-то настал.

Позавтракал он в скверном настроении, не получая от еды никакого удовольствия и не говоря ни слова.

— Я так боюсь, Бэрд, — прошептала Лайра.

— Боишься? — он рассмеялся. — Чего же ты так боишься?

Но ей было не до шуток.

— Клодов... Этого безумного предприятия, которое ты затеваешь, — она всхлипнула. Потом, собравшись с духом, продолжала: — Но тебе, похоже, не страшно. Я думаю, что это очень хорошо.

— Да, — сказал он искренне. — Я ничего не боюсь. Клоды даже не смогут меня увидеть. Во всей Вселенной еще не существует детектора массы, настолько чувствительного, чтобы определить наличие одноместного космического корабля на расстоянии нескольких световых лет. Масса такого корабля ничто по сравнению с уровнем шумов, вызванных огромным флотом захватчиков.

«А кроме того, — добавил он про себя, — как я могу бояться этих клодов? Они ведь даже не люди! Это безлицые безмозглые звери, орда убийц-муравьев, шествующая от планеты к планете из одного свирепого побуждения уничтожать все на своем пути. Они, конечно, опасны, но не так уж страшны.

Страх следует оставить до тех времен, когда появится настоящий противник — люди, поднявшие оружие на других людей, существа, которые ведут двойную игру и предлагают дружбу и тут же предают своих друзей или союзников. Были веские основания считаться с силой клодов, но бояться их причин не было. Понятие «страх» скорее уместен в отношении таких, как Роллан Фирник и ему подобных, — подумал Эвинг».

Позавтракав, он заглянул на минуту в спальню к Блейду, чтобы бросить прощальный взгляд на спящего мальчика. Он не стал его будить, а только улыбнулся и прикрыл за собой дверь.

— Может быть, тебе лучше было бы разбудить его и попрощаться, — колеблясь, предложила Лайра.

Эвинг печально покачал головой.

— Слишком рано. В его возрасте необходимо больше спать. А кроме того, я вернусь героем. Это ему должно понравиться. — Уловив смену выражения на ее лице, он добавил: — Я обязательно вернусь, дорогая. Можешь поставить за это все, что у нас есть, — я обязательно вернусь!

К тому времени, когда он добрался до космодрома Браутон, заря окрасила всю восточную часть неба. Он вышел из машины вместе с сопровождающим и направился к главному административному корпусу, где группа высокопоставленных корвинитов с суровыми лицами уже дожидалась его.

«Если я не совершу этого, — подумал Эвинг, — с Корвином будет покончено».

Судьба целой планеты зависела от безумной попытки одного человека. Это было бремя, которое он без всякого удовольствия возложил на себя.

Он сдержанно поздоровался с Девидсоном и другими официальными лицами. Смутное беспокойство постепенно начало овладевать им. Девидсон протянул ему папку.

— Здесь карты с маршрутом армады клодов, — объяснил он. — Мы поручили Большому Компьютеру произвести необходимые расчеты. Они будут здесь через десять часов пятьдесят минут.

Эвинг покачал головой.

— Вы ошибаетесь — их не будет здесь вообще. Я намереваюсь встретить их на расстоянии не менее одного года отсюда, а если удастся, то и еще дальше. И они не подойдут ближе ни на один километр!

Он внимательно осмотрел карты. Стрелы, указывающие направление движения клодов, были нанесены чернилами на координатные сетки.

— Компьютер установил, что в составе их флота имеется семьсот семьдесят пять боевых единиц.

Эвинг обратил внимание на построение флота захватчиков.

— Идеальный клин, не так ли? Одиночный флагманский корабль, за ним два корабля, затем ряд из четырех, затем шеренга из восьми и так далее. Очень интересно.

— Это стандартный боевой порядок клодов, — четко произнес доктор Хармасс из департамента военных знаний. — Флот всегда возглавляется флагманским звездолетом, и никто никогда не отважится нарушить построение без приказа. У них железная воинская дисциплина. Я бы сказал...

Эвинг задумался и перебил его:

— Я очень рад это слышать.

Он проверил часы. Примерно через десять часов орудия клодов должны обрушить огонь и смерть на, по существу, беззащитный Корвин. Флот из семьсот семидесяти пяти линейных звездолетов представлял из себя непобедимую армаду. У Корвина было чуть больше десятка кораблей, и не все из них были переоборудованы для ведения битвы. Ни одна планета во всей цивилизованной части галактики не смогла бы вынести бремени содержания боевого флота в количестве восьмисот первоклассных линейных кораблей.

— Что ж, — сказал он, немного помолчав. — Я готов к старту.

Его провели по сырому после дождя полю к тщательно охраняемому специальному ангару, где проводились все работы по монтажу временной установки в соответствии с проектом. Часовые доброжелательно улыбнулись и расступились в стороны, как только

Эвинг подошел к ангару. Служащие космодрома распахнули ворота и открыли доступ к кораблю.

Это была тонкая черная стрела, размером вряд ли больше того корабля, на котором Эвинг путешествовал на Землю и обратно. Внутри его не было сложного оборудования для замораживания и поддержания жизнедеятельности в состоянии гибернации. Вместо него здесь была установлена трубчатая спиральная катушка, выступавшая на несколько микрон из-под обшивки корабля. У основания катушки была смонтирована замысловатая панель управления.

По сигналу Эвинга служащие космодрома выкатили корабль из ангара, подъемники перенесли корабль на взлетную платформу и установили в вертикальное положение.

Черная игла корабля на фоне черного космоса — клоды никогда ее не заметят, отметил про себя Эвинг. Он почувствовал, как его охватывает радостное предвкушение сражения.

— Я стартую немедленно, — сказал он.

Взлет должен был осуществляться автоматически. Эвинг взобрался на борт корабля, разместился в люльке пилота и включил распылители, образующие защитную паутину вокруг его тела. Затем он включил видеоэкран и увидел на дальнем конце взлетного поля с беспокойством наблюдающих за ним людей.

Он им не завидовал. Необходимость заставляет его соблюдать полнейшее радиомолчание до момента встречи с противником. Эти люди будут ждать его сообщения половину суток или даже больше в мучительной неизвестности. Это будет очень тяжелый день для них.

Почти машинально Эвинг включил разрешение на пуск и откинулся назад, прижатый ускорением взмывающего в небо корабля. Второй раз в жизни он покидает свою родную планету.

Пока Эвинг ждал, трясясь в своей люльке из пенной паутины, корабль описал крутую дугу и вышел на гиперболическую орбиту. После этого его реактивные двигатели отключились, и он перешел на искривляющий пространство привод. Теперь Эвингу стало гораздо легче.

Заранее заданный курс в первые же два часа полета вывел корабль далеко в сторону от Корвина. Быстро проделанная триангуляция показала, что он уже покрыл расстояние в полтора световых года.

«Этого, — подумал Эвинг, — вполне достаточно».

Он прекратил перемещение вперед и вывел корабль на замкнутую орбиту с радиусом в несколько миллионов километров по направлению, перпендикулярному к линии предполагаемого курса вражеского флота, и стал ждать.

Прошло три часа, прежде чем на экранах бортового детектора массы появилось зеленое мерцание. Постепенно оно сформирова-

лось в дрожащую линию. Эвинг произвел фокусировку, напряженно вглядываясь в экран. Линия стала шире. Теперь начал проступать клин кораблей противника.

Эвинг был абсолютно спокоен. Точными неторопливыми движениями он последовательно активировал весь комплект оборудования для перемещения во времени. Затем он рывком включил главный переключатель и оживил пульт управления. Наконечник спиральной обмотки выдвинулся примерно на дюйм из-под обшивки корабля. Этого было достаточно для того, чтобы обеспечить точную траекторию.

Одним глазом следя за детектором массы, а другим — за пультом управления трансферного оборудования, Эвинг подсчитывал необходимую напряженность поля. Боевой порядок неприятельской армады представлял из себя правильную геометрическую фигуру. Около пятидесяти кораблей противника находились в арьергарде, обеспечивая более, чем двукратную силу, необходимую для отражения любого нападения сзади. Главную силу флота составляли именно эти две последние шеренги.

Вне всякого сомнения клоды распределяли все свои корабли в одной плоскости. Чтобы исключить любые непредвиденные обстоятельства, Эвинг предположил, что все эти звездолеты движутся одним фронтом, параллельно друг другу, прикинул максимальную ширину такого боевого порядка и затем — для страховки — увеличил ее на двадцать процентов с каждой стороны: если хотя бы десяток кораблей клодов не попадут в его темпоральный сачок, Корвин будет полностью уничтожен.

Закончив подготовку данных, он ввел их в машину времени и задал необходимые координаты. Экран детектора массы показывал, что флот неприятеля теперь находится на расстоянии менее часа полета.

Он закончил настройку. Все было готово к бою, и он решительно нажал на главную кнопку.

На борту корабля ничего не изменилось, но Эвинг знал, что за бортом, в космосе, должна была открыться бездна, невидимая пропасть, распространяющаяся на очень большую глубину и достаточно широкая, чтобы в ней поместились семьсот семьдесят пять боевых кораблей захватчиков.

Эвинг ждал.

Его крохотный кораблик мчался по спиральной орбите, создавая вокруг себя губительное пространство абсолютной пустоты. Флотилия клодов двигалась ему навстречу. Эвинг быстро подсчитал, что в урочный час он будет на расстоянии не меньше чем сорок световых минут от узлового корабля. На таком расстоянии они никак не смогут заметить его присутствие.

«Тюлька затаилась во мраке, чтобы изловить кита», — мысленно пошутил Эвинг.

Зеленая полоса на экране детектора массы стала еще шире, увеличилась и интенсивность ее свечения. Эвинг взял на себя управление кораблем, и, как только острие клина на экране доползло до определенной точки, он, как опытный рыбак, забросил свою сеть.

«Пора!!!» — подумал он и резко увеличил скорость своего корабля.

Флагманский корабль на экране резко увеличился в размерах — и исчез!

С того места, где находился Эвинг, казалось, что он был просто стерт, и острие зеленого клина на экране детектора массы после исчезновения флагмана оказалось как бы обрубленным.

Однако для кораблей, следовавших за флагманом, как будто ничего не произошло. Они продолжали двигаться, соблюдая боевой порядок, и Эвингу оставалось только ждать. Еще мгновение, и исчезла в бездне вторая шеренга, затем третья, четвертая...

Исчезло двадцать два корабля...

Шестьдесят четыре...

Он затаил дыхание, когда в его сачок вошла шеренга из ста двадцати восьми кораблей противника. Он напряженно всматривался в экран детектора массы — теперь подошла очередь двух крупнейших шеренг флота клодов. В каждой из них было по двести пятьдесят кораблей — главная ударная сила!

Их постигла та же участь!

На экране детектора массы больше ничего не было. Нигде в пределах чувствительности этого прибора не было больше ни единого корабля захватчиков. Эвинг облегченно опустился в свою люльку и отключил темпоральное поле. Теперь вход в пропасть, которую он создал во времени, был закрыт, и для загнанных в нее кораблей захватчиков выхода назад не было.

Теперь он мог нарушить радиомолчание. Его донесение было предельно лаконичным:

«Флот клодов уничтожен! Возвращаюсь домой!»

Один человек уничтожил целую армаду! Он облегченно рассмеялся. Напряжение, в котором он так долго пребывал, мгновенно исчезло.

Он попытался представить себе, какова будет реакция клодов, когда они обнаружат, что находятся внутри бездны, в которой нет ни звезд, ни планет, ни самого понятия «время». Они еще долго будут бороздить космос в поисках места для приземления, пока не выйдут припасы и не будет израсходовано все топливо. Тогда — конец!

Согласно последним научным данным, возраст звезд нашей галактики определяется в пять-шесть миллиардов лет. Радиус же действия излучателя времени, открытого землянами, практически

был бесконечным. Эвинг забросил флот клодов на пять миллиардов лет в прошлое.

Он повернул свой корабль домой, к Корвину.

Глава 19

Обратный путь, как показалось Эвингу, занял несколько дней. Он лежал, бодрствуя в защитной оболочке, любуясь великолепным зрелищем, раскрывавшимся в пространстве при полете со световой скоростью.

Как ни странно, но он не испытывал торжества. Да, он действительно спас Корвин, он добился той цели, ради которой отправился в путешествие через полгалактики на далекую Землю. Но у него было ощущение незавершенности своей миссии.

Он думал теперь не о Корвине. На планете-прародине людей прошло два года со дня его вылета оттуда. Этого времени, безусловно, было достаточно для того, чтобы сириане сделали последний свой шаг. Фирник, несомненно, теперь был высокопоставленным сановником Сирианского Наместничества, а не тем скромным вице-консулом, каким помнил его Эвинг. Бира Корк, вероятно, стала благородной дамой в среде новой аристократии Земли.

Что же касается Майрака и его сподвижников, то они могли спастись, спрятавшись за трехмикросекундным темпоральным барьером. Однако более вероятно то, что все они были схвачены и приговорены к смерти, поскольку представляли потенциальную угрозу для новых владык.

Хотя, если говорить серьезно, вряд ли что-либо по-настоящему угрожало сирианам. Земля настолько сама себя ослабила, что не способна была противостоять тиранам.

Ощущая известную ответственность за это, Эвинг убеждал самого себя, что он ничего не мог предпринять. Судьба Земли была предрешена ею самою внутренними причинами ее упадка. Он же спасал свою родину и ничем не мог помочь Земле!

И все-таки его донимали угрызения совести. Может, еще и сейчас не поздно что-то сделать.

Нужно покинуть Корвин. Еще раз пересечь галактическое пространство и возвратиться на Землю. И повести слабосильных карликов-землян на борьбу за свободу своей планеты. Им недостает лидера, отважного человека, наделенного решительностью и энергией жителя далеких планет. Они численно превосходят сириан не менее, чем в тысячу раз. Решительное восстание может принести желанную независимость. Но им нужен вождь!

«Ты мог бы быть этим вождем, — не унималась какая-то частица его сознания. — Ты должен возвратиться на Землю!»

Он отчаянно пытался заглушить в себе эту мысль. Его место сейчас на Корвине, куда он возвращается героем. Его ждут жена и сын. Земля сама должна нести свой крест, свой жалкий жребий.

Он пытался расслабиться, отбросив гнетущие мысли, меж тем как его корабль продолжал свой полет к Корвину.

Казалось, что встретить его вышло все население планеты. Сделав несколько спиральных витков, его корабль мягко опустился на бетонную посадочную площадку космодрома Браутон.

Пока дезинфицирующая команда делала свое дело, он спокойно ждал, глядя на огромные толпы людей, собравшихся у космодрома. Как только корабль и бетон вокруг него в достаточной степени остыли, он вышел.

Его встретил восторженный рев толпы, который оглушил и ошеломил его. Вокруг него были тысячи людей. Он различал Лайру, Блейда, премьера Девидсона, членов Совета, профессоров из Университета, корреспондентов. Люди смеялись и плакали от счастья. Первым желанием Эвинга было снова забраться в корабль и погрузиться в уютную колыбель из пены. Однако он заставил себя выйти навстречу толпам земляков. Больше всего ему хотелось, чтобы они перестали кричать. Он поднял вверх руку, надеясь установить тишину, однако его жест был истолкован как приветствие и вызвал еще более шумную демонстрацию радостных чувств.

Ему удалось протиснуться к Лайре и обнять ее. Он что-то сказал, но голос его потонул в невообразимом шуме. Она тоже что-то сказала, и он по ее губам прочел:

— Я считала секунды, когда ты вернешься, дорогой.

Он поцеловал ее и крепко обнял Блейда. Затем, повернувшись к Девидсону, он улыбнулся, не переставая удивляться, что именно на его долю выпала такая судьба.

Он был героем, он покончил с опасностью, уничтожившей шесть планет.

Сейчас Корвин был вне опасности!

Толпа засосала его и понесла к зданию Совета, в кабинет премьера Девидсона. Здесь, пока сотрудники службы безопасности оттесняли многочисленных любопытных, он выступил по радио с полным отчетом обо всем, что он совершил.

На улице тем временем начался карнавал. Шум его был хорошо слышен даже здесь, на семьдесят первом этаже. Да это и не было удивительным. Планета, жившая под страхом смерти в течение пяти лет, теперь была чудесным образом спасена от приведения этого приговора в исполнение. Напряжение, которое накапливалось в людях в течение стольких лет, теперь бурно выливалось наружу.

Только к вечеру его отпустили домой. Он не спал уже более тридцати часов, и это начало сказываться на его самочувствии.

Из центра города до пригорода, где он жил, его сопровождал правительственный кортеж. Ему сказали, что вокруг его дома выставлена специальная охрана, чтобы ему не докучали назойливые посетители. Он поблагодарил всех, пожелал им спокойной ночи и вошел в свой дом. Теперь он снова был просто Бэрдом Эвингом. Он чувствовал себя очень уставшим и опустошенным. И он не мог скрыть этого, как ни старался.

— Этот полет так и не изменил тебя, Бэрд, — заметила Лайра.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он в недоумении.

— Я надеялась, что камень упадет с твоей души. Что тебя тревожит только нашествие и все, что с этим связано. Но, похоже, я ошиблась. Теперь мы спасены, а тебя по-прежнему что-то гложет.

Он попытался отшутиться.

— Лайра, ты переутомилась и совсем извелась в тревоге. Почему бы тебе теперь немного не отдохнуть?

Она покачала головой.

— Нет, Бэрд. Я абсолютно спокойна. Я слишком хорошо тебя знаю и вижу по твоим глазам, что что-то тебя гнетет. — Она взяла его за руку и заглянула ему в глаза. — Бэрд, с тобой на Земле что-то произошло, и ты не рассказал об этом. Я — твоя жена. Я должна знать об этом.

— Ничего! Слышишь, абсолютно ничего! — он закричал на нее и отвел глаза. — Идем спать, Лайра... я валюсь с ног.

Однако, лежа в кровати, он непрерывно ворочался с боку на бок не в силах заснуть, несмотря на усталость.

«Как же мне возвратиться на Землю? — в который раз он с горечью спрашивал самого себя. — Все, чему я предан, находится здесь. Если Земля не в состоянии сама о себе позаботиться, то тем хуже для нее».

Это было бесплодное занятие, и он понимал это. Почти половину ночи он не мог заснуть и все думал. В конечном итоге его мысли стабилизировались и обрели четкость:

«Три человека отдали свои жизни ради того, чтобы я целым и невредимым вернулся на Корвин. Двое из них сознательно совершили самоубийство. Я в долгу перед ними и перед Землей за спасение Корвина.

Три человека умерли ради меня. Имею ли я право быть эгоистом и почивать на лаврах героя?»

Затем мысли его пошли по другому руслу.

«Когда Лайра выходила за меня замуж, она думала, что мужем ее будет гражданин Бэрд Эвинг. Она выходила замуж не за героя, не за спасителя всей планеты. И не она упрашивала Совет, чтобы для этого путешествия избрали именно меня. Но ей пришлось испытать двухлетнюю разлуку, потому что выбор пал на меня.

Как же теперь сообщить ей, что я снова покидаю ее, отправляюсь на Землю, оставляя ее без мужа, а Блейда — без отца. Это просто несправедливо по отношению к ней. Я не могу сделать этого».

В конце концов он пришел к такому выводу:

«Должен существовать какой-нибудь компромисс. Каким-то образом я должен быть честным со своей семьей. Какой-то компромисс обязательно должен быть!»

Ответ пришел к нему перед самым утром. Он понял, как ему надо поступить.

Вместе с решением пришла умиротворенность. Он погрузился в глубокий сон, сознавая, что наконец-то найден единственный путь, не вызывающий никаких сомнений.

На следующее утро премьер Девидсон пригласил его к себе от имени благодарного народа планеты Корвин. Девидсон передал ему, что он может просить любой награды, все что угодно!

Эвинг рассмеялся и покачал головой.

— Все, что нужно, у меня уже есть. Слава, состояние, семья. Чего еще можно требовать от жизни?

— Но все-таки...

— Я хотел бы иметь беспрепятственный доступ к тем записям, которые я привез с Земли. У вас нет возражений?

— Ради бога, Бэрд. Но разве это все?

— Есть и еще кое-что. Два пункта. Первое, возможно, самое серьезное: я хочу, чтобы меня оставили в покое... Никаких орденов мне не нужно, никаких торжественных приемов, праздничных шествий. Я просто выполнил то, что мне поручили, а теперь мне хотелось бы вернуться к личной жизни.

Что касается второй просьбы, то она звучит так: когда настанет определенное время, я хотел бы, чтобы правительство оказало одну любезность, очень дорогостоящую любезность...

Девидсон молча пожал ему руку.

Постепенно внимание к Эвингу пошло на убыль, и он вернулся к своей частной жизни.

Совет назначил ему ежегодную пенсию в десять тысяч стелларов, которая должна будет выплачиваться и всем его будущим наследникам.

Он был так ошеломлен щедростью своих соотечественников, что ему ничего не оставалось, как принять ее.

Прошел месяц. Напряженность, казалось, спала. В один прекрасный день Эвинг отметил, что сын превращается в уменьшенную копию своего отца. Он становится высоким молчаливым парнем, с теми же приметами внутренней отваги, душевной на-

дежности и совестливости. Эвинг наблюдал, как мальчик становится личностью.

Прошел еще месяц. Аппаратура, которую он мастерил в подвале своего дома, куда не осмеливался заходить никто, была близка к завершению.

Последние проверки он выполнил в середине лета. Машина работала превосходно.

Время настало!

Он позвонил наверх по внутреннему телефону. Лайра читала в гостиной, Блейд смотрел телевизор.

— Блейд? Лайра?

— Мы здесь, дорогой. Тебе что-нибудь нужно? — спросила жена.

— В течение следующих примерно двадцати минут я буду проводить очень тонкий эксперимент. Все может испортить любая ходьба по комнатам. Поэтому я хотел бы попросить вас: пожалуйста, оставайтесь там, где вы в данный момент находитесь, до тех пор, пока я не дам сигнала снизу.

— Как скажешь, дорогой, только не заставляй нас слишком долго сидеть на одном месте, хорошо?

Эвинг рассмеялся и положил трубку. Затем он взглянул на свои часы. Они показывали 14.01.30.

Он пересек комнату и еще раз подрегулировал аппаратуру. Затем стал смотреть на часы. Шесть минут... семь... восемь...

В 14.11.30 он поднялся и включил установку. Ему стало немного противно в желудке, но все быстро кончилось. Он был отброшен во времени назад на десять минут...

Глава 20

Он завис в воздухе, на высоте нескольких дюймов над лужайкой перед своим собственным домом, затем мягко опустился на траву и взглянул на часы. Было 14.01.30.

В это мгновение он знал, его более раннее воплощение звонило по внутреннему телефону Лайре наверх, в гостиную. Значит, надо было быть очень осторожным. ОЧЕНЬ!

Он осторожно обежал вокруг дома и вошел через боковую дверь, которая вела в мастерскую в подвале. У двери он остановился.

Здесь на стене была установлена трубка внутреннего телефона. Он осторожно поднял ее и прислушался.

— ...все может испортить любая ходьба по комнате. Поэтому, пожалуйста, оставайтесь там, где вы находитесь в данный момент, пока я не дам сигнала снизу, — услышал он собственный голос.

— Как скажешь, дорогой, только не заставляй нас слишком долго сидеть на одном месте, хорошо? — ответил голос Лайры.

Эвинг взглянул на часы: 14.02.11. Он еще немного подождал. В 14.03.30 он услышал звуки шагов второго Эвинга в комнате.

Пока все шло по графику. Но вот здесь он намеревался произвести еще одну развилку во времени.

Он немного подался вперед и заглянул в мастерскую через приоткрытую дверь. Знакомая ему фигура сидела спиной к двери, склонившись над проектором времени, установленным на столе, возясь с настройкой для прыжка назад во времени на десять минут.

На его часах было 14.05.15.

Он быстро вошел в комнату, схватил лежавший возле двери лом (он его сам туда положил до начала опыта) и в четыре прыжка пересек комнату. Его двойник, поглощенный работой, ничего не замечал до тех пор, пока Эвинг не положил ему на плечо руку и не приподнял со скамьи. В одно мгновение он взмахнул ломом. Вся основная секция временного проектора оказалась разбитой вдребезги. На пол посыпались исковерканные детали.

— Мне очень не хотелось делать этого, — виновато проговорил он. — Ведь это был очень большой труд. Но ты знаешь, почему я это сейчас сделал.

— Да... да, — неопределенно произнес двойник. Они встретились взглядами —Бэрд Эвинг с Бэрдом Эвингом. Их отличало только то, что в руке одного из них был лом, готовый к дальнейшему применению. Эвинг молился про себя, чтобы Лайра не услышала грохота. Все может рухнуть, если ей в этот самый момент вздумается нарушить неприкосновенность его мастерской.

Он спокойно сказал своему двойнику:

— Ты ведь знаешь, кто я, почему и как я здесь появился?

Другой Эвинг уныло посмотрел на обломки проектора и произнес:

— Догадываюсь. Тебе удалось меня опередить? Ты на один шаг впереди меня в потоке абсолютного времени.

Эвинг кивнул.

— Правильно! Только говори потише. Я не хочу, чтобы ты доставил мне лишние хлопоты.

— И ты решительно настроен это сделать?

Эвинг снова кивнул.

— Слушай меня сейчас очень внимательно. Я хочу взять свой, вернее наш, автомобиль и отправиться в Браутон. Там я намерен позвонить премьеру Девидсону, затем поехать на космодром, сесть в корабль и улететь. И больше ты никогда ничего обо мне не услышишь.

Тем временем ты должен оставаться здесь по крайней мере до 14.20. Только тогда позвони Лайре и скажи ей, что успешно завершил свой эксперимент. Убери обломки и, если у тебя достаточно ума, то больше никогда в будущем не пытайся сооружать что-либо подобное. Начиная с этого момента больше не должно быть никаких лишних Бэрдов Эвингов. Ты должен быть одним-единственным! И получше заботься о Лайре и Блейде. Не забывай, что я очень их любил.

— Подожди... — поспешно произнес второй Эвинг. — Это несправедливо, потому что ты идешь...

— По отношению к кому? — перебил его Эвинг.

— Да к самому себе, черт побери! Я такой же Бэрд Эвинг, как и ты! И обязанность покинуть Корвин у тебя ничуть не больше, чем у меня. У тебя нет никакого права отказаться от всего, что ты любишь. Давай хотя бы бросим монету, чтобы определить, кто из нас должен уйти.

Эвинг покачал головой. Тоном, не допускающим возражений, он произнес:

— Нет! Ухожу я. Один раз мы уже бросили жребий. Я сыт этим по горло. Мне надоело смотреть, как мои многочисленные двойники жертвуют собой для того, чтобы я оставался цел и невредим.

— А разве я меньше насмотрелся?

Эвинг пожал плечами.

— Пусть это будет жестоко по отношению к тебе, но это моя голгофа, и я пройду ее до конца. Ты останешься здесь и можешь успокаивать свою больную совесть, сколько тебе будет угодно. Но смотри не перестарайся. Не забывай, что с тобой остаются Лайра и Блейд.

— Однако...

Эвинг угрожающе поднял лом.

— Поверь, мне очень не хотелось бы ломать тебе кости, приятель. Прими свое поражение с достоинством.

Он взглянул на часы — 14.10. Подошел к двери, обернулся и сказал:

— Машина останется на стоянке возле космодрома. Тебе придется придумать какое-нибудь объяснение, почему она там оказалась.

Он повернулся и вышел из мастерской.

Машина была в гараже. Он прижал палец к идентификационной пластинке, которая управляла воротами гаража, и стал ждать. Внутри механизма несколько раз что-то щелкнуло, потом ворота открылись, и из них выкатилась машина. Он сел в нее, задал программу движения и выехал через заднюю дорогу, чтобы никто в доме не мог его видеть.

Как только он оказался на достаточном расстоянии от собственного дома, он включил радиотелефон и назвал оператору номер для вызова.

После небольшой паузы послышался голос премьера Девидсона:

— Привет, Бэрд! Что это вы задумали?

— Помните ту любезность, которую вы мне задолжали? Я просил у вас полной свободы действий после той штуки с клодами.

Девидсон усмехнулся.

— Я не забыл об этом, Бэрд. Так чего же вы хотите?

— Я хотел бы взять космический корабль, — спокойно сказал Эвинг. — Одноместный. Такого же типа, как тот, на котором я путешествовал на Землю несколько лет назад.

— Космический корабль? — Премьер, казалось, не поверил собственным ушам. — Для чего вам понадобился космический корабль?

— Этого вам не надо бы знать. Скажем, для одного из моих экспериментов. В свое время я просил об одной любезности и вы обещали, что окажете ее. Теперь вы берете свои слова назад?

— Нет, нет и еще раз нет! Ни в коем случае, Бэрд. Но...

— Мне нужен звездолет. Сейчас я держу путь к космодрому Браутон. Вы позвоните туда и прикажете приготовить для меня одну из принадлежащих военным одноместных посудин. Да или нет?!

Было около пятнадцати часов, когда он добрался до космодрома. Оставив машину на специальной стоянке, он пешком отправился в небольшое аккуратное здание, в котором разместилась военная комендатура. Его принял дежурный офицер. Это был полковник с кислой физиономией.

— Вы, разумеется, Эвинг?

— Так точно. Премьер Девидсон звонил вам, сэр?

Полковник кивнул.

— Он приказал мне выделить вам один из наших одноместных кораблей. Я полагаю, мне не нужно спрашивать, умеете ли вы им управлять, не правда ли?

Эвинг улыбнулся:

— Думаю, не нужно.

— Сейчас корабль находится в секторе «В», где его готовят к старту. Он, разумеется, будет полностью заправлен топливом. Сколько времени вы намерены провести наверху?

Пожав плечами, Эвинг ответил:

— Я еще не решил, сколько времени я проведу в открытом космосе, полковник. Все зависит от обстоятельств. Но я обязательно предупрежу вас, когда буду производить посадку.

— Хорошо.

— Да... еще вот что. Корабль должен быть оборудован системой замораживания.

Полковник нахмурился.

— Все наши корабли оборудованы подобными установками. Но почему вы спрашиваете об этом? Разве вы намереваетесь осуществить столь длительный полет?

— Нет, конечно, нет! — поспешил разуверить его Эвинг. — Я просто хотел проверить еще раз, как действует это оборудование.

Полковник дал сигнал, и один из курсантов повел Эвинга через взлетно-посадочную полосу к кораблю. Это был близнец того звездолета, который когда-то доставил его на Землю. Он вскарабкался на борт, проверил органы управления и передал в диспетчерскую, что стартует с Корвина через одиннадцать минут.

По памяти он ввел в автопилот координаты цели своего полета, затем включил его и расположился в холодильном отсеке.

Фирник считает, что я мертв, думал он. Он будет удивлен, когда на Земле объявится призрак и возглавит подпольную работу против сириан. Мне нужно будет самым подробным образом объяснить все Майраку, как только я окажусь на Земле, — если я смогу его найти.

Мой двойник, думал он, там, на Корвине, должен будет хорошенько поломать себе голову, чтобы объяснить все, что произошло: куда девался корабль, который ему дали, как его машина оказалась возле космодрома в то время, как сам он оставался в мастерской своего дома. Ему придется попотеть, заговаривая зубы властям. Но он обязательно как-нибудь выпутается.

Он послал мысленный прощальный привет жене и сыну, которые никогда не узнают о том, что он их покинул. Потом он вытянул вперед ногу и нажал на педаль аппарата гибернации. Температура стала быстро падать, и он погрузился во тьму.

Глава 21

На часах — 14.21. Теплый летний день. Бэрд Эвинг убрал обломки системы, осмотрелся вокруг и положил лом на его обычное место. Затем он поднял телефонную трубку.

— Все в порядке, Лайра. Эксперимент закончен. Спасибо за помощь.

Повесив трубку, он побрел наверх. Лайра сидела, склонившись над книгой. Блейд был всецело поглощен экраном телевизора. Он приветливо улыбнулся Лайре и вышел, ничего не сказав.

В этот же день, чуть позже, он уже был на пути к Браутону. Ехал он на общественном транспорте, чтобы забрать свою машину. До космодрома оставалось несколько километров, когда он внезапно услышал у себя над головой рев стартующего звездолета.

— Запуск одного из наших космических кораблей, — заметил кто-то в автобусе.

Эвинг поднял голову, всматриваясь в небо сквозь прозрачную крышу автобуса. Разумеется, никакого корабля видно не было. Звездолет был уже на пути к Земле.

«Счастливого пути! — подумал Эвинг. — И удачи тебе во всем!»

Машина стояла на специальной стоянке. Он улыбнулся служителю, заплатил два кредита, открыл замок, забрался внутрь и завел двигатель.

Он ехал домой, к Лайре и Блейду.

Глава 22

Эвинг медленно просыпался, всем своим телом ощущая стужу. Холод постепенно отпускал его. Вот уже стало теплее голове и плечам, затем стало оттаивать все остальное.

Он взглянул на панель индикатора времени, одиннадцать месяцев, четырнадцать дней, шесть часов прошло с той поры, как он покинул Корвин. Он надеялся, что власти Корвина рано или поздно смирятся с тем, что этого корабля им уже больше никогда не видать.

Он проделал все необходимые манипуляции и вышел из холодильной камеры. Включил видеоэкран. В центре его висела зеленая планета, континенты которой омывались обширными океанами.

Земля!

Эвинг улыбнулся. Как они удивятся, увидев его. Он в состоянии помочь землянам, именно поэтому он и вернулся на Землю! Он может возглавить движение сопротивления. Он может стать для них тем импульсом, который приведет в конечном счете к свержению ига Сириуса!

«Вот я и вернулся», — подумал он.

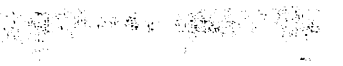
Пальцы его быстро и умело произвели настройку необходимой для посадки траектории. В его деятельной голове уже зрели самые различные планы.

Корабль снижался по широкой дуге.

Эвинг с нетерпением дожидался посадки, изнывая от нетерпеливого желания снова ступить на эту прекрасную зеленую планету.

СТАРХЭВЕН

РОМАН



Глава 1

В уединенном уголке пляжа, неподалеку от сверкающей глади спокойного моря, под сенью зеленых и лиловых деревьев притулилась маленькая хижина из рифленого железа. Внутри хижины на хлипкой койке лежал человек, называвший себя Джонни Мантеллом. Застонав во сне, он внезапно открыл глаза и проснулся. Без всякого перехода, без дремотного забытья — просто очнулся, бодрый, живой и здоровый.

Живой — пока!

Он подошел к умывальнику и посмотрел на себя в осколок зеркала, закрепленный над раковиной.

На него уставилось измученное, изнуренное лицо тридцатилетнего мужчины, который уже много лет катился по наклонной плоскости. Его глаза, в которых когда-то светился ум, сейчас казались робкими и жалкими, как у загнанного в угол животного. Его лицо загорело и обветрилось в скитаниях по пляжам этого района планеты Мульцибер, «Свободного Рая Вселенной», как утверждали рекламные проспекты Галактической Федерации Планет, столицей которых была Земля.

Чудно, подумал он. На первый взгляд казалось, что со вчерашнего дня не произошло ничего примечательного. Еще утром он занимался кустарщиной, поскольку все последние семь лет зарабатывал на жизнь, продавая туристам яркие, цветные раковины и амулеты.

Но сегодня, в день, когда Мантелл решился покинуть Мульцибер, он был уже другим человеком.

Он бежал от закона. Его преследовала полиция.

Мантелл всегда считал себя человеком разумным, законопослушным, уважающим права других людей, и не из страха, а из-за врожденной порядочности. Собственно, это было последнее, что

Роман впервые был опубликован под псевдонимом Айвар Джоргенсон.

у него оставалось, — малая толика самоуважения, которая большинству остальных казалась лишь блажью, причудой. Рядовой обыватель Джо, который никогда не ищет приключений на свою голову, но и не позволяет другим наступать себе на ноги.

Однако на этот раз ему действительно пришлось туго. И не было возможности вернуться к прежней жизни.

Почти сразу же по прибытии на Мульцибер Мантелл и думать забыл о скором отъезде, откладывал его на потом, поскольку ехать, собственно говоря, было некуда. Жизнь здесь была простая: отойди на несколько ярдов в теплое море, и все сорта вкуснейших рыб и моллюсков к твоим услугам, лови хоть руками, хоть сетью. Душистые сочные плоды на любой вкус растут на деревьях круглый год, и никаких тебе забот, кроме главной — о безопасности собственной жизни. Но она возникла только теперь.

Если Мантелл собирается выжить, ему придется подсуетиться. И немедля. А это значит, что он поставит еще одну галочку в списке своих преступлений. Ему требуется украсть звездолет. Он знал, как это сделать. И где найти убежище.

Стархевен... Майк Брайсон, бродяга, известный всему Мульцибер, рассказал Мантеллу о Стархевене. Это было несколько лет назад, задолго до того, как грязекул перекусил Брайсона пополам во время ловли жемчужниц. Брайсон говорил:

— Когда-нибудь, если меня сильно прижмут, я украду звездолет и улечу на Стархевен.

— Стархевен? А что это такое?

Брайсон усмехнулся, скривив лицо и показав свои желтые зубы.

— Стархевен — планета красного сверхгигантского солнца, под названием Нестор, искусственная планета, созданная двадцать — двадцать пять лет назад парнем по имени Бен Зурдан, — Брайсон понизил голос. — Он создал ее для людей вроде нас, Джонни. Людей без роду, без племени, которые не могут сбежать или укрыться от организованного общества. Жулики, бездомные, нищие, бродяги могут отправиться на Стархевен и получить приличную работу и кров над головой. Это место по мне, и однажды я туда обязательно отправлюсь.

Но Майку Брайсону не суждено было это сделать. Мантелл пытался вспомнить, сколько лет назад они вытащили с отмели обескровленное тело Брайсона. Три года? Четыре?

Мантелл уронил голову на руки и постарался сосредоточиться. Разве можно теперь, спустя столько лет, представить себе тот день, если с трудом вспоминаешь, что было позавчера или месяц назад, и все воспоминания кажутся нудным сном. Правда, случалось, что они становились кристально чистыми, и тогда перед ним ясно вставали все прожитые годы, вплоть до того времени, когда он жил на Земле. И стал отверженным.

Двадцатичетырехлетнему технику «Клингсановых защитных экранов» казалось, что весь мир лежит у его ног. Он был в зените благополучия — так по крайней мере он думал. Энтузиазм и энергия буквально сочились из его пор. И вдруг в нем проснулась роковая страсть — изобретательство. Он знал себе цену, может, даже слишком хорошо знал.

Вся беда была в его безграничной вере в себя и свой талант изобретателя, сделавший его чересчур заносчивым, в его нежелании склонять голову, лгать и изворачиваться. В то время клингсановые установки были немеханизированны. Требовались специальные сверхтяжелые прессы из новых сплавов, особые глушители и электронное оборудование. На все это требовались изрядные средства. Возможно, если бы Джонни поработал над своими изобретениями еще пару лет, а потом представил их на Совет директоров, то...

В горячую минуту Джонни высказал своему хозяину все, что думал. Пришлось уйти работать на заводик поменьше, но там он тоже перессорился со всеми в дым, после того как отказались внедрять его изобретения. И тогда он нашел решение всех своих проблем. Один-два глотка позволяли ему расслабиться, а от четырех — шести работа спорилась лучше. Хозяева не возражали. Вскоре он уже глушил на работе по кварте в день.

Из-за пристрастия к спиртному он бросил работу, бросил Землю, умчался в пьяном угаре через всю галактику на Мульцибер, где по двадцать часов в день светит солнце, а температура круглый держится около семидесяти градусов по Фаренгейту. Это был настоящий туристский рай, где человек вроде Джонни Мантелла мог стать совершенно бесхребетным и жить день за днем без трудов и забот, будто в полусне, попусту транжиря время.

Так он провел семь лет...

Это случилось ранним утром. Два лимонно-желтых солнца поднялись в шоколадном небе, и маленькие жарочертики затанцевали над раскаленным песком. Несколько ярдов белого песчаного пляжа, а дальше — до самого пустынного горизонта — протянулось спокойное море. Вокруг в прозрачной воде плескались туристы с Земли и других богатых миров галактики, а чуть дальше от берега они занимались охотой на грязекулов, громожаб и прочую местную живность. Пловцы ныряли и гонялись за добычей в каскадах сверкающей воды. Некоторые брали пульвиграторы, другие предпочитали обычные веселые лодки.

В тот день Мантелл принес в казино свой товар: морские раковины, кораллы, всякие побрякушки, которые он предлагал богатым туристам, наводнившим фешенебельное Северное побережье Мульцибера. Не успел он пробыть в казино и двух минут, как кто-то окликнул его громовым голосом:

— Эй, ты! Поди сюда! Живо!

Мантелл тупо уставился перед собой. Так уже было заведено на Мульцибере — если ты нищий бродяга, тобой помыкает каждый, кому не лень, а раз уж сам взялся разносить товары, то молчи и терпи. И если хочешь всегда вертеться около туристов — умерь свою гордость и спрячь ее в карман. Мантелл старался избегать неприятностей. Ему оставалось только сказать как можно спокойнее:

— Вы это мне, сэр?

Турист был в два раза ниже Мантелла, но зато вдвое шире — маленький толстобрюхий морж, дочерна загорелый и залепленный в двух местах пластырем. Дорогой кричащий халат обтягивал его крупное тело, пухлая рука сжимала фляжку с каким-то особым пойлом. Еще кто-то вызывающе указал на Мантелла, а маленький человечек гневно воскликнул:

— Это тот парень, что украл у моей жены брошь. Я заплатил за нее на Туримоне пятьдесят тысяч, а он ее свистнул!

Мантелл покачал головой.

— Вы обознались, мистер. Я не крал никаких драгоценностей.

— Лжешь, ворюга! Сейчас же верни брошь!

Что было потом, Мантелл помнил смутно. В голове царил сумбур и растерянность. Помнится, он замер, выжидая, когда схлынет гнев коротышки, в то время как любопытные туристы подошли поглазеть, что происходит. Помнится, коротышка-турист стоял перед ним, глядя снизу вверх и изрыгал поток гнусных обвинений, не обращая внимания на все протесты Мантелла.

А потом турист залепил Мантеллу пощечину. Мантелл отпрянул и поднял руку, защищаясь от последующих ударов. Нищий бродяга не мог дать сдачи разгневанному туристу, но и стоять столбом, безропотно снося затрещины, тоже не стоило.

Толстый коротышка изготовился для следующего удара. Каменный пол был мокрым — кто-то пролил здесь алого цвета жидкость. Не успел коротышка как следует размахнуться, как его обутая в сандалию нога угодила в лужу, и он опрокинулся на спину, вскинув вверх руки и ноги, издав ужасающий вопль. Грохнувшись навзничь, он разбил себе голову о мраморную стойку. Над ним засуетились люди, что-то бормоча и перешептываясь между собой. Голова коротышки нелепо наклонилась, из одного уха сочилась кровь.

— Я его не трогал, — оправдывался Мантелл. — Вы все видели, как это произошло. Он ударил, промахнулся и шлепнулся на землю. Я до него даже не дотронулся.

Обернувшись, он увидел лицо наблюдавшего за ним Джоя Харрела, одного из старейших бродяг Мульцибера. Этот человек побирался на пляжах так давно, что успел забыть, из какого мира он сюда явился. Лицо его было испачкано жевательным табаком, глаза — тусклые и бесцветные. Но чутье у Джоя было хоть куда.

— Сматывай удочки, парень, — тихо сказал Джой, — беги пока цел!

— Но ты же видел, Джой! У меня своих забот по горло. Зачем мне было с ним связываться? Я его даже пальцем не тронул.

— Попробуй докажи.

— У меня есть свидетели!

— Свидетели? Кто, я? Чего стоит слово какого-то оборванца? — Харрел саркастически рассмеялся. — Тебя купили, сынок. Этот парень здорово уделался, и они свалят всю вину на тебя, если ты вовремя отсюда не смоешься. Нет ничего важнее жизни Землянина.

— Я тоже Землянин.

— Может, ты когда-то и был Землянином, но теперь ты дрянь, мразь, подонок. А всякую дрянь надо уничтожать, уж об этом они позаботятся. Беги, говорю, пока не поздно.

Мантелл послушался и, воспользовавшись царившей в казино сумятицей, смылся восвояси. Однако он понимал, что у него мало времени. Вряд ли в казино знали, кто он и где прячется. А другие бродяги, вроде Джоя, будут держать язык за зубами. Но все равно сейчас вызовут полицию, и она возьмется за работу. Полиции надо добраться до казино, засвидетельствовать смерть человека, опросить очевидцев. Примерно через полчаса-час они нападут на след подозреваемого в убийстве или в непредумышленном убийстве, если повезет. Всегда найдется дюжина туристов, готовых подтвердить, что он спровоцировал коротышку на ссору, и никто за него не заступится, подтвердив его невиновность. Поэтому следовало поторопиться и найти способ избежать наказания, каким бы оно ни было.

Мантелл четко представлял себе, какой его ждет приговор. Одно из двух: либо — реабилитация, либо — каторга.

Из двух зол худшим была реабилитация. Она заменяла смертный приговор. Используя сложную энцефалографическую технику, они могли полностью уничтожить человеческий разум и подсадить в его мозг новую личность. Как правило, простую, незамысловатую, работоспособную личность, зато добропорядочную и уважающую законы. Реабилитация разрушала индивидуальность. Для Джонни Мантелла это означало бы конец: через полгода — от силы через год его выпустили бы из госпиталя на свободу, но разум в его теле оказался бы каким-нибудь Паулем Смитом или Сэмом Джонсом, а сам Пауль или Джонс никогда бы и не узнали, что их тело принадлежит невинно осужденному человеку.

Если кто-то обвиняется в убийстве или другом тяжком преступлении, то реабилитации не избежать. Если же речь идет о непреднамеренном убийстве или воровстве — оставался шанс, что тебя отправят в каторжную тюрьму на Заннибаре IX на несколько месяцев или на несколько лет тесать камень в каменоломнях, которых хватит заключенным не на одну геологическую эпоху.

Мантелла не устраивала ни реабилитация, ни каторжная тюрьма — за преступление, которого он не совершал. Оставался единственный выход. Стархевен.

Надо набраться мужества, чтобы похитить корабль, провести его через полгалактики к Нестору, солнцу Стархевена. В теле Джонни Мантелла должен был сидеть человек, способный на это, и ему хотелось верить, что так оно и есть. Если честно, увести корабль не так уж и трудно. Его следует выкрасть на рассвете. Так было уже не раз. Подвыпившие туристы потом возвращали его обратно и охотно платили любой штраф.

На этот раз корабль не вернется, подумал Мантелл. Подготовив все необходимое, Джонни вразвалочку пройдет к космодрому, перекинется парой шуточек с ребятами на дежурстве. Он имел дело с техническими разработками и знал устройство космического корабля. Местные аборигены слыли неповоротливыми, недалекими парнями, и это ему было на руку. Ему удастся без особого труда пробраться в корабль, который будет заправлен топливом и готов к старту.

И тогда прости-прощай, Мульцибер, с семью треклятыми годами нищеты и бродяжничества!

Ковыляя по песку к далекому космодрому, он вдруг почувствовал, как воспоминания о Мульцибере становятся смутными и расплывчатыми, словно ничего этого не было и в помине — ни Майка Брайсона, ни Джоя Харрела, ни толстого туриста-коротышки, а все остальное было лишь призрачным сном.

Он не хотел быть реабилитированным. Он не хотел расставаться со своим "я", даже если в его прошлом не было ничего, кроме неприятностей и поражений.

Что же касается будущего — оно лежало в мире, созданном Беном Зурданом. Что таило оно — неизвестно. Но что бы там ни было, все было лучше, чем просто сидеть и ждать, когда явится полиция. Стархевен сулил безопасность, только там он мог выжить. Другого выхода не было.

Глава II

Три маленьких кораблика мчались, пронзая черные глубины небес. Одним из них был корабль, похищенный Джонни Мантеллом на Мульцибере, два других — крошечные двухместные корабли Космических патрульных, которые гнались за ним по пятам. Они мчались через космос, направляясь из Пятого сектора галактики в безбрежную тьму.

Особо бояться Мантеллу было нечего. Пока все складывалось в его пользу — только бы суметь удержаться впереди погони и достичь орбиты Стархевена раньше Космического патруля.

Охота за Мантеллом продолжалась уже около двух дней — захватывающая погоня со скачками по гиперкривой. Патрульные изо всех сил старались уравнять скорости кораблей со звездолетом Мантелла, набросить метамагнитные захваты и уволочь в каторжную тюрьму — на Заннибар IX.

Он сидел, прикованный к пульту управления, обливаясь потом и испытывая жгучее чувство бессилия, которое случается у всех астронавтов из-за курьезного парадокса: даже при скорости, в три с половиной раза превышающей скорость света, кажется, что ты завис в незыблемом, совершенно неподвижном стазисе.

Путь по гиперкривой казался погруженным в ничто, все вокруг становилось серым, и лишь где-то вдалеке маячили курносые звездолеты Космического патруля. Он неуклонно придерживался взятого курса. Ему говорили, что управлять гиперкосмическим кораблем, все равно что водить автомобиль, и теперь Мантелл убедился, что это действительно так. Он благополучно провел корабль через сотни световых лет безо всякого труда.

Внезапно вспыхнул экран пульта управления. Зеленый сполох света сообщил, что он достиг пункта назначения, который он ввел в курс-компьютер два дня назад. Он удовлетворенно кивнул и с силой нажал на эмалированную красную кнопку, выводя корабль из безликой серости гиперпространства и возвращаясь вновь в нормальный пространственно-временной континуум.

Корабельный масс-детектор прозвонил раз, другой, сообщая Мантеллу, что преследователи заметили его маневр и секундой позже предприняли то же самое. Но теперь Мантеллу было на них наплевать. Долгая изнурительная погоня подходила к концу. Впереди показалась цель путешествия.

Перед ним, заполняя все небо, возникло массивное тело Стархевена.

Он увидел гигантскую круглую монету, плавающую в черном море космоса, пылающий огнем медный диск с заклепками величиной с хорошего кита. Он видел воочию эту громаду, мучительно медленно плывущую ему навстречу. Дальше лежал Нестор, красное сверхгигантское солнце, чьих слабых лучей едва хватало, чтобы вырвать из мрака поверхность Стархевена. Правда, Стархевен и не нуждался в свете Нестора: он был полностью покрыт металлическим панцирем и с энергетической точки зрения был абсолютно независим.

— О'кей, — отозвался оператор на Стархевене. Он на секунду отвел в сторону микрофон и пробормотал что-то неслышное для Мантелла. Затем проговорил снова:

— Оставайтесь на орбите. Мы побеседуем с вашими приятелями, а потом займемся вами.

Мантелл довольно хмыкнул.

— Спасибо! Надеюсь, беседа будет короткой?

— Да уж, будьте уверены!

Он прервал связь и кинул взгляд на задние видеоэкраны. Теперь он знал, что дома и на свободе, и мог позволить себе небольшое развлечение. Он пробежал по клавишам управления, снизив скорость на десять процентов, ровно настолько, чтобы дать патрульным последний шанс завязать перестрелку.

Те не стали медлить. Двойная вспышка энергии немедленно ослепила его экраны, но защита выдержала. Он рассмеялся. В тот же миг с покрытой металлом планеты далеко впереди ударил мощный сноп света.

Он догадался, что это за свет, в игру вошли тяжелотактные орудия Стархевена. Он увидел, как к первому из преследователей протянулся сноп энергии. Патрульный корабль вздрогнул, с трудом поглощая защитными экранами избыток энергии, и в тот же миг батарея лучевых орудий послала дополнительный разряд. Их общей мощности хватило бы, чтобы разнести земную Луну. Всего мгновение назад маленький патрульный корабль был там, а секундой позже его не стало.

Что до другого патрульного, он не захотел оставаться на орбите и вступать в единоборство с неприступной крепостью. На полной скорости он развернулся, показав хвост.

Орудия снизу дали ему шесть секунд форы, не больше. Потом ленивая спираль энергии выплеснулась со Стархевена на перехват удирающему кораблю. И Мантелл оказался в космосе один. На свободе и в безопасности.

Он расслабился в кресле пилота, ожидая, когда они займутся им.

Ждать долго не пришлось. Его корабль завершал очередной виток по орбите вокруг Стархевена, когда он заметил, что в сверкающем металлическом панцире, в пятидесяти тысячах футах под ним открылся люк.

На следующем витке навстречу ему из открывшегося люка вынырнул корабль. Потом корабль Стархевена нагнал его на орбите, уравнял скорости и подошел вплотную. Только теперь это был уже не крошечный корабль Космического патруля, а гигантское чудовище размером с пассажирский лайнер, нагнавшее его с невообразимой легкостью. Он погасил экраны и позволил мета-магнитным захватам другого звездолета взять себя в плен. Его бережно втянули внутрь.

Люк корабля плавно закрылся. Коммуникатор щелчком пробудился к жизни, и низкий, густой голос сказал:

— Оставайтесь на своем месте и не вздумайте ничего предпринимать. Мы сами заберем вас из корабля. Откройте задний шлюз.

Он нажал клавишу управления, и крышка люка скользнула в сторону. Снаружи была абсолютная темнота и тишина. Наконец

до него донесся слабый шипящий звук, который вдруг резко усилился, и он почувствовал в воздухе сладковатый привкус.

«Газ», — подумал он. Охваченный внезапной паникой, он кинулся к клавише управления люком, но на какую-то долю секунды замешкался и этого оказалось достаточно, чтобы газ завладел его мускулами и нервами.

Он поднялся, покачнулся и упал. Наступила тьма, и больше ничего...

Мантелл очнулся, ощущая во рту неприятный привкус. Кто-то снял с него космический скафандр. Он находился в кабине другого звездолета, в окружении четырех уверенных в себе людей в штатском. Один из них держал бластер, нацеленный в грудь Мантелла.

Тот, что с бластером, холодно сказал:

— Лучше не двигайся, Мантелл. Сейчас мы направляемся на Стархевен. Каждую минуту мы можем войти под оболочку.

Мантелл потряс головой, стараясь избавиться от действия газа. Его обуревала злость.

— Что за дурацкая идея с этой гадостью? На кой черт вам оружие? И газ? Ничего себе, встречают у вас гостей!

— Нам нравятся порядки Стархевена, — сказал человек с оружием. — И мы стараемся придерживаться традиций. Каждый чужак, который сюда попадает, должен знать свое место и тихо ждать своей участи.

— К тому же нам известно, — сказал один из них, — что Космический патруль засылает на Стархевен своих шпионов самыми разными способами.

— Неужели ради этого Космический патруль пожертвует двумя кораблями и четырьмя людьми! — огрызнулся Мантелл. — Что-то не верится. Я...

— А ты здесь никто, пока не пройдешь психопробу, — сказал человек с бластером.

— Психопробу?

— Эту процедуру проходит каждый прибывший на Стархевен впервые, обычная мера предосторожности.

Мантелл почувствовал, что бледнеет. Психопробы не могут проводить любители или рядовые психологи. Это была сложная процедура, требовавшая многолетней практики.

— Как же вы... Разве у вас есть нужная квалификация, чтобы проводить подобную работу? Вы запросто можете повредить человеческий мозг, и еще неизвестно, выудят ли ваши техники каплю стоящей информации.

Второй сопровождающий холодно усмехнулся.

— Не волнуйтесь, Мантелл. Психопробой у нас заведует Эрик Хармон. Ну что, полегчало на душе?

— Эрик Хармон? — Мантелл закрыл глаза, уносясь в старые, давно забытые воспоминания. — Хармон? Здесь? Известный ученый, который открыл законы и технику психопробы, а потом таинственно исчез из цивилизованного мира двадцать лет назад? Да, — угрюмо заметил Мантелл. — Лучше и быть не может.

Корабль совершил едва ощутимое приземление. Устойчивое, похожее на шепот жужжание инерциального двигателя разом оборвалось, и по бокам гигантского корабля выскочили опоры стабилизаторов. Мантелл внутренне напрягся, на щеке задергался мускул. Он услышал, как над ним в металлической оболочке Стархевена громко хлопнул закрывающийся люк.

Человек с бластером любезно осклабился и, прервав мертвую тишину, сказал:

— Милости просим на Стархевен, Мантелл. Первым делом мы нанесем визит нашему боссу, туда препровождают всех новоприбывших. Теперь смотри в оба.

Глава III

Через пять минут после приземления и после того как поверхность корабля подверглась обработке радиоактивным излучением, Мантелл оказался снаружи гигантского корабля, стоящего посреди прекрасно оборудованного космопорта, освещенного так ярко, что казалось, будто находишься солнечным днем на какой-нибудь планете галактики. С трудом верилось, что Стархевен покрыт цельной металлической оболочкой.

Сверху было голубое небо, покрытое вполне правдоподобными пушистыми облаками. Ярко светило солнце. И хотя он отлично понимал, что солнце, скорее всего, было на искусственном дейтерии, в какой-то момент ему показалось, что это настоящая звезда.

Даже намека на металлическую оболочку планеты заметно не было. Она находилась на расстоянии десяти-двенадцати, а может, даже двадцати миль над поверхностью земли и была специально задекорирована под настоящее небо. «Инженеры, создававшие этот мир, — подумал Мантелл, — отлично знали свое дело, неважно, какими законами они при этом руководствовались и каким целям служили».

— Вам нравится наша выдумка? — спросил Мантелла один из охранников. Наверное, он принимал в этом строительстве личное участие и гордился этим.

— Довольно убедительно. Если не знать про крышу над головой, так и не поверишь в нее.

— Еще узнаете, — ухмыльнулся второй охранник, — когда Космический патруль решит до нас добраться. Правда, они не делают этого уже тридцать лет, с тех пор как Бен Зурдан создал Стархевен.

Тихо покачиваясь по полю, к ним подкатила наземка. Она остановилась почти у самых ног Мантелла, маленькая каплеобразная машина, чей водитель терпеливо ждал, пока Мантелл и его свита не забрались внутрь. Мантелл оглянулся назад и увидел, как вдоль громадного стархевенского лайнера прокатился портальный кран, с помощью которого из трюма чудовища вытянули крошечный космический корабль, на котором его выловили в космосе.

Он нервно облизнул губы. Мысль о предстоящей психопробе его мало прельщала, даже если ее проводил сам Эрик Хармон.

— В резиденцию Бена Зурдана!

Когда машина начала прокладывать себе путь среди перегруженных транспортных магистралей и заторов деловой части города, он поразился высокому уровню механизации такого мирка, как Стархевен, планеты, чрезвычайно популярной среди преступников.

«Людей вроде меня», — подумал он.

Когда он мысленно проследил путь, который привел его на Стархевен, эту мертвую точку, планету — ренегат, последний оплот изгнанников из других миров галактики, где к законам относились с большим уважением, он постарался убедить себя, что он не преступник, что его сделали козлом отпущения и вынудили пойти на кражу.

Но убедить было не так-то просто. Его так давно исключили из уважаемых членов общества, что он почти поверил в свою вину. Теперь у него будет уйма времени, чтобы окончательно свыкнуться с ролью преступника. Стархевен гарантировал таким людям безопасность, и еще никто из них не отважился его покинуть. Это, наверное, было единственное место в галактике, где человек благоденствовал в полной безопасности, не заботясь о завтрашнем дне.

Машина вынырнула напротив громадного административного здания, которое возвышалось над всеми другими строениями в городе. Мантелл в сопровождении эскорта вступил на эскалатор, его попутчики держали оружие наготове, не оставляя ему выбора.

— Вы соблюдаете этот этикет для каждого вновь прибывшего? — спросил Мантелл.

— Для каждого, без исключений.

Повинуясь сигналу фотореле, дверь плавно скользнула в сторону. Три человека ожидали Мантелла в кабинете, убранном словно для приема Президента Галактической Федерации.

Один из них был немолодой сухощавый человек в белом смокинге, усталое лицо было буквально изрыто крошечными ямами и

каньонами. Должно быть, это и был Эрик Хармон, отец психопробы. Справа от ученого стоял рослый, свирепого вида мужчина в театральной, из лилового синтетического шелка рубахе и ярко-желтых брюках, совершенно лысый. На вид ему было лет сорок или чуть больше. Энергия и властность били в нем ключом. «По-видимому, это и есть сам Бен Зурдан, основатель Стархевена и всей здешней гильдии дарований», — подумал Мантелл.

А третьей была девушка с лиловыми, как рубаха на Зурдане, волосами и глазами цвета бело-голубых солнц, сияющими как чистой воды бриллианты. Она казалась лучшим украшением богато убранного кабинета.

— Вы Джонни Мантелл, не так ли? — сказал Зурдан. — Вы прибыли сюда в поисках убежища? — Его голос, как и следовало ожидать, был густым и басовитым.

— Да, это так, — подтвердил Мантелл.

Зурдан указал на доктора Хармона, который стоял, балансируя на своих слоновьих ногах, словно собравшаяся упасть сморщенная чернослива.

— Эрик, я полагаю, ты возьмешь мистера Мантелла в лабораторию и проведешь обследование в полном объеме, — он в упор глянул на Мантелла и добавил: — Конечно, вы понимаете, мистер Мантелл, что эта вынужденная мера предосторожности часть нашей повседневной работы.

«Мистер»... бывший бродяга, к которому никто не обращался иначе, как «эй, ты!» целых семь лет! Мантелл коротко кивнул:

— Понимаю!

— Вот и отлично. Идите.

Мантелл проследовал за стариком Хармоном в сопровождении охранника. Проходя мимо инкрустированного золотом косяка двери, он услышал низкий рокочущий бас, отвечавший на какое-то тихое замечание девушки:

— Да, наверное... Но с ним, скорее всего, все будет в порядке, вот увидишь.

— Надеюсь, мы его не прикончим, Бен, — сказала девушка громко. — Пожалуй, он мне нравится.

Дверь за ними захлопнулась, и разговор оборвался.

Мантелла ввели в хорошо оборудованную лабораторию. Там, занимая весь центр комнаты, возвышалась привычная паукообразная громада Хармоновской психопробной установки, включавшая стандартной модели электроэнцефалограф и разное оборудование, которое Мантеллу было незнакомо. Возможно, в него входили какие-то новые хармоновские устройства. Два ассистента услужливо препроводили Мантелла к кушетке и привязали ремнями. Хармон

надел ему на голову металлический колпак зонда. Его поверхность была холодной и твердой. Сознание того, что один неверный поворот рычажка может сейчас повредить его мозг и вызвать путаницу восприятия, не способствовало поднятию духа.

Глаза Хармона горели энтузиазмом. Старческими, похожими на клешни руками он коснулся эмалированных кнопок пульта управления и улыбнулся.

— Полагаю, вы не откажетесь рассказать мне немного о себе, мистер Мантелл.

Мантелл сжал челюсти, когда вдруг всплыли старые, давно забытые болезненные воспоминания. Он проговорил усталым голосом:

— Я бывший специалист по вооружению. Семь лет назад со мной случилась одна неприятная история — я потерял работу. А потом меня занесло на Мульцибер, где я пробыл дольше, чем рассчитывал. Я...

Пока он говорил, Хармон возился с установкой, поглядывая через плечо Мантелла на видеоэкраны, находящиеся вне поля его зрения, где с помощью осцилоскопа проецировались кривые биоритмов мозга.

— Как-то утром, идя с пляжа, где собирал ракушки, я...

Что-то грохнуло в его мозгу, словно ударил десятитонный пресс. Он почувствовал, как полусферы мозга будто раскололись на части, будто в его череп вонзился гигантский скальпель, чтобы взорвать по термоядерной бомбе за каждым глазом.

Приступ острой боли медленно схлынул, уступив место ноющей, тоскливой мигрени. Мантелл разлепил глаза и взглянул на старого Хармона, который искоса поглядывал на аппаратуру.

— Что случилось? — спросил Мантелл.

Хармон виновато улыбнулся:

— Небольшая ошибка в калибровке, не больше. Приношу вам искренние извинения, молодой человек.

— Надеюсь, доктор, когда вы продолжите психопробу, больше не случится ничего подобного, — содрогнулся Мантелл.

Как-то странно взглянув на него, Хармон произнес:

— Но вас уже апробировали. Это длилось не больше пятнадцати минут. И вы проспали все это время.

Пятнадцать минут! А ему показалось, что прошло всего пятнадцать секунд! Мантелл потер ноющую голову. Что-то яростно пульсировало на уровне его бровей, еще немного — и он начал бы сдирать кожу с поверхности черепа. Не вытерпев, он крепко прижал руки к ноющему месту.

Сзади густой бас Бена Зурдана спросил:

— Он в сознании?

— Только что очнулся. Он упорно погружался в своеобразный стресс, который я не в силах преодолеть, а чуть усилю давление, он сразу приходит в сознание.

— Используйте все свое мастерство, Эрик, — прогудел Зурдан. — Вы же не новичок. Если вы еще раз допустите подобную ошибку, мы поручим проведение психопробы одному из ваших ассистентов. Мантелл, вы можете встать на ноги?

— Не знаю, — неуверенно сказал Мантелл. — Попробую...

Он сполз с кушетки, на миг лаборатория поплыла перед его глазами. Шок от психопробы начал медленно сходить на нет.

— По-моему, со мной все в порядке, — сказал Мантелл. — Боль проходит. Но, как вы понимаете, я еще не оправился полностью.

— Ничего, оправитесь, — гулко хохотнул Зурдан.

— Что, уже кончили?

— Да, вы абсолютно чисты и нам годитесь. Идемте в мой кабинет, я введу вас в курс жизни на Стархевене.

Все еще слегка пошатываясь, Мантелл последовал за гигантом по коридору, который вел из хармоновской лаборатории к роскошно обставленному кабинету. Зурдан растянулся на покрытой пенящейся тканью кушетке, которая была специально сконструирована, чтобы выдерживать вес его длинного мощного тела, и небрежным жестом указал Мантеллу место напротив.

— Выпьем? — предложил Зурдан.

Мантелл кивнул, стараясь не обнаружить свое нетерпение, и Зурдан нажал кнопку в основании кушетки. Из угла комнаты к ним выкатился искусно выполненный портативный бар и остановился прямо перед Мантеллом.

После короткой заминки он выбрал забористый тройной «соур чокер». Не успел он нажать на рычаг, как робот-бар уже приготовил хрустальный бокал с тремя квартами зеленоватого зелья. Мантелл взял его, бар откатился в сторону и переехал к Зурдану, который заказал чистый «бурбон».

Мантелл пригубил и удовлетворенно кивнул.

— Подходяще. Наверное, с Муриака?

— Синтетическое — здесь все синтетическое. С какой стати нам закупать какие-то напитки, когда мои химики могут запросто создать любое пойло вроде этого. — Зурдан развалился и внимательно уставился на Мантелла. — Согласно тому, что выяснил доктор Хармон, до того как начались злоключения, вам приходилось работать техником-вооруженцем. Это автоматически делает вас очень ценной фигурой на Стархевене, Мантелл, — значительно добавил он.

Он быстро отбросил церемонное «мистер». Видно, так называли только вновь прибывших, которых еще квалифицировали, решил Мантелл.

— Ценной фигурой? — переспросил Мантелл. — Почему?

— Стархевен живет только силой своего оружия. Ослабь мы хоть на миг поле наших защитных экранов и узнай об этом наши враги, как, не успеешь оглянуться, из всех секторов галактики

разом обрушится на нас армада Космического патруля. Я поставил миллиарды заслонов перед Стархевеном, Мантелл. Это первая совершенно неприступная крепость в мировой истории. Но, как бы то ни было, без техников, устанавливающих орудия и экраны, нам не обойтись.

Мантелл ощутил легкую дрожь в руках.

— С тех пор, как я занимался защитными экранами, прошло много времени, — сказал он Зурдану. — За эти семь лет я потерял навыки.

— Научитесь снова, — просто ответил Зурдан. — Из психопробы я узнал твою биографию. Семь лет бродяжничества и нищеты после потери работы. Потом ты убил человека, похитил корабль КП и прибыл сюда.

— Я не убивал его. Меня оболгали.

Зурдан лишь пожал плечами.

— Проба показала, что ты убил его, — возразил он с вежливой улыбкой. — Проба не лжет. Она просто рассказывает, что случилось и как. Тебя подводит память, Мантелл.

Ошеломленный Мантелл сидел молча, крепко сжимая в руке бокал. Он отлично помнил каждую деталь той стычки в приморском баре: толстый пьяный турист, уверявший, что Мантелл похитил у его жены драгоценную брошку, вялая ладонь коротышки, ударившая его по щеке... и проломленный череп туриста, поскользнувшегося прежде, чем Мантелл собрался ему ответить.

— Даю вам честное слово, я этого не делал, — спокойно ответил Мантелл.

Зурдан вновь пожал плечами.

— С психопробой не поспоришь. Но здесь это не имеет значения. Мы не соблюдаем законы «экс пост факто», — Зурдан поднялся и пошел к трехмерной картине, которая вращалась над поверхностью одной из стен, меняя очертания красных и ярко-зеленых пятен различной плотности и оттенков, как в игрушечном калейдоскопе.

Он встал с кушетки спиной к Мантеллу, сцепив сильные руки: большой человек, сделавший в жизни большое дело; человек, создавший Стархевен.

— У нас здесь нет законов, — сказал он спустя некоторое время. — Как нет и анархии. Вломись в чужой дом, укради деньги, и хозяин будет вправе догнать тебя и заставить вернуть их обратно. Если от тебя будет чересчур много хлопот, мы тебя прикончим. И ничего больше. Ни тебе выжигания мозга, ни тюремного заключения, когда сгниваешь погребенным заживо. — Он обернулся. — Ты мог бы успешно работать над «Клингсановыми защитными экранами», если не будешь корить себя за прошлое, не ударишься в запой и не завалишь дело. Тогда придется предъявить ордер и выбросить тебя отсюда к чертовой матери.

Мантелл взял еще один бокал и вопросительно взглянул на Зурдана.

— Не говорите только, что мне теперь придется по четвергам посещать исправительную школу!

Зурдан повернулся, темные глаза его гневно сверкнули.

— Не мели чушь! Здесь никого не исправляют. Пей, сколько влезет, лги, изворачивайся, рискуй — нас это не касается. Мы не святоши. Толковый оператор — нужный человек на Стархевене, равноправный и уважаемый гражданин. Мы тебя силком сюда не тащили.

— Но вы утверждаете, что у вас нет законов. Как же это согласуется с тем, что вы только что рассказали.

Зурдан рассмеялся.

— У нас есть законы! Их два, только два.

— Интересно!

— Первый — наше Золотое Правило. Я бы сформулировал его так: «С тобой поступят так, как ты сам поступаешь с другими». Элементарно, правда?

— А второй?

Зурдан ухмыльнулся и сделал добрый глоток, перед тем как продолжить.

— Второй закон еще проще: «Ты будешь делать то, что прикажет Бен Зурдан, не споря, не переча и не задавая лишних вопросов». Абзац! И конец Конституции Стархевена.

Несколько секунд Мантелл молчал, разглядывая высокого широкоплечего человека в ярком, почти маскарадном костюме и думая о мире, который называется Стархевен. Затем он сказал:

— Этот второй закон несколько противоречит первому. Или я что-то не так понял?

— Все так! — кивнул Зурдан.

— Кем вы тогда здесь являетесь? И с какой стати ставите себя выше всех законов?

Глаза Зурдана сверкнули недобрым блеском.

— Я тот, кто создал Стархевен, — сказал он с расстановкой. — Я положил свою жизнь и все деньги, которые только мог стащить, до последнего пенни, чтобы основать планету, где парни вроде тебя могли бы найти убежище. Взамен я потребовал абсолютного подчинения. Поверь мне, я не злоупотреблял своей властью. Я не Нерон. Я придумал и ввел это правило, потому что на Стархевене должен быть только один вождь.

Мантелл нахмурил брови. Приходилось признать, что это было вполне резонно. Жуткая, чудовищная философия тирана на Стархевене, казалось, срабатывала как надо.

— Что ж, по рукам! — сказал Мантелл. — Я с вами.

Зурдан улыбнулся.

— У тебя не было выбора, — сказал он. — Вот, возьми.

Он протянул Мантеллу маленькую белую капсулу. Мантелл внимательно ее рассмотрел.

— Что это?

— Противоядие к яду, который добавили в твой бокал, — сказал Зурдан. — Ты примешаешь его в оставшиеся тебе пять минут. Потом уже будет поздно, оно не подействует.

Мантелл сжал тонкую скорлупку и поспешно сунул в рот. На вкус она показалась ему чуть горьковатой. Его бил озноб. Так вот что значит быть в полной власти одного человека! Ну и хватка! Ладно, он добился, чего хотел. В конце концов, я приехал на Стархевен по собственной воле. И никуда от этого не денешься.

— У тебя будет неделя, чтобы отдохнуть и разобраться, что к чему, — сказал Зурдан. — А потом начнешь зарабатывать на хлеб. У нас полно работы для квалифицированного вооруженца.

— Честно говоря, мне сейчас не хочется думать о работе.

— Хочешь еще выпить? — ухмыльнулся Зурдан.

— Не откажусь, — согласился Мантелл. Это был наилучший способ доказать Зурдану свое доверие.

Глава IV

Два человека снова осушили свои бокалы. Мантелл не уловил разницы между первым и вторым бокалом. Волноваться, однако, не стоило, он полагался на здравый смысл. Зачем нормальному субъекту травить кого бы то ни было ради собственного удовольствия, тем более человека, который был ему нужен?

Немного погодя Зурдан нажал кнопку на своем столе. В комнату вошла девушка с звездно-голубыми глазами, одетая в искристо-голубую синтетическую блузку с широкими рукавами, застегивавшуюся высоко на одном плече, и темную юбку из ворсистого материала. Наряд подчеркивал естественную грацию ее движений. Если ее целью было произвести впечатление на Мантелла, она ее достигла.

— Это мисс Батлер, — сказал Зурдан, — Майра Батлер, моя секретарша. — Джонни Мантелл перехватил взгляд Зурдана, в котором смешивались теплота и гордость и который открыл ему глаза: «Господи! Зурдан в нее влюблен! Он, должно быть, на двадцать лет старше, но я восхищаюсь его вкусом!»

— Хелло! — сказал он, улыбаясь прямо в сияющие голубые глаза, которые затмевали даже ломкий сверкающий цвет ее блузы. Потом он решительно отвел взгляд в сторону. «Осторожно, Джонни!» — Предостерег он сам себя. Если Зурдан влюблен в нее, можно враз нажить кучу неприятностей. Не зарься, парень, на чужое, проживешь дольше!

Но с другой стороны, ему еще никогда не приходилось встречать женщину столь притягательной внешности, как Майра. Словно протянут скрытый кабель высокого напряжения. Правда, у него были шикарные женщины в первые дни жизни на Мульцибере, пока не иссякли его деньги и чувство собственного достоинства. Но за последние мрачные годы на Мульцибере, когда он скитался по пляжам и продавал свои дешевые побрякушки туристам, он понимал, что с Джонни Мантеллом захотят иметь дело только женщины, которых он презирал и ни под каким видом не желал с ними связываться.

— Мантеллу предстоит стать техником-вооруженцем, Майра, — сказал Зурдан. — Думаю, он будет нам очень полезен. Я хочу, чтобы ты познакомила его со Стархевеном. Соверши с ним первое турне. Ему дается неделя, чтобы как следует освоиться. Покажи ему все достопримечательности.

— Похоже, что меня ожидает приятная неделька, — сказал Мантелл. А про себя подумал: «Хуже не будет, если я воздам должное вкусу шефа».

Зурдан проигнорировал его замечание. Он выгреб из кармана пригоршню банкнот и сунул их Мантеллу.

— Этого хватит на первое время. А как приступишь к работе, тебе будут платить регулярное жалованье.

Мантелл взглянул на банкноты: добротная, многоцветная печать; они отдаленно напоминали стандартные галактические денежные знаки, выпущенные на Земле. Только здесь они предназначались не для всей галактики. Посредине, там, где на крупных галактических банкнотах находилось стилизованное изображение созвездий, а на мелких — символическое изображение атома, на местных купюрах помещался портрет Бена Зурдана, голова и плечи которого были выписаны с поразительной тщательностью. Зурдан вручил ему две сотенные банкноты, пятьдесят, двадцать, несколько мелких — по одному чипу[1].

— Чипы? — озадаченно сказал Мантелл.

— Самая мелкая денежная единица, — пояснил Зурдан. — Я бы ввел ее во всех мирах вроде Стархевена. Для простоты можешь считать, что по стоимостному курсу один чип равен одному галактическому кредиту. Сотня центов равна одному чипу. Первоначально я собирался ввести голубые чипы, красные чипы и так далее, но это привело бы к излишней путанице... Так покажи ему Стархевен, Майра.

Он прошли через светлые, хорошо освещенные залы — девушка чуть впереди, Мантелл за ней — в гравишахту, которая бережно

[1] Чип (англ.) — монета, марка, фишка.

доставила их на уличный ярус. Они вышли на свежий приятный воздух.

У обочины их дожидалась машина, гладкая, темная, каплеобразной формы, последней модели. Зурдан, очевидно, считал, что Стархевен должен идти в ногу с последними веяниями галактической моды, даже если планета и закрыта для нормальной торговли и туристских маршрутов.

Майра скользнула в машину и вполголоса сказала что-то человеку с каменным лицом, сидящему за баранкой. Как только Мантелл занял место в кабине, автомобиль сорвался с места, и, нырнув под землю, помчался на большой скорости.

Не успели они глазом моргнуть, как он вновь вылетел на поверхность у сверкающего, облицованного хромом здания. Майра покопалась в своем кошельке и протянула Мантеллу ключ.

— Этот отель называется «Номер Тринадцать», он принадлежит Бену. Будешь жить здесь.

— А мне это по карману?

— Не беспокойся. Твой номер 1306. Где бы ты ни оказался на Стархевене, лишь скажи водителю «Номер Тринадцать», и он доставит тебя, когда только пожелаешь. Хочешь взглянуть на свою комнату?

— Лучше позже, — сказал Джонни Мантелл, не желая расставаться с девушкой.

Майра велела шоферу трогать, и они покатили дальше по широким, хорошо спланированным улицам. Мантелл искоса поглядывал то на девушку, то на привлекательную панораму снаружи. Все же Стархевен довольно уютное местечко.

Когда они проезжали мимо какого-нибудь примечательного строения, Майра указывала и называла его.

— Это главный госпиталь, видишь?

— А вон та двойная башня? На вид — ничего себе. А внутри там так же шикарно, как снаружи?

— А что ты ожидал найти на Стархевене? Сплошные кабаки, игорные притоны и публички? Только потому, что Стархевен — убежище преступников? Будто мы дикари, и нам не знакома цивилизация?

Мантелл смутился и поднял руки, в шутку прося пощады:

— Ладно, ладно, сдаюсь!

— Зурдан создал это место двадцать лет назад, — сказала она. — Это был необитаемый мир, слишком холодный, чтобы заинтересовать кого бы то ни было. У шефа было много денег — неважно откуда. Он сплотил вокруг себя команду преданных ему людей, и они вместе построили оболочку, оснащенную внутренним солнцем. Так было положено начало Стархевена. Затем они поставили орудия, защитные укрепления, и там, где раньше был

только холодный пустынный мир, возникла космическая крепость под названием Стархевен. Теперь здесь живут двадцать миллионов людей, и ни один благочестивый ханжа больше не властен над ними.

Мантелл взглянул на нее и задал ей вопрос, занимавший его с тех пор, как он впервые ее увидел:

— Как ты здесь очутилась?

Вряд ли стоило спрашивать ее о подобных вещах. Он увидел, как ее миловидное личико вспыхнуло гневом. Сейчас она напоминала разъяренную кошку с вздыбленной шерстью и выпущенными когтями. Майра, однако, быстро взяла себя в руки.

— Я забыла, что ты новичок, Мантелл. Мы никогда не спрашиваем об этом. Прошлое навсегда остается личной тайной. Его знаешь только ты сам и Бен Зурдан. Больше никому не дано права знать ничего, за исключением того, что ты сам захочешь рассказать.

Мантелл почувствовал, что краснеет.

— Извини, — сказал он.

— Не за что. Обычное недоразумение. Только помни, что такие вопросы задавать нельзя.

— Неужели Зурдан знает все о каждом жителе планеты?

— Конечно, это трудно, нас двадцать миллионов, но он старается. Он лично приветствует каждого, вот как хотя бы тебя. Но иногда случается, прибывает по сто, двести и даже по пятьсот человек за день, — тогда, конечно, нет никакой возможности выпить с каждым и каждому пожать руку. Всем новичкам Бен сам дает работу.

— И мы не можем делать то, что заблагорассудится?

— Сначала — нет. В течение нескольких лет занимаешься только той работой, на которую тебя поставили. Но если умудришься разбогатеть, расплатишься с долгами, то гуляй себе, сколько влезет. Ты в дивизионе вооруженцев?

Мантелл кивнул.

— Там хорошо платят. Но и выкуп высок. С такой квалификацией и специальностью здесь можно сколотить приличное состояние. Но ведь кто-то же должен водить машины и торговать с лотков кукурузными хлопьями, и если Зурдан скажет, что это должен делать ты, то придется подчиниться. Иначе этот мир не устоит.

— Похоже, у него выгодное дельце, — заметил Мантелл. — И похоже, он также знает толк и в секретаршах.

— Не забывайся, — сказала девушка, но не рассердилась. — Давай выйдем.

Машина осторожно подкатила к остановке. Светящиеся дверцы раздвинулись, и они выбрались наружу. Мантелл огляделся кругом и присвистнул.

Они оказались напротив здания со сводчатым куполом, стоящего посреди идеально ровной, покрытой травой площадки. На верхних этажах купола сверкали искорки света. Здание было необъятным, этажей в сто, а то и больше.

— Что это такое?

— Это, — сказала Майра, — второе по важности здание на Стархевене после резиденции Зурдана. Оно называется Дворец удовольствий. Давай войдем внутрь.

Они вступили на движущуюся ленту эскалатора, переместились по слегка наклонному скату, ведущему к главному входу, и оказались в вестибюле, площадью не менее акра с чудовищно высокими потолками. Он был заполнен людьми, чьи голоса приглушались звукопоглотителями. Стены были разрисованы довольно-таки смелыми изображениями высотой футов в пятьдесят. Вот это Дворец удовольствий, подумал Мантелл. По-видимому, Стархевен был дивным сном Бена Зурдана, который он постарался воплотить наяву, миром, о котором приезжающие могли только мечтать, фабрикой, реализующей самые потаенные и смелые грезы.

Мантелл зазевался, и его зажали в толпе. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука осторожно и вместе с тем бесцеремонно скользнула в его карман. Он крепко сжал свои пальцы вокруг чужого запястья, а второй рукой схватил карманника за горло.

Им оказался маленький, похожий на крысенка человечек, ростом по плечо Мантеллу, с юркими бегающими глазами, коротко подстриженными черными волосами и кривым вороньим носом. Мантелл сдавил его горло и выдернул его лапу из своего кармана. Оглянувшись на Майру, он увидел, что она смеется, будто все это было на редкость забавной шуткой.

— Так вот как тут продают входные билеты? — сказал Мантелл.

Карманник посинел.

— Может, отпустишь, а, парень? Я едва дышу, — прохрипел он чуть слышно.

— Отпусти его, Джонни, — сказала Майра. Он смутился, отметив про себя, что она впервые назвала его просто по имени.

Мантелл решил, что еще успеет придушить этого воришку. Он встряхнул его хорошенько, чтобы помнил, и отпустил ко всем чертям.

Секундой позже он уже стоял под дулом бластера, нацеленного куда-то в район его пупка.

— Отлично, приятель! Хитростью тебя не возьмешь, придется действовать напролом. Доставай свои монеты, да поживее.

Ошеломленный Мантелл изумленно отпрянул. Вокруг, в громадном вестибюле, мельтешили сотни людей, и никому из них не было дела до разворачивающейся на их глазах драмы. И тут он

вспомнил, где находится. Стархевен... Здесь возможно все, что угодно. С неохотой он вытащил из кармана свои деньги.

Все еще улыбаясь, Майра положила свою руку на его ладонь, секунду помешкала и резким движением засунула деньги обратно в карман Джонни. Другой рукой она вынула маленький карманный бластер.

— Убери оружие, Хул, — сказала она. — Он здесь новичок. Только что от Зурдана. Это все, что у него есть.

Бластер опустился. Щуплый карманник понимающе усмехнулся и сказал:

— Я не хотел тебя обидеть, приятель. Пусть это останется между нами, — он кивнул Майре. — Мне приказал это сделать Зурдан. Чтобы научить новенького уму-разуму.

— Я так и подумала, — сказала она. — Обычно ты работаешь не так грубо.

Мантелл усвоил этот странный урок, который ему преподали. Зурдан избрал подобный способ, чтобы продемонстрировать Стархевен во всей красе и желая посмотреть Мантелла в действии.

К тому же для карманника было нелишне попрактиковаться на публике, хотя обычно он действовал осторожно и избегал неприятностей, когда он мог быть пойман с поличным. Наставить же оружие на человека было для Стархевена обычной нормой поведения. С тобой обходились точно так же, как ты — с другими. Это был некий стереотип поведения, и неважно, с кем имеешь дело: с трусом или храбрецом. На Стархевене выживали только смелые, решительные и ловкие. За счет естественного отбора их процент был здесь куда больше, чем в остальной галактике.

От всего этого можно рехнуться, подумал Мантелл. Подобный мир мог существовать в равновесии только при одном условии — если у руля находится человек вроде Зурдана.

— Дворец удовольствий, — проговорил Мантелл, когда маленький карманник скрылся в толпе. — Что это такое?

— Все, что угодно, любые развлечения, какие только пожелаешь. Можешь выпить, перекусить, посмотреть представление, концерт или трехмерку, порезвиться с девочками. На десятом этаже находится игорный зал. А на двенадцатом — танцевальный. Обслуживание — что надо!

— Зачем ты привела меня сюда?

— В основном перекусить, — сказала девушка. — У тебя было тяжелое путешествие и тебе надо расслабиться. После того как подзаправимся и выпьем, можем немного потанцевать, если появится желание.

— А после еды, выпивки и танцев? — спросил Мантелл. — Не слишком ли рано наступит вечер и мы пойдем бай-бай?

— Там будет видно, — сказала она.

Мантелл взглянул на нее испытующе. На миг он пожалел, что не телепат — только на миг. Ему захотелось узнать, что таится за этими лучистыми глазами. Хотелось знать, как себя с ней вести. И как тесно она связана с Зурданом. Если вообще связана...

Но он не был телепатом и не слишком о том жалел. Он надеялся, что вино прояснит ситуацию.

Джонни подал ей руку. Она оперлась на нее, весело улыбнулась, и все долгие тоскливые годы бродяжничества на Мульцибере разом вылетели из его головы. Там он едва наскребал на еду, клянчил на выпивку, ловил в грязной мутной воде прилива моллюсков, чтобы продавать их раковины одуревшим от безделия туристам.

Теперь он на Стархевене, и в его руке — рука прекрасной девушки.

Впервые за семь лет он снова может держать голову высоко, снова чувствовать себя человеком!

Глава V

Светящийся эскалатор поднял их на высоту в двенадцать футов и доставил в красивый холл, где располагалось множество лифтовых шахт. Мантелл пропустил девушку вперед и последовал за ней в один из кабинетов. Она набрала девятый этаж.

— Обеденный зал девятого этажа — один из лучших, — пояснила она. — И самый дорогой. Впрочем, увидишь сам.

Они поднялись вверх, миновав семь промежуточных этажей одним головокружительным броском. Лифт остановился. Их встретила слепая металлическая стена, сверкающая и отполированная до зеркального блеска. Майра вытянула руку и коснулась украшенным печаткой кольцом поверхности барьера. В нем мгновенно образовалась дверь, откинувшаяся внутрь.

У входа ждал вежливый и кроткий робот, напоминавший маленький автомобильчик, с единственным неподвижным широкофокусным глазом посредине плоского лица. Он выкатился вперед, будто приветствуя старых знакомых, и проговорил, обращаясь к девушке:

— Добрый вечер, мисс Батлер. Столик, как обычно?

— Как всегда. Это Джонни Мантелл, он только что с дороги. Мой спутник на сегодняшний вечер.

На миг фоторегистратор робота уставился на Мантелла. Он услышал короткий щелчок и понял, что его моментально сфотографировали и занесли в картотеку — на будущее.

— Пройдемте сюда, пожалуйста, — позвал робот.

Место было неподражаемо. Тяжелые красные драпировки из синтетического бархата глушили звуки. В воздухе витал едва уловимый аромат благовоний, из невидимого оркестра доносилась неж-

ная и тихая музыка. После семи лет Мульцибера Мантелл почувствовал себя не в своей тарелке. Робот скользнул впереди них, указывая путь к столику, рядом с неуловимой грацией двигалась Майра, слишком изумительная, чтобы быть натуральной. При всем том в ней было столько живости и пластичности! Этого не мог оценить никакой робот.

Они остановились у бесформенного столика, стоявшего около изогнутой серебристой стены. Через маленькое овальное окошко открывался вид на простиравшийся внизу город — город парков, сине-голубых озер и возносящихся ввысь небоскребов. Здесь, на Стархевене, Бен Зурдан создал удивительную, сказочную планету-сад, подумал Мантелл. И посвятил ее преступникам. Мантелл нахмурился, но вовремя вспомнил, что и сам он преступник... убийца, и неважно, что он отлично помнил, что не убивал. С Беном Зурданом не поспоришь. Сейчас он в безопасности и должен быть благодарен за это.

Робот выдвинул кресла — для него и для его спутницы. Джонни опустился в ковшеобразное кресло — оно мягко охватило его тело; сидеть в причудливом, суспензионно-пенном кресле было все равно что плавать в невесомости.

Скрипки на миг смолкли, Мантелл сидел, глядя на Майру, не произнося ни слова. Эти удивительные голубые глаза смотрели на него, но были далеко от всего, что ее сейчас окружало. Да, Зурдан не ошибся в своем выборе: стройная, великолепно сложенная, с красивого рисунка губами и маленьким правильным носом; голос нежный и хорошо поставленный, с чуть заметной хрипотцой.

— Скажите мне вот что: неужели каждый вновь прибывший на Стархевен удостаивается такого приема? Скрипки, отличная еда и прочее?

— Не каждый.

Мускулы на его скулах дрогнули. Он почувствовал, что его дразнят, а он ничего не может с этим поделать.

— Почему же я оказался среди избранных? Вряд ли Зурдан посылает свою секретаршу отобедать с каждым прибывающим на Стархевен бродягой.

— Конечно нет, — сказала она отрывисто. И, переменив тему, спросила:

— Что ты будешь пить?

Мантелл подумал и заказал двойной кирай; она взяла врафу. Официант-робот что-то подобострастно пробормотал, исчез, вернулся с их бокалами и, раскланявшись, укатил прочь.

Мантелл осторожно пригубил и сказал:

— Мы слишком много уделяем внимания моей персоне. А вы очаровательны и загадочны, мисс Батлер. Кто вы такая?

Она с улыбкой перегнулась через столик и взяла его за руку.

— Не задавай слишком много вопросов, Джонни. На Стархевене это опасно. И главное, не торопись. В свое время ты узнаешь все, что пожелаешь... Может быть.

— Пусть будет так, — сказал он, пожимая плечами.

Во всяком случае, не стоило так настырно совать нос куда не следует. Семь лет бродяжничества по пустынным пляжам Мульцибера научили его индифферентно относиться ко многим вещам. Он уже не раз убеждался, пассивно бредя по предначертанному пути, что лучше позволять событиям идти своим чередом.

Казалось, эта девушка была в нем заинтересована. Он решил сейчас принять это как должное, а объяснения искать потом.

— А что, Стархевен заметно отличается от Мульцибера? — спросила она, внезапно прерывая его размышления.

— Очень отличается.

— Ты провел там семь лет?

— Ты ведь смотрела отчеты о моей психопробе? И, наверное, тебе не нужны мои заверения, — он ощутил внезапное раздражение. Они ходили вокруг до около, отгораживались недомолвками куда больше, чем требовалось для приятного вечера. И кружили на расстоянии вытянутой руки. Он почувствовал себя неуютно.

— Прости, — сказала она. — Я не собираюсь бередить старые раны. Бен создал это место для людей вроде тебя, чтобы они могли прилететь сюда и забыться... начать сначала. Мульцибер был ничто, Джонни, дурной сон и только.

— Хотелось бы в это верить. Но я провел там семь лет, выпрашивая медяки. Я убил человека. Я не могу, как ты предлагаешь, выбросить это из головы, будто дурной сон, — он проговорил это резко и грубо, и она отпрянула, будто ей залепили пощечину. Спиртное слишком быстро ударило в голову, подумал он.

— Давай бросим это! — сказала она с ноткой участия и подняла свой бокал. — За Бена Зурдана и за мир, который он создал, за Стархевен!

— За Стархевен, — отозвался Мантелл.

Они выпили, осушив бокалы до дна, и заказали еще. Голова Мантелла шла кругом, но это было приятное чувство. Он заметил, что где-то за третьим бокалом Майра заказала еду, и чуть позже прикатила пара роботов, нагруженных подносами. Они расшаркались и начали расставлять блюда: фазаны с гарниром из трюфелей, белое и красное вино, венгиланские крабы, выложенные на панцири, точно на тарелки. Он ошарашенно уставился на яства.

— В чем дело, Джонни? Ты почему скис? — спросила она.

— Этот обед в пятьдесят кредитов пятьдесят чипов. Он мне не по карману, я запросто вылечу в трубу...

— Не дури, Джонни, — улыбнулась она. — Бен угощает. Меня уполномочили позаботиться обо всем. Не тревожься о чеке!

Он повиновался. Он не ел ничего лучше в своей жизни — особенно с 11 августа 2793, дня, который запомнился ему на всю жизнь. С того самого дня, когда земная корпорация «Клингсановые защитные экраны» решила, что запросто может обойтись без его нововведений.

За едой он размышлял над событиями того дня. Он вспомнил, невольно содрогнувшись, как отчитывался о работе, исписав три листа бумаги, а через два часа обнаружил на своем столе розовую карточку увольнения. Зло фыркнув, он кинулся на административный этаж повидаться с самим стариком Клингсаном. Он ворвался в кабинет главы компании, намереваясь выяснить, за что его выкинули вон.

Клингсан объяснил. Тогда Мантелл высказал Клингсану все, что накипело у него в душе, и пока говорил, его имя медленно и неотвратимо проступало в черном списке, благодаря которому ни в одном из миров галактики ему больше не найти приличной работы.

Друзья нашли ему грошовое дельце на Мульцибере, вдали от Земли. Он угробил последние девяносто кредитов, добравшись туда с Вилтууна, лишь для того, чтобы услышать о скандальной репутации, которая тащилась за ним повсюду, сделав нежеланным даже на Мульцибере.

А набрать денег на обратную дорогу он уже был не в состоянии. И даже за семь долгих лет он не смог наскрести суммы, чтобы оплатить переезд из этого ленивого, сонного мира вечных субтропиков. Вплоть до того дня, когда за ним явился Космический патруль, предъявив обвинение в убийстве, и он вынужден был бежать.

— Опять о чем-то задумался, Джонни, — проговорила внезапно Майра. — Я же просила не думать больше о Мульцибере. Постарайся забыть его.

— Я и не думаю больше, — солгал он. — Я прикидывал... что не плохо было бы удрать отсюда, вообще не уплатив по счету. По-моему, хозяева ресторана не станут поднимать шума и взывать к закону. Здесь ведь нет законов.

Вполне возможно. Но ты тоже не станешь взывать к закону, если они тебя поймают и сделают из тебя бифштекс. Или — если понравится это место, и ты захочешь прийти сюда снова — они попросту захлопнут перед твоим носом дверь. Или подсыплют какого-нибудь медленно действующего яда, когда ты в следующий раз захочешь вкусно пообедать.

На секунду-другую он задумался. И тут его осенило:

— Знаешь что? Я могу побиться об заклад, что в этом царстве вседозволенности, где законы шиворот-навыворот, они действуют куда лучше, чем там, где они основываются на сложной системе

высокоморальных устоев и устарелых обычаев. Здесь законы преступности сводят друг друга на нет.

Она кивнула.

— Это самая великая идея Бена. Если взять группу людей, не отягощенных принципами морали, и заставить жить по определенному образцу, их совокупные преступные наклонности превращаются в упорядоченный и практичный способ соблюдения закона. Но это происходит только тогда, когда начинаешь запускать добропорядочных людей в систему, разваливающуюся на части.

Мантелл нахмурился. Он чувствовал, что где-то в ее рассуждениях есть противоречие, но в данный момент он не собирался ломать над этим голову.

— Знаешь, кажется, мне здесь понравится, — сказал он с улыбкой.

Глава VI

Потом они еще трижды начинали разговор, полный намеков и недомолвок, но он быстро обрывался, и они окончили ужин в полном молчании. Глядя мимо оркестрового задника, где пели скрипки (не настоящие скрипки, как догадывался он, а хорошо подобранный электромузыкальный синтезатор, скрытый где-то в огромном здании), Мантелл думал: «Это обалденная женщина». Он постарался представить — хоть и безуспешно, — какую страшную вещь она совершила, чтобы оказаться здесь, на Стархевене, скрываясь от сетей галактической полиции.

Трудно было предположить, какое преступление скрывалось в прошлом девушки. Она казалась такой чистой, такой невинной! Конечно, Мантелл сознавал, что она не ангел, но не тем не менее у него создавалось впечатление, что она руководствуется в своих действиях только высокими мотивами. Себя Мантелл тоже не считал законченным негодяем. Он убеждал себя, что является жертвой обстоятельств: жизнь могла сложиться совсем по-другому, если бы он не попал на Мульцибер, а остался квалифицированным техником-вооруженцем на старой Земле.

«В конце концов, он оказался техником-вооруженцем, — сказал он себе. — Только не на Земле, а здесь, на Стархевене, где никто не потчевал его дешевой моралью».

И где была Майра.

Просто удивительно, что он сидит, глядя на нее, и не делает никаких попыток к сближению.

Она была девушкой Зурдана — это служило главной помехой. На такой планете ни один человек не покусится на возлюбленную тирана, если дорожит своей шкурой. Но, возможно, Зурдан успел ею пресытиться...

— Кого ты хочешь обмануть? — спросил он самого себя. Кому может надоесть такая девушка?!

Настроение Мантелла омрачилось. Он сказал себе, что должен оставить посягательства на Майру Батлер, иначе его ждут крупные неприятности.

Появились роботы-уборщики, унесли остатки еды и недопитую бутылку.

— Никогда бы не подумал, что смогу бросить полбутылки вина, — усмехнулся про себя Мантелл.

Он откинулся назад. Почувствовал тепло и сытость с приятным вкусом редкого вина, оставшимся на губах.

— Куда теперь? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Ты танцуешь?

— Давно не практиковался.

— Неважно, пошли! Танцзал тремя этажами выше.

Сейчас Мантелл не чувствовал особого желания танцевать.

Но она продолжала настаивать:

— Мне нравится танцевать, Джонни. А Бен со мною не танцует. Он ненавидит танцы.

Мантелл, сдаваясь, пожал плечами:

— Я вам очень обязан, леди. Так что, если хотите танцевать, пожалуйста.

Рука об руку они прошествовали из обеденного зала в поджидавшую кабину лифта и поднялись в танцзал. Даже здесь, на двенадцатом этаже, у Мантелла осталось такое впечатление, что весь Дворец удовольствий — над ними.

Танцзал представлял собой огромное, причудливо украшенное сводчатое помещение. Музыка билась в сотне скрытых динамиков. Пылающие пятна трепещущего света, красного, синего и светло-фиолетового; таинственно вспыхивали в воздухе над танцующими. Это была изумительная картина, будто сошедшая со страниц какой-то богато иллюстрированной книги.

— Для человека, не любящего танцев, Зурдан построил просто великолепный дансинг, — заметил Мантелл.

— Это одна из особенностей Бена — угождать желаниям других людей. Поэтому у него столько приверженцев.

— Бен — хитрый мужик, — сказал Мантелл.

— Даже чересчур хитрый, — согласилась Майра.

Они вступили на танцплощадку. Майра скользнула ему в объятия, и они начали танец.

Много лет миновало с тех пор, как Мантелл танцевал последний раз. На Мульцибере у него даже не было мысли позволить себе подобную роскошь — борьба за жизнь занимала все помыслы. А на Земле он был занят сверх меры куда менее легкомысленными вещами.

Но здесь, на этой удивительной планете, он мог отыграться за все прошлые годы. Под мерцающим темным люцифугиновым пластиком танцплощадки был установлен усовершенствованный антигравитационный экран. Поле отрегулировано на низкую модуляцию, не настолько сильную, чтобы поднять танцоров к потолку, но достаточно мощную, чтобы компенсировать их вес где-то на тридцать—сорок процентов, как прикинул Мантелл.

Это скорее напоминало парение, а не танец. Танцоры не чувствовали своих ног.

Ведя Майру, Мантелл ощущал, какая она легкая, точно пушинка. Взлетающие хороводы огней вращались вокруг них, создавая благодаря игре света и тени какое-то странное ощущение. Музыка била под ними, сильно, исступленно и волнующе, Мантелл вдруг заметил, что движется с легкостью, которой ранее никогда за собой не знал.

Все дело в антигравитационном поле, подумал он, а еще — в Майре, легкой в его руках как перышко.

И лишь одна вещь поразила его своей несообразностью. Вокруг него в заполненном павильоне танцевали жители Стархевена, каждый из которых нес в глубинах своего мозга память о преступлении, каждый, еще недавно скрывающийся и бежавший от полиции, теперь навсегда нашел надежное убежище. Они смеялись, шутили, обнимая друг друга, как все прочие люди. Как те, кто всегда жил по обычным законам. Эти мужчины и женщины неплохо проводили время — без всяких законов.

Мантелл с Майрой танцевали час, возможно два. Время бежало незаметно. Мантелл держался стойко. Когда музыка кончилась, а они в сотый раз сошли с площадки, чтобы немного передохнуть, Майра спросила:

— Ну как?

— Тяжеловато, — улыбнулся Мантелл.

— Тогда давай лучше пойдем, Джонни. Уже поздно.

Он взглянул на часы: скоро полночь... Только теперь он почувствовал, как устал. Чего только не было за этот день: бегство от Космического патруля, пытка психопробой, а под конец — несколько часов с Майрой. Полный джентльменский набор.

— Куда мы отправимся теперь? Игровой зал? Бар?

Она покачала головой.

— Пойдем домой. Мне пора спать.

Музыка зазвучала снова, и любители подергаться под легкомысленную мелодию устремились на танцплощадку. Мантелл начал прокладывать путь сквозь толпу, крепко держа Майру за руку. Сумев пробраться к лифтам без особых приключений, они спустились и вышли на залитую огнями площадь снаружи Дворца удовольствий.

Будто из-под земли вырос тот самый каплеобразный автомобиль, который привез их сюда. Они сели.

— Отвезите нас ко мне, — сказала Майра шоферу.

Они остановились напротив жилого здания. Майра вышла, Мантелл последовал за ней. Двери здания распахнулись при их появлении. Он проводил ее до лифта, потом до дверей квартиры.

Она приложила палец к дверной панели, и дверь начала медленно открываться.

— Я не могу пригласить тебя к себе, Джонни. Уже поздно... и вообще... я не могу. Ты все понимаешь, правда?

Он улыбнулся.

— О'кей. Это был чудесный вечер. Я не стану дальше искушать судьбу. Спокойной ночи, Майра. И спасибо за все.

— Мы еще увидимся, Джонни. Не волнуйся.

Он нахмурился и напомнил о запретной теме.

— А Бен...

— Не всегда же Бен будет с нами, — прошептала она со странной интонацией в голосе. — Многое зависит от тебя. Мы рассчитываем на тебя больше, чем ты себе представляешь.

— Что? Вы?..

— Я же предупреждала тебя, что не стоит задавать сразу слишком много вопросов, — оборвала она. — Всему свое время. Спокойной ночи, Джонни.

— Спокойной ночи, — сказал он в недоумении.

Она очаровательно улыбнулась, и вдруг он обнаружил, что стоит в одиночестве, уставившись на закрытую дверь и чувствуя, как внутри разливается покой и удовлетворение.

Когда он выбрался наружу, внизу поджидала машина. Было за полночь, и небо усыпали маленькие мерцающие звездочки. Зурдан не поскупился на средства, стараясь придать своему миру чарующую правдоподобность.

Он влез в машину. Водитель походил на человека, но, судя по чересчур прямой посадке головы и неразговорчивости, мог вполне оказаться и роботом.

— Неподражаемая женщина, а? — сказал ему Мантелл. — Мисс Батлер, я имею в виду.

— Да, сэр.

Мантелл улыбнулся. Чего-чего, а болтуном водителя не назовешь.

— Отвези меня домой, в «Номер Тринадцать», — приказал он.

— Хорошо, сэр.

Мантелл расслабленно наблюдал, как по обе стороны машины пролетали небоскребы. Теперь он почувствовал, что безумно устал и жаждет добраться до постели. Он не просто устал, вымотался до предела. Это был фантастический день.

Глава VII

На второй день пребывания на Стархевене Мантелл видел, как погиб человек. Это научило его не поддаваться первому впечатлению. Стархевен не был милой и приятной планетой или счастливой Утопией. Здесь царствовали смерть, зло и насилие.

В тот день он лег поздно и сразу заснул. В одиннадцать утра громко зазвонил комнатный радиофон, разбудив его ото сна, полного кошмаров: бесконечная погоня, Космические патрульные, древние, что-то невнятно бормочущие ученые, проводящие психопробы...

Он рывком вскочил на ноги, пересек своей номер и щелкнул фоном, стирая с лица остатки сна. Бесформенное цветовое пятно, появившееся на видеоэкране, медленно приобретало хорошо знакомые черты.

Это было лицо Бена Зурдана.

Даже на экране площадью не больше квадратного фута его напряженное лицо светилось затаенной силой. Он свирепо улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, я не разбудил тебя, Мантелл? Ты, наверное, не выспался.

Мантелл выдавил из себя натужный смешок.

— По-моему, переспал. Видимо, сказывается дурная привычка.

— Ну, как тебе понравился Дворец удовольствий? — спросил Зурдан без обиняков.

И прежде чем заспанный Мантелл успел ответить, последовал новый вопрос:

— А как Майра?

Мантелл с трудом заставил себя говорить непринужденно:

— Довольно занимательное местечко, мистер Зурдан, — сказал он. — Я никогда не видел ничего подобного. И мисс Батлер была очень любезна.

— Рад слышать, — спокойно сказал Зурдан. Возникла неловкая пауза. Мантелл заерзал перед экраном, ощущая постоянное психологическое давление этого человека. Через некоторое время Зурдан сказал:

— Мантелл, я должен благодарить судьбу за встречу с тобой. В тебе есть характер, а мне нравятся люди с характером.

Мантелл не сразу понял, куда клонит хозяин Стархевена. Стараясь скрыть смущение, он очень серьезно сказал:

— Благодарю вас, мистер Зурдан!

— Называй меня просто Беном, — острые глаза сверлили Мантелла, пока тот не покраснел. — Я верю тебе, Мантелл. А если хочешь знать, я доверяю на Стархевене очень немногим людям. Ты мне симпатичен, Мантелл. Мне хочется, чтобы ты оказал мне небольшую услугу.

— Разумеется, Бен, если смогу. Но что ты имеешь в виду?

— Я хочу, чтобы ты держал глаза открытыми. Сегодня ты снова проведешь день в компании мисс Батлер. Внимательно слушай и запоминай все, что она тебе скажет, Мантелл. И если узнаешь что-то, заслуживающее моего внимания, не стесняйся, сразу свяжись со мной.

Мантелл нахмурился.

— Я не совсем уверен, что до конца понимаю, о чем ты говоришь, но, кажется, в общих чертах представляю.

— Ну вот и отлично. Держись меня, Мантелл. Жизнь на Стархевене может быть очень и очень приятной, если тебе покровительствует Бен Зурдан.

Зурдан состроил гримасу, которая, видимо, должна была символизировать дружескую улыбку, и отключился. Мантелл уставился на светящийся лик слепого экрана, пытаясь осмыслить услышанное.

Вызов от Зурдана явно имел связь с загадочными словами Майры перед их расставанием прошлой ночью. Очевидно, Бен Зурдан чего-то боится, скорее всего, тайного заговора. И он выбрал Мантелла, чтобы тот служил ему глазами и ушами. Возможно — тут у Мантелла перехватило дыхание, — возможно, он подозревает, что Майру втянули в заговор против него, и он свел с ней его, Мантелла, чтобы получить нужную информацию.

Мантелл покачал головой. Начала вырисовываться сплетенная паутина. Не слишком ли скоро, подумал он. Выходит, он явился сюда, чтобы служить игрушкой в руках политических сил и оказаться впутанным в дворцовые интриги. Сам он хотел только одного — убежища, места, где он мог бы восстановить свою истерзанную личность, человеческое достоинство и забыть годы, прожитые на Мульцибере.

Он наскоро проглотил завтрак, не переставая тревожиться. Он ввязался в игру, где мог поплатиться головой. Наконец, взяв себя в руки, он набрал номер Майры. Она появилась на экране, бодрая, с безмятежной улыбкой. Несколько минут они болтали о пустяках, прежде чем он предложил встретиться и позавтракать во Дворце удовольствий.

— Встретимся через девяносто минут, — сказала она. — На девятом этаже перед обеденным залом.

— Договорились.

Он отключился и принялся одеваться. потом убил добрую четверть часа, взволнованно расхаживая по комнате. Наконец он сбежал по ступенькам и нашел такси, которое доставило его во Дворец удовольствий.

Майра пришла на свидание с ним вовремя, минута в минуту, и они вновь заняли столик у окна под неусыпной опекой услуж-

ливого официанта. Завтрак вышел каким-то нервозным и коротким: хлорелловый бифштекс с жареным диамантским картофелем, который они запивали золотым ливресайским пивом. Столиком им служил кристаллический сосуд, в котором гордо и безмятежно плавала рогатая рыба. Мантелл и девушка говорили очень мало. Над обоими, казалось, нависла мрачная туча.

Майра нарушила молчание первой:

— Сегодня утром тебе звонил Бен?

Мантелл кивнул утвердительно:

— Этот человек, по-видимому, хочет привязать меня к себе, должно быть, что-то поразило его в данных моей психопробы.

Она осушила бокал пива — все до пены.

— Кое-что в них поражает каждого, кто видел эти данные, Джонни. Одного мы не можем понять, с какой стати ты околачивался так долго на Мульцибере.

— Я же говорил тебе — стечение обстоятельств.

— Согласно психопробе, ты из породы людей, которые заставляют работать на себя любые обстоятельства. И отлично умеют выходить из любой передряги.

— Видно, у доктора Хармона старческий маразм, — возразил Мантелл. — Обычно обстоятельства работают не на меня, а против меня.

— Ты заблуждаешься. Согласно характеристике, в тебе скрыта изрядная доля непреодолимого упорства. Бен отметил это в записке, которую помощники старого доктора Хармона принесли вместе с отчетом и графиками из лаборатории показать боссу. «Этот парень не промах, — сказал Бен, — надо его приручить».

— Получается, во мне скрыты великие возможности, о которых я и не подозреваю, — сказал Мантелл. Он вспомнил грязного небритого бродягу, слонявшегося по сверкающим пескам Мульцибера, заискивающе клянчащего у веселых симпатичных туристов стаканчик виски. Где же скрывалось приписываемое ему упорство все эти долгие годы?

На несколько мгновений наступила тишина. Мантелла одолевали противоречивые мысли. Затем он сказал:

— Вчера вечером, перед тем как попрощаться со мной, ты сделала странный намек...

Она заметно побледнела.

— Это была просто шутка, — сказала она. — Или надежда... Когда-нибудь, возможно, я расскажу тебе об этом...

— Я не стану ввязываться в это. Свергать вождя, каким бы он ни был, — последнее дело. Но я не хочу тебя отговаривать. Думаю, что отговорить тебя невозможно.

— Милый мальчик, — сказала она, вертя в руках пустой бокал от пива. — Я хочу попробовать еще какого-нибудь пива. А затем

мы устроим пятичасовое турне по другим залам Дворца удовольствий.

Они выпили еще по бокальчику и вышли, Майра позаботилась о чеке сама, и учтивый метрдотель понимающе кивнул.

Они прошли мимо барьеров в кабину лифта и проехали на десятый этаж. Там они оказались в зале, отделанном черным ониксом и светлым агатом. Их голоса тонули в шумной какафонии звуков.

— На этом этаже восемь казино, — сказала Майра, — Они работают круглосуточно.

Внезапно она свернула в узкий проход, Мантелл последовал за ней. Коридор заканчивался комнатой размером с ту танцплощадку, на которой они были прошлой ночью.

Его ослепили мириады крошечных светящихся огней. В воздухе плясали спирали кружащегося сияния. Шум, веселье, свет обрушились на него. Повсюду были богато разодетые стархевенцы.

— Большинство собравшихся — профессиональные игроки, — прошептала Майра. — Некоторые из них практически живут здесь, играя почти круглые сутки. Последний месяц Марку Чантеллу везло в рулетку, и он играл восемь дней без перерыва. Под конец он остался с двумя компаньонами, скормившими ему бушель таблеток луробрина, чтобы он держался на ногах и выстоял. Он остановился, когда выиграл одиннадцать миллионов чипов.

Мантелл уважительно присвистнул.

— Бьюсь об заклад, что хозяину дворца он пришелся не по нутру!

— Хозяин дворца — Бен Зурдан, — сказала Майра. — А он не станет размениваться на мелочи. Под конец игры он сам приезжал сюда поаплодировать Чантеллу. Таков уж Бен!

Мантелл с интересом оглядел переполненный зал. Вокруг в изобилии стояли самые различные игровые автоматы и механизмы, окруженные толпами игроков и болельщиков. Некоторые столики обслуживались роботами, другие — привлекательными молодыми женщинами с мелодичными, завораживающими голосами и утонченными манерами. В дальнем конце огромного казино Мантелл увидел ряд карточных столиков, там поджидали желающих слащавые распорядители, готовые предложить клиентам любую игру на выбор.

— Во что сыграем? — спросила Майра.

Мантеллу было безразлично.

— У меня голова кругом.

— «Рулетка», «ротовил»? Или попытаем счастья в «лучевые кости»?

Мантелл выбрал столик наугад.

— Начнем отсюда, — сказал он, указывая на зеленую бязевую поверхность ближайшего игрового столика.

Здесь было не особенно людно. Четыре-пять щегольски одетых игроков собрались вокруг, изучая тщательно продуманную систему ямок и ловушек, сдерживающих свободно падающие кости и обеспечивающих случайность выпадения выигрыша.

Руководивший игрой робот ждал, на его металлическом лице застыла неизменная механическая улыбка, сложная электроника вычисляла ставки, которые менялись каждую минуту.

Мантелл сосредоточенно нахмурился, наблюдая за доской. Потом он вытащил из бумажника десятичиповый банкнот и хотел было положить на стол, но тут Майра внезапно коснулась его руки.

— Подожди ставить, — быстро проговорила она. — Сейчас что-то будет.

Проследив направление ее взгляда, Мантелл медленно обернулся. Он заметил, что в огромной комнате как-то сразу стало тихо. Все настороженно уставились на только что вошедшего человека.

Прибывший был довольно высок — не ниже шести футов восьми дюймов — и в меру широк. По левой щеке бежал рваный мертвенно бледный шрам, резко выделявшийся на его бесцветной коже. Худое тело облегали черно-белые, сверкающие блестками арлекиновые рейтузы и серо-золотая рубаха. Сбоку, над левым бедром, был прицеплен зловеще мерцающий бластер. Он спокойно стоял у входа, приковывая к себе всеобщее внимание.

— Кто это? — спросил Мантелл.

— Лерой Марчин. Он покинул Стархевен месяц назад. Ему не следовало бы возвращаться, это безумие! Оставайся здесь, я сейчас...

Она пошла через зал, и Мантелл последовал за ней. Крупье затянул наконец свою монотонную песню, и напряженная тишина в комнате потихоньку разрядилась. Майра, казалось, совсем забыла о Мантелле, занявшись вновь прибывшим Марчином.

Когда Мантелл пробился поближе к этой парочке, он услышал, как Марчин проговорил:

— Привет, Майра, — его голос звучал глухо, без всякого выражения.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Майра. — Если узнает Бен...

— Бен уже знает: десять минут назад роботы доложили ему по радио, что я здесь.

— Тогда сматывайся отсюда!

— Нет, — ответил Марчин. — Я надеюсь, Бен двинет сюда собственной персоной. В таком случае у меня будет шанс выстрелить первым.

— Лерой! — она возвысила голос до крика. — Ты не посмеешь!..

— Отойди от меня! — грубо оборвал ее Марчин. — Я не хочу, чтобы ты была здесь, когда начнется пальба.

Он выглядел чудовищно усталым, лицо его было бледно, но страха на нем не было. С преувеличенной небрежностью он прошествовал мимо Мантелла и Майры, пересек зал, подошел к рулетке и, когда крупье предложил делать ставки, положил сточиповый банкнот.

Мантелл обернулся к Майре и спросил:

— Что все это значит? Кто этот человек?

Она была как натянутая струна.

— Он уже однажды пытался убить Бена. Когда-то, много лет назад, они вместе с Беном создавали Стархевен, но потом Марчин откололся и забросил дела. Бену пришлось одному тянуть все предприятие.

Дело начинало проясняться.

— Зачем он явился сюда? — спросил Мантелл.

— Он долго скрывался. Видно, Бен его выследил, и Лерой решил сразиться с ним здесь, в казино, один на один. Что-то будет...

Вновь наступила тишина, на этот раз еще более глубокая.

В зал въехал робот — приземистый, прямоугольный, около восьми футов в высоту, он тихо двигался на гусеничном ходу. Мантелл видел, как Марчин повернулся лицом к роботу. Люди, стоявшие в десяти — двадцати футах от него, тихо расступились. Мантелл заметил, что Майру бьет дрожь.

— Привет, Рой, — сказал робот голосом Бена Зурдана, видно, работая на дистанционном управлении.

Глаза Марчина гневно сверкнули.

— Какого черта, Зурдан! Почему ты не явился сам? Зачем ты послал сюда робота, выполнять за тебя эту грязную работу?

— Слишком велика честь для тебя, Рой! — последовал холодный ответ. — Так лучше — не будет сомнений в исходе.

Марчин вытащил бластер. В тот же миг огни в здании потускнели из-за внезапного падения напряжения, а вокруг робота возникло мерцающее сияние.

— Силовой экран, — пробормотала Майра. — У Марчина исчез последний шанс.

Мантелл знал: роботы могут нести силовые экраны, а люди нет. Человеку нужен воздух для дыхания, а силовой экран блокирует все одинаково: свет, воздух, радиацию. Это чудовищно дорого — оснащать робота защитным экраном, но, видно, Бен держал по меньшей мере одного — на всякий пожарный случай.

Палец Марчина нажал на спуск. Вспышка пламени промчалась через разделяющее пространство, окатив робота потоком огня. Однако она оказалась совершенно бесполезной, разбившись о неприступный барьер силового экрана.

Невредимое металлическое существо безучастно ждало. Целую минуту Марчин вел бессмысленный огонь по барьеру, закрывающему терпеливого грузного робота. Убедившись, что все напрасно, Марчин грубо выругался и, размахнувшись, швырнул бластер через всю комнату в невозмутимого стального посланца.

Оружие со звоном отскочило от робота и упало неподалеку. Робот рассмеялся. Так смеяться мог только Бен Зурдан.

Марчин взвыл от ярости, чертыхнулся и сорвался с места. В первое мгновение все подумали, что он собирается бежать, но у Марчина были другие намерения: даже не попытавшись пробиться к выходу, он в безумном самоубийственном порыве бросился прямо на робота.

Он пробежал футов десять, не более, когда робот поднял одну из гигантских, чудовищных рук и выстрелил энергетической молнией из скрытых в пальцах разрядников. Молния ударила Марчина в грудь, сбила с ног и отшвырнула обратно, к тому месту, где он стоял прежде.

Он зашатался, схватился за горло и повалился на вращающийся экран столика позади него. Потом упал на пол и больше не поднялся.

Исполнив задуманное, робот повернулся и исчез, не проронив ни слова. Откуда-то из-под потолка раздались звуки легкой музыки, и напряжение спало. Вновь защебетали крупье, до Мантелла донесся звон падающих монет. Все в комнате будто сговорились делать вид, что ничего не произошло.

Откуда-то появились двое служителей и уволокли сморщенный обугленный труп. Мантелл наблюдал за ними, пока Майра не сжала ему руку и не потянула к столику, где шла игра в «лучевые кости».

Он почувствовал, как где-то внутри у него застыл комочек страха. Сегодня он еще раз воочию увидел, как Бен Зурдан управляет Стархевеном. Вряд ли стоило вставать у него на пути.

Глава VIII

Увиденная сцена отбила у Мантелла всякую охоту продолжать игру.

Майра же, напротив, выглядела спокойной, только застывшее лицо чуть-чуть побледнело. Это его обескуражило: когда-то, судя по всему, она близко знала Марчина, а теперь ее так мало озаботила его судьба.

И только потом он понял причину этого: она привыкла к феномену убийства. Смерть — насильственная смерть — была на Стархевене заурядным событием.

Они играли что-то около часа. Мысли Мантелла были далеко, он почти не следил за тем, что делали руки, и за короткий срок умудрился спустить половину содержимого своего и без того тощего кошелька. К счастью, Майра времени даром не теряла и почти все отыграла. Но сердце Мантелла не лежало сейчас к азарту и игре. Он подождал, пока Майра соберет выигрыш. Когда же она направилась через зал к магнерулетке, он взял ее под руку и сказал:

— На сегодня хватит! Пойдем отсюда.

— Куда?

— Куда-нибудь. Мне необходимо выпить.

Она понимающе улыбнулась. Они вместе пробились через толпу, которая теперь стала шумной, заразившись каким-то отчаянным весельем, и прошли к выходу. Когда они выходили из казино, в двери ввалилась плотная толпа прибывших, по-видимому, привлеченных слухами о недавнем инциденте, без сомнения, просочившимися сейчас во все уголки Дворца удовольствий. Мантелл с Майрой прокладывали себе путь из казино словно рыбы, плывущие против течения по быстрому горному ручью.

— Азартные игры — главная индустрия на Стархевене, — сказала Майра, когда они добрались до шахты лифта, отирая со лба капли пота. — Рабочий день начинается для большинства профессионалов около полудня. Они делают передышку в четыре-пять часов дня, а потом играют всю ночь напролет.

Мантелл не отвечал. Сейчас его мало занимали подобные темы. Он думал о высоком, широкоплечем, бледном человеке по имени Лерой Марчин, которого прикончили прямо на глазах пятисот человек и смерть которого не вызвала ничего, кроме одного-двух равнодушно-вежливых замечаний.

Они поехали вверх, и Майра провела его в бар, где-то на средних этажах здания. Это было полутемное помещение, наполненное дымом и алкогольными парами, освещенное лишь слабыми трубками неонового света.

Мантелл нашел пустующий столик поближе к задней стене, инкрустированной скорее всего подлинными драгоценными камнями. Появился обслуживающий робот, и они выбрали себе напитки.

Он заказал чистой пшеничной водки, предпочитая на этот раз не смешивать. Майра потягивала прозрачное голубое вино из хрустального бокала. Мантелл опрокинул рюмку и налил другую. Осмотревшись, он заметил трехмерное видео, стоявшее в углу, позади бара. На его экране проступило худое, измученное лицо Лероя Марчина в ярких неестественных красках.

— Взгляни вон туда! — сказал он Майре.

Та взглянула. Камера внезапно отвернулась от фигуры Марчина, чтобы показать казино, каким оно выглядело в момент начала дуэли. Появился робот, массивная темная громада, а напротив —

Марчин. Потом он увидел совершенно отчетливо во всю ширину экрана свое собственное худое лицо, недоуменно взиравшее на развертывающуюся драму. Рядом стояла Майра. Когда началась стрельба, она крепко вцепилась в его руку. Он этого не помнил, хотя скорее всего так оно и было на самом деле. Он слишком увлекся дуэлью, чтобы заметить эту деталь.

Вкрадчивый голос компьютера проговорил:

— Вы видите на экране, как около часа тридцати дня Лерой Марчин заявился в Хрустальное казино. Марчин возвратился на Стархевен после вынужденного самоизгнания, в которое он отправился после неудавшегося покушения на жизнь Бена Зурдана в прошлом году. В казино он пришел один.

Из динамиков послышалась короткая перебранка между Марчином и роботом, который говорил голосом Зурдана. Потом показали, как в дело пошли бластеры и завязалась перестрелка. Все, вплоть до выноса тела Марчина.

— Главный Комиссар Бриан Варнли собственноручно заверил свидетельство о смерти Марчина, наступившей в результате самоубийства, — невнятно бубнил комментатор. — Среди других новостей на Стархевене пришло сообщение о том, что...

Мантелл отвел от экрана затравленный взгляд.

— Вот и все, — сказал он мрачно. — Простое самоубийство. И никому нет до этого дела. Никого, черт побери, не волнует, что сегодня днем человека открыто пристрелили на глазах сотен людей.

Майра с беспокойством посмотрела на него.

— У нас на Стархевене это обычная вещь. Это наш образ жизни, и мы — мы не задаем лишних вопросов. Если чувствуешь, что тебе не вынести законов Бена, лучше уноси со Стархевена ноги, да побыстрее, иначе тебя здесь прикончат.

Он провел языком по пересохшим губам. Ему хотелось ей ответить, выразить свое несогласие. Но что-то странное случилось с ним, какой-то необъяснимый темный страх поднялся из тайных глубин мозга и проник в сознание. Он инстинктивно наклонился и крепко сжал стол обеими руками. Он невольно содрогнулся, ощутив внезапный прилив боли, повторявшийся снова и снова.

Он услышал, как Майра озабоченно воскликнула:

— жонни! Что случилось? Тебе плохо?

Через несколько секунд боль спала, и он смог произнести:

— Ничего страшного! Ничего...

И все же его охватил страх. Перед ним в одном безумном вихре промчались последние семь лет — с того дня, когда он порвал с «Клингсановыми защитными», до того дня, когда он бежал, преследуемый за убийство, на украденном корабле с тихих пляжей Мульцибера.

Воспоминания взлетели, замерли монолитной колонной — и вдруг колонна закачалась и рухнула, рассыпавшись на миллион осколков.

Вокруг вращался Стархевен. Его пальцы до боли вцепились в холодную крышку стола, чтобы удержать тело от падения на пол. Он смутно чувствовал, как Майра гладит его онемевшие руки, что-то говорит, стараясь помочь, ободрить. А он упрямо старался задержать дыхание.

Через несколько секунд все прошло. Он откинулся назад, измученный, обливающийся потом, с поникшей головой и похолодевшим лбом.

— Что случилось, Джонни?

Он покачал головой.

— Я не знаю, что случилось, — сухо проговорил он. — Наверное, сказываются последствия психопробы. Хармон говорил, что немного просчитался с калибровкой. Мог появиться непредусмотренный побочный эффект. На какой-то миг, Майра, на один миг мне показалось, что я был кем-то другим!

— Кем-то другим?

Он пожал плечами.

— Наверное, перепил, — ухмыльнулся он. — Или не допил. Лучше я приму еще стаканчик.

Он заказал рюмку и выпил ее залпом. Крепкий напиток привел его в чувство. В нервном возбуждении он собирал и складывал фрагменты личности, которые рассыпались на миг в его сознании. Он обретал прежнюю уверенность в себе. Теперь он вновь был Джонни Мантеллом, бывшим бродягой на Мульцибере, в пятом Секторе Галактики, а теперь нашедшем кров на Стархевене, прибежище всех преступников Млечного Пути.

Странный короткий приступ канул в прошлое.

— Я чувствую себя значительно лучше, — сказал он Майре. — Пойдем, подышим свежим воздухом.

Глава IX

Остаток недели, предоставленной Мантеллу, чтобы осмотреться, прошел довольно сносно. Он хорошо усвоил нравы Стархевена, и хотя восхищаться всеми аспектами здешней жизни он не мог, нельзя было также не признать, что творение Зурдана удивительно напоминает чудо.

Мантелл виделся с Майрой, хотя, возможно, и не так часто, как хотелось бы. Они держались друг от друга на расстоянии. Мантелл чувствовал, что некая невидимая, но осязаемая завеса отгородила их друг от друга. Что-то она не договаривала, потому что

не должна была говорить, что-то не рассказывал ей он, потому что не знал точно сам.

Необъяснимый приступ, который случился с ним во Дворце удовольствий, повторился. Еще дважды он покрывался холодным потом, появлялось внезапное головокружение, внезапное чувство полного одиночества, ощущение, что он — кто-то другой и что он никогда не бродяжничал на Мульцибере.

В первый раз на него накатило в речном катере, стремительном пассажирском суденышке, на котором они отправились вверх по реке к северным плантациям Стархевена. Зурдан там создал обширные сельскохозяйственные угодья, и Мантелл с Майрой поехали туда погостить, как вдруг у Мантелла начался приступ. Правда, он быстро прошел, хотя и выбил его на несколько часов из колеи.

Следующий приступ случился двумя днями позже, в три часа ночи. Мантелл очнулся и, застигнутый припадком, сел на кровати, глядя в темноту, сотрясаемый конвульсиями. Когда кризис миновал, он в изнеможении откинулся на подушки. Затем, повинуясь безотчетному порыву, кинулся к видеофону и набрал номер Майры, надеясь, что она простит, если он ее разбудит.

Ее не было дома.

Видеофон в ее квартире прозвонил восемь, девять, десять, двенадцать раз, затем автомонитор внизу отключил его, и гладкое металлическое лицо заверило Мантелла:

— Мисс Батлер нет дома. Что ей передать? Мисс Батлер нет дома. Что ей передать? Мисс Батлер...

С минуту Мантелл слушал металлическую песню, будто погружаясь в гипнотический транс. Затем собрался с духом и произнес:

— Спасибо! Мне нечего сказать мисс Батлер.

Он оборвал связь и вернулся в постель. Но так и не смог уснуть до утра, ворочаясь с боку на бок, не в силах забыться. Он не сомневался, что существует только одно место, где Майра могла быть в такой поздний час.

Она была с Беном Зурданом.

Мантелл переживал эту мысль в своем мозгу пять часов кряду. Он понимал, что выглядит совершеннейшим дураком, что не вправе претендовать на Майру Батлер, что она, как все и вся на этой планете, принадлежит Бену Зурдану. Бен Зурдан мог творить все, что ему заблагорассудится, а люди вроде Джонни Мантелла должны были довольствоваться тем, что вознамерится им пожертвовать Великий Бен.

Но, представляя себе Майру в объятиях этого громилы, он приходил в неописуемую ярость. Всю ночь он не сомкнул глаз. В восемь утра он поднялся и посмотрел на свое отражение в зеркале ванной. На него уставился лик привидения, изможденный и помятый.

Он нашел пачку тонизирующих таблеток и разом проглотил три штуки. Три таблетки заменяли восемь часов глубокого сна.

Произведя эту искусственную замену, Мантелл на взводе отправился в одиночку во Дворец удовольствий, чтобы скинуть напряжение, накопившееся в его нервной системе.

За эту первую неделю он нагулялся вдоволь. Для Мантелла это было не впервой. Годы скитаний и бродяжничества научили его убивать время изящно и со знанием дела. Наконец, на седьмой день его пребывания на Стархевене в «Номер Тринадцать» позвонил Бен Зурдан.

Он так подался вперед, что, казалось, вот-вот вывалится из стереоэкрана.

— Пришло время взяться за работу, Джонни. У тебя была целая неделя отдыха. Этого вполне достаточно, — сказал Бен.

— Я готов начать в любое время, когда прикажете, — ответил Мантелл. — Последний раз я ходил на работу более семи лет назад. Вполне достаточный отпуск для любого человека.

— Отлично! Оставайся на месте, и я подхвачу тебя прямо сейчас, — в голосе Зурдана прозвучала непривычно теплая нотка.

Десять минут спустя Зурдан заехал за ним на аэрокебе, и они отправились на север, в удаленный район Стархевена. Мантелл уже знал от Майры, что, хотя металлическая оболочка установлена вокруг всей планеты, заселена была только часть одного обширного континента. По существу, Стархевен представлял собой один гигантский городок, вмещавший около двадцати миллионов человек, поглощавший свои запасы площади и ресурсов с каждым новым всплеском имиграции. За границами города — к югу и западу — лежали фермерские угодья, а дальше протянулись бесплодные и пустынные земли, до которых у Зурдана еще не дошли руки.

Аэрокеб легко скользнул на посадку и приземлился на стоянке, расположенной на крыше прямоугольного, темного, лишенного окон здания, стоявшего далеко к северо-западу от черты обитаемых районов. Зурдан выпрыгнул из кабины прямо под козырек стоянки, Мантелл — за ним.

— Именно здесь мозг и потроха Стархевена, — сказал Зурдан со скрытой гордостью.

Неподалеку от них услужливо открылась крышка люка. Они спустились на верхний этаж здания, люк со скрежетом захлопнулся над их головами.

Внутри деловито сновали люди в чистых лабораторных комбинезонах. Они почтительно приветствовали Зурдана. Зурдан представил Мантелла как нового техника-вооруженца. Спустя столько лет слышать похвалу себе было лестно и весьма приятно.

Экскурсия началась.

— Оборона Стархевена строится на двух принципах, — говорил Зурдан, пока они протискивались по узкому туннелю, напичканному электронными детекторными устройствами. Первый — пассивный — состоит в том, что нам нужен защитный барьер. Вот почему я соорудил защитную металлическую оболочку. Второй — активный и куда более важный — гласит, что нам нужно хорошее наступательное оружие. Наступательные силы, дополняющие защитную оболочку, делают оборону неприступной. Стархевен имеет лучшие энергетические орудия в мире. А когда вы примете во внимание наши защитные экраны, наши энергополя и отражающую силу самой наружной оболочки, вы поймете, почему Космический патруль против нас бессилен.

Они вошли в обширную комнату, заставленную блоками тихо пощелкивающего компьютера.

— Мы не оставляем им никакого шанса, — сказал громко Зурдан. — Каждый выстрел, выпущенный из наших тяжелых орудий, предварительно тщательно просчитывается. И редко проходит вхолостую.

Мантелл изучал дисплей. Его взгляда едва хватило, чтобы охватить величину созданной Зурданом крепости.

На самом верху глаза Мантелла выхватили яркую череду счетчиков, циферблатов, шкал, и он вопросительно указал на них.

— Управление энергопотоками, — сказал Зурдан. — Когда мы окажемся под бомбардировкой, каждый ватт направленной в нас энергии, которую мы впитываем своими экранами, передается по силовым линиям сюда, в это здание, чтобы превратиться потом в энергию, которую мы можем использовать на благо Стархевена.

— И часто случаются бомбардировки?

— Ни одной стоящей за все годы. Космический патруль больше пижонит и задирает нос. Долгое время мы вообще не знали, куда деть наши генераторы, спасибо, нашлись свободные силы Космического патруля, готовые броситься на нас, точно свора гончих. Но теперь они поумнели и совершают, как только представится случай, короткие набеги, лишь бы напомнить о себе.

Мантелл был ошеломлен. Он еще помнил дни, когда он служил вооруженцем, и не мог не оценить великолепной стархевенской обороны. Она была выше похвал.

— Скажи мне, Бен, — спросил он. — Какой гений сумел создать все это?

— Это был поистине гений, — ответил Зурдан. — Все это создал для меня Лорис Фарбер. На это у него ушло целых три года — три года работы и днем и ночью. Может, ты когда-нибудь слышал о нем?

— Лорис Фарбер? Кажется, припоминаю. Это тот, что прикончил свою жену, да? Когда-то очень давно я читал об этом случае.

Зурдан кивнул.

— Он был блестящим кибернетиком и чересчур нервным, склочным, заносчивым человеком. Я видел, к чему идет дело, — его погубил талант. Можешь мне поверить, что, когда я его встретил, он уже был малость тронутый.

— А как он кончил?

— Однажды он увидел дух своей жены на нейтронном экране внизу и хватил его топориком, — сказал Зурдан. — Чтобы распутать проводку, понадобилось несколько дней.

Экскурсия по зданию заняла почти три часа. Под конец Мантелл вымотался частью по причине необъятности контролируемого башней вооружения, частью — из-за того, что забытые знания с трудом пробуждались в его мозгу. Он вспомнил увлекательнейшие часы, проведенные за конструированием защитных экранов много лет назад, расчеты поглощаемой энергии, составление таблиц мегамощностей, расчет запутанных колонок сопротивлений и силы тока. Неужели это было семь лет назад? Казалось, годы стерлись, слились воедино и перешли сразу в настоящее.

Они достигли самого верхнего этажа здания. Зурдан провел Мантелла в длинную комнату, полностью заставленную видеоприемниками. Комната была богато убрана и обставлена с роскошью, присущей всем остальным зурдановским кабинетам в центре города.

— Это, — сказал Зурдан, — моя святая святых, нервный центр планеты. Из этой комнаты я могу управлять всеми защитными экранами, ударить любым оружием с любой огневой позиции и с любой установки, послать субрадиограмму в любой мир галактики.

Его густой бас наполнился гордостью. За ней нетрудно было разглядеть личность этого человека. Он явно бахвалился этой комнатой, из которой мог управлять своим миром и бросить вызов всей Вселенной.

Зурдан тяжело плюхнулся в релаксационную люльку и стал тихо покачиваться вперед и назад.

— Ну ладно, Мантелл... Ты видел все, что нужно. Что ты теперь скажешь?

— Великолепно, Бен! Стархевен совершенно неприступен. Во всей галактике нет ничего подобного.

Лицо Зурдана вдруг потемнело.

— И все же на душе у меня неспокойно, — сказал он значительно. — В нашей системе обороны появились опасные бреши... И дело становится с каждым днем все серьезней и серьезней, поскольку никто из моих лучших людей не может справиться с возникшими проблемами.

Мантелл в недоумении уставился на него.

— Бреши, изъяны? Где?! Знаешь, шеф, может, я безбожно от-

стал, но могу поклясться, что это самая неприступная крепость, которую когда-нибудь создавал человек.

Рот Зурдана скривила слабая усмешка, но его глаза остались мрачными и хмурыми.

— Твои суждения до какой-то степени правильны. Однако существует просчет, который при определенном стечении обстоятельств может означать конец Стархевена и всех, кто нашел на нем убежище. И этот просчет внутри системы.

— Внутри?

— Стархевен уязвим изнутри. Представь, что кто-то захватит центр управления. Он может выключить экраны и преподнести нас патрулю на серебряной тарелочке. Конечно, ему пришлось бы сначала убить меня. Несколько дней назад в казино на твоих глазах пристрелили человека, который пытался это сделать.

— Ты имеешь в виду Марчина?

— Да. Он был моим соратником и одним из первых колонистов Стархевена. Но мы с Марчином не поладили. Я видел, как в течение долгих лет между нами назревал конфликт, но сдерживался, позволив ему нанести удар первым. Так уж вышло, что я оказался сильнее, — он скорбно покачал своей большой головой. — Ладно, хватит об этом! У меня есть для тебя дело, Мантелл, очень важное дело.

— Какое же? — осведомился Мантелл.

— Согласно результатам твоей психопробы, — сказал Зурдан, — ты незаурядный специалист по защитным экранам. Все данные говорят за то, что ты мог бы подняться в своем мастерстве еще выше. Один раз ты упустил этот шанс, но если Хармон со своей машиной не сошел с ума, у тебя еще остался порох в пороховницах. Джонни, я могу дать тебе второй шанс стать главной шишкой в твоем деле и в то же время оказать мне большую услугу. Мы будем сражаться вместе. Я обнаружил — неважно как — происки заговорщиков, которые собираются меня ликвидировать.

— Ликвидировать... Т Е Б Я ? — недоверчиво переспросил Мантелл. — Но... Но зачем? Кто посмеет?..

— Не будем вдаваться в детали, рассуждать о тех, кто хочет моей смерти. Это уж мои заботы, не твои. Но факт остается фактом. Они могут достичь цели прежде, чем я раскрою их и обезврежу.

— Но Марчин ведь сорвался.

— С Марчином другое дело — я все время держал его на крючке. Но теперь, скажу честно, я в постоянной опасности. О, конечно, я хорошо защищен, но не для такого случая. Так что, мой друг, я вручаю тебе лабораторию со всем ее ученым штатом и со всей начинкой. И помогай тебе Бог!

Сделав эффектную паузу, правитель Стархевена уставился на Мантелла пронизывающим взглядом.

— От тебя требуется только одно — сотворить невозможное. Я хочу, чтобы ты создал мне личный защитный экран, Джонни. И как можно скорее!

Глава X

— Я хочу, чтобы ты совершил для меня невозможное, — потребовал от него Зурдан. И, как заключил по здравом размышлении Мантелл, это было недалеко от истины.

Он стоял, молча разглядывая громадного человека в релаксационной люльке, человека, который создал Стархевен. Личный защитный экран был желанной целью всех противоборствующих группировок на любой планете галактики, но основные принципы работы экранов препятствовали применению их отдельными людьми. Проблема оказалась слишком сложной: требовалось разработать устройство, которое выборочно блокировало бы лазерную энергию и свободно пропускало воздух. Хотя это и могло быть выполнено с помощью новейшей техники, но существовали разные незначительные нюансы, сводившие все усилия на нет: аппарат должен быть достаточно маленьким, чтобы его мог без труда носить человек, к тому же необходимо было каким-то образом сбрасывать отведенную энергию и при этом обеспечивать устойчивый и непрерывный приток мощности к полю.

И даже если удастся решить эти проблемы, подумал Мантелл, все равно такой экран скоро станет бесполезен. Круг следует за кругом, каждое решение рождает новые проблемы. Если сконструировать экран, который будет эффективным и портативным, сможет противостоять энергетическому лучевому оружию, это только приведет к тому, что лазеры устареют. Тогда, возможно, на смену им возродится древнее, явно забытое огнестрельное оружие. А тогда встанет проблема, как создать экран, противостоящий ножу, пуле или яду и пропускающий пищу и воздух.

— Ну как? — спросил Зурдан.

— Да, задачка — будь здоров, вогнал гвоздь по самую шляпку, — сказал Мантелл. — Подобный экран, черт побери, на грани невозможного.

— Таким выглядело и создание Стархевена, — оборвал его Зурдан. — Но я же создал его! Я ничего не понимаю в премудростях электроники, но я умею находить тех, кто понимает. Я нашел лучших специалистов в своем деле, и они рассмеялись мне в лицо, когда увидели черновые наброски Стархевена. Но я их не слушал. Я сказал им, что их дело строить, а мое — платить. Неразрешимых проблем не бывает, Мантелл.

Мантелл пожал плечами.

— Я же не говорил, что отказываюсь попробовать. Просто не хочу давать обещания авансом, пока не узнаю, как это сделать.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Зурдан. — Ничего не обещай, просто возьмись. Я не хочу умирать, Джонни!

Мантелл уловил едва заметную дрожь в голосе Зурдана, когда тот произносил последние слова. Он начал постигать характер этого великого человека. За уверенным тоном, в котором всегда звучали повелительные нотки, лежал страх перед неведомым будущим, перед смертью; как любое человеческое существо, Бен Зурдан не хотел умирать. Он не желал покидать этот мир мечты, свою собственную империю, которую он задумал и воплотил в жизнь.

Что ж, решил Мантелл, не стоит порицать его за это.

— И еще об одном я хотел бы поговорить с тобой, Мантелл, — теперь голос Зурдана звучал твердо. — Дело касается Майры Батлер.

Мантелл сразу подобрался.

— В первые дни твоего пребывания на Стархевене я просил ее составить тебе компанию, Джонни. Помочь стать на ноги, освоиться, понимаешь? Но теперь, чтобы избежать дальнейших осложнений, нам надо объясниться. Майра занята. Я женюсь на ней, как только разрешу главную проблему.

— Я... я никогда, — пробормотал Мантелл.

— Что — никогда? — оборвал его Зурдан. — Ты как-то звонил ей в три часа ночи. Не знаю, о чем ты хотел поговорить с ней в столь позднее время, но могу себе это представить. Держи свои лапы подальше! На Стархевене прорва женщин, и если у тебя есть в них потребность, я помогу подобрать то, что нужно. Но Майру — не тронь!

Мантелл встретился взглядом с Зурданом и содрогнулся. Не стоило тягаться с силой, которая таилась в его глазах. Если Зурдан прослушивает его видеофон, то лгать бесполезно. И даже опасно.

— Спасибо за предупреждение, Бен, — сказал он. — Я не хотел бы оказаться у тебя на пути.

— Да, — спокойно сказал Зурдан. — Не стоит и пытаться.

Следующий час Мантелл провел, выслушивая мечты Зурдана о Стархевене. Зурдан показал Мантеллу маленькую комнату неподалеку от той, которой надлежало стать кабинетом Мантелла, познакомил его с тремя-четырьмя лаборантами, техниками и учеными, приданными ему в подчинение и обязанными обеспечивать его всем необходимым. Напоследок Зурдан вручил ему пятьсот кредитов в счет будущего жалованья.

— Теперь тебе причитается твердый оклад, — сообщил ему Зурдан. — Будешь получать пятьсот чипов каждую неделю. Это позволит тебе в первое время устроиться с комфортом.

— Полагаю, с пятью сотнями я как-нибудь управлюсь. Семь лет я перебивался на считанные гроши.

Зурдан натянуто улыбнулся.

— Дни нищеты безвозвратно канули в прошлое, Мантелл. Ты на Стархевене. И здесь все будет по-другому.

Они вернулись на крышу, сели в поджидавший их аэрокеб, и Зурдан подбросил его обратно к центру города. Мантелл проследил, как огромная широкоплечая фигура исчезла в дверях своего офиса. Потом он повернулся и зашагал прочь.

Он думал о Майре.

Конечно, это здорово, прикидывал Мантелл, что с сегодняшнего дня он будет получать пятьсот в неделю. За это ему предстоит выдумать способ защитить жизнь Бена Зурдана. А пока Зурдан жив, Майра будет с ним.

Мантелл размышлял об этом и вдруг увидел ее выходящей из соседнего помещения. Они буквально столкнулись нос к носу. Опешив от неожиданности, они рассмеялись.

— Привет, Джонни, — сказала она, немного официальнее, чем обычно. — Кажется, ты ездил в башню управления с господином Зурданом?

— Так оно и было. Мы вернулись пять минут назад. Он у себя в кабинете.

— Мне нужно с ним повидаться — несколько срочных сообщений...

Она пошла прочь, но Мантелл рванулся за ней и схватил за руку. Тут он вспомнил, что скрытые фотокамеры фиксируют каждый кадр этой сцены. Или, возможно, Зурдан наблюдает ее из окна кабинета. Он был вездесущим и всевидящим, этот Зурдан, насколько это вообще в человеческих силах.

— Что, Джонни?

— Я... я только хотел попрощаться. Теперь нам вряд ли удастся видеться часто — я буду работать в башне. Моя неделя праздного безделья подошла к концу, — его голос предательски дрогнул. Он был уверен: она поняла, что он хотел сказать. Зурдан, видно, не постеснялся предостеречь и ее, чтобы держалась от Мантелла подальше. Зурдан любит играть наверняка.

— Может, это и к лучшему, Джонни, — согласилась она.

Она осторожно, но настойчиво высвободила свою руку, выдавила почти механическую, ничего не обещающую улыбку и сразу замкнулась вновь, словно щелкнув затвором фотоаппарата. Она прошла через слабо мерцающий силовой барьер в кабинет Зурдана. Мантелл постоял, глядя ей вслед, горестно покачал головой и пошел своей дорогой.

Он спустился по гравишахте вниз, поймал такси и поехал в номер в отеле. Когда он поднялся в вестибюль «Номера Тринадцать», услужливый робот, охранявший вход, выскользнул вперед, сжимая какой-то сверток.

— Господин Мантелл, вам посылка. Ее доставили специальным курьером.

— Спасибо, — сказал по привычке Мантелл. Взял сверток и прошел к лифту. Сверток, завернутый в плотную пластиковую обертку, был размером с книгу. Он нахмурился, прикидывая, кому это взбрело в голову дарить ему книги.

Наверху он швырнул сверток на кровать, поляризовал окно и уставился на Стархевен, разглядывая искусственное Солнце, искусственное небо и искусственные облака, бегающие по металлической оболочке.

Стархевен... Собственность Бена Зурдана, эсквайра, повелителя и хозяина мира беглецов. И он, Мантелл, был его единственной надеждой, призванной спасти его от смерти.

Мантелл попробовал представить себе Стархевен без Зурдана. Планета вращалась по его прихоти. Зурдан был абсолютным монархом, хотя и не заявлял об этом во всеуслышание. Созданная им специальная система работала на славу. Но смогла ли бы она существовать, окажись на его месте кто-то другой, это еще был вопрос.

А что произойдет, если Зурдан умрет? Скорее всего, хорошо отлаженный механизм социальных отношений Стархевена обратится в хаос, и будет покончено с уникальным экспериментом в области политической теории. Начнется безумная борьба за власть, и человек, который захватит башню управления, будет безраздельно править этим миром — пока его не скинет кто-нибудь из подручных.

Внезапно Мантелл покрылся холодным потом. Кому, как не ему, Джонни Мантеллу, будет проще всего захватить башню управления! Его исследовательская лаборатория находится рядом с центральной рубкой, и он, само собой разумеется, станет ближайшим помощником Зурдана, пока будет вести свою работу.

Его охватили непривычные странные мысли.

Через некоторое время он отвернулся от окна и взглянул на сверток, неприкаянно лежащий на кровати. Он взял его и поднес к уху. Никаких механических звуков не было слышно. Он осторожно развернул.

Это напоминало книгу, впрочем это и была, наверное, книга — не магнитная кассета, а старомодный фолиант в кожаном переплете. Потемневшие буквы на обложке гласили: «Изучение водородоаэробной жизни в Системе Спики».

— Что за глупая штука? — удивился он. Открыв книгу на первой странице, между форзацем и титульным листом он увидел сложенную полоску бумаги. Мантелл нахмурился, развернул ее и прочел.

Через пару секунд бумажка вспыхнула у него в руках, превратившись в пепел и исчезла, унесенная сквозняком, рассыпавшись на кусочки размером с летающие в воздухе пылинки.

Это было занятное послание, напечатанное матерым анонимщиком на вокотайпе заглавными буквами:

ДЖОНУ МАНТЕЛЛУ.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОБЕСЕДОВАТЬ О ЗУРДАНЕ, ПРИХОДИТЕ В КАЗИНО МАСОК ВО ДВОРЦЕ УДОВОЛЬСТВИЙ В ЛЮБОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СЕМИ ДНЕЙ, МЕЖДУ ДЕВЯТЬЮ И ДЕСЯТЬЮ ВЕЧЕРА. НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ВАМ НИЧЕГО НЕ УГРОЖАЕТ.

Глава XI

Тремя днями позже Мантелл нанес визит в Казино масок.

Это решение стоило ему трех дней мучительной внутренней борьбы. Первой реакцией его на анонимное письмо была вспышка гнева. Он не желал участвовать ни в каком заговоре против Зурдана, по крайней мере сейчас.

Но затем он вспомнил странные слова Майры в первую ночь и начал прикидывать, какие возможности открылись бы перед ним после смерти Зурдана. Это заставило отнестись к посланию более серьезно.

Больше в книге не было ничего примечательного. Он тщательно ее просмотрел и, решив, что ее просто использовали для передачи посланий, быстренько ее уничтожил во избежание риска. О пославших ее он не имел никакого представления. Они дали ему неделю, чтобы посетить Казино масок.

Первые два дня он провел, обживая лабораторию и устроив себе ускоренный курс переподготовки в теории защитных экранов. Старые знания моментально проявлялись в его мозгу после стольких лет забвения — это было восхитительно. Он прикинул несколько предварительных путей, ведущих к созданию личного защитного экрана для Зурдана.

Мантелл быстренько набросал три гипотезы, три выстрела наугад, они открыли ему несколько искорок света, мерцающих впереди. Могут уйти месяцы, а то и годы, прежде чем он добьется какого-то результата, но он наметил возможную линию штурма, а это было уже хорошей форой для будущей победы.

В первые дни работы в лаборатории Мантелл мало общался с Зурданом и совсем забыл о Майре Батлер. Если он и думал о ней, то только как о неудавшемся романе, мимолетном увлечении. Это вызывало в нем лишь ноющую боль, не больше. Он знал ее слишком мало, и, в любом случае, его вынудили вычеркнуть ее из своей жизни.

Он загорелся работой, его подхлестывало азартное стремление заново открыть прежние навыки и знания, которые он считал утраченными безвозвратно. Он встретился со своими собратьями вооруженцами: Харрелом, Брайсоном, Ворилойненом и еще полдю-

жиной других; все они были блестящими специалистами, но своенравными и эксцентричными людьми, так или иначе преступившими закон и бежавшими на Стархевен, под крылышко мудрого Зурдана, дающего им хлеб и кров над головой.

Как-то раз техник по имени Брайсон задал Мантеллу задачку, от которой голова пошла кругом. Брайсон был низеньким человечком с покатыми плечами и пальцами, желтыми от никотина, ходивший какой-то шаркающей походкой. Однажды утром он помогал по лаборатории, и это побудило Мантелла как бы между прочим спросить, откуда у Брайсона такие великолепные знания в электронике.

Брайсон улыбнулся:

— Еще бы, ведь мне довелось работать в «Клингсановых защитных экранах» на Земле. Я имею в виду, прежде чем меня угораздило нажить себе неприятностей.

От неожиданности Мантелл, державший в руках пачку транзисторных плат, выронил их. Транзисторы рассыпались по полу лаборатории.

— Говоришь, в «Клингсановых»?

— Небось слышал о них? — кивнул Брайсон.

— Я тоже работал там некоторое время, — проговорил Мантелл, — с восемьдесят девятого по девяносто третий год, пока меня не уволили.

— Странно, — сказал Брайсон с недоумением. — Я был там с девяносто первого по девяносто шестой и знал всех в отделе вооружения. Я непременно должен был с тобой встречаться. Но я что-то не припоминаю никакого Мантелла. И в лицо не помню. Может, ты назвался Мантеллом, когда прибыл сюда?

Мантелл недоуменно пожал плечами:

— Это было более семи лет назад. Любая память даст осечку. К тому же мы могли работать в разных отделах.

— Возможно, — как-то неопределенно сказал Брайсон.

Но Мантелла грызли сомнения. Он постарался припомнить Брайсона и не смог. Он не помнил этого имени, не помнил никакого маленького человечка с пожелтевшими пальцами. Это казалось странным; если они были там в одно время, то должны были работать в одном отделе, поскольку имели одну квалификацию.

Что-то здесь не так, подумал Мантелл. Но он загнал эту мысль в дальний уголок подсознания, где хранились все прошлые воспоминания, которые он не желал теперь ворошить, и вернулся к неотложным делам.

Он вновь увлекся работой, пока не встала другая проблема. Некоторое время он боролся с искушением и наконец решился. Он обязан выяснить все окончательно.

В тот же вечер он отправился в Казино масок.

На десятом этаже Дворца удовольствий находилось восемь различных казино, имевших свои названия и свой круг постоянных клиентов. Казино Хрустальное, куда водила его Майра, было самое большое и популярное из всех, казино широкого профиля. Остальные, расположенные дальше по сияющей ониксовой галерее, были поменьше, но зато ставки поднимались там куда выше и рискованнее.

Казино масок было самым дальним от шахты лифта. Мантелл сразу узнал его по громадным статуям перед центральным входом.

Было ровно девять часов. У Мантелла пересохло во рту. Напряжение возросло до такой степени, что казалось, будто тело его сжимает громадный кулак. Он протянул руку, поднеся запястье к лучевому барьеру, который заведовал дверью. Дверь отворилась, и он вошел внутрь.

Мантелл оказался в темноте, такой плотной, что был не в силах различить собственную руку, поднесенную к лицу. По всей вероятности, подумал он, его сейчас разглядывают в инфракрасном свете, лившемся откуда-то сверху, чтобы удостовериться, не числится ли он в черном списке.

Через мгновение голос робота услужливо промурлыкал:

— Пройдите в кабину налево, сэр.

Он послушно шагнул влево.

— Прошу вас в Казино масок, уважаемый сэр, — произнес голос еще одного робота.

Надо было заранее узнать от Майры или от кого-нибудь еще, что представляет собой это Казино масок, но теперь уже было поздно.

Его невидимый гид сказал:

— Теперь можете выбрать маску. Прошу вас, повернитесь.

Повернувшись, Мантелл увидел, что в кабине загорелся тусклый свет. В сумраке он выбрал треугольную маску, лежавшую в маленькой коробке, и в зеркале увидел свое отражение.

— Возьмите маску из коробки и наденьте на голову, — проинструктировали его. — Она обеспечит вам полную неузнаваемость.

Он растянул маску пальцами и надел ее.

— Задействуйте рычажок у правого уха, — гласила следующая инструкция.

Он коснулся рычажка. И вдруг изображение в зеркале исчезло, сменившись расплывчатой фигурой того же роста, окутанной колеблющимся в воздухе туманом.

Теперь Мантелл вспомнил: он слышал о таких масках. Они рассеивали свет вокруг одевшего маску, позволяя видеть только с одной стороны. Для тех, кто хотел остаться неузнаваемым, казино было идеальным местом.

— Теперь вы готовы войти в казино, — сказал вежливый робот.

Он протянул руку или, скорее, мерцающее облачко, которое было его рукой. Скрытый полем, он не увидел облака, но, оглянувшись через плечо, он уловил движение в зеркале и улыбнулся. Кабина открылась, и он шагнул в Казино масок.

Мантелл остановился у входа, оценивая ситуацию. Ему вдруг показалось, что на нем ничего нет, ни маски, ни поля, его даже бросило в озноб. Но когда он взглянул вдоль длинного холла, то увидел не людей, а только серые туманные фигуры, он понял, что стал неузнаваем.

Как же заговорщики собираются с ним связаться, если он скрыт непроницаемым покрывалом, подумал он. А может, и не было вовсе никаких заговорщиков?

Он было решил, что, возможно, это одна из глупых шуток Зурдана. Что ж, к этому он успел подготовиться: он просто сообщит Зурдану, что проводит неофициальное расследование, отвечая на вызов в книге, потому что надеется вывести заговорщиков на чистую воду.

Он огляделся.

Казино было набито разными привычными играми, основанными на теории вероятности, а у задней стены стояло множество карточных столиков. Это вполне логично, подумал Мантелл. Он представил жульнические игры, вроде покера, где процветает обман и блеф, для них лучшего места, чем это казино, не найти: здесь исключалась невольная мимика лица. Но ему не хотелось связываться с карточной игрой. Вместо этого он побрел к столику «ротовила». Для начала это место было ничем не хуже других.

Столик обступила толпа людей. Он был окружен жестикулирующими дымчатыми фигурами, делающими ставки для следующего круга.

В центре высокого круглого стола располагалось металлическое колесо, эмалированная поверхность которого была покрыта различными числами. Колесо могло свободно вращаться и останавливаться в произвольном положении. Когда оно замирало, падавший сверху луч света точно фокусировал число, на которое выпал выигрыш.

Человек, который угадал число, получал с каждого игрока сумму, равную этому числу, например: если он выиграл на номере двенадцать, то все присутствующие вручали ему по двенадцать чипов и вдобавок платили в банк сумму своих собственных проигравших номеров в виде штрафа. Проиграть или выиграть на «ротовиле» круглую сумму было делом одной минуты.

Мантелл протиснулся в толпу. У стойки собралось человек шестьдесят. Когда он наконец оказался у игрового поля, то поставил на число «22».

— Не стоит делать этого, сэр, — посоветовала высокая туманная фигура рядом. Голос чужака казался таким же смутным и невыразимым, как и его лицо: звуки речи искажались рассеивающим полем, а также скрывающей лицо маской.

— Почему? — спросил Мантелл.

— Потому что «22» только что выпало в предыдущем туре.

— Колесо ведь не помнит, какие числа выиграли в прошлый раз, — огрызнулся Мантелл. — Для всех чисел вероятность одинаковая.

— Тогда давай, спускай свои денежки!..

Мантелл оставил свои деньги на прежнем месте. Немного погодя крупье дал знак, и колесо начало вращаться. Раз... другой... Наконец оно замерло на числе «49». Пожав плечами, Мантелл добавил сорок девять чипов к уже лежавшим двадцати двум и проследил, как крупье сгребает их в сторону. Счастливый победитель с туманным, ничего не выражающим лицом, которое скорее всего скрывало довольную ухмылку, выдвинулся вперед, чтобы забрать деньги. Его выигрыш, прикинул Мантелл, составил не менее трехсот чипов. Очень даже неплохо.

Мантелл провел у столика около пятнадцати минут, и за это время без особого труда умудрился взять двести восемьдесят чипов. Затем он поставил на «11» — теперь он играл более осторожно — и ушел, выиграв около пятисот.

К его удивлению, в казино не было часов, а свои ручные часы он умудрился забыть в номере. Он не представлял себе, как можно узнать, сколько сейчас времени, но предполагал, что уже больше десяти часов.

Пока он стоял, прикидывая, чем заняться дальше, внезапно прозвучал гонг, и в зале стало тихо. Он заметил робота, поднявшегося на платформу в центре зала.

— Прошу внимания! Если к сцене выйдет джентльмен, который случайно оставил экземпляр книги под названием «Изучение водородоаэробной жизни в Системе Спики», то мы сможем вернуть ему эту книгу. Спасибо за внимание!

Толпа недоуменно загудела, предвкушая своеобразное развлечение, посчитав, что это какая-то шутка. Но Мантелл понял, что это было послание, которое читали для него каждый вечер на этой неделе, на случай, если он решит прийти.

Он помедлил секунду и решил, что раз он уж явился сюда, то надо идти до конца. Пробравшись через толпу весело переглядывающихся, расплывчатых фигур, он вышел к сцене.

— Это я потерял книгу, — обратился он к роботу. — Мне бы очень хотелось получить ее обратно.

— Разумеется! Пройдите сюда, сэр.

Мантелл последовал за роботом через толпу в альков, рядом со входом, где их уже ждали.

— Налево, сэр, — сказал робот.

Слева открылась дверь, и он оказался в кабинке, похожей на ту, в которой примерял маску. В ней его ждала розовая туманная фигура, державшая экземпляр обернутой в желтое книги, напоминавшей уже известную ранее.

Туманное облако подняло книгу так, чтобы он мог ее разглядеть, и сказало механическим, бесцветным голосом: «Это вы потеряли книгу, сэр?»

Мантелл кивнул.

— Да. Большое вам спасибо. Она мне очень нужна, и я не знал, куда обратиться.

Он глядел на облачко, тщетно стараясь разгадать, кто скрывается за ним. Это было невозможно.

Он хотел было взять книгу, но ее тут же убрали за пределы досягаемости.

— Пока еще рано, сэр, — сказал другой. — Всего один вопрос. Вы читали эту книгу?

— Нет... То есть я хотел сказать да, читал, — поправился он, сообразив, что они скорее всего подразумевают послание между страницами, а не текст самой книги. — Да, я читал ее.

— И вас заинтересовала тема, о которой в ней говорится?

Он замолчал на миг, давая понять, что «тема», о которой шла речь, могла значить только одно — смерть Бена Зурдана.

— Да, — наконец отозвался Мантелл. — Заинтересовала.

— Что ж, смотрите! Но я должен быть абсолютно уверен в сохранении тайны.

Он почувствовал, как у него под рубашкой бежит холодный пот.

— Хорошо. Я обещаю хранить тайну, если надо.

Смутная фигура напротив слегка качнулась, подняла руку и слегка коснулась рычажка с правой стороны маски. Мантелл уловил щелчок — и перед ним появилось лишенное маски лицо девушки. Он охнул.

Почти в тот же миг она щелкнула выключателем вновь, и он увидел, как тонкие черты, звездно-голубые глаза, которые он так хорошо знал, утонули в туманной вуали серого цвета — и Майра Батлер снова стала такой же далекой и неузнаваемой, как все остальные посетители Казино масок.

За один короткий миг его ошеломило дважды: на какое-то мгновение ему явилась Майра Батлер, и он обнаружил, что она является частью заговора против Бена Зурдана. Затем кусочки мозаики начали складываться в стройную картину. Он сурово уставился на туманное изваяние.

— Это шутка? — стросил он хмуро.

— Едва ли. Замысел созрел уже давно. Возможно, даже слишком давно. Но сначала нам нужно собраться с силами, а потом уж поднимать голову.

— А ты не боишься говорить в этой кабине открыто? — спросил Мантелл, нервно озираясь вокруг. — У Бена повсюду шпионы. Тогда прямым ходом...

— Нет, — сказала она. — С этой кабинкой все в порядке. Управляющий казино — наш человек. Опасность исключена.

Он в изнеможении опустился на стул.

— Отлично. Тогда расскажи мне обо всем поподробней, пока у нас есть время. Когда вы собираетесь начать?

Смутные розовые линии, которые могли быть проступившими сквозь туман плечами, сделали неопределенный жест.

— Мы пока не назначили точные сроки. Но мы согласны в одном: любым способом надо избавиться от Зурдана.

Мантелл не стал спрашивать почему.

— У вас есть шансы победить, не так ли? Но почему вы думаете, что я не побегу и не расскажу обо всем Зурдану? Это его очень бы заинтересовало.

— Ты сам не захочешь этого сделать, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Из данных психопробы. Ты не станешь выдавать нас, Джонни. Я видела твои характеристики и знаю такого рода людей, даже если ты сам плохо о себе думаешь. С той минуты, как ты прошел психопробу, я поняла — ты наш.

Он сидел, разглядывая свои пальцы и обдумывая ее слова. Он понимал, что проба показала правду: выдавать Зурдану то, что сообщила ему Майра, было для него так же невозможно, как отрастить крылья. Она действовала наверняка.

— А как же Марчин? — спросил он. — Он тоже был заодно с вами?

— Нет. Марчин знал о нас, но у него были собственные замыслы. Он стоял в стороне. Он собирался править, как Зурдан, в одиночку.

— А что собирается делать ваша группа?

— Мы установим на Стархевене цивилизованную форму правления, — последовал твердый ответ, — взамен тирании установим демократию.

— Но тирания иногда полезна. Нельзя отрицать, что Бен хорошо поработал, управляя этой планетой, — сказал Мантелл.

Облако тумана, которое было Майрой Батлер, задвигалось из стороны в сторону, словно она, не соглашаясь, покачала головой.

— Я не желаю оспаривать твои доводы, — проговорила она. — Бен не особо утруждал себя, управляя Стархевеном. Все шло своим

чередом. Но что будет, если он, не ровен час, умрет? — она стала дожидаться ответа. — Я... мы очень хорошо знаем, что тогда будет. Жестокая борьба за власть превратит планету в восставший дом сумасшедших, где воцарятся насилие, произвол и смерть. Вот почему мы хотим убить его и захватить планету в свои руки. Здесь подойдет только убийство: он слишком силен, чтобы удовлетвориться какой-либо другой формой правления, кроме диктатуры. Бена нельзя сместить, его нужно устранить.

— Здесь есть своя логика. Бен — хороший правитель, но где гарантия, что следующий повелитель Стархевена будет такой же широкой и просвещенной натурой. Поэтому вы решили устранить босса, упразднить введенную им систему и упредить разрушительную борьбу за трон, пока она не началась.

— Ты верно уловил мою мысль. Ну как? Ты с нами?

Мантелл вздохнул. Он подумал о гиганте по имени Бен Зурдан, который боялся смерти, и еще подумал о Майре и о возможностях, которые открывались впереди для него лично.

Но он сомневался не слишком долго.

— Конечно, с вами! — сказал он.

Она перевела дух.

— Слава богу, ты согласился, Джонни! Мне было бы очень жаль, дорогой, тебя прикончить.

Глава XII

Известие о заговоре против Бена Зурдана не могло заметно повлиять на ход работы Мантелла над проектом защитного экрана, хотя он и сознавал всю нелепость ситуации: ведь успешное завершение исследований означало крушение всех надежд на убийство. Но он явно напал на след хорошей идеи, а кому предназначалась она в конечном счете — это был уже другой вопрос. Результатом станет создание личного защитного экрана для Зурдана или кого-то еще — возможно, для самого себя — словом, для того, кто сумеет им воспользоваться.

Он почти полностью уединился в своей лаборатории. Майра предупредила, чтобы он не искал с ней встречи, пока все не устроится, и обещанное свидание заглушило боль от разлуки.

Несколько раз в течение следующей недели они виделись в Казино масок. Узнавали друг друга по заранее условленному сигналу и проводили несколько часов за столиком. Но эти встречи были короткими, мимолетными и не приносили желаемого удовлетворения.

Встретившись с ней во второй раз, Мантелл спросил ее напрямую, что их сдерживает. У него было такое чувство, что при

малейшем сопротивлении они попрячутся по углам или сдадутся на милость Зурдана. Бен имел сеть осведомителей, растянувшуюся по всему Стархевену, и чем больше они мялись и откладывали осуществление своих планов, тем более возрастали шансы Зурдана раскрыть их и покончить разом и с заговором, и с заговорщиками.

— Скоро пробьет наш час, Джонни, — сказала она ему. — Это похоже на шараду или на картину-загадку. Чтобы завершить игру, нужно кусочки мозаики разложить по своим местам, и тогда вся картина встанет перед глазами.

Мантелл опустился в кресло и понурил голову.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал он, нахмурившись. — Но мне не нравятся эти оттяжки. Я сгораю от нетерпения, а Бен, ведь он переловит нас поодиночке.

Она рассмеялась, и действие маски превратило смех во что-то странное.

— Ты сгораешь от нетерпения, Джонни? Мы вынашивали наши планы многие годы, а ты на Стархевене без году неделя!

После этого он перестал задавать ей вопросы и углубился в лабораторные исследования, взявшись за работу с неистовым рвением, энергия, скопившаяся за период семилетнего безделья, нашла брешь и обрушилась мощным водопадом.

Он сконструировал громоздкие защитные экраны, которые были слишком массивными даже для слона, и построил их, а потом стал убирать все лишнее, пока одна из моделей не достигла почти приемлемых размеров. Но поле постоянно вибрировало, не достигая нужной силы. И он начал все сначала. Он не отчаивался. Подобные неудачи были вполне естественными, достичь успеха с первого раза никто и не надеялся. Он работал без передышки изо дня в день. Едва ли не ежедневно звонил Зурдан.

Мантелл понимал, что сейчас, не тревожимый внешними агрессорами, Стархевен переживает мирный период, и поэтому Зурдан редко навещает лабораторную башню лично, за исключением регулярных проверок.

Но вот однажды нагрянул Космический патруль, и над Стархевеном нависла страшная угроза.

Мантелл узнал о нападении, когда бой продолжался уже более часа. Он склонился над рабочим столом, колдуя над сверхминиатюрными позитронными дисперсерами, стараясь втиснуть их в соответствующие места разработанного им блока, когда, предвещая беду, распахнулась настежь дверь, и, взглянув через плечо, он несказанно удивился, увидев ввалившегося в лабораторию Бена Зурдана.

— Привет, Бен! С чего этот переполох?

Каменное лицо Зурдана выражало крайнюю степень напряжения.

— Бомбардировка. Целый флот патрульных кораблей преследует какого-то беглеца, который просит у нас убежище. Они обстреливают планету. Пошли со мной, я покажу тебе кое-что, Мантелл. Пошли!

Мантелл вприпрыжку бросился за ним по коридору к центральной комнате управления.

— А что беглец? — спросил он, вспоминая собственное бегство. — С ним все в порядке?

— В порядке. Наемный убийца.

— Что?! — вздрогнул Мантелл.

— Прикончил Президента Драйллеранской Конфедерации и смылся сюда.

— И ты его примешь?

— Конечно. Мы принимаем всех. Сейчас он проходит психопробу у Хармона. Но он привел за собой патрульную армаду. Они вооружены тяжелыми орудиями нового типа, о которых я никогда прежде не слыхал. Вот, послушай...

Мантелл прислушался. До него донесся глухой удар, и ему показалось, будто потолок чуть вздрогнул. Через несколько мгновений удар повторился.

— Слышишь? — сказал Зурдан. — Они обстреливают наши экраны.

Он сел на консоль управления — в огромное кресло, специально сконструированное, чтобы выдержать его вес, и включил видеоэкраны. Почти сразу же Мантелл увидел стаю патрульных кораблей над металлической оболочкой Стархевена, кружащих по орбите, словно коршуны, и мечущих чудовищные стрелы энергии.

Зурдан улыбался. Все его существо излучало уверенность и радость вступающего в битву непобедимого бойца. Его толстые сильные пальцы забарабанили по клавишам управления.

— Смогут ли наши защитные экраны поглотить всю их энергию? — спросил с беспокойством Мантелл.

— Посмотрим. Теоретически у наших экранов беспредельные возможности, хотя эти парни сверху действительно льют на славу.

Зурдан указал на блоки датчиков, чьи дрожащие стрелки стойко держались у красной черты, которая обозначала перегрузку, и резко дернулись назад, когда чудовищно мощные батареи Стархевена сбросили опасную дозу в космос. И снова патрульные корабли принялись метать огненные молнии, и опять оборона Стархевена выстояла.

— Наша оборона продержится еще несколько минут, не больше, — сказал Зурдан. — Слишком велика нагрузка на экраны, нет времени подготовить ответный удар. Но мы их остановим! Смотри!

Мантелл огляделся.

Отбив на пульте управления быстрое стоккатто кончиками пальцев, Зурдан вывел защитные экраны Стархевена из синхронизированного равновесия, установив вместо этого переменно циклическое взаимодействие.

— Теперь экраны выдержат, — проворчал он. — Возьми мне производную.

Мантелл покосился на датчики, нашел нужную колонку и быстро пересказал картину Зурдану. Великан осторожно подрегулировал, проделывая в уме ошеломляюще сложные вычисления. Наконец он откинулся назад, дьявольски усмехаясь. С него градом катился пот.

У дверей раздался звонок.

— Спроси, чего им надо, Мантелл, — пробормотал Зурдан.

Мантелл бросился к двери. Там сгрудилась кучка техников, обслуживающих защитные экраны, бледных и растерянных.

— Что здесь происходит? — спросил Харрел. — Синхронизация экранов будто взбесилась!

— На грани перегрузки, — добавил Брайсон.

Мантелл улыбнулся.

— Это идея шефа, — сказал он просто. — Входите и посмотрите сами.

Он проводил их туда, где восседал Зурдан, уставившись на видеопанели, не спуская глаз с кружащих по орбите кораблей. Их было там несколько сот, все они с завидным мастерством обрушивали мегаватты энергии на металлический щит Стархевена.

— Их флот готовился к нападению не меньше года, — сказал Зурдан про себя. — Надеялись улучить момент, когда мы потеряем бдительность, чтобы раз и навсегда прорвать оборону Стархевена. Они так уверены, что способны на это, дурашки! — он рассмеялся. — Видишь, Мантелл?

Мантелл кивнул, слишком поглощенный картиной развертывающегося боя, чтобы говорить. За спиной он слышал шепот других техников.

— А теперь наша очередь, — сказал с мрачной усмешкой Зурдан.

Его указательный палец резко надавил на большую зеленую кнопку пульта управления. Здание содрогнулось. На видеоэкранах сверкнула фиолетовая вспышка энергии.

И там, где секунду назад одиннадцать патрульных кораблей выстраивались в боевой порядок, теперь не осталось ни одного.

— Могу поспорить, этого они не ожидали, — расхохотался Зурдан. — Они считали, что невозможно отражать такую мощную атаку и в то же время вести ответный огонь. Но я дам им прикурить и верну им огонь сторицей!

Его пальцы ударили вновь, и весь правый фланг нападающих патрульных превратился в ничто.

Мантелл понял, в чем заключалась маневренность Зурдана: он бил в ничтожно короткую паузу, между фазами синхронизации экранов, выбрасывал сноп энергии в мизерный интервал, когда Стархевен оставался незащищенным. Но сила луча, исходящего с планеты, служила таким же экраном, защищавшим покрытый металлом мир от разрушения.

Снова и снова палец Зурдана упорно нажимал на клавишу огня, до тех пор, пока небосвод не очистился от кораблей. Рассерженное облако жужжащих, злобно жалящих комаров, облепивших Стархевен, исчезло бесследно.

Погибли все корабли, за исключением одного. Остался один-единственный Космический патрульный. Мантелл ждал, что Зурдан подобьет его лучом. Вместо этого Зурдан приказал в микрофон:

— Поднимите наши корабли и захватите этого последыша. Будет полезно ознакомиться с их оружием.

Он встал, отер струйки пота со лба. Зевнул и потянулся. Стархевен праздновал триумф.

Часом позже, когда Мантелл сидел в кабинете Зурдана, в центре Стархевена, четверо его личных телохранителей доставили экипаж захваченного патрульного корабля.

В этот момент Зурдан разъяснял ему достоинства своей экранной установки, которой, как понял Мантелл, шеф очень гордился. Только что великан продемонстрировал свое сверхъестественное мастерство, и Мантелл не преминул сказать об этом. Он испытывал искреннее восхищение и не видел причин промолчать.

— Они потеряли сто восемьдесят один корабль, — сказал Зурдан. — Погибло около пятисот патрульных, убытки для Галактической Федерации исчисляются в миллиард кредитов.

— И без потерь для Стархевена, — заметил Мантелл.

— Это только кажется, — возразил Зурдан. — Мы потратили энергию, которой хватило бы Стархевену на целый год. Я приказал отключить на некоторое время три вспомогательных генератора, пока мы не подведем дополнительные мощности. Нам...

В дверь позвонили.

Из внутренних комнат появилась Майра. Она спокойно прошла к двери со словами:

— Я посмотрю, кто там, господин Зурдан.

Через несколько секунд она появилась вновь.

— Ну? — проворчал Зурдан.

— Сюда доставили под стражей пленных патрульных.

Лицо Зурдана нахмурилось и потемнело.

— Пленные патрульные? — повторил он. — Разве я упоминал о пленных, Майра? Кто захватил корабль Космических патрульных?

— Бентли и его экипаж.

— Вызови к видеофону Бентли, да поживее.

Майра кивнула и набрала номер. Мантелл сидел у стола Зурдана, не глядя на Майру, чтобы не видеть ее грациозных движений. Он знал, что Зурдану это не понравится.

По экрану замелькали цветные блики и появилось лицо, которое Мантелл сразу же узнал. Оно принадлежало человеку, доставившему его на Стархевен.

— Кто приказал тебе брать пленных, Бентли? — проговорил Зурдан.

— Как?! Никто, сэр. Я думал...

— Ты думал! В будущем советую поменьше думать, Бентли. Предоставь это дело мне. Тебе оно не по плечу. Стархевен не тюрьма, нам не нужны заключенные. Понял?

— Да, сэр!

— Вот и прекрасно. В следующий раз, когда тебе случится захватить корабль, выбрось в космос всех патрульных, которых найдешь на борту.

— Слушаюсь, сэр!

Зурдан прервал связь и повернулся к Мантеллу.

— Джонни, там, за дверью кабинета, патрульные. Ликвидируй их и доложи мне об исполнении.

Он сказал это холодным, равнодушным тоном, в котором не было гнева, ощущавшегося перед тем, как он выговаривал Бентли. «Ликвидируй их!», только и всего.

— Чего ты ждешь, Мантелл?

В комнате стало очень тихо.

— Убийство — это не по моей части, Бен. Я — исследователь, ученый. Я не могу прикончить группу ни в чем не повинных Космических патрульных только потому, что ты не хочешь...

Кулак Зурдана взлетел быстрее, чем это успел заметить Мантелл. В голове у него взорвалась бомба, и он грохнулся о стену. Раздался крик Майры. В последнюю секунду Зурдан разжал кулак и лишь врезал ему пощечину. Но несмотря на это, он чувствовал себя так, будто его шибануло обухом по голове.

В глазах все поплыло. Он оттолкнулся от стены и нетвердым шагом пошел на место, не сомневаясь, что еще дешево отделался.

— Я думал, ты предан мне, Джонни, — сказал Зурдан. — Я отдал приказ. А ты попытался перечить. На Стархевене это не проходит. Я ведь предупреждал тебя. Пришлось напомнить еще раз.

Мантелл кивнул. Его скула невыносимо ныла.

— Да, Бен...

— Теперь наверняка усвоишь! Проваливай и распорядись насчет патрульных. Возвращайся, когда выполнишь свое дело. Это приказ!

К концу речи его голос стал ровным и спокойным, как прежде. Нет, Зурдан не был ни сумасшедшим, ни параноиком, подумал Мантелл. Зурдан был просто хозяином и относился ко всему соответственно.

Майра безучастно смотрела в окно за его спиной.

— Ладно, Бен, — сказал хрипло Мантелл. — Я позабочусь, чтобы все было как надо.

Глава XIII

Мантелл шагнул в прихожую, где его ждали четверо бледных патрульных, напряженно ждущих своей участи в окружении личных телохранителей Зурдана. Охранники, узнав его, коротко кивнули.

— Уберите этих людей. Приказ Зурдана, — сказал Мантелл сухим, надтреснутым голосом.

— Вы имеете в виду под арест? — уточнил старший из группы.

— Нет... В расход.

— Но Бентли говорил...

— Это приказ шефа, — нахмурился Мантелл. — Зурдан только что устроил Бентли выволочку за то, что тот взял пленных, — он взглянул на патрульных, которые старались ничем не выдать своих чувств. — Отведите их в тамбур и выкиньте в шахту!

Внутренне Мантелл поражался собственной покорности. Но он помнил, что это Стархевен, где царствует Зурдан.

Телохранители пинками погнали четверых пленных патрульных через ярко освещенный холл в пустую комнату в конце коридора. Те сгрудились в кучу.

— О'кей, Мантелл, — сказал старший охранник. — Тебе командовать. Кто из них будет первым?

Мантелл было кивнул на высокого патрульного, но тот как-то странно уставился на него и сказал, обращаясь к телохранителю:

— Как вы сказали? Мантелл?

— Да.

Мантелл нервно облизнул губы. Наверное, этот парень был с Мульцибера и узнал его.

— Джонни Мантелл? — переспросил тот.

— Да, я, а что? — огрызнулся Мантелл.

— Кажется, я тебя знаю, — сказал нерешительно патрульный. — Я — Картер из Четырнадцатого Земного взвода. Какого черта ты здесь делаешь? Помогаешь Зурдану? Видно, с тех пор как я тебя знал, ты здорово переменился.

Мантелл онемел от изумления.

— С чего ты взял, что видел меня раньше? Где?

— В Патруле, конечно!

— Ты, видно, рехнулся!

— Это было пять лет назад, когда мы участвовали в подавлении сиртисианских волнений, — он сказал это таким тоном, что не оставалось сомнений в его искренности. — Неужели ты успел забыть об этом, Джонни?

— На кой черт тебе это понадобилось, — грубо оборвал его Мантелл. — Пять лет назад я скидался по Мульциберу. Да и семь лет назад я делал то же самое, как и год назад. Я не знаю тебя и не представляю, чего ты хочешь этим добиться. Я никогда не был в Патруле. Последние семь лет я старался держаться от патрульных подальше, пока не оказался здесь — на Стархевене.

Космический патрульный недоверчиво покачал головой.

— Наверное, они что-то с тобой сделали. То же имя, то же лицо — это должен быть ты!

Мантелл почувствовал, что его потрясли и встревожили слова патрульного:

— Ты просто тянешь время! — сказал он. Потом оглянулся на старшего телохранителя: —Ледру, займись своим делом.

— Разумеется, Мантелл!

Патрульный, который назвался Картером, пораженный ужасом, уставился на телохранителя, потом перевел взгляд на Мантелла.

— Ты собираешься пустить нас в расход? Спихнуть в шахту живыми? Но мы же патрульные, Джонни, такие же, как и ты!

Эти последние слова потрясли Мантелла. Он хорошо знал репутацию патрульных: они пойдут на любые уловки, чтобы исполнить свой долг до конца. Зурдан потому и не хотел брать пленных, что Космические патрульные на Стархевене представляли потенциальную опасность, где бы ни были, за решеткой или на свободе.

Но что-то в тоне патрульного заставляло верить в его искренность.

Немыслимо! Семь долгих лет Мульцибера навечно отпечатались в памяти Мантелла — слишком яркими были они для простого сна.

— Готовы? — спросил он как мог равнодушнее.

Ледру кивнул. Он дал знак своим людям, и они схватили одного из патрульных.

— Видно, ты совсем потерял голову, Мантелл, — сказал парень, назвавшийся Картером. — Или они что-то с тобой сделали.

— Заткнись! — крикнул Мантелл. Он взглянул на стоящего с каменным лицом старшего телохранителя и подумал: «Они уверяли, что я совершил на Мульцибере убийство. Я говорил, что нет, но они обнаружили это в данных психопробы. Но даже если я и

совершил его — это могло быть лишь в драке, непреднамеренное убийство — и только. А теперь они решили сделать из меня хладнокровного убийцу. За мной следит Зурдан».

— Ледру, — сказал он, указывая на Картера. — Сбрось его первым.

— Слушаюсь!

Телохранители оставили человека, которого держали, и направились к Картеру.

И вдруг с ним вновь случилась та же странная вещь, что уже трижды случалась на Стархевене. Его охватило ощущение нереальности происходящего, впечатление, что какая-то часть его жизни оказалась плодом галлюцинации. На него накатило что-то и уволокло в темноту. Он покачнулся. Пол ушел из-под ног.

Телохранители потащили упирающегося Картера к жерлу открытого люка, и Мантелл понял, что не в силах этого видеть. Ему надо бежать из комнаты, чтобы быть подальше от того, что неминуемо должно здесь случиться.

Повернувшись, он рванулся к двери, распахнул ее и одним махом выскочил в коридор, ничего не видя перед собой.

Он услышал за спиной протяжный крик неподдельного ужаса, когда последнего патрульного выкинули через отверстие шахты в открытый космос.

Затем наступила звенящая тишина...

Мантелл пустился бежать по коридору, гулкий стук его ботинок, казалось, гнался за ним по пятам. Наконец, на последнем издыхании, он прислонился к холодной податливой стене, чтобы перевести дух. Перед ним прямой и пустынный тянулся бесконечный коридор, пока где-то вдали стены, пол и потолок не смыкались в одну точку.

В его мозгу механически отдавались слова Космического патрульного Картера: «Пять лет назад, когда мы вместе участвовали в подавлении сиртисианских волнений... Пять лет назад, когда мы...» Он зажал ладонями уши, стараясь заглушить навязчивое эхо.

— Ложь! Все ложь! — услышал Мантелл собственный крик. Обыкновенный трюк Космического патруля, попытка в последнюю минуту спастись от гибели, которую уготовил Зурдан пленным землянам.

Прислонясь к стене, втягивая воздух перетруженными легкими, он почувствовал, как вновь накатывают странные галлюцинации. На мгновение ему показалось, что он унесся в другой мир, в другое время. Вот он пробирается через кроваво-красный ямбовый подлесок на локтях и животе, перед ним мелькает мушка бластера, соединенного гибким энергопроводом с «магна-баком» за спиной. Где-то впереди, скрытый изогнутыми алыми стволами, лежит сек-

ретный космодром, который им надо захватить. Внезапно весь лес ожил краснокожими сиртисианцами, засверкали их клыкообразные бивни. Он нажал кнопку мощности бластера... А потом и лес, и он сам разом погрузились в ничто. В редкие минуты просветления он чувствовал, как его тащат за ноги, над ним склоняется высокий человек и говорит, что космодром они все-таки захватили...

Он затряс головой, прикрыл глаза, его дыхание выровнялось... и перед ним возникло другое видение, еще более ясное и реальное, чем первое.

Он бредет по теплому, золотистому песку Мульцибера. На широкой поднимающейся в гору тропинке впереди он заметил снисходительные и самодовольные лица туристов. Толстяк, одетый в широкую, похожую на хитон одежду, расписанную в красную и желтую клетку, со смехом показывает на него пальцем и бросает несколько монет. Мантелл знает, чего от него ждут, какое хотят посмотреть представление.

Он бросается на песок, барахтается руками и ногами, жадно роет золотистую пыль в поисках монет, в то время как его уши сотрясает громовой хохот землян-туристов.

«Пять лет назад, когда мы участвовали в подавлении сиртисианских волнений...»

Галлюцинация! Ложь! Мульцибер — вот единственная правда, истинные воспоминания. Но откуда тогда взялся бой за космодром в кроваво-красном ямбовом лесу? Только фантазия, которая не имеет связи с действительностью?

«Пять лет назад, когда мы...»

Низкий навязчивый голос звучит размеренно, монотонно, механически, словно отбивая нескончаемый невыносимый такт в его голове.

Стоя в безлюдном коридоре, Мантелл предавался сомнениям, словно голодные крысы рвущим на части его мозг. Галлюцинации? Да! Но у кого — у Картера или у него самого? Потеряв контроль над собой, он затрясся в конвульсивных рыданиях и бросился бежать куда глаза глядят, слыша только стук ботинок о пол и ничего не видя перед собой.

Он врезался во что-то твердое и, оглушенный, отскочил. Он подумал, что столкнулся со стеной или дверью.

Но нет! Перед ним было непреклонное, как у статуи, лицо Бена Зурдана. Сейчас он выглядел таким же холодным и суровым, как в момент нападения Космического патруля. Он вытянул руку вперед и вцепился в плечо Мантелла железной хваткой.

— А ну пошли в мой кабинет, Мантелл! Я хочу с тобой побеседовать.

Внутри оцепенев, пробираемый дрожью, Мантелл смотрел на Зурдана, стоящего по другую сторону стола. Дверь была закрыта

и заперта на ключ. У окна стояла Майра, она окинула Джонни беглым взглядом и свирепо уставилась на Зурдана.

— Мне не понравился твой разговор с патрульными, когда ты вышел отсюда, Мантелл. Я не могу тебе доверять. С самого первого момента я чувствовал, что с тобой что-то не то.

— Бен, я...

— Заткнись! Я не доверял тебе и не мог позволить четырем Космическим патрульным кануть в космос, не поведав о себе ни слова. Поэтому я воспользовался этим, — он указал на утыканный переключателями пульт управления за его столом, — и записал вашу беседу с ними с начала до конца.

Мантелл изо всех сил старался сдержаться.

— Что ты хочешь этим сказать, Бен? Космические патрульные уничтожены, не так ли?

— Конечно. Но ты здесь ни при чем. Ледру с приятелями сделали твою работу, пока ты бегал как угорелый по коридорам Стархевена. Но послушай вот это.

Зурдан щелкнул переключателем, и магнитофон ожил. Мантелл услышал голос Картера: «В патруле, конечно! Это было пять лет назад, когда мы участвовали в подавлении сиртисианских волнений! Неужели ты успел забыть об этом, Джонни!»

Зурдан выключил микрофон и сказал:

— Ну что ты теперь скажешь?

— Обычный трюк, — как мог равнодушнее сказал Мантелл, стараясь не показать свое смятение. — Патруль на этом собаку съел, сам знаешь. Он старался нас озадачить, смутить, воспользоваться нашей растерянностью и бежать. А ты...

— Я вовсе не склонен верить тому, что сказал патрульный, — оборвал Зурдан. — По прибытии ты прошел психопробу, и проба показала, что ты жил на Мульцибере. В ней ничего не говорилось о том, что ты служил в Космическом патруле. — Темные глаза Зурдана сузились, он буквально сверлил Мантелла взглядом. — Но только, может быть, психопробе и полагалось быть неправильной?

— Это как же?

Зурдан пожал плечами.

— Возможно, в Космическом патруле нашли способ вносить ложные воспоминания настолько искусно, что смогли обмануть Хармона. Или по какой-то причине оператор намеренно исказил запись. А может, он просто ошибся из-за преклонного возраста. — Зурдан повернулся к Майре:

— Пошли за доктором Хармоном.

Спустя несколько минут в дверях появилась худенькая согбенная фигура доктора Хармона, что-то бормочущего себе под нос. Казалось, за эти дни он состарился еще больше.

«Сколько же ему лет? — подумал Мантелл. — Наверное, более ста. Даже современная техника геронтологии не способна сохранить человеку молодость, если ему за восемьдесят пять. А Хармон выглядит старше».

— Что-нибудь случилось, Бен? — спросил старый доктор.

— Может быть, да, а может, и нет, — зыкнул на него Зурдан. — Я не уверен. Вроде бы один из Космических патрульных, которых захватил Бентли, узнал Мантелла и утверждал, что служил вместе с ним пять лет назад!

— Служил с... но это невозможно, Бен! Я сам проверял Мантелла. Он пробыл на Мульцибере семь лет. Об этом говорят все данные. И уж конечно, если бы я увидел что-то связанное с Космическим патрулем, то сразу же сообщил бы тебе.

— Ты уже стар, Эрик. Ты уже был стариком, когда влип в тот нашумевший скандал с вивисекцией и бежал сюда. С тех пор ты не стал моложе. Может, ты плохо прощупал Мантелла. Может, ты проглядел кое-какие факты?

Хармон, белый как мел, при последних словах стал багроветь.

— Послушай, Бен, — досадуя, проговорил Мантелл. — Неужели из-за дурацкой, отчаянной попытки патрульного выгадать себе несколько минут жизни ты станешь...

— Заткнись, Мантелл! Для меня слова патрульного показались достаточно убедительными. Для собственного спокойствия я хочу прояснить дело, не сходя с этого места. И чем скорее, тем лучше.

— Но ведь... — начал было Хармон.

— Готовь оборудование, Хармон. Мы повторим обследование.

На миг в комнате наступила мертвая тишина. Майра и Мантелл одновременно посмотрели друг на друга широко раскрытыми от ужаса глазами.

Мантелл понимал, какими последствиями грозит ему психопроба — на этот раз они обнаружат заговор против Зурдана. Ведь в прошлый раз, когда Хармон копался у него в мозгах, там ничего похожего не было. На этот раз, когда тонкие иголочки коснутся мозга Мантелла, для него и для Майры наступит конец.

Майра среагировала первой. Она выступила вперед и сжала пальцы на толстой руке Зурдана.

— Не тревожься, Бен! Джонни проверяли всего несколько недель назад. Ты же сам говорил, что нельзя апробировать человека дважды за один месяц — можно повредить его мозг. Разве не так, доктор Хармон?

— Разумеется...

— Замолчите, вы оба! — Зурдан на миг задумался, как бы вслушиваясь в наступившую тишину, потом сказал: — Мантелл для меня слишком ценен, и мне не хотелось бы его потерять. Но с другой стороны здесь пахнет опасностью для Стархевена. Если Космический

патруль сказал правду, то Мантелл — первый шпион, сумевший проникнуть на Стархевен. Готовь свою аппаратуру, Эрик!

— Как прикажешь, Бен, — проговорил Хармон.

— Приказываю!

Хармон, шаркая ногами, направился к двери.

— Вели доктору Полдерсону провести запись, — крикнул вдогонку Зурдан.

Полдерсон был главным ассистентом Хармона. Старый ученый обернулся и зло сверкнул глазами на Бена: — Я еще и сам способен управляться со своей аппаратурой.

— Может — да, а может — нет! Но я хочу, чтобы проверкой Мантелла занялся кто-нибудь другой. Понятно?

— Очень хорошо! — нехотя сказал Хармон после многозначительной паузы.

Мантелл видел, что у старика задета профессиональная гордость. Что ж, он, конечно, сумеет отстоять ее, подумал Мантелл. Запись Полдерсона полностью совпадет с записью, сделанной Хармоном, за исключением одной пустячной детали — заговора.

Шагая по коридору в лабораторию психопробы, Мантелл почувствовал, как дрожат его руки.

Скоро все кончится. Все...

Лаборатория выглядела точно так же, как и в прошлый раз: койка, аппаратура, ряды книг и причудливый механизм для снятия психопробы. Новым было только одно: Полдерсон.

Ассистент, правая рука доктора Хармона, был бледен, как сама смерть. Он взглянул на Мантелла с некоторой опаской.

— Вы и есть подопечный? — спросил он замогильным голосом.

— Да, — через силу подтвердил Мантелл. За ним шаркающей старческой походкой вошел Хармон. Зурдан и Майра остались в приемной.

— Соблаговолите прилечь на кушетку, мы должны снять психопробу, — проскрипел Полдерсон. — Доктор Хармон, аппаратура готова?

— Сейчас я проверю еще раз, — пробормотал старик. — Постарайтесь, чтобы все было как надо. Запись должна быть безупречной, совершенно безупречной.

Он прошаркал за стеллаж с аппаратурой и поколдовал немного у ящика с лекарствами. Мантелл следил за ним с нарастающим беспокойством. Но вот Хармон повернулся, подошел к Полдерсону и дружески хлопнул того по плечу.

— Сделайте все, как надо, Полдерсон. Я уверен, что вы справитесь, — сказал он с натянутой улыбкой.

Полдерсон механически кивнул. Но когда он подошел к Мантеллу, чтобы покрепче привязать пациента к кушетке, его глаза вдруг стали сонными, будто подернулись мутной поволокой.

Доктор Хармон усмехнулся и поднял руку, показав Мантеллу свою ладонь. С внутренней ее стороны, у среднего пальца виднелась крошечная ампула микрошприца. Полдерсон, так кстати занявшийся аппаратурой и услужливо подставивший старику свое плечо, получил дозу наркотика.

Глава XIV

Мантелл взобрался на кушетку и позволил Полдерсону привязать себя. Тот водрузил ему на голову холодный колпак зонда. Хармон слонялся рядом, посмеиваясь про себя и наблюдая.

Внезапно старый доктор наклонился вперед и прошептал что-то на ухо Полдерсону. Первые несколько слов Мантелл не расслышал, уловив лишь окончание фразы:

— ...смотри, чтобы данные психопробы были идентичны прежним по всем параметрам. Понимаешь? Идентичны!

Полдерсон неопределенно кивнул. Он пересек комнату, открыл опечатанный ящик и начал внимательно изучать фолиант с записью прошлой психопробы. Мантелл внимательно и настороженно следил за тем, что происходит.

Через несколько минут Полдерсон удовлетворенно кивнул, закрыл книгу и вернулся к аппаратуре.

До Мантелла, ожидавшего начала апробирования, внезапно донеслись звуки голосов:

— Бен, я уже говорила тебе... По-моему, слишком жестоко подвергать его второй раз психопробе. Он может лишиться рассудка, ты же знаешь. Он может...

Мантелл вздрогнул, услышав звук пощечины. Зурдан распахнул дверь лаборатории и проревел:

— Хармон! Я же приказал, чтобы психопробу проводил твой ассистент!

— Все так и есть! — пробурчал недовольно Хармон. —Доктор Полдерсон проводит один психопробу, а я лишь наблюдаю, как идет операция.

— Я не желаю, чтобы ты крутился поблизости от Полдерсона, от Мантелла и от аппаратуры, пока все не кончится, — рявкнул Зурдан. — Я хочу иметь совершенно независимую запись.

Хармон со вздохом ответил:

— Тогда давай подождем в твоем кабинете. Нехорошо, когда во время психопробы толчется слишком много людей.

И он с достоинством прошаркал мимо Зурдана в коридор. Зурдан последовал за ним, затворив за собой дверь. Мантелл остался наедине с Полдерсоном и его аппаратурой.

Худые пальцы Полдерсона нежно поглаживали приборную доску машины, словно лаская любимую женщину.

— Теперь вам надо расслабиться. Расслабьтесь, — произнес он тусклым от наркотика голосом. — Вы слишком возбуждены. Спокойней. Еще чуточку спокойней. Вам нельзя волноваться.

— Я и не волнуюсь, — солгал Мантелл. Он был натянут как струна. — Я спокоен, дальше некуда.

— Расслабьтесь. Вы слишком напряжены, господин Мантелл. Чересчур взволнованны. Всякая опасность абсолютно исключена. Психопроба — это научный метод, совершенно безвредный, лишь...

Трах!

Как и в первый раз, Мантелл почувствовал, что его череп будто раскололся надвое. Он закачался под ударом психопробы, цепляясь за остатки сознания, и провалился в беспамятство.

Когда он очнулся, то увидел перед собой лицо Бена Зурдана. Лицо улыбалось.

— Ну как, Джонни, выкарабкался? — сказал он несвойственным ему нежным голосом.

Мантелл неуверенно кивнул.

— Видимо, мне следует перед тобой извиниться, Мантелл, — сказал Зурдан. — Показания приборов повторились точь-в-точь. Этот патрульный плел чушь.

— Лучше помоги мне избавиться от головной боли, — проговорил Мантелл, череп которого вращался по головокружительной орбите. — Я ведь все время твердил, что никогда не был Космическим патрульным.

— Я не мог принять это на веру, Джонни. Я должен был убедиться. Понимаешь, Джонни?

— Не совсем. Но как бы то ни было, я надеюсь, ты не будешь подвергать меня проверке всякий раз, когда какой-нибудь болван вздумает плести обо мне невесть что.

Зурдан дружески рассмеялся.

— Думаю, теперь я могу довериться тебе полностью, Джонни.

— И слава богу.

Мантелл огляделся и увидел всех остальных: Полдерсона, доктора Хармона, Майру. Его голова кружилась меньше, действие психопробы проходило.

— Я виноват и перед тобой, Эрик, — сказал Зурдан, обращаясь к Хармону. — Пусть не говорят, что Бен Зурдан не берет своих слов обратно. Великий человек тоже может ошибаться. Разве не так?

Хармон улыбнулся, показав желтые зубы.

— Конечно, Бен. Ты, как всегда, прав!

Зурдан повернулся и вышел. Майра последовала за ним.

— Вы молодчина, Полдерсон, — проговорил Хармон. — Спасибо за помощь. Теперь я закончу сам, а вы можете идти.

Полдерсон удалился. Мантелл остался наедине со старым ученым.

— На этот раз мы висели на волоске, — сказал Хармон доверительным шепотом, склонившись над ним. — Хотите выпить, Мантелл?

— Не откажусь.

Чуланчик в дальнем конце лаборатории скрывал хорошо оборудованный маленький бар. Хармон набрал код двух бокалов «соур чокер», и когда они отстоялись, подал один из них Мантеллу. Тот жадно выпил.

— Что вы имели в виду, говоря, что висели на волоске? — спросил Мантелл.

— Я имел в виду тех, кто мог жестоко поплатиться, узнай Зурдан истинные данные психопробы твоего мозга.

Мантелл изумленно заморгал глазами:

— Выходит — вы один из наших?

— Я был первым, — улыбаясь, кивнул Хармон. — Затем подключилась Майра и остальные. Если бы Зурдан увидел твою настоящую психопробу и узнал все, что тебе известно, пришлось бы плохо всем нам.

— Но как же вам удалось избежать этого?

— Я вколол Полдерсону гипнотик, пока он настраивал аппарат. Остальное было проще простого, я только приказал ему увидеть то, что нужно было увидеть. Он сделал пробу, в которой не было сказано ни слова о заговоре.

Внезапно Мантелл выпрямился.

— А как быть с историей Космического патрульного? Что это — просто бред или в нем есть доля правды? Его слова пробудили во мне какие-то странные воспоминания...

Хармон отрицательно покачал головой:

— Твоя первая психопроба и эта показали одно и то же: последние семь лет ты провел на Мульцибере. Если только не изобрели какую-нибудь новую технику, вводящую ложные воспоминания.

Мантелл удовлетворенно кивнул: крошечная доза реальности досталась ему в вознаграждение за недавнее испытание.

Он спустился с кушетки, чувствуя, как дрожат ноги.

— А как насчет того, что повторная психопроба причинит вред мозгу?

— Такое иногда случается, — подтвердил Хармон. — Но в данном случае этого не произошло. И слава богу.

Облегченно вздохнув, Мантелл натянул свою скомканную одежду и последовал за Хармоном назад в кабинет Зурдана. Бен вос-

седал за своим столом. Он всегда казался чересчур громоздким — сидел он или стоял. Мантелл каждый раз заново поражался его габаритам: рост шесть с половиной футов, вес не менее двухсот семидесяти фунтов. При этом Бен Зурдан имел грубый нрав и всегда лез на рожон и ввязывался в драку, несмотря на свой шестидесятилетний возраст.

— Как ты себя чувствуешь? — пророкотал Зурдан.

— Немного лучше.

Мантелл упал в пенную релаксационную люльку и, растирая лоб пальцами, постарался унять пульсирующую боль. Каждый толчок крови, каждое сокращение сердца отдавалось гулким эхом в его черепе.

— Могу я удалиться? — спросил Хармон. — Мне надо отдохнуть.

— Останься, — сказал Зурдан ровным спокойным голосом, которому было трудно не подчиниться. — Ты ученый, Эрик. Я хочу, чтобы ты услышал, о чем Мантелл собирался мне сообщить. Тебе должно быть интересно. Джонни, я полагаю, Майре и доктору Хармону будет полезно услышать, над чем ты работал последние недели в лаборатории.

Мантелл посмотрел на Хармона.

— Я разрабатывал личный защитный экран, — сказал он. — Невидимое поле, соразмерное человеческому телу. Своеобразная оболочка, которую человек мог бы носить, оставаясь совершенно неуязвимым, пока он в ней находится.

Майра бросила заинтересованный взгляд. Зурдан расстегнул папку, которую он получил несколько часов назад с докладом о проделанной Мантеллом работе и ее результатах.

Хармон выглядел несколько удивленным.

— Вы сказали «личный экран»? — негромко переспросил он. — Разве такое возможно?

— Расскажи им, Джонни!

— Пока не построю хотя бы один и не удостоверюсь сам, я не берусь утверждать, что это возможно.

— Но ты веришь в успех?

— Пока не могу сказать, — поспешно возразил Мантелл. — Потребуется еще не меньше недели. Но если экран получится, то он...

— ... обеспечит мне полную безопасность, — закончил за него Зурдан. Он испытующе оглядел три фигуры, сидящие вокруг стола. — Вы понимаете? Понимаете, что значит для меня Джонни? И все-таки я пошел на риск разрушить его мозг — ради безопасности Стархевена!

Никто ему не ответил. Зурдан, казалось, испытывал чудовищное напряжение. Его сильные пальцы играли с дорогой и хрупкой безделушкой на столе.

— Что ж, ладно! — сказал он наконец, и его голос разорвал натянутую атмосферу. — Можете идти, вы все. Оставьте меня одного.

После этого им не оставалось ничего другого, как удалиться. Мантелл, Майра и Хармон молча покинули кабинет Зурдана, даже не оглянувшись. Они не проронили ни слова, пока не достигли внешнего коридора. Мантелл уже один раз поплатился за пренебрежение подслушивающей аппаратурой, которой Зурдан наводнил свой холл.

Майра и Хармон направились каждый в свои апартаменты. Мантелл вызвал кабину лифта и спустился вниз. Снаружи у входа остановилось такси, он сел в него и направился в «Номер Тринадцать».

Ему необходимо было отдохнуть. Психопроба измучила его и истощила его силы.

Через несколько минут он добрался до номера, чувствуя себя так, словно его выпачкали в грязи. Он принял душ, живительная игра ионов на коже освежила и очистила его. Он принял снотворное и растянулся на кровати совершенно без сил.

«Ну и денек!» — подумал он.

Только сообразительность Хармона, быстрота его реакции спасли их от провала. А где гарантия, что вскоре какой-нибудь слепой случай не выдаст Зурдану информацию о заговоре? Тогда им всем конец! Бен активен и безжалостен, и он не пощадит никого ради господства над Стархевеном.

Зурдан должен умереть. Мантелл испытывал неприкрытое восхищение перед старым тираном, но логика жизни на стороне Майры и ее группы. Зурдана нужно убрать именно сейчас, пока не подняли голову другие претенденты на власть, предвосхитив свару, которая сделает мирную жизнь на Стархевене невозможной.

Мантелл задремал. Прошло какое-то время, он с трудом представлял себе сколько именно. В дверь позвонили, и прежде, чем он сонно спустился с койки и ответил, позвонили во второй раз.

За дверью в коридоре стоял робот-посыльный. В резиновых зажимах он держал сверток.

— Мистер Мантелл, вам посылка.

— Большое спасибо, — сказал Мантелл. Взяв сверток у робота, он захлопнул дверь.

Судя по форме и размерам, в свертке была книга. Теперь он знал наверняка, что там содержится еще одно послание, по-видимому, это был самый удачный способ сообщения между людьми в мире, где один человек имел доступ ко всем электронным средствам коммуникации.

Он развернул сверток. Это была книга, переплетенная в отвратительного цвета дешевый сафьян. Называлась она «Этиология и

эмпиризм», некоего доктора Ф.Г. Сзи. Перелистав ее, Мантелл обнаружил между восемьдесят шестой и восемьдесят седьмой страницами записку следующего содержания:

«ДЖ.М.!

СОБЫТИЯ ДОСТИГЛИ КРИТИЧЕСКОЙ ФАЗЫ. МЫ НЕ МОЖЕМ БОЛЬШЕ РИСКОВАТЬ. ВСТРЕТИМСЯ ВЕЧЕРОМ В КАЗИНО МАСОК, ЧТОБЫ ОБСУДИТЬ НЕМЕДЛЕННОЕ УСТРАНЕНИЕ Б.З. Я БУДУ ТОЧНО В 9 00. НЕ ОПАЗДЫВАЙ, ДОРОГОЙ!

М.Б.»

Мантелл перечитал записку несколько раз, его глаза вновь и вновь останавливались на слове «дорогой», казавшемся таким безликим на бумаге и таким значительным в вокотайпе.

Затем записка сморщилась и рассыпалась. В считанные секунды она превратилась в коричневую пыль, потом исчезла совсем.

Глава XV

Когда Мантелл добрался до главного зала, в Казино масок толпилась масса народу. Он очутился среди сотен безликих фигур людей со смутными очертаниями и неузнаваемой внешностью.

Одна из них была Майра, но которая?

Он направился к столику игры в «водоворот», куда крупье как раз приглашал новых игроков. Он увлекся взаимодействием ярких цветов и потерял десять чипов на комбинации «синий — зеленый — красный — черный». Вместо нее выпала комбинация «красный — фиолетовый — оранжевый — зеленый». Мантелл оказался в небольшом проигрыше.

Окинув взглядом толпу, он заметил сочетание бледно-розовых бликов, которые могли быть Майрой, а могли и не быть — спросить все равно было не у кого. Он решил потерпеть. Они с Майрой договорились об условном знаке, но сперва нужно было усыпить бдительность возможных осведомителей.

Он потерял чуть больше пяти чипов на быстрых перескоках «фликера», а потом подцепил сто пятьдесят, удачно поставив на «ротовиле». Решив, что прошло уже достаточно времени, он дал условный сигнал, направился к карточному столику в дальнем конце казино и занял место с таким расчетом, чтобы рядом оставалось свободное.

Почти тотчас появилась девушка из казино, которую отличала малиновая лента, прикрепленная к маске.

— Ищете партнера, сэр?

— Нет, спасибо. Жду одного человека.

Мантелл отверг еще четыре предложения сыграть: три от мужчин, одно от другой служащей в казино девушки. Наконец

появилось светло-розовое облако и проговорило тусклым голосом:

— Я сыграю с вами, дружок, если только вы согласитесь на мои ставки.

Мантелл улыбнулся: это была Майра.

— Я не играю по одному пенни, мисс.

Она села.

— Доставайте карты и начинайте сдавать все как взаправду.

Он сдал. Разобрал карты, передернул, а между тем прошептал одними губами:

— Я получил твое послание. Думаю, ты права: пора действовать.

— Ты прав. Рано или поздно Бен догадается подвергнуть кого-нибудь психопробе и обо всем узнает. Мы должны ударить первыми.

— Когда?

Она выложила три карты на стол. Это были тузы.

— Сегодня ночью, — сказала она. — Ровно в полночь.

Мантеллу показалось, что от этих ее слов по всему казино прокатилось гулкое эхо. Дрожащей рукой Мантелл выудил бесполезного теперь четвертого туза из карт, которые держал в руке, и бросил его поверх выложенных ею ранее.

— Сегодня? — переспросил он. — Как это будет?

— Я собираюсь все сделать сама, — заявила Майра. Искажение рассеивающего поля лишило ее голос всякой эмоциональной окраски. — Зурдан просил меня прийти сегодня ночью к нему в апартаменты. Мы должны пообедать, затем немного поработать — так, несущественные детали, на которые не хватило времени днем. Я приду в постель с ножом. Это будет для него приятным сюрпризом.

Мантелл сгреб со стола раскрытые карты, механически перетасовал их, почти не отдавая себе отчета в своих действиях.

Он смотрел на созданное электроникой туманное пятно, сидящее напротив, и вдруг осознал, что почти не знает скрывающейся за ним девушки. Секретарша и любовница Бена Зурдана с голубыми как лед глазами, которая решила прикончить властелина Стархевена ночью в его собственной постели!

И тем не менее Мантелл знал, что любит ее.

— Мы готовы к перевороту, — сказала она. — Наши предводители выступят, как только получат известие о его смерти. Мы стремимся избежать ошибок при захвате власти. Доктор Хармон подготовил обращение к народу. Глава корпуса личной охраны Бена, Мак-Дермотт, тоже один из наших, он постарается, чтобы обошлось без сильных потрясений и жертв. Выделены силы для захвата башни управления. К утру вновь созданное правительство будет контролировать весь Стархевен. Мы надеемся обойтись без единого выстрела.

— И кто же станет во главе новоявленного правительства, когда все образуется. Ты? Хармон? Мак-Дермотт?

— Нет, — спокойно произнесла Майра. — Его возглавишь ты.

Мантелл сидел очень тихо, впитывая окружающие звуки, отфильтровывая шумы казино и пропуская в сознание только холодный голос Майры. Она сказала «ты».

— Временный правитель Стархевена, Джон Первый! Ты...

— Почему я? — спросил он наконец. — У вас столько...

— Нет, — возразила Майра. — Они не подходят. Мы перебрали все возможные варианты и остановились на твоей кандидатуре, как наиболее нейтральной. Ты здесь новичок и не успел нажить недоброжелателей. Ты один сможешь быть беспристрастным и не сводить старые счеты.

— Откуда ты знаешь, что я на это соглашусь?

— Ты же сам сказал, что возьмешься за любую работу, чтобы нам помочь. Вот и помоги.

— Я не собираюсь быть диктатором.

— И не будь им. Просто возглавляй Временное правительство, пока на Стархевене не войдет в силу конституция.

Он думал. Время было девять сорок пять. Через два часа пятнадцать минут Бен Зурдан будет мертв. И Джонни Мантелл с Мульцибера, бывший техник, специалист по защитным экранам, выброшенный за ворота и скитавшийся по пляжам далекой планеты, станет правителем железного мира Стархевена. Какая головокружительная карьера! Перемена стремительная, почти революция. К завтрашнему утру все будет кончено.

— Давай сматывать удочки, — сказал он и начал подниматься из-за стола. Она поймала его за руку и усадила на место.

— Постой! Мы же не кончили игру. — Она снова разложила карты.

Через двадцать минут они решили, что могут спокойно покинуть казино и, направившись к выходу, скинули маски. Они встретились в ониксовом коридоре. Майра была одета в голубую облегающую тунику, выгодно подчеркивающую ее стройную фигуру.

«Сегодня ночью она увидится с Беном Зурданом в последний раз, — подумал Мантелл. — Завтра она станет моей».

Они шагнули в холодную стархевенскую ночь и медленно пошли вдоль площади, расположенной перед Дворцом удовольствий. На черном небе блестели зеркально-яркая луна и острые, как иголочки, звезды. Бен Зурдан намеренно поместил туда луну и звезды, чтобы подчеркнуть искусственность Стархевена. Мантелл знал, что это были всего-навсего световые пятнышки, проецируемые

с помощью линз на металлический небосвод, обегающие его за ночь по строго запрограммированному закону и исчезающие по «утрам». Это напоминало гигантский планетарий — «планетарий» размером с планету.

Холодный и сырой ветер налетел на них с востока, когда они остановились рядышком в темноте, прижавшись друг к другу и мечтая о завтрашнем дне, который уже не за горами. Они стояли так, пока не начал накрапывать дождик. Инженеры, ведавшие погодой, были хитрые бестии: уж если лил на Стархевене дождь, то вы промокали до нитки, даром что погода создавалась искусственно.

— Что ни говори, а Бен — великий человек, — тихонько сказала Майра. — Поэтому и надо его убить. Он слишком велик для Стархевена, как Цезарь — для Рима.

— Ты любила его?

— Любила ли я Бена? Да, любила. Несмотря на всю его жестокость, его безжалостность; он неординарный человек. Он больше, чем просто человек.

— Что ж, мы так и будем говорить только о нем? — спросил Мантелл.

— Если тебе неприятно, я не буду. Но я стараюсь быть честной перед своей совестью, Джонни. Теперь Бен должен умереть. Если он умрет собственной смертью, здесь будет сущий ад. А он уже не молод. Но все же...

Было странно слушать ее рассуждения о совести на этой планете, где совесть отошла в область преданий. Мантелл повернулся к ней лицом.

— Могу я полюбопытствовать, Майра?

— Смотря о чем!

— Ты никогда не рассказывала мне, почему очутилась на Стархевене. Это так и останется для меня тайной?

Она посмотрела на него в упор.

— Ты действительно хочешь знать? — спросила она.

Он секунду помолчал, задумавшись. Насколько ужасной может оказаться ее тайна? Может быть, это будет преступление настолько страшное, что навсегда вобьет клин между ними, что-то такое, о чем лучше умолчать?

Он потряс головой, отгоняя малодушные мысли: между ними не должно быть недомолвок.

— Да, — сказал он.

— Но это неинтересно, потому что я не совершила никаких преступлений, Джонни. Я одна из немногих людей на Стархевене, которые не скрываются от закона.

Его глаза расширились от удивления.

— Так ты не...

— Нет. Я не беглянка.

— Тогда с какой стати ты оказалась здесь? — спросил он, совсем сбитый с толку.

Она помолчала.

— Восемь лет назад, — начала она, как будто о чем-то далеком, — Бен Зурдан оставил Стархевен в первый раз, с тех пор как построил его. Он решил поразвлечься и отправился инкогнито на планету Лурибар. Он провел семь дней в тамошнем отеле. Там мы встретились.

— Ты с Лурибара?

— Мои предки участвовали в ее колонизации полтораста лет назад. Как-то раз Бен пригласил меня танцевать. Он был ужасно неуклюжим, я потешалась над ним. Потом увидела, что задела его за живое, буквально до слез. Представляешь, задеть за живое такого великана! Я почувствовала, что должна извиниться. Больше он ни разу не вышел на танцплощадку, ни со мной, ни с кем-либо еще. Но на следующую ночь он покидал Лурибар, чтобы возвратиться на Стархевен. Он рассказал мне, кто он, и что из себя представляет его мир. Он просил меня отправиться вместе с ним.

— И ты согласилась?

— Да.

Мантелл глянул вверх на испещренную звездами чашу ночи, думая о Бене Зурдане, сумевшем поместить туда эти звезды и построившем железный кокон вокруг планеты, о Бене Зурдане, которому скоро суждено умереть.

Затем он обернулся к Майре, и она упала в его объятия.

Глава XVI

Они расстались без четверти одиннадцать. Зурдан ждал ее прихода уже около часа, ей нельзя было упускать подвернувшийся случай. Они должны были отправиться в главную резиденцию за необходимыми бумагами и ... Через семьдесят пять минут Зурдан будет мертв, подумал Мантелл.

Майра просила его прибыть в апартаменты Зурдана в десять минут первого, чтобы убрать тело. До тех пор он не должен вмешиваться.

Он скоротал полчаса в баре неподалеку от Дворца удовольствий, маленьком заведении со слабым освещением и дрянными напитками. В полумраке танцевала девушка, аккомпанируя себе гнусавым заунывным пением. Когда она закончила, откуда-то вынырнул худой рябоватый человечек и пустил по кругу шляпу.

Мантелл швырнул ему одночиповую монету, рябой рассыпался в благодарности и сгинул. Мантелл заказал пива и механически стал потягивать его. Минуты тянулись бесконечно медленно.

Устав ждать в баре, он вышел наружу и около получаса бродил по улицам Стархевена.

Теперь часы показывали одиннадцать тридцать пять — миновала большая часть условленного срока.

Он нашел еще один бар, задержался в нем ровно настолько, чтобы заказать пива, отпить половину и уйти. С каждой минутой его тревога росла. Майра такая хрупкая, маленькая, а Зурдан такой здоровяк.

Одиннадцать сорок... Одиннадцать сорок пять. Сейчас она как раз входит в его апартаменты. Мантелл подозвал аэротакси и дрожащим от напряжения голосом назвал роботу-пилоту улицу, находившуюся невдалеке от личной резиденции Зурдана.

Одиннадцать пятьдесят...

Он стоял в одиночестве под мерцающими уличными фонарями в ожидании назначенного срока.

Одиннадцать пятьдесят две...

Осталось восемь минут. Потом семь. Мантелл не спеша двинулся к зданию. Месяц назад я был простым бродягой, скитавшимся по пляжам Мульцибера, думал он. А теперь я на пути к титулу правителя целого мира! Это похоже на сон, если не считать того, что все происходит на самом деле.

В одиннадцать пятьдесят семь он достиг здания. Оставалось три минуты. Конечно, не было полной гарантии, что Майра завершит дело ровно в двенадцать. Они не догадались предварительно сверить часы, но в любом случае, даже несмотря на непредвиденные задержки, Майра должна вот-вот ударить. Он молился, чтобы лезвие было острым, а рука Майры твердой.

В вестибюле особняка сидел за столиком робот, увидев Мантелла, он спросил:

— Чем могу служить?

— Я должен увидеться с Беном Зурданом, — сказал Мантелл.

— Прошу прощения. Господин Зурдан очень занят важными правительственными делами и не может вас принять.

Мантелл взглянул на часы: одиннадцать пятьдесят девять... Напряжение стало невыносимым.

— Очень жаль, — произнес он.

Как раз в этот момент Майра должна вытащить кинжал. Робот упрямо закрывал проход:

— Господин Зурдан просил его не беспокоить!

Мантелл пожал плечами и вытащил бластер, который носил под пиджаком. Он выстрелил сразу, перебив роботу нейронный канал. На металлическом лице намертво застыла идиотская улыбка, а голос продолжал монотонно вещать, как испорченная пластинка:

— Господин Зурдан просил не беспокоить... Господин Зурдан просил не беспокоить... Господин Зурдан про...

Мантелл выстрелил еще раз. Робот сник и опрокинулся на темно-красный ковер. Еще раз или два он вздрогнул, дернулся — и застыл, превратившись в бесформенную груду хромированного железа. Его тонкий и криотронный мозг перегорел, и теперь это был уже никому не нужный металлолом.

Казалось, лифт еле двигается, тащась на сорок восьмой этаж зурдановского пентхауза. Мантелл считал секунды, глядя, как движется стрелка на ручных часах.

Двенадцать ноль одна. У него еще уйма времени — Майра велела ему прибыть десять минут первого.

Он шагнул сквозь открывшиеся двери кабины и оказался в бесконечном ярко освещенном коридоре. Не было ничего удивительного в том, что там стоял на страже еще один робот — Зурдан был из тех парней, которые не оставляют шанса своим убийцам. Его апартаменты, как и сам Стархевен, тщательно охранялись.

Робот повернулся и резко окликнул:

— Стой!

Можно было предположить, что уж этот-то робот специально натаскан на охрану резиденции и потому окажется куда проворнее своего предшественника в вестибюле. .

Мантелл скользнул в нишу, надеясь, что робота не снабдили сверхчувствительными рецепторами, способными найти его убежище, или портативным силовым полем, вроде того, которое использовали, чтобы убить Марчина.

Металлические ноги затопали по коридору.

— Стой! Вам надлежит выйти из укрытия. Господин Зурдан приказал, чтобы его не беспокоили.

Робот проскочил мимо, не заметив Мантелла. Тот выскользнул из ниши и выстрелил вслед роботу, перерезав спинной хребет, парализовав и блокировав его моторные реакции. Потом, присев на корточки, он выжег ему мозги, прекратив бесполезное жужжание двигателей.

Было пять минут первого. Мантелл рванул по коридору к зурдановским хоромам. И остановился снаружи, прислушиваясь.

До него донеслись звуки рыданий. Неужели Майра мучается раскаянием? — удивился он.

Шесть минут первого...

Зурдан уже пять минут как мертв. Мантелл понимал, что ему нужно войти внутрь, вывести Майру из шокового состояния, в котором она скорее всего находится после убийства. Он толкнул

дверь, к его удивлению та услужливо отворилась, пропуская его внутрь.

Он оставил дверь открытой и кинулся искать спальню. Анфилады комнат, казалось, тянулись во всех направлениях. Виднелись зашторенные богатыми гардинами овальные окна, на полу — дорогой ковер. Это была резиденция цезаря, обезумевшего от роскоши. Все пространство стен было увешано картинами.

Звуки рыданий стали громче. Мантелл помчался на них. Он услышал, как Майра предостерегающе закричала:

— Джонни! Джонни! Не надо!

Но было уже поздно.

Он влетел в комнату, и в тот же миг на него обрушилась сокрушительная сила в двести семьдесят фунтов. Бластер, который он сжимал в руке, отлетел в угол комнаты, а сам Мантелл зашатался, стараясь сохранить равновесие.

Бен Зурдан был жив!

Жилая комната была ярко освещена. С ужасающей ясностью Мантелл увидел громадный заваленный бумагами стол, папки, залитые кровью. Вошла Майра.

Ее заплаканное лицо было в красных пятнах, из разбитой верхней губы стекала тонкая струйка крови. Одна сторона лица, куда, очевидно, пришелся чудовищный удар, горела и опухла. Она истерически всхлипывала, и при каждом всхлипе ее тело конвульсивно вздрагивало.

Сквозь располосованную рубаху на груди Зурдана виднелась алая царапина длиной в шесть дюймов, начинающаяся чуть ниже левой ключицы и кончавшаяся прямо над левой грудью.

Мантелл догадался, что произошло. Нанося роковой удар, Майра промахнулась, и нож, вместо того чтобы вонзиться в сердце, скользнул по ребрам.

— Так ты тоже ввязался в это дело! — утробным голосом проревел Зурдан. Даже теперь, без пиджака, в разорванной рубахе, он подавлял всех своим величием. На лишенной волос голове выступили капельки пота. — Вы все против меня, да? Хармон, Полдерсон, Ледру, Мак-Дермотт, Майра и даже ты, Мантелл? Даже ты?!

Он медленно надвигался на Мантелла. Оба были безоружны. Нож Майры, который должен был прикончить Зурдана, куда-то делся, а бластер Мантелла валялся сейчас за пределами досягаемости. Мантелл знал, что Зурдан не нуждается в оружии. Он мог разорвать Мантелла на куски голыми руками.

Он начал пятиться осторожно, чтобы не оступиться. Взглянув в злобное лицо Зурдана, он был поражен, увидев слезы в горящих глазах — слезы неукротимого гнева. Мысль о том, что твои

ближайшие соратники сговорились тебя прикончить, не может оставить равнодушным даже такого сильного человека, как Бен.

— За что вы хотели убить меня? — негромко спросил Зурдан. — Может, я мало для вас сделал? Разве не я построил Стархевен — вот этими своими руками? Разве не я пригрел вас здесь, когда вы спасались от закона? Вам этого показалось мало, и вы решили меня уничтожить. Но вам не удастся покончить с Беном Зурданом, не удастся!

Мантелл пытался знаками показать Майре, чтобы та добралась до бластера. Но она была слишком потрясена, чтобы понять его жесты. Она лежала на софе, прикрыв руками глаза, содрогаясь от рыданий.

Зурдан протянул руку, чтобы достать Мантелла, тот присел, извернулся под могучей шарящей ладонью и послал хороший удар снизу в челюсть. Это было все равно что бить камень. Зурдан, казалось, даже не заметил удара, зато у Мантелла рука заныла от боли.

Лапы Зурдана схватили его за плечи, он вывернулся и опять ускользнул.

— Бластер, Майра! Подай мне бластер! — прохрипел он. — Достань его из угла!..

Это было ошибкой. Зурдан метнул быстрый взгляд через плечо, увидел, что бластер лежит не дальше, чем в трех шагах позади него, подцепил его своей громадной лапой и швырнул в открытое окно в ночную тьму.

Теперь против голых рук были только голые руки. Исход схватки был предрешен.

Мантелл отклонился как можно дальше, чтобы его не достал Зурдан. Дыхание у него сбилось, воздух с шумом вырывался из его груди.

— Ты хотел убить меня? — кричал Зурдан. — Я покажу вам! Я вам всем покажу!

Зурдан рванулся вперед, перехватил противника одной рукой поперек туловища, поволок словно котенка через всю комнату и грубо швырнул на столик, заставленный красивой фаянсовой посудой. Мантелл перекатился через него, попытался подняться, свалился и замер в ожидании своего конца.

Но Зурдан не торопился. Он стоял над ним, слегка покачиваясь, и на его лице было написано глубокое потрясение. Мантелл лежал навзничь, ожидая удара, но Зурдан к нему даже не прикоснулся.

— Я построил Стархевен — я его и уничтожу! — наконец выпалил он.

Он дико рассмеялся и, повернувшись, кинулся в темноту коридора.

Глава XVII

Мантелл медленно поднялся на ноги и замер, стараясь унять подступившую боль. Неожиданное исчезновение Зурдана его обескуражило. Мантелл обернулся к Майре.

— Ты видела? Он умчался как угорелый.

Она слабо кивнула. Ее левый глаз заплыл. Она с трудом натянула на себя остатки одежды. Ей приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы сохранять присутствие духа.

— Пойдем, — сказала она. — Там, на балконе, его персональная посадочная площадка. Наверное, он побежал туда.

— Зачем?..

Не тратя времени на объяснения, она направилась в ту сторону, где скрылся Зурдан, и Мантеллу ничего не оставалось, как последовать за ней.

Они миновали темный коридор и вбежали в громадную комнату, чьи балконные двери были распахнуты настежь, колеблемые ночным ветром. Майра указала на темноту за дверьми:

— Он там!

В эту минуту в воздух поднялся аэрокар, используя балкон как взлетную площадку. Струя огня на фоне черного неба выдала направление. На посадочной полосе балкона стояли наготове еще два аэрокара. Видно, Зурдан держал их здесь на всякий случай.

— Он полетел к башне управления! — вскричал Мантелл. — Подобно Самсону, разрушившему храм, он собирается снять экраны и повергнуть в прах весь Стархевен!

Они прыгнули в один из свободных аэрокаров, и Мантелл включил двигатель. Машина рванула с места. Сразу же после старта он перевел двигатель на режим форсированного ускорения, и они очертя голову помчались над Стархевеном. Город, едва заметный внизу, казался нереальным.

Майра прижалась к нему, пытаясь согреться. Она все еще дрожала, но теперь скорее от ночного холода.

Мантелл сосредоточился на управлении аэрокаром.

— Что у вас произошло до меня? — спросил он.

— Все шло нормально, — сказала Майра, — пока я не вытащила нож. Я... я заколебалась, всего на какую-то долю секунды. Бен увидел... Я ударила, но он успел увернуться, и я только оцарапала ему кожу. Он выбил нож из моей руки и ударил меня. Кажется, он собирался меня убить. Но тут явился ты...

— А что с Хармоном и остальными? Они все еще ждут?

— Думаю, да. Мы предвидели, что не все будет гладко. Они ждали от меня известий. Я должна была дать сигнал, чтобы они могли объявить о смерти Зурдана. А теперь...

— Теперь все изменилось, — сказал Мантелл. Впереди смутно замаячил темный, лишенный окон остов башни управления; он увидел дымный след зурданового аэрокара и бросил аппарат вниз, к посадочной площадке.

Они выскочили из машины и нырнули ко входу в башню управления, Мантелл буквально тащил за собой спотыкающуюся Майру. Его рука крепко сжимала ее запястье. Теперь на счету была каждая секунда.

— Он, наверное, в малом зале центра управления, — сказал Мантелл. — Один бог знает, что он собирается там делать.

— Как мы попадем туда? Я не знаю дороги...

— Пошли! — оборвал он. — Отсюда идут шахты лифта.

Но первый лифт, в который они влезли, не действовал, по-видимому, его отключили на ночь. Пришлось попробовать второй, затем с тем же успехом третий.

В поисках работающего лифта они обошли весь этаж. Бежать вниз по темным переходам через всю башню казалось немыслимым. Наконец они обнаружили единственный работающий лифт и воспользовались им.

Они проникли в коридор, находящийся рядом с лабораторией защитных экранов Мантелла и ведущий в святая святых Зурдана — в комнату управления.

Там, в главном мозговом центре Стархевена, горел свет.

Мантелл разжал руку, выпустил запястье девушки и помчался по коридору, оставив Майру далеко позади. Но Зурдан его опередил. Он запер дверь и включил вокруг комнаты небольшой экранирующий барьер, так что проникнуть туда было невозможно. Это была глухая оборона.

Правда, было слышно, что он говорил. Видеоэкран оказался включен, и через прозрачную дверь из плексиглаза Мантелл видел, что Зурдан беседует с серолицым человеком в форме Космического патруля.

— Командир, я — Бен Зурдан! Вы слышите меня? Зурдан. Ты меня наверняка знаешь. Я говорю прямо со Стархевена, — Зурдан, казалось, обеспамятел. Его железной выдержки как не бывало.

Космический патрульный воспринял его заявление скептически.

— Это что, шутка, Зурдан? Ваши бредни меня не интересуют. Когда-нибудь мы прорвем вашу оборону, и вот тогда...

— Заткнитесь! Сейчас говорю я! — проревел Зурдан, глядя на экран, словно раненное животное. — Я вручаю вам Стархевен на плутониевом блюдечке, главнокомандующий Вайтстон! Говорят, у вас имеется флот. Отлично! Высылайте свои чертовы корабли. Я ОПУСКАЮ ЭКРАНЫ. Я сдаюсь! Вы меня поняли, Вайтстон?!

Лицо на экране вздернуло брови и уставилось на обезумевшего, потного и полуобнаженного великана.

— Сдаетесь, Зурдан? Мне что-то не верится. С какой стати...

— Черт вас побери, я же сказал, высылайте флот!

Прижавшись лицом к прозрачной панели, Мантелл стоял у двери, захваченный происходящим. Сзади подошла Майра.

— Что здесь происходит? — спросила она.

— Зурдан совсем рехнулся. Сейчас он договаривается сдать Стархевен Вайтстону, главнокомандующему Космическим патрулем. Он уговаривает их выслать флот и обещает опустить экраны, когда флот будет здесь.

— Этого не может быть! Он сейчас не в себе.

— Думаю, это серьезно, — сказал Мантелл. — Он никогда не сможет понять, почему вы пытались убить его сегодняшней ночью. Он считает, что заговор направлен против всего, что он создал на Стархевене, — и это сводит его с ума.

— Мы должны его остановить! — решила Майра. — Если патрульные доберутся сюда, они засадят всех жителей Стархевена в тюрьму и устроят всей планете промывание мозгов. Пострадают люди, которые уже двадцать лет жили как честные граждане. А этот мир уничтожат.

— Если бы мы могли проникнуть туда и остановить его... Но он установил вокруг комнаты защитный экран.

— Экран всегда можно отключить. Ты же на защитных полях собаку съел, Джонни. У тебя есть какая-нибудь идея?

— Нет, — сказал он. — А впрочем, я попытаюсь. Подожди меня здесь, ладно? И кричи как можно громче, если Зурдан выйдет из комнаты прежде, чем я вернусь.

Мантелл помчался сломя голову по коридору в свою лабораторию. Ткнул на бегу пальцем в дверную пластинку и ударом ноги открыл дверь. Автоматически включился свет.

Он бросился к столу и принялся искать незаконченную опытную модель, на которую возлагал самые большие надежды.

Ага, вот она!

Он вытянул ее из путаницы электрокатушек, обрывков проводов и транзисторов. Оглядев комнату, он обнаружил портативный сварочный резак, единственный инструмент, который, на его взгляд, мог послужить эффективным оружием. Он схватил все это в охапку, развернулся и опрометью выскочил в коридор — туда, где ожидала его Майра.

— Что нового? — спросил он.

— Он все еще говорит с тем Космическим патрульным, — сообщила она. — Я пробовала подслушать. Думаю, что Вайтстон теперь воспринимает слова Бена всерьез.

Мантелл громко застучал кулаками по плексигласу. Разговор прервался, и экран погас.

— Бен, — позвал он. — Послушай, Бен!

Зурдан обернулся и взглянул на него через прозрачную панель. Мантелл еще раз позвал его по имени.

— Чего тебе? — прогудел Зурдан. — Лжец, предатель! Ты умрешь вместе со всеми остальными.

— Не понимаешь ты, Бен! Я с тобой! Я на твоей стороне! Все это чудовищная ошибка. Ты должен мне поверить. Смотри! Я принес тебе личный защитный экран!

Он поднял модель экрана — незаконченную, неработающую модель.

— Я закончил ее сегодня ночью, — сказал он с отчаянием в голосе. — Я работал над ней весь вечер, ночью сделал последние проверки. Работает вполне удовлетворительно! Ты пристегнешь ее к поясу, и тогда тебя не достать никаким оружием.

— Неужто! — проревел подозрительно Зурдан. — Помнится, ты утверждал, что нужна еще неделя, чтобы ее закончить.

— Я тоже так думал. Но я работал ночами и успел закончить к сегодняшнему дню.

Зурдан с интересом уставился через толстый пластик двери, который отделял его от тех двоих в коридоре, впрочем, как и силовой барьер, который окружал его комнату. Проникнуть Мантеллу в комнату было невозможно. Но если удастся выманить Зурдана оттуда...

Он грубо схватил Майру и швырнул ее вперед. Она остановилась, протянув руки к Зурдану.

— Ее я тоже привел, — сказал Мантелл. — Она твоя. Она все объяснит сама. Между ней и мной никогда не было ничего серьезного, Бен. Выходи оттуда! Не предавай Стархевен. Не предавай все, что ты создал, все, что ты замыслил. И из-за чего все это? Ради чего?

Мантелл увидел, что слова его подействовали. Губы Зурдана задрожали, его глубоко посаженные суровые глаза забегали из стороны в строну, потерянные и смущенные.

Бедный Бен, подумал Мантелл с подлинной жалостью. Печально видеть, как такого человека водят за нос, словно малого ребенка.

Рука Зурдана потянулась к выключателю, на лице отразилась внутренняя борьба. Затем быстрым конвульсивным движением он резко опустил рубильник, уничтожив экранирующее поле, которое служило барьером вокруг комнаты. Последовало томительное ожидание. Мантелл услышал, как щелкнул замок, потом дверь медленно распахнулась.

Зурдан вышел!

Он шел нетвердо, спотыкаясь и покачиваясь, точно могучий дуб перед падением. Удивительно тихим голосом, каким говорят, чтобы не разразиться истерическим хохотом, он сказал:

— Ладно, Джонни. Давай сюда экран.

Мантелл бросил ему никчемную модель. Зурдан подхватил ее своей громадной ручищей.

— Нацепи ее на пояс, — сказал Мантелл. — Чуть ниже. Вот теперь хорошо.

Майра тихо всхлипывала за его спиной. Теперь Мантелл не испытывал страха, его охватило холодное, леденящее спокойствие. Он внимательно следил, как бережно примеряет Зурдан свое новое снаряжение.

— Иди сюда, Майра, — промурлыкал Бен. — Иди ко мне.

— Одну минуту, Бен, — Мантелл встал между Зурданом и девушкой. — Сначала давай испытаем эту штуку. Или ты не хочешь опробовать ее в деле?

Глаза Зурдана вспыхнули.

— Какого черта?!

Мантелл вытащил портативный сварочный резак.

— Ты ведь мне веришь, Бен, правда?

— Само собой, Джонни. Я верю тебе. А теперь вдобавок и проверю.

Внезапно он осознал, что его обвели вокруг пальца, выманив из неприступного убежища комнаты управления. Зурдан двинулся на них с кровожадным блеском в глазах.

Мантелл выждал немного и включил газовую горелку.

Послышался шипящий звук, потом вспыхнула дуга, вырвалось яркое пламя и окатило Зурдана струей огня. Тот взвыл и отпрянул прочь, размахивая руками, будто отбиваясь. Он сделал последний тяжелый шаг, словно человек, упорно движущийся через море кипящей патоки. Он даже не успел понять, что произошло.

Раздался крик, и Бена Зурдана не стало. Он умер, пойманный в ловушку, словно громадный горный медведь.

Мантелл отвернулся от поверженного врага. На душе его было пакостно и мерзко.

— Прости, Бен, — сказал он тихо. — Ты бы никогда не понял, почему мы должны были это сделать. Тебе это не дано.

Беглый взгляд на датчики сказал Мантеллу, что защитные экраны сняты по всему Стархевену. Зурдан убрал их еще до того, как закончил разговор с командующим Космическим патрулем. Впервые за много лет неприступная планета была совершенно открыта для нападения Космического патруля.

Мантелл нажал кнопку коммуникатора и, когда оператор автоматически произнес: «Да, господин Зурдан», — Мантелл сказал:

— Это не Зурдан. Говорит Джонни Мантелл. Соедините меня с линией, по которой шел разговор минуту назад — со Ставкой главнокомандующего Космическим патрулем на Земле. Зурдан беседовал с главнокомандующим Вайтстоном.

На установление субрадиосвязи ушло секунд десять, за это время сигналы перекинулись через серое небытие гиперпространства, нашли адресат и возвратились назад.

Засветился видеоэкран. На нем вновь возникло лицо Вайтстона.

— Флот уже в пути, Зурдан, — незамедлительно начал Космический патрульный. — Не говорите мне, что вы передумали, или что...

Он замер.

— Зурдан мертв, — быстро проговорил Мантелл. — На Стархевене произошло нечто вроде революции, и я ответствен за ситуацию. Меня зовут...

— Мантелл? — Внезапно перебил его главнокомандующий. — Ты жив, Мантелл? Тогда почему столько времени не давал о себе знать? Что с тобой было, парень?

Ошарашенный Мантелл во все глаза смотрел на изображение видеоэкрана. Когда он заговорил, его голос звучал, как карканье вороны:

— Что вы сказали?! Откуда вы меня знаете?

— Откуда знаю? Я сам давал тебе это задание, Мантелл. Мы перебрали всех патрульных, прежде чем остановили выбор на тебе. Ты как нельзя лучше подходил для этой роли.

Пол поплыл из-под ног Мантелла. Он сделал неверный шаг назад, нащупал то, что служило Зурдану креслом, и бессильно плюхнулся в него.

— Вы говорите, что я был в патруле?

— В четырнадцатом взводе Земного Сектора, — последовал безапелляционный ответ. — И мы выбрали тебя для засылки на Стархевен, снабдив предварительно ложными воспоминаниями. Это была новинка нашего разведывательного отдела, специально созданная, чтобы ты прошел зурданову психопробу.

— Это неправда...

— Мы придумали тебе легенду и внедрили ее под гипнозом в твое сознание с постгипнотическим приказом, запрещающим проявиться настоящей личности еще двадцать четыре часа после того, как тебя подвергнут психопробе.

— Джонни, о чем он говорит? — удивленно спросила Майра.

— Хотел бы я сам знать это, — глухо отозвался Мантелл.

— Что с тобой, Мантелл? Ты только что заявил, что полностью контролируешь Стархевен. Ты отлично поработал, парень! Меньше чем через час прибудет флот, чтобы начать чистку.

— Похоже, вы меня не поняли, — сказал Мантелл безжизненным голосом. — Что-то не сработало. Я так и не вспомнил свое истинное лицо. Я ничего не знаю о своей службе в Космическом патруле и о своем задании. Насколько мне известно, я семь лет

бродяжничал на планете Мульцибер, а перед этим работал техником по защитным экранам на Земле.

— Да, да, конечно, все это так — собственную личность мы тебе вернем, восстановим. Ты действительно специализировался на защитных экранах, но...

— Но я не помню никакого Космического патруля! — запротестовал Мантелл. — Для меня реально только то, что я помню.

Космический патрульный долго молчал.

— Они уверяли меня, что обработка прошла успешно и что ты вернешь свою личность сразу же после окончания психопробы, — сказал он наконец.

— Этого не произошло.

— Еще не все потеряно. Мы все исправим. Наши психохирурги вернут тебе собственную личность сразу же по возвращении на Землю.

Мантелл встряхнул головой, стараясь оценить притягательность того, что сулил ему Вайтстон.

Комната, Майра, изображение Вайтстона, Стархевен и наконец Вселенная — все вокруг стало чудовищно нереальным, будто смотришь на мир через призму и все предметы приобретают странный пурпурный оттенок. Казалось, все происходит во сне, в кошмарном сне.

Майра стала рядом, касаясь его рукой.

— Это правда? — спросила она. — Или новая уловка Космических патрульных?

— Не знаю, — пробормотал Мантелл. — Я сейчас вообще ничего не знаю.

— Это только доказывает, — сказал Вайтстон, — что наш замысел удался на славу. Достиг ты цели сознательно или нет, — это неважно, но факт остается фактом: твоя миссия выполнена, Мантелл. Экраны Стархевена опущены. Через час туда прибудет эскадрон Космического патруля и очистит эту мировую помойку. Благодарю, Мантелл!

— Я в этом не уверен, — сказал Мантелл, взвешивая каждое слово и выговаривая слова отчетливо, слог за слогом.

— Что ты сказал?

Не отвечая, Мантелл устало откинулся в кресле и позволил потоку видений заполнить его мозг.

Дни работы в «Клингсановых защитных» на Земле, долгие годы бродяжничества на Мульцибере, когда приходилось перебиваться с хлеба на воду, клянчить на выпивку.

А теперь этот чудаковатый маленький человечек в форме Космического патруля пытается втолковать ему, что все это нереально, не имеет смысла, что все воспоминания были искусственно подса-

жены в его сознание, внедрены туда умелыми психохирургами с целью проникновения Космического патрульного в неприступную крепость Бена Зурдана — Стархевен.

Что ж, возможно, так оно и было. Вполне возможно.

Но для Мантелла эти воспоминания были реальными. Для него это была жизнь, которой он жил. Страдания, которые он вынес, были реальностью, как если бы они имели место в действительности.

И реальностью был Стархевен.

А Космический патруль, подумал он, был смутным сном, сверкающим мыльным пузырем нереальности, ненавистным врагом.

Где все это началось? Неужели он действительно убил человека на Мульцибере и прилетел на Стархевен в украденном корабле? Или его выбросили в какой-то точке пространства, после того как обработали его разум, и пустили за ним по пятам два беспилотных космических корабля, преследовавших его до самого Стархевена.

Наступил момент выбора. Он понимал, что может вернуться на Землю, и Мульцибер со всеми последующими невзгодами и злоключениями счистят с его сознания, словно кожуру с лука. И вновь появится белая косточка — честный и неподкупный солдат Космического патруля. Это один путь.

В другом случае он останется здесь, с Майрой...

— Мантелл, с тобой все в порядке? — громко спросил с экрана Вайтстон. — Твое лицо здорово побледнело.

— Я думаю, — заявил Мантелл.

Он размышлял о Бене Зурдане и о том, что сделает Патруль со Стархевеном, когда они наконец-то прорвут его оборону. Двадцать миллионов беглецов предстанут перед судом, и справедливость восторжествует во всей галактике.

Но разве это так однозначно?

А что, если оставить Стархевен таким, какой он есть, — прибежищем беглых преступников, где будет править он, Мантелл, Майра и те, кто никогда не нарушал законов. Может, им удастся постепенно превратить металлическую крепость Бена Зурдана в планету реабилитации — не вдаваясь в подробности прошлого тех, кого надо реабилитировать.

Это показалось Мантеллу лучшей перспективой, чем открыть планету Космическому патрулю. Куда лучшей.

— Передайте своему флоту, чтобы поворачивал и убирался домой, Вайтстон, — очень тихо проговорил Мантелл.

— Что?!

— Я говорю, что вы можете сберечь уйму времени. Потому что когда ваш флот прибудет сюда, то обнаружит, что Стархевен остался таким же неприступным, как и раньше. Я решил остаться

здесь, Вайтстон. Я снова установлю экраны. И Стархевен, как и прежде, будет чихать на остальную галактику.

— Мантелл, опомнись, это безумие! Ты Космический патрульный, уроженец Земли. Где твоя верность? Где твое чувство долга? Мантелл!!!

Мантелл улыбнулся.

— Долг? Верность? Я Джонни Мантелл со Стархевена, а прежде — с Мульцибера, спившийся и недисциплинированный служащий «Клингсановых защитных экранов». Вот, что говорит мне моя память, и вот что я собой представляю. И я не отдам Стархевен в руки Космического патруля.

Он провел языком по сухим губам и умудрился изобразить улыбку. Вайтстон недоверчиво уставился на него и начал было что-то говорить, но Мантелл протянул руку и выключил экран, лицо главнокомандующего заметалось в электрическом вихре и исчезло.

Внезапно Мантелл почувствовал, что смертельно устал.

«А вправе ли я так поступать?» — подумал он.

«Да!» — ответил он самому себе.

Собиралась гроза. Снаружи раздался раскат грома. И предназначался он этим утром только двоим — только двоим на Стархевене предназначался этот гром, он принес с собой дождь, омывший планету, уничтоживший пыль прошлого и оставивший все чистым, ярким и новым.

Ему улыбнулась Майра.

Он подался вперед и опустил главный рубильник. В тот же миг стрелки индикаторов ожили. Снова Стархевен окружила неприступная сеть силовых заслонов, снова они были надежно защищены снаружи.

С восстановлением силового щита, подумал Мантелл, начинается самый грандиозный эксперимент по искоренению преступности за всю историю галактики. На планете, где нет законов, закоренелые рецидивисты Вселенной превращаются в нормальных граждан, изолированных только от остальной галактики. Стархевен станет гигантской исправительной тюрьмой, только добровольной.

Тихо забарабанил начавшийся дождь. Мантелл притянул Майру к себе и сразу же отпустил. Всему свое время.

— Свяжись с другими членами Временного правительства Республики Стархевен и сообщи им, что Зурдан мертв, — сказал он ей. — Нам всем предстоит много работы.

ПРЫГУНЫ ВО ВРЕМЕНИ

РОМАН

Глава первая

Говорят, в перенаселенном мире есть своя прелесть. Сомкнутые шеренги хрустальных башен городов, раз и навсегда отлаженный ритм колышущейся толпы на движущихся тротуарах, танцующие солнечные блики на миллионе переливчатых костюмов на любой из огромных площадей — именно во всем этом, как утверждали ценители прекрасного, заключалась красота мира.

Квеллен не был эстетом. Он был мелким чиновником, скромным государственным служащим с нормальными умственными способностями и наклонностями. Он видел мир таким, каким он ему представлялся в 2490 году, и находил его отвратительным. Квеллен был не способен отыскать красоту современности в страшном перенаселении, он ненавидел его. Принадлежи он к первому разряду служащих или хотя бы ко второму, он, возможно, был бы в состоянии лучше оценить современную эстетику, потому что ему бы не пришлось жить прямо посреди этих красот. Но Квеллен принадлежал к седьмому разряду. А служащему седьмого разряда мир представляется совершенно иначе, чем второго.

И все же, если учитывать все факторы, Квеллену было не так уж и плохо. У него были кое-какие блага. Правда незаконные, добытые взятками и обманом. Строго говоря, то, что совершил Квеллен, заслуживало всяческого осуждения, ибо то, чем он владел, ему положено не было. Не имея на это никакого права, он прикарманил себе укромный уголок планеты, будто он был членом Верховного Правления — то есть имел, скажем, разряд первый или второй. Поскольку на Квеллена не возлагалась ответственность члена Верховного Правления, то он и не заслуживал причитавшихся в этом случае привилегий.

Тем не менее он владел этими привилегиями. Это было несправедливо, преступно, аморально. Но каждый человек рано или поздно начинает потакать своему характеру. Как и любой другой,

Квеллен начинал с высоких замыслов высоконравственного поведения. Как почти все остальные, он научился отказываться от них.

Дзинн-нь!

Это был предупредительный звонок. Он, Квеллен, кому-то там потребовался в несчастной перенаселенной Аппалачии. Квеллен оставил звонок без внимания. Он был настроен благодушно и не удосужился прекратить звон, просто ответив на вызов.

Дзинн-нь! Дзинн-нь! Дзинн-нь!

Звук не был настойчивым. Он просто докучал, тихий и мелодичный, звук обитого войлоком молоточка по бронзовому диску. Квеллен, не обращая на него внимания, продолжал спокойно раскачиваться в пневмокресле, наблюдая, как сонные крокодилы плещутся в мутной воде, омывавшей его крыльцо.

Дзинн-нь! Дзинн-нь!

Через какое-то время звон прекратился. Квеллен сидел, пребывая в состоянии сладостного покоя, вдыхая пряный аромат растущей вокруг зелени и слушая, как в воздухе жужжат насекомые.

Это непрерывное жужжание отвратительных насекомых, которыми кишел теплый застывший воздух, причиняло Квеллену известные неудобства. В какой-то мере они были для него символами жизни, которую он вел раньше, до того, как был переведен в седьмой разряд. Только тогда вместо жужжания насекомых его окружал гул людей, копашащихся в громадном улье города. Квеллен ненавидел его. В Аппалачии, разумеется, не было настоящих насекомых. Просто этот символический гул...

Он поднялся, подошел к ограждению и стал вглядываться в воду. Это был мужчина, совсем недавно достигший средних лет и чуть-чуть выше среднего роста, более худой, чем был когда-то, с буйной каштановой шевелюрой, широким лбом и добрыми, не то зелеными, не то голубыми глазами. У него были тонкие, плотно сжатые губы, что придавало бы ему решительный вид, не будь у него столь неразвитого подбородка.

От нечего делать он бросил в воду камень. «Возьми!» — крикнул он, глядя на то, как два крокодила бесшумно скользнули к потревоженному месту в надежде схватить жирный кусок полупережеванного мяса. Но камень утонул, пустив наверх черные пузыри, и крокодилы разочарованно уплыли в сторону. Квеллен рассмеялся.

Хорошо жить здесь, в дебрях Тропической Африки. Насекомые, черная грязь, влажный воздух. Даже страх разоблачения только поддерживал эту уверенность.

Квеллен стал составлять в уме перечень своих благ. «Марек? — подумал он. — Марек. Здесь его нет. Так же, как и Колла, Спеннера, Брогга, Десуарда. Никого из них! Но главное, что здесь нет Марека!»

Какое это блаженство иметь возможность бывать здесь и не слышать их зычных голосов, не вздрагивать всякий раз, когда они врываются в его кабинет! Разумеется, безответственно и аморально с его стороны так относиться к своему делу, он стал чем-то вроде современного Раскольникова, попирающего все законы. Квеллен признавал это. И все же он часто повторял себе, что жизненный путь — это тот путь, который дается совершить только один раз. И в конце уже не имеет значения то, что часть этого пути он прошел по первому разряду.

В этом понимании заключалась подлинная свобода.

И самое лучшее из всего — это быть подальше от Марека, столь ненавистного ему соседа по комнате. Не нужно беспокоиться о неубранной посуде, о разбросанных по всей комнате, которую он с ним делил, книгах, о его сухом гортанном голосе, когда он говорит по визиофону, а Квеллен в это время пытается сосредоточиться.

Нет, Марека здесь нет!

«И все же, — с печалью подумал Квеллен, — тот покой, к которому он стремится, устраивая свой новый дом, почему-то не материализовался. Так и все в этом мире — чувство удовлетворения исчезает куда-то, как только добиваешься желаемого».

Многие годы он терпеливо ждал того дня, когда достигнет седьмого разряда и ему будет положено жить одному. Этот день настал, но он не почувствовал удовлетворения. И поэтому пришлось заиметь для себя кусочек Африки. А теперь даже здесь жизнь — синюшная цепь страхов и тревог.

Он бросил в воду еще один камень.

Дзинн-нь!

Глядя на концентрические круги, расходящиеся веером по темной поверхности реки, Квеллен осознал еще раз, что предупреждающий звон раздается на другом конце его дома.

Дзинн-нь! Дзинн-нь! Дзинн-нь!

Охватившее его беспокойство превратилось в дурное предчувствие. Он поднялся с кресла и спешно направился к визиофону.

Дзинн-нь!

Квеллен включил аппарат, но только звук, без изображения. Было совсем не просто устроить так, чтобы любой звонок в его дом там, в Аппалачии, за полмира отсюда, автоматически передавался сюда, в Африку.

— Квеллен! — произнес он, глядя на пустой серый экран.

— Говорит Колл, — раздался потрескивающий ответ. — Никак не могу дозвониться до вас. Почему вы не включите изображение, Квеллен?

— Не работает, — ответил Квеллен, надеясь, что ищейка Колл, его непосредственный начальник по Секретариату преступности, не почует фальшь в его голосе.

— Побыстрее приходите сюда, Квеллен. Спеннер и я имеем для вас нечто срочное. Вы слышите, Квеллен? Неотложное дело, связанное с Верховным Правлением. Оно здорово на нас давит.

— Да, сэр. Что-нибудь еще, сэр?

— Нет. Подробности мы изложим вам, когда вы будете здесь. А быть здесь необходимо немедленно! — Колл решительно выключил визиофон.

Некоторое время Квеллен глядел на пустой экран. Душу его охватывал ужас. Неужели это вызов в ставку для обсуждения его в высшей степени незаконного, преступного, эгоистического поведения? Неужели он в конце концов разоблачен? Нет! Это невозможно. Они не могли обнаружить это. Он все предусмотрел.

Но его не покидала мысль о том, что они, должно быть, открыли его тайну. С чего бы это Коллу так срочно вызывать его, да еще таким приказным тоном? Несмотря на кондиционирование, которое нормализовало невыносимую жару Конго, Квеллена прошиб пот.

Его переведут назад, в восьмой разряд, если это обнаружится. Или, что еще более вероятно, отбросят еще ниже, куда-нибудь в двенадцатый или даже в тринадцатый разряд. А это уже будет означать, что придется расстаться с надеждой на продвижение. Он будет обречен на то, что остаток жизни придется провести в каморке с двумя или тремя чужими людьми, с самыми надоедливыми и неприятными субъектами, которых только сумеет отыскать для него компьютер.

Квеллен стал успокаивать себя. Возможно, для его тревоги нет причин. Колл сказал, что дело связано с Верховным Правлением, не так ли? Директива свыше, а не частное дело. Когда он будет разоблачен, за ним никто не будет посылать. В этом Квеллен был уверен. За ним просто придут! Значит, это что-то связанное с его работой. На мгновение перед его мысленным взором предстали члены Верховного Правления, загадочные полубоги, не менее трех метров ростом, снизошедшие в своих непостижимых деяниях до него, Квеллена.

Он не спеша обвел взглядом зеленые, свешивающиеся под бременем листвы ветви деревьев, на которых еще блестели капли утреннего дождя. Обвел, не без сожаления, взглядом две просторные комнаты, роскошное крыльцо, раскинувшийся перед ним ландшафт. Каждый раз, когда он покидал этот дом, у него было такое ощущение, будто он делает это в последний раз. На какое-то мгновение мысль о том, что это может быть потеряно навсегда, почти примирила его с жужжанием мух. Он бросил прощальный взгляд на реку и шагнул к стасису. Фиолетовое поле окутало его и засосало в машину.

Квеллен был поглощен машиной. Спрятанные силовые генераторы стасиса были соединены напрямую с центральным генерато-

ром, который, никогда не останавливаясь, вращался на дне Атлантического океана, вырабатывая тета-волны, способствующие стасис-транспортировке. Что такое тета-волны? Этого Квеллен не знал. Он имел смутное представление о теории электричества, хотя оно и существовало задолго до его рождения. Он принимал его как должное и так же относился к стасис-полю. Если случится хоть малейший сбой в работе устройства, то атомы, на которые расщепится тело Квеллена, будут заброшены в какой-нибудь дальний угол Вселенной и никогда более не рекомбинируются, однако о подобной возможности никто не задумывался.

Действие аппаратуры было мгновенным. Тело Квеллена было переброшено через полпланеты и воссоздано на новом месте. Столь же быстро его нервная система возродилась к жизни.

Никто не задумывался над тем, как происходит процесс стасис-транспортировки. Им просто пользовались. Другие способы перемещения могли только вызвать физические и нравственные страдания.

* * *

Квеллен материализовался в крохотной квартирке для граждан Аппалачии седьмого разряда, где, как считалось, он проживал. Его ждали несколько писем. Он пробежал их взглядом — главным образом крикливые рекламы, хотя в одной из бумажек говорилось о том, что к нему приходила его сестра Хелейн. Квеллен почувствовал за собой нечто вроде вины. Хелейн и ее муж были пролетариями, которых сломила суровая реальность. Он часто жалел о том, что не может им помочь, их неудачи только способствовали росту его угрызений совести. Да и чем, собственно, он мог им помочь? Он предпочитал оставаться в стороне.

Быстрыми заученными движениями он сбросил с себя одежду для отдыха и облачился в жесткую рабочую форму. Снял с двери табличку «Не беспокоить». Таким вот образом он превращался из Джо Квеллена, владельца незаконного укромного уголка в самой глуши одного из секретных африканских заповедников, в Джозефа Квеллена, чиновника уголовного департамента, непоколебимого поборника законности и правопорядка. Он вышел из дома. Лифт вынес его через бесконечные этажи на расположенную на десятом этаже посадочную площадку монорельсовой дороги. Стасис-транспортировка в черте города была технически невозможна, и Квеллен очень сожалел об этом.

К рампе скользнул один из вагончиков, и Квеллен мужественно окунулся в тесноту плотно прижавшихся друг к другу людей. Он всем своим телом ощущал мощь машины, уносившейся из здания в сторону центра города, где его ждал Колл.

Здание уголовного департамента считалось шедевром архитектуры, по крайней мере так утверждали работники департамента.

Восемьдесят этажей, увенчанных башнями со шпилями, и темно-красные стены, отделанные под песчаник, сверкали, как маяк, когда освещались снаружи. Здание имело корни. Квеллену было неизвестно, сколько у здания подземных этажей, и он подозревал, что этого не знает никто, кроме разве что некоторых членов Верховного Правления. Бесспорно известно было, что имелись двадцать подземных этажей, которые занимал вычислительный центр и под ним архив, а еще глубже — восемь этажей, занятых под помещения для допросов. Некоторые говорили, что существовал еще один компьютер, занимавший сорок этажей в глубине под помещениями для допросов. Были и такие, которые утверждали, что именно этот вычислительный центр настоящий, тогда как тот, что размещался выше, служил для красоты и как бы для прикрытия. Может быть. Квеллен не пытался докапываться до таких вопросов. Насколько ему самому было известно, Верховное Правление заседало на секретных совещаниях на глубине ста этажей от уровня поверхности, на которой стояло само это здание. Он не хотел привлекать к этому любопытства других, а это означало установление предела своему собственному.

Мелкие канцелярские служащие уважительно кивали Квеллену, когда он проходил между тесными рядами их столов. Он улыбался, так как мог позволить себе снисходительность. Здесь у него было положение. СЕДЬМОЙ РАЗРЯД кое-что значил. У них был четырнадцатый или пятнадцатый разряд. Парень, который выбирал бумаги из корзины, имел, наверное, двадцатый. Для этих людей он был человеком очень высокого положения, по сути доверенным лицом приближенных к Верховному Правлению, личным приятелем самих Дантона и Клуфмана. «Все было делом перспективным», — подумал Квеллен. На самом же деле он только один раз, и то мельком, видел Дантона, не будучи уверен в этом на все сто процентов. Что же касается Клуфмана, то у него были серьезные сомнения в том, существует ли он на самом деле.

Энергично взявшись за дверную ручку, Квеллен выждал, пока сканирующее устройство произведет его идентификацию. Дверь во внутреннее помещение отворилась. Он вошел и увидел внутри сгорбившихся над столом людей. Маленький остроносый Мартин Колл, у которого был вид какого-то гигантского грызуна, сидел лицом к двери и просматривал пачку мини-карточек. Леси Спеннер, другой начальник Квеллена, сидел напротив него за полированным столом, нагнув свою бычью шею над еще большей кипой докладных записок. Как только в комнату вошел Квеллен, Колл протянул руку к стене и быстрым нервным жестом переключил подачу кислорода на троих вместо двоих.

— Весьма подзадержались, Джозеф, — произнес он, не поднимая головы.

Квеллен вспыхнул от возмущения. У Колла были седые волосы, серое лицо и такая же сумрачная душа. Квеллен страстно ненавидел этого человека.

— Простите, — сказал он. — Мне нужно было переодеться. Я ведь был свободен от работы.

— Что бы мы ни сделали, это ничего не изменит, — буркнул Спеннер, будто никто не вошел и ничего не было сказано. — Что случилось, то случилось, и все, что мы знаем, уже ничего не изменит. Понимаете? От этого мне хочется крушить все на свете! Бить и ломать!

— Садитесь, Квеллен, — небрежно произнес Колл и повернулся к Спеннеру, крупному мужчине с изборожденным морщинами лбом и выпуклыми чертами лица. — Я считал, что с этим мы уже давно покончили. Учтите, что если мы вмешаемся, все окончательно запутается. При необходимости покрыть почти пятьсот лет мы перевернем вверх тормашками всю структуру. Это же абсолютно ясно.

Квеллен издал тихий вздох облегчения. О чем бы сейчас ни шла речь, ясно одно, о незаконном африканском убежище пока что никто не знает. Судя по всему, они говорили о перебежчиках во времени, так называемых прыгунах. Хорошо! Он более внимательно посмотрел на обоих начальников, теперь, когда его глаза больше не затуманивал страх и ожидание унизительного наказания. Колл и Спеннер, очевидно, спорили уже довольно давно. У Колла был глубокий ум. Он был человеком подвижного, нервного типа, который подобно птицам был все время в действии. Но Спеннер обладал большей властью. Говорили, что у него были связи в самых высоких сферах, вплоть до верховных.

— Ладно, Колл, — хмыкнул Спеннер, — я даже допускаю, что это перепутает прошлое. Считаю, что так может произойти.

— Ну что ж, это уже что-то, — кивнул коротышка.

— Не перебивай меня! И все же я думаю, что мы должны положить этому конец. Мы не в состоянии переделать то, что уже сделано, но мы можем резко сократить это в текущем году. По сути дела, даже обязаны!

Колл бросил злобный взгляд в сторону Спеннера. Квеллену стало понятно, что его собственное присутствие было единственной причиной, по которой Колл сдерживает тот гнев, который скрывался за этим взглядом. Они изрыгали бы друг на друга проклятия, не окажись сейчас в комнате такая мелкая сошка, как Квеллен.

— Почему, Спеннер, почему? — настаивал Колл тоном, который считал для себя умеренным. — Если мы предоставим процессу идти так, как он идет сейчас, мы сохраним все, как оно есть. Четыре тысячи их ушли в 86-м, девять тысяч — в 87-м, пятьдесят тысяч — в 88-м. И когда у нас будут данные за прошлый год, то

уверен, что цифры будут еще выше. Смотрите — вот здесь говорится, что в первые восемьдесят лет прибыло более миллиона прыгунов, и после этого цифры продолжали расти. Подумайте о населении, которое мы теряем! Это же замечательно! Мы просто не можем позволить этим людям оставаться здесь, когда у нас есть возможность от них избавиться. И история говорит о том, что мы действительно от них избавились.

— История также говорит о том, что они перестали возвращаться в прошлое после 2491 года. Это означает, что мы перехватили их в следующем году, — заметил Спеннер. — Я имею в виду, что мы перехватим их в следующем году. Это предопределено. У нас нет другого выбора, кроме как повиноваться. Прошлое — это закрытая книга.

— Серьезно? — рассмеялся Колл, хотя это был скорее отрывистый лай. — А что будет, если мы не сделаем этого? Что, если прыгуны продолжат возвращаться назад?

~~Х913~~1р*Н ведь этого пока что не произошло. Мы знаем это. Все прыгуны, которые достигли прошлого, сделали это за 2486—2491 годы. На этот счет существуют документы, — упрямо держался за свое Спеннер.

— Документы могут быть сфальсифицированы.

— Верховное Правление хочет, чтобы это перемещение прекратилось. Почему я должен с вами спорить, Колл? Вы хотите проигнорировать историю? Ну что ж, это ваше личное дело, но проигнорировать заодно и ИХ мнение? На это у вас нет никакого права!

— Но очистить мир от миллионов пролетариев...

Спеннер что-то буркнул себе под нос и еще сильнее сжал мини-карточки, находившиеся в его руках. Квеллен, чувствуя себя здесь лишним, переводил взгляд то на одного, то на другого начальника.

— Ладно, — успокоился Спеннер, — я согласен с вами, что было бы прекрасно продолжать терять всех этих прощелыг. Даже несмотря на то, что, как нам кажется, эта потеря должна вот-вот прекратиться. Вы утверждаете, что нам нужно сделать так, чтобы она продолжалась, иначе это изменит прошлое. Я придерживаюсь противоположного мнения. Но пусть будет по-вашему. Я не собираюсь оспаривать это мнение, поскольку верю в вашу компетентность. Более того, вы считаете, что неплохо было бы воспользоваться всем этим делом, чтобы уменьшить численность населения. Я здесь тоже заодно с вами. Мне перенаселенность не нравится, как и вам. И я признаю, что ныне сложилась довольно нелепая ситуация. Но задумайтесь вот над чем: нас водят за нос. Потому что кто-то, кто заправляет этими путешествиями у нас за спиной, делает это в нарушение закона и этики, так же, как и

многого другого. И их необходимо прекратить. Как вы смотрите на это, Квеллен? Ведь в конце концов за это должен отвечать ваш отдел, не правда ли?

Неожиданное обращение к нему встряхнуло Квеллена. Он все еще не знал, какую линию поведения избрать в этом споре. Да у него и не было полной ясности насчет предмета этого спора. Он кисло улыбнулся и покачал головой.

— У вас еще не сложилось собственное мнение? — уничтожающим тоном спросил Колл.

Квеллен посмотрел поверх голов сидящих за столом. Он был не в состоянии смотреть прямо в жестокие бесцветные глаза Колла и поэтому остановил свой взор на каком-то пятне на дальней стене. Он продолжал молчать.

— Значит, нет мнения, а, Квеллен? Это очень плохо. И говорит не в вашу пользу. Учтите это.

Квеллен едва смог унять дрожь.

— Боюсь, что я не в курсе последних данных в отношении прыгунов во времени, сэр. Как вы знаете, я был очень занят некоторыми проектами, которые...

Голос его стал заплетаться, он почувствовал себя полным идиотом. «Должно быть, моим помощникам что-то известно о сложившейся ситуации. О боже! Почему же тогда я не удосужился проверить, чем занимается Брогг? Но разве можно объять необъятное?» — вихрем пронеслось в голове Квеллена, но лицо продолжало хранить маску невозмутимости.

— Вам известно, что тысячи пролетариев исчезли неизвестно куда с начала года, Квеллен? — повысил голос Колл.

— Нет, сэр. То есть, я хотел сказать, разумеется, сэр. Безусловно. Только вот у нас не было возможности предпринять какие-либо эффективные действия.

Никчемность собственных слов напугала его. «Очень неубедительно, Квеллен, очень неубедительно, — подумал он. — Разумеется, вам ничего не известно об этом, если вы проводите все свое свободное время в самом прелестном уголке земного шара, по ту сторону океана. Но ведь Стенли Броггу, по-видимому, известны малейшие подробности этого. Ему нельзя отказать в добросовестности».

— Ну так куда же, по-вашему, они подевались? — продолжал Колл. — Может быть, вы думаете, что они все попрыгали в стасис-кабины и разбежались кто куда в поисках работы? Может быть, в Африку?

Колкость была напитана ядом. Квеллен был готов стушеваться, но до него вовремя дошло, что Колл спросил наугад. Он постарался скрыть свою реакцию и как можно спокойнее ответил:

— Понятия не имею, сэр.

— Значит, вы очень плохо читали учебники истории, Квеллен! Подумайте, какое наиболее значительное событие произошло за последние пять столетий?

Квеллен постарался сосредоточиться. Что же такое произошло в мире неординарного? Дружеское соглашение между великими державами? Приход к власти Верховного Правления? Ликвидация государств? Открытие стасис-поля? Он ненавидел Колла за то, что тот выставляет его сейчас в качестве глупого школьника. Квеллен знал, что он далеко не дурак, каким бы глупым он ни казался, когда его вытаскивали «на ковер». Он был достаточно компетентным. Но сердцевиной его существа была его уязвимость, его тайное преступление, а это означало, что внутри у него было тесто. Его стал прошибать пот.

— Не уверен, что собственно вы имеете в виду, задавая этот вопрос, сэр.

Колл небрежно повернул переключатель, добавляя кислорода в комнату почти что оскорбительным жестом доброжелательности. В комнате зашипел свежий газ.

— Тогда я скажу вам, — усмехнулся Колл. — Это прибытие прыгунов. А сейчас как раз та эпоха, откуда они появились.

— Разумеется, — согласился Квеллен. Каждому было известно о прыгунах, и теперь он досадовал, что он сам не сумел предложить Коллу столь очевидный ответ.

— Кто-то изобрел путешествие во времени в последние годы, — вступил в разговор Спеннер. — Он начинает перекачивать прыгунов во времени назад, в прошлое. Уже ушли тысячи безработных пролетариев, и если мы его не поймаем в ближайшее время, он затопит прошлое матающимися по стране безработными.

— А я о чем толкую? — встрепенулся Колл. — Нам известно, что они уже прибыли в прошлое. Так гласят книги по истории. Теперь мы можем сидеть сложа руки, позволяя этому парню разбрасывать наши отбросы по всем предыдущим столетиям.

Спеннер развернулся лицом к Квеллену.

— Ваше мнение? — требовательным тоном произнес он. — Следует ли нам выполнять распоряжение Верховного Правления, обложить этого парня и приостановить уход прыгунов? Или сделать так, как предлагает Колл, и пусть все продолжается, что означает не только неповиновение ИМ, но и игнорирование истории?

— Мне нужно время, чтобы изучить вопрос, — настороженно произнес Квеллен. Ему меньше всего хотелось попасть в такое положение, при котором он будет вынужден вынести суждение в пользу одного из своих начальников в противовес другому.

— Позвольте мне сейчас направить вас по верному пути, — сказал Спеннер, искоса глядя на Колла. — Мы получили инструкции непосредственно от Верховного Правления и оспаривать их бесполез-

но. Как прекрасно известно Коллу, сам Клуфман интересуется этим вопросом. Ваша задача — определить местонахождение незаконного узла деятельности, связанной с путешествиями во времени, и взять его под контроль государства. Если вы, Колл, возражаете, то вам лучше всего апеллировать к Верховному Правлению.

— У меня нет возражений, — хмуро произнес Колл. — Квеллен?

— Что, сэр? — съежившись, произнес Квеллен.

— Вы слышали, что сказал мистер Спеннер? Приступайте, и как можно быстрее. Выследите этого парня, который переправляет прыгунов, и уберите его, но только после того, как выведаете у него его тайну. Верховному Правлению необходимо располагать контролем над тем, что происходит. И приостановить противозаконную деятельность. Понимаете? Это все поручается вам, Квеллен!

С этим его и отпустили.

Глава вторая

Норман Помрат холодно посмотрел на жену и произнес:

— Когда же твой брат сделает что-нибудь для нас, Хелейн?

— Я же тебе сказала: он не умеет!

— Ты подразумеваешь, не хочет?

— Не может. Ты думаешь, что он всесилен? И будь добр, не мешай мне. Я хочу принять душ.

— По крайней мере, ты вежлива, — проворчал Помрат. — Я благодарен за эти маленькие любезности.

Он отошел в сторону. Сохранив в себе крохи скромности, он не стал смотреть, как его жена снимает с себя зеленую блузку. Она скомкала одежду, швырнула ее в сторону и ступила под молекулярный душ. Поскольку она стояла к нему спиной, он позволил себе посмотреть на нее. Скромность — очень полезная штука, считал Помрат. Даже если ты женат одиннадцать лет, нужно дать другому возможность ощутить хоть какое-то уединение в этих вонючих однокомнатках. Иначе можно совсем спятить. Он грыз ногти и время от времени украдкой поглядывал на тощие ягодицы своей супруги.

Воздух в квартире Помратов был затхлым, но он не решался пустить кислород. Он уже выбрал недельный лимит и если нажмет на кнопку, то компьютер коммунальных услуг где-то глубоко под землей выскажется весьма нелестно по его адресу. Помрат подумал, что как раз сейчас его нервы не выдержат, когда он услышит ту чушь, которую понесет компьютер коммунальных услуг. Его нервы вообще находятся на пределе. У него четырнадцатый разряд, что само по себе плохо, и у него нет никакой работы вот уже три

месяца, что еще хуже. А у его зятя — седьмой разряд, что не перестает грызть его. Ну что хорошего сделал для него Джо Квеллен? Этого гнусного типа никогда здесь не было. Он все время уклоняется от выполнения семейных обязанностей.

Хелейн закончила принимать душ. Молекулярный душ обходился без воды. Только тем, у кого десятый разряд и выше, разрешалось использовать воду для целей очистки тела. Поскольку большая часть населения имела одиннадцатый разряд и ниже, то если бы не вездесущие молекулярные ванные, вонь от планеты разносилась бы по доброй половине Галактики. Раздеваешься, становишься перед соплом и ультразвуковые волны искусно отделяют грязь от живой кожи, создавая приятную иллюзию того, что ты чист. Помрат не удосужился отвести взгляд, когда в поле его зрения появилась белизна голого тела Хелейн. Она натянула на себя блузку. Когда-то, он еще помнил то время, ему казалось, что у нее роскошное пышное тело. Тогда он был немного моложе. Затем ему стало казаться, что она понемногу теряет вес. Теперь она была просто худой. Временами, особенно по ночам, она вообще переставала быть для него женщиной.

Он скользнул в пенопластовую люльку, расположенную вдоль одной из стен, и спросил:

— Когда ребята будут дома?

— Через пятнадцать минут. Вот почему я сейчас приняла душ. Ты остаешься здесь, Норм?

— Я ухожу через пятнадцать минут.

— Во дворец грез?

Он хмуро посмотрел на нее. Его лицо, измятое и потрепанное неудачами, постоянно казалось сердитым.

— Нет, — возразил он. — Не во дворец грез. К машине, дающей работу.

— Но ты же знаешь, что машина свяжется с тобой прямо здесь, как только появится хоть какая-нибудь работа для тебя! Так что вовсе не обязательно...

— Я хочу быть там! — с ледяным упорством сказал он. — Я не хочу, чтобы приходили за мной. Я пойду к машине, а потом отправлюсь... во дворец грез, чтобы утопить свои горести.

— Понимаю...

— Черт тебя побери, Хелейн, почему ты не отстанешь от меня? Разве это моя вина, что у меня в работе перерыв? У меня высокий уровень мастерства. Мне положено работать. Есть какая-то нелепая вселенская несправедливость в том, что я остаюсь безработным.

Она хрипло рассмеялась. В тоне ее голоса появились жесткие нотки. Особенно ясно это стало заметно в последние годы.

— У тебя была работа ровно двадцать три недели за последние одиннадцать лет. Все остальное время мы живем на пособие, —

напомнила она мужу. — Ты выбился из двадцатого разряда в четырнадцатый и застрял в нем на долгие годы. Мне уже кажется, что так все и останется, что стенки этой чертовой квартиры превратились уже в клетку, в которой нам суждено провести остаток своих дней. О боже! Если бы ты знал, что у меня на душе! Когда в этой чертовой клетке со мной еще и двое наших детей, мною иногда овладевает страшное желание оторвать у них головки и...

— Хелейн, — спокойно произнес Помрат, — сейчас же прекрати!

К его немалому удивлению, она замолчала. Затем произнесла более спокойно:

— Извини, Норм. Ты не виноват в том, что ты пролетарий. Вот только есть столько разных работ... С твоим мастерством...

— Да, понимаю.

— Я не собираюсь скулить, Норм. Я люблю тебя, ты знаешь об этом. Люблю таким, каков ты есть, — и хорошим и плохим.

— Конечно, Хелейн. Все так.

— Может быть, на этот раз я тоже пойду с тобой во дворец грез? Позволь мне дать наставления детям и...

Он покачал головой. Это неожиданное проявление обожания было очень трогательно, но он достаточно пресытился, видя Хелейн в квартире и днем и ночью. Он не хотел, чтобы она следовала за ним туда, где он может получить свои жалкие удовольствия.

— Не в этот раз, дорогая, — быстро ответил он. — Мне сначала нужно потолкаться у машины, дающей работу. Лучше оставайся здесь. Зайди в гости к Бет Виснек или кому-нибудь еще.

— Ее мужа все еще нет.

— Кого? Виснека? Разве его еще не выследили?

— Предполагают, что он, как это сказать, совершил прыжок. Я имею в виду, что его искали телевектором и другими какими-то способами. Но все было напрасно. Никаких следов. Он исчез по-настоящему.

— И ты веришь в этот бред относительно прыжков? — поднял брови Помрат.

— А почему бы и нет?

— Путешествие во времени? Но ведь это бессмысленно. Я имею в виду, если начать выворачивать мир наизнанку, если спутать направленность, в которой происходят события, Хелейн, я имею в виду...

Она громко рассмеялась.

— Записи говорят, что такое происходит, Норм! Дело расследуется Верховным Правлением. Этим занимается как раз отдел, в котором работает Джо. Норм, как ты можешь говорить о том, что не существует перебежчиков во времени, если люди каждый день куда-то исчезают? Когда Бад Виснек с соседнего яруса...

— Нет никаких доказательств, что он совершил это!

— А куда же он тогда подевался?

— Может быть, сбежал в Антарктиду. А может быть, в Польшу. Хотя нельзя исключить и Марс. Учти, что твой хваленый телевектор может ошибаться, как любой другой прибор. Я не верю, Хелейн, в путешествия во времени. Это не реально, фантазия, что-то из области грез.

Он закашлялся. Что-то в последнее время он стал слишком громко разговаривать. Он подумал о Баде Виснеке, невысоком, лысом, с вечной щетиной на щеках. Неужели он действительно совершил прыжок во времени и исчез где-нибудь в 1999 году?

Некоторое время супруги Помрат как-то неловко глядели друг на друга. Затем Хелейн сказала:

— Скажи мне нечто гипотетическое, Норм. Если ты сейчас выйдешь на улицу и к тебе подойдет человек и скажет, что он занимается перемещением людей во времени и, если тебе угодно, ты можешь вернуться в прошлое и отделаться от всего этого, то... что бы ты ему ответил?

Помрат задумался.

— Я сказал бы ему «нет»! Разве это честно — бросать жену и детей? Может, это и хорошо для Бада Виснека, но я не смог бы уклоняться от своих обязанностей, Хелейн.

Ее серо-голубые глаза вспыхнули, на губах заиграла улыбка, выражающая что-то вроде «Не делай из меня дурочку!»

— Сказано очень благородно, Норм, — произнесла она. — Но я считаю, что ты точно так же исчез бы, предложи тебе кто-нибудь что-либо подобное.

— Можешь думать все, что тебе заблагорассудится. Но поскольку все это всего-навсего фантазия, это не имеет ровно никакого значения. А теперь я хочу заглянуть в бюро трудоустройства. Попробую еще раз потолкаться у машин. Кто знает, может быть, обнаружу, что мне выпал седьмой разряд, как у Джо?

— Может быть, — усмехнулась Хелейн. — Когда же ты вернешься?

— Поздно.

— Норм, не проводи столько времени во дворце грез. Я так волнуюсь, когда ты накачиваешься этой дрянью.

— Я — народ! — он поднял вверх указующий перст. — Мне нужен мой опиум!

Он толкнул ладонью дверь. Она отворилась, издав скрежещущий звук, и Помрат вышел наружу. Коридор был тускло освещен. Чертыхаясь, он стал пробираться к лифту. В коридорах, где живет седьмой разряд, освещение совершенно иное. Он бывал в гостях у Джо Квеллена. Правда, нечасто. Его зять не якшался с пролетариями, даже если это его ближайшие родственники. Но он видел, как чертовски

хорошо живется Квеллену. А кто он есть, если задуматься? В чем состоит его мастерство? Ведь он всего-навсего бюрократ, бумагомарака! Джо Квеллен не умел делать ничего такого, чего не мог бы сделать, и притом гораздо лучше, компьютер. Но тем не менее у Джо была работа, должность, а у него, Помрата, нет.

Он хмуро посмотрел на свое искаженное отражение в отполированной двери лифта. Коренастый, широкоплечий мужчина, которому только-только перевалило за сорок, с густыми бровями и усталыми печальными глазами. Отражение делало его старше, создавая складки под подбородком. «Дайте мне только время», — подумал он. Затем шагнул в овал лифта и помчался к нижнему ярусу огромного жилого комплекса.

«Я делаю свой выбор по своей доброй воле, — оправдывался он перед самим собой. — Я женился на соблазнительной Хелейн Квеллен. У меня есть разрешение на двоих детей. Я выбрал себе профессию по наклонностям. И вот я в одной комнате на четверых, у меня тощая жена и я не гляжу на нее, когда она голая, потому что щажу свои нервы. Квоту кислорода я давно выбрал и сейчас иду нажимать кнопки трудоустраивающей машины, и меня ждет старый, давно знакомый ответ. И тогда я бросаю несколько мелких монет во дворец грез и...»

Помрат задумался над тем, как все-таки он поступит, если какой-нибудь агент, прыгнув во времени, подойдет к нему и предложит билет в более спокойное вчера. Поступит ли он так же, как и Бад Виснек, ухватившись за столь соблазнительный шанс?

«Все это чепуха, — напомнил себе Помрат. — Такой возможности не существует». Прыгуны во времени — плод воображения. Обман, увековеченный Верховным Правлением! Невозможно перемещаться в прошлое. Все, что можно сделать, — это непреклонно двигаться вперед со скоростью одной секунды за секунду.

«Но если такое все же возможно, — спросил сам себя Помрат, — то куда на самом деле отправился Бад Виснек?»

* * *

Когда входная дверь закрылась и Хелейн оказалась одна, она устало опустилась на край многоцелевого стола, расположенного посреди комнаты, и больно закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться. «Он даже не замечал меня, — думала она. — Я принимала душ прямо перед ним, а он меня даже не замечал».

На самом же деле, и Хелейн вынуждена была это признать, это было неправдой. Она следила за своим отражением в медной настенной плите, которая у них сходила за зеркало, и видела, как он украдкой поглядывает на ее тело, когда она стояла перед душем спиной к нему. А затем, когда она голая пересекала комнату, чтобы взять одежду, он снова посмотрел на нее, на этот раз спереди.

Но ничего не последовало. И это было самым обычным. Если бы он ощутил хотя бы искру желания, он наверняка показал бы это. Лаской, улыбкой, поспешным движением руки к кнопке, которая откидывала встроенную в стену кровать... А так он смотрел на ее тело, и ничего не испытывал. Хелейн страдала от этого больше, чем от всего остального.

Ей было почти тридцать семь. Разве она так стара? По статистике, впереди у нее еще семьдесят-восемьдесят лет жизни. И все же она ощущала себя женщиной средних лет. За последнее время она потеряла в весе, и теперь ее тазовые кости торчали, как находящиеся не на своем месте лопатки. Она больше уже не надевала платье с низким вырезом на груди. Она понимала, что перестала вызывать у своего мужа сильное чувство влечения и от этого испытывала боль.

Правду ли говорят люди, что Верховное Правление способствует специальным антисексуальным мерам? Что по распоряжению Дантона мужчины принимают таблетки, вызывающие импотенцию, а женщины получают средства, снижающие чувственность?

Вот о чем перешептывались женщины. Ноэль Колмек сказала, что ей об этом поведал компьютер в прачечной. Нужно верить тому, о чем говорит компьютер, не так ли? По-видимому, машина подключена к самому Верховному Правлению.

Но это было бессмысленным. Хелейн не была гением, но и не была лишена здравого смысла. Зачем это Верховному Правлению заниматься проблемами половых отношений? Уж во всяком случае не в качестве меры по контролю за рождаемостью. Рождаемость контролируется более гуманным способом, вмешательством в процесс оплодотворения, а не потенции. Двое детей на каждую женатую пару, вот как это делается. Если бы разрешался только один ребенок, то, возможно, проблема перенаселения была бы давно решена. Но, к несчастью, существовали влиятельные группировки, которые настаивали на сохранении семей с двумя деться и перед ними вынуждено было пасовать даже Верховное Правление. Численность населения была стабилизирована и даже слегка уменьшилась — за счет холостяков, вроде брата Хелейн Джо, и семейных пар, которые вообще не хотели иметь детей, однако реального прогресса не намечалось.

Раз уж рождаемость контролировалась, то было бы нелогичным со стороны Верховного Правления заниматься снижением потенции. Секс был любимым занятием пролетариата. Он был свободным. Для того чтобы наслаждаться сексом, не нужно было иметь работу. Он помогал убить время. Хелейн решила, что слухи, которые до нее доходили, были сущей ерундой, и она сомневалась в том, что компьютер в прачечной мог что-либо сказать по данному вопросу Ноэль Колмек. С чего бы это компьютеру разговаривать с Ноэль Колмек вообще? Ведь она всего-навсего дурочка-хохотушка.

Разумеется, со всей определенностью нельзя этого утверждать. Верховные Правители отличаются хитростью. Взять хотя бы этих прыгунов во времени. «Интересно, — задумалась Хелейн, — есть ли во всех этих слухах какая-то доля истины?» Существуют авторитетные документы, подтверждающие прибытие перебежчиков в предыдущие столетия. Но это могли быть и подделки, помещенные в книги по истории, чтобы все запутать. Что во всем этом было реальным, а что воображаемым?

Хелейн вздохнула и спросила:

— Который час?

— Без десяти минут три, — тихо ответили вмонтированные в ухо часы.

Скоро заявятся из школы дети, малышу Джозефу было семь, Марине — девять лет. В этом возрасте они еще были отмечены некоторой печатью невинности, насколько это возможно для детей, которые вынуждены проводить всю свою жизнь в одной комнате с родителями. Хелейн повернулась к пищевому автомату и запрограммировала его на дневную закуску яростным нажатием кнопок. Едва она покончила с этим, как появились дети.

Они весело поздоровались с нею. Хелейн пожала плечами.

— Садитесь и ешьте, — сказала она.

Джозеф одарил ее ангельской улыбкой.

— Сегодня в школе мы видели Клуфмана. Он совсем такой, как наш папа.

— Разумеется, — кивнула Хелейн. — Вы ведь знаете, что у Верховного Правления нет ничего важнее, чем посещение школьных классов. А причиной того, что Клуфман похож на вашего папу, является... — она прикусила язык, чтобы не сказать какую-нибудь ложь, а Джозеф все воспринимал буквально. Он повторил бы в школе ее слова, и уже на следующий день можно было бы ждать появления в доме следователя, допытывающегося, почему это семья Помрата, имеющего четырнадцатый разряд, утверждает, что является родней одного из НИХ.

— Только на самом деле это не был Клуфман, — вмешалась в разговор Марина. — Просто на стене показывали его портрет. — Она толкнула брата в бок. — Клуфман не зайдет к тебе в класс, глупенький. Он очень занятой человек!

— Марина права, — подтвердила мать. — Послушайте, дети. Я запрограммировала ваш день. Ешьте, а затем сразу же садитесь за уроки.

— А где папа? — спросил Джозеф.

— Он вышел повозиться с машиной по трудоустройству.

— Он сегодня получит работу? — допытывалась Марина.

— Трудно сказать, — уклончиво улыбнулась Хелейн. — Значит так: ешьте и за уроки. А я отправлюсь в гости к миссис Виснек.

Дети принялись за обед. Хелейн вышла в дверь и поднялась этажом выше, к квартире Виснеков. Дверь сообщила, что Бет дома, поэтому Хелейн дала знать о себе и была впущена внутрь. Бет Виснек, не произнося ни слова, кивнула ей. Она выглядела ужасно уставшей. Это была невысокая женщина, которой было чуть больше сорока. У нее были темные доверчивые глаза и тускло-зеленые волосы, туго завязанные сзади. Ее двое детей, мальчик и девочка, ели за столом, сидя спинами к двери.

— Что новенького? — спросила Хелейн.

— Ничего. Совсем ничего. Он пропал, Хелейн. Они не хотят признать это, но он совершил прыжок и больше никогда не переступит порог этой квартиры. Я теперь вдова.

— А что дали поиски с помощью телевектора?

Миссис Виснек пожала плечами.

— По закону его можно задействовать в течение восьми дней. Вот и все. Они просмотрели зарегистрированный список перебежчиков, но никто по фамилии Виснек в нем не числился. Разумеется, это ничего не значит. Очень немногие из них называли свое подлинное имя по прибытии в прошлое. А у тех, что прибывали первыми, нет даже запротоколированных описаний внешности. Так что трудно что-либо доказать. Но мой исчез. На следующей неделе я подаю заявление о начислении мне пенсии.

Всем своим сердцем Хелейн сочувствовала Бет. Здесь, в квартире гражданина четырнадцатого разряда, жизнь была малопривлекательной, но, по крайней мере, во время стресса можно было искать опоры в своей семье. Теперь же Бет лишена и этой возможности. Ее муж натянул ей нос и исчез в одностороннем путешествии в прошлое. «Прощай, Бет! Прощайте, детки! Прощай, паршивый двадцать пятый век!» — возможно, говорил он себе, исчезая во временном путешествии. «Трус! — подумала Хелейн. — Спасовал перед ответственностью! Кто теперь возьмет в жены Бет Виснек?»

— Мне так тебя жалко, — пробормотала Хелейн.

— Не надо! У тебя тоже будут неприятности. Скоро все мужчины посбегают. Вот увидишь. Норм тоже сиганет. Они болтают о высоких обязанностях перед обществом, а потом убегают. Бад клялся, что ни за что не покинет меня. Но он, понимаешь, был без работы более двух лет, несмотря на то, что отмечался каждую неделю. Он не смог больше выносить бездействия. Поэтому он и исчез.

Хелейн не понравился намек на то, что и ее собственный муж вот-вот начнет отмечаться. Несмотря на постигшее ее горе, со стороны Бет было нетактично высказывать подобное предположение. «Ведь в конце-то концов, — подумала Хелейн, — я зашла к ней для того, чтобы чисто по-дружески утешить ее. Слова Бет продиктованы исключительно завистью».

Бет, похоже, это поняла.

— Садись, — сказала она уже намного мягче. — Отдохни. Поговори со мной. Что я могу сказать тебе, Хелейн? Я едва понимаю, что происходит вокруг меня с того самого вечера, когда Бад не вернулся домой. Я искренне желаю тебе не испытать подобной пытки.

— Ты не должна оставлять надежду, — ласково произнесла Хелейн.

«Пустые слова», — Хелейн понимала это. И Бет Виснек понимала тоже.

«Может быть, поговорю со своим братом Джо, — подумала Хелейн, — навещу его снова. Может быть, ему удастся что-нибудь сделать для Бет. У него ведь седьмой разряд. Он важная персона!»

Она тепло обняла миссис Виснек. А в голове неустанно стучала мысль: «Боже, я не хочу, чтобы Норм стал перебежчиком!»

Глава третья

Квеллен был рад улизнуть от Колла и Спеннера. Оказавшись снова в своем собственном кабинете, за своим собственным письменным столом, Квеллен мог снова ощутить свой статус. Он был чем-то большим, несмотря на все попытки Колла помыкать им.

Он позвонил Броггу и Ливарду, и оба зама прибыли к нему в кабинет почти мгновенно.

— Рады снова видеть вас, сэр! — кисло произнес Стенли Брогг. Это был крупный мужчина, внешне мрачноватый, с массивным лицом и толстыми волосатыми пальцами. Квеллен кивнул и протянул руку к заслонке подачи кислорода, пытаясь принять такой же покровительственный вид, какой принял пятнадцать минут назад Колл, когда пускал в кабинет кислород. Брогг не выглядел испуганным. У него был только девятый разряд, но он имел власть над Квелленом, и они оба понимали это.

Ливард тоже не был напуган, но по совсем иным причинам. Он был просто нечувствителен к столь мелким уколам судьбы. Он был огромен как башня, бледен как смерть, сдержан, дело свое знал и делал спокойно и методично. Он не был болваном, но подняться выше девятого разряда не мог.

Квеллен внимательно посмотрел на своих помощников. Он не мог вынести пристальный взгляд Брогга. Брогг был посвящен в тайну африканского прибежища начальника. Треть немалого жалованья Квеллена была ценой молчания Брогга. Здоровенный Ливард об этом не знал, но ему было все равно. Он получал распоряжения непосредственно от Брогга, а не от Квеллена, и шантаж не был его специальностью.

— Я полагаю, вы осведомлены о том, что нам поручено заняться делом исчезновения пролетариев, — начал Квеллен. — Так называемые прыгуны во времени стали проблемой уголовного департамента, поскольку мы это предвидели уже в течение нескольких лет.

Брогг вытащил толстую папку мини-карточек.

— Я как раз собирался переговорить с вами о сложившейся ситуации. Верховное Правление очень интересуется этим. Колл наверняка сказал вам, что сам Клуфман причастен к этому. Я получил свежие статистические данные. За первые четыре месяца этого года исчезли шестьдесят девять тысяч пролетариев.

— Дальше!

— Пожалуйста, — Брогг стал расхаживать по маленькой комнатке, вытирая пот с лица. — Вам известна теория, хотя ее от случая к случаю оспаривают. В соответствии с ней, прыгуны во времени отправляются приблизительно из нашего времени. Я составил необходимые кривые. Расскажи, Ливард.

— Статистическое распределение, — начал Ливард, — показывает, что теория верна. Нынешнее исчезновение пролетариев непосредственно связано с историческими данными о появлении так называемых прыгунов в конце двадцатого столетия и в последующие годы.

Брогг показал на толстый том в голубой обложке на столе Квеллена.

— Материалы по истории. Я положил их перед вами. Они подтверждают мои изыскания. Теория верна.

Квеллен провел пальцем по подбородку и задумался над тем, как можно жить с таким количеством жира, как у Брогга. Этот толстяк обильно потел, и выражение его лица было печальным. Он почти умолял глазами его, Квеллена, пошире открыть заслонку подачи кислорода. Ощущение главенства принесло удовлетворение обираемому Броггом секретарю по уголовным делам Джо Квеллену, и он даже не пошевелил пальцем в сторону заслонки.

Вместо этого Квеллен бодро произнес:

— Все, что вы сделали, только подтверждает очевидцев. Мы знаем, что прыгуны отправляются примерно из нашей эпохи. Это зафиксировано начиная с 1979 года. Инструкция Верховного Правления предписывает нам изолировать вектор распределения. Я разработал план незамедлительных действий.

— Который был, разумеется, одобрен Коллом и Спеннером, — дерзко произнес Брогг. Складки под его подбородком подрагивали в такт произносимым словам.

— Вот именно! — с максимально возможным ударением произнес Квеллен. Его рассердило то, что Брогг смог столь легко бросить ему вызов. Колл — да, Спеннер — да! Но ведь этому

жирному положено быть его помощником! Хотя, если честно, Броггу слишком многое известно о нем такого, чего нельзя говорить вслух.

— Я хочу, чтобы вы выследили этого ловкача, который переправляет в прошлое перебежчиков. Делайте в пределах закона все, чтобы приостановить эту нелегальную антиправительственную деятельность. Я хочу, чтобы его поймали прежде, чем он отошлет в прошлое всех наших пролетариев.

— Да, сэр! — непривычно подавленным тоном сказал Брогг. — Мы будем работать над этим. То есть будем продолжать уже намеченную линию расследования. Мы сделали все, что в наших силах, чтобы ухватиться за ниточку. Мы считаем, что теперь это только вопрос времени. Может, нескольких дней, а может, и недель. Но не больше! Верховное Правление будет довольно.

— Будем надеяться, — отрезал Квеллен и отпустил их.

Он активизировал смотровое окно и выглянул на улицу. Ему показалось, что он может различить удалявшиеся фигуры своих подчиненных, которые проталкивались к транспортной ленте, а затем исчезли в толпе. Отвернувшись, Квеллен с яростным наслаждением протянул руку к заслонке кислорода и полностью открыл ее. Потом откинулся на спинку кресла. Вмонтированные в нее невидимые пальцы стали массажировать его спину. Посмотрел на оставленную ему Броггом книгу и устало потер веки.

Перебежчики!

Это было неизбежно. Он знал, что это дело повесят ему как и все другие, странные и необычные. Четыре года тому назад это был подпольный синдикат по торговле искусственными органами. Квеллен содрогнулся. Дефектные поджелудочные железы продавались в вонючих переулках, распределялись остававшимися в тени ловкачами, которые бесследно перепархивали из одного округа в другой. Пульсирующие, наполненные кровью сердца, бесконечные мотки поблескивающих внутренностей. Затем банк, где хранилась сперма, и грязное дело, связанное с ее незаконным изъятием. А потом создания, появившиеся якобы из смежной Вселенной, которые шныряли по улицам Аппалачии, щелкая отвратительными красными челюстями, и хватали детей мерзкими чешуйчатыми когтями. Квеллен справился со всеми этими делами, правда, без особого блеска, ибо это не соответствовало его стилю работы, но достаточно профессионально.

И вот теперь — перебежчики!

Поручение выбило его из колеи. Одно дело торговля бывшими в употреблении почками или яичниками и совсем другое — нелегальные путешествия во времени. Вся структура Вселенной вокруг него как-будто слегка пошатнулась от одного только предположения, что такое возможно. И без того тошно, когда понимаешь, что

время продолжает неумолимо двигаться вперед. Но это доступно человеческому пониманию. А вот назад? Выворачивание наизнанку всех логических связей, отрицание всякой причинности? Квеллен был человеком рассудительным. Его беспокоили парадоксы передвижения во времени. «Куда легче, — подумал он, — ступить в стасис-поле и оставить позади Аппалачию, вернуться в безмятежное спокойствие африканского прибежища, стряхнув с себя бремя ответственности".

Он переборол исподтишка подкрадывающуюся к нему апатию и включил проектор. На экране зажглись цифры и буквы. Начала прокручиваться историческая видеокассета. Квеллен впитывал в себя поток острых и неумолимых слов:

«Первые признаки вторжения из будущего обозначились примерно в 1979 году, когда несколько человек в странном одеянии появились в районе Аппалачии, в те времена называвшемся Манхеттеном. Документы показывают, что они появились впервые в 1979 году и, начиная с этого времени, их поток со все нарастающей частотой захлестнул последующие столетия. На допросе они все в конце концов признались, что пришли из будущего. Под давлением повторяющихся доказательств люди двадцатого столетия были вынуждены прийти к тревожному заключению, что они на самом деле подверглись мирному, но досадному нашествию путешественников во времени».

Квеллен прочел далеко не все, что было записано в кассете, но на данный момент этого было достаточно. Он выключил проектор. Несмотря на кондиционирование воздуха и подачу кислорода, жара в крохотной комнатушке была угнетающей. Он ощущал едкий запах своего пота, и это еще больше раздражало его. Квеллен в отчаянии смотрел на стены, в которые было заключено его тело, и с вожделением думал о мутном потоке, который струился перед крыльцом его африканского убежища.

Он нажал панель диктофона и отпечатал себе несколько памяток:

1. Можем ли мы поймать живого прыгуна? То есть человека из нашей эпохи, который вернулся назад, ну, скажем, лет на десять или двадцать и прожил вторично свою жизнь? Есть ли такие люди? Что произойдет, если такой человек встретит себя самого до того момента, когда совершил прыжок?

2. Допуская возможность поимки живого прыгуна, необходимо разработать технику допроса, чтобы выяснить источник первоначального перемещения в прошлое.

3. Сейчас все указывает на то, что феномен прыжков во времени прекратился примерно в 2491 году. Указывает ли это на успех наших попыток предотвратить прыжки или это просто пробел в исторических документах?

4. Соответствует ли истине, что ни один из прыгунов не запротоколирован раньше 1979 года? Если это верно, то почему?

5. Надо продумать возможность маскировки под пролетария пятнадцатого разряда, чтобы спровоцировать агентов по перемещению перебежчиков. Будет ли арест рассматриваться как умышленная провокация? Надо проконсультироваться у законодательных компьютеров.

6. Взять показания в семьях пролетариев, где недавно был совершен прыжок. Социологический индекс, уровень благонадежности и так далее. Попытаться также проследить события, ведущие к исчезновению прыгуна.

7. Может быть...

Квеллен задумался, бросил в корзину для мусора последнюю неоконченную карточку и снял ногу с педали. Диктофон выдал ему семь мини-карточек. Он разложил их перед собой на столе и снова включил проектор.

«Анализ документов, посвященных прыгунам во времени, показывает, что все такие случаи имели место между 1979 и 2106 годами, то есть в эпоху, предшествовавшую установлению Верховного Правления».

Квеллен хорошенько это запомнил. Это могло пригодиться.

«Те из прыгунов, которые при допросе согласились назвать дату своей отправной точки, утверждали без всяких исключений, что она лежит между 2486 и 2491 годами. Разумеется, это не исключает возможности существования незарегистрированных прыгунов, отправившихся из другого промежутка времени, так же как не исключает возможности и прибытия их за пределами вышеупомянутых 127 лет. Тем не менее ...»

Дальше в тексте был пропуск. Брогг вставил здесь одну из своих пометок.

«Смотрите доказательства А и Б. Проверьте возможность путешествий во времени за пределами упомянутых периодов времени. Религиозные феномены. Достойно расследования».

Квеллен отыскал на своей полке доказательства А и Б. Это были еще две кассеты. Он не зарядил ни одну из них в проектор, так же как и не стал прокручивать дальше кассету по истории. Вместо этого он сделал перерыв и постарался сосредоточиться.

Все прыгуны, по-видимому, прибыли из одного периода длительностью в пять лет, из которых сейчас идет четвертый год. Все прыгуны отправлялись в одну и ту же эпоху, длительностью в столетие с четвертью. Разумеется, часть перебежчиков осталась невыявленной. Быстро освоив образ жизни новой для себя эпохи, они больше не показывались в анналах путешествий во времени. Способы выявления лиц триста-четыреста лет тому назад, насколько мог судить Квеллен, были весьма примитивны. Даже удивительно,

что так много прыгунов было обнаружено и зарегистрировано. Хотя пролетарии из низших слоев, по-видимому, не были особенно щепетильны и не пытались скрываться в эпохах, для них непривычных. Но, безусловно, синдикат, занимавшийся переправкой прыгунов, отправлял в прошлое не только пролетариев!

Вынув из проектора кассету по истории, Квеллен вставил в него кассету А, оставленную Броггом, и включил аппарат. Кассета А не представляла ничего любопытного — это был всего лишь перечень зарегистрированных прыгунов. Квеллен наугад начал считывать хранившиеся на ней данные:

«Баккалон, Элиот В. Выявлен 4 апреля 2007 года в Грентоне, штат Нью-Джерси. Допрашивался одиннадцать часов. Утверждает, что дата его рождения — 17 мая 2464 года. Специальность — техник по обслуживанию компьютеров пятого класса. Направлен в Кемдонский центр переориентации прыгунов. Переведен 30 февраля 2011 года на лечение в районную клинику в Уэствейде. Выписан 11 апреля 2013 года. Работал диспетчером электросистемы с 2013 года по 2022 год. Умер 7 марта 2022 года от плеврита и его осложнений.

Баккауз, Нартин Д. Выявлен 12 августа 2102 года в Харменберге, штат Пенсильвания. Допрашивался четырнадцать минут. Утверждает, что родился 10 июня 2470 года; дата отправления — 1 ноября 2488 года. Специальность — техник по обслуживанию компьютеров седьмого класса. Направлен в Балтиморский зональный центр переориентации. Выпущен с полной правоспособностью 27 октября 2102 года. Работал техником по обслуживанию компьютеров в федеральном налоговом управлении с 2102 по 2167 год. Женат на Лоне Уолк (смотри на букву «У») 22 июля 2104 года. Умер от воспаления легких 16 мая 2167 года.

Багровски, Эмануил. Выявлен...»

Квеллен остановился. Множество мыслей пришло ему в голову. Он включил быструю перемотку на букву «У» и сделал для себя открытие: Лона Уолк тоже была перебежчица. Она появилась в 2098 году и утверждала, что родилась в 2471 году и была переправлена в прошлое 1 ноября 2488 года. Это была заранее подготовленная встреча. Парень и девушка оставили двадцать пятый век и отправились в прошлое с тем, чтобы вместе начать новую жизнь. Однако Мартин объявился в 2102 году, а его подруга — в 2098! Ясно, что это не входило в их планы. Это открыло Квеллену тот факт, что процесс перемещения перебежчиков не был достаточно точным в смысле достижения цели. Или, по крайней мере, не был точным несколько лет тому назад. Это, должно быть, причинило Лоне массу неудобств. Оказаться в прошлом и обнаружить, что ее суженого в этом году не оказалось!

Квеллен быстро прокрутил в уме возможности подобных трагедий у прыгунов. Ромео объявляется в 2100 году, а Джульетта — в 2025 году. Убитый горем Ромео натыкается на посеревший за несколько десятилетий надгробный камень Джульетты. Или того хуже, юный Ромео встречает девяностолетнюю Джульетту. Как провела Лона Уолк четыре года, дожидаясь Мартина? Как она могла быть уверена, что он вообще появится? Что, если она изуверилась бы и вышла замуж за кого-нибудь другого за год до того, как он появился? Что, если четырехлетняя разлука разрушила бы их любовь, так как к тому времени, когда он очутился в прошлом, ей было биологически 21 год, а ему — 18?

Нет сомнений в том, что для драматургов 22-го столетия все это — богатейшая золотоносная жила, дающая возможность разгуляться воображению.

Но, разумеется, прошло почти четыреста лет с тех пор, когда были зарегистрированы известные науке прыгуны. Через несколько поколений эти события были начисто забыты. Только тот факт, что прыгуны пришли из современной эпохи, воскресил это. «И особенно жаль, — подумал Квеллен печально, — что мне приходится заниматься этим в своем кабинете».

Он стал размышлять над другими аспектами проблемы.

Предположим, некоторые перебежчики быстро адаптировались, обустроились, некоторые вступили в брак с жителями своей новой эпохи, с людьми, чьи временные векторы начались за 400—500 лет до начала их собственных. Таким образом они могли жениться на своих прапрабабках и стать собственными прапрадедами. Каким образом это повлияет на генетический фонд и непрерывность хромосомных цепей?

А что будет с перебежчиком, который окажется в 2050 году, подерется с кем-нибудь, случайно убьет его и обнаружит, что погубил одного из своих собственных предков и тем самым прервет свою собственную родословную? У Квеллена заболела голова. По-видимому, любой прыгун, совершивший это, в мгновение ока испарится, не будучи рожденным. Имеются ли документальные свидетельства на сей счет? «Надо сделать пометку, — напомнил он себе. — Проверить каждый нюанс».

Он не считал, что такие парадоксы возможны. Он твердо придерживался представления о том, что изменить прошлое невозможно, потому что прошлое, как книга за семью печатями, неизменяемо. Она уже была. Любое воздействие, произведенное путешественником во времени, было зарегистрировано. «Что делает всех нас марионетками? — грустно подумал Квеллен, обнаружив себя в тупике детерминизма. — Предположим, что я отправлюсь в прошлое и убью Джорджа Вашингтона в 1772 году. Но ведь Вашингтон, мы знаем об этом, дожил до 1799 года! Означает ли

это для меня невозможность убить его в 1772 году?» Он нахмурился. От таких вопросов у него закружилась голова. Он бесцеремонно вернул себя к насущным делам, заставив себя искать какой-то способ приостановить дальнейшую утечку перебежчиков, выполнив таким образом подразумеваемое детерминированное предсказание о том, что после 2491 года перебежчиков больше не будет.

«Вот над чем следует поразмыслить», — неожиданно понял он.

Многие из документов, посвященных прыгунам, содержат действительную дату отправления в прошлое. Вот, например, Мартин Вакхауз. Он отправился 1 ноября 2488 года. Сейчас слишком поздно что-либо предпринять по отношению к нему. Однако, что, если в документах имеется прыгун, который отправился в прошлое 4 апреля 2490 года? То есть на следующей неделе. Если такое лицо взять под наблюдение, выследить агента по перемещению прыгунов, даже предотвратить отправление...

Квеллен пал духом. Каким образом можно помешать кому-то вернуться в прошлое, если документы многовековой давности утверждают, что он благополучно переправился в прошлое? Снова парадокс. Это может подорвать цельность структуры Вселенной. «Если я вмешаюсь, — подумал Квеллен, — и вытащу человека из пространственно-временного континуума, который он заполнил...»

Он стал просматривать бесконечный список прыгунов, составленный ему Броггом. С тайным удовольствием человека, сознающего, что он совершает нечто опасное, Квеллен искал желанную информацию. Это отняло у него довольно много времени. Брогг расположил материалы по алфавиту и не рассортировал их по датам прибытия или отправления. Кроме того, многие прыгуны просто отказывались назвать точную дату своего прибытия, давая приблизительные сведения, лишь бы от них отвязались. Некоторые просто не придавали этому значения. Просмотрев около четырех пятых перечня, Квеллен стал вообще сомневаться в успехе.

Еще полчаса терпеливого поиска — наконец-то!

Радант, Кларк Р. Обнаружен 12 мая 1987 года в Бруклине, штат Нью-Йорк. Допрашивался в течение 8 дней. Утверждает, что родился 14 мая 2458 года, а отправился в прошлое в мае 2490 года...

Точная дата отсутствует, но пока сойдет и так. Квеллен решил, что за Кларком Радантом в следующем месяце надо установить пристальное наблюдение. Посмотрим, сможет ли он улизнуть в 1987 год под нашим бдительным оком?

Он нажал кнопку доступа к основному архиву.

— Представьте мне документы на Кларка Раданта, родившегося 14 мая 2458 года, — отчеканил Квеллен.

Огромный компьютер, расположенный где-то глубоко под зданием, был предназначен для того, чтобы давать мгновенный ответ, но совсем необязательно он должен был давать мгновенное удовлетворение. Ответ, полученный Квелленом, был более чем бесполезен.

— Никаких данных о Марке Раданте, родившемся 14 мая 2458 года.

— Никаких данных? Значит, такого человека не существует?

— Ответ утвердительный.

— Но это невозможно. Он зарегистрирован как перебежчик. Проверьте! Он объявился в Бруклине 12 мая 1987 года. Верно?

— Ответ утвердительный. Кларк Радант числится среди перебежчиков, убывших в 2490 году и прибывших в 1987 год.

— Вот видишь! Значит, об этом человеке должны быть какие-то сведения! Почему же ты утверждаешь, что их нет?

— Возможно, мошенник-перебежчик назвался вымышленным именем. Проверьте возможность того, что Радант — псевдоним.

Квеллен закусил губу. Да, без сомнения, так оно и должно быть! «Радант», кто бы им ни был, назвал придуманную фамилию, появившись в 1987 году. Возможно, все фамилии бегунов, числившихся в архиве, являются псевдонимами. Может быть, каждый из них был предупрежден, что ему надо скрыть свою подлинную фамилию. А может, им это внушено под гипнозом. Загадочного Кларка Раданта допрашивали восемь дней, однако он так и не назвал фамилию, которая соответствовала бы дате его рождения.

Квеллен увидел, что его смелый план разлетается вдребезги. Тем не менее он попытался еще раз. Решив продолжать поиски еще полчаса, он был вознагражден новой находкой всего лишь через пять минут.

«Мортенсен, Дональд К. Обнаружен 25 декабря 2088 года в Бостоне, штат Массачуссетс. Допрашивался четыре часа. Утверждает, что родился 11 июня 2462 года, а отправлен в прошлое 4 мая 2490 года...»

Наверное, для Дональда Мортенсена это было веселое Рождество в Бостоне 402 года тому назад. Квеллен снова связался с Главным Архивом. Он приготовился к тому, чтобы услышать, что такое лицо не числится в пухлых анналах того года.

Вместо этого компьютер застрекотал ему о Дональде Мортенсене — его специальность, семейное положение, адрес, описание внешности, состояние здоровья. В конце концов Квеллену пришлось даже заставить машину замолчать.

Прекрасно! Вот он, Дональд Мортенсен! Он не догадался — не догадался? — прибегнуть к псевдониму, когда объявился на Рождество в Бостоне четыре столетия назад. Если объявится! Квеллен еще раз заглянул в перечень об этом человеке и узнал, что

Мортенсен нашел в 2091 году работу механика на станции автотехобслуживания и женился на некой Донне Бруер, стал отцом пятерых детей и дожил до 2149 года, когда скончался от неизвестной болезни.

«Эти пятеро детей, без сомнения, и сами имели многочисленное потомство», — констатировал Квеллен. Тысячи ныне живущих людей, вероятно, происходят от них, включая, вполне возможно, и самого Квеллена. Или кого-нибудь из руководителей Верховного Правления. Теперь, если подручные Квеллена накроют Дональда Мортенсена в тот критический момент 4 мая и помешают переправиться в 2088 год...

Квеллен заколебался. Ощущение твердой непоколебимости, владевшее им несколькими секундами ранее, полностью исчезло, как только он представил себе последствия того, что Дональда Мортенсена собьют с избранного пути.

«Наверное, — подумал Квеллен, — мне не помешало бы сперва потолковать об этом с Коллом и Спеннером».

Глава четвертая

Машина, дающая работу, более официально: Центр трудоустройства — размещалась в огромном вестибюле куполообразного здания шириной в 200 метров. Купол был покрыт пластиковым напылением толщиной в три молекулы. Внутри вдоль стен были расположены выводные дисплеи памяти компьютера, размещавшегося где-то в другом месте. Неодушевленный мозг денно и нощно трудился, чтобы привести в соответствие возможности работы и специальности лиц, занесенных в его обширную память.

Норм Помрат взял роботакси, чтобы добраться до Центра. Он мог бы и пройтись пешком и тем самым за час потраченного личного времени сэкономить кое-какую мелочь, но он предпочел поступить именно так. Это было преднамеренным расточительством. Времени у него было бесконечно много, наличность же, несмотря на щедроты Верховного Правления, была ограничена. Еженедельного пособия, представляемого ему по милости Дантона, Клуфмана и других представителей правящей элиты, хватало на покрытие насущных потребностей семьи Помратов, состоящей из четырех членов. Но пособие не было настолько большим, чтобы можно было себе позволить что-то, лежащее за пределами этих основных расходов. Помрат обычно придерживал наличность. Разумеется, он ненавидел пособие, но вероятность получения постоянной работы была настолько мала, что он принимал эту обезличенную благотворительность, как принимали ее все безработные. Никто не голодал в этом мире, кроме тех, кто

решался на это по собственной воле, но на это нужна была немалая решимость.

По сути дела, Помрат не имел никакой необходимости отправляться сегодня к машине. Телефонные линии связывали каждую квартирку с любым из компьютеров, к которому был публичный доступ. Он мог позвонить, чтобы узнать свой статус, и если бы произошло какое-либо изменение в отношении его занятости или профиля работы, машина тотчас же сама связалась бы с ним. Он тем не менее предпочитал уходить из дому. Он наперед знал ответ машины, так что это было просто ритуалом, одной из многих поддерживающих его привычек, которые давали ему возможность смиряться с тем удручающим фактом, что он был совершенно бесполезным человеческим существом.

Вмонтированные в пол датчики произвели идентификацию Помрата, как только он вступил в зал. Попади он в перечень известных анархистов, ему не позволили бы переступить порог. Захваты, возникшие из-под мраморного пола, обхватили бы его конечности и держали бы до тех пор, пока он не был бы обезоружен и обыскан. Однако Помрат не намеревался нанести вред машине. Да, он был настроен враждебно, но его враждебность была направлена против окружающего мира в целом. Он был достаточно умен для того, чтобы расходовать свой гнев на компьютеры.

Благожелательные лица Бенджамена Дантона и Питера Клуфмана лучезарно улыбались ему с величественного купола. Огромные трехмерные изображения как бы витали среди моря огней, озарявших гигантское здание изнутри. Тем не менее Дантон умудрялся выглядеть суровым даже тогда, когда улыбался. Клуфман, за которым закрепилась репутация бесконечно доброго человека, был более привлекательным. Помрат помнил время, около двадцати лет тому назад, когда народные представители Верховного Правления образовали триумвират, состоявший из Клуфмана и еще двоих, чьи имена он начал уже забывать. Затем появился Дантон, и изображения тех двоих убрали. Несомненно, в один прекрасный день исчезнут и Клуфман с Дантоном, и на общественных зданиях появятся портреты новых лиц. Помрат не слишком задумывался об изменениях в составе Верховного Правления. Как и у большинства людей, у него были серьезные сомнения в существовании Клуфмана и Дантона вообще. Были веские основания считать, что вот уже целое столетие всем заправляют компьютеры. Тем не менее, входя в здание дающей работу машины, он не забыл почтительно поклониться трехмерным изображениям. Кто их знает, может, сам Дантон на самом деле глядит на него холодным взором сквозь объемный манекен!

Внутри было многолюдно. Помрат прошел по мраморному полу в самый центр здания и в течение нескольких минут с наслажде-

нием вслушивался в гул и жужжание машины. Слева от него были красные дисплеи, показывающие перемещения по работе. Помрату до них не было дела, ибо для того, чтобы просить о переводе, нужно сперва получить работу. Прямо перед ним были зеленые экраны, для таких, как он, забывших, что такое работа. Справа от него — голубые дисплеи заливали своим светом лица молодого трудоспособного населения страны, заполняющих карточки о своей квалификации. У каждого из трех терминалов стояла длинная очередь. Молодежь — справа, кучка энергичных трудяг первых десяти разрядов, домогавшихся повышения, — слева. Прямо впереди — неисчислимые легионы безработных. Помрат влился в эту очередь.

Она двигалась быстро. Никто не разговаривал друг с другом. Замкнувшись в кокон отчуждения прямо посреди толпы, Помрат размышлял, что он делал частенько, о том, в какой же именно точке своего жизненного пути он сошел с рельсов. У него был высокий индекс интеллектуальности, прекрасные рефлексы, решительность, честолюбие и приспособленность. Он мог бы сейчас иметь второй разряд, если бы правильно орудовал тормозами.

Он с самого начала делал одни ошибки. Он учился на техника по обслуживанию медицинской аппаратуры, считая, что болезни — вещь неизменная даже в самом упорядоченном мире, и поэтому для него всегда будет работа. К несчастью, очень многие молодые люди его поколения пришли точно к такому же выводу. «Как-будто мы были насекомыми, — думал Помрат. — Все несчастье было в том, что очень многие были такими же умниками, как и ты». Поставив, как и все, на фаворита, он не мог рассчитывать на крупный выигрыш, а потому и вознаграждение было соответственно ничтожным — несколько недель работы и многие месяцы безработицы.

Помрат был хорошим специалистом. Его знания были не меньше, чем у хорошего врача несколько веков тому назад. Сейчас подлинные врачи — их было немного — имели третий разряд, только на одну ступеньку ниже членов Верховного Правления. Помрат же, поскольку был простым техником, засел в болоте четырнадцатого разряда со всеми вытекающими из этого неудобствами. Единственным способом подняться выше было накопление опыта по своей специальности, но для этого нужно было иметь работу. А ее-то как раз и не было. А если и была, то очень недолго.

«Какая ирония судьбы! — думал он. — Джо Квеллен, не обладая никаким мастерством, крупная шишка седьмого разряда. А я вдвое ниже его на социальной лестнице. Но Квеллен принадлежит к руководству. Разумеется, не является членом Верховного Правления, не входит в число тех, кто делает политику. Просто у Квеллена высокий статус. Им пришлось присвоить Квеллену один из высших разрядов только для того, чтобы поднять его авторитет в качестве представителя власти». Помрат грыз ноготь и со злостью

думал: почему у него самого в свое время не хватило здравого смысла поступить на государственную службу?

На это он ответил себе так: тогда его шансы были бы еще хуже. Квеллену просто повезло. Может быть, ему немного помогли способности, вынужден был угрюмо признать Помрат. Если бы я пошел на государственную службу вместо того, чтобы стать медиком, я сегодня, скорее всего, был бы клерком четырнадцатого разряда. Имел бы постоянную работу, но не располагал бы по сравнению с нынешним моим положением никакими дополнительными преимуществами. Нельзя сказать, что в мире царит несправедливость. Просто временами он может быть чудовищно суровым.

К этому времени Помрат очутился во главе очереди.

Перед ним возникла ровная и блестящая поверхность алюминиевой плиты размером 30х30 сантиметров, в центре которой было смонтировано круглое сканирующее окно, закрытое матовым стеклом. Окно светилось зеленым светом, и Помрат привычно приложил к нему свою ладонь.

Говорить с машиной было совсем необязательно. Машина знала, почему Помрат пришел сюда, и кто он такой, и какая участь ему уготована. Тем не менее Помрат произнес хрипло и проникновенно:

— Как там насчет работы, хоть ненадолго?

Затем нажал на кнопку включения.

За алюминиевой панелькой раздались какие-то щелкающие звуки. «Наверное, просто для эффекта, — подумал Помрат. — Чтобы заставить пролетариев поверить в то, что машина в самом деле что-то для них делает». В панели открылась узкая прорезь, и из нее начала разматываться узкая полоска бумаги. Помрат оторвал ее и стал без особого интереса изучать.

На ней была его фамилия, разряд, специальность, вся остальная муть, которая сопровождала его в течение всего жизненного пути. Под всем этим был отпечатан узкими заглавными буквами вердикт:

> «Текущий прогноз получения работы неблагоприятен. При первой же возможности получения работы мы вас известим. Мы рекомендуем проявить терпение и понимание.
>
> Временные трудности не дают Верховному Правлению обеспечить полную занятость».

— Плохо дело, — пробормотал Помрат. — Передай мои симпатии Верховному Правлению.

Он просунул полоску в щель для мусора и повернулся, проталкиваясь сквозь толпу людей, с бесстрастным выражением лица дожидавшихся своей очереди проглотить неприятное известие. Вот и весь визит в Центр Трудоустройства.

— Который час? — спросил он.

— Половина пятого, — прозвучало у него в ушах.

— Неплохо бы по привычке заглянуть во дворец грез. Как ты думаешь, хорошая мысль?

Часы в ухе не были запрограммированы отвечать на такие вопросы. Если заплатить вдвое дороже, то можно приобрести такие часы, которые на самом деле будут разговаривать, а не только сообщать, который час. Помрат не считал возможным позволить себе такую роскошь в такое время. Кроме того, он не настолько страдал от одиночества, чтобы вести беседы с умными часами. Однако он знал, что есть и такие, которые находят в этом утешение.

Выйдя на улицу, он остановился.

Дворец грез, который ему особенно полюбился, был в четырех кварталах отсюда. Их было множество, десятки на расстоянии десяти кварталов от здания Центра Трудоустройства, но Помрат всегда заглядывал в один и тот же. А как же иначе? Во всех них подавали одну и ту же отраву. Единственное, чем они отличались друг от друга, было личное обслуживание. Даже безработному четырнадцатого разряда приятно думать, что он высоко ценимый постоянный клиент, пусть даже если это всего лишь дворец грез.

Помрат шел быстро. Улицы были запружены народом. Нынче снова стала модной ходьба пешком. Невысокий коренастый Помрат был нетерпелив в достижении цели. Через пятнадцать минут он был уже во дворце грез. Он размещался на сороковом подземном этаже коммерческого приземистого здания. По закону все такие места, где продавались иллюзии, должны были находиться под землей, чтобы легковосприимчивые дети на улице не портились бы раньше времени. Помрат вошел в здание и прошел в кабину лифта, который опустил его на сто пятьдесят метров вниз. Здание имело 80 ярусов, самые нижние из которых были связаны переходами с соседними зданиями. Однако Помрат никогда не опускался так глубоко. Такие подземные приключения он оставлял членам Верховного Правления и не имел желания столкнуться лицом к лицу с Дантоном где-то в земных глубинах. Дворец грез спереди был освещен ярко-безвкусными, кое-где неисправными аргоновыми лампами. Большинство подобных заведений было полностью автоматизировано, однако этот обслуживали люди. Именно поэтому он так нравился Помрату. Он вошел внутрь, где за дверью старый добрый Джерри поднял на него настоящие человеческие, налитые кровью глаза.

— Норм! Рад тебя видеть!

— Я не так уж в этом уверен. Как дела?

— Паршиво. Держи маску.

— Спасибо, — кивнул Помрат. — Как жена? Ты уже сделал ее беременной?

Толстяк за прилавком улыбнулся.

— Мне ли к лицу такое безумство? С моим четырнадцатым

разрядом мне еще не хватает полного дома детей. Я дал обет стерильности, Норм! Ты, видно, забыл об этом?

— Похоже. Ну что ж, бывают времена, когда я жалею, что не поступил точно так же.

— Что будешь нюхать?

— Бутил-иеркаптин, — произнес Помрат наугад.

— Еще чего! Ты же знаешь, что мы не...

— Тогда пирсапид. С добавлением в качестве приправы чуть-чуть лактодегидрогенозина.

Помрат вызвал смех, но это был смех механический, смех предпринимателя над высоко ценимым, пусть даже надоедливым, потребителем.

— Норм, прекрати засорять мне мозги и возьми вот это. Сладких тебе снов. Твоя кушетка девятая. С тебя полтора.

Взяв маску, Помрат опустил несколько монет в мясистую ладонь и ретировался к свободной кушетке. Сбросил башмаки, вытянулся. Пристегнул к лицу маску и сделал глубокий вдох. Безвредная забава, легкий газ — галлюциноген, ощущение иллюзии, позволяющее скоротать день. Почувствовал, как к его черепу прикрепились электроды, чтобы управлять его альфа-ритмом. Таково было официальное объяснение. Если его иллюзия станет слишком необузданной, его разбудят прежде, чем он успеет причинить себе хоть малейший вред. Помрат слышал, что электроды служат для другой, гораздо более зловещей цели, — чтобы записывать галлюцинации на потребу миллионерам 2-го разряда, которым нравится испытать на себе все, что заполняет сознание пролетария. Помрат спросил как-то об этом у Джерри, но тот все отрицал. А что этому толстяку еще оставалось делать? «И не все ли равно, — подумал Помрат, — если дворец грез будет торговать подержанными галлюцинациями? Хозяевам вольно грабить альфа-ритмы любого человека, если они им так нужны. Пока он, Помрат, получает достаточное удовлетворение за свои полтора, его собственнические инстинкты на этом и заканчиваются».

Он погрузился в забытье.

Вот он обладатель второго разряда, обитатель виллы на искусственном острове в Средиземном море. На нем ничего нет, кроме полоски зеленой ткани вокруг бедер. Он блаженно возлежит в пневмокресле у самой кромки изумрудной воды. В кристально чистой воде плывет девушка. Ее загорелая кожа сверкает на солнце, когда она рассекает спиной водную гладь. Она улыбается ему. Помрат поздоровался с нею небрежным взмахом руки. «В воде она выглядит совершенно прелестно", — думает он.

Он наместник по личным контактам на Исламском Востоке. Прекрасная синекура для гражданина второго разряда, требующая время от времени визита в Мекку и присутствия на нескольких

конференциях каждую зиму в Каире. У него уютный дом возле Фарго, в штате Северная Дакота, и приличная квартира в Нью-Йоркской зоне Аппалачии и, разумеется, этот остров в Средиземном море. Ему твердо обещан первый разряд после очередной кадровой перетасовки в Верховном Правлении. Дантон часто с ним советуется, Клуфман приглашает его на обед на сотом подземном этаже. Они обсуждают сорта вин. Клуфман знаток как-будто по их части. Он и Помрат провели чудесный вечер, обсуждая достоинства «Камберти», выработанного синтезаторами в 74-м. Этот 74-й был хорошим годом. Особенно для синтеза бургундского.

Хелейн вышла из воды и стоит ослепительно голая прямо перед ним. Ее загорелое пышное тело отражает теплые солнечные лучи.

— Дорогой, почему бы тебе не поплавать? — спросила она.

— Не мешай. Я обдумываю очень деликатное дело.

— Ты же знаешь, что тебе это вредно! От этого у тебя сильно болит голова! Разве ты забыл, что за тебя обязано думать правительство?

— Мелкие исполнители типа твоего брата Джо? Не говори ерунды, моя прелесть. Есть правительство и есть Верховное Правление. Между ними большая разница. У меня есть свои обязанности. Я должен сидеть здесь и думать!

— Над чем же ты сейчас думаешь?

— Как помочь Клуфману убить Дантона.

— В самом деле, дорогой? Но мне всегда казалось, что ты принадлежишь к фракции Дантона!

Помрат улыбнулся, как улыбается умудренный огромным жизненным опытом мужчина только начинающему познавать окружающий мир мальчишке.

— Был. Однако Клуфман тонкий ценитель хороших вин. Он соблазнил меня. Как ты думаешь, что он уготовил Дантону? Это просто замечательно! Автономный лазер, запрограммированный на то, чтобы выпустить луч только в него в тот самый момент, когда...

— Не надо рассказывать, дорогой, — остановила его Хелейн. — Ведь я могу выдать твою тайну!

Она повернулась к нему спиной. Помрат оглядел несколько раз ее роскошные формы. «Никогда еще она не выглядела столь великолепно», — подумал он. И тут же задумался — стоит ли принимать участие в заговоре против Дантона? Ведь, если разобраться, Дантон смог бы щедро вознаградить его за информацию. Право же, об этом стоит поразмыслить».

Из виллы выкатился робот-дворецкий и расположился на четырех телескопических ногах рядом с шезлонгом Помрата. Помрат с обожанием глядел на этот серый металлический ящик. Что может быть лучше гомостатического дворецкого, запрограммированного на

удовлетворение цикла потребления спиртных напитков его хозяином?

— Очищенный ром! — приказал Помрат.

Паукообразная рука робота протянула ему бокал. Помрат немного пригубил. Внезапно в сотне метров от берега море начало пузыриться и закипать, как-будто из его глубины стало подниматься какое-то чудовище. Огромный, похожий на штопор нос вспорол поверхность воды. Металлический кракен, вот кто у нас сегодня в гостях!!! Помрат сделал как бы защитный жест рукой, и тотчас охранные ячейки острова выбросили защитную изгородь из медной проволоки толщиной в два миллиметра. Высота забора была более трех метров. Между прутьями сверкал защитный экран.

Кракен неуклюже заковылял к берегу. Он даже не обратил внимания на защитный экран. Вздымаясь над водой на высоту семи метров, эта громадина отбросила длинную тень на Помрата и Хелейн. У нее были огромные желтые глаза. На цилиндрическом черепе открылась крышка, и оттуда высунулась платформа, с которой стал спускаться какой-то человек. «Значит, кракен был просто транспортным средством», — отметил с удивлением Помрат. Он узнал того, кто направлялся сейчас к берегу, и дал команду убрать экран.

Это был Дантон!

Ледяные глаза, острый загнутый нос, тонкие губы, темная кожа, выдающая смешанное происхождение. Дантон! Как только этот обладатель первого разряда ступил на берег, он вежливо поклонился Хелейн и поднял вверх обе руки, приветствуя Помрата. Помрат постучал пальцем по пульту управления робота-дворецкого. Стальной ящик опрометью бросился за еще одним пневмошезлонгом для гостя. Дантон подождал и с блаженством разлегся в принесенном кресле. Помрат протянул ему бокал. Дантон искренне поблагодарил хозяина и немного пригубил. На лице его возникла гримаса блаженства. Хелейн легла на песок, подставляя жгучему солнцу свою спину.

— А теперь, мой дорогой, давай поговорим о Клуфмане, — спокойно произнес Дантон через минуту. — Пришло время...

Помрат очнулся. Во рту у него был вкус старых тряпок.

«Всегда так, — подумал он с грустью. — Действие наркотика кончается на самом интересном месте». Не раз и не два он ради пробы платил за двойную дозу, чтобы подольше продлить удовольствие. Но несмотря на это, галлюцинации всякий раз прекращались в самый неподходящий момент. «Продолжение следует», — как бы заявляла маска, опуская занавес. А чего другого он ожидал? Искусно отработанный эпизод, завязку, разворот действия, кульминацию, эпилог? С каких это пор мир подчиняется законам классической драмы? Он поднялся с кушетки и направился к столу служителя сдать маску.

— Ну как, Норм, приятно провел время?

— Ужасно, — сознался Помрат. — Меня понизили в разряде до двадцатого и подвергли тюремному заключению на максимальный срок. Затем нашли для меня работу в качестве помощника робота по ремонту канализационной сети. После этого у меня начался рак среднего уха...

— Э-э, меня не проведете! Разве у нас можно увидеть такой сон?

— Верно, — согласился Помрат. — Весьма забавный сон, и всего за полтора!

— У вас отличное чувство юмора, Норм. Не понимаю, откуда такие, как вы, берут свои забавные шутки? Неужели сами придумываете?

Помрат улыбнулся.

— Это дар божий. Никогда не задумывался над этим. Они берутся из ничего, как рак внутреннего уха. Ясно, Джерри?

Он вышел из дворца и поднялся на поверхность. Было поздно, скоро ужин. У него было настроение побродить пешком, но он знал, что Хелейн не по себе в четырех стенах одной, и поэтому он поспешил к ближайшей стоянке роботакси. Подходя к стоянке, Помрат увидел, что к нему спешит какой-то неприятный тип. Помрат весь напрягся, готовясь ко всему.

— Прочтите это, — сказал незнакомец и сунул в руку Помрата скомканную мини-карточку.

Помрат развернул желтоватый пластиковый прямоугольник, содержащий всего пять слов. Прямо в центре листка фиолетовые буквы гласили:

БЕЗ РАБОТЫ?
ЗАЙДИ К ЛАНОЮ!

«Интересно, — подумал Помрат. — Наверное, у меня теперь вид потерявшего всякую надежду безработного. Без работы? Конечно! Но кто же, черт побери, этот Ланой? Ланой... Л-а-н-о-й... Кто бы это мог быть?»

Глава пятая

Мартин Колл разыграл целый спектакль, перебирая бумаги у себя на письменном столе, чтобы скрыть замешательство, которое, по его мнению, совершенно не положено было видеть Квеллену. Уголовный инспектор только что внес на рассмотрение Колла весьма необычное предложение, бьющее рикошетом по нему, Коллу, которое теперь придется передать Верховному Правлению для вынесения окончательного решения. Он с радостью пронзил бы Квел-

лена ржавым гвоздем за то, что тот причинил ему столько хлопот. Его предложение было на первый взгляд мудрым, но только на первый взгляд: мудрость не была присуща Квеллену. Он был рядовым, методичным, рассудительным экспертом. И дернуло же его вылезти со столь предательским предложением.

— Я хотел бы уловить суть его, — проговорил Колл, на самом деле уловивший его во всей полноте. — Ваши архивные изыскания вывели нас на подлинную личность, по фамилии Мортенсен, который зарегистрирован как прибывший в прошлое из следующего месяца. Вы предлагаете установить за ним слежку, выследить, с кем он контактировал и, в случае необходимости, помешать ему, пусть даже силой, совершить путешествие в прошлое, арестовав тех, кто согласился переправить его туда.

Квеллен кивнул.

— Именно так.

— Вы понимаете, что это будет прямым вмешательством в прошлое, вмешательством преднамеренным, попытки которого никогда, насколько мне известно, раньше не совершались?

— Я сознаю это, — кивнул Квеллен. — Потому я и пришел к вам за разрешением. Я зажат между двумя императивами: изловить этого ловкача, организующего прыжки во времени, и сохранить упорядоченную структуру истории. Очевидно, этот Мортенсен уже связался с ловкачом или скоро свяжется с ним, если только 4 мая — подлинная дата его убытия отсюда. Если мы используем прослеживающее устройство...

— Да, — сухо произнес Колл. — Здесь об этом сказано. Я понимаю возникшие трудности...

— Какие будут инструкции?

Колл снова стал бессистемно перебирать бумаги у себя на столе. Он подозревал, что Квеллен поступает так умышленно, чтобы поставить своего босса в такое положение, где ему придется в полную силу проявить свой темперамент. Колл был осведомлен о всех тонкостях создавшегося положения. В течение десяти последних лет он заставлял Квеллена плясать под свою дудку, принуждая его браться то за одно скользкое поручение, то за другое, а затем, следя не без тайного удовольствия, как Квеллен с его ограниченными способностями бьется, пытаясь решить проблему. Колл сознавал, что в его обращении с Квелленом был элемент садизма. Это казалось Коллу вполне естественным: он имел такое же право потакать своим личным недостаткам, как и любой другой. Агрессивность характера проявлялась в форме враждебности к никогда не жаловавшемуся Квеллену. И тем не менее теперь ему было досадно, что Квеллен заварил такую кашу из желания отомстить.

После длительного неловкого молчания Колл произнес:

— Я пока не могу снабдить вас инструкциями. Я должен буду посоветоваться со Спеннером и, возможно, еще кое с кем.

Колл явно намекал на Верховное Правление. Он не преминул заметить мимолетную улыбку торжества, промелькнувшую на подобострастном лице Квеллена. Квеллен наслаждался этим, в этом не было никакого сомнения.

— Я воздержусь от каких-либо решительных действий, пока не будет принято окончательное решение по этому вопросу, — заговорчески произнес инспектор.

— Так-то лучше, — улыбнулся Колл.

Когда Квеллен вышел из кабинета, Колл до боли вонзил ногти в ладони. Затем он стал быстро барабанить пальцами по столу, пока не включился автосекретарь. Через несколько секунд аппарат выбросил кассету с записью его разговора с Квелленом, сделанную для Спеннера.

Спеннера все еще не было. Колл хотел, чтобы Квеллен дождался той минуты, когда в кабинете появится Спеннер, и только тогда выложил эту ерунду, связанную с Мортенсеном. Вне всякого сомнения, Квеллен сделал это умышленно. Колл весь кипел от негодования, представляя себе лицо своего подчиненного: длинный прямой нос, светло-голубые глаза, подбородок с ямочкой. Обычное, ничем не примечательно лицо. Кое-кто мог бы даже сказать, что оно было привлекательным. А вот его, Колла, никто никогда не называл привлекательным. Но зато этот недотепа, он был умен. Гораздо умнее, чем Квеллен. Так, во всяком случае, Колл считал до этого злополучного дня.

Спеннер вернулся через час. Как только он взгромоздился за своим столом, Колл подсунул ему кассету.

— Прокрутите, пожалуйста. Затем выскажете свое мнение.

— А вы не могли бы дать краткое изложение?

— Прокрутите, так проще, — сказал Колл.

Спеннер включил аппарат, любезно надев наушники, чтобы не заставлять Колла еще раз прослушивать состоявшийся разговор. Когда пленка остановилась, Спеннер молча уставился на Колла. Потом потер подбородок и произнес:

— Прекрасная возможность изловить нужного нам человека. Как вы считаете?

Колл прикрыл глаза.

— Следите за ходом моих мыслей. Предположим, мы следуем по пятам за Мортенсеном. Он не переправляется в прошлое. У него не будет тех пятерых детей, отцом которых он стал, судя по архивным записям. Трое из этих детей несут в себе, скажем так, важные исторические векторы. Один из низ вырастет и станет отцом убийцы Генерального Секретаря Цза. Другой станет отцом неизвестной девушки, занесшей холеру в Сан-Франциско. Третий

является одним из предков Флеминга Бесса. Теперь же, поскольку Мортенсену не удается переправиться в прошлое, никто из этих троих не родится. А это...

— Посмотрите на дело несколько иначе, — возразил Спеннер. — Мортенсен возвращается в прошлое и становится отцом пятерых детей, двое из них остаются старыми девами, третий погибает, провалившись сквозь тонкий лед, четвертый становится заурядным рабочим и имеет несколько детей, которые передают свою посредственность всем поколениям своих потомков. Пятый...

— Каким образом вы можете знать, — спокойно перебил его Колл, — какие могут быть последствия удаления одного-единственного заурядного рабочего из матрицы прошлого? Как определить, какие неисчеслимые изменения могут произойти при удалении даже старой девы? Неужели вы хотите пойти на риск, Спеннер? Хотите взвалить на себя ответственность?

— Нет.

— И я не хочу. Можно было перехватить прыгунов за все эти четыре года, просто перетряхнув архив и поймав их до того, как они отправятся в прошлое. Но никто не сделал этого. Об этом, насколько мне известно, никто даже не заикнулся, пока эта гнусная мысль не вылупилась из мозга нашего приятеля Квеллена.

— Я бы этого не говорил, — покачал головой Спеннер. — Если уж начистоту, то я сам подумывал о подобном.

— Но все же оставили эту мысль при себе, не так ли?

— Пожалуй, так. У меня не было времени на проработку всех нюансов. Но я уверен, что эта мысль приходила в голову и другим членам руководства, занимавшихся проблемой перебежчиков. Может, это было уже сделано, а, Колл?

— Раз так, вызывайте Квеллена. Попросите его составить официальный запрос об одобрении его плана и подпишите его.

— Мы оба подпишем.

— Я отказываюсь брать на себя ответственность.

— В таком случае и я отказываюсь, — усмехнулся Спеннер.

Оба замолчали. Очевидно, им оставалась только одно.

— В таком случае, — нарушил паузу Колл, — мы должны предложить принять решение им.

— Согласен! Вот и действуйте!

— Трус! — выпалил Колл.

— Вовсе нет. Квеллен поставил эту задачу перед нами. Вы обсудили ее со мной и получили у меня консультацию. Мое мнение совпадает с вашим. Теперь дело за вами — вам его вести дальше. Вот и доводите его прямо до НИХ. Вы же не боитесь ИХ, не так ли? — Спеннер благосклонно улыбнулся.

Колл заерзал на своем стуле. На его уровне власти и ответственности он располагал правом доступа к Верховному Правлению.

Он пользовался им несколько раз в прошлом, не испытывая при этом ни малейшего удовольствия. Разумеется, доступ был не прямой. Он мог вести переговоры с несколькими членами второго разряда непосредственно лицом к лицу, но контакт с первым разрядом осуществлялся только по видеоканалам. Один раз он говорил с Дантоном и три раза с Клуфманом, но у него не было твердой уверенности в том, что изображения на экране соответствовали реальным людям. Если кто-то назывался Клуфманом, говорил голосом Клуфмана, был похож на трехмерное изображение Клуфмана, то это совсем не обязательно означало, что такое подлинное лицо, как Клуфман, существовало на самом деле.

— Я позвоню. Посмотрим, что из этого получится, — сказал наконец Колл.

Он не хотел звонить с аппарата на своем собственном столе. В нем неожиданно возникла настоятельная потребность физического движения. Колл резко поднялся и стремительно выскочил в коридор, к темной кабине связи. Как только он активировал пульт, экран засветился.

Вряд ли кто осмелился бы поднять трубку и связаться непосредственно с Клуфманом. Это нужно было делать только через соответствующие инстанции. Проводником Колла к вершине власти был Девид Джакомин, разряд второй, ведовавший внутренними уголовными делами. Джакомин существовал в реальной жизни. Колл видел его во плоти и прикоснулся даже как-то раз к его руке. А однажды провел два поразительных часа в личном имении Джакомина в Восточной Африке. Это было самым запоминающимся и умопомрачительным переживанием за всю жизнь Колла.

Он позвонил Джакомину. Меньше чем через пятнадцать минут заведующий появился на экране, приятно улыбаясь Колл с той непринужденной доброжелательностью, которую может себе позволить только персона второго ранга, ощущающая полнейшую личную безопасность. «Джакомину было лет пятьдесят, — отметил про себя Колл. — У него были короткоподстриженные седые волосы со стальным оттенком, морщинистый лоб, слегка искривленные губы. Его левый глаз был неизлечимо поврежден когда-то в прошлом. И на его месте был кристалл световода, ведущего непосредственно в мозг». У Колла была привычка фиксировать в уме события и наблюдения, как если бы он был автором некоего повествования.

— В чем дело, Колл? — дружелюбно поинтересовался Джакомин.

— Сэр, один из моих подчиненных предложил необычный метод получения информации в отношении феномена перебежчиков. У меня есть сомнения, следует ли нам избрать предложенный план или нет.

— Почему бы вам не рассказать об этом подробней? — пред-

ложил Джакомин таким сердечным и успокоительным тоном, будто он был психоаналитиком, беседующим с пациентом, страдающим серьезнейшим неврозом.

* * *

Часом позже, к концу рабочего дня, Квеллен узнал от Колла, что в отношении Мортенсена еще ничего не решено. Колл переговорил со Спеннером, затем с Джакомином, теперь Джакомин говорит с Клуфманом, и, несомненно, один из НИХ сделает через несколько дней распоряжение по делу Мортенсена. Пока же Квеллен должен сидеть тихо и ничего не предпринимать. Еще оставалась уйма времени до зарегистрированной даты убытия Мортенсена.

Квеллен не ощущал удовольствия от той заварухи, которую он затеял. Быть чересчур умным временами опасно. Квеллен понимал, что поставил Колла в неловкое положение. Это не сулило ничего хорошего. Судя по всему, Колл поставил в такое же неловкое положение Джакомина, и теперь Джакомин докучает Клуфману. Это означало, что умное предложение Квеллена вызвало немалую досаду в самых верхних сферах структуры власти. Когда Квеллен был помоложе и почестолюбивее, ему наверняка понравилось бы то, что он привлек к своей особе такое внимание. Теперь же у него был седьмой разряд, и он уже осуществил свою мечту обзавестись отдельной квартирой. Дальнейшее продвижение мало что могло принести ему из материальных благ. Кроме того, на его совести было еще в высшей степени прельстительное и столь же незаконное гнездышко в Африке. Поэтому меньше всего ему хотелось бы, чтобы кто-либо из Верховного Правления сказал: «Этот Квеллен слишком уж умный. А ну-ка наведите о нем справки!» Квеллену надо было оставаться в тени.

Но с другой стороны, он не мог себе позволить вести дело Мортенсена спустя рукава. Это было его служебной обязанностью, а особенные нарушения законов проживания заставляли его как можно добросовестнее относиться к выполнению своего служебного долга.

Прежде чем отравиться домой, Квеллен послал за Стенли Броггом.

Его тучный помощник прямо с порога сказал:

— Мы обложили этого хитреца со всех сторон и скоро узнаем, кто он такой. Это вопрос всего лишь нескольких дней, а может быть, и часов.

— Прекрасно, — кивнул Квеллен. — Я предлагаю вам еще одну линию расследования. Но здесь нужно поступать с величайшей осторожностью, потому что она еще официально не одобрена. Существует некий Дональд Мортенсен, намеревающийся совершить свой прыжок во времени 4 мая. Проверьте все архивные материалы, касающиеся этого человека. Именно оттуда я и узнал о нем.

Я хочу, чтобы ему подцепили «хвост». Проследите за всеми его встречами и связями. Но все нужно обстряпать очень тонко. Здесь важно не перестараться, Брогг.

— Ладно. Значит, Мортенсен.

— Если этот тип проведает о том, что мы за ним следим, это может привести к колоссальным неприятностям для всех нас! Нам грозит понижение в должности или того хуже. Поэтому будьте осторожны, иначе не оберетесь хлопот. Понятно?

Брогг хитро ухмыльнулся.

— Вы имеете в виду, что понизите меня на пару разрядов, если я испорчу дело?

— Примерно так.

— Не думаю, инспектор, что вы это сделаете!

Квеллен смело встретил взгляд Брогга. В последнее время поведение его стало вызывающим. Он уже открыто проявлял свою власть над Квелленом. Случайное обнаружение им африканской виллы Квеллена стало источником мучительных страхов для инспектора.

— Убирайтесь отсюда! — прошипел Квеллен. — И не забудьте быть поосторожнее с Мортенсеном! Весьма вероятно, что эта линия расследования будет отменена Верховным Правлением, и тогда нам всем не сдобровать, если ОНИ дознаются, что мы спугнули этого перебежчика.

— Понимаю, — согласился Брогг и вышел из кабинета.

Квеллен задумался над тем, нужно ли было ему так поступать. Что, если Джакомин распорядится оставить Мортенсена в покое? Что ж, достаточно умелый работник... А с другой стороны, временами даже слишком... Времени на то, чтобы распутать дело Мортенсена, было не так уж много, если проведение его будет одобрено. Квеллену нужно было начать его заблаговременно. Так сказать, по собственной инициативе.

Теперь он сделал все, что было в его силах. На один миг ему пришла мысль о том, чтобы поручить все это грязное дело Броггу, а самому вернуться в Африку. Однако он тут же решил, что это может навлечь на него неприятности. Он запер кабинет и вышел на улицу, чтобы поймать роботакси и отправиться в свою квартиру седьмого разряда. В течение следующих нескольких недель ему наверняка удастся ускользнуть в Африку на часок-другой, но не более. Ему придется завязнуть в Аппалачии, пока не завершится кризис с этими перебежчиками.

Вернувшись в свою квартиру, Квеллен обнаружил, что его пищевые запасы истощились. Поскольку его пребывание в Аппалачии грозило затянуться, и, возможно, надолго, он решил пополнить свои запасы. Обычно Квеллен делал заказ по телефону, но сегодня решил поступить иначе. Активизировав над дверью световую надпись

«не беспокоить», он отправился по спиральному спуску в магазин, намереваясь запастись достаточным количеством продуктов, будто готовясь к длительной осаде.

Спускаясь, он заметил болезненного на вид мужчину в обвислом фиолетовом пиджаке, поднимающегося вверх по рампе. Квеллен не узнал его, и в этом не было ничего удивительного. Несмотря на многолюдье Аппалачии, у каждого было не очень-то много знакомых: горстка соседей и родственников и несколько служащих, вроде заведующего местным продуктовым магазином.

Болезненный человек с любопытством посмотрел на Квеллена. Казалось, он что-то хотел сказать своим взглядом. И от этого Джозефу стало как-то не по себе. У себя в отделе он встречался с различного рода информацией о назойливых типах, с которыми можно повстречаться на улице. Как правило, такие встречи имели сексуальный характер. Но были и такие, кто подкрадывался невзначай и производил укол в вену, впрыскивая какой-нибудь наркотик, к которому мгновенно вырабатывается привычка, либо керперогенное средство. Это мог быть также и какой-нибудь тайный агент, с имплантированным под кожу молекулярным зондом, который мог передавать каждое произнесенное слово в расположенный где-то далеко приемный центр. Такое нередко встречалось в повседневной жизни.

— Возьмите это и прочтите, — шепнул человек с болезненным лицом.

Он прошмыгнул рядом с Квелленом и сунул ему в руку мини-карточку. Избежать контакта не было никакой возможности. Незнакомец мог сделать ему что угодно за ничтожное короткое время. Как раз сейчас костный кальций Квеллена мог превратиться в желе, а мозг мог начать сочиться через ноздри. Могло случиться что угодно в результате беспричинной агрессивности маньяка. Однако все, что сделал незнакомец, — это сунул ему в ладонь какую-то рекламку.

Квеллен развернул мини-карточку только после того, как незнакомец исчез из виду.

«БЕЗ РАБОТЫ?
ЗАЙДИ К ЛАНОЮ», — прочел он.

И больше ничего! В Квеллене тотчас заговорил уголовный инспектор. Как и в большинство нарушителей законов и общепринятой морали, он был предельно энергичен в преследовании других нарушителей, а в рекламном листке Ланоя усматривалось нечто непротивозаконное. Это была просто передача рекламы из рук в руки. Может быть, Ланой занимался деятельностью по трудоустройству? Но это была прерогатива правительства! Квеллен поспешно обернулся, собираясь погнаться за быстро удалявшимся

мужчиной с болезненным лицом. Далеко вверху последний раз мелькнул фиолетовый пиджак и исчез. Он мог укрыться где угодно, сойдя со спиральной рампы на любом ярусе.

«Без работы? Зайди к Ланою».

Интересно, кто этот Ланой? И какие чудодейственные средства он предлагает? Квеллен решил, что нужно привлечь к этому вопросу Ливарда или Брогга.

Спрятав мини-карточку в карман, Квеллен вошел в магазин. Перед ним распахнулась обитая свинцом дверь. Роботы-разносчики шныряли среди стеллажей, учитывали товар, заполняли накладные. Невысокий краснолицый мужчина, заведующий магазином (разумеется, простое приложение к компьютерам — какая же домохозяйка захочет посплетничать с компьютером?), поздоровался с Квелленом, выражая необычную для него сердечность.

— О, господин инспектор собственной персоной! Наконец-то вы почтили нас своим присутствием! — воскликнул багроволицый заведующий. — А я было подумал, что вы переехали. Но ведь этого не могло быть, правда? Ведь вы бы меня известили, если бы получили повышение?

— Конечно, Грави, обязательно. Просто я некоторое время отсутствовал. Очень сейчас занят: сплошные расследования.

Сказав это, Квеллен нахмурился. Он не хотел, чтобы вся община узнала о его частых отлучках. Он раздраженно подхватил засаленный серый переплет, в который был вложен основной каталог, и начал его просматривать. Консервы, концентраты и прочие продукты питания составляли необходимую для поддержания жизни диету. Он заполнил бланк и поместил его перед фотосчитывателем.

— Вчера здесь была ваша сестра, сэр, — заметил стоящий за его спиной Грави.

— Хелейн? В последнее время я редко вижу ее.

— Она что-то неважно выглядит, инспектор. Ужасно худая. Я запрограммировал ее обычный набор, но она отказалась. Вы должны обязательно уговорить ее обратиться к врачам.

— Ну... — протянул Квеллен. — Как вам сказать. Кое-какая подготовка по медицине есть у ее мужа. Правда, он не врач, а только техник, но если с нею происходит что-то неладное, то он вполне в состоянии поставить квалифицированный диагноз. Если, разумеется, не растерял свое умение. В его положении это нетрудно.

— Разве это справедливо, инспектор? Я уверен, что мистер Помрат был бы счастлив, если бы чаще получал работу. Я это точно знаю! Никому неохота бездельничать. Ваша сестра рассказывает, как он страдает. В сущности, — заведующий низко наклонился и заговорщически зашептал, — мне не следовало бы

говорить вам об этом, инспектор, но должен заметить, что судьба этой семьи печальна. Они считают, что при вашем политическом влиянии...

— Я ничего не могу для них сделать! Абсолютно ничего! — Квеллен почувствовал, что кричит. Какое дело этому чертову завмагу до того, что Норман Помрат без работы? Как он смеет вмешиваться в чужие дела?

Квеллен сделал над собой усилие, чтобы успокоиться. Пробормотав извинения за вспышку гнева, он поспешно вышел из магазина.

Выйдя на улицу, он задержался на короткое время, глядя на струящиеся мимо него толпы людей. На них была одежда всех цветов и фасонов. Они непрерывно говорили. Мир был пчелиным ульем, сильно перенаселенным, несмотря на все ограничения деторождаемости. Квеллену страстно захотелось очутиться в тихом прибежище, которое он создал такой высокой ценой и с таким трепетом вспоминал. Чем больше он видел крокодилов, тем все равнодушнее становился к толпам, переполнявшим города.

Разумеется, это мир, в котором царит порядок. Все пронумеровано, идентифицировано, зарегистрировано и поднадзорно, не говоря уже о том, что все постоянно просматривается. А как же еще руководить миром, в котором обитает около одиннадцати-двенадцати, а может быть, даже и тринадцати миллиардов людей, если не навести в нем должный порядок? И все же положение, которое занимал Квеллен, давало ему возможность понять, что при всей этой внешней видимости порядка в мире происходят любые возможные беззастенчивые нарушения законов — не то, что в случае Квеллена, оправданные попытки скрасить невыносимое существование, а сомнительные, порочные, непростительные вещи. Взять хотя бы злоупотребление наркотиками. Существуют лаборатории на всех пяти материках, которые непрерывно разрабатывают новые наркотики быстрее, чем успевают запретить старые. Как раз сейчас появились смертоносные алкалоиды, и мир наводнялся ими самым постыдным образом. Человек заходит во дворец грез, надеясь купить полчаса невинного галлюцинаторного развлечения, а вместо этого приобретает ужасную неистребимую привычку. Или в тесноте такси мужская рука гладит женское тело, что в худшем случае можно было бы посчитать нескромной лаской, а через два дня женщина внезапно обнаруживает, что у нее появилось пагубное влечение и она должна обратиться за помощью к врачам.

«И сколько еще такого, — подумал он. — Жуткие, бесчеловечные вещи. Мы совсем огрубели, лишились человеческих чувств. Мы наносим вред друг другу без всякой на то необходимости, из одного лишь желания напакостить друг другу. И когда мы обращаемся к кому-нибудь за помощью, то ответом является

не человеческое участие, а страх и отчуждение: «Держись от меня подальше!», «Оставь меня в покое!»

Взять хотя бы этого Ланоя, размышлял Квеллен, ощупывая мини-карточку у себя в кармане. Происходит что-то извращенное, однако настолько скрыто, что не привлекает внимания уголовной полиции. Что говорят устройства памяти компьютеров об этом Ланое? Каким образом ему удается скрыть свою противозаконную деятельность от семьи или от соседей по квартире? Безусловно, он не живет один!

Такой изгой не может иметь седьмой разряд. Ланой, должно быть, пройдоха-пролетарий, занимающийся шарлатанством ради собственной выгоды.

Квеллен ощутил смутное родственное чувство к неизвестному ему Ланою, хотя и пытался изо всех сил подавить его. Ланой, как и он сам, любил выигрывать. Он был хитрым и изворотливым, с таким стоило познакомиться поближе.

Квеллен быстро зашагал к своей квартире.

Глава шестая

Питер Клуфман лежал, распластавшись, в огромной ванне с питательной жидкостью, пока специалисты заменяли ему левое легкое. Панель, прикрывавшая его грудную клетку, была широко раскрыта на петлях, как будто Клуфман был чем-то вроде робота, которому производят ремонт. Но он не был роботом! Он был простым смертным во плоти и крови, но не очень-то подверженным смерти. К своим 132-м годам Клуфман столь часто менял свои органы, что от его первоначального тела почти ничего не осталось, кроме серого куска коварного мозга. Но даже и там острый лазерный луч хирурга был частым гостем. Клуфман охотно подвергал себя таким операциям ради продления своего существования, что означало продление его неограниченной власти. Клуфман предпочитал, чтобы все оставалось так, а не иначе!

— С вами хочет встретиться Девид Джакомин, сэр, — сообщил вмонтированный ему в череп зонд.

— Пусть войдет, — ответил Клуфман.

Около двадцати лет тому назад он велел перестроить свое тело таким образом, чтобы иметь возможность заниматься государственными делами даже во время операций по пересадке органов. Иначе нельзя было удержаться у власти. Клуфман был единственным обладателем первого разряда, что означало, что все нити власти сходились к нему одному. Он передал, насколько мог, множество полномочий набору транзисторов и реле, которые функционировали от имени Бенджамина Дантона. Но Дантона в действительности

не было, и, по сути, он был всего лишь продолжением неутомимого Клуфмана. Так было не всегда. Перед делом Флайминга Бесса было трое представителей первого разряда, а еще раньше Клуфман был всего лишь одним из пяти.

И тем не менее он вполне удовлетворительно справлялся со своей ролью. И не было причины, по которой он не смог бы продолжать нести свое уникальное бремя еще дет шестьсот-семьсот. Ни один человек во всей истории человечества не обладал такой властью, какой обладал Питер Клуфман. В редкие моменты усталости он находил в этом утешение.

Вошел Джакомин. Он принял позу сосредоточенного внимания рядом с питательной ванной, в которой лежал Клуфман. Клуфман высоко ценил Джакомина. Он был одним из двух сотен лиц второго разряда, которые обеспечивали необходимую поддержку Верховному Правлению. Между вторым и третьим разрядами пролегала пропасть. Лица, имевшие второй разряд, понимали, как управляется планета. Лица третьего разряда, пользуясь большими материальными благами, были в неведении в отношении способа управления планетой. Для хирурга или администратора Дантона был вполне реальным лицом, для них в такой же степени существовали и другие обладатели первого разряда. Джакомин, имея привилегию мнения, положенную лицу второго разряда, знал правду.

— Ну? — сказал Клуфман, наблюдая с отрешенным интересом за тем, как хирурги готовят серую пенистую массу заменителя легкого и вставляют его в разверстую грудную полость. — Что у вас сегодня, Девид?

— Прыгуны.

— Обнаружена ли техника, с помощью которой это происходит?

— Пока еще нет, — ответил Джакомин. — Хотя необходимые шаги предприняты. Ждать осталось недолго.

— Это хорошо, — пробормотал Клуфман.

Эти несанкционированные путешествия во времени беспокоили его гораздо больше, чем он хотел и мог допустить. С одной стороны, они продолжались, несмотря на усиленные попытки правительства докопаться до их источника, и это вызывало беспокойство. Но, разумеется, прошло только несколько дней, как Клуфман распорядился начать операцию по обнаружению. Гораздо больше его беспокоил тот факт, что, несмотря на всю его власть, он не мог тут же протянуть руку, уцепившись за этот транстемпоральный процесс и поставить его себе на службу. Он был изобретен независимо от Верховного Правления. Это было вызывающим подозрением напоминанием, что даже он, Клуфман, не всемогущ.

— Проблема вот в чем, — продолжал Джакомин. — Предполагают изолировать потенциального перебежчика и не дать ему возможности совершить прыжок.

Клуфман конвульсивно заворочался в ванне. Жидкость плеснула ему в грудную полость. Самонастраивающиеся насосы невозмутимо тут же удалили ее, и хирург, сомкнув губы, продолжал свою работу по имплантации нового легкого.

— Зарегистрированного прыгуна? — спросил Клуфман. — О котором есть упоминание в архиве?

— Да.

— Вы дали разрешение на это?

— Последнее слово за вами, сэр.

— Я категорически против! — решительно изрек Клуфман. — Более того, нет и еще раз нет! Должна быть абсолютная ясность в том, чтобы не было никакого вмешательства в действия, предпринимаемые любым зарегистрированным прыгуном. Это правило должно соблюдаться неукоснительно! Всякий, кто убежал, должен убежать! Это мой ПРИКАЗ! Понятно, Девид? Он касается всех отделов, хотя бы отдаленно связанных с проблемой прыгунов.

Клуфман ощутил легкий укол в мясистую часть левого бедра. Успокоительное. Должно быть, он слишком сильно возбудился. Автоматическая следящая система компенсировала химическими средствами его разбухшие артерии, наполняя его кровеносную систему полезными ферментами. Он мог бы не допускать этого. Сознательным усилием воли он стал успокаивать себя. Джакомин озабоченно смотрел на своего господина.

Когда Клуфман наконец успокоился, Джакомин произнес:

— Это все, что я хотел сообщить вам, сэр. Я передам исполнителям ваши распоряжения.

— Да. И известите программистов Дантона. Все, что проходит через его ведомство, должно быть подчинено общей цели. Вопрос этот настолько важен, что здесь не должно быть никаких упущений. Сам не пойму, как это я умудрился не предугадать возможные осложнения.

Джакомин отправился к выходу, осторожно обходя ванну. Прочь из этой насыщенной парами атмосферы непроветриваемого помещения. Клуфман с неудовольствием глядел на зеленые стекловидные стены. Он думал, что его должны были бы предостеречь заранее. Дело лиц второго разряда предугадывать все волчьи ямы на его пути. Они должны были уже давно изучить проблему прыгунов во всей ее сложности. Они должны были начать беспокоиться об этом еще с 83-го года! Почему же они не удосужились этого сделать?

Клуфман простил себе то, что просмотрел трудности задачи. Другим же было непростительно — им стоило бы понизить разряд!

Вслух он произнес:

— Представим себе, что могло бы случиться, если бы кто-нибудь вмешался в действия зарегистрированных прыгунов. Не допу-

стив этих чокнутых в прошлое, можно было бы весь современный мир вывернуть шиворот-навыворот!

Хирурги ничего не ответили. За смелость говорить с Клуфманом о чем-либо вне сферы профессиональной компетенции можно было поплатиться разрядом. Они закрыли грудную клетку и ввели оживляющие средства. Тотчас начался процесс приживания нового легкого. Температура питательной ванны начала понижаться, автоматически регуляторы подготавливали Клуфмана к возвращению в состояние независимой подвижности.

Он был потрясен. Не послеоперационным шоком — такого никогда еще не было. Он был потрясен осложнениями, которые чуть не произошли. Вмешательство в прошлое!!! Извлечение прыгунов из временной матрицы! «Предположим, — подумал он с раздражением, — какой-нибудь бюрократ седьмого или десятого разряда по собственной инициативе, пытаясь добиться по службе повышения, забежал вперед решительными действиями и помешал отправлению в прошлое нескольким известным ныне прыгунам. И тем самым перевернул всю структуру причинно-временных связей и безвозвратно изменил прошлое. Тогда все могло быть совершенно иным. Я мог бы стать привратником, техником, продавцом таблеток от головной боли. Возможно, я никогда не родился бы или имел бы седьмой разряд, а Дантон существовал бы на самом деле и был бы на самой верхушке власти. Или могла бы наступить полная анархия — без всяких намеков на Верховное Правление. Все что угодно! Что угодно... Мир мог бы стать совершенно иным. Трансформация подкралась бы, как вор в ночи, и перемена прошлого, естественно, осталась бы не обнаруженной. Я никогда бы и не узнал об изменении своего статуса. Возможно, — вдруг подумал Клуфман, — уже произошло несколько таких изменений».

Возможно ли это?

Не расстроены ли уже намерения двух-трех прыгунов, бегство которых зафиксировано, каким-нибудь переусердствовавшим служащим? И не произошли ли уже фундаментальные изменения в прошлом, пятьсот лет тому назад, изменения, которые никогда уже не будут замечены? Клуфман внезапно ощутил мучительне чувство нестабильности Вселенной. Вот он, на глубине шестисот метров под землей, живет, как обычно, в самом фундаменте цивилизации, ибо Верховное Правление всегда занимало самый нижний ярус, и располагает вот уже десятки лет такой неограниченной властью, о которой даже мечтать не смели ни Аттила, ни Чингис-хан, ни Наполеон, ни Гитлер. И тем не менее чувствует, как обрываются уходящие в далекое прошлое поддерживающие его корни. Ему стало не по себе от этого ощущения. Какой-то безликий служака, мелкий исполнитель мог в результате одной-единственной ошибки все уничтожить,

а он, Клуфман, бессилен предотвратить случившееся. Вполне возможно, что так оно уже и случилось.

«Мне не следовало впутываться в эту затею с прыгунами», — подумал он.

Но Клуфман привык упорствовать в своих заблуждениях. Он поступил правильно, но не учел всех опасных факторов. Прежде чем напустить свою бюрократическую машину на проводника перебежчиков, ему следовало бы дать твердые распоряжения в отношении вмешательства в прошлое. Он задрожал при мысли о своей уязвимости, которую он сам создал. В любое время после 2486 года сооружение власти, с таким трудом возведенное за многие годы, может быть уничтожено слепым рвением мелкого чиновника.

Уколы десятка автоматических шприцев напомнили ему о том, что он снова теряет самообладание.

— Пришлите ко мне Джакомина! — приказал он.

Джакомин вошел через несколько секунд. Он был озадачен внеурочным вызовом. Клуфман сильно наклонился вперед, наполовину высунувшись из ванны и заставив протестующе взвыть добрый десяток сервомеханизмов в его теле.

— Я только хотел еще раз подчеркнуть, — сказал он, — чтобы было полное понимание моих инструкций. Никаких помех убытию прыгунов. Никаких! Понимаете, Джакомин? Н-и-к-а-к-и-х! Н-и п-р-и к-а-к-и-х о-б-с-т-о-я-т-е-л-ь-с-т-в-а-х! Ясно?

— Понятно.

— Я причинил вам беспокойство, Девид? Не кажется ли вам, что я — ботливый старик, которому давно пора прочистить мозги? Позвольте мне сказать вам, почему я столь обеспокоен этой проблемой. Я контролирую настоящее и, в определенной степени, будущее. Но не прошлое. Каким образом я могу воздействовать на прошлое? Я четко представляю себе, что весь этот отрезок времени мне не подвластен. Признаюсь, что я напуган. Девид, проследите за тем, чтобы прошлое оставалось ненарушенным. Все, что уже произошло, должно произойти.

— Я уже принял меры, — кивнул Джакомин.

Клуфман отпустил его, чувствуя себя несколько увереннее, но все же ощущая неудовлетворенность. Затем вызвал Моберли, служащего второго разряда, заведовавшего Дантоном. Как человек, считающий себя почти бессмертным, Клуфман не очень-то задумывался над тем, кто станет его законным наследником. Однако он питал немалое уважение к Моберли и считал его одним из возможных своих преемников.

Вошел Моберли, шестидесятилетний мужчина, подвижный и мускулистый. У него была заурядная внешность и жесткие густые волосы. Клуфман вкратце изложил ему ситуацию.

— Джакомин уже занимается этой проблемой, — сказал он. —

Вы тоже поработайте над ней. Излишняя ретивость, вот в чем вся загвоздка! Пусть Дантон сделает официальное заявление. Распространите его вплоть до служащих седьмого разряда. Это крайне необходимо!

— Вы уверены в том, что уже произошли какие-то изменения в прошлом как результат мер против прыгунов? — спросил Моберли.

— Нет, но они могли произойти! Мы просто никогда не узнаем об этом.

— Я займусь этим, — сказал Моберли и вышел.

Клуфман отдыхал. Через некоторое время он велел сам себе вылезти из питательной ванны и отправиться в свой кабинет. На поверхности Земли он не был шестнадцать лет. Мир вверху был для него чем-то не совсем реальным, но он не видел в этом вреда, поскольку прекрасно понимал, что для большинства обитателей этого мира наверху он сам был не то, что не вполне, а почти совершенно не реальным. «Взаимность — тайна эффективного правления», — подумал он. Клуфман жил в комплексе из пересекающихся туннелей, протянувшихся на сотню миль. В любой момент времени машины со сверкающими когтями энергично расширяли его владения. Он надеялся, что лет через десять, может быть чуть больше, весь мир будет опоясан бесконечной цепью ходов Верховного Правления, его персональной системой транспорта. Строго говоря, в этом не было никакой необходимости. Он мог бы править миром столь же эффективно из одной-единственной комнаты, как и из любой точки опоясывающей планету системы подземных туннелей. Но у него были свои собственные причуды. «Какая польза от того, что являешься высшим руководителем всей планеты, — думал Клуфман, — если нельзя потворствовать своим мелким капризам?»

Он передвинулся на бесшумных роликах в помещение центра управления и позволил своим слугам подсоединить себя к контактным зажимам. Ему наскучило зависеть от устных донесений о событиях во внешнем мире. Одним из многих хирургических усовершенствований, которым он был подвергнут за долгие годы правления, была возможность непосредственного подключения его собственной нервной системы к компьютерам. Клуфман мог, и часто этим пользовался, подключаться прямо к информационным каналам, становясь как бы еще одним выводным устройством компьютерной сети. Тогда, только тогда он испытывал ощущение полного удовлетворения.

Он кивнул, и поток информации хлынул в его мозг.

Факты. Рождения и смерти. Статистика заболеваний, данные о загрузке транспорта, расходе энергии, уровень преступности. Все это поглощалось клетками мозга Клуфмана. Где-то далеко наверху

миллиарды и миллиарды людей жили своей повседневной жизнью, и он каким-то образом входил в жизнь каждого из них, а они, в свою очередь, — в его. Его восприимчивость, разумеется, была ограниченна. Он не мог выявить отдельные отклонения, кроме всплеска каких-то данных. Однако он мог делать обобщения. Он узнал, что в этот самый момент еще один прыгун отправлялся в прошлое. Еще одна жизнь, извлеченная из настоящего. А как же масса? Сохранялась ли она? Сведения о полной массе планеты не учитывали возможности неожиданного и полного вычитания. Около сотни килограммов вдруг перемещалось из настоящего и забрасывалось в позавчера. «Интересно, — подумал Клуфман, — как это может происходить?» И тем не менее это происходило. Архивы доказывали это. Тысячи прыгунов покидали свое время и отправлялись в эпоху своих предков. Как? Каким образом?

Питер Клуфман отогнал эту мысль как неуместную. Гораздо важнее была неожиданная, немыслимая возможность того, что прошлое могло быть изменено, и все, что ему принадлежит, в одно мгновение может быть отобрано у него в результате случайной флуктуации, от которой нет никакой защиты. Это вселило в него ужас. Он наполнил свой мозг до предела его емкости, дабы утопить эту возможность всеобщей неудачи. И ощутил прилив восторга.

Цезарь! Разве было у тебя когда-нибудь ощущение того, что весь мир протекает через твой мозг?

Наполеон! Мог ли ты, хотя бы на мгновение, вообразить себе, что такое быть подключенным к главным компьютерам?

Сарданапал! Разве мог ты так наслаждаться?

Массивное тело Клуфмана затрепетало. Сквозь его кожу проступило свечение капиллярной сетки, пришедшей в состояние крайнего нервного возбуждения. Он перестал быть Питером Клуфманом, владыкой мира, единственным человеком первого разряда, великодушным деспотом, тонким стратегом, случайным потоком предыдущих эпох. Теперь он был каждым, кто существовал в этом мире. В него вливался поток космической энергии. Это была подлинная нирвана! Это было абсолютное единство! Это был момент всеобъемлющего восторга!

В такое время было невозможно представить себе, с какой легкостью это все может быть у него отобрано.

Глава седьмая

— Норм, кто этот Ланой? — спросила Хелейн Помрата.
— Как ты сказала?
— Ланой. Л-а-н...
— Где ты слышала это имя?

Она показала мужу мини-карточку, внимательно наблюдая за выражением его лица.

Его глаза забегали. Он был явно смущен.

— Я нашла ее вчера у тебя в кармане пиджака, — пояснила она. — «Без работы? Зайди к Ланою», — написано здесь. Мне просто интересно, кто это, что он может сделать для тебя?

— Он...э-э...заведует чем-то вроде бюро по трудоустройству, как мне кажется. Может быть... — Помрату было явно не по себе. — Кто-то всучил мне это, когда я выходил из дворца грез.

— Какая от этого польза, если здесь не указан адрес?

— Я думаю, что от меня ждут розыска работы, — улыбнулся Помрат. — Ждут, чтобы я занялся слежкой. Не знаю. Я, если по правде, напрочь забыл об этой карточке. Дай-ка ее сюда.

Она положила карточку на стол. Он быстро схватил ее и сунул в карман. Хелейн не понравилась поспешность, с которой он убрал с глаз этот попахивающий преступлением документ. Не имея ни малейшего понятия, что все это значит, она отметила виноватый вид мужа и его замешательство.

«Может быть, он готовит мне какой-то сюрприз, — подумала она. — Может быть, он уже побывал у этого Ланоя и что-то сделал, чтобы получить работу, но не хочет мне говорить об этом до следующей недели, когда у нас будет годовщина? А я все испортила, задавая ему вопросы? Мне нужно было пока что воздержаться от излишних расспросов».

С платформы молекулярного душа сошел голый Джозеф. Его сестра, такая же голая, ступила под душ. Хелейн занялась программированием завтрака.

— Сегодня в школе у нас урок географии, — сказал Джозеф.

— Это просто замечательно, — рассеянно произнесла Хелейн.

— Где находится Африка? — поинтересовался мальчик.

— Очень далеко. Где-то по ту сторону океана.

— Я смогу поехать в Африку, когда вырасту? — не унимался Джозеф.

Из-за ширмы, прикрывавшей душ, раздалось громкое хихиканье. Марина отодвинула полупрозрачную занавеску и сказала:

— Африка — это где живут те, у кого второй разряд! Ты думаешь, что когда-нибудь получишь второй разряд? Ха-ха-ха!

Мальчик сердито сверкнул глазами.

— А почему бы и нет! Может быть, у меня даже будет первый разряд. Откуда тебе знать? А вот ты, я уверен, не станешь никем! У меня есть кое-что такое, чего у тебя нет!

Марина скорчила ему рожу. Глядя из своего угла на экран, где печатались утренние новости, Помрат пробурчал:

— А ну, прекратите вы, оба! И одевайтесь! Марина! Вылезай из душа!

— Я только сказал, что мне хочется побывать в Африке, — обиделся Джозеф.

— Не пререкайся с отцом! — вмешалась Хелейн. — Завтрак готов. Одевайтесь!

Она тяжело вздохнула. У нее было такое ощущение, будто в ее голову насыпали толченого стекла. Дети всегда спорят друг с другом. Норм сидит в углу, словно гость, уткнувшись в экран. Четыре стены без окон просто давят на нее. Нет, с нее хватит! Она не понимает, как она могла так долго выносить все это! Еда, сон, секс — и все это в одной маленькой комнатке! Тысячи грязных соседей завязли в одном и том же болоте. Один раз в год пикник с помощью стасис-р\поля куда-нибудь подальше, в еще незастроенное место — хлеба и зрелищ! — чтобы пролетарии были счастливы. Но какое это мучение — увидеть настоящее дерево, а затем возвращаться в Аппалачию. «Настоящее мучение», — печально подумала Хелейн. Совсем не этого ожидала она, выходя замуж за Норма Помрата. Ведь когда-то он был полон планов!

Дети позавтракали и отправились в школу. Норм остался на своем месте. Щелкая переключателями и крутя рукоятки телеприемника, он делился с нею услышанными новостями.

— Датон торжественно открывает новую больницу в Тихоокеании в следующий вторник. Полностью автоматизированную, один гигантский гомеостат и ни одного техника вообще. Разве это не здорово? Это снижаст правительственные расходы на обслуживание. А вот еще одна хорошая новость. Начиная с первого мая, норма кислорода во всех коммерческих зданиях понижается в среднем на 10%. Говорят, что это даст возможность увеличить поступление кислорода в квартиры налогоплательщиков. Помнишь, Хелейн, когда ввели нормы расхода кислорода для домашнего пользования? Когда дело доходит до рационирования воздуха...

— Норм, успокойся!

Он не обратил внимания на ее слова.

— Как это случилось с нами? Мы добились права на улучшение. Четыре миллиона людей на квадратный дюйм, вот куда мы идем. Строятся дома высотой в тысячу этажей, так что места хватает на всех, и приходится тратить месяц, пока доберешься до уровня улицы или поднимешься до платформы роботакси, но что с того? Это прогресс! И...

— Ты думаешь, что тебе удастся разыскать этого Ланоя и с его помощью найти работу? — перебила его Хелейн.

— Все, что нам нужно, — продолжал он, — это первоклассная бактериальная чума. Избирательная, разумеется. Которая уничтожит всех тех, у кого нет никакого профессионального ремесла. Которая сократит перечень нуждающихся в работе на несколько миллиардов за несколько дней. Позволит направить деньги,

полученные налогообложением, на программу создания рабочих мест для выживания. А если это не даст эффекта, то придется начать войну. С какими-нибудь внеземными врагами из Крабовидной Туманности! Из чистого патриотизма! Начать заранее запрограммированную на поражение войну. На растрату пушечного мяса...

«Он совсем выжил из ума», — подумала Хелейн, слушая речи своего мужа. В последнее время это было его бесконечным монологом, брызжущим горечью. Она старалась не слушать. Поскольку он не высказывал намерения покинуть квартиру, так поступила она. Швырнув маски в мусороприемник, она сказала ему:

— Пошла к соседям, — и вышла как раз в тот момент, когда он начал расписывать все прелести контролируемой ядерной войны в качестве средства контроля над численностью населения. Случайные приступы словоблудия — вот все, на что был способен теперь Норм Помрат. Ему нужно было слушать самого себя, чтобы не забыть о том, что он еще существует.

«Куда же пойти?» — задумалась Хелейн.

* * *

Бет Виснек, ставшая вдовой при жизни своего мужа-прыгуна, стала на вид еще меньше, еще печальнее, еще невзрачнее, чем во время последнего посещения Хелейн. Подавляя кипевшую в ней злость, она плотно сжала губы. Весь ее далеко не женственный вид как бы говорил: «Как он осмелился сделать мне такое, как он мог покинуть меня?»

Бет вежливо предложила гостье алкогольную трубку. Хелейн приветливо улыбнулась, взяла красную пластмассовую трубку за носик и прижала его к мясистой части руки. Бет сделала то же самое. Ультразвуковой пробник открыл путь стимулятору прямо в кровеносную систему. Приятная выпивка, особенно для тех, кому не по душе вкус современных спиртных напитков. Глаза Хелейн заблестели, она расслабилась, слушая жалобы Бет, произносимые одним и тем же плаксивым тоном.

Через некоторое время Хелейн сказала:

— Бет, тебе известно что-нибудь о некоем Ланое?

Бет вся обратилась во внимание.

— Ланой? Какой Ланой? Где ты о нем слышала? Что ты о нем знаешь?

— Немного. Потому и спросила у тебя.

— Я слышала это имя, — ее бесцветные глаза оживились. — Бад упоминал это имя. Я слышала, как он говорил кому-то: Ланой это, Ланой то... Это было за неделю до того, как он сбежал от меня. Ланой, говорил он, это устроит, но я тогда не понимала, что он подразумевает под словом «это».

Хелейн внезапно ощутила, как внутри у нее все похолодело.

Не дожидаясь приглашения, она потянулась за второй алкогольной трубкой.

— Что устроит? — спросила она.

Бет Виснек вся обмякла.

— Не знаю, Бад никогда не обсуждал со мной свои дела. Но я все же слышала, как он говорил об этом Ланое. Большей частью шепотом. Перед самым своим исчезновением он болтал без умолку. У меня есть гипотеза, касающаяся Ланоя. Хочешь послушать?

— Конечно!

— Я думаю, — с улыбкой произнесла Бет, — что Ланой — это как раз тот, кто заправляет этим делом с прыгунами.

Хелейн подумала то же самое. Но она пришла сюда, чтобы услышать другое, а не подтверждение своим наихудшим опасениям. Она напряглась, руки ее слегка дрожали. Чтобы успокоиться, она поправила на себе кофту и переменила позу.

— В самом деле? У тебя есть причины так считать?

— Бад всю неделю говорил о Ланое. Затем он пропал. Он что-то замышлял, и Ланой имел к этому какое-то отношение. Мне нужно было узнать, какое. Но у меня на этот счет была своя гипотеза. Бад повстречался где-то с этим Ланоем. Они ударили по рукам. И...и... — боль и ярость выплеснулись на поверхность. — И Бад ушел, — задыхаясь, выпалила Бет Виснек и всадила себе в руку содержимое еще одной трубки. Затем спросила: — Почему ты спрашиваешь?

— Я нашла памятку в одежде Нормана, — ответила Хелейн. — Что-то вроде рекламки: «БЕЗ РАБОТЫ? ЗАЙДИ К ЛАНОЮ». Я спросила у него, что это? Он очень смутился, забрал у меня карточку, стал говорить, что это агентство по устройству на работу или что-то в этом роде. Я уже тогда поняла, что он что-то скрывает. Вся закавырка в том, что я не знаю, что именно.

— Тебе нужно хорошенько поразмыслить над этим, Хелейн!

— Ты думаешь, что дело дрянь?

— Я считаю, что с Норманом может произойти то же самое, что и с Бадом. Норм теперь с ними в контакте. Он наверняка сейчас пытается поднакопить денег. И они зашлют его назад. Пиф-паф — и нету! Нет у тебя мужа. Расти вдова Помрат детей и сама все расхлебывай! — Теперь глаза Бет Виснек как-то странно сверкали. Теперь, когда перед ней открылась перспектива исчезновения мужа Хелейн, она больше не выглядела несчастной. «Она жаждет заполучить напарницу по несчастью», — догадалась Хелейн. Пусть все мужья на всей планете исчезнут в ненасытной утробе прошлого, и тогда, наверное, у Бет Виснек станет немного легче на душе.

Хелейн усилием воли заставила себя оставаться спокойной.

— Когда полиция расследовала исчезновение Бада, ты упомянула Ланоя? — спросила Хелейн.

— Да, я назвала его. Они хотели знать, не случилось ли с Бадом чего-нибудь необычного перед тем, как он исчез, и я рассказала им, что он упоминал это имя несколько раз, но кто он такой, я не знаю. Они записали это имя. Не знаю, что за этим последовало. Все равно Бада уже не вернешь. Во времени, знаешь ли, можно перемещаться только в одном направлении. Назад. Там, в прошлом, у них нет никакой машины, которая могла бы отсылать людей снова в будущее. Так что, когда Норм...

— Он не уйдет! — твердо сказала Хелейн.

— Он ведь встречался с Ланоем? — спросила Бет.

— Все, что у него было, — это мини-карточка. На ней даже адреса не было, понимаешь, не было! Норм сказал, что не знает, где найти этого Ланоя. И нельзя быть уверенным в том, что этот человек связан с делом переправки прыгунов в прошлое.

Глаза Бет сверкнули.

— Люди Ланоя с ним в контакте! — вскричала она. — А это означает, что в любую минуту они могут возникнуть на его горизонте. И он сможет встретиться с Ланоем, что приведет в скором времени к его отправке в прошлое. И поверь мне, Хелейн, твой Норман обязательно станет прыгуном. Он обязательно уйдет!

* * *

Монорельс подвез ее к роскошному небоскребу, в котором размещался Уголовный Департамент. Проявив определенное упорство перед пультом в вестибюле, Хелейн раздобыла информацию о том, что ее брат сегодня находится в конторе и, если ей угодно некоторое время подождать, она сможет с ним увидеться. И Хелейн подала заявку на встречу с ним. Машина запросила у нее отпечатки пальцев, и она оставила их. После чего машина попросила ее подождать вызова в вестибюле в пурпурными матерчатыми шторами.

Для Хелейн была непривычна вылазка в мир государственных учреждений и ходячих сервомеханизмов. Она нечасто выходила из дома и все закупки делала с помощью компьютера, не выходя из квартиры. «Городской центр» — мир, в котором сходились монорельсовые дороги, был для нее устрашающим местом. Она с большим трудом сохраняла спокойствие. По такому серьезному поводу, как этот, ей нужно было встретиться с братом лицом к лицу, чтобы он не мог ускользнуть от нее, выключив канал видеосвязи. Она была напугана.

— Уголовный комиссар ждет вас, — раздался бесстрастный голос робота.

Ее буквально втолкнули в кабинет брата. Квеллен поднялся, как-то неловко улыбнулся и предложил ей сесть. Кресло буквально прилепилось к ней и стало растирать мышцы спины. Хелейн задрожала от новизны ощущений и с тревогой дернулась вверх, когда

невидимые руки внутри кресла принялись обрабатывать ее бедра и ягодицы. Чувствительные датчики обратной связи кресла уловили ее настроение и прекратили уход за ее телом.

Она неуверенно посмотрела на брата. Квеллену было столь же неловко в ее присутствии. Он потянул себя за ухо, сжал губы, потер костяшки пальцев. Фактически они были чужими друг другу людьми. Да, они время от времени встречались, но настоящего общения между ними уже давно не было. Он был на несколько лет старше ее. Когда-то они были близки, нежные брат и сестра, поддразнивающие друг друга, как сейчас Джозеф и Марина. Хелейн помнила своего брата мальчиком, исподтишка поглядывавшим на ее тело в однокомнатной квартирке, таскавшим ее за волосы, помогавшим ей делать уроки. Потом он начал готовить себя к государственной службе и после этого уже перестал быть хоть какой-то частью ее мира. Теперь она была раздражительной домохозяйкой, а он — государственным служащим седьмого разряда! Она даже немного его побаивалась.

Примерно три минуты они обменивались дружескими любезностями, расспрашивая друг друга о домашних делах. Хелейн рассказала о своих детях, об аппарате гражданской совести в ее квартире, о своей личной программе чтения. Квеллен говорил мало. Он был холостяком, что сильно отдаляло его от нее. Хелейн знала, что ее брат водится с какой-то женщиной по имени Джудит, но он редко говорил о ней и, казалось, вряд ли даже о ней думал. Были времена, когда Хелейн начинала подозревать, что Джудит не существует в жизни, что Квеллен придумал ее для прикрытия какого-то порока, которому предавался наедине с самим собой или, может быть, еще хуже — для прикрытия гомосексуальных наклонностей. Сексуальные извращения в эту эпоху не подвергались гонениям, так как они помогали поддерживать низкий уровень рождаемости. Но Хелейн не хотелось даже думать о том, что ее брат Джо принимает участие в чем-то подобном.

Чтобы прекратить пустую болтовню, Хелейн спросила напрямик о Джудит.

— Как ее дела? Ты так и не сдержал своего обещания привести ее к нам в гости, Джо.

У Квеллена при упоминании этого имени сделался такой же смущенный вид, как и у Помрата, когда она спросила у него о мини-карточке с именем Ланоя. Спустя некоторое время он уклончиво произнес:

— Я подбросил ей эту мысль. Она считает, что было бы неплохо познакомиться с тобой и Нормом, но не так сразу. Джудит несколько смущает встреча с твоими детьми. Дети расстраивают ее, но я уверен, мы что-нибудь придумаем. — Он снова неловко улыбнулся. Затем, чтобы больше не возвращаться к этой теме, он напрямик спросил:

— Я уверен, Хелейн, что ты пришла сюда не для того, чтобы пригласить нас в гости.

— Да, у меня к тебе дело Джо. Я слышала, что ты проводишь расследование по делу прыгунов.

— Да, это так.

— Норм намерен совершить прыжок...

Квеллен резко выпрямился. Его левое плечо поднялось чуть выше, чем правое.

— С чего ты взяла? Он что, сам сказал тебе об этом?

— Разумеется, нет! Но у меня есть подозрения. В последнее время он очень удручен, в основном тем, что не работает, да и всем прочим.

— В этом для него нет ничего нового.

— Он удручен больше, чем обычно, пойми это! Послушал бы ты только, что он говорит. Ему так плохо, Джо! Он несет полнейшую чушь, просто поток сердитых слов, не имеющих никакого смысла. Жаль, что я не в состоянии процитировать его речи. Вот-вот может произойти психологический срыв. Я вижу это. Я чувствую, как внутри него накапливается нервное напряжение, — она задрожала, так как кресло снова начало производить массаж. — Он ведь не работает уже много месяцев, Джо!

— Я знаю это, дорогая, — кивнул Квеллен. — Ты же знаешь, что Верховное Правление предпринимает целый ряд мер, предназначенных для смягчения проблемы безработицы.

— Это все прекрасно, но пока что Норм не работает, и я не думаю, что теперь это имеет значение. Он вступил в контакт с теми, кто вербует прыгунов. Пойми, он намерен сам стать прыгуном! Даже сейчас, пока я сижу здесь и рассказываю тебе об этом, он, может быть, уже заходит в машину времени!

Голос ее поднялся до визга. Эхо его звучало между стен кабинета Квеллена. Ей казалось, что по всему ее телу разверзлась кожа и оттуда повыскакивали лопнувшие струны-нервы.

Манера держаться у Квеллена изменилась. Он, казалось, делал сознательные попытки расслабиться, наклонился к ней и дружелюбно улыбнулся. Хелейн ждала, что он спросит: «Так что, попробуем докопаться до корней твоего заблуждения?» На самом же деле он сказал приятным, почти медоточивым тоном:

— Может быть, ты просто переутомилась, Хелейн? Что заставляет тебя думать, что он спутался с преступниками?

Она рассказала ему о мини-карточке Ланоя и о неожиданной реакции Норма, о его замешательстве, когда она стала расспрашивать его. Процитировав пять слов обращения на карточке, Хелейн с изумлением заметила, как изменилось выражение лица ее брата, на котором сквозь бесстрастность проступил возникший внутри него ужас. Квеллен быстро оправился, но он уже выдал себя. Хелейн

была достаточно наблюдательна, чтобы уловить проблеск подлинных ощущений Джозефа.

— Ты что-нибудь знаешь о Ланое? — спросила она.

— Случилось так, что я уже видел одну такую карточку, Хелейн. Они довольно широко циркулируют. Поднимаешься к платформе монорельсовой дороги, и кто-то тычет тебе ее в руку. Безусловно, именно так одна из них попала к Норму.

— Здесь рекламируются те, кто вербует прыгунов?

— У меня нет оснований так думать, — подчеркнуто медленно произнес Квеллен, хотя по его глазам было видно, что он говорит неправду.

— Но ведь ты расследуешь это дело! Я хочу сказать, что если есть причины подозревать Ланоя?..

— Да, мы занимаемся расследованием. И я повторяю, Хелейн: нет никаких особых причин считать, что этот Ланой хоть как-нибудь связан с проблемой прыгунов.

— Но Бет Виснек сказала, что ее муж всю неделю говорил об этом Ланое перед тем, как исчез.

— Кто?

— Виснек. Когда я спросила у нее о Ланое, Бет категорически сказала мне, что именно он ответствен за исчезновение Бада. Она также сказала, что почти на сто процентов уверена в том, что вскоре исчезнет и Норм, — Хелейн возбужденно то закидывала ногу на ногу, то выпрямляла их. Тупой мозг кресла уловил ее беспокойство и после некоторого замешательства возобновил свои ласки.

— Нам очень легко проверить, станет ли Норм прыгуном, — он обернулся, взял в руки кассету. — У меня здесь полный перечень всех зарегистрированных перебежчиков, которых выловили по их прибытии в прошлое. Этот перечень был недавно составлен для меня, и, разумеется, я еще не изучил его досконально, так как он содержит сотни тысяч имен. Но если Норм совершил прыжок, мы его обязательно разыщем здесь.

Он активировал просмотровое устройство и начал прокручивать кассету, по ходу поясняя, что список составлен в алфавитном порядке. Пока продолжался поиск, Хелейн сидела, не шевелясь. Очень скоро Квеллен дойдет до буквы «П» и тогда...

Если Норм исчез, то он попадет сюда. Судьба его будет ясна — судьба его и ее, записанная в этой книге судного дня на термопластичной ленте. Она узнает, что ее замужество обречено за триста лет до того, как будет совершено. Она обнаружит, что имя ее мужа было внесено несколько сот лет тому назад в список беженцев из этого столетия. Почему этот список не был все время достоянием широкой общественности? «Потому, что это было бы чем-то вроде руки мертвеца, держащего за душу тех, кто совершил прыжок, —

сразу же ответила она себе. — Как человек может расти, зная, что тебе предстоит улизнуть из своей собственной эпохи?»

— Вот видишь, — торжествующе произнес Квеллен, — его нет в списках!

— Означает ли это, что он не совершил прыжок?

— Пожалуй, да.

— Но как ты можешь быть уверенным в том, что все прыгуны действительно занесены в этот список? — не унималась Хелейн. — Что, если многие из них проскочили незамеченными?

— Это возможно...

— А фамилии? — продолжала Хелейн. — Если очутившись в прошлом, Норм назовет себя иначе, то он будет фигурировать в твоем списке под другим именем, не так ли?

Вид у Квеллена был угрюмый.

— Всегда существует возможность того, что он спрячется под псевдонимом, — признался он.

— Ты увиливаешь, Джо. У тебя нет уверенности в том, что он не совершит прыжок. Даже несмотря на этот список!

— Так чего же ты от меня хочешь?

Она сделала глубокий вдох.

— Ты мог бы арестовать Ланоя до того, как он переправит Норма в прошлое.

— Сначала нужно отыскать этого парня, — заметил Квеллен. — А затем удостовериться, что он причастен к этому делу. Пока же нет никаких даже косвенных улик, только скороспелые умозаключения с твоей стороны.

— Тогда арестуй Норма!

— Что?

— Обвини его в чем-нибудь и засади в кутузку. Дай ему год-другой исправительной терапии. Это помешает ему шляться по городу, а за это время кризис, связанный с прыгунами, завершится. Назови это превентивным заключением.

— Хелейн, я не могу пользоваться законом как личной игрушкой для членов своей семьи!

— Он — мой муж, Джо! Я хочу сохранить его! Если он отправится в прошлое, я навеки потеряю его, — Хелейн встала и покачнулась. Ей пришлось схватиться за край стола. Как заставить его понять, что она стоит на краю бездны? Совершить прыжок — это, по сути, то же, что умереть. Она борется, чтобы спасти своего мужа. Брат же ее сидит, облачившись в наряд благочестивости, не желая и пальцем пошевелить ради нее. А тем временем безвозвратно проходят драгоценные секунды.

— Я сделаю, что смогу, — пообещал Квеллен. — Я докопаюсь до этого Ланоя, обещаю тебе! Если ты сочтешь нужным прислать сюда Норма, я переговорю с ним и попытаюсь выяснить, что

у него на уме. Да, наверное, это самое лучшее. Пусть он придет ко мне сюда.

— Если он намерен совершить прыжок, то вряд ли расскажет тебе об этом, — сказала Хелейн. — Он будет обходить это здание за тридевять земель.

— Почему бы тебе не сказать ему, что я хочу поговорить с ним о возможности получения работы? Он не раз жаловался, что я ничего для него не делаю, верно? Он придет ко мне, полагая, что я кое-что для него раздобыл. А я попробую вытянуть из него все, что касается прыжка. Очень осторожно. Если он на самом деле что-то знает, я его быстро расколю, будь уверена. Мы разовьем кольцо прыгунов, и больше не будет опасности исчезновений. Ну как, неплохо звучит, а?

— Вполне. Значит, решено. Я переговорю с ним и попытаюсь прислать его к тебе. Если только он уже не исчез.

Она направилась к двери. Брат снова ей улыбнулся. Хелейн вздрогнула. Она испугалась, что Норм уже безвозвратно исчез, пока она тут разглагольствовала. Ей захотелось как можно быстрее вернуться домой и увидеть Нормана. Она знала, что, пока не кончится этот кризис, ей нужно внимательно за ним присматривать.

— Передавай от меня привет Джудит, — сказала она, обернувшись от двери, и вышла из кабинета.

Глава восьмая

Квеллен не испытал особого удовольствия от разговора с сестрой. Хелейн всегда вызывала в нем такое ощущение, будто с него сдирают кожу. Она была столь неприкрыто несчастной, что ему доставляло мучение видеть ее вообще. Теперь же она выглядела так, будто была лет на пять-шесть старше, чем он. Квеллен помнил Хелейн, когда ей было лет тринадцать или около того. Она была невинной и нежной девочкой, наивной в той мере, чтобы думать, что жизнь таит нечто замечательное для нее. Теперь же ей не было еще и сорока, а она уже закрыла себя в четырех стенах и единственное, на что решилась, — это драться, притом с завидным упорством, за своего мрачного, озлобленного мужа, потому что он представлял собой почти все, что она сейчас имела. И все же она стала источником какое-какой полезной для него информации. Ланой не выходил из ума Квеллена с тех пор, как незнакомец с землистого цвета лицом всучил ему сложенную мини-карточку на спусковой рампе.

На следующий день Квеллен предпринял шаблонную проверку, но она не дала ничего существенного. Одна лишь фамилия была бесполезна для компьютера. В мире были тысячи Ланоев, и вряд

ли Квеллен был в состоянии обследовать каждого из них на предмет возможной преступной деятельности. Выборочная проверка ничего не дала. И вот приходит Хелейн со своей интуитивной убежденностью в том, что за всем этим делом перебежчиков стоит именно Ланой. И эта женщина, которую она упомянула, эта Бет Виснек. Квеллен сделал себе пометку послать к ней агента, чтобы еще раз переговорить с ней о последних днях жизни в этом столетии ее мужа-прыгуна. Несомненно, Бет Виснек была уже опрошена в связи с исчезновением ее мужа, но на этот раз опрос нужно вести с учетом появившейся информации о Ланое.

Квеллен рассмотрел возможность приставить охранника к Норму Помрату, чтобы предотвратить преждевременное его исчезновение. В недвусмысленной форме ему приказали оставить в покое Дональда Мортенсена и не вмешиваться в дела ни одного из зарегистрированных прыгунов. Колл получил приказ от Джакомина, который в свою очередь услышал его из уст самого Клуфмана: «Руки прочь от Мортенсена!»

Они боялись изменить прошлое. Квеллен ощущал их страх, охвативший членов Верховного Правления. В его власти было расшатать устои Вселенной. Для этого достаточно было, например, арестовать Дональда Мортенсена и проткнуть его череп лазерным лучом.

«Простите. Сопротивление при задержании. Пришлось убрать».

Вот так! И тогда этот чертов Мортенсен так и не отправится в прошлое 4 мая. Это опрокинет всю структуру последних нескольких столетий. «В тот момент, когда я пристрелю Мортенсена, — подумал Квеллен, — все переменится и может случиться так, что мы будем завоеваны полчищами многоногих слизняков из Магеллановых Облаков в 2257 году — поражение, которое было бы предотвращено одним из потомков Дональда Мортенсена, если бы у меня хватило ума не убивать его».

У Квеллена не было намерения навлечь на себя гнев Верховного Правления, помешав отбытию Дональда Мортенсена. Но Норм Помрат не числился в списке перебежчиков. Распространяется ли в этом случае на него директива Клуфмана? Требуется ли от Квеллена воздержаться от любых действий, которые, возможно, могли бы привести к предотвращению отправления в прошлое любого другого лица?

Это было бессмысленным. И потому Квеллен решил, что он может, не вступая в компромисс с самим собой, вести наблюдения за своим зятем и предпринять меры, чтобы помешать Норму стать прыгуном. «Это сделает счастливой Хелейн, — подумал Квеллен, — кроме того, это может способствовать окончательному решению этого причиняющего одни беспокойства задания».

— Вызовите ко мне Брогга, — произнес он в микрофон интеркома.

Как оказалось, Брогг проводил какое-то расследование вне стен управления. В кабинет Квеллена вошел другой его заместитель, Ливард.

— Мне в руки попала одна из возможный нитей, — проинформировал его Квеллен. — Мой зять, Норм Помрат, похоже, вот-вот отыщет агента, который поможет ему стать прыгуном. Я не вполне уверен, что это так, и хочу произвести проверку. Шлепните Помрату «ухо» и записывайте круглосуточно все его разговоры. Если он хотя бы раз заикнется о том, чтобы стать прыгуном, мы сделаем свой ход.

— Хорошо, — кивнул Ливард.

— А что нового в отношении Ланоя?

— Пока что ничего, сэр.

— Я узнал, что предполагаемый агент, с которым должен связаться Помрат, и есть этот самый Ланой. Вот наш ключ ко всему, о чем будет говорить Помрат. Проследите за тем, чтобы аппаратура была настроена таким образом, чтобы дать нам сигнал, как только Помрат упомянет о бегстве. В этом случае меня нужно немедленно проинформировать.

Ливард вышел, чтобы выполнить отданные ему распоряжения. Это, разумеется, означало конец тайны личной жизни Помрата. С этого момента, пока Квеллен не снимет с него «ухо», Помрат не сможет обнять свою жену, облегчить кишечник, почесать или обругать Верховное Правление без того, чтобы всеведущая аппаратура не зарегистрировала бы это. Очень плохо. Квеллен сам был когда-то жертвой «уха» и понимал, какие неприятности оно может причинить: именно таким способом предатель Брогг дознался про незаконный дом комиссара в Африке. И все же Квеллен не испытывал подлинного раскаяния в том, что поступает так с Помратом. Все это делалось только ради Хелейн. Она ведь упрашивала его засадить Помрата в тюрьму, не так ли? А это будет гораздо менее неудобным для него. Он, скорее всего, даже ничего и знать не будет. И он, возможно, выведет Квеллена к источнику всего этого предприятия — путешествий во времени. В любом случае для Помрата будет чрезвычайно сложно покинуть нынешнее столетие, пока фиксируется каждый его шаг. На какое-то время.

Квеллен выбросил из головы проблему Помрата и все свое внимание сосредоточил на других неотложных делах.

На его столе лежали отчеты о совершенных за день крупных преступлениях. Несмотря на то внимание, которое он уделял прыгунам, у Квеллена были обязанности и в других сферах. Он должен был ознакомиться с подробностями преступлений, совершенных в пределах его зоны Аппалачии, и дать рекомендации по судопроизводству. За день накопилась целая груда материалов. Преступность была постоянной статистической величиной, и Квеллен знал,

что совершенные сегодня преступления будут по своей жестокости не больше и не меньше, чем вчера.

Он начал перелистывать документы. Теперь перечень преступлений уже не бросал Квеллена в дрожь. Это было самое худшее в его работе. Подспудно наступившая потеря чувствительности с каждым годом все больше и больше овладевала им. Когда он был молодым, неопытным клерком одиннадцатого разряда, только начинающим понимать что к чему, способность людей наносит вред другим людям просто ошеломляла его. Теперь же все это было только статистическими данными, только перфолентами.

Преступления имели тенденцию становиться беспричинными. Мягкосердечное Верховное Правление убрало большинство древних мотивов для совершения преступлений, такие, как голод, нужда или различные физические недостатки. Каждый получал чековую книжку, независимо от того, работал он или нет, и пищи хватало на всех — пусть она была и не особенно вкусной, но без сомнения питательной. Никому не надо было заниматься разбоем, чтобы прокормить голодающую семью. Большинство наркотиков было легкодоступно. Секс во всех его разновидностях можно было получить по дешевой цене в находящихся на содержании у государства отдельных спальнях. Эти меры были признаками зрелости общества. Так говорилось повсюду. Сделав большинство сладких запретных плодов легальными, Верховное Правление устранило необходимость совершения противозаконных действий.

Да, мотивы совершения преступлений исчезли. Преступления же, как таковые, остались. У Квеллена было предостаточно доказательств этому грустному факту социальной действительности. Кража, убийство, насилие — все это теперь было развлечением, а не плодом необходимости. Средние слои общества были неизлечимо больны преступностью. Респектабельные обыватели шестого разряда совершали наиболее гнусные преступления. Пухлые матроны из домохозяек пятого разряда устраивали в темных переулках засады на незнакомцев. В различных мерзостях принимали участие дети с невинными глазками. Даже служащие, чьей функцией было поддержание правопорядка, злоупотребляли своей властью, совершая различные незаконные поступки, такие, как устройство себе вторых жилищ в заповедных зонах, куда доступ был ограничен всем, начиная со второго разряда. Но собственное преступление Квеллена, по крайней мере, не наносило прямого ущерба никому из людей, в то время как...

Вот донесение о специалисте по гидрономике восьмого разряда с обвинением в биологическом преступлении — противозаконном помещении живой матери в тело другого человека. Он подозревался в том, что произвел анестезию своему напарнику, совершил хирургический надрез на его теле ультрозвуковым зондом и поместил

внутрь смертельную дозу недавно выведенной в Азии хищной инфузории, которая тотчас же принялась за кровеносную систему жертвы, неистовствуя в ее венах и артериях, проносясь как пламя по всей сети кровеносных сосудов. Зачем? «Чтобы наблюдать за реакцией, — объяснил он. — Это было весьма интересно».

Вот преподаватель гормонетики шестого разряда в одном из крупных университетов Аппалачии, который пригласил молоденькую, достигшую брачного возраста студентку в свою роскошную двухкомнатную квартиру и после ее отказа вступить с ним в половой контакт произвел короткое замыкание болевых центров ее мозга, после чего изнасиловал ее и отпустил, лишив при этом всех чувственных реакций. Почему? «Вопрос мужской гордости, — заявил он арестовавшему его служащему. — Латиноамериканская концепция мужественности...»

У него была своя гордость. А вот девушка уже никогда ничего не будет чувствовать. Ни боли, ни наслаждения, если только нанесенное ее нервной системе повреждение не будет устранено хирургическим путем.

А вот жуткий отчет о собрании приверженцев культа, где каждый хотел как можно больше срыгнуть из содержимого своего пищеварительного тракта. Вместо того чтобы закончиться мистическим сопереживанием, это собрание обернулось трагедией. Один из присутствующих, побуждаемый непостижимой жестокостью, тайно поместил в свою жвачку три кристалла псевдоживого стекла, после чего предложил ее своим товарищам. Стекло, внедряясь в ближайшее окружение, проникло во внутренние органы жертв, став причиной их смерти. «Это было чудовищной ошибкой, — заявил преступник. — Моим намерением было проглотить один кристаллик самому и тем самым разделить с ними мучения и окончательное высвобождение. К несчастью, я оказался таким рассеянным...»

История эта задела Квеллена за живое, вызвав подлинно шоковое состояние. Большинство из этих кошмаров не трогало его, но случилось так, что его Джудит была одной из последовательниц этого культа, и мысль о ней не покидала Квеллена с момента посещения Хелейн. Квеллен не видел Джудит и даже не связывался с ней со времени своего последнего возвращения из Африки. Могло запросто получиться так, что вместо одной из незнакомых ему жертв, перечисленных в отчете, погибла Джудит, проглотив эти дьявольские кристаллы псевдоживого стекла. «Это мог быть даже я, — подумал с отвращением Квеллен. — Нужно скорее позвонить Джудит. Я что-то мало уделяю ей внимания».

Он стал дальше просматривать рапорты.

Среди таких трудновообразимых преступлений был обычный процент избиений, поножовщины, лазерщины и других традицион-

ных нарушений. Но масштабы преступности были огромными, и изощренная жестокость была отличительным признаком эпохи.

Квеллен переворачивал страницу за странице, бегло записывая свои замечания и рекомендации на полях донесений. Дойдя до последней страницы, он с отвращением оттолкнул от себя этот надоевший ему до чертиков ворох бумаги.

До сих пор ему не представилась возможность просмотреть кассету, помеченную Броггом индексом «В» и касающуюся расследования дела прыгунов. Брогг сказал, что в ней представлены некоторые косвенные свидетельства о путешествиях во времени за пределами эпохи от 1979 до 2106 года. Квеллен зарядил кассету и расположился поудобнее.

Она содержала различные материалы, подобранные Броггом из анналов оккультизма. Его заместитель собрал сотни отчетов о таинственных появлениях и видениях, исходя, очевидно, из предположения, что они могли представлять из себя путешественников во времени. «Я хочу предположить, — говорилось в пояснительной записке Брогга, — что, хотя обычный диапазон действия аппаратуры перемещений во времени составляет пятьсот лет современной эпохи, существовали отдельные случаи, когда в силу каких-то неисправностей производилось перемещение в гораздо ранние периоды».

«Вполне возможно», — подумал Квеллен. Он стал просматривать свидетельства в настроении отрешенного любопытства.

Свидетельство: показания летописца Жиральда Камбренсиса, родившегося в замке Манорбье в Пемброкшире приблизительно в 1146 году н.э. Жиральд приводит рассказ о рыжеволосом молодом человеке, неожиданно появившемся в доме рыцаря, известного как Элиодор де Стейкпол в Западном Уэлсе:

«Этот странный человек сказал, что его зовут Саймон. Он взял ключи у сенешаля, а также взял себе и работу сенешаля. Он был таким умным управителем, что в доме ничего не терялось, никто и ни в чем не испытывал нужды, отчего усадьба стала процветать все больше. Стоило хозяину или хозяйке только подумать о том, чего же им еще хочется, как он предугадывал их невысказанные желания, как будто читал мысли и выполнял их, даже если и не поступало никаких распоряжений! Он знал, где они тайно прячут свое золото и драгоценности. Он не раз говорил им: к чему такая бережливость? Жизнь коротка, значит, нужно наслаждаться ею! Потратьте свое золото, а то умрете, так и не насладившись жизнью. Ведь те деньги, которые вы сейчас копите, после вашей смерти будут для вас бесполезны.

Он заботился о своей репутации у слуг и крестьян поместья, давал им изысканную еду и питье... Этот странный рыжеволосый человек не переступал порога церкви, не читал святцы,

не произносил ни одной католической молитвы. Он никогда не спал в хозяйском доме, но всегда был под рукой, готовый служить и угождать хозяевам, чего бы они ни пожелали».

Этот летописец указывает, что дети Стейкпола испытывали большой интерес к этому загадочному Саймону и неотступно следили за ним, пока он находился поблизости от усадьбы.

И вот однажды вечером, подсматривая из-за кустов шиповника, когда этот странный человек неизвестно почему глядел на запруду перед мельницей, они увидели, что он шевелит губами, будто разговаривает с кем-то невидимым. Как водится, об этом было доложено хозяину дома, и этот доброжелательный рыцарь тотчас же вызвал Саймона в свои покои и уволил его.

Когда у него отобрали ключи, госпожа спросила у него: «Кто же вы есть?» И он ответил: «Я рожден женой одного древесного жителя этого прихода от демона, который совокупился с нею в образе ее собственного мужа».

Он назвал имя человека, кому таким образом были наставлены рога и который впоследствии умер. Мать его была жива и, когда была подвергнута допросу, подтвердила истинность слов сына в присутствии свидетелей.

«Интересно, — подумал Квеллен, — откуда Брогг откапывает подобное?» Весьма вероятно, что этот рыжеволосый «демон» был прыгуном, заброшенным в слишком удаленные времена. То же можно сказать и о сообщениях различных монахов. Двенадцатое или тринадцатое столетие, согласно изыскания Брогга, были золотой эрой прибытия необъяснимых незнакомцев. Причем не все они появились в облике человека. Квеллен просмотрел извлечение из «Эклогиум Хисторнорум», подготовленного в аббатстве Мальсбери и помеченного 1171 годом:

«Вечером Рождества Христова была гроза, каких никогда не было прежде. И в Андовере один из священников ровно в полночь в присутствии всех прихожан был поражен молнией. Никаких других повреждений не было... Но все видели, как кто-то, похожий на свинью, метался у него между ногами».

Брогг отыскал аналогичный случай в «Френкорун Региун» монаха Вергина, помеченный 1160 годом. В параграфе, описывающем год 856-й, утверждалось:

«В августе епископ Грирский со священниками и прихожанами праздновал открытие нового храма, когда огромная туча обволокла небо, раздался гром и молнии, какие ужаснули всех находившихся в храме и заглушили звон колоколов на звоннице. Все здание наполнилось такой густой тьмой, что люди не видели друг друга, даже если стояли рядом. Затем неожиданно разверзлась земля, и можно было увидеть пса невообразимых размеров, который метался перед алтарем».

Свиньи? Собаки? «Пробные испытания в начальной стадии опытов с путешествиями во времени, наверное, — подумал Квеллен. — Машина была тогда еще новой и ненадежной, и для того чтобы обеспечить переброску, ставили опыты на несчастных животных. Ненадежный привод машины забрасывал несчастные создания в эпохи задолго до промышленной революции. Но, разумеется, операторы машины не могли знать конечных точек прибытия ее пассажиров, если только у них не было тех архивных материалов, до которых докопался Брогг».

Не все случаи, подобранные Броггом, описывали происшествия, имевшие место в середине века. Немалая часть кассеты «В» была посвящена примерам из более недавнего прошлого, хотя гораздо раньше 1979 года, который рассматривался как крайний предел путешествий во времени. Квеллен не преминул обратить внимание на девушку, появившуюся у дверей коттеджа близ Бристоля в Англии вечером 3 августа 1817 года и выпрашивавшую еду на языке, который был назван «неизвестным».

«Но как они узнали, что она просила, — спросил себя Квеллен, — если язык был «неизвестным»?» На это кассета ответа не давала. Вместо этого в ней сообщалось, что говорившую неразборчиво девушку привели к мировому судье, некоему Сэмюэлю Уоррелу, который вместо того, чтобы арестовать ее по обвинению в бродяжничестве, отвел ее к себе домой. («Подозрительно», — подумал Квеллен.) Судья допросил девушку. Она записывала ответы незнакомыми знаками, которые были похожи на гребни, клетки для птиц и сковороды. Эти надписи были проанализированы лингвистами. Наконец появился один, назвавший себя «джентльменом из Восточной Индии». Он задал ей ряд вопросов на малайском языке и получил вполне вразумительные ответы.

Она утверждала, что была принцессой Карабу, похищенной пиратами из своего дома на Яве и увезенной в море. Она испытала множество приключений, пока в конце концов не совершила бегство у берегов Англии. При посредничестве «джентльмена из Восточной Индии» принцесса Карабу сообщила множество подробностей о жизни на Яве. Затем появилась на сцене женщина из Девоншира, некая миссис Уилкокс. Она объявила, что принцесса на самом деле является ее родной дочерью Мэри, родившейся в 1791 году. Мэри Уилкокс созналась в своем обмане и эмигрировала в Америку.

Брогг приложил следующие соображения в отношении принцессы Карабу.

«Согласно мнению некоторых крупных специалистов, здесь произведено многоступенчатое жульничество. Появляется загадочная девушка, затем появляется какой-то мужчина и утверждает, что понимает ее язык. Пожилая женщина заявляет, что все это обман.

Но и это было мистификация. Что, если девушка была гостьей из будущего, а «джентльмен из Восточной Индии» — еще одним прыгуном, который пытался ловко выдать ее за яванскую принцессу, чтобы не выявилось ее истинное происхождение. Женщина же, претендовавшая на роль мамаши, была третьей перебежчицей, которая вышла на сцену, чтобы защитить девушку, когда появилась угроза ее разоблачения? Интересно все-таки, сколько путешественников во времени жило в Англии в 1817 году?»

Квеллен перешел к следующему примеру.

Калиостро объявился сначала в Лондоне, затем в Париже, говоря с каким-то неразличимым акцентом. Сверхъестественные способности. Агрессивный, одержимый, своеобразный, он обвинялся в том, что на самом деле был неким Джозефом Бальзамо, сицилийским преступником. Но это так и не было доказано. Роскошную жизнь в Европе восемнадцатого века Калиостро обеспечивал себе продажей алхимических порошков, приворотного зелья, эликсиров молодости и других страшно полезных предметов. Потеряв осторожность, этот человек в 1785 году попал в Бастилию, бежал, посетил многие страны, снова был арестован и умер в тюрьме в 1795 году. «Мошенник? Самозванец? Путешественник во времени? Вполне может быть. Когда начинаешь доверять подобным свидетельствам, все возможно», — грустно подумал Квеллен.

Каспар Хаузер. Шатаясь, появляется на улицах Нюрнберга в Германии в один из майских дней 1828 года. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать. (Молод, пожалуй, для прыгуна, — подумал Квеллен. — Хотя внешность бывает обманчива».) Способен был выговорить по-немецки только две фразы. Когда ему дали перо и бумагу, написал имя «Каспар Каузер». Было сделано допущение, что так его зовут. Этот мальчик не умел обращаться с самыми обыденными предметами и не имел опыта повседневной жизни среди людей. Попал в 1828 год, без сомнения, в результате неисправности машины времени.

Однако он быстро научился многому. После того как он отсидел некоторое время за бродяжничество, его передали школьному учителю, профессору Даумеру. Этот школьный учитель обучил парня школьному языку, и тот написал автобиографическую повесть, в которой утверждал, что провел всю свою жизнь в небольшой темной камере, питаясь только хлебом и водой. Тем не менее задержавший его полицейский утверждал: «Для человека, проведшего столько времени в заключении, у него был очень здоровый цвет лица. Он не был ни бледным, ни худым».

Много противоречий. Вся Европа очарована им. Все размышляют над таинственным происхождением Каспара Хаузера. Некоторые предполагают, что он был кронпринцем Бадена, похищенным в 1812 году агентами Морганатической жены его

предполагаемого отца, великого герцога. Однако вскоре это предложение было отвергнуто. Но не опровергнуто. Другие говорили, что он лунатик, человек, потерявший память. 17 октября 1879 года Каспара Хаузера находят с раной на лбу, которая, как предполагалось, была нанесена ему незнакомцем в черной маске. Для его охраны к нему были приставлены полицейские, еще несколько преднамеренных покушений. 14 декабря 1833 года Каспара Хаузера находят умирающим в парке, с глубокой кинжальной раной на левой стороне груди. Утверждают, что ранение нанес какой-то незнакомец. Никаких признаков оружия, вокруг никаких следов, кроме отпечатков башмаков самого Хаузера. Предполагалось, что рану он нанес себе сам. Умер Каспар через несколько дней, воскликнув перед смертью: «Боже мой! Почему я должен умереть так позорно и бесславно».

Квеллен снял кассету. Свиньи, собаки, принцесса Карабу, Каспар Хаузер — все это было весьма занимательно. Это могло даже служить подтверждением того, что вся человеческая история была окроплена путешественниками во времени, а не только в период с 1979 года по 2106 год. Но все эти факты мало чем помогли Квеллену в решении его непосредственных задач, хотя их подборка свидетельствовала об аналитическом складе ума Брогга.

Квеллен убрал кассету со стола и набрал номер Джудит. На экране появилось ее лицо, бледное и строгое. Она была далеко не красавица. Слишком высокая переносица, покатый лоб, тонкие губы, выступающий подбородок. Правый глаз ее был расположен несколько выше левого, и она немного косила. Несмотря на это, ее нельзя было назвать непривлекательной. Квеллен не раз ради забавы подвергал себя искушению влюбиться в нее. Но в этом были свои неудобства. Он не мог себе позволить настолько ослабить свою психологическую защиту, чтобы поделиться с нею тем фактом, что у него есть тайное прибежище в Африке. Добродетельность была одной из ее характерных черт, и она могла донести на него.

— Я тебя уже давно не видела, — сказала женщина. — Ты почему прячешься от меня?

— Извини, Джудит, но я в самом деле был по горло занят работой.

— Пусть тебя не мучают угрызения совести. У меня пока все хорошо.

— Я в этом не сомневался. Как там твой фрейдолог?

— Доктор Галубер? О, замечательно! Он очень хочет с тобой повстречаться.

Квеллен ощетинился.

— В мои намерения психотерапия не входит, Джудит. Извини.

— Ты уже во второй раз извиняешься в трех последних фразах.

— Изви... — начал было Квеллен, после чего оба рассмеялись.

— Я имела в виду, — сказала Джудит, — чтобы ты встретился с доктором Галубером не как с врачом. Он будет на нашем следующем причастии.

— И когда же?

— Сегодня вечером. Ты придешь?

— Ты же знаешь, что общее вырыгивание никогда не приводило меня в большой восторг, Джудит.

Она холодно улыбнулась.

— Я знаю. Но тебе пора выбраться из своей скорлупы. Ты слишком увлекаешься жизнью для самого себя, Джо. Если ты хочешь оставаться холостяком, это твое личное дело, но вовсе не обязательно быть также и отшельником.

— Я могу бросить мелочь в психоаналитический автомат и получить из него столь же прекрасный совет.

— Может быть. Так ты придешь?

Квеллен подумал о деле, которое он изучал всего лишь час назад, об участнике причастия, который подсунул псевдоживое стекло в пищеварительный тракт трех единоверцев, а затем с интересом наблюдал, как они умирают в мучениях.

Квеллен представил себя самого, корчащимся от боли, прильнувшую к нему плачущую Джудит и попытался извлечь со дна души последний остаток сопереживающей печали от своих страданий, что соответствовало бы духу исповедоваемого ею культа.

Он тяжело вздохнул. Она была права. В последнее время он стал жить только для себя. Ему надо встряхнуться, позабыть хоть ненадолго свои служебные обязанности.

— Да, — сказал он, кивнув утвердительно. — Да, дорогая, я приду к причастию. Ты довольна?

Глава девятая

У Стенли Брогга день получился очень трудным.

Заместителю комиссара приходилось все время таскать каштаны из огня для Квеллена, но это его не смущало, так как у Брогга была колоссальная работоспособность. В глубине души он считал, что вдвоем со Спеннером они тянут работу всего управления. Они были два сапога пара. Крупные мужчины, солидные и неторопливые, с достаточным запасом плоти, чтобы черпать дополнительную энергию во время кризисов. Спеннер вел административную часть дела, а Брогг — рутинную, повседневную. У Спеннера был шестой разряд, у Брогга — девятый. И все же Брогг держал себя со Спеннером на равных.

Эти двое других — Колл и Квеллен — были архитектурными излишествами аппарата управления. Колл был полон ненависти и

злости, кипел от гнева просто потому, что был мал ростом и некрасив. Разумеется, он был не глуп, но внутренне присущая ему изначальная невротическая направленность делала его опасным и ненужным. Если и нужно было бы подвергнуть принудительной психотерапии, так это Колла. Брогг часто сравнивал его с римским императором Тиберием, злобным, таящим опасность для окружающих, не безумца, но с искривленной психикой. От таких людей лучше держаться подальше.

Если Колл был Тиберием, то Квеллен — Клавдием: добродушным, умным, в сердцевине своей слабым. Брогг презирал своего непосредственного начальника. Квеллен был в его глазах трус, несоответствующий своей должности. Временами Квеллен брался за дело энергично и решительно, но это не соответствовало его натуре. Брогг выполнял за Квеллена будничную работу в течение многих лет. Иначе управление давно было бы признано недееспособным.

Что было удивительным в Квеллене — он был способен на преступление. Это в свое время поразило Брогга. Он как-то не думал, что этот человек обладает подобным свойством. Чтобы получить участок земли в Африке, необходимо было тщательно подделать документы, затребовать и добыть незаконное стасисное устройство для транспортировки из квартиры служащего седьмого разряда в бассейн реки Конго, вести жизнь беззаботную и даже роскошную. Это было столь смелым предприятием, что Брогг до сих пор не мог понять, каким образом это все удалось осуществить такому человеку, как Квеллен. Единственным объяснением могло послужить то, что Квеллену была настолько отвратительна суровость окружающей его жизни, что он готов был подвергнуть себя любому риску, лишь бы иметь возможность отстраниться от нее. Даже трус мог подняться до того, что выглядело как нравственное величие, в интересах своей собственной трусости. Подобным же образом мягкий, слабохарактерный человек, вроде императора Нерона, мог превращаться в демона — только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности свою слабохарактерность. Нерон, как считал Брогг, не был по натуре своей демонической личностью в духе Калигулы. Он стал чудовищем в результате длительной постепенной эволюции. В некотором роде это не соответствовало его характеру, точно так же, как удивительный по смелости поступок Квеллена дисгармонировал с образом человека, который создал Брогг.

Брогг обнаружил величайшую тайну Квеллена чисто случайно, хотя тут и присутствовала некоторая доля вероломства. Он уже давно подозревал, что у Квеллена есть некий секрет, но не имел ни малейшего представления, что это такое. Возможно, незаконная религиозная деятельность. Может быть, Квеллен был приверженцем одного из запрещенных культов, группы, поклонявшейся хаосу, или членом одной из банд, о которых ходили слухи, что они

собираются по темным углам, чтобы распевать молитвы в честь поджигателя-убийцы Флеминга Бесса.

Не зная подробностей, но учуяв обеспокоенность в поведении Квеллена, Брогг стал искать способ, как обратить к своей личной выгоде сложившееся положение. У него были большие расходы. Брогг был человеком с претензиями на ученость. Поглощенный изучением древних римлян, он окружил себя книгами, настоящими римскими монетами, историческими предметами той эпохи. Чтобы приобрести что-нибудь подлинное, нужны были немалые деньги. Брогг проживал без остатка все свое жалованье. И тут ему пришло в голову, что Квеллен мог бы стать дойной коровой для него.

Для начала Брогг переговорил с тогдашним напарником Квеллена по комнате, Брюсом Мареком, — тогда Квеллену еще не был присвоен седьмой разряд и он, как всякий неженатый мужчина его разряда, должен был делить квартиру еще с кем-нибудь. Марек, хотя и подтвердил, что происходит нечто странное, не мог, однако, привести никаких доказательств. Похоже, ему было известно немногое. Затем Квеллен получил повышение, и Марек перестал интересовать Брогга.

Тогда он прицепил «ухо» к своему боссу и затаился, прислушиваясь.

Правда открылась довольно быстро. Квеллен потворствовал тому, чтобы ломоть Африканского континента был зарегистрирован на имя, которое будет вписано впоследствии, и сделал все, чтобы стать кандидатом на это место. Большая часть Африки была оставлена в качестве резерва для членов Верховного Правления — в особенности ее тропическая часть, которая почти полностью обезлюдела после бактериологической войны полтораста лет тому назад. Квеллен отхватил свой ломоть. Он устроил так, чтобы там был выстроен дом и установлен незарегистрированный стасис-транспортер, который мог за одно мгновение перенести его через Атлантический океан. Разумеется, небольшая хитрость Квеллена со временем будет обнаружена при очередном размежевании. Но эта часть мира не должна была подвергаться размежеванию еще добрых полсотни лет, так что пока Квеллену мало что угрожало.

Несколько недель Брогг выслеживал Квеллена. Сперва он посчитал, что Квеллен, должно быть, брал с собой женщин в свое прибежище для участия в запрещенных религиозных обрядах. Но нет, Квеллен отправлялся туда один. Он просто искал покой и уединение. В какой-то степени Брогг сочувствовал своему начальнику в этой потребности. Но тем не менее у Брогга были свои собственные потребности, и он не был сентиментальным. Настало время, и он пошел к Квеллену.

— В следующий раз, когда отправитесь в Африку, — сказал он напрямик, — подумайте обо мне. Я завидую вам, комиссар.

У Квеллена от удивления отвисла челюсть. Затем он пришел в себя.

— Африку? О чем это вы говорите, Брогг? С чего бы это мне отправляться в Африку?

— Чтобы не видеть всего этого, — Брогг сделал рукой полукруг.

— Так?

— Я отметаю все ваши обвинения. Они ничем не подтверждены. Понятно?

— У меня есть доказательства. Хотите услышать?

В конце концов они пришли к соглашению. За щедрую плату наличными Брогг будет держать язык за зубами. Это случилось несколько месяцев тому назад, и Квеллен платил регулярно. Пока он это делал, Брогг соблюдал соглашение. По сути, он нисколько не был заинтересован в том, чтобы донести на Квеллена, который был сейчас ему гораздо полезнее как источник денег, чем как узник одного из исправительных заведений. Приобретая все необходимое для своих исследований за счет Квеллена, Брогг искренне надеялся на то, что больше никому не удастся разоблачить эту тайну, ибо это означало бы потерю его дополнительного дохода и могло даже довести его до тюрьмы по обвинению в сообщничестве. Все это время Брогг следил за Квелленом, как ангел-хранитель, прикрывая его от любопытных взглядов других.

Брогг понимал, что Квеллен боится и ненавидит его. Это его не беспокоило. Им были припрятаны в различных местах записанные на пленку донесения о беззакониях, совершенных Квелленом, и все это было запрограммировано так, чтобы оказаться в руках представителей Верховного Правления в случае внезапной смерти или исчезновения Брогга. Квеллен знал об этом и поэтому вынужден был бездействовать. Он ясно давал себе отчет в том, что в тот момент, когда датчики в этих проклятых ящиках перестанут принимать альфа-ритм Стенли Брогга, из них автоматически высунутся ножки, которые зашагают в ближайшее правительственное учреждение, чтобы выложить все начистоту. Поэтому ни Квеллен, ни Брогг ничего не предпринимали к их обоюдной выгоде.

В управлении работа шла своим чередом, хотя Брогг от случая к случаю позволял себе туманные намеки, чтобы Квеллен чувствовал себя неуютно. А вообще-то, Брогг как и раньше получал распоряжения и выполнял их.

Например, в деле с этими прыгунами. Последние несколько дней он провел, выслеживая Дональда Мортенсена, потенциального прыгуна, который должен был покинуть современность 4 мая. Квеллен попросил Брогга отнестись к делу Мортенсена с величайшей осторожностью. Брогг понимал почему. Он был достаточно умен, чтобы предвидеть последствия парадоксов времени, которые

могли случиться, если бы кто-нибудь помешал убытию прыгуна, который числился уже в официальном списке убывших. Брогг сам просматривал все эти старинные архивы, составлял кассету для Квеллена, которую обозначил индексом «А». Если такому человеку не дать оказаться в прошлом, то весь мир может перевернуться вверх тормашками!

Брогг это понимал. Несомненно, Квеллен был тоже в курсе происходящего. Весьма вероятно, что Клуфмана и Дантона может хватить инсульт, узнай они, что отдел Квеллена легкомысленно обращается с прошлым. Такое легкомыслие ставит под угрозу каждого из живущих в настоящем, и особенно тех, которые могут потерять наивысший статус, обладателей первого разряда, естественно, больше, чем других, тревожит предпринятое расследование.

Поэтому Брогг был осторожен. Он был совершенно уверен в том, что Верховное Правление тотчас же прикроет продолжение дела Мортенсена, как только до него дойдет о нем слух. Брогг просто выполнял данное ему поручение. Он мог бы сделать жаркое из Квеллена, небрежно выполняя работу и спугнув Мортенсена, но у Брогга были свои серьезные мотивы для того, чтобы предотвратить неприятности, грозящие Квеллену.

Он легко разыскал Мортенсена — худощавого светловолосого мужчину двадцати восьми лет, со светло-голубыми глазами и такими белесыми бровями, что они были почти незаметны. Прислонившись к нему при входе в вагон монорельсовой дороги, Броггу удалось прилепить «ухо». Это была модель в виде занозы, впившейся без всякой боли в ладонь Мортенсена. Тот даже ничего не почувствовал. Через несколько дней он рассосется, но за это время передаст уйму информации. Брогг был большим специалистом по этой части.

Сейчас он настроился на Мортенсена и включил запись происходящего.

Мортенсен каким-то образом был связан с человеком по имени Ланой. Вот что удалось подцепить Броггу:

«... на станции вместе с Ланоем в день совершения прыжка...»

«...оплата Ланою — это задаток...»

«...скажите Ланою, что намерен отправиться в первых числах мая...»

«...да, у озера на том самом месте, где я встречался с ним в последний раз...»

Мортенсен был женат, имел десятый разряд. Жена ему не нравилась. «Прыжок давал ему возможность мгновенно развестись,» — весело отметил Брогг. «Ухо» не раз передавало ему визгливые жалобы Сидны Мортенсен, и он не мог не согласиться с тем, что наилучшим выходом для Мортенсена было совершить прыжок. Брогг составил весьма обширное досье на потенциального прыгуна.

Затем поступило распоряжение от Клуфмана через Джакомина и Колла Квеллена, а от него Броггу:

— Категорический приказ оставить Мортенсена в покое! Не вмешиваться в его дела!

Брогг вопросительно посмотрел на Квеллена.

— Но мы можем об очень многом дознаваться через Мортенсена.

— Прекратите слежку!

— Мы могли бы рискнуть и потихоньку продолжать ее, — предложил Брогг. — Пока Мортенсен ни о чем не подозревает, мы могли бы продолжить получение информации от него. Не то чтобы я предлагал по-настоящему вмешаться в его дела, но пока...

— Нет!

«Трус! — подумал Брогг. — Боится, что Верховное Правление сдерет с него шкуру».

Иногда в минуты анархического настроения Броггу представлялось, как он намеренно уничтожает Дональда Мортенсена, спугнув его, несмотря на приказ Верховного Правления, и тем самым, возможно, сокрушив все подобно Самсону, навалившемуся на подпорки храма. Брогга весьма позабавило бы, если бы он узнал, что считавшийся мягкотелым Квеллен имел точно такие же бунтарские мысли. Было чудовищно приятно сознавать, что ничтожный поступок мелкой сошки государственного аппарата может угрожать безопасности Верховного Правления. И все же Брогг подавил в себе этот порыв, точно так же, как это сделал и Квеллен. Он послушно прекратил слежку за Мортенсеном. Мортенсен благополучно отправился в прошлое 4 мая, и целостность континуума будет сохранена.

И все же теперь у Брогга была новая нить к Ланою.

Она появилась сегодня. Один пролетарий, некто Бранд, имевший 14-й разряд, напился в одной общедоступной пивной. Ливард, который сам зашел туда освежится, услышал, как этот Бранд разглагольствовал о Ланое и его занятии по переброске людей в прошлое. Не пользуясь при этом достижениями современной технологии! Вот это рассказал Ливард Броггу.

— Давай попросим Бранда, — предложил Брогг, выслушав Ливарда. — Тащи его сюда. Хотя нет, погоди. Я сам пойду за ним. Ты посиди в конторе.

Брогг вышел на разведку. Он отыскал пивную, увидел Бранда, взвесил все факторы. После некоторых колебаний он отделил Бранда от остальных, представился государственным служащим и арестовал его, чтобы допросить. Бранд перепугался.

— Я ничего не совершил! — настаивал он. — Абсолютно ничего!

— Тогда вам это ничем не грозит, — пообещал Брогг. — Мы просто хотим задать вам несколько вопросов.

Когда вместе с пролетарием он вошел в здание Управления, Брогг узнал, что Квеллен отдал новое распоряжение.

— Он хочет, чтобы прицепили «ухо» его зятю, — сказал Ливард.

Брогг ухмыльнулся.

— Предпочтение родне даже при расследовании преступлений? У него есть хоть капля стыда?

— Ничего не могу сказать, — флегматично ответил Ливард. — Но он говорит, что его зять замышляет совершить прыжок. Он хочет, чтобы мы это проверили. Он хочет подвесить ему «ухо» прямо сейчас и вести круглосуточную запись. Зовут этого прыгуна Помрат Норман. Я уже собрал кое-какие сведения о нем.

— Ладно. Придется заняться этим Помратом.

— Квеллен предполагает, что Помрат находится в контакте с Ланоем.

— Похоже, что все находятся в контакте с этим Ланоем, — буркнул Брогг. — Ты знаешь, даже к Квеллену подходили! — Брогг состроил на лице гримасу улыбки. — У меня не было возможности рассказать ему, что Мортенсен тоже имел с Ланоем дело, но я не сомневаюсь, что это его удивило бы. И вот этот пролетарий, этот Бранд, которого ты раскопал, — еще одна нить к Ланою. В один прекрасный день мы должны выследить одного из них — вплоть до источника.

— Ты хочешь, чтобы я навесил «ухо» Помрату? — спросил Ливард.

— Я сделаю это сам, — ответил Брогг. — У меня особый дар на это — тебе пора бы знать.

У Брогга действительно был такой дар. Он мог двигаться очень изящно для человека такого телосложения. Брогг мог стать рядом с жертвой в вагоне монорельса и незаметно ввести «ухо» в самое невероятное место. Этот дар сослужил ему службу, когда он установил слежку за Квелленом. Столь же искусно он воспользовался им и в деле Мортенсена. Теперь Помрат! Брогг спустился в лабораторию и стал подыскивать наиболее совершенную из всех имевшихся в распоряжении моделей «уха».

— Вот прекрасный экземпляр, — с гордостью сказал специалист из лаборатории. — Мы только что закончили его. Как видите, нам удалось создать «ухо» на базе псевдоживого стекла. Результат получился уникальный. Вот посмотрите сами.

Брогг протянул мясистую ладонь. Техник положил на нее крохотный металлический диск величиной в несколько молекул, совершенно незаметный, но содержащий в себе блестящую бусинку из какого-то зеленого пластика.

— Как это действует? — спросил Брогг.

— Как обычное «ухо». Но крупинка стекла имеет то свойство,

что, как только «ухо» помещается на тело, стекло активизируется и пробивает себе путь под кожу, пытаясь проникнуть вовнутрь сквозь поры. Это что-то вроде искусственного паразита. Оно проникает внутрь и остается там, откуда его нельзя извлечь никаким простым действием. Оно ведет передачу довольно долго. Для того чтобы прекратить этот поток информации, нужно хирургическое вмешательство.

Брогг был поражен. Существовало множество моделей «уха», предназначенных, разумеется, для внутреннего применения, но все их нужно было ввести в тело жертвы сквозь одно из внешних отверстий — рот, нос и так далее, что создавало для агента определенные трудности. Обычным методом было тайно подсунуть его в пищу жертвы. Поскольку большинство людей воздерживалось от применения пищи в присутствии посторонних, это требовало тщательной подготовки. И в любом случае «ухо» в скором времени выводилось наружу вместе с экскрементами. Существовали и другие отверстия в теле, и Броггу несколько раз удавалось помещать «ухо» в тела женщин, застигая их в трепетные мгновения оргазма, но это было очень ненадежным способом. Бесконечно проще было прилепить «ухо» к телу снаружи, и пусть устройство само позаботится о том, чтобы потрудиться проникнуть внутрь тела человека. Такая методика была очень по душе Броггу.

Он провел целый час, изучая, как пользоваться новой моделью «уха». Затем отправился на поиски Норма Помрата.

Телевектор быстро обнаружил жертву в Центральном бюро по трудоустройству, где такие же, как он, в полнейшем отчаянии жмут напропалую кнопки машины. Брогг переоделся в неудачника с 12-м разрядом и направился к куполу Бюро по трудоустройству.

Ему не составило особого труда отыскать в толпе Помрата. Брогг примерно знал, как он должен выглядеть, — приземистый, мрачный, возбужденный мужчина почти сразу же попался ему на глаза. Брогг пристроился в очередь неподалеку от Помрата и некоторое время пристально разглядывал несчастного зятя своего начальника. Помрат ни с кем не разговаривал. Он свирепо смотрел на дисплей, будто экран был его личным врагом. Губы его были плотно сжаты, в глазах была усталая обреченность. «Этот человек страдает, — подумал Брогг. — И неудивительно, что он замышляет стать прыгуном. Что же, скоро мы многое узнаем о нем».

Брогг бочком подобрался к Помрату.

— Простите, — сказал он и как бы невзначай споткнулся. Помрат попытался подхватить его. Брогг схватился за руку Помрата и крепко придавил пальцами «ухо» прямо к волосатой коже, чуть повыше запястья. Выпрямившись, он сердечно поблагодарил Помрата. За это время псевдоживое стекло, в которое было вмонти-

ровано «ухо», уже начало жить своей жизнью, просверливая себе путь внутрь живой плоти.

К вечеру «ухо» переместится вверх по руке Помрата в какой-нибудь теплый уютный жировичок, где сможет осесть надолго и начать свою работу.

— Еще раз простите за неосторожность, — пробормотал Брогг и отошел. Помрат ничем не дал знать, что догадывается, что к нему что-то прилепили.

Возвратясь в управление, Брогг включил монитор. В здании Бюро по трудоустройству Помрата уже не было. На экране пунктирная линия свидетельствовала о том, что он идет пешком. Через десять минут он остановился. Движения его тела усложнились — он проходил сквозь открываемую вручную дверь. Затем началась звуковая информация.

Помрат: «Я снова здесь, Джерри».

Незнакомый голос: «Для вас уже готова кушетка».

Помрат: «И хорошая галлюцинация, о'кей? Вроде того, что я сражаюсь с крабами и спасаю трепещущую блондинку, а Клуфман награждает меня Почетной галактической медалью».

Голос: «Я не в состоянии подобрать для вас сюжет, Норм. Вы ведь знаете это. Вы платите свои деньги и получаете то, что получится. То, что сидит у вас в голове, то и составляет содержание картины».

Помрат: «В моей голове, приятель, есть очень много всякого. А где маска? Мне хотелось бы, чтобы мне пригрезилось вот что: Норм Помрат — разрушитель миров, пожиратель пространства и времени».

Голос: «У вас весьма необузданное воображение, Норм».

Брогг отвернулся. Помрат находился во дворце грез, это было очевидно. На экране монитора не будет теперь ничего существенного. Ничего, кроме Помрата, спящего на кушетке и наслаждающегося или ненаслаждающегося своей галлюцинацией.

Во второй комнате Ливард все еще допрашивал несчастного пролетария Бранда. Бранд казался встревоженным. Брогг послушал некоторое время и, не найдя ничего существенного в его показаниях, стал подбивать итоги дня. Он заметил, что Квеллен уже ушел домой. Может быть, в Африку, на целый вечер.

Брогг добрался до своей собственной квартиры довольно быстро. Как и положено, у него был напарник по комнате — помощник судьи в одном из судебных округов, но они построили свой быт так, чтобы их пути как можно реже пересекались. Нужно уметь приспосабливаться к существующим жилищным условиям.

Уставший за день Брогг сразу же принял молекулярный душ и очистился от собравшейся дневной грязи. Затем он запрограммировал себе ужин. После этого выбрал книгу. Он продолжал за-

ниматься захватившей его темой из римской истории. Тем, как Тиберий справился с восстанием Саяна. Взаимодействие характеров производило неизгладимое впечатление. Саян, хитрый фаворит стареющего злобного императора, наконец просчитался и был сброшен с высот власти Тиберием.

Брогг постепенно погрузился в размышления об этих давних и жестких событиях.

«Будь я на месте Саяна, — подумал Брогг, — как бы я поступил в этой ситуации? Несомненно, более тактично. Я ни за что не стал бы провоцировать этого старого козла».

Брогг улыбнулся. Будь он Саяном, он в конце концов наверняка взошел бы на трон, чтобы править от своего собственного имени. С другой стороны...

С другой стороны, он не был Саяном. Он был Стенли Броггом из Уголовного департамента. «Очень жаль, — подумал Брогг. — Но приходится довольствоваться тем, что имеешь».

Глава десятая

Ночь опускалась, как сомкнувшийся кулак. Квеллен сменил одежду после долгого душа, во время которого он израсходовал почти недельную норму воды для мытья. Он переоделся в одежду, которая была несколько вычурной — это было формой пассивного протеста против того вечера, который собиралась навязать ему Джудит. Люди, которые приходили на эти причастия, заключавшиеся в совместном рыгании, в основном были скучными и бесцветными. Он презирал их пуританскую простоту. И потому облачился в костюм, сшитый из переливчатой материи, сверкавшей то красным оттенком, то фиолетовым, то голубым, в зависимости от угла отражения.

От ужина он воздержался. Это было бы непростительной оплошностью с учетом намеченной на этот вечер церемонии. Тем не менее ему нужно было поддержать на должном уровне содержание глюкозы после наряженного рабочего дня, для чего он прибегнул к таблеткам. Отдохнув, Квеллен запер квартиру и вышел. С Джудит он встретится на причастии. После этого, может быть, он отправится к ней домой. Она жила одна с тех пор, как, подобно ему, получила седьмой разряд. «Это было бы поступком, свидетельствовавшим о гражданской благонадежности, — подумал Квеллен, — если бы я женился на ней и объединил мое и ее жилье». Но пока что Квеллен не был готов к таким проявлениям патриотизма.

Культовое собрание, как проинформировала его Джудит, будет происходить в доме некоего Броуса Кашдэна, администратора четвертого разряда межконтинентальной сети стасис-транспортировки.

Квеллена заинтересовало то, что такой транспортный магнат, как Кашдэн, вовлечен в деятельность культа. Разумеется, культ совместного отрыгивания не значился в списке запрещенных. Эстетически он мог быть неприличным, но он не был в числе подрывных, как некоторые другие. Тем не менее опыт общения с высокопоставленными администраторами научил Квеллена тому, что среди них тенденция быть охранителями существующего строя. Может быть, Кашдэн был не таким. В любом случае Квеллену было любопытно увидеть его дом. Он очень редко видел дома обладателей четвертого разряда.

Вилла Броуса Кашдэна была расположена внутри сети статистической транспортировки Аппалачии, что означало, что Квеллен не мог попасть в нее мгновенно при помощи стасис-поля и должен был отправиться на монорельсовом роботакси. Очень жаль. Придется зря потратить полчаса. Он запрограммировал свой маршрут в северном направлении. Экран внутри роботакси показывал ему смоделированное изображение того, что находилось внизу: реку Гудзон, серебристой змеей переливавшуюся в лунном свете; изборожденные оврагами холмы Адпродакского заповедного лесного массива — тысячи акров сохранившейся внутри города дикой природы, и наконец, залитую прожекторами посадочную платформу. Месячный робовагончик быстро доставил Квеллена туда, где жил Кашдэн. Он немного припоздал, это не вызывало сомнения, но это его не беспокоило.

Вот это вилла! Квеллен не был готов увидеть такое богатство. Разумеется, Кашдэну было положено жить только в одном месте, в отличие от обладателей второго разряда, которые могли иметь несколько домов, разбросанных по различным континентам. И все же было роскошное здание, выстроенное главным образом из стекла и какого-то губчатого, но очень твердого с виду синтетического материала. В доме было по меньшей мере шесть комнат, небольшой сад и посадочная площадка на крыше. Даже снаружи дом имел теплый, приветливый вид. Квеллен вошел в вестибюль, глядя вперед в надежде увидеть Джудит.

Навстречу ему вышел представительный мужчина лет шестидесяти в белом накрахмаленном костюме. На пиджаке его по диагонали висела золотистая лента — знак власти.

— Броус Кашдэн, — представился мужчина. У него был низкий сильный голос человека, привыкшего повелевать. Квеллену было ясно, что весь рабочий день этот человек принимает важные решения и едва ли не заботится о том, чтобы получать рекомендации от представителя Верховного Правления.

— Джозеф Квеллен. Меня пригласила...

— Джудит да Силва. Джудит, разумеется, внутри. Добро пожаловать, мистер Квеллен. Мы почтем за честь встретиться с вами. Заходите. Заходите.

Кашдэну удавалось быть одновременно и подобострастным, и властным. Он провел Квеллена в одну из внутренних комнат длиной в шесть метров, стены которой были сплошь задрапированы каким-то серым пенящимся веществом, имевшим, вероятно, некоторую долю псевдожизни. В этом сверкающем великолепном жилище определенно не было ничего аскетического или тусклого.

В самой середине комнаты на полу, тесно прижавшись друг к другу, сидело семь или восемь человек. Джудит была среди них. К удивлению Квеллена, Джудит решила не одеваться на благочестиво-скромный манер, который предпочитали большинство последователей этого культа. Очевидно, участники причастий из высших кругов придерживались иных норм. На ней сейчас было весьма нескромно напыленное платье, синее с голубыми полутонами. Полоса материи проходила между грудей, которые оставались обнаженными, и обвивалась вокруг бедер и поясницы. Ее нагота, казалось, была прикрыта, но поскольку это был всего лишь краситель, она с таким же успехом могла сойти за совершенно голую. Квеллен понимал, что такие крайности моды разрешались только в самых утонченных кругах, придерживавшихся моды, характерной для шестого разряда или даже выше. Для Джудит, имевшей седьмой разряд, выставлять себя подобным образом было несколько преждевременно. Квеллен почувствовал, что он и Джудит, возможно, единственные в этой комнате, у кого столь низкий разряд. Он улыбнулся Джудит. У нее были маленькие груди, самые модные в эту эпоху, и она подчеркивала их, покрасив соски.

Рядом с нею сидел тучный, практически без шеи, мужчина с подстриженной синей бородой, влажными губами и безмятежным выражением лица. С другого его бока сидела еще одна женщина, чуть постарше Джудит, на тело которой была напылена одежда ничуть не скромнее, чем у Джудит. На Джудит такая одежда смотрелась хорошо, но не на этой женщине, у которой были обвислые груди и толстые ляжки. Она жеманно улыбнулась Квеллену, который, не скрывая неудовольствия, глядел на ее безвкусно выставленное напоказ тело.

У остальных был приятный, вполне интеллектуальный вид. Это были большей частью мужчины, у некоторых из них был немного бесполый вид, но все они были хорошо одеты и явно имели высокое положение в обществе. Квеллен пропустил мимо ушей большинство имен. Человек без шеи и с синей бородой был доктор Ричард Галубер, психоаналитик Джудит, или ее «фрудом». Мясистая матрона была миссис Галубер. Интересно... Квеллен не знал, что «фруд» женат. Он давно подозревал, что Джудит его любовница. Может, так оно и есть, но зачем было Галуберу приводить свою жену, чтобы встретиться на причастии с любовницей? Этого Квеллен не понимал. Поступки «фрудов» часто были малопонятными, и,

насколько Квеллен знал Галубера, он затащил сюда свою жену, возможно, исходя из какой-то неясной терапевтической цели.

— Я так рада, что ты пришел, Джо! — приветствовала Джудит. — Я боялась, что ты передумаешь в последнюю минуту.

— Но разве я не обещал прийти?

— Да, это так. Но тебе свойственно уклоняться от потенциально опасных встреч в обществе.

— Опять ты принялась за мой психоанализ! — с досадой произнес Квеллен. — Хватит, Джудит. Я здесь, чего еще надо?

— Ладно, ладно, — улыбка ее стала неожиданно теплой и очень искренней. — Я счастлива, что ты пришел. Я не собираюсь ставить под сомнение твои побуждения. Подсаживайся к доктору Галуберу.

— Обязательно?

Она рассмеялась.

— Разве я не права, сказав, что у тебя тенденция держаться подальше от потенциально...

— Ладно! Веди меня к доктору Галуберу, — махнул рукой Квеллен. Они пересекли комнату. Квеллена беспокоила нагота Джудит.

Полимерная пленка красителя фактически не была одеждой. Он четко различал обе ее ягодицы под темно-синим прикрытием. Она выглядела даже более голой, чем если бы не покрывала тело полимером. Воздействие напылителя было возбуждающим и смущающим. Ее стройное угловатое тело непреодолимо влекло его к себе, особенно в этой утонченной городской обстановке. С другой стороны, миссис Галубер фактически была столь же обнаженной, и у Квеллена не проходило желание накинуть ей на плечи покрывало, чтобы прикрыть срамоту.

«Фруд» уставился на Квеллена характерным для его занятия взглядом.

— Какое счастье встретиться с вами, мистер Квеллен! Я так много слышал о вас.

— Не сомневаюсь, — нервно ответил Квеллен. Он был разочарован тем, что Галубер, несмотря на свою многообещающую тевтонскую фамилию, не подделывал ритуальный центральноевропейский акцент, как это делали большинство «фрудов». — Я не знал, что люди вашей профессии принадлежат к подобным культам.

— Мы принимаем любые душевные переживания, — ответил Галубер. — Разве есть какая-нибудь причина, по которой мы должны их отвергать?

— В общем-то нет.

«Фруд» кивнул в сторону своей жены.

— Я и Дженифер состоим в группе публичного отрыгивания вот уже больше года. Это дало нам возможность гораздо лучше познать себя. Не так ли, дорогая?

Миссис Галубер снова жеманно улыбнулась. Она смотрела на Квеллена с такой похотью, что ему стало страшно.

— Да, это было чрезвычайно поучительно, — согласилась она. — Да...

У нее было глубокое низкое контральто.

— Любой вид общения между людьми является благом, разве не так? — продолжала она. — А здесь мы достигаем слияния душ таким способом, который в наибольшей степени удовлетворяет наши нужды.

Пышная плоть Дженифер Галубер сотрясалась от искреннего смеха. Квеллен поймал себя на том, что, не отрываясь, смотрит на уродливо торчащие горы — ее груди, и отвел глаза, чувствуя себя виноватым. Ему стало как-то не по себе. «Брак Галуберов, — подумал он, — должно быть, очень странная штука. Но я не позволю этой жирной ведьме тайком затащить меня в какой-нибудь уголок в момент слияния душ участников этого причастия. Может быть, Галубер и путается с Джудит, но мне ничего не даст, если я, в свою очередь, пересплю с его женой, так как у нас не равные роли».

— Я уговаривала мистера Галубера, — сказала Джудит, — прийти на одно из наших причастий в течение нескольких месяцев. Но он всегда отказывался. Он чувствовал, что, пока он и я не достигнем должного успеха в моей терапии, он не может позволить себе быть вовлеченным в такое интимное действие.

— Дело было не только в этом, — благодушно произнес «фруд». — Проблема состояла в том, чтобы ввести в группу мою жену, что требовало особой подготовки. Дженифер, понимаете ли, мутантка, лишенная галактозы. Ей нужно соблюдать диету.

— Понятно, — рассеянно кивнул Квеллен.

— Это генетический дефект, — продолжал Галубер. — Из-за нехватки ферментов она не в состоянии усваивать галактозу. Она начала бы накапливаться, и это могло привести к повреждению клеток. Поэтому ей с самого рождения приходится соблюдать свободную от галактозы диету. Отсюда проистекают другие проблемы. Поскольку у нее нехватка ферментов, она не может синтезировать галактозу из эндогенных углеводородов, и если это не компенсировать, то может произойти частичное замещение галактолипидов глюколипидами в мозгу, в крови, к ухудшению приживляемости при пересадке органов — одним словом, это чревато серьезными последствиями!

— Это излечимо? — спросил Квеллен.

— Не в смысле полной нормализации обмена веществ. Но с этим можно справиться. Наследственные дефекты галактозного метаболизма могут контролироваться с помощью синтеза ферментов. Тем не менее ей приходится все время оставаться на особой

диете и воздерживаться от некоторых веществ, в частности от того, которое является существенным компонентом сегодняшнего обряда. Вот почему нам пришлось заменить его подготовленным нами самими материалами. Это является определенным неудобством для хозяина.

— Отнюдь нет, — отозвался басом Броус Кашдэн. — Сущие пустяки! Мы счастливы, что вы смогли присоединиться к нам, мистер Галубер.

Квеллен, сбитый с толку потоком клинических словоизлияний, почувствовал облегчение, когда Кашдэн объявил о том, что обряд вот-вот начнется. «Фруд» умышленно разглагольствовал об этом, — подумал Квеллен, — чтобы показать свое интеллектуальное превосходство». Галубер предпочел ошеломить Квеллена каскадом медицинских терминов, доступных только пониманию специалиста. Квеллен беззвучно проклинал нехватку ферментов у Дженифер Галубер, ее похотливые взоры, вызванные избытком глюколипидов пышные формы и ее подпрыгивающие груди. Стараясь держаться подальше от нее, он последовал за Джудит через всю комнату к устланному ковром углублению в центре, где должен был происходить обряд.

Джудит предупредила его.

— Джо, пожалуйста, не отворачивайся так, как ты это сделал в прошлый раз. Тебе надо отучаться от дикарских привычек. Взгляни на вещи объективно: что плохого в том, что слюна немного смешается?

— Ничего, — ответил Квеллен. — По-видимому, ничего плохого...

— А желудочные соки не нанесут тебе никакого вреда. Это делается ради достижения духовного общения. Нужно отбросить прежние устаревшие воззрения!

— Потому у тебя и хватает духу появляться в обществе совершенно обнаженной? — спросил он. — Конечно, глядя на вещи по-современному...

— Я вовсе не голая, — жеманно перебила она его.

— Конечно нет. На тебе слой краски.

— И он скрывает то, что принято скрывать в соответствии с принятыми в обществе нормами приличия.

— Он оставляет неприкрытыми твои вторичные половые признаки, — подсказал Квеллен. — Что равносильно наготе!

— Но не главные же! Взгляни сам. Эта область у меня полностью прикрыта, все в рамках приличия. Почему ты не смотришь на меня, Джо? Ты временами бываешь такой смешной!

Поскольку она настаивала, он посмотрел на ее талию. Взгляд его проследовал вниз до самых бедер. Он вынужден был признать — соответствующие места у нее действительно были должным образом

прикрыты. Она казалось голой, но таковой не была. «Хитро сработано, — подумал Квеллен. — Возбуждающе. Интересно, как ей удается потом снять слой напыления? Может быть, она и это покажет ему еще до того, как закончится ночь? Ее тело властно влекло его. В отличии от Хелейн, худоба которой была следствием истощения, тело Джудит было совершенным в своей гибкой, хрупкой элегантности. Квеллен охотно ушел бы отсюда с ней прямо сейчас.

Но нужно еще было выдержать предстоящую церемонию.

Члены причащающейся группы собрались вокруг углубления. Броус Кашдэн, на правах хозяина дома, принес металлическую чашку, в которую он положил тестообразную массу размером с человеческую голову. Квеллен знал, что это был гвоздь любовного пиршества: неперевариваемый продукт из морских водорослей, обладавший свойствами рвотного средства, разумеется, переработанный так, чтобы удовлетворять странностям обмена веществ миссис Галубер.

Свет притух. Галубер взял блестящую чашу из рук Кашдэна и поставил ее себе на колени. Затем торжественно отщипнул кусок теста, запихнул его себе в рот и начал методично жевать.

Существовало множество различных культов. Квеллен не был ярым приверженцем ни одного из них, но его то и дело затягивали участвовать в церемониях, главным образом, благодаря настойчивости Джудит. Она перепробовала все в поисках духовного усовершенствования. Переходила от одного «фруда» к другому, от одного культа к следующему. Квеллен подозревал, что она посещала и собрания запрещенных культов. Возможно, даже была приверженцем объявленной вне закона религии Флайминга Бесса. Он мог представить себе танцующую обнаженную Джудит — без всякого напыленного слоя, — в то время как лежащий лицом вниз пирокинетик создаст экстрасенсорным путем сияние вокруг ее тела и сопроводит это яростными призывами к свержению Верховного Правления. Одно поколение тому назад пирокинетики на самом деле убили несколько их руководителей первого разряда. И что бы ни предпринимало против них Верховное Правление, культ этот существует до сих пор.

Но в общем культы были весьма невинными, пусть и отвратительными, но не преступными. Вот как этот, при использовании обрядов которого с помощью пережевывания жвачки достигалось ощущение гармонии и единства с другими участниками обряда причастия. Кашдэн произносил нараспев что-то вроде молитвы. Галубер продолжал запихивать себе в рот упругое тесто. Сколько же этой дряни может пометиться в его чреве? Дженифер Галубер с гордостью взирала на своего мужа. «Фруд» продолжал пожирать тесто. Внезапно лицо его преобразилось, взгляд потерял осмыслен-

ность. Дженифер тихонько повизгивала от восторга. Ее голое тело казалось теперь еще огромнее от того, что она испытывала чувство сопричастности, ощущала чувство значимости ее мужа.

Гимн подхватили все присутствующие. Даже Джудит начала распевать во все горло. Квеллен слегка улыбнулся и тут же почувствовал тычок локтем под ребро.

— Ты тоже пой, — шепнула Джудит.

— Я не знаю слов.

— Ты просто мычи!

Он пожал плечами.

Галубер проглотил почти все тесто, находившееся в чаше. Безусловно, у него теперь мучительно вспучило живот.

Рвотное, которое содержала эта тягучая жвачка, срабатывало по принципу достижения критической массы. Как только в желудке оказывалось необходимое его количество, срабатывал перистальтический рефлекс и начиналось священное срыгивание.

Джудит, находившаяся рядом с ним, начала молиться о том, чтобы на нее снизошла благодать. Благодать Единения! «Нирвана посредством очищения желудка, — холодно отметил про себя Квеллен. — Как я сюда попал? Что я здесь делаю?» Песнопение многократно отражалось от стеклянных стен и оглушало его, наполняя помещение странным ритмом, от которого никуда нельзя было спрятаться. Губы Квеллена зашевелились. Он тоже присоединился бы к гимну, если бы знал слова. Он обнаружил, что вот уже и сам гнусавит что-то нечленораздельное в такт с остальными. Кашдэн, продолжая вести обряд, возвысил свой голос над остальными. У него был чудесный сочный бас со множеством оттенков и обертонов.

Галубер неподвижно сидел в центре углубления. Глаза его сейчас были уже закрыты, руки прижаты к животу. Лицо раскраснелось. Он один был как бы застывшим среди раскачивающихся и причитающих участников церемонии. Квеллен усилием воли заставлял себя смотреть на все это как бы со стороны, не давая себя увлечь. Он видел, как ритмично раскачивались из стороны в сторону безобразно огромные груди Дженифер. Он видел, как точеное лицо Джудит засветилось огнем какого-то внутреннего экстаза. Бесполый молодой человек с прилизанными ярко-бордовыми волосами дергался так, будто держался за провод высокого напряжения. В комнате вот-вот должна была начаться мистерия публичного рыгания.

И вот доктора Галубера начало рвать.

«Фруд» рыгал со спокойным достоинством. Разомкнулись его толстые губы, и куски теста стали извергаться в чашу. Раскрасневшееся лицо покрывалось каплями пота. Весь пищеварительный тракт яростно отвергал свое содержимое, но Галубер благородно выполнял свою роль. Чаша была наполнена. И пошла по рукам!

Руки хватали мокрое тесто. Хватай и жри! Хватай и жри! Вот подлинная сущность причастия. Соединяйся в единое целое. Ел Броус Кашдэн. Ела Дженифер Галубер. Джудит спокойно приняла свою порцию. Квеллен нашел у себя в ладони мокрую тестообразную массу.

Бери! Ешь!

Будь объективен. Это и есть Единение!

Его рука, дрожа, поднялась к губам. Он ощутил, как к его бедру прижалось теплое бедро Джудит. Бери и ешь! Бери и ешь! Галубер лежал в состоянии прострации, охваченный священным экстазом.

Квеллен положил тесто себе в рот.

Жевать начал жадно, не позволяя себе ни малейшего колебания. Особым свойством неперевариваемого вещества было то, что оно могло быть усвоено только тогда, когда было насыщено слюной. Просто проглотить его было мало. Галубер подготовил его к длительному восприятию. Квеллен проглотил. Странно, но тошноты он не испытал. Он ел раньше муравьев, серых слизняков, морских ежей, другие экзотические деликатесы и при этом никогда не испытывал снисхождения на себя благодати.

Другие участники плакали от радости. Слезы капали на напыленное одеяние Джудит. Квеллен все еще продолжал испытывать прискорбную объективность в отношении Вселенной. Он так и не воссоединился с мистической Всеобщностью, хотя и усердно соблюдал ритуал. Он терпеливо ждал, когда на него снизойдет экстаз, уже охвативший остальных.

— Поведешь, как Галубер, следующий раунд? — шепнула ему на уход Джудит.

— Категорически — нет!

— Джо...

— Я ведь пришел, не так ли? Принимаю участие. Пожалуйста, не требуй от меня исполнения главной роли.

— Но ведь обычно новички в группе начинают...

— Я не знаю. Но только не я! Пусть эта честь будет предоставлена кому-нибудь другому.

Она с упреком посмотрела на него. Квеллен понял, что подвел ее. Сегодня было нечто вроде испытания для него, и он почти что прошел его. Почти...

Броус Кашдэн принес вторую порцию ритуального теста. Не издав ни слова, Дженифер Галубер приняла чашу и начала напихиваться тестом. «Фруд», обессилив после своего почина, сидел скорчившись рядом с ней, почти не глядя на происходящее. Ритуал в точности повторился. Квеллен принял в нем участие, как и раньше, но и сейчас не испытал никакой благодати.

После этого к нему подошел Броус Кашдэн и тихо спросил:

— Не угодно ли вам стать ведущим в нашем следующем причастии?

— Извините, — покачал головой Квеллен, — но я не могу. Мне необходимо по долгу службы покинуть вас.

— Очень жаль. Мы надеялись, что вы примете участие в полном причастии, — Кашдэн мечтательно улыбнулся и протянул чашу кому-то другому.

Квеллен потянул Джудит за руку.

— Идем за мной! — настойчиво шепнул он.

— Как ты можешь думать здесь о сексе?

— Понимаешь, ты не очень-то целомудренно одета. Ты уже причастилась два раза. Может, хватит? Пошли!

— Нет! — твердо ответила Джудит.

— А если я подожду, пока закончится следующее причастие?

— Нет! И после этого — нет! Ты должен принять участие в качестве ведущего, это самое главное! Иначе я никогда не смогу ощущать родство с тобой. Джо, как я могу отдаваться человеку, с которым не породнилась? Это будет чисто механическим актом — и будет мукой для нас обоих!

Ее нагота, которая и наготою-то не была, пронизывала его насквозь. Он не мог спокойно видеть изящные линии ее тела. С болью в голосе он произнес:

— Не делай мне больно, Джудит. Давай по-честному. Давай уйдем сейчас.

Не отвечая, она отвернулась и присоединилась к своим товарищам возле ритуального углубления. Третье причастие вот-вот должно было начаться. Кашдэн взглядом пригласил Квеллена, но тот покачал головой и быстро вышел из комнаты. Снаружи он посмотрел сквозь стеклянную стену и увидел, как Джудит, откинув назад голову, с восторгом раскрыла рот. У Галубера был такой же исступленный вид. Вид жирного тела Дженифер Галубер вызвал у него неизгладимое отвращение, и он поспешил прочь.

Домой он пришел после полуночи, но успокоения в своей квартире он не нашел. Он должен был бежать. Ни о чем не думая, он ступил в стасис-поле и позволил забросить себя в Африку.

Там уже наступило утро. Шел слабый, похожий скорее на туман дождик, но сквозь тучи уже проступало золотистое сияние солнца. Крокодилы были на своих обычных местах. Где-то закричала птица. Влажную черную землю покрывали кусты с обильной листвой, потяжелевшей от капель дождя. Квеллен всей душой хотел, чтобы его охватил покой окружавшей природы. Сбросив туфли, он подошел к самому краю потока. Мутная жижа струилась между пальцами ног. Какое-то небольшое насекомое укусило его за икру. В воду прыгнула лягушка, пустив по темной поверхности воды все расширяющиеся концентрические круги. Один из кроко-

дилов лениво открыл сверкающий глаз. Влажный, тяжелый воздух наполнил легкие Квеллена.

Но даже все это не принесло ему облегчения.

Место это было его, но не заработанное. Он украл его. Он не мог найти здесь настоящего умиротворения. Там, в Аппалачии, он тоже не мог найти себе покоя. Этот огромный мир вокруг не был его миром. Он подумал о Джудит, с такой волнующей в своей напыленной одежде, представил себе ее исступленное пережевывание жвачки. «Она ненавидит меня, — решил Квеллен, — или, может быть, жалеет. Но результат один и тот же. Она больше никогда не будет моей!»

Он не захотел оставаться в этом приятном окружении, пока у него было такое настроение.

Он снова ступил в стасис-поле и очутился в своей квартире. В эту ночь он спал очень плохо...

Глава одиннадцатая

На следующий день, придя в управление, Квеллен застал обоих своих замов, дожидавшихся его, с третьим мужчиной, высоким, неуклюжим, плохо одетым. Нос у незнакомца был разбит. Квеллен заметил, что Брогг на полную мощность включил подачу кислорода.

— Кто это? — спросил Квеллен. — Вы произвели арест?

«Неужели это тот самый Ланой? — подумал он. — Не похоже. Каким образом мог этот потрепанный пролетарий, слишком, по-видимому, бедный даже для того, чтобы ему сделали пластическую операцию носа, быть той силой, что стоит за прыгунами?»

— Скажите комиссару, кто вы! — обратился Брогг к незнакомцу, подталкивая его локтем.

— Моя фамилия Бранд, сэр, — тихим унылым голосом произнес пролетарий. — Пятнадцатый разряд. Я не хотел сделать ничего плохого, сэр. Просто он мне обещал, что у меня будет свой собственный дом, и работа, и свежий воздух, и...

Брогг оборвал его:

— Мы наткнулись на этого человека в пивной. Он принял одну-две лишние рюмки и рассказал всем и каждому, что скоро у него будет работа.

— Именно об этом мне и говорил тот парень, — промямлил Бранд. — Только надо дать ему две сотни, и он переправит меня куда надо. Туда, где у всех есть работа. И я смогу переслать деньги, чтобы перевезти туда свою семью.

— Такого быть не может, — покачал головой Квеллен. — Переслать деньги? Контакт в обратную сторону? В обратную сторону времени?

— Так он мне сказал. Это звучит так заманчиво, сэр.

— Скорее всего приманка, — решительно произнес Брогг. — Хотя, если контакт двусторонний, это может разрушить все наши планы. Но я все же думаю, что это блеф. Ничего такого нет.

— Как зовут этого парня? — спросил Квеллен.

— Ланой, сэр.

Ланой! Ланой повсюду! Распустил свои щупальца сразу по всем направлениям!

— Кто-то дал мне вот это и велел связаться с ним, — пробормотал Бранд.

Он протянул сложенную мини-карточку. Квеллен развернул ее и прочитал:

«БЕЗ РАБОТЫ?
ЗАЙДИ К ЛАНОЮ!»

— Эти штуки повсюду, — раздраженно бросил Квеллен. Он запустил руку в свой карман и извлек оттуда карточку, которую ему всучили на спусковой рампе. Квеллен носил ее при себе как талисман. Положив ее рядом с карточкой Бранда, он сравнил их. То же самое!

— Ланой переслал туда многих моих друзей, — произнес Бранд. — Он сказал, что все они работают и счастливы там...

— Куда он их пересылает? — осторожно спросил Квеллен.

— Не знаю, сэр. Ланой сказал, что расскажет мне об этом, когда я ему дам две сотни. Я собрал все свои сбережения и пошел к нему, но решил на минутку заглянуть в пивную. И вот тогда...

— Тогда мы его и сцапали! — засмеялся Брогг. — Всем, кто ему попадался на глаза, он говорил, что направляется к Ланою, чтобы получить работу.

— Гм... А вам известно, кто такие прыгуны, Бранд?

— Нет, сэр.

— Так... Ну что ж, ведите нас к этому вашему Ланою.

— Но я не могу сделать этого, сэр. Это будет нечестно. Все мои друзья...

— Предположим, что мы все же заставим вас привести нас к Ланою, — усмехнулся Квеллен.

— А как же тогда быть с моей работой? Нет, сэр, я не могу сделать то, что вы хотите!

Брогг метнул сердитый взгляд в сторону Квеллена.

— Дайте я попробую, — сказал он. — Ланой, как вы говорите, собирается дать вам работу, не так ли? За две сотни?

— Это так, сэр.

— А что, если мы дадим вам работу задаром, а вы отведете за это нас к Ланою? Мы обязательно переправим вас туда, куда собирался переправить вас он. Только мы за это с вас ничего не возьмем. Мы также обязуемся переслать туда и вашу семью.

Квеллен улыбнулся. Когда приходилось иметь дело с наивными пролетариями, Брогг был куда лучшим психологом, чем он. Этого нельзя было не признать.

— Звучит вроде честно, — произнес Бранд. — Хотя мне чудится в этом что-то не совсем хорошее. Ланой был так добр ко мне. Но если вы обещаете переслать меня задаром...

— Именно так, Бранд!

— Я... мне кажется, тогда я сделаю то, что вы хотите!

Квеллен уменьшил подачу кислорода. Брогг дал знак Ливарду, и тот вывел Бранда из кабинета.

— Давайте пойдем, пока он не передумал, — предложил Квеллен. — Он явно колеблется.

— Вы пойдете с нами, сэр? — спросил Брогг. В его нарочито подобострастном голосе звучала явная издевка. — Весьма вероятно, что мы вынуждены будем отправиться в самую грязную часть города, кишащую самыми разными паразитами. Прибежище преступного мира...

— Вы правы, — сердито сказал Квеллен. — У меня нет необходимости идти туда. Вы вдвоем сможете взять его. А у меня здесь и так уйма работы.

Как только они ушли, Квеллен позвонил Коллу.

— Мы напали на след, сэр, — сказал он. — Брогг и Ливард нащупали нить, ведущую к человеку, который стоит за прыгунами. Они отправились сейчас арестовывать его.

— Прекрасно сработано, — бесстрастно произнес Колл. — Это будет интересным дознанием.

— Я сообщу вам, как только...

— Пусть пока все идет как задумано. Спеннер и я обсуждаем изменения в статусе нашего управления. Мы хотели бы, чтобы нас не беспокоили в течение следующего часа.

Он отключился.

«Что бы это могло означать?» — подумал Квеллен. Холодность в тоне Колла сама по себе не была необычной, но сейчас это было непонятно. Всю неделю Колл надоедал ему, допытываясь, имеется ли прогресс в деле о прыгунах. Теперь же, когда в этом был достигнут определенный реальный успех, когда вот-вот будет арестован Ланой, Колл вдруг стал резок и сух, почти полностью потеряв интерес к этому делу. «Колл что-то утаивает», — подумал про себя Квеллен.

Его терзали угрызения совести. Вернулось подозрение, что Коллу стало известно об Африке. Вот эту вылазку, которую он совершил прошлой ночью, по-видимому, засекли, и это стало последней уликой в деле против него. Теперь они уже готовят обвинение.

Несомненно, Броггу предложили бóльшую цену, чем ту, что давал ему Квеллен за его молчание, и он выдал его тайну за более

высокий куш. Теперь Коллу известно все! Разжалование было бы самым мягким наказанием для Квеллена!

Проступок Квеллена был в своем роде уникальным. Насколько ему было известно, никому другому еще не удавалось ухитриться подобным образом покидать перенаселенную Аппалачию, этот город-спрут, раскинувшийся на всей восточной половине североамериканского континента. Из всех сотен миллионов жителей Аппалачии только он, Джозеф Квеллен, комиссар по уголовным делам, был настолько умен, чтобы найти ломоть неучтенной и незарегистрированной земли в дебрях Африки и построить там себе второй дом. Он мог этим гордиться! У него была отдельная стандартная клетушка седьмого разряда в Аппалачии плюс вилла, доступная только лицам второго разряда и о которой даже мечтать не смело подавляющее большинство смертных. Это было прекрасно, просто замечательно для человека, душа которого восстала против адских условий существования в Аппалачии.

Но для того чтобы подкупить многих людей, нужно было немало денег. Квеллен купил молчание всех, кто мог знать о том, что он роскошно живет в Африке, вместо того чтобы прозябать в каморке три метра на три в Северо-Западной Аппалачии, на что обречен добропорядочный семиразрядник. Кто-то — он был уверен, что это Брогг, — выдал его Коллу. И теперь Квеллен был на самом деле в очень щекотливом положении.

Понижение в должности лишит его даже привилегии содержать отдельную каморку, и ему придется вернуться к жизни совместно с кем-то еще, как жил он с никогда не жаловавшимся Брюсом Мареком. Это было не так уж плохо, когда Квеллен имел разряд ниже двенадцатого и жил в общежитии для холостяков. Он мирился сравнительно легко с присутствием других людей, когда был молодым. Но когда он получил восьмой разряд и стал жить в комнате, где кроме него жил еще только один человек, это было самым мучительным периодом в его жизни.

По-своему Марек даже был совсем неплохим товарищем, размышлял Квеллен. Но он действовал на нервы, выводя Квеллена из себя своей неряшливостью, бесконечными разговорами по видеофону и своим постоянным присутствием. Квеллен мечтал о том дне, когда добьется седьмого разряда и сможет жить один, без постоянного контроля со стороны напарника по комнате. Теперь он стал свободным и мог укрыться от ненавистной ему толпы...

Узнал ли Колл всю правду? Скоро это станет известно!

Потеряв покой, Квеллен прошел по гулкому коридору в то крыло здания, где находились конторы. Он хотел узнать, что им стало известно о Норме Помрате. Квеллен приложил ладонь к дверной идентификационной плите, и коричневая металлическая дверь скользнула в нишу в стене. Квеллен вошел вовнутрь. Помещение

было наполнено жужжанием аппаратуры. Техники приветствовали его. В воздухе стоял запах какого-то дезинфицирующего вещества, будто это была больница.

— Где мониторы записывающих систем Помрата? — спросил он.

— Пройдите сюда, комиссар!

— Кто дежурит у них?

— Они в автоматическом режиме, сэр.

— Вот, здесь, — техник извлек пневмокресло. Квеллен сел и стал перебирать кассеты с записями всего, что делал Помрат.

— Может быть, вы хотите сначала понаблюдать в масштабе реального времени или хотите просмотреть то, что мы записали, начиная со вчерашнего вечера?

— Я попробую и то и другое, — сказал Квеллен.

— Вот переключатель прямой передачи, сэр.

— Я знаю. Мне уже приходилось работать с такой аппаратурой.

Техник посмотрел и отошел в сторону. Квеллен включился в цепь просмотра прямой передачи в масштабе реального времени и тут же включил просмотр. Его зять отправлял естественные надобности. Квеллен закусил губу. Быстрым небрежным жестом он зарядил запасные кассеты и стал просматривать все, чем занимался Норм Помрат с того самого момента, когда Брогг прицепил ему «ухо».

Квеллен не мог, разумеется, позволить себе прослушивание в масштабе реального времени всего материала, касавшегося деятельности Помрата. Приходилось производить выборочное прослушивание. Прокручивая ленту, он обнаружил, что записано удивительно мало речевого материала. Прошлым вечером Помрат был во дворце грез. Затем отправился домой. Вступил в перебранку с женой. Квеллен прислушался.

Помрат: «Ну и черт с ним. Мне нужно расслабиться».

Хелейн: «Но мы ждали, что ты с нами поужинаешь. А ты снова так напичкался этими галлюциногенами, что совсем потерял аппетит».

Помрат: «И что с того? Я ведь здесь. Ставь ужин. Ты запрограммируешь — я съем!»

И дальше все в том же духе — бесконечные домашние дрязги, чертовски скучные. Квеллен пропустил пятнадцать минут и обнаружил, что перебранка продолжается, теперь уже под аккомпанемент всхлипываний его племянника и дерзких реплик маленькой Марины. Квеллену стало досадно от того, что ссоры Помратов стали повседневными. Он снова пропустил часть ленты. Теперь «ухо» передавало совсем иные звуки. Прерывистое дыхание.

Хелейн: «Положи сюда руку снова».

Помрат: «Да, дорогая. Ты же знаешь, что я это сделаю».

Хелейн: «Вот сюда. О! О, Норм!»

Помрат: «Ты уже готова?»

Хелейн: «Еще немного. Дай мне время! Это так замечательно!»

Квеллен стыдливо уставился в пол. Подслушивание любовной сцены Помратов вызвало в нем такое ощущение, будто он сам получил какое-то тайное наслаждение — от кровосмешения.

«Нужно стереть эту часть, — подумал Квеллен. — Мне не следовало прослушивать это. Как мерзко любопытными мы становимся порой!»

Квеллен снова включил быструю перемотку. Теперь на пленке не было записано ничего, кроме посапывания. Затем характерные для утра звуки: детская возня, Помрат под молекулярным душем. Хелейн, зевая, спрашивает, что запрограммировать на завтрак.

Помрат: «Я сегодня намерен уйти рано».

Хелейн: «Ты считаешь, что это — хорошая возможность получить работу?»

Помрат: «Какая возможность?»

Хелейн: «Ты знаешь, о чем я! Та мини-карточка, которая у тебя в кармане! Человек, к которому нужно зайти, если ты без работы».

Помрат: «А-а»...

Квеллен стал ждать дальше. Телеметрические приборы показывали необычную взволнованность Помрата, резкое повышение ударов пульса, даже повышение температуры кожи. Он, видимо, покраснел. Тем не менее он оборвал себя на полуслове, не сказав ничего о Ланое. Квеллен сделал еще один пропуск. Счетчик времени показывал, что он приближается теперь к реальному времени. Квеллен еще раз включил запись.

Помрат: «Ты можешь отвести меня к Ланою, правда?»

Монитор был запрограммирован так, чтобы дать предупреждающий сигнал, как только будет упомянута фамилия «Ланой». Наступил едва заметный промежуток времени, пока компьютер анализировал речь Помрата, затем на пульте управления системы мониторов зажглась красная сигнальная лампочка. Зазвучал звонок.

К аппаратуре стали сбегаться техники.

Зуммер не унимался.

— Все в порядке, — успокоил их Квеллен. — Я продолжаю прослушивание. Только отключите эту чертову сигнализацию.

Квеллен весь подался вперед, у него вспотели ладони, когда он услышал, что его зять окончательно предал семью.

* * *

Помрат проехал в это утро весьма значительное расстояние, не зная, разумеется, что все, что он делает, передается в аппаратный зал Уголовного департамента и что записываются все его слова и даже пульс.

За последние несколько дней он задал очень много вопросов, главным образом до того, как в его тело было имплантировано «ухо». Мини-карточки, рекламирующие услуги Ланоя, были широко распространены. Гораздо труднее было раздобыть информацию о настоящем местопребывании Ланоя. Но Помрат обладал упорством.

Он принял решение бежать.

Он взял все, что только смог. Разумеется, он собирался поступить подло по отношению к Хелейн и детям. Ему будет недоставать их. Тем не менее он был сыт по горло и чувствовал, что находится на грани психического срыва. Слова потеряли для него всякий смысл. Он тупо глядел на информационный видеоэкран, не будучи в состоянии уловить смысл тех новостей, графические символы которых он видел на экране. Буквы и слова стали для него извивающимися микробами.

КЛУФМАН. БЕЗРАБОТИЦА. УРОВЕНЬ НАЛОГОВ.
РАБОТИЦАБЕЗ. РОНЬ НАГОВ.КЛ.ФНА.РАБ.

Танцующие микроскопические животные:

БЕЗРАБ. ФМАН.

Пора убираться прочь!

АНТО. БЕЗРА. НАЛ. ФЛУК. ФЛУК! ФЛУК! ФЛУК!

Клуф!

Более простой мир, вот что ему нужно! Перенестись в такое место, которое еще не столь загажено людьми. Да. Да! Ланой — вот решение вопроса! Голова Помрата пошла кругом. Ему стало казаться, что набрякли виски и вся передняя часть черепа вот-вот съедет вниз. «Не помогли бы вы мне, сэр, направив к Ланою?» Голова вот-вот взорвется, разбросав по улице мозги. «Я без работы. Я хочу встретиться с Ланоем!»

ФЛУК! НАЛ!

Какой-то коренастый человек с дряблым лицом и натуральными зубами произнес рядом с ним:

— Я отведу вас к Ланою. Гоните четыре кредита.

Помрат уплатил.

— Куда я должен идти? Что я должен делать?

— Монорельс. Маршрут номер шестнадцатый.

— И где сойти?

— Нужно просто сесть, вот и все.

БЕЗРАБ! ФМАН!

Помрат направился к ближайшей посадочной платформе. Послушно сел в вагончик нужного маршрута. Для него, как ему показалось, было приятным совпадением и большой удачей встретить нужного человека в тот самый момент, когда он уже отчаялся

отыскать этого неуловимого Ланоя. Но немного подумав, он пришел к выводу, что никакого совпадения в этом не было. Человек с дряблым лицом, по-видимому, был агентом Ланоя, который охотился за ним, чтобы направить его куда надо, когда наступит критический момент. Конечно же это было так!

У него заболели глаза. Что-то неприятное, вроде крупной пыли, стояло в воздухе, какой-то особый абразив для глаз, пущенный, может быть, по распоряжению Верховного Правления, чтобы пропесочить глаза пролетариям и отбить всякие мысли о работе. Помрат забился в дальний угол вагончика. К нему направился кто-то в плаще с капюшоном. Девушка с бритым черепом, торчащими скулами, совершенно без губ.

— Нужен Ланой? — спросила она.

— Почему бы и нет?

— Пересядьте на северную линию.

— Если вы так велите...

— Это единственный путь! — она улыбнулась. Кожа ее, казалось, меняла свой цвет, циклично принимая спектр от инфразеленого до ультралимонного.

Помрат задрожал. Что скажет Хелейн, когда все узнает? Всплакнет ли? Как скоро вторично выйдет замуж? Останется ли у детей его фамилия? Или род Помратов исчезнет? Да. Да. Потому что ему придется принять другую фамилию. Что, если он выберет себе фамилию Клуфман? Какая грандиозная ирония! Мой прапраправнук будет членом Верховного Правления! Смешно! Хотя кто знает, что может случиться на самом деле.

Помрат вышел из вагончика. Девушка осталась внутри. Откуда они знают, кто он и к чему стремится? Ему стало страшно. «Мир полон призраков, которые охотятся за спокойствием моей души, — подумал он, — я так устал...»

КЛУФ! ТОН!

Он стал прохаживаться по платформе. Вокруг него уродливые башни зданий, построенные в прошлом веке, протыкали дырки в небе. Он был теперь за пределами центральной зоны, свободной от трущоб. Кто знает, в какой вонючий район он теперь направляется? Прибыл поезд. Помрат, не задавая вопросов, сел в него. «Я в ваших руках», — подумал он.

Ланой! Забери меня отсюда!

Отсюда!..

Теперь он ехал на север. Неужели это все еще Аппалачия? Небо было здесь темное, вероятно, запрограммированное на дождь. Что, если Дантон порекомендует дождь из серной кислоты, чтобы освободить улицы от грязи? Мостовая шипит и дымится, прохожие мечутся во все стороны, пока растворяется их плоть. Последнее слово в вопросе контроля численности населения. Смерть с небес,

уготованная тем, кому не сидится дома. Поезд остановился. Помрат вышел и снова стал ждать на платформе. Здесь шел дождь. Капли тяжело стучали по асфальту.

— Я — Помрат, — представился он приятной пожилой даме, которая подошла к нему.

— Ланой ждет. Ступайте.

Через десять минут он обнаружил, что находится в сельской местности. На самом берегу озера он увидел лачугу. Возле нее двигались какие-то таинственные фигуры. Помрата подтолкнули вперед. Раздался негромкий голос:

— Ланой ждет вас на заднем дворике.

Это был невысокий человек с большим носом. Его одежде на вид было лет двести, не меньше.

— Помрат?

— Он самый!

— У вас какой разряд? Двенадцатый?

— Четырнадцатый, — сознался Помрат. — Заберите меня отсюда, очень вас прошу. Пожалуйста.

— С удовольствием, — сказал Ланой.

Помрат посмотрел на озеро. Вид у этого водоема был омерзительный. От вони можно было потерять сознание. Огромные жирные космы водорослей колыхались на маслянистой поверхности воды.

— Разве это не прелестно? — усмехнулся Ланой. — Шесть столетий непрерывного загрязнения вперемежку с высокопарными официальными речами. Эпоха обновления все еще впереди. До нее, по самым оптимистическим оценкам, лет двадцать. Не угодно ли поплавать? Мы здесь не практикуем обряд крещения, но можем организовать церемонию, которая соответствует любым религиозным убеждениям.

Помрат пожал плечами.

— Я не умею плавать. Заберите меня отсюда побыстрее!

— Здешняя водоросль — хладафора. Биологи время от времени наведываются полюбоваться ею. Она достигает в длину до тридцати метров. Есть здесь у нас еще анаэробные илистые черви и некоторые моллюски. Весьма примитивные. Не знаю, как им удалось выжить. Вы поразитесь, если узнаете содержание в воде кислорода.

— Ничто уже не может поразить меня, — сказал Помрат. — Пожалуйста, заберите меня отсюда побыстрее.

— Еще здесь кишат всякие кишечные палочки, — продолжал Ланой. — По-моему мнению, их сейчас около десяти миллионов на каждые сто миллиметров. Это в десять тысяч раз больше безопасного для человека уровня. Чем не прелестно! Проходите внутрь, Помрат. Теперь вы понимаете, как трудно оставаться здесь, будучи прыгуном.

— Сейчас все трудно.

Ланой провел его внутрь лачуги. Помрат был поражен, увидев, насколько интерьер был полной противоположностью ее убогому внешнему виду. Внутри все было аккуратно и чисто. Перегородка разделяла помещение на две комнаты. Ланой упал на сетчатый гамак и начал качаться в нем, словно паук. Помрат остался стоять.

— Я могу забрать вас и зашвырнуть, если вам так угодно, в год 1990-й или 2026-й, или в любой другой. Не верьте тому, что говорит пресса. У нас гораздо больше возможностей, чем думает широкая публика. Мы постоянно улучшаем процесс переброски.

— Забросьте меня куда угодно!

— Правильнее было бы говорить, в какую угодно эпоху. Вот посмотрите. Я посылаю вас в 1990 год. Но сумеете ли вы там прижиться? Вы даже не сможете правильно разговаривать на ее языке. Вы будете говорить на каком-то непонятном для них жаргоне, вас вряд ли сумеют понять. К тому же у вас будут нелады и с грамматикой. Вы сможете правильно употреблять времена? Или различать местоимения?

Помрат почувствовал, как кровь стынет в его жилах. Он не понимал, почему этот Ланой будто прядет кокон из слов вокруг него. Словами он уже был сыт по горло.

Ланой рассмеялся.

— Не позволяйте себя запугать! Вам вовсе не нужно знать всего этого. Речь людей всегда неправильна. Хотя и не такая неправильная, как у нас сейчас, потому что в нашем распоряжении оказалось еще несколько сотен лет, чтобы совсем разрушить язык, на котором мы когда-то говорили. Так что первые несколько недель язык доставит вам немало затруднений. А затем вы все-таки научитесь общаться. Вы готовы к тому, что вас посадят в дом для умалишенных?

— Только заберите меня отсюда!

— Вас допросит полиция. Не называйте там свое настоящее имя. Вы не числитесь в списке прыгунов, а это значит, что вы скрыли свое настоящее имя. И не подумайте его открывать. Можете признаться, что являетесь прыгуном, если попадете в 1979 год или позже. Если вы окажетесь в более ранней эпохе, то должны действовать на свой страх и риск. Честно говоря, я бы не пожелал вам оказаться там. Думаю, у вас не окажется на это чисто человеческих качеств.

— Вы человек интеллигентный, Помрат, но вы слишком сильно истрепаны жизнью. Не советую рисковать. Поступайте, как большинство прыгунов, и отдайтесь на милость прошлого. Вы сумеете это сделать.

— Сколько это будет стоить?

— Две сотни. По сути дела, это просто даром. Едва покрывает расходы на электроэнергию.

— Переброска безопасна?

— Столь же безопасна, как проезд по монорельсовой дороге, — Ланой улыбнулся. — Только сначала вам будет не по себе. За вами не будет следить Верховное Правление. Десятки независимых национальных государств. Конкуренция. Вступающие в конфликт друг с другом государственные учреждения. К этому придется привыкнуть, тут ничего не поделаешь. Я уверен, что вам это удастся сделать.

— Хуже, чем здесь, там быть не может.

— Вы женаты, Помрат?

— Да, двое детей. Я их очень люблю.

— Хотите забрать с собой всю семью?

— А это возможно???

— Тут существует некоторая неопределенность. Нам приходится пересылать вас поодиночке — ограничения по массе. Разброс может достигать десяти лет. Ваши дети могут прибыть раньше вас, затем вы и на несколько лет позже ваша жена. Может и так случиться.

Помрат задрожал.

— Предположим, я отправляюсь первым. Вы можете сделать отметку, куда я переслан — вернее, в какой год, — чтобы моя семья могла отправиться за мной, если моя жена изъявит желание?

— Разумеется. Мы заботимся о вашем благополучии. Я свяжусь с миссис Помрат. Ей будет предложено последовать за вами. Немногие жены, разумеется, соглашаются на такой шаг, но предложение ей будет сделано. Так как же, Помрат? Вы не передумали?

— Вы же знаете, что нет!

Квеллен, прослушивая разговор, сидел, будто в трансе. По его коже пробегали мурашки. Он не мог видеть этого Ланоя, он понятия не имел, где происходит этот разговор, но тем не менее он понял, что его зять вот-вот пополнит легион прыгунов, и с этим уже ничего нельзя будет поделать. Если только Брогг и Ливард не доберутся до штаб-квартиры Ланоя своевременно и не ворвутся туда, чтобы арестовать...

Внезапно раздался голос техника:

— ...Сэр, вас вызывает заместитель комиссара Брогг.

Квеллен отошел от монитора. Приложил ухо к телефонной трубке. Видеосвязь установлена не была.

— Где вы? Еще не разыскали Ланоя?

— Как раз работаем над этим, — донесся до него голос Брогга. — Оказалось, что Бранд не знает точного местонахождения Ланоя. Он только знает кого-то, кто мог бы отвести его к кому-то, кто мог бы направить его к преступнику.

— Преступнику?

— Да, сэр. К Ланою.

— Понятно.

— Но мы примерно засекли предполагаемый район. Установили оцепление и ведем слежку с помощью телевизоров. Теперь мы наверняка схватим этого Ланоя.

— И сколько же понадобится для этого времени? — холодно поинтересовался Квеллен.

— Я думаю, часов шесть, — ответил Брогг. — Плюс-минус часа полтора. Мы обязательно захватим его сегодня!

«Шесть часов, — отметил про себя Квеллен. — Плюс еще час или два, после чего Ланой будет арестован. Но к этому времени Норм Помрат будет уже прыгуном!»

Глава двенадцатая

— Я должен, разумеется, арестовать вас, — сказал Брогг не очень строго. — Вы понимаете это. Таково предписание.

— Разумеется, — сказал Ланой. — Мне не только непонятно, почему ваши люди так долго не могли добраться до меня?

— Нерешительность в высших кругах. Много смущающих факторов, — Брогг улыбнулся собеседнику. — Не скрою, вы изрядно потрепали нервы Верховному Правлению. У него просто руки чесались арестовать вас, но в то же самое время оно боялось разрушить нынешнее свое положение какой-либо перетасовкой прошлых событий. Поэтому оно предпочло бездействовать. Классическая конфликтная ситуация. Все это необходимо было остановить, но не хватало ни времени, ни решимости.

— Я разделяю их опасения, — кивнул Ланой. — Жизнь ужасно запутанная штука, даже для них, не так ли? Ну что ж, вот вы и здесь. Давайте выйдем. Поглядим на заход солнца, не возражаете?

Брогг вышел из лачуги вслед за Ланоем. Было уже довольно поздно, его рабочий день давно закончился, но дело есть дело. Весь день они с Ливардом производили телевекторный поиск Ланоя, пока наконец не взяли его в узкую вилку. Как и пообещал Брогг Квеллену несколько ранее, дело свелось к нескольким часам. С момента его звонка комиссару фактически прошло всего четыре часа и несколько минут. Брогг искусно отделался от Ливарда, направив того по ложному следу час тому назад, и теперь они с Ланоем были в этой заброшенной лачуге. Броггу нужно было о многом рассказать этому организатору прыжков.

Крупный и яркий солнечный диск висел на темном небе, почти над самым горизонтом. Под его лучами загрязненное озеро испускало фиолетовое свечение. Ланой с восхищением смотрел на запад.

— Красота-то какая! — восторженно прошептал он. — Я ни за что не согласился бы покинуть эту эпоху, инспектор. Я вижу красоту даже в уродстве. Посмотрите на озеро! Разве что-нибудь подобное было когда-нибудь? Я каждый вечер стою здесь на закате дня и любуюсь этим зрелищем.

— Действительно, в этом что-то есть...

— Есть! Есть нечто поэтическое даже в этой липкой грязи. Видите ли, кислород там уже весь кончился. Начала проходить обратная эволюция, вырождение органической жизни. Так что теперь в озере обитают только анаэробные формы жизни. Мне все больше кажется, что эти черви танцуют свои адские танцы именно на закате солнца. Посмотрите, как играет цвет вон в тех водорослях! Они здесь разрослись, как морские водоросли. Вас волнует поэзия, инспектор?

— Моя страсть — история.

— Какая эпоха?

— Рим. Ранняя империя. От Тиберия до Трояна. Эпоха Трояна — поистине золотой век!

— А Республика вас не интересует? — удивился Ланой. — Отважные и честные воины? Катон? Люций Юлий Брут? Братья Гракхи?

Брогг с изумлением уставился на этого человека.

— Вы знаете обо всем этом?

— Я забрасываю широкую сеть, — усмехнулся Ланой. — Вы понимаете, я ежедневно имею дело с прошлым. История постепенно стала для меня в какой-то степени привычным делом. Значит, вы говорите, Троян? Вам ведь хотелось бы побывать в Риме во времена правления этого императора?

— Конечно! — с готовностью подтвердил Брогг.

— А как вы относитесь к Адриану? Золотой век тогда еще продолжался, не так ли? Если бы вы не смогли попасть в эпоху Трояна, то чем хуже правление Адриана? Скажем так — ошибка составляет примерно поколение. Мы можем промахнуться, целясь в эпоху Трояна, но тогда очутимся где-то во времена Адриана. Нам лучше всего нацелиться на последние годы правления Трояна. Иначе ошибка может забросить вас в более раннее время, и вам это будет не по нутру. Правление Тита, Домиплана и других подобных мужланов, я думаю, не в вашем вкусе?

— О чем вы говорите? — еле выдавил из себя Брогг.

— Вы прекрасно знаете, о чем, инспектор! — твердо произнес Ланой.

Солнце уже село. Волшебное сияние загубленного озера потухло.

— Не угодно ли зайти ко мне? — предложил Ланой после некоторой паузы. — Я показал бы вам свое оборудование.

Брогг безропотно подчинился. Он, словно башня, возвышался над крохотным Ланоем. Ланой был, пожалуй, не крупнее Колла и так же, как и последний, заряжен какой-то нервной энергией. Только Колл был наполнен ненавистью и коварством. Ланой же казался полностью уверенным в себе. Его активный динамизм имел хладнокровную сердцевину.

Ланой открыл дверь в перегородке, разделявшей дом. Брогг заглянул вовнутрь. Он увидел вертикальные стержни из какого-то блестящего материала, ажурную клетку, шкалы приборов, выключатели, целый набор реактивов. Повсюду светящиеся цифровые индикаторы сообщали краткую информацию о функционировании аппаратуры. Все вместе имело вид чего-то запутанного, собранного наспех.

— Это и есть машина времени? — спросил Брогг.

— Это только ее часть — выводы в пространство и время. Я не хотел загромождать вашу память подробностями ее устройства. Но принцип действия этой установки весьма прост: неожиданный прокол континуума — и мы забрасываем через этот прорыв нынешний материал, зачерпывая при этом эквивалентную массу из прошлого. На основании закона сохранения материи. Если мы допускаем ошибку в расчетах· хотя бы на несколько граммов, это вызывает различные катаклизмы, взрывы, метеорологические бури. Мы стараемся ничего не упустить, но ошибки все же случаются. В основе процесса переноса — ядерная плазма. Не имея другой возможности расщепить континуум, мы заставляем это делать созданное собственными руками маленькое солнце. Энергия, используемая нами при этом, является побочным продуктом стасис-транспортировки, которая теперь в ходу. Но, несмотря на это, расходы очень велики.

— Какова же ваша цена?

— Как правило, две сотни, в том случае, если мы согласны брать деньги.

— Вы пересылаете кого-то бесплатно? — удивился Брогг.

— Не совсем. Я имел в виду, что с некоторых мы не берем деньги, а требуем плату в другой форме — услуги, информация, что-нибудь еще в таком же роде. Если они отказываются предоставить то, что нам нужно, мы отказываем им в путешествии в прошлое. Никакая сумма денег, которую они предлагают нам, нас не устраивает.

— Я не совсем понимаю вас...

— Понимаете, инспектор, и даже очень хорошо, — засмеялся Ланой. Он притворил дверь, расположился поудобнее в своем гамаке и только после этого задал Броггу вопрос: — К какой процедуре ареста вы собираетесь прибегнуть в моем случае?

— Вам придется отправиться в управление на допрос к комиссару Квеллену. В данном случае всем распоряжается он. Кроме

того, мы оцепим всю эту местность. Разумеется, если вам удастся поладить с Квелленом, то картина может полностью перемениться.

— Но я должен обязательно пойти в управление?

— Да!

— Что это за человек, комиссар Квеллен? Он может пойти на уступки?

— Думаю, что да. Особенно, если знать, за какую струну его зацепить, — рассмеялся Брогг.

— Эта струна стоит дорого?

— Не очень, — Брогг подался вперед. — Диапазон действия вашей машины действительно ограничен лишь пятью столетиями?

— Вовсе нет. Я уже говорил вам, что мы все время совершенствуем ее. Но в пределах пяти столетий мы можем пользоваться ею с весьма высокой точностью, при увеличении же дальности действия возможны ошибки, и весьма значительные.

— Понятно, — кивнул Брогг. — Свиньи и собаки, заброшенные аж в двенадцатый век, и тому подобное.

— Вам об этом известно?

— Я провел тщательное исследование. Каков ваш диапазон времени, когда ошибки не очень еще велики?

— Чем дальше в глубь прошлого, тем больше ошибка. Для двух тысячелетий она может составить примерно плюс-минус тридцать лет. Но я твердо убежден, что со временем мы научимся попадать абсолютно точно, будь это 1776 или 1492 годы. Так какую струну Квеллена я должен зацепить?

— За это придется заплатить — возразил Брогг. — Какова цена билета в эпоху Адриана?

— Информация о Квеллене!

— Может быть, возьмете наличными?

— Только не у вас!

Брогг задумался.

— Хорошо, — кивнул он после короткой паузы. — Думаю, что мы поладим.

* * *

К заходу солнца Хелейн Помрат была абсолютно уверена в том, что ее муж стал прыгуном.

Это было почти телепатией. Он не пришел домой обедать, но за последние несколько дней он часто опаздывал к обеду. Сегодня же все было иначе. Хелейн каким-то особым шестым чувством чуяла беду. Они так долго прожили вместе, что она всегда знала, что он с ней, если даже его не было рядом. Теперь же она почти физически ощущала его отсутствие.

Их маленькая комната показалась ей еще меньше, еще мрачней. Глаза детей были широко раскрыты. Хелейн пыталась

успокоить, подбодрить их. Она старалась не думать о Бет Виснек и ее мрачном пророчестве насчет того, что Норм станет прыгуном. Хелейн спросила, который час, и часы в ухе ответили, что уже половина седьмого. Она детей обедом накормила, но сама не притронулась к еде.

В четверть восьмого она позвонила на квартиру к брату.

— Извини, что побеспокоила тебя, Джо, но это касается Норма. Он не пришел домой обедать, и я очень тревожусь.

Наступило долгое молчание. Хелейн следила за лицом Джозефа, его выражение сбивало ее с толку. Губы его были плотно сжаты.

— Джо? Почему ты не отвечаешь мне? Я понимаю, что я всего-навсего глупая женщина, но разве я в этом виновата? У меня четкое ощущение, что произошло нечто ужасное.

— Извини, Хелейн. Я сделал все, что мог.

— О чем ты говоришь?

— Мы недавно произвели арест и добрались до того ловкача, который проворачивал дела с прыгунами. Так вот... нам просто не хватило времени перехватить Норма. Он успел ускользнуть.

Она почувствовала, как от самых кончиков ее ног вдоль всего тела пошел холод, охватывая все внутренние органы, превращая их один за другим в глыбы звенящего льда.

— Джо, я не понимаю тебя... Тебе что-то известно в отношении Норма?

— Мы следили за ним по монитору. По моему приказу вчера вечером Брогг прицепил ему «ухо». Сегодня утром он пошел к этому пройдохе Ланою.

— Тому, что арестован вами?

— Да. Именно Ланой организовал все эти прыжки. Он заправлял всем этим бизнесом. Мы его арестовали, завтра утром я буду его допрашивать. Так вот, Норм поехал к нему. Это довольно далеко, и дорога туда заняла у него все утро. Мы определили его местонахождение с помощью телевектора, но пойми — у нас не было абсолютно никакой возможности попасть туда вовремя! У меня здесь, на ленте, записано все, что могло передать «ухо».

— Он ... исчез?

— Исчез. В 2050 год. Ланой не уверен в том, что удастся попасть именно в этот год, но он говорит, что шансы на это весьма велики. Я хочу, чтобы ты знала, Хелейн, что Норм все время думал о тебе, думал до самой последней минуты. Ты можешь послушать запись сама. Он говорил, что любит тебя и детей. Он пытался устроить так, чтобы ты с детьми могла последовать за ним в 2050 год. Ланой согласился это сделать. Все это имеется в записи на ленте.

— Исчез... Он просто сбежал....

— Пойми, ему было очень плохо, Хелейн! Послушала бы ты только, что он говорил сегодня утром. Знаешь, он практически был не в своем уме.

— Я это знала. Он такой уже давно. Я пыталась отвести его к «фруду», но он...

— Я могу чем-нибудь тебе помочь? Может, ты хочешь, чтобы я пришел к тебе и побыл с тобой?

— Нет.

— Я могу прислать к тебе официальную службу утешения.

— Не беспокойся....

— Хелейн, поверь мне, я сделал все, что мог! Сделал все, что было в моей власти, чтобы помешать ему стать прыгуном. И если ты решишь последовать за ним таким же способом, я постараюсь предоставить тебе такую возможность. То есть если Верховное Правление разрешит совершение прыжков и дальше, теперь, когда мы арестовали Ланоя.

— Я поразмыслю над этим, — тихо пробормотала Хелейн. — Я не знаю еще, как я поступлю. Только оставь меня сейчас одну. Спасибо тебе за все, Джо.

Она выключила экран и прервала связь. Теперь, когда худшее случилось, она почувствовала себя странно спокойной. Холодной как лед. Нет, она не отправится в прошлое в погоне за своим мужем. Теперь она вдова Помрат, обманутая и покинутая.

— Мама, а где папа? — спросил Джозеф.

— Он ушел, сынок.

— Он скоро вернется?

— Не думаю, — ответила Хелейн.

— Значит, папа умер? — спросила Марина.

— Не совсем, — горько усмехнулась Хелейн. — Это слишком сложно. Я объясню вам это как-нибудь в другой раз. Не забивайте себе этим голову и садитесь за уроки. Вам скоро в постель.

Она подошла к полке, где хранились алкогольные трубки. Быстро вынув одну, она прижала ее к коже и резко произвела подкожное впрыскивание. Однако она не почувствовала ни облегчения, ни муки. Она оставалась такой холодной, будто ее чувства находились возле абсолютного нуля.

Вдова Помрат! Бет Виснек будет приятно услышать это. Ей была невыносима мысль о том, что у другой женщины может быть муж.

Закрыв глаза, она представила себе, как Норм оказывается в 2050 году, чужой для всех и такой одинокий! Он не пропадет: у него есть медицинские познания. Попав в примитивное прошлое, он станет заниматься врачеванием. Возможно, даже сумеет утаить тот факт, что он перебежчик — иначе он оказался бы в списках

зарегистрированных прыгунов. Он разбогатеет и будет преуспевать. Пациенты будут толпами стекаться к нему, и в особенности пациентки. С его лица исчезнет тусклость неудачника, появится румянец благоденствия. Он даже станет выше ростом, будет чаще улыбаться. «Интересно, — подумала Хелейн, — на какой женщине он женится, или, вернее, уже женился?» Ведь это случилось уже давно. Это было самое непостижимое. Норм уже прожил свою жизнь и скончался где-то в 2100 году. И за истекшие столетия тело его обратилось в прах, так же, как тела его другой жены и его других детей. По-видимому, среди нынешнего населения мира весьма многочисленно его потомство. «Возможно, — подумала Хелейн, — я сама являюсь одним из его потомков». С этим нельзя ничего поделать, судьба его была предопределена за сотни лет до свадьбы. Ему было уготовано оставить ее и вернуться в прошлое, чтобы умереть за сотни лет до своего рождения.

У Хелейн закружилась голова. Она взяла еще одну алкогольную трубку и на этот раз это помогло ей, хотя и не очень. Дети сидели к ней спиной, поглощенные уроками, которые проводила с ними обучающая машина.

«Я погибла, — подумала она. — Я теперь ничто. Вдова Помрат!»

После третьей трубки в голову ей пришла новая мысль. «Я ведь еще молодая. Вот отдохну несколько месяцев и снова стану привлекательной. Джо может устроить это — должна быть специальная государственная пенсия для жен прыгунов. Все образуется, мои кости снова обрастут плотью! Тогда я выйду замуж еще раз. Правда, я уже выбрала положенную мне квоту деторождения, но это не так уж важно.

Я смогу найти мужчину, которому вовсе не хочется стать отцом. Он будет довольствоваться усыновлением Джозефа и Марины. Высокий интересный мужчина, с положением в обществе. Может быть, мне удастся подцепить кого-нибудь с шестым разрядом? Вдовца, возможно, даже человека, жена которого подалась в прыгуны, если только за женщинами водится такое.

Я отомщу Норму! Отхвачу себе настоящее сокровище! Посмотрим тогда, кто окажется в выигрыше!»

Она почувствовала, как расцветает ее тело, наполняется живительными соками, по жилам энергичнее забурлила кровь. В течение многих месяцев, даже лет она безвыходно прозябала в этом кошмаре, цепляясь за своего мужа и стараясь вывести его из состояния отчаяния в надежде предотвратить его уход от них. Теперь, когда он все же ушел, ей больше нечего бояться. Теперь она может возродиться к жизни. Ведь она еще так молода!

«Я еще покажу этому Норму Помрату! — думала она. — Он еще пожалеет о том, что сделал!»

Глава тринадцатая

Наступило утро. Квеллен умышленно оставил этого пойманного пройдоху Ланоя изнывать в баке для арестантов, чтобы он мог вдоволь поразмышлять над своими преступлениями. Ланой был напрочь лишен всех внешних чувственных восприятий, плавая в теплой ванне физиологического раствора, — его органы чувств были полностью отключены от нервной системы, так что его сознание могло отмечать только плачевное состояние, в котором он находился. Такое обхождение заметно смягчало многих, самых закоренелых преступников. Судя по тому, что говорил Брогг, Ланой был самым матерым из всех.

Известие о поимке Ланоя дошло до Квеллена уже дома, поздно вечером, незадолго до звонка Хелейн. Он отдал распоряжения, как обходиться с Ланоем, но не отправился в управление, чтобы поглядеть на этого пройдоху. Привел его Ливард, Брогг остался в районе местонахождения хижины, в которой находилась машина времени.

Этот вечер для Квеллена был унылым. Он, разумеется, знал о том, что Норм Помрат отправился в прошлое. С этим уже ничего нельзя было сделать. Он слышал, как Помрат и Ланой обсуждали план действий и пришли к согласию. Как Помрат выплатил свои деньги — по сути, он истратил все семейные сбережения — и ступил на платформу, с которой должен быть переброшен в 2050 год. Передача, передаваемая «ухом», прекратилась внезапно. «Ухо» было сверхчувствительным устройством, но продолжать трансляцию через временной промежуток оно не могло.

Вид окаменевшего лица Хелейн был зрелищем не из приятных. Она упрекала его в том, что произошло. Квеллен понимал, что она никогда по-настоящему его не простит. Так что его сестра, единственный для него родной человек, теперь была для него потеряна. И Джудит тоже была потеряна. Как только он потерпел фиаско на церемонии отрыгивания, она отказалась отвечать на его звонки. Он понял, что больше никогда не встретится с нею. Ее стройное обнаженное тело в напыленной одежде непрерывно стояло у него перед глазами, вызывая самые вожделенные желания, от чего он часто просыпался.

Единственным утешением в этой, довольно унылой ситуации был тот факт, что Ланоя нашли и арестовали. Это означало, что охватившая управление лихорадка пойдет на убыль. Как только с прыгунами будет покончено, жизнь вернется в свое размеренное русло, и Квеллен будет снова свободен, чтобы проводить большую часть своего времени в Африке. Если только Брогг, разумеется, на самом деле не выдал его. Квеллен как-то позабыл об этом. Недружелюбный тон Колла — неужели это оз-

начало, что не за горами и его собственный арест, как только будет завершено дело Ланоя?

Ответ на это Квеллен получил незадолго до полуночи, когда позвонил Колл. Для Колла рабочий день длился целые сутки.

— Я только что звонил в управление, — сказал он, — и мне доложили, что вы изловили этого наглеца!

— Да. Его привели к нам около семи часов вечера. Брогг и Ливард наконец-то выследили его. Сейчас он находится в баке для арестованных. Утром я его допрошу.

— Молодцы! — кивнул Колл, и Квеллен заметил, как проблеск искренней улыбки промелькнул на лице коротышки. — Это вполне соответствует смыслу совещания относительно вашего статуса, которое мы со Спеннером провели сегодня утром. Я только что закончил составлять представление о вашем повышении. Несправедливо, чтобы комиссар по уголовным делам жил в секции для седьмого разряда в то время, как он должен иметь по крайней мере шестой. Скоро вы уравняетесь со мной и Спеннером в общественном положении. Разумеется, это не изменит вашего служебного положения в иерархии Управления, но мне кажется, вы сможете в конечном итоге добиться там большего.

Квеллен, разумеется, засиял. У него отлегло от сердца. Значит, об Африке ничего не известно! Тогда возникло новое опасение: каким образом он мог поместить незаконный стасис-генератор в свое тайное жилье. Ведь даже ему было трудно его достать. Вероятно, Колл заводит его дальше в западню. Квеллен прижал ладони к вискам и постарался унять испуг, не в силах дождаться утра и Ланоя.

* * *

— Вы признаетесь в том, что пересылали людей в прошлое? — спросил Квеллен.

— Конечно, — небрежно ответил арестованный. Квеллен смотрел на него, с каждой секундой ощущая все больший гнев, накапливавшийся в нем. Откуда у этого наглеца такое спокойствие?

— Конечно, — повторил Ланой. — Я и вас могу переслать в прошлое за двести кредитов.

Ливард возвышался позади этого подлеца, а сам Квеллен глядел на него через стол для допросов. Брогг еще не появлялся в управлении. Колл и Спеннер прослушивали допрос в своем собственном кабинете.

— Ланой — ваше настоящее имя? — резко спросил Квеллен.

— Так меня зовут. — Он был невысоким, смуглым, в нем угадывалось какое-то внутреннее напряжение, что-то кроличье было в его выражении лица и манерах. Его тонкие губы непрерывно шевелились. — Разумеется, я Ланой, — этот коротышка, казалось,

излучал самоуверенную запальчивость, с каждым мгновением набиравшую все большую силу. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу и свободно откинувшись назад.

— Ваши ребята весьма гнусным образом выследили меня. Мало того, что вы заставили этого тупого беднягу пролетария вывести вас на меня, так вы еще помещаете меня в этот мерзкий бак. Я провел кошмарную ночь. Вы ведь знаете, что я не делал ничего противозаконного. Мне придется подать на вас в суд.

— Ничего противозаконного? — искренне изумился Квеллен. — Кто, как не вы, нарушаете спокойствие последних пяти столетий?

— Ничего подобного, — покачал головой Ланой. — Оно и так уже было нарушено. Вам известно, что все это нашло свое отражение в архивных документах. Я просто слежу за тем, чтобы история прошлых веков происходила точно так, как она отражена в официальных документах. И если вы уловили суть сказанного, то меня скорее следовало бы называть благодетелем общества. Что, если бы из-за моей нерасторопности не произошло то, о чем свидетельствуют архивы?

Квеллен сверкнул глазами на высокомерного наглеца. Он встал и хотел было начать расхаживать, но обнаружив, что в этом крохотном кабинете не развернешься, сел со злостью за стол. Он чувствовал себя как-то неуверенно в присутствии этого хитреца. На стороне этого человека была несомненная сила.

— Вы признаетесь, что пересылали пролетариев в прошлое?

Ланой улыбнулся, но промолчал.

— Почему? — задал следующий вопрос Квеллен.

— Чтобы заработать себе на жизнь, — Ланой издевательски усмехнулся. — Разве это непонятно? Я обладаю уникальным и ценным технологическим процессом и хочу выжать из него все, что смогу, чтобы подзаработать.

— Вы — изобретатель процесса перемещения во времени?

— Я этого не утверждаю. Впрочем, это не имеет особого значения, — махнул рукой Ланой. — Правильнее будет сказать, что я сейчас контролирую его.

— Вы не желаете эксплуатировать свою машину ради денег, то почему бы вам не отправиться в прошлое и что-нибудь там украсть? Вы могли бы так же делать ставки на тараканьих бегах, чтобы заработать себе на жизнь.

— Я мог бы заняться чем-нибудь подобным, — согласился Ланой, — но процесс необратим, и у меня не было бы никакой возможности вернуться назад в настоящее со своими приобретениями. А мне здесь нравится жить.

Квеллен почесал затылок. Ему здесь нравится? Казалось невероятным, чтобы кому-нибудь могло нравиться жить здесь, но судя

по всему, Ланой говорил искренне. Несомненно, это один из тех извращенных эстетов, которые в состоянии найти красоту даже в навозной куче.

— Послушайте, Ланой, — произнес Квеллен, — не буду с вами темнить. Вы подлежите наказанию за предпринимательскую деятельность без разрешения Верховного Правления. Сам Клуфман приказал вас арестовать. Я не готов к тому, чтобы сказать, какого рода приговор ждет вас, но он может быть любым, вплоть до полного уничтожения личности. Все зависит от вашего поведения. И все же у вас есть одна возможность. Верховное Правление желает стать обладателем вашей аппаратуры для путешествий во времени. Передайте ее моим людям не просто, сами понимаете, набор электронных устройств, а сам метод. Ваше сотрудничество в некоторой степени смягчит приговор...

— Извините, — прервал его Ланой, — но это оборудование является частной собственностью. У вас нет на нее никаких прав!

— Суд...

— Я не совершаю ничего незаконного, и поэтому мне не нужно беспокоиться о том, какого рода приговор может ожидать меня. И я отказываюсь уступать вам свои юридические права. Мой ответ краток — нет!

Квеллен подумал о том, какому давлению он подвергается со стороны Колла и Спеннера и даже Клуфмана, решая это дело, это напугало его.

Он в сердцах выпалил:

— Когда я разделаюсь с вами, Ланой, вы пожалеете о том, что не воспользовались своей собственной машиной и не дали стрекача на миллионы лет в прошлое. Мы в состоянии склонить вас к сотрудничеству с нами, учтите это! Мы можем стереть вас в порошок!

На устах Ланоя все та же презрительная ухмылка. Тем же спокойным тоном он произнес:

— Начинайте хоть сейчас, комиссар. Вы, похоже, теряете самообладание, а это уже неразумно. Не говоря уже о том, что опасно.

Квеллен почувствовал справедливость этих слов Ланоя. Он изо всех сил пытался успокоиться, но это ему не удалось. Горло его было будто перевязано узлами.

— Я буду держать вас в баке до тех пор, пока вы не сгниете! — прохрипел он наконец.

Ланой пожал плечами.

— И чего вы этим добьетесь? Я стану падалью, покрытой плесенью, а вы так и не сможете передать в руки Верховного Правления технологию перемещения во времени. Между прочим, не могли бы вы немного увеличить подачу кислорода? Я начинаю задыхаться.

К своему удивлению, несмотря на его нагловатый тон, Квеллен полностью открыл кран подачи кислорода. Ливард сразу же отметил изменение в настроении своего начальника. Несомненно, наблюдатели из соседнего кабинета тоже были удивлены внезапной капитуляцией Квеллена.

— Если вы арестуете меня, — продолжал Ланой, — то я уничтожу вас, Квеллен! Я повторяю: в том, что я делал, нет ничего противозаконного! Вот поглядите, у меня есть разрешение. — Ланой вытащил документ с соответствующими печатями.

Квеллен был загнан в тупик. Ланой определенно вывел его из равновесия. Ему было несложно иметь дело с обычными преступниками, но события последних трудных дней значительно ослабили его волю. Квеллен прикусил губу, внимательно посмотрел на сидящего перед ним маленького человечка, и ему отчаянно захотелось снова очутиться где-то в дебрях Конго и бросать камешками в крокодилов.

— В любом случае я намерен прекратить этот ваш бизнес, связанный с путешествиями во времени, — произнес наконец Квеллен.

Ланой тихо засмеялся.

— Не советую вам этого делать, Квеллен.

— Здесь не вы, а я даю советы!

— Я бы не советовал вам доставлять мне хлопоты, Квеллен, — нагло повторил Ланой. — Если вы сейчас остановите поток перебежчиков, то все прошлое полетит вверх тормашками. Эти люди попали в прошлое. Это отмечено в исторических архивах. Некоторые женились и обзавелись детьми. Потомки этих детей живут сегодня.

— Я знаю обо всем этом. Мы до мельчайших подробностей обсудили теорию.

— Тогда вам следовало бы понимать, Квеллен, что вы сами, может быть, потомок какого-нибудь прыгуна, которого я наметил отправить в прошлое на следующей неделе. И если этот прыгун не попадет в прошлое, то и ваше, Квеллен, существование тотчас же прекратится, погаснет, как задутая свеча. Мне сдается, это приятный способ умереть. Но вы-то, разве вы хотите умереть?

Квеллен угрюмо смотрел куда-то в пустоту. Слова Ланоя не выходили у него из головы. Теперь стало совершенно ясно, что все это заговор, чтобы свести его с ума. Марек, Колл, Спеннер, Брогг, Джудит, Хелейн и вот теперь Ланой — все они были преисполнены решимости довести Квеллена до умопомешательства. Это был тайный сговор. Он про себя обругал все сотни миллионов толкущихся жителей Аппалачии и задумался, выпадут ли ему хоть когда-нибудь мгновения одиночества.

Он глубоко вздохнул.

— Прошлое нельзя изменить, Ланой. Мы все равно упрячем вас в тюрьму и заберем вашу машину. Тогда сами мы сможем позаботиться о том, чтобы поток прыгунов не иссякал. Мы не так уж глупы, Ланой. Мы сами позаботимся о том, чтобы все происходило так, как должно происходить.

Ланой какое-то мгновение почти что с жалостью смотрел на него, как, может быть, смотрят на особо редкую бабочку, наколотую на булавку на выставочном стенде.

— Таков ваш ход в игре, комиссар? Вы на самом деле считаете, что научитесь управлять машиной?

— Я в этом уверен.

— В таком случае, мне придется принять меры, чтобы защитить себя.

Квеллену стало немного не по себе.

— Что же вы сможете сделать?

— Посмотрим. Предположим, вы на какое-то время поместите меня в арестантский бак, а сами тем временем рассмотрите имеющиеся у вас возможности. Затем заберете меня из бака и снова переговорите со мной. С глазу на глаз. У меня есть для вас кое-что интересное. Но вы, думаю, не захотите, чтобы об этом слышал кто-нибудь еще.

* * *

Над его головой разверзся какой-то проем, будто невидимая рука расстегнула на себе застежку-молнию. Норм Помрат вышел в этот проем и провалился вниз. Его желудок воспротивился этому внезапному падению с высоты. «Ланой мог бы предупредить меня об этом», — подумал Помрат. В последний момент он изогнулся и приземлился на бок и левую ногу, стукнувшись коленной чашечкой о мостовую. Помрат охнул и на какое-то время превратился в неподвижную груду костей, кожи и мускулов, которая мучительно пульсировала в тех местах, которые он ушиб.

Он понимал, что нельзя здесь долго лежать. Поэтому он собрался с силами и, шатаясь, поднялся на ноги, смахнул с себя пыль. Улица была потрясающе грязная. Вся левая сторона его тела мучительно болела. Он проковылял к стене ближайшего здания, оперся на нее и, стиснув зубы, проделал одно из рекомендованных в этом случае упражнений, ускоряющих кровообращение. Боль начала стихать, как только капилляры, которые он повредил, опустели.

Вот так-то лучше. Ушибы будут ныть еще несколько часов, но это можно претерпеть.

Только теперь у него появилась возможность посмотреть на мир 2050 года.

Он не произвел на него особого впечатления. Город казался таким же загроможденным и суматошным, как и через четыре с

половиной столетия, но шум и хаос были какими-то неупорядоченными. Здания-башни архаической архитектуры торчали повсюду. Не было видно платформ монорельсовых дорог и мостов между зданиями над уровнем улиц. Мостовая была в трещинах. Улицы заполнены пешеходами. Нельзя было сказать, что их было ощутимо меньше, чем в его эпоху, хотя он и знал, что население планеты составляло только третью часть от населения его времени. Его заинтересовала одежда пешеходов. Хотя была весна и было тепло, все были одеты так, чтобы скрыть тело как можно больше. Женщины были укутаны от лодыжек до подбородка, на мужчинах были свободные накидки, которые полностью скрывали контуры их тел. Из этого Помрат заключил, что Ланой переслал его примерно в то самое время.

Помрат уже проделал кое-какую домашнюю подготовку. Он знал, что середина двадцать первого века была временем неопуританской реакции на плотские излишества недавнего прошлого. Это ему нравилось. Ничто ему так не докучало, как бесстыдно выставлявшие себя напоказ гологрудые женщины и мужчины в прозрачных гульфиках. Он понимал, что подлинная чувственность бурно процветала только в эпоху подавления эроса. Чувственные наслаждения были одной из приманок, которые он искал. После десяти лет верного брака и преданного отцовства Норману хотелось пожить весело.

Знал он и то, что неопуританская фаза будет вскоре отменена очередным взмахом маятника. Так что он успеет вкусить лучшее, что было свойственно обеим этим культурам: сначала тайное наслаждение от внутреннего бунта против морали общества, а затем, на закате дней своих, счастье видеть полное крушение этой морали. Он выбрал хорошую эпоху. Войн нет и в помине, никаких особых кризисов. Здесь человек может наслаждаться жизнью. Особенно, если у него есть полезные навыки. Медицинские специалисты вроде него должны преуспевать в эпоху примитивной медицины.

Никто не обратил внимание на его появление. Во всяком случае, все, кто мог бы быть свидетелем его материализации, спешили по своим делам, ничем другим не интересуясь. Прекрасно!

Теперь ему следует тщательно следить за своими поступками.

Он находился в большом городе, предположительно в Нью-Йорке. Вокруг было множество магазинов и контор. Помрат влился в людской поток. В киоске на углу продавались какие-то листки бумаги, которые могли, как догадался Помрат, быть тамошними газетами. Помрат пригляделся к одной из них. На ней стояла дата — 6 мая 2051 года. Добрый старый Ланой! В пределах одного года от заказанной даты! Из щели автомата рядом струилась желтая лента. Помрат с трудом разбирал древний шрифт. Он не сумел

сразу разобрать буквы, настолько они изменились. Однако чуть позже все стало на свои места.

Прекрасно! Теперь все, что было ему нужно, деньги, удостоверение личности, место для жилья. За неделю, он чувствовал это, он полностью освоится в этой эпохе!

Он наполнил легкие воздухом и ощутил себя уверенным, сильным, бодрым. Здесь не было машины по трудоустройству, здесь можно было жить, используя собственное умение, ведя в одиночку битву с неумолимыми силами Вселенной и, по сути, заставляя Вселенную идти себе на уступки. В свою собственную эпоху он был просто набором отверстий на кодовой ленте. Здесь же он был волен выбирать себе роль сам извлекать из этого пользу.

Помрат зашел наугад в один из магазинов. Здесь продавались книги. Не кассеты, а настоящие книги. Он в изумлении смотрел на них: дешевая бумага, нечеткая печать, тонкая обложка. Он взял один из романов, перелистал страницы, положил обратно. Нашел то, что ему показалось нужным, — популярный медицинский справочник. «Он будет полезен, — подумал Помрат. — Только как стать его обладателем, не имея денег?» Он не хотел никому признаваться в том, что он перебежчик. Он хотел добиться всего, полагаясь только на самого себя.

К нему подошел мужчина, по виду владелец магазина. Толстый, с грязным лицом и водянистыми голубыми глазами. Помрат улыбнулся. Он знал, что одежда выдает в нем иностранца, и страстно надеялся, что не настолько своеобразна, чтобы узнать в нем перебежчика во времени.

— Внизу есть получше, — тихо сказал мужчина как-то заискивающе.

— Хотите подержаться за ляжки?

Помрат еще шире улыбнулся.

— Извините, я плохо говорю по-вашему. Английский мне дается с трудом.

— Я сказал ляжки. Ну, бедра, значит, внизу. Вы что, не из этого города?

— Я житель одной из славянских стран. Мне очень тяжело усвоить тонкости вашего языка. — Помрат старался придать своему произношению то, что ему казалось чешским акцентом. — Может быть, вы поможете? Мне трудно разобраться.

— А я что говорю! Одинокий иностранец! Ступайте вниз. Девушки вас враз утешат. И всего за двадцать долларов. У вас есть доллары?

Помрат начал соображать, что происходит в подвале книжного магазина. Он понимающе кивнул и направился в глубь магазина, все еще держа в руках медицинский справочник. Владелец, похоже, не заметил, что он взял с собой книгу.

Вниз вела лестница. Лестница! Помрат едва понимал, что он делает. Он крепко ухватился за перила и неуверенно начал опускаться. Внизу его обвел луч сканирующего устройства, и он услышал прерывистый звук, по-видимому, означающий, что оружия у него нет. Навстречу ему вышла женщина в свободно ниспадающей одежде.

В его собственную эпоху существовали публичные крохотные спальни, доступные для всех, притом совершенно открыто. Тогда же считалось, что в неопуританские эпохи, подобно этой, должны были существовать тайные комнаты с девушками в нижних уровнях заплесневевших старых построек. «Порок, — подумал он, — был здесь, скорее всего, еще более обычным делом, чем в отдаленном будущем».

— Вы — тот иностранец, который, как передал Эл, должен был сюда спуститься? — спросила женщина. — Вид у вас вполне заграничный. Откуда вы?

— Из славянских территорий. Прага.

— Где это?

На лице Помрата отразилась неуверенность.

— В Европе... Восточной...

Женщина пожала плечами и впустила его внутрь. Помрат очутился в небольшой комнате с низким потолком, в которой были кровать, умывальник и девушка-блондинка с одутловатым нездоровым лицом. Девушка тут же сбросила с себя халат. Тело ее было мягкое и несколько дряблое, но исходный материал был вполне сносным. На вид она была молоденькой и гораздо умнее, чем требовалось для выполнения этой работы.

— Двадцать долларов, — привычно произнесла она.

Помрат понял, что настал момент истины. Он осторожно обвел взглядом комнату и никаких признаков сканирующих устройств не обнаружил, хотя и не мог, естественно, быть полностью уверенным в их отсутствии. Даже в этом далеком прошлом предки были весьма искушены в вопросах подсматривания, и он не сомневался в том, что в эту эпоху они выделывают такие же грязные трюки, какие стали обычными в его собственную. Но ему приходилось идти на риск. Рано или поздно, но он должен был найти себе сообщника в этом чужом времени, и сейчас было вполне разумно начать.

— У меня совсем нет денег, — сказал Помрат, отбросив поддельный акцент.

— Тогда убирайся отсюда!

— Тише! Не так быстро. У меня есть кое-какие идеи. Садись! И выслушай меня спокойно. Неужели тебе не хочется разбогатеть?

— Вы из полиции?

— Я чужой в этом городе, и мне нужен друг. У меня есть

планы. Сотрудничая со мной, ты скоро перестанешь заниматься этим бизнесом постельной девки. Как тебя зовут?

— Лиза. У вас смешной выговор. Кто вы: прыгун или что-нибудь вроде этого?

— Неужели незаметно?

— Просто догадка, — глаза у девушки были синие и очень большие. Она снова надела халат, как будто обсуждать дела в голом виде было неприлично. Она спросила, как можно тише: — Вы только-только очутились здесь?

— Да. Я врач. Я могу сказочно разбогатеть, используя свои знания...

— Значит, мы возьмем весь мир в оборот, так малыш? Ты и я! Как тебя зовут?

— Кейстоун, — он назвал первое имя, которое ему пришло в голову. — Норт Кейстоун.

— Мы сдвинем планеты с их орбит, правда, Норт?

— Обязательно. Когда ты сможешь уйти отсюда?

— Через два часа.

— Где мне тебя ждать?

— В парке. Это в двух кварталах отсюда. Можешь посидеть и подождать, пока я приду.

— Где?

— В парке. Ну, знаешь, скамейки, деревья. В чем дело, Норт?

Помрат был поражен тем, что посреди города есть деревья и трава. С трудом выдавив из себя улыбку, он буркнул:

— Ничего особенного! Итак, я буду ждать тебя в парке. — Он протянул ей книгу. —Вот. Купи это для меня, когда будешь выходить из магазина. Я не хочу красть ее.

Она кивнула и спросила:

— Ты уверен, что тебе ничего не хочется, пока ты здесь, внизу?..

— Для этого будет время позже, — усмехнулся Помрат. — Я жду тебя в парке!

Поднявшись наверх, он попрощался с хозяином и вышел на улицу. Ему было трудно поверить в то, что всего несколько часов тому назад он был на грани психического помешательства, в 449-ти годах от этой эпохи. Сейчас он был совершенно спокоен. Этот мир манил его к себе, и он знал, что сумеет разрешить все проблемы, которые поставит перед ним это время.

«Бедная Хелейн! — подумал он. — Интересно, как она восприняла новость о моем уходе?»

Он быстро зашагал по улице, почти не беспокоясь о том, что покрытию тротуара не хватает эластичности. « — Я Норт Кейнстоун, — твердил он себе не переставая. — Норт Кейнстоун! Норт Кейнстоун! Лиза поможет мне начать лечебную практику. Я буду

работать, и у меня будет куча денег. Я буду жить так, как живут те, у кого второй разряд. И здесь нет Верховного Правления, которое может все отнять!

У меня будет власть и высокое положение среди этих примитивных людей, — с удовольствием думал он про себя. — А когда устроюсь, то обязательно отыщу нескольких человек из своей родной эпохи, просто для того, чтобы не чувствовать себя слишком изолированным от нее. Мы будем предаваться воспоминаниям о прошлом и жить, жить!»

И тут же поправил себя: «Нет, не так. Мы будем предаваться воспоминаниям о будущем!»

Глава четырнадцатая

Квеллен прождал три часа, пока Колл и Спеннер были заняты другими делами государственной важности. Затем прошел по коридору в арестантскую баковую. Открыл щель сканирующего устройства и заглянул вовнутрь. Ланой мирно плавал в темно-зеленой жидкости, совершенно расслабившись, очевидно, даже получая удовольствие от этого. На покрытой гравировкой металлической стенке бака индикаторы показывали физическое состояние арестованного. Плясали, то встречаясь, то расходясь, электроэнцефалограммы и электрокардиограммы. Записывалось все — температура, пульс, частота дыхания.

Вызвав техника, Квеллен распорядился, чтобы Ланоя извлекли из бака.

— Но мы поместили его туда всего лишь несколько часов назад, сэр!

— Мне необходимо еще раз допросить его. Немедленно извлеките его оттуда!

Техник молча повиновался. Ланою вернули чувствительность, осушили кожу и привели в сознание. Затем служители-роботы доставили его в кабинет Квеллена. Через небольшой промежуток времени у арестованного появились рефлексы, и он снова смог двигаться сам.

Квеллен отключил все находившиеся в его кабинете записывающиеся устройства, предчувствуя, что этот разговор нужно сохранить в строгой тайне. Поскольку в комнате они были только вдвоем, он привстал, чтобы отключить подачу кислорода.

— Пусть остается, — остановил его Ланой. — Я люблю чистый воздух. Особенно за государственный счет.

— Давайте завершим наш разговор. Так что вы замышляете? — Квеллен не скрывал своего гнева. Ланой был абсолютно аморальным существом, даже не злым в своих преступных действиях, что задевало гордость Квеллена и его чувство собственного достоинства.

— Я буду с вами откровенен, комиссар, — начал Ланой. — Я хочу быть на свободе и хочу продолжить свою деятельность. Мне она нравится. Вот чего добиваюсь я. Вы хотите арестовать меня и дать возможность государству, возможно даже в лице Верховного Правления, прибрать эту деятельность к рукам. Вот чего добиваетесь вы. Верно?

— Верно.

— Сейчас сложилось такое положение, когда имеются два взаимно исключающих желания. Поэтому победит та из двух сил, которая сильнее, — так бывает всегда. Я сильнее, и потому вам придется отпустить меня и скрыть все то, что вы обнаружили в ходе своего расследования.

— Кто говорит о том, что вы сильнее, Ланой?

— Я знаю, что я сильнее вас! Я — силен, а вы — слабы. Я знаю про вас очень многое, комиссар. Я знаю, как вы ненавидите толпу и любите свежий воздух и открытые пространства. Это весьма неудобные черты характера, когда приходится жить в таком мире, как наш, не правда ли?

— Продолжайте, продолжайте, — Квеллен весь напрягся. — Я вас внимательно слушаю. — Про себя он выругал Брогга. Никто другой не мог открыть этому мерзавцу его тайну.

— Поэтому вы должны отпустить меня на свободу, — продолжал Ланой. — В противном случае вы снова окажитесь в жилье, предназначенном для лиц девятого разряда, а может быть, даже одиннадцатого. Вам очень там не понравится, комиссар. Вам придется делить комнату еще с кем-то и, возможно, быть не в ладах с вашим напарником, но с этим ничего уже нельзя будет поделать. А когда у вас будет напарник по комнате, вы не будете располагать той свободой, которая позволила бы вам совершить бегство: он тут же донесет на вас.

— Что вы имеете в виду, говоря о бегстве? — голос Квеллена прозвучал скорее как сдавленный шепот.

— Я имею в виду бегство в Африку, Квеллен.

«Вот оно что! — подумал Квеллен. — Теперь все кончено. Брогг предал меня, решительно и безповоротно». Он понял, что раз Ланой владеет его тайной, то теперь он полностью во власти этого маленького негодяя.

Квеллен подскочил к Ланою, охваченный сильнейшим желанием схватить кабель телевектора и завязать его мертвым узлом на шее этого мерзавца.

— Но тут есть одно но, комиссар, — засмеялся Ланой. — Мне ненавистна даже мысль о том, чтобы так поступить с вами, Квеллен. У меня нет к вам никакой личной неприязни. Вы неплохой человек, попавший в мир, который не вы создали и который вы не очень любите. Но я ничего не могу с собой

поделать. Или я, или вы — и вам ясно, кто должен победить в этой схватке!

— Каким образом вы узнали об этом?

— Мне рассказал Брогг.

— Зачем же он это сделал? Он получал от меня неплохую плату за молчание!

— Я дал ему больше, — пояснил Ланой. — Я отправил его в эпоху Адриана, а может быть, Трояна. Он совершил прыжок в прошлое длиной в 2400 лет.

Квеллен почувствовал, как пол уходит из-под его ног. Он схватился за столешницу, чтобы не соскользнуть в преисподнюю. Брогг — прыгун! Брогг — исчез! Брогг — предатель!

— Когда это произошло? — еле выдавил из себя Квеллен.

— Вчера вечером, примерно на закате. Мы с Броггом обсуждали, каким образом мне избежать прекращения своей деятельности. И тогда он сказал, что у вас есть одно уязвимое место. Я получил у него нужную информацию в обмен на то единственное, чего ему на самом деле хотелось. Он отправился в прошлое, чтобы увидеть Рим своими собственными глазами.

— Но это невозможно! — не унимался Квеллен. — Имеется перечень известных прыгунов, и Брогг в нем не числится.

Он еще не закончил фразы, как понял, насколько глупо звучат его слова. Документированные данные о прыгунах датировались не ранее чем 1979 годом. А Брогг — если только Ланой не блефует — был теперь в эпохе, предшествующей началу регистрации прыгунов на целых шестнадцать столетий. В те годы о прыгунах не было ничего известно!

Квеллену стало не по себе. Он знал, что Брогг разбросал по всей Аппалачии автоматические контрольные устройства, содержавшие информацию о злоупотреблениях Квеллена. Они были запрограммированы так, чтобы подключиться к главной информационной системе в случае смерти или исчезновения Брогга. Теперь уже начался отчет времени перед тем, как они должны сработать. «Со мной все кончено, — подумал Квеллен. — Если только Брогг не дезактивировал великодушно эти устройства, прежде чем совершить прыжок. Он мог это сделать без особых хлопот. Датчики реагировали на отданные по телефону распоряжения. Достаточно было бы одного звонка. Вот только позвонил ли он? В противном случае Верховное Правление уже теперь располагает правдой о Джозефе Квеллене.

Квеллен говорил с Коллом только сегодня утром, и Колл поздравил его с повышением. Колл был человеком коварным, но не до такой же степени! Он был бы одним из первых осведомлен о тайне Квеллена и вряд ли мог бы утаить бешенство и зависть, узнав, что все это время Квеллен вел роскошную жизнь, приличествующую, пожалуй, только второму разряду.

Так что, возможно, Брогг дезактивизировал-таки своих шпионов. Или, скорее всего, вообще не стал прыгуном.

Квеллен сердито включил свой коммутатор и произнес:

— Найдите мне Брогга.

— Простите, комиссар. С самого утра сегодня с Броггом нет связи.

— Он даже не уведомлял о своем местонахождении?

— Нам ничего об этом не известно, сэр.

— Позвоните к нему на квартиру! Узнайте в районном управлении! Если он не отзовется в течение ближайших пятнадцати минут, начинайте телевекторный поиск! Я хочу знать, где он находится!

Ланой аж весь засиял.

— Вам не удастся разыскать его, комиссар. Поверьте мне, он сейчас в древнем Риме. Я лично запрограммировал его перемещение — темпоральное и географическое! Если все произошло, как намечалось, то он материализовался где-то около Аппиевой дороги.

Губы Квеллена задрожали. Он изо всех сил вцепился в свой стол, так, что стало больно пальцам.

— Если вы способны засылать кого угодно в столь отдаленное время, то почему же 1979 год — крайняя нижняя точка, в которой зафиксирован феномен прыгунов?

— На то есть много причин.

— Какие же?

— Во-первых, до самого недавнего времени процесс срабатывал надежно только в диапазоне не более пятисот лет. С помощью новых исследований мы усовершенствовали процесс. Теперь мы в состоянии уверенно отправлять людей на несколько тысяч лет в прошлое, зная, что туда они попадут.

— Свиньи в двенадцатом веке?

— Да, — кивнул Ланой. — Это были наши экспериментальные запуски. Кроме того, случилось так, что в 1979 году имела место такая концентрация прыгунов, что этот феномен привлек внимание властей. Любой из прыгунов, оказавшийся в эпохе раньше этой даты, в большинстве случаев заканчивал свою жизнь в сумасшедшем доме или в тюрьме по обвинению в колдовстве или в чем-нибудь еще. Поэтому мы попытались ограничить время пересылки от 1979 до 2106 года, потому что любой, объявившийся там прыгун, был бы признан тем, кем он был на самом деле, и имел бы минимум неприятностей. За пределы этого времени мы выходили только по особому требованию или в результате непреднамеренной ошибки. Ясно?

— Да, — грустно ответил Квеллен. — И Брогг отправился в Рим?

— Вот именно! И не бесплатно. А теперь вам самое время отпустить меня, пообещав, что результаты вашего дознания не попадут в более высокие сферы, или я разоблачу вашу маленькую тайну. Я сделаю так, что всем станет известно о вашем прибежище в Африке.

— Как раз сейчас я мог бы прожечь вашу голову лазерным лучом и оправдаться тем, что вы нападали на меня.

— В этом не было бы ничего хорошего, Квеллен. Во-первых, Верховное Правление жаждет заполучить технологию перемещения во времени. Убив меня, вы ее потеряете.

— Мы могли бы извлечь ее из вашего мозга, независимо от того, живой вы или мертвый.

— Но только в том случае, если у меня будет все нормально с головой. Если она не будет повреждена, — подчеркнул Ланой. — К тому же при этом была бы извлечена и моя осведомленность о кусочке Африки, не так ли? Кроме того, вы пострадали бы, если бы я умер. Разве вам не известно, что Брогг поместил сведения о вас в целую кучу автоматических устройств, которые разоблачат вас, как только с ним что-нибудь случится?

— Да, но ...

— Он перепрограммировал их на мой альфа-ритм, перед тем как совершить прыжок. Ваша судьба связана с моей судьбой, Квеллен. Вы не захотите причинять мне неприятности. Вы просто обязаны отпустить меня!

«Да, позиция моя безнадежна, — подумал Квеллен. — Если я не передам Ланоя в руки правосудия, я рискую навлечь на себя понижение в статусе. Если я выдам Ланоя, то этот мерзавец тут же разоблачит меня». Отпустить его просто так, как того хочет этот пройдоха, Квеллен никак не мог. Уже занесено в дело то, что Ланой связан с феноменом прыгунов. Об этом было известно Коллу. Об этом было известно Спеннеру. Если он попытается прикрыть Ланоя, то для этого придется громоздить одну ложь на другую, и он завязнет в этой трясине. Один раз ему удалось провернуть крупный обман. Второй раз вряд ли удастся проделать нечто подобное.

— Я добьюсь того, чего хочу? — спросил Ланой.

Мощный поток адреналина наполнил все тело Квеллена. Он был загнан в западню, но загнанный в западню борется отчаянно. Он нашел неожиданные резервы энергии.

Он мог попытаться сделать одну вещь, грандиозную в своей наглости, нечто столь неизмеримо смелое, что оно имело определенный смысл. Возможно, его попытка окажется провалом. Даже весьма вероятно, что она окончится провалом. Но это лучше, чем заключать сделку с Ланоем и еще глубже погрязнуть в трясине взяточничества и соглашательства.

— Нет, — покачал он головой. — Вы не получите того, что хотите. Я не отпущу вас, Ланой. Я намерен задерживать вас здесь до тех пор, пока не будет составлено обвинение.

— Вы что, с ума сошли?

— Не думаю. — Квеллен позвонил, вызывая полицейского. — Поместите этого человека назад, в бак для арестованных, — решительно произнес он. — Оставьте его там вплоть до особого распоряжения.

Ланоя увели, несмотря на все его протесты и проклятия.

Квеллен решительно надавил на кнопку коммутатора.

— Принесите мне дело Дональда Мортенсена!

Зарядив кассету в проктор, Квеллен стал просматривать результаты расследования Брогга.

Лицо у Мортенсена моложавое, розовое, отметил про себя Квеллен. Волосы светлые и белесые, брови, как у альбиноса. Затем он начал изучать досье.

Вот Мортенсен ссорится со своей женой. Вот ведет несколько недель тому назад переговоры о совершении прыжка. Вот откладывает деньги на гонорар Ланою. Здесь записи заканчиваются и следует пометка Брогга: «Расследование закончено по официальному распоряжению».

Квеллен позвонил в аппаратную подслушивания. Назвал номер «уха», которое было прикреплено к ладони Мортенсена, и справился, функционирует ли оно до сих пор.

— Это «ухо» дезактивировано, — послышался ответ.

— Я это знаю. Можно ли его снова включить?

Через несколько минут ему сообщили, что «ухо» растворилось пару дней тому назад, как это и было запланировано. Квеллен был разочарован, но помеха была не особо существенной. Он распорядился произвести розыск местонахождения Мортенсена телевекторным методом, страстно надеясь на то, что этот человек еще не покинул Аппалачию.

Телевекторная служба сообщила, что Мортенсена нашли, что он находится сейчас в одном из дворцов грез, менее чем в пятнадцати километрах от кабинета Квеллена. «Отлично», — подумал он. Арест он произведет сам. Это было слишком деликатное предприятие, чтобы перепоручить его подчиненным.

Поймав роботакси, Квеллен доехал до дворца грез. Теперь осталось подождать, пока Мортенсен не выйдет на улицу. Мимо него проходили какие-то помятые личности с бегающими глазами. Квеллен старался придать себе такой же вид, пристально всматриваясь в тех, кто выходил из дворца.

Вот наконец и Мортенсен!

Прошло немало времени с той поры, когда Квеллен производил аресты лично. Он был канцелярским работником, оставлявшим опе-

ративную работу сотрудникам помельче. Тем не менее хладнокровие не покидало его. Он был хорошо вооружен, к его ладони была прикреплена анестезирующая игла, готовая выскочить при малейшем нажатии, а под мышкой был спрятан распылитель нервнопаралитического газа — на случай, если игла не достигнет цели. При нем был также и лазерный пистолет, но он не собирался прибегать к его помощи в случае с Мортенсеном.

Когда Мортенсен стал удаляться от дворца грез, Квеллен пошел следом и легонько похлопал его по плечу со словами:

— Продолжайте идти как ни в чем не бывало, Мортенсен. Вы арестованы.

— Какого черта...

— Я из уголовного управления. Мне приказано доставить вас в офис. В моей ладони игла, и я готов незамедлительно вонзить ее в ваше тело при малейшей попытке сопротивления. Шагайте спокойно впереди меня, пока не выйдем на платформу монорельса. Делайте то, что я скажу, и ничего плохого с вами не произойдет.

— Я не совершал ничего дурного. Я хочу знать, в чем меня обвиняют?

— Это после. Не останавливайтесь!

— У меня есть права! Адвокат...

— Все это потом, Мортенсен! Вперед!

Они взошли на платформу. Мортенсен продолжал хныкать, но не выказывал признаков сопротивления. Это был высокий мужчина, выше Квеллена. Однако особенно сильным с виду не был. Тем не менее Квеллен продолжал держать наготове ладонь с иглой. Все его будущее зависело от благоприятного исхода этого маневра.

Роботакси доставило их к дому, где жил Квеллен.

На лице задержанного отразилось недоумение. Когда они сошли с платформы, он угрюмо проворчал:

— Что-то это здание не похоже на Управление.

— Не задерживайтесь!

— Это что, похищение?

— Если вас это так беспокоит, я могу показать свое удостоверение. Перед вами один из высших чинов служб общественного спокойствия. У меня ранг комиссара по уголовым делам. Пройдите сюда, пожалуйста.

Они вошли в квартиру Квеллена. Мортенсен повернулся к Квеллену и недоверчиво посмотрел на него.

— Но ведь это частная квартира, — сказал он.

— Верно. Моя.

— Кто-то явно дезинформировал вас в отношении моих сексуальных наклонностей, дружище комиссар. Я не педераст.

— Я тоже, — резко оборвал его Квеллен. — Мортенсен, вы намереваетесь совершить прыжок в прошлое в первых числах мая?

Мортенсен покраснел.

— А вам какое до этого дело?

— Немалое. Так это правда?

— Может быть. Ничего не могу сказать конкретно.

Квеллен тяжело вздохнул.

— Вы числитесь среди прыгунов, которые отправлялись в прошлое. Вам это известно? В списке указано ваше имя, дата рождения, время прибытия в прошлое, день, когда вы убыли отсюда. Архивные материалы свидетельствуют о том, что это произошло 4 мая сего года. Теперь вы станете отрицать, что намереваетесь совершить прыжок?

— Я ничего не буду говорить без адвоката. Черт вас побери, я не представляю ни малейшей угрозы для вас! Какое вы имеете право портить мне жизнь?

— Сейчас я не могу всего объяснить, — пожал плечами Квеллен. — Так случилось, что вы являетесь несчастной жертвой ситуации, которая выходит из-под контроля. Мортенсен, я намерен послать вас в путешествие. Что-то вроде отпуска. Не могу сказать, сколько времени вы будете там, но, по крайней мере, у вас там не будет ни каких неудобств. Вы найдете там достаточное количество еды, программируйте на здоровье по своему вкусу. Я позабочусь, чтобы у вас ни в чем не было недостатка. Я на вышей стороне и глубоко сочувствую вашему положению. Но сперва я должен позаботиться о себе.

Расстроенный Мортенсен поднял руку, будто желая ударить Квеллена. Тот спокойно сделал шаг вперед и активировал анестезирующую иглу в своей руке. Она вонзилась в кожу арестованного. Наступила мгновенная анестезия, и Мортенсен обмяк, потеряв сознание. «В таком состоянии он будет примерно час», — подумал Квеллен. Этого времени было вполне достаточно.

Он включил стасис-поле и запихнул тело Мортенсена в приемную капсулу. Через мгновение этого человека уже здесь не было. Очнется он в Африканском коттедже. И это, без сомнения, еще больше собьет его с толку, но Квеллен не мог сейчас давать ему объяснения...

Мгновением позже стасис-поле отключилось со стороны Квеллена. Это не даст возможности Мортенсену самому вернуться сюда, пока Квеллен сам не захочет вернуть его.

У Квеллена закружилась голова.

Теперь, когда он располагал необходимой приманкой, пришло время заняться работой. Казалось невероятным, что он сможет добиться своего, но он уже зашел так далеко, что не мог позволить себе остановиться на полпути. И если у него ничего не получится, а он совсем не исключал такой исход, то имелась еще одна альтернатива, менее почетная, но дающая, вероятно, более разумное решение, чем то, что было у него на уме.

«Интересно, смогу ли я выйти сухим из воды? Смогу ли я на самом деле попытаться шантажировать Верховное Правление и заставить его принять мои условия? Или я просто выжил из ума?»

Очень скоро он все это узнает. А пока у него есть заложник — Мортенсен! Заложник, предотвращающий гнев Верховного Правления!

Теперь оставалась одна мелочь — добиться беседы с Питером Клуфманом. С ним самим! С глазу на глаз!

Но как это устроить? Может быть, это несбыточная мечта? Как добиться того, чтобы чиновник седьмого разряда был Клуфманом?

«Он встретится со мной, когда узнает, что я похитил Дональда Мортенсена!» — решил он.

Глава пятнадцатая

Дэвид Джакомин, который лично проводил негласное наблюдение за Мортенсеном, первым обнаружил, что произошло что-то неладное. Вспыхнувший красный сигнал сообщил ему, что Мортенсен исчез из телевекторного поля Аппалачии.

Джакомин был явно сбит с толку. Критическим для Мортенсена днем было 4 мая, но до этого срока было еще несколько недель! Разве возможно, что он так быстро подался в прыгуны?

«Да, — размышлял Джакомин, — такая возможность существовала. Но если он раньше времени стал прыгуном, то почему не лопнула структура пространственно-временного континуума? Прошлое изменилось или, может, в архивные материалы вкралась ошибка?» Джакомин распорядился, чтобы было проведено тщательное расследование исчезновения Мортенсена с привлечением всех ресурсов Верховного Правления. Клуфман лично проинструктировал Джакомина проследить за тем, чтобы с Мортенсеном ничего не случилось, а теперь получалось, что с ним все-таки что-то стряслось. Покрывшись холодной испариной, Джакомин размышлял, каким образом вернуть назад Мортенсена до того, как Клуфман обнаружит его отсутствие.

Очень скоро, однако, Джакомин понял, что ему придется все-таки поделиться этой новостью с Клуфманом.

Позвонил Колл из Уголовного управления, этот чиновник шестого разряда с лицом крысы, через которого Джакомин руководил этим аспектом деятельности правительства. У Колла был расстроенный вид, пожалуй, даже потрясенный. Лицо его горело, глаза повылазили из орбит.

— Тут один сумасшедший из моего отдела хочет говорить с Клуфманом, — прохрипел Колл. — Седьмой разряд, впрочем, скоро будет уже шестой.

— Видно, он и вправду сошел с ума, — усмехнулся Джакомин. — Клуфман не станет с ним встречаться, и вы это прекрасно знаете, так зачем же вы беспокоите меня по такому поводу?

— Он утверждает, что похитил Мортенсена, и в связи с этим хочет обсудить ситуацию с кем-нибудь, имеющим первый разряд.

Джакомин похолодел. Руки его начали конвульсивно подергиваться, и он делал неимоверные усилия взять их под контроль.

— Кто этот маньяк?

— Квеллен. Комиссар по уголовным делам. Он ...

— Я знаю его. И когда он предъявил это требование?

— Десять минут назад. Сначала он пытался позвонить непосредственно Клуфману, но из этого ничего не вышло. Поэтому он сейчас решил добиться по инстанциям. Он связался со мной, и я вот спрашиваю у вас, сэр, что мне делать?

— Похоже, что ничего больше, — рассеянно произнес Джакомин. Его цепкий ум перебирал, что можно сделать с этим занозистым Квелленом, начиная с медленного выпотрашивания, и все в таком же духе. Но у Квеллена есть Мортенсен, так, по крайней мере, он утверждает. А Клуфман был помешан на этом Мортенсене. В последнее время он только о нем и говорил. Тщательно разработанный план Джакомина утаить от Верховного Правления известие о исчезновении Мортенсена рухнул, как карточный домик. Он не видел никакой возможности для этого. Можно, конечно, потянуть время, но в конце концов Квеллену удастся пробиться к Клуфману.

— Так как же? — вновь подал голос Колл. Кончик его языка заметно дрожал.

— Могу я передать его запрос на ваш уровень по официальным каналам?

— Да, — с неохотой кивнул Джакомин. — Я возьму это на себя. Соедините меня с этим Квелленом.

Через несколько секунд на экране возникло лицо Квеллена. Вид у него вполне нормальный, отметил про себя Джакомин. Несколько напуган собственной дерзостью, но каких-либо признаков умственного расстройства незаметно. Он выглядит не менее нормальным, чем Колл.

Но каков, однако, смельчак! Он хочет встретиться с Клуфманом. Да, он похитил Мортенсена. Нет, он не откроет местонахождение похищенного. Более того, любая попытка ограничить свободу его действий приведет к немедленной гибели похищенного!

Может, это блеф? Джакомин не мог позволить себе рискнуть и проверить это. Он поразмыслил немного и наконец сказал:

— Ваша взяла, безумец! Я передам вашу просьбу об аудиенции Клуфману. Посмотрим, что скажет он.

* * *

Прошло так много времени с того дня, когда Клуфман последний раз говорил с глазу на глаз с обладателями низших разрядов, что он почти забыл, что это такое. Его, разумеется, обслуживали некоторые обладатели третьего, четвертого и даже пятого разрядов, но он никогда не разговаривал с ними. Их место с таким же успехом могли занимать роботы. Клуфман терпеть не мог лишних пересудов. Возвысясь в своем могуществе первого разряда, руководитель мира обрезал все свои контакты с массами.

Поэтому он ожидал появления визитера не без доли любопытства, смешанного с негодованием, он не привык к принуждению. В нем медленно нарастали гнев и раздражение. Но если быть до конца честным, это его немного забавляло: он уже в течение многих лет был лишен повода ощущать собственную уязвимость. Поэтому он где-то был даже благодарен за столь внезапно возникший казус.

Но он был еще и напуган. Судя по сообщениям техников, обслуживающих телевекторную систему обнаружения, Квеллен на самом деле захватил Мортенсена. Это уже пахло бедой. Это было прямой угрозой могуществу Клуфмана. В таком положении было не до смеха.

Вмонтированный в черепную коробку зонд шепнул ему:

— Квеллен здесь.

— Пусть войдет.

Дверь в кабинет откатилась в сторону. В кабинет вошел худой осунувшийся мужчина и неуклюже направился к огромному пневматическому гамаку, в котором возлежал Клуфман. Между хозяином и гостем возвышался почти незаметный, чуть подернутый дымкой экран от пола до потолка, служивший непреодолимой преградой для потенциального убийцы. Любая частица твердой материи, пытающаяся проникнуть сквозь этот экран, мгновенно аннигилировалась, независимо от его массы и скорости. В качестве дополнительной меры предосторожности по обе стороны от Клуфмана возвышались охранники-роботы. Искусственные системы внутри его перелицованного тела чуть слышно мурлыкали, перекачивая кровь по венам, перепуская лимфу через внутренние ткани. Он понял, что Квеллен чувствовал себя не очень уютно в его присутствии. Это его совсем не удивляло. После некоторого молчания Клуфман сказал:

— Ваше желание удовлетворено, я слушаю вас. Чего вы добиваетесь?

Квеллен пошевелил губами, но только через несколько секунд ему удалось выдавить из себя первые слова:

— Я рад тому, что вы существуете, сэр. Должен признаться, что я испытываю огромное облегчение от того, что вы есть на самом деле.

Клуфман изобразил некое подобие улыбки.

— Каким же это образом вы узнали, что я есть на самом деле?

— Потому, что ... — тут Квеллен запнулся. — Ладно. Я беру свои слова назад. Я надеюсь на то, что вы реальны...

Руки его тряслись. Клуфман спокойно наблюдал за человеком, который делал видимые усилия взять себя в руки.

— Это вы похитили Мортенсена?

— Да.

— Где он?

— Я не могу сказать вам этого, сэр. Сначала я хочу предложить вам сделку.

— Сделку со мной? — Клуфман издал звуки, эквивалентные гомерическому хохоту. — Вы просто невероятны в своей наглости. Вы сознаете хотя бы, что я могу с вами сделать?

— Да.

— И вы все равно пришли сюда, чтобы торговаться со мной?

— Мортенсен у меня, — напомнил ему Квеллен. — Пока я не освобожу его, он будет не в состоянии совершить прыжок 4 мая. А это означает...

— Так... — резко оборвал его Клуфман. Он ощутил, как растет напряженность внутри его тела. Этот человек, похоже, нашел его уязвимое место. Какая нелепость — этот пролетарий поставил его в безвыходное положение. Но ничего не поделаешь! Клуфман не мог позволить себе рисковать человеком, который угрожает изменить прошлое. Никакой компьютер не подсчитает последствия того, что может случиться, если помешать прыгуну Дональду Мортенсену попасть туда, где ему положено быть. Владыка мира был беспомощен.

— Вы ведете опасную игру, Квеллен, — сурово произнес Клуфман. — Мы ведь можем арестовать вас и извлечь из вашего мозга местонахождение похищенного Мортенсена.

— Мортенсен запрограммирован так, что будет уничтожен, если мой мозг будет подвергнут какой-либо операции, — рассмеялся Квеллен.

Клуфман задумался. В какой степени это утверждение может быть правдой? Или это гигантский блеф?

— Излагайте ваши условия!

Квеллен кивнул. Казалось, с каждой минутой к нему все больше возвращалось самообладание и воля. Он теперь узнал, что Клуфман не какое-то сверхъестественное существо, а просто глубокий старик, обладающий огромной властью.

— Мне поручили расследование деятельности, связанной с путешествием во времени, — начал Квеллен. — Мне удалось отыскать человека, который контролировал этот процесс. Сейчас он находится под арестом. К несчастью, он располагает информа-

цией, которая инкриминирует мне совершение противозаконных действий.

— Так вы преступник, Квеллен?

— Да, за мной есть кое-что противозаконное. И это может привести к моему разжалованию, если не хуже. Этот преступник, владеющий секретом путешествий во времени, поставил мне условие, что если я выдам его вашим людям, то он разоблачит меня. Я хотел бы добиться неприкосновенности своей личности. Я выдам вам этого человека, он разболтает вам о моем преступлении, но вы подтвердите мое нынешнее положение и дадите гарантии, что я не буду подвергнут преследованию или разжалован.

— В чем заключается ваше преступление, Квеллен?

— Я имею виллу второго разряда в Африке.

Клуфман улыбнулся.

— Вы подлец, Квеллен, — произнес он без всякой злобы. — Вы живете не в соответствии со своим статусом, вы шантажируете Верховное Правление, вы...

— Но я считаю себя честным человеком, сэр!

— Ну что ж, возможно и такое. Но тем не менее вы негодяй. Знаете ли вы, как я поступил бы с таким опасным человеком, как вы, будь на то моя воля? Я постил бы вас в машину времени и зашвырнул бы в глубокое прошлое. С такими людьми, как вы, это самый безопасный способ взаимодействия. Вот к чему мы станем прибегать, как только... — Клуфман осекся. Через несколько минут он продолжал: — Ваша дерзость поражает меня, Квеллен. Что, если я солгу вам? Я дарую вам неприкосновенность, вы вернете нам Мортенсена и отпустите на все четыре стороны этого пройдоху-агента, а я потом все равно схвачу вас и арестую.

— У меня припрятаны еще два зарегистрированных прыгуна, — неуверенно сказал Квеллен. — Один должен будет отправиться в прошлое уже в этом году, а другой — в начале следующего. Я подстраховался, опасаясь, что вы станете причинять мне вред, после того как я отдам вам Мортенсена.

— Вы блефуете, Квеллен! Вы только сейчас придумали этих двух других прыгунов. Я подвергну вас нейтральному зондированию и проверю истинность вашего заявления.

Квеллен усмехнулся.

— В тот момент, когда зонд коснется моего мозга, Мортенсен умрет!

Клуфман испытал при этих словах непривычную для него боль. Он был уверен в том, что этот спокойный на вид пролетарий нагромождает одну ложь на другую. Но этого нельзя было доказать, не заглянув в его мозг. Блеф номер один делал этот шаг слишком рискованным для Клуфмана. А вдруг это вранье?

— Так чего же вы хотите? — спросил он.

— Гарантий моей неприкосновенности, данных при свидетелях. Я хочу, чтобы вы гарантировали, что я не понесу наказания за содержание дома в Африке и за столь дерзкий вызов такому человеку, как вы. После этого я выдам вам пройдоху-агента и Мортенсена.

— А как же двух других прыгунов?

— И их тоже. После того, как буду убежден в вашем благорасположении ко мне.

— Это невероятно, Квеллен, но у вас явно сильная позиция. Я не могу допустить, чтобы вы помешали Мортенсену совершить прыжок. И мне нужна эта машина времени. Она может найти у нас самое широкое применение. Мы будем получать громадную выгоду. Слишком опасно оставлять такую машину в частном пользовании. Ну что ж, хорошо. Вы получите свои гарантии. Я даже вам дам нечто большее, Квеллен.

— Сэр?

— У вас, как вы сказали, есть вилла второго разряда? Я полагаю, вы и дальше хотите жить в ней. Значит, мы должны присвоить вам второй разряд, не так ли?

— Принять меня в состав Верховного Правления, сэр?

— Разумеется, — добродушно произнес Клуфман. — Подумать только: разве я могу отправить вас в низ, на низшие ступени социальной лестницы, после того как вы взяли верх надо мной? Вы завоевали свой статус! Я подыму вас сюда. Джакомин найдет для вас место. Человек, проделавший то, что проделали вы, не может остаться в должности мелкого чиновника! Мы что-нибудь придумаем для вас, Квеллен. Вы добились много большего, чем пытались, — Клуфман улыбнулся. — Я поздравляю вас, я вам завидую...

* * *

С помощью нескольких быстроходных лифтов Квеллен вознесся на поверхность из мифических катакомб, где располагалось прибежище Клуфмана, и, спотыкаясь, вышел на улицу. Он быстро перешел на твердую уверенную походку, поднял голову, взглянул на взметнувшиеся в небесные дали башни небоскребов. Перед его взором были кружева соединяющих их мостов, сверкающие шпили, венчавшие здания, узкие голубые полоски неба между ними.

«У меня не так уж много перемен», — подумал про себя Квеллен.

Он еще не оправился от потрясения, которое пережил, увидев во плоти Клуфмана. Пробегая в мыслях то, что он совершил, он сам удивился тому, что ему удалось провернуть такое. Пробиться локтями в берлогу администратора первого разряда, дерзко стоять перед ним, выдвигая смелые требования, и заставить его уступить, громоздить один обман на другой и довести до логического конца

свой блеф — все это показалось ему нереальным. Этого не могло быть! Это, должно быть, какая-то буйная фантазия из дворца грез, просто сон, в котором он видел себя победителем и который улетучится, как только поток крови вынесет последние остатки наркотика из его мозга.

И все же здания были реальны! Реальным было небо. Реальной была мостовая, по которой он шагал. Реальным был также его разговор с Клуфманом. Итак, он победил! Его просили принять статус второго разряда! Он вынудил-таки Клуфмана пойти на уступки!

И все же Квеллен понимал, что по сути дела он ни черта не выиграл.

Он провел свой дерзкий маневр с апломбом, но это был маневр глупца, и он теперь понял это предельно отчетливо. Любой человек мог бы гордиться тем, что у него хватало духу подобным образом противостоять Клуфману, однако, осуществив все это, Квеллен понял, что не приобрел никакой подлинной безопасности, только временную иллюзию торжества. Необходимо воплощать в жизнь запасной вариант, над которым он размышлял в течение последних нескольких часов. Он приучил себя к этой основной мысли, понимая, что придется прибегнуть к ней, хотя он и не был уверен, что у него хватит времени привести ее в исполнение.

Он был в смертельной опасности. Нужно было действовать очень быстро.

Клуфман не ввел его в заблуждение своими улыбками, своими хвалебными словами, своим обещанием ввести его в состав Верховного Правления, своим очевидным восхищением перед дерзостью Квеллена. Клуфман боится, что с Мортенсеном что-нибудь случится и тем самым возникнет угроза его собственной власти. Но Клуфманом нельзя помыкать с такой кажущейся легкостью!

«Он получит от меня Ланоя и Мортенсена, а затем уничтожит меня!»

Сейчас Квеллен в этом не сомневался. Ему следовало понять это с самого начала. Как можно было надеяться перехитрить Клуфмана?!

Но он не раскаивался в том, что сделал такую попытку. Ведь человек — не червяк, он может, выпрямившись, стоять на ногах, может бороться за себя! По крайней мере, он может попытаться сделать это! И Квеллен попытался!!!

Он проделал нечто безрассудно храброе, что граничило с нелепостью, и он совершил все это с честью, пусть даже успех его окажется по всей вероятности нереальным.

А теперь ему следовало торопиться, чтобы защитить себя от гнева Клуфмана. У него еще было немного времени. Эйфория

от встречи с Клуфманом прошла, мышление его стало ясным и четким.

Он вошел в здание Уголовного управления и распорядился, чтобы Ланоя тотчас извлекли из бака и снова привели в его кабинет. Ланой выглядел угрюмым и подавленным.

— Вы еще пожалеете об этом, Квеллен, — с горечью произнес Ланой. — Я не шутил, когда говорил о том, что Брогг запрограммировал свои подстраховочные автоматы на мой альфа-ритм. Я могу сообщить о вашем африканском прибежище Верховному Правлению...

— Вам нет необходимости доносить на меня, — сказал Квеллен. — Я отпускаю вас.

Ланой смутился.

— Но ведь вы сказали...

— То было раньше. Я освобождаю вас и постараюсь стереть с лент как можно больше материала, так или иначе касающегося вас.

— Значит, вы все-таки уступили, Квеллен? Вы поняли, что не стоит подвергать себя риску разоблачения?

— Совсем наоборот. Я ни в чем не уступил. Я сам сообщил Верховному Правлению о своем поступке. Я рассказал о своем доме в Африке лично Клуфману. Не было смысла зря тратить время на разговоры с более мелкой сошкой. То, о чем расскажут автоматы, уже известно кому надо.

— Так я и поверил вам, Клуфман!

— И тем не менее это истинная правда. И потому цена за то, что я отпускаю вас, стала иной. Теперь это уже не ваше молчание. Теперь это уже ваши услуги.

Ланой выпучил глаза.

— О чем это вы, комиссар?

— О многом. Но у меня нет сейчас времени на объяснения. Я выхожу из этого здания. Вам придется одному отправиться назад, в свою лабораторию. Но через час я приеду к вам туда, — Квеллен с сомнением покачал головой. — Не думаю, что вы сможете долго оставаться на свободе, Ланой: Клуфману не терпится забрать у вас машину. Он хочет использовать ее для того, чтобы пересылать в прошлое политзаключенных. И повысить государственные доходы. Он решит проблему безработицы, забрасывая пролетариев назад — в прошлое, в глубокое прошлое, скажем на 500 тысяч лет назад, чтобы оставить их там на съедение саблезубым тиграм. Вас снова арестуют, я в этом не сомневаюсь. Но, по крайней мере, я здесь буду не при чем.

Они вышли вместе.

Коротышка агент как-то задумчиво поглядел на Квеллена, когда они направились к ближайшей платформе.

— Мы скоро встретимся, — сказал Квеллен.

Он тоже сел в вагончик и поехал к своему дому, чтобы выполнить еще одно последнее дело. Предпринял ли уже Клуфман меры против него? Несомненно. В одном из залов заседания Верховного Правления сразу же было создано совещание. Правда, времени Квеллену было нужно совсем немного, после чего он будет в безопасности.

Он пришел к пониманию многих вещей. Во-первых, почему Клуфман столь яростно рвется к машине времени — как к орудию, способствующему еще большему расширению его власти над миром. Он не брезговал ничем. «А я едва не помог ему заполучить эту машину».

Понял он и то, почему все зарегистрированные прыгуны прибывали из периода 2486—2491 годов. Это не означало того, что в следующем году поток беженцев в прошлое прекратится, как можно было предполагать ранее. Это просто означает, что контроль над машиной перешел от Ланоя к Клуфману и что все прыгуны, отправляемые после 2491 года, будут забрасываться с помощью усовершенствованного процесса, обеспечивающего гораздо более широкий диапазон, в такие отдаленные эпохи, что не смогут стать потенциальной угрозой режиму Клуфмана. И появление их, разумеется, не будет отражено ни в каких архивах или летописях.

Квеллен вздрогнул. Ему никоим образом не улыбалось быть частицей мира, в котором вожди обладают такой властью. Он вошел в свою квартиру и включил стасис-генератор. Его обволокло сияние поля. Квеллен сделал шаг вперед и очутился в своем африканском коттедже.

— Мортинсен? — крикнул он. — Где вы?

— Здесь, черт меня побери!

Квеллен выглянул на крыльцо: Мортенсен ловил рыбу. Голый до пояса, он приветливо махнул Квеллену рукой. Его бледная кожа за то время, что он был здесь, местами покраснела и даже побурела.

— Кончайте это, — приказал Квеллен, — мы отправляемся домой.

— Спасибо, но лучше бы нам остаться здесь. Мне здесь нравится.

— Чушь! Вам необходимо в соответствующий день совершить прыжок!

— Зачем мне это делать, если я могу остаться здесь? — удивился Мортенсен. — Я не просил вас привозить меня сюда, но теперь мне совсем не хочется покидать это место.

Квеллен не был расположен спорить.

В его планы не входило воспрепятствовать Мортенсену отправиться в прошлое 4 мая. У Квеллена не было ни малейшего желания изменять зафиксированное историей прошлое, а ценность

Мортенсена как заложника вскоре станет равной нулю. Не трудно было представить, что невыполнение Мортенсеном прыжка в строго обусловленное время представит угрозу продолжению существования и самого Квеллена, если он случайно окажется одним из потомков Мортенсена-перебежчика. К чему такой риск? Мортенсену просто необходимо отправиться в прошлое!

— Пошли! — приказал Квеллен.

— Нет!

Тяжело вздохнув, Квеллен вышел на крыльцо и анестезировал упрямца. Затем затащил обмякшее тело в коттедж и пропихнул его под электроды стасис-поля, затем последовал за ним сам. Теперь Мортенсен лежал, вытянувшись, на полу квартиры Квеллена. Скоро он проснется и попытается понять, что же это с ним происходило, и, возможно, даже сделает попытку вернуться назад в Африку. Но к тому времени его уже зафиксирует телевекторное поле Аппалачии и люди Клуфмана будут уже в пути, чтобы забрать будущего прыгуна к себе. Клуфман сделает все, чтобы обеспечить убытие Мортенсена строго по расписанию. Квеллен в последний раз вышел из квартиры. Спустился по винтовой рампе и стал дожидаться вагончика монорельсовой дороги. Спасибо Броггу, он знал, как добраться к Ланою.

Лучше бы, конечно, одержать верх над Клуфманом, чем пускаться в этот путь. Но он был в западне, а человек в западне ищет самый благоразумный путь к свободе, а не самый эффективный. Какая ирония судьбы — человек, которому поручили решить проблему перебежчиков, сам становится прыгуном! И все же это было почти неизбежным — с самого начала Квеллен не исключал того, что обстоятельства и его заставят поступить точно так же, как поступили Норм Помрат, Брогг и многие другие на этой земле! Его путь к совершению прыжка в прошлое начался в тот самый день, когда он создал себе африканское прибежище. Теперь он просто завершал ту цепочку действий, конец которой был логически неизбежен.

Было уже довольно поздно, когда Квеллен прибыл в лачугу агента. Солнце низко висело на горизонтом, расцвечивая всеми цветами радуги загрязненное озеро. Ланой поджидал его.

— Все готово, комиссар, — сказал он вместо приветствия.

— Хорошо. Я могу положиться на вашу честность?

— Вы же отпустили меня, не правда ли? Даже среди мошенников есть свои понятия о чести, — улыбнулся Ланой. — Вы уверены в том, что хотите сделать?

— Вполне! Я не могу больше оставаться здесь. Я теперь для Клуфмана, как бельмо на глазу. Я доставил ему десять неприятных минут, и он, без сомнения, заставит меня расплатиться за них, стоит ему только схватить меня. Но это ему уже не удастся! И все благодаря вам, Ланой.

— Проходите в дом, — предложил Ланой.

— Дьявольщина! Вот уж никогда бы не подумал, что стану вам помогать!

— Вы умный человек, Ланой, — польстил коротышке Квеллен. — Поэтому я вам советую убираться отсюда как можно скорее. Рано или поздно Клуфман изловит вас. Это неизбежно.

— Я попробую рискнуть, — невесело усмехнулся Ланой. — Когда настанет эта минута, я погляжу Клуфману прямо в глаза и попробую заключить сделку с ним самим. Проходите же, машина ждет!

Глава шестнадцатая

Итак, свершилось!

Все начало кружиться, извиваться, и у Квеллена возникло такое ощущение, будто его вывернули на изнанку. Он парил на пурпурном облаке высоко-высоко над какой-то плохо различимой местностью, а затем стал падать. Упав, он перекувырнулся и остался лежать на огромном зеленом ковре. Так он лежал какое-то время, затаив дыхание, прильнув к ковру, как бы пытаясь найти нечто устойчивое в этом неизвестном ему мире.

Рука его инстинктивно вырвала кусок этого ковра, и он изумленно уставился на зелень. Трава!!!

Живая трава!!! Стебельки ее в его скрюченных пальцах!!!

Затем он едва не лишился сознания, когда понял, насколько чист здесь воздух. Он был совершенно ошеломлен. Было мучительно больно втягивать такой живительный воздух в свои легкие. Как будто вдыхаешь воздух в комнате, где подача кислорода открыта полностью. А здесь он находился вне помещения под открытым небом. Даже в Африке воздух был не такой, потому что в нем все-таки содержался густой остаток того, что выдыхалось в более плотно населенных районах земного шара.

Квеллен собрался с духом и поднялся. Во всех направлениях от него простирался травяной ковер, а впервые виделись густые заросли деревьев. Квеллен присмотрелся. Небольшая серая птичка без маски беспечно слетела на свисавшую вниз ветку ближайшего дерева и начала что-то щебетать.

Интересно, сколько еще времени фавориты Клуфмана будут искать его, прежде чем придут к выводу, что он совершил прыжок. Колла, наверное, хватит апоплексический удар. Удастся ли Клуфману справиться с Ланоем? Он надеялся на то, что Ланой окажется ему не по зубам. Клуфман был злобным, почти нереальным чудовищем, в то время как Ланой, несмотря на свои замашки преступника, не лишен был понятия чести.

Квеллен тронулся в сторону леса. «Нужно подыскать подходящий ручей и построить рядом с ним что-то вроде дома», — решил он. Он был уверен, что сумеет сымпровизировать архитектуру, хотя, возможно, первые его попытки и не будут особо впечатляющими. Но это, во всяком случае, будет его дом!

Он не ощущал за собой вины в том, что избрал этот путь. Он был неудачником, заброшенным в мир, который он мог только ненавидеть и который он мог только загнать его в западню. Норм Помрат избрал этот путь. Брогг тоже пошел этим путем. Теперь наступила его очередь. По крайней мере, прежде чем оставить этот мир, он совершил смелую попытку защитить себя от того мира. Было безумием думать, что он мог тягаться в коварстве с Верховным Правлением. Но он все же задал неплохую встряску Клуфману, длившуюся по меньшей мере несколько минут, и это само по себе было достойно гордости. Он показал, что он — человек! Теперь его честь продиктовала ему необходимость быстрого бегства, прежде чем подручные Клуфмана смогут уничтожить его.

Из лесу вприпрыжку выскочили два оленя. Квеллен остановился, пораженный ужасом. Никогда еще ему не доводилось видеть сухопутных животных таких размеров, даже в Африке. Африканские млекопитающие уже очень давно были загнаны в заповедники. Опасны ли эти животные? У них был такой кроткий вид. Они неспеша ускакали прочь.

Сердце Квеллена начало учащенно биться, когда он стал наполнять легкие свежим воздухом. Марек... Колл... Брогг... Спеннер.... Клуфман... Хелейн... Джудит! Публичное рыгание. Вагончики монорельсовой дороги. Они стали блекнуть в его сознании, постепенно исчезая из его памяти. «Добрый старый Ланой, — подумал. — Все-таки он сдержал свое слово и отправил его назад, на незагаженный материк!»

«Весь мир — мой!» — подумал Квеллен.

Высокий краснокожий мужчина вышел из леса и оперся о дерево, с серьезным видом рассматривая Квеллена. На нем был кожаный пояс, сандалии и ничего больше. Краснокожий некоторой время изучал Квеллена, затем поднял руку, сделав жест, смысл которого Квеллену был совершенно ясен: незнакомец приветствовал его на своей земле. Этот человек не боялся его.

Подняв руки вверх, улыбаясь как можно приветливее, Квеллен зашагал ему навстречу.

1967 г.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР

РОМАН

Счастливый день в 2381 году

Вот один из счастливых дней в 2381 году. Утреннее солнце восходит уже настолько, что касается своими лучами самых верхних этажей гонады 116. Скоро наружный фасад засверкает, как гладь моря на исходе дня. Фотоны раннего рассвета активизируют механизм в окнах Чарльза Мэттерна, и они становятся прозрачными.

Мэттерн потягивается. «Господи, благослови», — говорит он про себя. Его жена тоже потягивается. Четверо их детей, бодрствующих уже больше часа, вскакивают и, танцуя вокруг спальной платформы, поют:

«Благослови Бог, благослови Бог,
Благослови нас всех,
Благослови папу, благослови маму,
благослови тебя и меня,
Благослови каждого, большого и малого,
И дай нам плодородные дни».

Потом все они подбегают к спальной платформе. Мэттерн встает и целует детей по очереди. Индре — восемь лет, Шандору — семь, Марксу — пять и Клео — три. Глубоко в душе Чарльз Мэттерн таит стыд за то, что у него такая маленькая семья; разве можно искренне сказать о человеке, у которого всего четверо детей, что он почитает жизнь? Но лоно Принсипессы уже не заплодоносит. В свои 27 лет она уже совершенно бесплодна — так говорят врачи. Мэттерн всерьез подумывает о второй жене: он скучает по плачу младенца. Должен же человек исполнять свою обязанность по отношению к Богу.

— Папа, Сигмунд еще тут. Он пришел ночью к маме, — пальцем показывает дитя. Мэттерн смотрит туда. На спальной платформе, по другую сторону от Принсипессы, ближе к педали пневмонасоса, лежит, свернувшись клубочком, четырнадцатилетний Сигмунд Клавер, пришедший в жилище Мэттерна сразу после полуночи, пользуясь своим правом блуда. Сигмунд любит зрелых

женщин. Сейчас он храпит — потрудился на славу. Мэттерн толкает его в бок:

— Проснись, Сигмунд! Уже утро!

Юноша открывает глаза, улыбается Мэттерну, садится и тянется за своей набедренной повязкой. Сигмунд довольно красив, живет на 757-м этаже, имеет уже одного ребенка и ждет второго.

— Прошу прощенья, — говорит Сигмунд, — я заспался. Принсипесса вымотала меня, как всегда. Это настоящая дикарка!

— Она в самом деле очень страстная, — признает Мэттерн. Говорят, что жена Сигмунда тоже очень страстная. Мэттерн намеревается испробовать ее, когда она станет чуть постарше. Может быть, будущей весной...

Сигмунд идет в ультразвуковой душ, а Принсипесса встает с постели, нажимает на педаль и платформа молниеносно свертывается. Принсипесса начинает программировать завтрак. Индра включает экран. Стена вспыхивает светом и красками.

— Добрый день, — доносится с экрана. — Температура воздуха снаружи 28°С, если это кого интересует. Сегодняшняя численность населения гонады составляет 881115 человек. Со вчерашнего дня прибыло 102, а с начала года — 14187 человек. Благослови нас Бог, но темп прироста заметно упал. В гонаду 117 со вчерашнего дня прибыли 131 человек, в том числе четверня Хули Якобинской. Ей 17 лет, и перед этим она уже родила семерых детей. Вот это настоящая служанка божья! Сейчас 6 часов 20 минут. Ровно через 40 минут гонаду удостоит своим посещением Никанор Гортман, социопрограммист из Хэлла, которого легко будет распознать по одежде в пурпурных и ультрафиолетовых тонах. Доктор Гортман будет гостем Чарльза Мэттерна с 799-го этажа. Отнесемся же к гостю с таким же благословением, с каким относимся друг к другу. Благослови Бог Никанора Гортмана! А сейчас послушайте новости с нижних этажей гонады 116.

— Вы слышали, дети? — говорит Принсипесса. — У нас будет гость, и ввиду этого нам следует быть достойными божьего благословения. Идите кушать.

Чарльз Мэттерн очищается, одевается и завтракает, после чего отправляется на посадочную площадку над тысячным этажом, чтобы встретить Никанора Гортмана. Поднимаясь лифтом, Мэттерн минует этажи, на которых живут его братья и сестры со своими семьями, — три брата и три сестры. Четверо из них младше его, а двое — старше. Один из братьев, Джефри, умер молодым и при неприятных обстоятельствах.. Мэттерн редко вспоминает о Джефри.

Наконец лифт въезжает на самый верх здания. Гортман навещал тропические районы, а теперь намерен посетить типовую городскую гонаду в умеренном поясе. Это большая честь для

Мэттерна, что его выбрали официальным хозяином гонады. Мэттерн выходит на посадочную площадку гонады на крыше гонады 116, силовое поле защищает его от ураганных ветров, хлещущих высокую башню. Он глядит влево и видит еще погруженный в темноту западный фасад гонады 115. По правую сторону сверкают восточные окна гонады 117. «Благослови Бог Хулю Якобинскую и ее одиннадцать детей», — мысленно шепчет Мэттерн. До самого горизонта протянулся ряд последующих гонад, башен трехкилометровой высоты из супернапряженного бетона, но выглядящих отсюда легкими и воздушными. Их вид всегда трогает его до слез. «Благослови Бог, — думает он, — благослови Бог, благослови Бог».

Слышится веселый шум двигателей. Садится торпедоптер. Из него высаживается высокий плечистый мужчина, одетый в одежды, переливающиеся всеми цветами радуги. Это, верно, и есть социопрограммист из Хэлла.

— Никанор Гортман? — спрашивает Мэттерн.

— Благослови вас Господь! Чарльз Мэттерн?

— Благослови вас Бог, это я. Идемте.

Хэлл является одним из одиннадцати городов Венеры, которую человек приспособил к своим нуждам. Гортман еще ни разу не бывал на Земле. Говорит медленно, флегматично, монотонно. Мэттерну это напомнило способ разговора жителей гонады 84, которую он когда-то посетил. Он читал статьи Гортмана. Добротная работа, превосходная аргументация.

— Особенно люблю «Динамику охотничьей этики", — говорит Мэттерн, когда они идут к лифту. — Замечательно. Настоящая сенсация.

— Вы в самом деле так полагаете? — спрашивает приятно удивленный Гортман.

— Конечно. Я стараюсь читать максимум венерианских статей. Так занимательно чуждо читать об охоте на диких зверей.

— На Земле нет диких зверей?

— Благослови нас Бог, нет, — отвечает Мэттерн. — Мы не можем себе позволить. Но я безумно люблю читать о вашем образе жизни, так сильно отличающемся от нашего.

— Это что-то вроде психологического бегства?

Мэттерн смотрит на него с удивлением.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Когда вы читаете об этом, ваша жизнь на Земле кажется вам более сносной, — пояснил гость.

— О нет! Жизнь на Земле вполне сносная, поверьте мне. Я читаю это только для развлечения. А также для достижения необходимого паралакса для моих собственных трудов, — говорит Мэттерн. Они как раз достигли 799-го этажа.

— Сначала я покажу вам мое жилище.

Мэттерн выходит из лифта и движением руки приглашает Гортмана.

Это Шанхай. То есть мы так называем этот сорокаэтажный блок от 761-го до 800-го этажа. Я живу сразу же под самым высшим этажом Шанхая, что свидетельствует о моем профессиональном статусе. Гонада 116 состоит из 25 городов. На самом дне — Рейкьявик, а на самом верху — Луиссвиль.

— Как принимаются решения об этих названиях?

— Всеобщим голосованием жителей. Раньше Шанхай назывался Калькутта, что мне лично нравилось больше, но группка недовольных с 775-го этажа провела референдум, и город переименовали.

— Я полагал, что в городских гонадах нет недовольных, — медленно произносит Гортман.

Мэттерн усмехается.

— В обычном значении этого слова — нет. Но мы допускаем определенные конфликты. Человек без конфликтов даже здесь не был бы полноценным человеком.

Ведущим на восток коридором они медленно идут в сторону квартиры Мэттерна. Уже 7.10, и стайки детей группками по трос и по четверо выскакивают из квартир, направляясь в школу. Мэттерн сердечным жестом руки приветствует их. Дети с пением пробегают мимо них.

— На этом этаже у нас в среднем по 6,2 ребенка на одну семью, — произносит Мэттерн. — Это самый низкий средний показатель во всем здании. Со стыдом признаюсь в этом. Люди на высоких постах явно плохо размножаются. В Праге есть один такой этаж, кажется 117-й, где на каждую семью приходится 9,9 ребенка. Разве это не великолепно?

— Вы говорите это с иронией? — спрашивает Гортман.

— Ни в коем случае!

Мэттерн чувствует, как его захватывает волна аффекта.

— Мы б о г о т в о р и м детей. Мы с о д е й с т в у е м большому приросту. Разве вы не знали этого, прежде чем отправились в путь?

— Да, да, — поспешно говорит Гортман. — Мне хорошо известна общая динамика культуры. Но я полагал, что, возможно, ваше личное чувство...

— Не соответствует норме?! Ну то, что я в известной степени являюсь научным работником, не дает вам права считать, что я порицаю собственную культурную систему.

— Прошу меня извинить за это недоразумение. И прошу не думать, что я противник ваших устоев, хотя ваш мир мне чужд. Благослови Бог, не станем ссориться, Чарльз.

— Благослови Бог, Никанор. Я не хочу, чтобы вы считали, что я чрезмерно впечатлителен.

Они улыбаются друг другу. Мэттерн злится на себя за то, что проявил раздражительность.

— А сколько жителей насчитывает 799-й этаж? — спрашивает Гортман.

— 805 душ, насколько мне известно.

— А Шанхай?

— Около 35000.

— А вся гонада 116?

— 881000.

— В этой констеляции зданий находится пятьдесят гонад, не так ли?

— Да.

— Это дает в сумме около 40 миллионов жителей, — констатирует Гортман. — То есть чуть-чуть, больше чем все население Венеры. Интересно!

— А ведь это еще не самая большая констеляция, — голос Мэттерна вибрирует от гордости. — Сэнсэн и Бошвош куда больше! А в Европе есть несколько еще больших — Бэрпар, Венбад... И планируются еще более грандиозные!

— Значит, полная численность населения составляет...

— 75 миллиардов! — почти кричит Мэттерн. — Благослови нас Бог! Еще никогда не было ничего подобного! И никто не голодает! Все счастливы! Полно свободного пространства! Бог к нам милостив, Никанор!

Он прервал себя, когда они приблизились к дверям с номером 79315.

— Вот мой дом. Все, что мое, так же и твое, дорогой гость.

Они входят. Жилище Мэттерна очень даже прилично. В нем почти 90м^2? полезной площади. Свертывающаяся спальная платформа, складные детские кровати и легко переставляемые другие элементы мебели. Практически комната совершенно пуста. Экран и информетер занимают двухмерное пространство стен, где некогда стоял телевизор, шкаф с книгами, письменный стол, тумбочки и другая рухлядь. Светлое и просторное помещение, в самый раз для такой немногочисленной, из шести членов семьи.

Дети еще не ушли в школу. Принсипесса задержала их дома, чтобы они повидали гостя, и они несколько возбуждены. В ту минуту, когда Мэттерн входит в комнату, Шандор и Индра дерутся из-за любимой игрушки — генератора снов. Мэттерн изумлен. Конфликт в доме? Дети борются втихомолку, чтобы мать ничего не заметила. Шандор пинает сестру в голень. Индра, немилосердно скривившись, царапает брату лицо.

— Боже благослови! — резко произносит Мэттерн. — Кто-то здесь, кажется, хочет отправиться в Спуск, а?

Дети застывают с раскрытыми ртами. Игрушка падает на пол. Все становятся по стойке «смирно». Принсипесса поднимает голову и отбрасывает рукой локон черных волос, который упал ей на глаза; она была так занята младшим ребенком, что даже не слышала, как они вошли.

— Конфликт рождает бесплодность, — говорит Мэттерн. — Сейчас же извинитесь.

Индра и Шандор с улыбкой целуются. Индра поднимает игрушку и вручает ее Меттерну, а тот отдает ее самому младшему сыну, Марксу. Теперь все смотрят на гостя. Мэттэрн говорит:

— Что мое — то твое.

Он представляет всех по очереди: жена, дети. Конфликт привел его в расстройство, но он успокаивается, когда Гортман вынимает четыре маленьких коробочки и раздает их детям. Благословенный жест. Мэттерн показывает на свернутую спальную платформу:

— Вот тут мы спим. Места хватает на троих. А моемся вот здесь, в душе. Вы предпочитаете облегчиться в обособлении?

— Да, конечно.

— Нажмите тогда вот эту кнопку, которая управляет ширмой. Мы облегчаемся вот тут. Мочу сюда, а кал туда. Все потом перерабатывается. Бережливый у нас народец здесь, в гонадах.

— Естественно, — произносит Гортман.

— А не желаете ли вы, — говорит Принсипесса, — чтобы мы тоже пользовались ширмой при облегчении? Я знаю, что многие негонадцы, безусловно, желают этого.

— Я бы ни в чем не хотел нарушать ваших обычаев, — отвечает Гортман. Мэттерн усмехается.

— Мы конечно же являемся обществом, принадлежащим к послеобособленческой культуре. Но нам вовсе не трудно нажать кнопку, если ...

Он запнулся.

— На Венере нагота ведь не является табу, правда? Я имею в виду то, что это у нас единственная комната, и, значит...

— Я сумею приспособиться, — уверяет Гортман. — Обученный социопрограммист должен уметь приспосабливаться.

— Да, да, конечно, — соглашается Мэттерн и смущенно смеется.

Принсипесса извиняется перед гостем за то, что вынуждена на минуту выключиться из беседы, и отсылает в школу детей, все прижимающих к себе свои новые игрушки.

— Прошу прощения, — обращается Мэттерн, — за мелочность, но я должен затронуть тему ваших сексуальных привычек.

Мы будем спать на одной и той же платформе. Мы с женой в полном вашем распоряжении. Устранение половой неудовлетворенности является основным законом такого общества, как наше. Слышали ли вы о нашем обычае ночных прогулок?

— Боюсь, что...

— В гонаде 116 не закрываются ни одни двери. Никто из нас не владеет ценными предметами, и мы хорошо подготовлены в общественном плане. У нас есть обычай ходить ночью по другим жилищам. Таким образом, мы постоянно меняем партнеров; жены обычно остаются дома, а блудят мужья, хотя это не является абсолютным правилом. Каждый из нас всегда имеет доступ к любому другому взрослому члену нашего общества.

— Странно, — говорит Гортман. — Я предполагал, что в обществе, где живут вместе так много людей, скорее должен был развиться преувеличенный культ обособленности, чем такая гиперболическая свобода.

— В первые годы существования гонад тенденция к обособленности имела много приверженцев. Но со временем она полностью затухла. Бог, благослови нас! Устранение половой неудовлетворенности является нашей главной целью, в противном случае нарастало бы напряжение. Обособление же равнозначно половой неудовлетворенности.

— Значит, вы можете пойти в любую квартиру в этом огромном здании и переспать...

— Не во всем здании, — перебил его Мэттерн. — Только в своем городе-блоке. Мы противники загородных ночных прогулок. — Он тихо смеется. — Мы наложили на себя несколько мелких ограничений для того, чтобы свобода нам не надоела.

Гортман смотрит на Принсипессу. Ее костюм — повязка на бедрах и металлическая чаша на левой груди. Она худощава, но великолепно сложена, и, несмотря на то что материнство для нее кончилось бесповоротно, она ничего не утратила из очарования молодости. Мэттерн гордится женой.

— Не хотите ли осмотреть здание?

Они выходят. Уже в дверях Гортман галантно кланяется Принсипессе. В коридоре гость произносит:

— Я вижу, что ваша семья несколько меньше, чем положено по норме.

Это скандально невежливое замечание, но Мэттерн высказывает максимум терпимости к своему чужеземному коллеге.

— Мы бы, наверняка, имели бы больше детей, но нож хирурга сделал жену бесплодной. Это был для нас тяжелый удар.

— Здесь всегда ценили большие семьи?

— Мы ценим жизнь. Творение новой жизни у нас является высшей добродетелью. А предотвращение ее — самым большим

грехом. Мы все любим наш многолюдный мирок. А вы, похоже, нас жалеете? Разве мы производим впечатление несчастных?

— Вы кажитесь удивительно приспособленными к этой жизни, — говорит Гортман, — даже при том, что... — он приостановился.

— Продолжайте.

— Даже при том, что вас так много, что вы всю свою жизнь проводите внутри этого гигантского строения. Вы же никогда не выходите наружу, правда?

— Большинство из нас действительно никогда не выходит, — соглашается Мэттерн. — Лично я много путешествовал, ведь социопрограммисту нужна более широкая перспектива. Но Принсипесса, например, никогда не спускалась ниже 300-го этажа. Да и зачем ей куда-нибудь ходить? Секретом нашего счастья является создание пяти- или шестиэтажных городков в рамках сорокаэтажных городов тысячеэтажной гонады. Мы нисколько не ощущаем, что скучены или стеснены. Мы знаем наших соседей, имеем сотни близких друзей. Относимся друг к другу с взаимной благожелательностью, лояльно и вежливо.

— И все счастливы?

— Почти все.

— Значит, есть исключения? — спрашивает Гортман.

— Это безумцы, — отвечает Мэттерн. — В нашей среде мы стараемся свести жизненные конфликты до минимума. Как вы сами видите, никогда не отказываем ни в какой просьбе. Никогда и никому. Но иногда случается, что кто-то не может больше переносить наш стиль жизни. Такие люди безумствуют, бунтуют, мешают другим. Это очень печально.

— А что вы делаете с безумцами?

— Понятно, устраняем, — с усмешкой говорит Мэттерн.

Мэттерну доверили показать Гортману всю гонаду. Такая экскурсия займет несколько дней. Он немного взволнован: он не знает некоторых мест здания так, как должен их знать хороший гид. Но он приложит все свои старания, чтобы все прошло хорошо.

— Все здание, — объясняет он, — выполнено из сверхнапряженного бетона. Конструкция опирается на центральное несущее ядро размером 200 кв. метров. Первоначально предполагалось разместить по 50 семей на этаж, но сейчас у нас их уже в среднем по 120, и бывшие квартиры пришлось поделить на однокомнатные жилища. Мы целиком экономически независимы, у нас свои собственные школы, госпитали, спортивные площадки, дома религиозных культов и театры.

— А питание?

— Мы имеем связи с сельскохозяйственными коммунами. Вы, наверное, видели, что $^{9}/_{10}$ поверхности суши этого континента используется для производства продовольствия, что мы не занимаем плодородные земли под горизонтальную застройку, пищи всегда вдоволь.

— Значит, вы зависимы от коммун, производящих пищу?

— А когда это жители городов не были зависимы от фермеров? — спрашивает Мэттерн. — На Земле не действует кулачное право. Мы им нужны как единственный рынок сбыта. А они для нас являются единственным источником продовольствия. Мы оказываем им также разные услуги, например, налаживаем и ремонтируем машины. Экология планеты достигла оптимума. Мы в состоянии прокормить еще много миллиардов людей. И благослови нас Бог, мы их кормим!

Кабина, проплыв сквозь все здание вниз, остановилась на дне шахты. Чувствуя над собой давящую массу гонады, Мэттерн старается скрыть охватывающее его замешательство.

— Фундаменты здания, — говорит он, — простираются на 400 метров в глубь основных пород. Мы сейчас находимся на их самом низшем уровне. Здесь генерируется энергия.

Они идут по галерее, глядя на огромный, высотой в 40 метров генераторный зал, сопровождаемые тихим гулом сверкающих турбин.

— Большую часть энергии, — объясняет Мэттерн, — мы получаем посредством сжигания отработанных твердых отходов. Сжигаем все, что нам не нужно, а продукты сжигания продаем потом как удобрение. Есть у нас также дополнительные генераторы, приводимые в движение аккумулированным теплом тел.

— Я так и предполагал, — бормочет Гортман про себя.

Мэттерн весело подтверждает:

— Ясно, что 800 000 живых существ, собранных в замкнутом пространстве, выделяют огромное количество тепла. Часть тепла выводится наружу через охлаждающие ребра на наружных стенах здания. Часть передается вниз и приводит в движение генераторы. Зимой распределяем его равномерно по всему зданию для выравнивания температуры. Остальное употребляем для очищения воды и тому подобных процессов.

Еще минуту они приглядываются к энергетическому оборудованию, а затем Мэттерн ведет гостя к регистрационным установкам. Там как раз находится группа школьников. Оба тихонько присоединяются к экскурсии.

— Сюда, — объясняет учитель, — стекает моча. Видите? — Он рукой показывает на огромные пластмассовые трубы. — Она протекает через искровую камеру, где подвергается дистиляции, чистая вода перекачивается сюда. Вот здесь происходит техноло-

гический процесс переработки отходов, который мы с вами проходим. Мы продаем эту продукцию сельскохозяйственным коммунам...

Мэттерн и его гость посещают также и завод удобрений, где перерабатываются фекалии. Гортман задает многочисленные вопросы. Его, несомненно, все это интересует. Мэттерн доволен; для него нет ничего более важного, чем детали жизни в гонаде. Он боялся, что этот чужеземец с Венеры, где люди живут в отдельных домах и много времени проводят на свежем воздухе, составит себе неблагоприятное впечатление о жизни в гонаде.

Они едут наверх. Мэттерн рассказывает о климатизации, о системе подъемных и спускных шахт и тому подобных устройствах.

— Все это великолепно, — заключает Гортман. — Я не в состоянии был даже вообразить, как одна маленькая планета с 75-ю миллиардами жителей вообще может выжить, тогда как вы превратили ее в ... в...

— В утопию, — подсказывает Мэттерн.

— Да, именно это я имел в виду, — говорит Гортман.

Производство энергии и регенерация отходов не лежит в области профессиональных интересов Мэттерна. Он знает, как все это делается, но только потому, что его увлекает функционирование городской гонады. Настоящим же полем его деятельности является социология общества, поэтому его и попросили показать гостю организацию социальной структуры гигантского здания. Сейчас они едут вверх, в направлении жилых этажей.

— Это Рейкьявик, — объясняет Мэттерн. — Здесь живет главным образом обслуживающий персонал. Мы не хотим создавать сословные классы. Но в каждом городе преобладает какая-то профессиональная группа: инженеры, научные работники. И каждая такая профессиональная группа образует отдельный клан.

Они медленно идут по холлу. Мэттерн чувствует себя не в своей тарелке и, чтобы скрыть нервозность, говорит без умолку. Он рассказывает о том, как каждый город в границах гонады вырабатывает свой собственный жаргон, стиль одежды, фольклор и кумиров.

— А существуют ли контакты между отдельными городами? — спрашивает Гортман.

— Стараемся их развивать путем спортивных соревнований, обмена студентами и через организацию регулярных вечерних встреч жителей разных городов.

— А не лучше было бы поощрять загородные ночные прогулки?

Мэттерн наморщил брови.

— Мы предпочитаем держаться нашего собственного окружения. Случайная сексуальная близость с жителями других городов — проявление слабого характера.

— Понимаю.

Они входят в обширный зал.

— Это спальня молодоженов, — объясняет Мэттерн. — Каждые пять или шесть этажей имеют такое помещение. Когда молодые вступают в брак, они оставляют свои родительские дома и перебираются сюда. После рождения первого ребенка им предоставляется собственное жилье.

— А где же вы берете для них комнаты? — удивляется Гортман. — Я так понимаю, что все комнаты в здании заняты. Не может быть, чтобы смертность у вас была равна рождаемости, значит...

— Смерти, в самом деле, в определенной степени разряжают ситуацию. Если умрет один из партнеров, а дети вырастут, оставшийся в живых партнер переводится в спальню для старших, таким образом освобождая место для новой молодой семьи. Однако я согласен с вами, что большинство нашей молодежи не находит квартир в здании, поскольку прирост новых семей составляет 2% в год, а смертность — намного ниже. Мы строим новые городские гонады и переселяем туда молодоженов путем жеребьевки. Говорят, что к новым условиям трудно приспосабливаться, но компенсацией является принадлежность к первым новоселам. Статус приобретается автоматически. Таким образом, мы постоянно, так сказать, перемешиваемся, отдавая нашу молодежь, создавая новые комбинации общественных единиц. Блестяще, но правда ли? Вы, наверное, читали мою статью «Структурная метаморфоза населения городской монады»?

— Конечно, читал, — отвечает Гортман. Он окидывает взглядом спальню. На спальной платформе поблизости совокупляется двенадцать пар. — Они такие молодые... — произносит он.

— Половая зрелость наступает у нас очень рано. Девочки вступают в супружеские связи на двенадцатом году жизни, а мальчики — на четырнадцатом. Через год появляется первый ребенок, благослови нас Бог!

— И никто не пытается контролировать прирост?

— К о н т р о л и р о в а т ь п р и р о с т? — шокированный неожиданным богохульством, Мэттерн нервно хватается за свои гениталии. Несколько копулирующихся пар с изумлением поднимают головы. Кто-то хихикает. — Прошу вас никогда не употреблять этих слов, — пылко говорит Мэттерн. — Особенно в присутствии детей. Мы... мы никогда так не говорим, даже думать так не смеем...

— Но...

— Жизнь для нас — святыня. Сотворение новой жизни — благословение. Размножение является почитанием и обязанностью человека в отношении Бога. — Мэттерн усмехается. — Быть человеком — значит решать все проблемы усилием мысли, правда?

А нашей главной проблемой является размножение жителей в мире, который сделал болезни и устранил войны. Я допускаю, что мы бы могли ограничить естественный прирост, но это решение было бы дешевым и убогим. Вместо того, как вы сами убедились, мы победоносно идем навстречу проблеме размножения! Мы размножаемся с радостью, наша численность возрастает в год на 3 миллиарда, и для каждого у нас находится место и пища. Умирают немногие, а рождается много, и мир наполняется. Бог велик, жизнь богата и прекрасна, и, как вы сами видите, все мы счастливы. Мы уже выросли из детской потребности изоляции друг от друга. Зачем нам выходить наружу? Зачем нам леса и пустыни? Для нас гонада 116 является всей Вселенной. Зловещие предсказания пророков не сбылись. Разве вы можете возразить мне что-либо? А теперь идемте, я покажу вам школу.

Выбранная Мэттерном школа находится в рабочем районе Праги, на 108-м этаже. Он надеется, что Гортмана это заинтересует, поскольку население Праги обладает самым высоким показателем прироста в гонаде 116, и семьи, состоящие из двенадцати или пятнадцати членов, здесь не редкость. Приближаясь к дверям школы, он слышит чистые звонкие голоса, поющие о божьем благословение. Мэттерн помнит этот гимн: когда он был ребенком, он пел эту прекрасную песню, мечтая о большой семье, которую он когда-нибудь сотворит. И тихо напевает под нос хорошо известные слова:

«А сейчас он сеет святое семя,
Которое вырастет в мамином лоне,
Вырастет новая жизнь...»

И вдруг случается инцидент, очень неприятный и непредвиденный. В коридоре к Мэттерну и Гортману подбегает какая-то женщина. Молодая, неряшливая, в тонкой серой повязке на бедрах. У нее заметная беременность, волосы ее в беспорядке.

— Помогите! — кричит она. — Мой муж сошел с ума!

Вся дрожа, она падает в объятия Гортмана. Гость смущен. За ней бежит молодой, чуть старше двадцати лет, мужчина с впалыми щеками и налитыми кровью глазами. В руках он держит горелку, сопло которой раскалено до красна.

— Проклятая ведьма! — бормочет он. — Блудники, блудники без конца у нас. Уже есть семеро, так на тебе восьмой... С ума сойти можно!

Мэттерн напуган. Он оттаскивает женщину от Гортмана и лихорадочно подталкивает гостя к дверям школы.

— Скажите там, что здесь помешанный, — говорит он Гортману. — Пусть немедленно бегут на помощь!

Он взбешен тем, что Гортман оказался свидетелем такой нетипичной сцены, и хотел бы увести его отсюда как можно быстрей. Молодая женщина, вся дрожа, прячется за спину Мэттерна.

— Будь рассудителен, молодой человек! — наставительно произносит Мэттерн. — Ты всю свою жизнь провел в гонаде, правда? Ты понимаешь, что размножение является благословением. Почему же ты хочешь отринуть основы, по которым...

— Отвали от нее, а то сожгу!

Парень машет горелкой перед лицом Мэттерна. Мэттерн делает внезапный шаг в сторону, и парень бросается на женщину. Она неловко отскакивает, но огонь прожигает ее одежду. Обнажается белое тело, перечеркнутое красной полосой. Женщина хватается за вздутый живот и падает, крича благим матом. Парень отталкивает Мэттерна и целится горелкой в бок женщины. Мэттерн пытается схватить его за плечи, но парень сильнее. Мэттерну удается только выкрутить ему руку с горелкой, и струя огня обугливает пол. Парень выпускает из рук горелку и с проклятиями бросается на Мэттерна, изо всех сил молотя его кулаками.

— На помощь! — кричит Мэттерн. — На помощь!

В коридор высыпает толпа школьников в возрасте от восьми до одиннадцати лет. Распевая гимн, они настигают безумца. Через минуту его уже почти не видно под подвижной массой тел, избивающей несчастного. К ним присоединяется подкрепление из соседних классов. Раздается вой сирены и пронзительный свисток.

— Полиция! Разойдись! — гремит из мегафона голос учителя.

Появляются четыре человека в мундирах и немедленно овладевают ситуацией. Раненая женщина лежит, издавая стоны, держась за обожженный бок. Безумец без сознания; у него выбит глаз и все лицо в крови.

— Что тут произошло? — спрашивает один из полицейских. — Кто вы такие?

— Чарльз Мэттерн, социопрограммист, 799-й этаж, Шанхай. Этот человек сошел с ума. Бросился на свою беременную жену с горелкой, а также напал на меня.

Полицейские пытаются поставить безумца на ноги, но у них ничего не получается. Старший полицейский, как шарманка, бубнит приговор:

— Обвиняемому в злодейском нападении на женщину в зрелом возрасте, носящую еще не рожденную жизнь, и в опасных антиобщественных тенденциях властью, данной мне, объявляю приговор ликвидации... привести в исполнение немедленно! В Спуск его!

Они удаляются, волоча за собой безумца. Появляются врачи, которые заботливо наклоняются над лежащей женщиной. Дети с песней на устах возвращаются в классы. Никанор Гортман потрясен. Мэттерн берет его под локоть.

— Все в порядке, — живо шепчет он. — Такие случаи иногда бывают. Однако шанс увидеть это — один на миллион! Очень нетипичный случай! Очень нетипичный...

Солнце заходит. Западный фасад соседней гонады блестит багряными полосами. Никанор Гортман сидит в тишине за обедом с семьей Мэттерна. Дети, один за другим, рассказывают, как провели в школе день. На экране появляются вечерние новости. Диктор вспоминает о несчастном происшествии на 108-м этаже.

— Раны оказались поверхностными, — говорит он. — Плод не пострадал.

— Благослови Бог, — шепчет Принсипесса.

После обеда Мэттерн заказывает в информтере экземпляр своей последней технической статьи и вручает его Гортману, чтобы тот мог ее прочитать в свободную минуту. Гортман благодарит.

— Похоже, что вы устали, — говорит Мэттерн.

— День был тяжелый, но очень интересный.

— Это было настоящее путешествие, не правда ли?

Мэттерн тоже устал. Они посетили почти 30 различных этажей; он показал Гортману городские советы, родильные дома, дома религиозных культов, конторы. Завтра их ждет еще более долгая экспедиция. Городская гонада 116 является обществом сложным и дифференцированным. И очень счастливым, мысленно утверждает он. Иногда случаются мелкие инциденты, однако мы счастливы. Дети идут спать, нежно целуя на прощанье мамусю, папочку и гостя. Они бегут к своим кроваткам — маленькие, голенькие, симпатичные домовые. Свет автоматически убывает.

Мэттерн подавлен. Происшествие на 108-м этаже испортило ему так удачно начавшийся день. Несмотря на это, он уверен, что ему удалось показать Гортману внутреннюю гармонию и спаянность жизни гонады. А сейчас он позволит испытать гостю один из методов минимализации межчеловеческих конфликтов, таких разрушительных для гонадского общества. Мэттерн встает.

— Наступило время ночных прогулок, — объясняет он. — Я ухожу. А вы останетесь здесь... с Принсипессой.

Он отдает себе отчет, что в такой ситуации гость почувствует хоть немного обособленности. Гортман же немного смущен.

— К делу, — говорит Мэттерн. — Наслаждайтесь. Здесь никто никому не отказывает в праве на счастье. Истребляем эгоистов в зародыше. Пожалуйста! Что мое, то твое! Ты согласна со мной, Принсипесса?

— Конечно, — отвечает жена.

Мэттерн выходит из комнаты, быстро идет по коридору, входит в лифт и спускается на 770-й этаж. Когда он выходит из лифта,

он слышит какие-то гневные крики и цепенеет в боязни, что снова впутается в какую-нибудь паскудную историю, но, к счастью, никто не появляется. Он идет дальше. Он проходит мимо черных дверей Спуска и внезапно ловит себя на том, где он сейчас находится. И тут же, без предупреждения, из уголков памяти выплывает лицо его старшего брата Джефри, недовольного злодея и эгоиста, который полетел вниз, в этот самый Спуск; Джефри, того самого, который не хотел приспособиться и которого нужно было бросить в Спуск. Мэттерну делается дурно, и он в смятении хватается за первую попавшуюся ручку двери, чтобы не упасть.

Дверь открывается. Мэттерн входит. Он еще никогда не блудил на этом этаже. В кроватках спят пятеро детей, на платформе мужчина и женщина — оба младше Мэттерна. Мэттерн раздевается и ложится рядом с женщиной. Он трогает ее ляжки, потом груди. Женщина открывает глаза, и Мэттерн говорит:

— Привет. Я Чарльз Мэттерн с 799-го этажа.

— Гина Бурка, — отвечает молодая женщина. — А это мой муж, Ленни.

Ленни просыпается, замечает Мэттерна, кивает головой, поворачивается на другой бок и снова засыпает. Мэттерн дрожит от охватившего его желания и стонет от наслаждения в ту минуту, когда он полностью входит в нее. «Благослови Бог», — думает он. Это был поистине счастливый день в 2381 году. И вот он уже кончился.

Атависты

Джесон Квиведо живет в Шанхае, в самом низу. Его квартира на 761-м этаже, а следующий — 760-й этаж — уже в Чикаго, в котором не пристало жить ученому. Его жена Микаэла часто выговаривает ему, что их скромное положение в Шанхае — прямое отражение качества его работы. Микаэла из тех жен, которые часто высказываются подобным образом.

Большую часть рабочего времени Джесон проводит в Питтсбурге, где сосредоточены архивы. Он — историк, и ему приходится рыться в документах и записях. Ведет он свои исследования в холодной маленькой каморке на 185-м этаже гонады почти в центре Питтсбурга. Правда, у него вовсе не было нужды работать там, так как все, что имелось в архивах, легко могло бы быть доставлено информтером в его собственную квартиру. Но он считал, что иметь кабинет, где он может регистрировать, систематизировать и хранить необходимые материалы, — дело профессионального престижа. Он так и сказал, когда ему пришлось нажать на нужные пружины, чтобы добиться выделения ему кабинета: «Восстановление предыдущих эпох — деликатная и сложная задача, которая должна выполняться в соответствующих условиях, иначе...»

Истина же заключалась в том, что, если бы он не спасался ежедневно от Микаэлы и пятерых малышей, то он бы просто не выдержал. Накопляющееся расстройство и унижение могло бы заставить его совершить антиобщественные поступки, а, может быть, даже и насилие. Он понимал, что антиобщественной личности в гонаде места нет. Если под одной и той же крышей живет свыше восьмисот тысяч людей, то необходима абсолютная общественная гармония. Он понимал, что, если он выйдет из себя, то его просто бросят в Спуск и превратят в энергию. Поэтому он был осторожен.

Джесон — мужчина низкого роста со светло-зелеными глазами, редеющими русыми волосами и приятной речью.

— Твоя скромная внешность обманчива, — сказала ему прошлым летом восхитительная Мэймлон Клавер, — такие, как ты,

подобны спящему вулкану. Вы взрываетесь внезапно, страстно и изумительно.

Он полагает, что она, весьма вероятно, права, и очень опасается оказаться в такой ситуации. Он безнадежно влюблен в Мэймлон по меньшей мере последние три года, и уж, наверняка, с той прошлогодней ночной пирушки. Но он никак не осмеливается тронуть ее. Муж Мэймлон — знаменитый Сигмунд Клавер, который, хотя ему еще нет и пятнадцати, всеми признан, как один из будущих городских лидеров. Джесон не боялся, что Сигмунд будет против. В гонаде, естественно, ни один мужчина не имел права прятать свою жену ни от кого, кто бы ни пожелал ее. Не боялся Джесон и того, что могла бы сказать Микаэла. Он знает свои права. Просто он боялся Мэймлон. И вероятнее всего, себя.

«Только для справок. Городские половые излишества. Всеобщая половая доступность.

Уменьшение собственнических браков, конец концепции нарушения супружеской верности. Ночные блудники: когда их права стали впервые общественно узаконенными? Половая жизнь как панацея. Половая жизнь как компенсация за ухудшившееся качество жизни в городских условиях.

Вопрос: действительно ухудшилось качество жизни с победой городской системы?

(Осторожно! Берегись Спуска!) Разделение половой жизни и производства потомства. Значение максимального обмена партнерами в сверхплотной цивилизации.

Проблема: находится ли сейчас что-либо под запретом и что именно? Проверить табу на межгородскую проституцию. Как сильна? Как широко наблюдается? Проконтролировать эффект всеобщей доступности в современной литературе. Утрата драматического напряжения? Эрозия источников глубоких конфликтов?

Вопрос. Являются ли нравы городской структуры аморальными, постморальными или безнравственными?»

Такие заметки Джесон записывает на диктофон, когда бы и где бы они ни пришли ему в голову. А эти именно мысли пришли к нему во время ночной блудной прогулки на 155-м этаже в Токио. Он лежал с молодой коренастой брюнеткой по имени Гретль, когда у него возник ряд идей. Несколько минут он ласкал ее, и она, страстно задышав, прониклась желанием; таз ее закачался вверх и вниз, глаза сузились и превратились в темные щелочки.

«Извини, — сказал он тогда и потянулся за микрофоном через ее бурно трепещущие груди. — Я должен кое-что записать». Подключив микрофон к вводу квартирного информтера, он нажал кнопку, включения устройства для записи в его исследовательском

кабинете в Питтсбурге. Затем, быстро шевеля губами и хмурясь, стал наговаривать свои заметки.

Он часто ходит блудить, но только не в районе Шанхая. Джесону хватает смелости дерзко пренебрегать традицией: во время своих ночных блужданий каждый должен оставаться вблизи своего дома. Никто не накажет его за такое чуждое условностей поведение, поскольку это всего лишь нарушение общепринятых обычаев, но не городских законов. Никто даже не осудит его открыто. Тем не менее это дает ему легкое трепетное ощущение запретного. Свою привычку Джесон оправдывает сам перед собой тем, что якобы для него предпочтительнее смешанное культурное обогащение, получаемое им от сношений с женщинами других районов. Втайне же он подозревает, что ему просто неловко спутываться со знакомой женщиной, например такой, как Мэймлон Клавер.

В свои блудные ночи он садится в лифт далеко в глубинах здания, чтобы попасть в такие города, как Питтсбург или Токио, в грязную Прагу или в неряшливый Рейкьявик. Он толкает чужие двери, не имеющие в соответствии с законом запоров, и ложится в постели незнакомых женщин, пахнущих кухней. По закону они обязаны отдаваться ему беспрекословно. «Я из Шанхая», — говорит он им, и они —«О-оо!» — впадают в благоговение, а он кровожадно и презрительно набрасывается на них, пыжась от сознания собственного превосходства, питаемого кодексом общественных различий.

Грудастая Гретль терпеливо дожидается, когда он, Джесон, закончит наконец свои занятия и снова приникнет к ней. Муж ее, накачавшись какой-то местной алкогольной бурды или, возможно, даже наркотика, лежит на дальнем краю постели ничком, игнорируя жену и Джесона. Большие темные глаза Гретль сияют от восторга. «Вы, шанхайские парни, умеете кружить головы», — говорит она, и они стремительно отдаются друг другу в обоюдном неистовом порыве.

Домой он возвращается поздно. В тусклых коридорах мелькают призрачные тени — это другие жители Шанхая, возвращающиеся с блудных туров. Он входит в свою квартиру. У него 45 кв. метров жилого пространства, не слишком много для семерых: муж с женой и пятеро детей. Но Джесон не жалуется. Слава богу, каждый берет то, что ему дают, — у других и того меньше.

Микаэла спит или притворяется спящей. Это — длинноногая смуглая женщина двадцати трех лет, все еще привлекательная, хотя на ее лице начинают появляться морщинки — слишком много хмурится. Она лежит полураскрывшись, ее длинные блестящие волосы беспорядочно разбросаны вокруг головы. Груди у нее малы, но совершенны; мимоходом Джесон сравнивает их с выменем Гретль из Токио. Он женат на Микаэле уже девять лет. Когда-то

он сильно любил ее, пока не обнаружил на дне ее души нерастворимый осадок мучительной сварливости.

Микаэла улыбается про себя и сонным движением отбрасывает волосы с лица. У нее вид женщины, которая только что получила предельно удовлетворяющее половое наслаждение.

Джесон понятия не имеет, навещал ли ее в его отсутствие какой-нибудь блудник, но он, разумеется, не имеет права спрашивать ее об этом. («Поискать доказательства? Пятна на постели? Следы на ляжках? Не будь варваром!») Он знает: даже если к ней никто не приходил сегодня ночью, она постарается создать впечатление, что кто-то был, а если кто-либо приходил и дал ей только умеренное удовольствие, она, несмотря на это, будет улыбаться так, словно побывала в объятиях Зевса. Он знает повадки своей жены.

Дети выглядят умиротворенными. Им от 2-х до 8-и лет. Скоро они с Микаэлой обзаведутся еще одним. Пять малышей — прекрасно для семьи, но Джесон свои обязанности на алтаре жизни видит в творении жизни. Когда кто-то перестает расти, он начинает умирать; это суть человеческого существования, а также популяции городского гиганта, констеляции городов, континента и, наконец, мира. Бог есть жизнь, а жизнь есть Бог.

Он ложится рядом с женой и засыпает.

Ему снится, что Микаэлу приговорили к Спуску за антиобщественное поведение. Ее бросают в Спуск. Мэймлон Клавер выражает ему свое соболезнование. «Бедный Джесон», — шепчет она. У нее прохладная белая кожа, тонкие черты лица; от нее исходит аромат мускуса; она полна самообладания. Ей еще нет семнадцати лет, как же она может быть так недосягаемо совершенна? «Помоги мне избавиться от Сигмунда, и мы будем принадлежать друг другу», — говорит она. Глаза у нее яркие, озорные, побуждающие его стать ее избранником. «Джесон... — шепчет она, — Джесон, Джесон, Джесон...» В ее голосе нежность, она ласкает его тело...

Весь в поту, дрожа от ужаса, Джесон просыпается, едва не впав в непотребный экстаз. Он садится и прибегает к одному из способов покаяния за непристойные мысли.

«Боже мой! — думает он. — Боже мой, боже мой, боже мой! Я не хотел этого. Это все мое подсознание. Мое чудовищное подсознание, освобожденное от оков». Он заканчивает психологическое упражнение и ложится снова. На этот раз он видит безобидные сны.

Утром мальчики стремглав убегают в школу, а Джесон готовится идти в свою лабораторию.

Вдруг Микаэла замечает:

— Разве это не знаменательно, что ты, когда идешь на работу, спускаешься вниз, а Сигмунд Клавер подымается наверх в Луисвилль?

— Господи, что ты хочешь этим сказать?

— Я вижу в этом символическое значение.

— Символический мусор. Сигмунд — городской администратор, и он сидит там, где все администраторы. Я же — историк и спускаюсь к историкам. Ясно?

— Разве тебе не хотелось бы переехать в Луисвилль?

— Нет.

— Равве у тебя нет самолюбия?

— Разве нам плохо здесь? — спрашивает Джесон, едва сдерживаясь.

— Почему Сигмунд сделал карьеру уже в 14 или 15 лет, а тебе уже 26, а ты все еще только многообещающий?

— Сигмунд честолюбив, — спокойно отвечает Джесон, — а я нет. Возможно, это наследственное. Сигмунд выслуживается и выигрывает. Большинство же людей не таково. Выслуживание выхолащивает, Микаэла. Выслуживание примитивно. Помилуй бог, что плохого в моей карьере? Что плохого в том, что живем в Шанхае?

— Одним этажом ниже, и мы жили бы в ...

— В Чикаго. Могу я, наконец, идти?

Он покидает дом. Как знать, не должен ли он направить Микаэлу в Успокоительное ведомство для психопригонки к реальности. Уж очень тревожно опустился ее порог «возражение-одобрение», а уровень «надежды» беспокойно возрастает. Джесон прекрасно отдает себе отчет, что с такими симптомами следует бороться сразу, пока они не вышли из-под контроля и не привели к антиобщественному поведению и дематериализации в Спуске. Наверное, Микаэла нуждается в услугах нравственных инженеров. Но он отбрасывает мысль о вызове работника Успокоительного ведомства.

— Мне почему-то не нравится мысль о том, что кто-то станет копаться в психике моей жены, — ханжески произносит он, а насмешливый внутренний голос подсказывает ему, что он не принимает мер к Микаэле потому, что тайно желает видеть, как она станет настолько антиобщественной, что ее вынуждены будут сбросить в Спуск.

Он входит в лифт и заказывает 185-й этаж. В Питтсбург. В состоянии невесомости он пролетает сквозь города, образующие гонаду 116: Чикаго, Эдинбург, Найроби, Коломбо...

Сорок этажей составляют один город. Двадцать пять городов гонады 116 заключают в себе последовательные слои громадного сверх города — башни из сверхнапряженного бетона трехкилометровой высоты, самостоятельной единицы, заселенной более чем восемьюстами тысячами человеческих существ. В большинстве городов гонады от тридцати до сорока тысяч людей, но есть и исключения. Луисвилль — фешенебельное местопребывание городских администраторов — заселен редко; роскошь является компенса-

цией, предоставляемой администраторам за должностные тяготы. Рейкьявик, Варшава и Прага — три придонных города, где живет обслуживающий персонал и простые разнорабочие, — перенаселены; теснота там считается выгодной. Все продумано с учетом максимальной пользы.

Гонада 116 выглядит примерно так: ее центральный обслуживающий сердечник обеспечивает свет, свежий воздух, тепло, холод и т.п. Большая часть пищеприготовительных работ возложена на централизованные кухни. На глубине четырехсот метров под земной поверхностью находятся вспомогательные службы: мусорные прессы, фабрики для переработки отбросов, градирня, силовые генераторы и все остальное, без чего невозможна жизнь гонады. Пища — единственное, что поступает извне, из сельскохозяйственных общин, расположенных за пределами городской зоны. Здание, в котором живет Джесон, является одним из более чем пятидесяти идентичных сооружений, составляющих Чиппитскую констеляцию, население которой в этом, 2382-м году достигло 41 миллиона. В мире много таких городских объединений: Бошвош, Сэнсен, Шанконг, Бокарас, Вайнбад, а общая численность человеческого населения Земли перевалила за 75 миллиардов. Благодаря новой, вертикальной, компоновке городских жилых массивов остается вполне достаточно земли для удовлетворения потребности в продовольствии большого количества людей.

По мере того как лифт спускается вниз, Джесон чувствует успокоительную надежность здания вокруг него. Гонада — его мир. Он никогда не бывал за ее пределами. Да и зачем? Его семья, его друзья, вся его жизнь здесь, в городе. Его город располагает театрами, стадионами, школами, больницами, молитвенными домами. Его информтер дает ему доступ к любым произведениям искусства, которые считаются благотворными для человеческой психики. Насколько ему известно, никто не покидал здания, за исключением тех, кому по жребию выпало переселиться в новую, несколько месяцев назад открывшуюся гонаду 158 и кто, конечно, никогда уже не вернется обратно. Существует, правда, молва, что городские администраторы ездят по делам из здания в здание, но Джесон далеко не уверен в том, что это действительно так, он не видит нужды в таких путешествиях. Разве не существует систем дальней связи, соединяющих гонады и способных передать всю относящуюся к делу информацию?

Это великолепная система. Как историк, имеющий привилегию пользоваться записями догонадской эпохи, он лучше, чем другие, понимает, как она совершенна. Он представляет себе хаос, царящий в прошлом. Ужасающую свободу — отвратительную необходимость делать выбор. Небезопасность. Беспорядок. Отсутствие плана. Бесформенность содержания, смысла жизни.

Джесон достигает 185-го этажа и проходит по сонным коридорам Питтсбурга в свой кабинет. Скромная комнатенка, но он любит ее. Блестящие стены, фреска над его столом. Необходимые «инфо» и экраны.

На столе лежат пять маленьких сверкающих кубиков, каждый из которых вмещает содержимое нескольких библиотек. Вот уже два года он работает с этими кубиками. Его тема — «Гонада как социальная эволюция; характеристики нравов, определяемых общественной структурой». Он пытается показать, что переход к гонадскому обществу вызвал фундаментальные преобразования человеческой психики. Во всяком случае, психики западного человека, который приобрел азиатские черты характера, тогда как прежде агрессивные индивидуумы приспособились к требованиям новой среды. Заметен более мягкий, более покорный характер ответных реакций на события; отказ от старой экспансионистски-индивидуальной, как-бы отмеченной территориальным честолюбием философии, от захватнического склада ума и инициаторства и переход к общественному экспансионизму, выражающемуся в методичном и неограниченном возрастании численности человеческой расы. В некотором смысле произошла определенно психическая эволюция — сдвиг к приятному, к жизни человеческого муравейника. Недовольные такой системой выродились поколения назад. А мы, те, кто избежал Спуска, приняли неумолимость системы. Да! Да!

Джесон полагает, что он открыл значительное явление. Когда же он рассказал о своей теме Микаэле, та отнеслась к ней пренебрежительно.

— Значит, ты собираешься написать целую ученую книгу о том, что люди, живущие в разных городах, различны? Что поведение гонадских людей отличается от поведения жителей джунглей? Я бы смогла доказать это в шести предложениях!

Не слишком много энтузиазма проявили и его коллеги, когда он предложил тему на служебном совещании, хотя он и приложил много сил, чтобы устранить препятствия.

Его сверх задача — так вжиться в изображение прошлого, чтобы по мере возможности самому превратиться в жителя догонадского общества. Он рассчитывает, что это даст ему существенный параллакс — перспективную точку зрения на его собственное общество, которая пригодится ему тогда, когда он начнет писать свой труд. Он предполагает начать писать через 2-3 года.

Джесон просматривает памятные записки и выбирает кубик. Нечто вроде экстаза пронизывает его, когда материализуются сцены древнего мира. Он наклоняется к микрофону и начинает диктовать. Попутно Джесон Квиведо делает заметки для использования их в дальнейшей работе.

«Дома и улицы. Горизонтальный мир. Индивидуальные семейные ячейки-убежища: «мой дом — моя крепость». Фантастика! Три человека, занимающие не менее тысячи кв. метров поверхности. Дороги. Нам трудно понять идею дорог. Они похожи на разветвляющиеся коридоры. Частные экипажи. Куда они все мчатся? Зачем так быстро? Почему они не остаются дома? А вот столкновение! Кровь. Голова пробивает стекло. Вот снова столкновение! Врезался в толпу. Темная горячая жидкость течет по мостовой. Разгар дня, весна, большой город. Уличные сцены. Какой это город? Чикаго? Нью-Йорк? Стамбул? Каир? Люди, идущие по о т к р ы т о м у пространству. Мощеные улицы для пешеходов, для машин. Грязь. Наложим градуировочную решетку: в одном этом секторе, в полосе 8 м ширины и 80 м длины, — 10000 пешеходов. Локоть к локтю. Проверим еще раз все точно. И они думали, что наш мир будет перенаселен? Мы, по крайней мере, не сидим друг у друга на голове. Мы-то знаем, как поддерживать дистанции во всей структуре гонадской жизни. Экипажи движутся посреди улиц. Добрый старый хаос. Главное стремление — приобретение товаров. Частное потребление. А вот интерьер магазина. Обмен денег на товары. Нуждались ли они в том, что приобретали? Куда они девали все это?

Этот кубик не содержит ничего для него нового. Джесон видел такие сцены и раньше. Даже более впечатляющие. Джесон весь напряжен, пот льет с него ручьями, в то время как он старается изо всех сил постичь мир, в котором люди могут жить там, где пожелают, где они передвигаются пешком или в экипажах по открытым пространствам, где нет ни планирования, ни порядка, ни ограничений. Ему приходится дважды преобразовывать свое воображение: ему необходимо увидеть этот исчезнувший мир изнутри, как если бы он жил в нем, а затем он должен попытаться увидеть гонадское общество таким, каким оно должно было бы видеться кому-то, перенесенному прямо из XX века. Сложность задачи приводит его в уныние. В общих чертах он представляет себе, как чувствовали бы себя древние в гонаде 116. Они сказали бы, что это — кошмарное место, где люди живут в ужасной тесноте растительной жизнью; где цивилизованная философия поставлена с ног на голову; где невероятно поощряется размножение во славу божества, требующего все новых и новых почитателей; где безжалостно подавляются разногласия, а недовольные беспощадно уничтожаются. Джесон знает расхожие фразы и лексикон интеллигентного либерального американца, которые были в употреблении, скажем, в 1958 году. Но ему мешает его внутренний настрой. Он пытается предста-

вить свой собственный мир как воплощение ада и недостатков. Но для него гонада вовсе не ад. Джесон знает, почему из старого горизонтального мира развилось вертикальное общество и почему оно затем стало отторгать, предпочтительно до повзросления, не давая им размножаться, всех тех, кто не хотел или не мог приспособиться к новому порядку. Как можно было позволить смутьянам оставаться в компактной и интимной, заботливо сбалансированной структуре гонады! Он знает, что появление нового типа существ стало возможным благодаря сбрасыванию болтунов в спуск и селекционному размножению в течение двух веков. Разве не существует теперь «хомо гонадус» — спокойный, приспособленный, полностью удовлетворенный человек?

Все эти вопросы он предполагает интенсивно исследовать, прежде чем написать книгу. Но это так трудно, так бесконечно трудно уловить их нюансы с позиций древнего человека!

Джесон старается уразуметь шумиху, поднятую в древнем мире по поводу перенаселенности. Он проработал множество архивных материалов, направленных против беспорядочного человеческого размножения, множество сердитых статей, написанных во времена, когда мир населяло менее 4-х миллиардов человек. Конечно, он понимает, что человечество могло бы быстро заполнить всю планету, если бы продолжало жить, распространяясь, как раньше, горизонтально. Но почему же они были так встревожены будущим? Не могли же они не видеть преимуществ вертикального образа жизни!

«Нет, нет! Это только кажется, — говорит он сам себе. — Они не видели этих возможностей. Вместо этого они говорили об ограничении рождаемости, если необходимо, принудительном — для того, чтобы удержать популяцию на одном уровне!»

Джесон встряхивает головой.

«Разве вы не видели, — обращается он к кубикам, — что таких ограничений мог добиться только тоталитарный режим? Вы скажете, что у нас репрессивное общество. Но какое общество построили бы вы, если бы не развивались гонады?»

Голос древнего человека отвечает:

«Мы бы скорее предпочли ограничение рождаемости и полную свободу в других отношениях. Вы же оставили свободу размножения, но это стоило вам всех других свобод. Разве вы не видите?..»

«Это вы не видите, — возражает Джесон, — что общество должно поддерживать свой импульс, используя возможности богом данного плодородия. Мы нашли способ обеспечить каждого на Земле жильем, содержать популяцию в десять, а то и двадцать раз большую той, которую вы считали максимальной. Но вы же видите в этом только подавление личности и авторитарность. Ну, а как быть с биллионами жизней, которые никогда бы не появились на

свет при вашей системе? Разве это не ультимативное подавление, не запрет на жизнь?»

«А нравственно ли это — позволять им существовать, если самое лучшее, на что они могут рассчитывать, — это коробочка в коробке? Без учета качества жизни?»

«Я не вижу дефектов в качестве нашей жизни. Мы видим осуществление желаний во взаимодействии человеческой среды. Зачем мне ехать в Китай или в Африку ради удовольствий, если я могу их найти в пределах одного здания? Разве это не признак внутренней перестройки, победы над всеобщей неодолимой тягой к странствиям? В ваши дни путешествовали все, а в мои — никто. Так какое же общество стабильнее? Какое счастливее?»

«А какое более гуманно? Какое эксплуатирует человеческий потенциал более полно? Разве не в нашей природе — искать, бороться, добиваться?»

«А внутренние поиски? Исследование внутренней жизни?»

«Разве вы не видите?..»

«Нет, это вы не видите...»

«Если бы только вы услышали...»

«Если бы вы услышали...»

Но Джесон не видит. Не видит и представитель древних людей. И никто из них не услышит: между ними нет контакта. Еще один унылый день теряет Джесон, борясь со своим неподатливым материалом. Когда он уже собирается уходить, он вспоминает о заметках, сделанных прошлой ночью. В новых попытках вторгнуться внутрь исчезнувшего общества он изучит древние половые отношения.

Джесон выключает свои аппараты. Кубики будут ждать его на столе, когда он завтра вернется в свой кабинет.

Он возвращается домой, к Микаэле.

2

В этот вечер у Квиведо гости: Майкл — брат-близнец Микаэлы, и его жена Стэсин. Майкл — программист, он и Стэсин живут в Эдинбурге — на 704-м этаже. Джесон считает эту компанию очаровательной, хотя изумительное внешнее сходство между шурином и женой, которое он однажды обнаружил, теперь тревожит и волнует его. Майкл любит носить волосы до плеч, и он всего на один сантиметр выше своей высокой и стройной сестры. Они, конечно, только двойняшки, но тем не менее черты их фактически идентичны. Они даже хмурятся или раздражающе ухмыляются в одни и те же моменты времени. Джесону трудно различить их со спины порознь, пока они не встанут рядом. Стоят они одинаково, подбо-

ченясь, откинув голову назад. А так как у Микаэлы грудь невысокая, то существует возможность спутать их и в профиль и даже в анфас. Если б у Майкла хотя бы выросла борода! Но щеки у него гладкие.

Сейчас Джесон снова чувствует половое влечение к шурину. Это — естественное тяготение, учитывая физическое воздействие, которое Микаэла всегда оказывает на мужа. Глядя через всю комнату на стоящую к нему в полоборота Микаэлу, на ее обнаженную гладкую спину, на маленькое полушарие груди, появляющееся под ее рукой, когда она протягивает ее к нише информтера, он испытывает настоятельную необходимость подойти к ней и приласкать ее.

«А если бы это был Майкл? А если бы он, ведя по ее груди, обнаружил бы, что она ровная и твердая? А если бы они упали вместе в страстном сплетении и его рука, скользящая по бедрам Микаэлы, обнаружила бы не возбужденную скрытую щель, а свободно свисающую мужскую плоть? Перевернуть ее.. его? Раздвинуть белые мускулистые ягодицы?..» Воображение у Джесона разыгрывается. Только в легкомысленные и грубоватые дни отрочества он был неразборчив на половые контакты, в том числе и со своим полом. Нет, нет, он не позволит себе этого! В гонаде, где все половые связи равно доступны, наказаний, естественно, за такие вещи не предусмотрено. Многие это делают. И по всему, видно, Майкл тоже. Если Джесон захочет Майкла, ему нужно всего лишь об этом попросить. Отказывать — грех. Но он не попросит. Джесон борется изо всех сил с искушением.

«Нехорошо, что мужчина так сильно похож на мою жену. Дьявольское наваждение. Почему же я, однако, ему сопротивляюсь? Если я его хочу, то почему бы не взять? Но нет. Если бы я в самом деле его хотел... Нет, это необъяснимая тяга — лишь побочное проявление тяги к жене».

Но фантазия вновь разыгрывается... Он и Майкл в страстном сплетении: полураскрытые и прижатые друг к другу рты... Видение так ярко, что Джесон порывисто встает, опрокинув при этом фляжку вина, принесенную Стэсин, и в то время, как Стэсин ловким движением подхватывает фляжку, он пересекает комнату, ошеломленный натужной выпрямленностью, остро выпучившей его облегающие зеленый с золотом шорты. Он подходит к Микаэле и ладонью захватывает одну из ее грудей. Сосок мягкий. Он прижимается к Микаэле, покусывая ее шею. Микаэла равнодушно принимает эти знаки внимания, не прекращая программировать обед. Но когда, все еще в безрассудстве, он просовывает левую руку в корсаж ее саронга и пробегает по ее животу к чреслам, она недовольно передергивает бедрами и сердито шепчет:

— Прекрати! Не при гостях же...

В исступлении он отыскивает ароматические курения и пред-

лагает их всем. Стэсин отказывается — она беременна. Пухленькая, приятная рыжеволосая девочка, благодушная и легкомысленная...

Джесон глубоко затягивается и чувствует внутреннее облегчение. Сейчас он уже может взглянуть на Майкла, не рискуя стать жертвой неестественного влечения. Но грешные мысли еще не покинули его.

«Подозревает ли Майкл что-нибудь? Интересно, как бы он прореагировал, а может, посмеялся, если бы я рассказал ему? Оскорбился? Рассердился бы на меня за это желание? Или рассердился бы зато, что я не осуществил его? А если бы он попросил меня отдаться, что сделал бы я?»

Джесон затягивается еще раз, и рой жужжащих мыслей рассеивается.

— Когда ожидаете маленького? — с притворной сердечностью спрашивает он.

— Слава богу, через четырнадцать недель, — говорит Майкл. — Это пятый, на этот раз девочка.

— Мы назовем ее Целестой, — вставляет Стэсин, шлепая себя по талии. На ней материнский костюм — короткая желтая безрукавка — болеро и просторный поясной корсаж, оставляющий ее вздутый живот обнаженным. Глубоко сидящий пупок похож на черенок разросшегося плода. Молочно-белые груди свободно колышутся, то показываясь, то скрываясь под распахнутой безрукавкой.

— Мы подумаем о том, чтобы на следующий год завести двойню, — добавляет она, — мальчика и девочку. Майкл часто мне рассказывал о том, как чудесно проводили они время с Микаэлой, когда были молоды. Будто мир специально создан для близнецов.

Ее слова захватывают Джесона врасплох, им снова овладевает волнующая фантазия. Он видит раскинутые ноги Микаэлы, высовывающиеся из-под лежащего, порывисто качающегося тела Майкла; видит ее детское исступленное личико, выглядывающее из-за его движущихся плеч.

Они чудесно проводили время. Майкл — первый, кто познал ее. Может быть, в девять или десять лет. А может быть, и раньше... Воображение рисует картины их неловких экспериментов. «В другой раз я залезу на тебя Майкл... О... О-оооо! Так гораздо глубже... Ты думаешь, что мы делаем это не так?.. Ну, давай попробуем по-другому. Положи руку сюда... Поцелуй меня еще. Вот так... Ой, больно! О-о!.. Вот так... чудесно... Пусть так... пусть так... еще немножко... еще... о-оооооо!..

Да, они чудесно проводили время.

— В чем дело, Джесон? — доносится до него голос Микаэлы. — Ты выглядишь, как пьяный.

Усилием воли Джесон заставляет себя выйти из транса. Дрожат руки. Еще одну затяжку. Не часто он выкуривает по три штуки до обеда.

Стэсин идет помочь Микаэле выгрузить еду из подающего шлюза. Майкл обращается к Джесону:

— Я слышал, ты начал новое исследование. Какова его основная тема?

«Вот оно! Он догадывается, что я чувствую себя неловко. Вытаскивает меня из болезненных размышлений...»

— Я исследую идею, что жизнь гонады порождает новый тип человеческих существ, — отвечает Джесон. — Тип существ, который с готовностью приспосабливается к относительно малому жизненному пространству и низкой частной квоте материальных благ.

— Ты имеешь в виду генетическую мутацию? — хмуро спрашивает Майкл. — Унаследованные социальные характеристики?

— Я полагаю, так.

— Но можно ли назвать это генетической характеристикой, если люди добровольно решают сгруппироваться вместе — в общество, подобно нашему, и...

— Добровольно ли?

— А разве нет?

— Я сомневаюсь в этом, — улыбается Джесон. — Видишь ли, сначала это был вопрос необходимости. Из-за хаоса в мире. Было необходимо изолироваться в своем здании, чтобы не подвергаться опасности стать добычей. Я говорю о голодных годах. А с той поры, как все стабилизировалось, было ли это так уж добровольно? Есть ли у тебя выбор где жить?

— Мне кажется, что мы бы смогли выбраться отсюда, если бы действительно этого захотели, — говорил Майкл, — и жить там, куда бы никто не добрался.

— Нет, не можем. Это — безнадежная фантазия. Мы — здесь, нравится нам это или нет. А с теми, кому не нравится, с теми, кто не может примириться с этим... ты знаешь, как с ними поступают.

— Но...

— Погоди. Два века селекционного отбора, Майкл. За дерзновение — в Спуск. Те, что остаются, приспосабливаются к обстоятельствам. Им нравится образ жизни гонады, он им кажется вполне естественным.

— И все же мне кажется, что это не генетика. Нельзя ли это назвать просто психологической приспособляемостью? В азиатских странах люди живут хоть и не так кучно, как мы, но бывает и похуже нас — без санитарии, без религии. Но они тоже считают это естественным порядком вещей.

— Конечно, — говорит Джесон, — ведь их протест против естественного порядка вещей иссяк у них еще тысячи лет назад. Они преобразовались и стали принимать вещи такими, какие они есть. То же самое у нас.

— Как можно, — с сомнением говорит Майкл, — сравнивать психологическое приспособление и длительный естественный отбор? Как ты определишь, что к чему?

— Я еще не решил эту проблему, — делает уступку Джесон.

— Не поработать ли тебе у генетиков?

— Возможно, позже, после того, как определится характер моих исследований. Видишь ли, я еще не готов защищать этот тезис. Я пока лишь собираю данные для того, чтобы узнать, можно ли его защищать. Научный метод. Мы не принимаем предположение априори, а ищем опровергающие факты. Факты подлежат проверке, а потом...

— Да, да, я знаю. Только, между нами, ты в самом деле думаешь, что это так и было? Что именно так образовалась гонадская раса?

— Я? Да. Два века направленного отбора, безжалостно претворенного в жизнь, сделали свое дело. И все же мы теперь здорово приспособлены к этому образу жизни.

— О, да! Все мы здорово приспособлены...

— За некоторыми исключениями, — примирительно говорит Джесон. Он и Майкл обмениваются настороженными взглядами. Джесону интересно, какие мысли скрываются за холодными глазами его шурина. — Однако мы все его одобряем. Куда девалась старая экспансионистская западная философия? Я говорю — выродилась. А жажда власти? А любовь к завоеваниям? А голод по земле и имуществу? Я отвечаю: исчезла, исчезла, исчезла. Не думаю, что это только процесс приспособления. Я предполагаю, что раса лишилась определенных генов, которые вызывают...

— Обедать, профессор! — зовет Микаэла.

Она приготовила роскошный пир. Протеиновые бифштексы, салат из корнеплодов, пышный пудинг, соусы, рыбный суп. Ничего рекомбинированного или хотя бы отчасти синтетического. В последующие две недели они с Микаэлой сядут на урезанный рацион, пока не перекроют дефицит в своем бюджете. Джесон прячет раздражение. Майкл всегда обильно ест, когда приходит сюда. Джесон это отмечает, тем более что Микаэла не слишком-то заботится об остальных семи своих братьях и сестрах, лишь изредка приглашая двоих-троих из них. А Майкл бывает здесь по меньшей мере пять раз в году, и всегда для него готовится пиршество. Подозрения Джесона просыпаются вновь. «Не происходит ли между ними что-то тайное? Не тлеет ли до сих пор страстное детское увлечение? Допустим, что совокупление двенадцатилетних близнецов довольно

пикантно, но следует ли им продолжать это теперь, когда им по двадцать три и они уже женаты? Майкл — любовник в моей постели?» Джесон злится на самого себя. Мало того что он измучен своим идиотским гомосексуальным влечением к Майклу, так теперь он мучает себя видениями кровосмесительных «занятий» за своей спиной, отравляющими часы его отдыха.

«А если они и совокупляются? Ничего общественно предосудительного в этом нет. Ищите наслаждение, где хотите. И в «щелке» своей сестры тоже, если уж так свербит. Нет! Пусть Микаэла будет доступна всем мужчинам гонады 116, лишь бы только не несчастному Майклу! Пусть его половой член станет таким, чтобы она не чувствовала его надлежаще. Ах! Будь реалистом, — говорит сам себе Джесон. — Кровосмесительные запреты имеют смысл там, где не действует естественный отбор. Кстати, может быть, они и не совокуплялись никогда...» Он удивляется тому, сколько непристойности проросло в его душе за последнее время. «Это из-за трений в жизни с Микаэлой, — решает от, — ее холодность понуждает меня применять всякие неудовлетворяющие позы. Вот сука! Если она не перестанет раздражать меня, я... А что я? Разве, что совратить Майкла и отбить его у нее?»

Он смеется над сложностью собственных планов.

— Что-то забавное? — спрашивает его Микаэла. — Поделись с нами, Джесон.

Он растерянно вскидывает глаза: что бы такое ей ответить?

— Глупая мысль, — импровизирует он, — о тебе и о Майкле, о том, как вы похожи друг на друга. Я подумал, а что, если бы вы поменялись комнатами и пришел бы к тебе блудник. Вот он забирается к тебе под одеяло и обнаруживает, что лежит с мужчиной, и... — Джесон умолкает, пораженный ошеломляющей бессмысленностью сказанного.

— Какая странная фантазия! — говорит Микаэла.

— Ну и что? — подхватывает Стэсин. — Наверное, блудник немножко удивится, а затем, должно быть, продолжит и совокупится с Майклом. Не так ли? Ведь это лучше, чем устраивать скандал или тащиться еще куда-то. Что же здесь такого?

— Забудьте об этом, — ворчит Джесон. — Я и сам знаю, что глупо. Микаэле захотелось узнать мои мысли, вот я и рассказал. Я же не виноват, что в этом нет ни какого смысла, правда? — Он хватает фляжку с вином, разливает и большую часть оставшегося выливает в свой бокал. — Ах! Хороша, дрянь! — бормочет он.

После обеда они около двух часов проводят в молчании, играя в «желобки». Незадолго до полуночи Майкл и Стэсин уходят. Джесон старается не смотреть, как его жена, прощаясь, обнимается со своим братом. Едва лишь гости уходят, Микаэла сбрасывает саронг и бросает на Джесона горящий страстью, зовущий взгляд. Но он,

хотя и понимает, что нехорошо игнорировать ее безмолвное приглашение, так подавлен, что чувствует необходимость спастись бегством.

— Жаль, — говорит он, — у меня бессоница.

Выражение ее лица тотчас меняется — на нем появляется замешательство, потом гнев. Джесон поспешно выходит, опрометью несется к лифту и словно свинцовое грузило опускается на 59-й этаж. Варшава... Он входит в незнакомую квартиру и видит там женщину лет тридцати с пушистыми желтыми волосами и упитанным телом, спящую в одиночестве на неопрятной постели. Не меньше восьми детей скучилось в углу комнаты. Он будит ее.

— Джесон Квиведо, — представляется он. — Я из Шанхая.

В ее глазах отражается беспокойство.

— Шанхай? А вам можно бывать здесь?

— А кто сказал, что нельзя?

— Никто не говорил, — вслух обдумывает она сказанное. — Но шанхайцы никогда сюда не приходят. Вы в самом деле шанхаец?

— Может, показать вам свою идентификационную карточку? — сурово спрашивает он.

Его высокомерный тон ломает ее сопротивление. Она начинает жеманничать и, пока он сбрасывает с себя одежду, приводит в порядок волосы и достает косметические пульверизаторы. Он ложится на постель, а она, предлагая себя, поджимает колени почти до грудей. Грубо и нетерпеливо он овладевает ею.

«Майкл, — думает он при этом, — Микаэла, Майкл, Микаэла...» Мыча и сопя, он со всей страстью предается блуду.

3

Утром в кабинете он начинает новую линию исследований, требующих данных по половым излишествам древних времен. Как обычно, он сосредоточивается на XX веке, который он считает кульминационным веком древней эры и, следовательно, самым значительным, вскрывающим весь комплекс отношений и проблем, накопившихся за догонадскую индустриальную эру. XXI век менее полезен для его нужд, будучи, подобно всем переходным периодом, по существу, хаотическим и бессистемным, а XXII век приводит его к современным отношениям в начале гонадовской эпохи. Поэтому XX век — его любимая сфера изучения. Обнаруживаемые в нем свидетельства упадка подобны неравномерно спряденным нитям в психочувствительном гобелене.

Джесон старается не впасть в историческое заблуждение из-за ослабления перспективы. Хотя XX век, наблюдаемый с такого рас-

стояния, и кажется чем-то целостным, он понимает, что это — погрешность оценки, следствие слишком поверхностного абстрагирования. Определенные очевидные примеры проходят неразрывной нитью через несколько декад, но он понимает, что ему следует допускать возможность накопления количественных изменений, обусловивших главные исторические сдвиги между декадами. Высвобождение атомной энергии создало один такой сдвиг. Развитие межконтинентального транспорта образовало второй сдвиг. В личной сфере надежность простых и действенных противозачаточных средств привела к фундаментальным изменениям в сексуальных отношениях — к революции, совершенной без обычного для революций кровопролития. Наступление психочувствительной эры с ее специфичными проблемами и достижениями ознаменовалось еще одной большой пропастью, отделившей конец века от всего, что было раньше. Так 1910, 1930, 1950, 1970 и 1990 годы занимают особые вершины в Джесоновском пилообразном отображении двадцатого столетия, и при любом предпринимаемом Джесоном моделировании духа века он приводит необходимые доказательства по каждой дискретной субэпохе.

В его распоряжении множество доказательств. Несмотря на перемещения, причиненные упадком, существуют огромной важности материалы по эпохам догонадского времени, хранящиеся в подземных склепах, местонахождение которых Джесону неизвестно.

Конечно, Центральный Архив фактов (если он действительно только один, а не комплекс многочисленных филиалов, разбросанных по всему свету) находится за пределами гонады 116, а может быть, как опасается Джесон, и за пределами Чиппитской констеляции. Не в этом дело. Он может выудить из этой обширной залежи любую информацию, все, что ему потребуется, и она поступит немедленно. Вся хитрость заключается в знании, как и для чего запрашивать материалы.

Он достаточно знаком с источниками, чтобы сделать разумным отбор материалов. Он нажимает клавиши, и прибывают новые кубики. Новости, фильмы. Телевизионные программы. Листовки. Рукописи. Он знает, что все, относящееся к сексуальным отношениям и проблемам, записывалось и дозволенными и недозволенными путями — обычные повести, кинохроника и подпольный поток тайных, «запрещенных» эротических произведений. Джесон пользуется и теми и другими. Он обязан оценить искажения в эротике относительно искажений в легальных материалах — только при таком подходе может быть выявлена объективная истина. Затем он производит исследования кодексов морали, экстраполируя соответствующие допущения для законов, действовавших в сдвигах между субэпохами. Вот, например, в законах Нью-Йорка говорится: «Лицо, предумышленно и непристойно показывающее себя или свои

интимные части тела в любом общественном месте или в любом месте, где присутствуют другие, или понуждает другого к такому показу, является виновным в...» Виновным в чем? В штате Джорджия, узнает он, любой спящий пассажир, пребывающий в непристойном виде в купе при посторонних лицах, виновен в проступке и присуждается к максимальному штрафу в размере 1000 долларов или к 12 месяцам тюремного заключения. Закон штата Мичиган рассказал ему, что любое лицо, которое подвергнет медицинскому осмотру любое лицо женского пола и при этом порекомендует ей в качестве необходимого или полезного средства вступить в половую связь с мужчиной, и любой, не являющийся ее мужем, мужчина, что вступит в половую связь с такой женщиной, ввиду такой рекомендации, будет виновен в уголовном преступлении и наказан сроком до десяти лет. Странно! А вот еще более странное: «Любое лицо, которое познает похоть или вступает в половую связь с каким-либо животным или птицей, виновно в педерастии». Не приходится удивляться, что они выродились! А вот: «Кто бы ни познал похоть с любым лицом женского или мужского пола через задний проход, или через рот, или посредством языка, или кто осуществит сношение с мертвым телом... две тысячи долларов или пять лет тюремного заключения. А вот самые унылые законы из всех: в штате Коннектикут употребление противозачаточных средств запрещено под угрозой штрафа до пятидесяти долларов или от шестидесяти дней до года тюрьмы; а в Массачусетсе, кто бы ни торговал, ссужал или рекламировал любой инструмент, или лекарство, или какой-бы то ни было предмет для предохранения от зачатия, будет осужден на срок до пяти лет тюрьмы или штрафу в тысячу долларов. Как? послать человека в тюрьму на годы за пикантное языколизание своей жены, а за распространение противозачаточных средств — такой пустячный приговор! Кстати, где находится Коннектикут? А Массачусетс? Где-то здесь, но Джесон не слишком в этом убежден. «Судьба, их постигшая, была заслуженной, — думает он. — Странный народ — так легкомысленно поступать с теми, кто хотел ограничить рождаемость!»

Джесон бегло прочитывает несколько повестей и погружается в просмотр фильмов. И, хотя это только первый день его исследований, он набирает много примеров периодического ослабления запретов в течение века, особенно в период между 1920 и 1930 годами, а затем после 1960 года. Робкие эксперименты с открыванием лодыжек привели вскоре к обнаженным грудям. По мере того как в обществе все больше распространяются половые свободы, разрушается любопытный обычай проституции. Снимается запрет на популярный сексуальный справочник. Джесон едва верит тому, что он постигает. Их души были так стеснены! Так пресекать их влечения! А почему? И зачем? Конечно, они

стремились стать свободнее. Но в этот темный век преобладают ужасающие ограничения, кроме последних декад, когда крушение общества стало для них освобождением. Джесон отмечает усиление сознательной аморальности. Вот пугливые нудисты, стыдливые участники разорительных оргий. Смирившиеся ревнивцы — жертвы супружеской верности. Джесон запоем читает о половых концепциях двадцатого века. Жена как собственность мужа. Награда за девственность. Странно, более чем странно! Ну, кажется, от этого они избавились. Попытки государства диктовать правила половых сношений и запрещать определенные дополнительные акты. Ограничения даже на слова! Вот фраза, взятая из предположительной серьезной работы XX века по социальному критицизму: «Среди многих значительных достижений декады было, наконец, обретение солидными писателями свободы использовать такие слова, как «ебать» или «пизда», в своих произведениях. Могло ли так быть? Сколько же значимости вкладывалось в простые слова?» Джесон громко скандирует в диктофон эти древние обозначения, повторяет их по нескольку раз. Они звучат старомодно и конечно же безобидно. Тогда он испытывает на слух современные эквиваленты: «Натянуть, щелка, натянуть, щелка, натянуть». Никакой реакции! «Как же могли самые обыкновенные слова иметь такое возбуждающее содержание, что даже ушлые школьники вместе с взрослыми праздновали свободу их употребления». Он просто не может постичь одержимости этой словами. Слово «Бог» должно было писаться с большой буквы (как будто он огорчился бы, если бы написали с маленькой!). А чего стоит изъятие из печати книг с непечатными словами, вроде тех, которые он сейчас диктовал!

К концу дня он все более убеждается в весомости своих тезисов. За последние триста лет произошли фундаментальные изменения в сексуальной морали, но они не могли произойти только на почве культурной традиции. «Мы стали другими, — говорит он себе. — Нас изменили, и это изменение произведено на клеточном уровне. Это произошло преобразование тела, равно и как и души. Они не могли допустить или поощрить развитие нашего общества всеобщей доступности. Наш блуд, наша нагота, наша свобода от запретов, наше отсутствие неразумной ревности — все это должно быть для них чужим, безвкусным, отвратительным. Даже те, кто жил подобным образом, а таких было мало, делали это по неизвестным причинам. Они действовали так не из общественной потребности, а вопреки существовавшей системе репрессий. Мы от них отличаемся, мы фундаментально отличаемся».

Утомленный и удовлетворенный своим открытием, он покидает свой кабинет на час раньше времени. Когда он приходит домой, Микаэлы нет дома. Малыши одни — играют своими игрушками.

Куда же она подевалась? И записки не оставила. Может, вышла поболтать?

— Где мама? — спрашивает он старшего сына.

— Ушла.

— Куда?

Пожатие плеч.

— Навестить.

— Давно?

— Час, может быть, два.

Немного яснее. Встревоженный Джесон расспрашивает женщин на этаже, приятельниц Микаэлы. Они ее не видели. Мальчик смотрит на отца и уточняет:

— Она ушла навестить мужчину.

Джесон раздраженно глядит на сына.

— Она так и сказала? Какого мужчину?

Но мальчик уже исчерпал свою информацию. Опасаясь, что она ушла на свидание с Майклом, Джесон решает позвонить в Эдинбург. Только узнать, там ли она. Он долго колеблется. Неистовые видения проносятся в его мозгу. Майкл и Микаэла сплетенные, неразличимо слившиеся, возбужденные, стиснутые в объятиях друг друга в кровосмесительной страсти. «И, возможно, так каждый день. Давно ли это продолжается? И она каждый вечер приходит ко мне от него еще теплая и влажная от его объятий».

Он вызывает Эдинбург и видит на экране Стэсин, спокойную, располневшую. Нет, конечно, ее здесь нет. А разве она должна была прийти сюда?

— Я думал, что, может быть... заглянет.

— Я не видела ее с тех пор, как мы были у вас.

Он колеблется. И только в самый последний момент, когда уже собирается прервать связь, выпаливает:

— Ты, случайно, не знаешь, где сейчас может быть Майкл?

— Майкл? Он на работе. Интерфейс Крю, 9.

— Ты уверена?

Стэсин глядит на него с явным удивлением.

— Конечно. Где же еще ему быть? Его смена работает до половины шестого. — Стэсин смеется. — Уж не думаешь ли ты, что Майкл... с Микаэлой...

— Ну, конечно нет! С чего это ты взяла? Мне просто интересно, что если... — он колеблется. — Ладно, забудь об этом, Стэсин. Когда он придет домой, передай ему от меня привет.

Джесон выключает связь. Голова его поникла, перед глазами стоят кошмарные видения: длинные пальцы Майкла охватывают груди своей сестры. Розовые соски торчат между ними. Нос к носу зеркально похожие. Касающиеся языки. Нет!.. Но где же они тогда? Его подмывает зайти в Интерфейс Крю, 9, найти Майкла, если он

только в самом деле на работе. А может быть, он в какой-нибудь дыре натягивает свою сестру?.. Джесон бросается ничком на постель, чтобы обдумать свое положение. Он убеждает себя: это ведь совсем неважно, что Микаэла позволяет брату залезать на нее. Он не позволит себе попасть в ловушку обычаев XX века. С другой стороны, это серьезное отступление от правил — уйти в середине дня, чтобы отдаться. «Если она хочет Майкла, — думает он, — пусть он приходит открыто, как все честные блудники, после полуночи, вместо того чтобы скрываться и подличать. Может быть, она думает, что я буду шокирован, узнав, кто ее любовник, и хочет утаить от меня? Но ведь это во сто раз хуже. Это вносит ноту обмана. Старомодное нарушение супружеской верности — тайное свидание. Как убого! Мне бы следовало сказать ей...»

Дверь открывается, и входит Микаэла. Она нагая под полупрозрачной накидкой, и у нее оживленный растрепанный вид. Она улыбается Джесону. За улыбкой он ощущает скрытую неприязнь.

— Ну? — спрашивает он.

— Что?

— Мне странно, что тебя не оказалось дома.

Микаэла хладнокровно сбрасывает накидку и идет под душ. По тому, как она моется, у Джесона не остается никакого сомнения, что она совсем недавно предавалась блуду. Спустя минуту она говорит:

— Кажется, я немного запоздала? Жаль.

— Ты откуда?

— От Сигмунда Клавера.

Джесон изумлен, но одновременно чувствует облегчение. «Что это? Блуд днем? По инициативе женщины? Слава богу, это не Майкл. Если только она не врет».

— Сигмунд? — переспрашивает он. — Почему Сигмунд?

— Я навестила его. Разве малыши тебе не сказали? У него было сегодня немного свободного времени, вот я и сходила к нему. Я получила бесконечное удовольствие, должна тебе сказать. Он искусный партнер. У нас с ним не первый раз, но этот раз самый лучший.

Она выходит из-под душа, хватает двух малышей, раздевает и затягивает их под душ, чтобы выкупать. При этом она не обращает никакого внимания на Джесона. Он с унынием созерцает ее голое гибкое тело. Лекции по гонадской сексуальной этике давно уже выветрились из его головы, он обиженно поджимает губы. Усердно подготовив себя к версии кровосмесительной любви, ему не легко переключить себя на восприятие ее связи с Сигмундом. «Она бегает за ним? Дневной блуд? Есть ли у нее совесть? Она это делает исключительно мне назло, — говорит он себе. — Чтобы подразнить и рассердить меня. Показать мне, как мало я для нее значу.

Она использует свой пол как оружие против меня... Щеголяет своим незаконным времяпровождением с Сигмундом. Но у Сигмунда должно бы быть больше здравого смысла. Человек с таким положением — и нарушает обычаи! Может быть, Микаэла завлекла его? Она это может. Даже Сигмунда. Вот Сучка!»

Тут он замечает, что она смотрит на него, глаза у нее блестят, рот искривлен в злорадной усмешке. Она словно вызывает его на бой.

«Ну уж нет, Микаэла, я не стану играть в эту игру...» И в то время, как она купает малышей, он безмятежно спрашивает:

— А что у нас сегодня на обед?

4

На следующий день на работе он занялся расшифровкой кубика с записями фильма 1969 года, комедии о двух калифорнийских парах, которые решили поменяться на ночь супругами, а затем обнаружили, что им для этого не хватает решимости. Джесон полностью захвачен фильмом, он увлечен не только видами загородных вилл и ландшафтов, но и абсолютной чуждостью характеров — их показной бравадой, их душевными муками по такому тривиальному поводу — кто с кем переспит, их трусостью в финале. Куда легче ему понять их нервное веселье, когда они экспериментируют с тем, что он называет половой готовностью, так как фильм, в конечном счете, рассказывает о рассвете психочувствительной эры. Но их сексуальные модели очень уж гротескны. Он просматривает фильм дважды, делая при этом многочисленные заметки. Почему эти люди так скованны? Они боятся нежелательной беременности? Заразной болезни? Нет, удостоверяется он, фильм снят после венерической эры. Может, для них удовольствие и заключается в том, что они боятся? Но чего? Родового наказания за нарушение монополии брака, при этом наблюдается абсолютная тайна? Должно быть, так, заключает Джесон. Они страшились законов, направленных против внебрачных половых связей. Дыба и тиски для большого пальца, колодки и позорный стул... Тайная слежка... Постыдная истина, вылезающая наружу. В конце концов они отказываются от первоначального намерения и остаются запертыми в клетках своих индивидуальных браков.

Наблюдая их шалости, он вдруг представляет себе Микаэлу в контексте буржуазной морали XX века. Конечно же не застенчивой дурой, вроде этих четверых из фильма. Бесстыдной, вызывающей, бахваляющейся своим визитом к Сигмунду, использующей пол как средство развенчать фаворитизм своего мужа, — обычай, присущий XX веку, далекий от мира гонады. Только тот, кто считает пол

товаром потребления, может сделать то, что сделала Микаэла. Она вновь изобрела нарушение супружеской верности и ввела его в обиход в обществе, где сама эта идея не имеет смысла. Гнев Джесона растет. Почему из 800 тысяч людей, живущих в гонаде 116, именно ему досталась социально больная жена?

«Она понимает, что меня раздражает не ее интерес к собственному брату, а то, что она флиртует с ним. Идет к Сигмунду вместо того, чтобы ждать, когда Сигмунд сам придет к ней. Разврат, варварство! Ну, я ей покажу! Я знаю, как сыграть в ее глупой садистской игре!»

Не проработав и пяти часов, он покидает свой кабинет. Лифт подымает его на 787-й этаж. У квартиры Сигмунда и Мэймлон Клавер он внезапно испытывает ужасное головокружение и едва не падает. Его страх так велик, что он почти готов отказаться от своего намерения и уйти. Он борется сам с собой, пытаясь подавить робость. Думает о людях в фильме. Почему же он боится? Ведь Мэймлон — всего лишь еще одна щель. У него ведь была сотня таких же привлекательных, как она. Но она желанней...

Она может осадить меня парой острот. И все же я хочу ее. Я отказывал себе все эти годы, тогда как Микаэла беззастенчиво бегала к Сигмунду средь бела дня. Сучка! Зачем я страдаю? В гонаде не полагается расстраиваться. Я хочу Мэймлон, несмотря ни на что.

И Джесон толкает дверь.

Квартира Клавер пуста, только в нише играет младенец.

— Мэймлон... — зовет он. Голос у него срывается.

Экран вспыхивает, и появляется запрограммированное изображение Мэймлон. «Как она прекрасна!» — поражается Джесон. Мэймлон с улыбкой говорит:

— Хэлло! Я ушла на полиритмичные занятия и буду дома в 15.00. Срочные сообщения можно передать...»

Джесон садится и ждет.

Хотя он уже здесь бывал здесь, его вновь изумляет элегантность квартиры. Богатые портьеры и драпри, изящные предметы искусства. Знаки общественного статуса. Несомненно, Сигмунд скоро поднимется в Луиссвиль, и эта роскошь является провозвестником его восхождения к правящей верхушке. Чтобы подавить нетерпение, Джесон играет с освещением стенных панелей. Рассматривает мебель, программирует все комбинации на аппаратуре для запахов. Сейчас он похож на младенца, воркующего в своей нише. Малыш уже пытается ходить. Второму ребенку Клавер, должно быть, уже два года. Скоро ли он вернется домой из детских яслей? Джесону совсем не улыбается перспектива в напряженном ожидании Мэймлон развлекать ее малышей.

Он настраивает экран на одну из послеполуденных абстрактных передач. Перед подвижным сплетением меняющихся форм и красок он проводит, сгорая от нетерпения, целый час.

14.50. Входит Мэймлон, ведущая за руку малыша. Джесон с трепетом встает, горло у него пересохло. Она одета просто и непритязательно в ниспадающую каскадом белую тунику, и у нее необыкновенно взъерошенный вид. А почему бы и нет? Ведь она провела несколько часов в физических упражнениях, нельзя ожидать, чтобы она была такой же безупречной и блестящей, какой бывала по вечерам.

— Джесон? Что-то случилось?

— Я только навестить... — говорит он, едва узнавая свой собственный голос.

— Ты странно выглядишь. Ты болен? Может, тебе чего-нибудь дать? — Она сбрасывает тунику и швыряет ее в душ. На ней остается только тонкая, как паутинка, сорочка. Джесон отводит глаза от ее ослепительной наготы, и, пока она сбрасывает также и сорочку, умывается и надевает легкий домашний халатик, он блуждает взглядом по углам квартиры. Она снова произносит:

— Ты что-то не в себе.

Джесон, теряя голову, форсирует события.

— Мэймлон, позволь мне тебя натянуть!

Она удивленно смеется.

— Прямо сейчас? Средь бела дня?

— Это нехорошо?

— Необычно, — отвечает она, — особенно с мужчиной, который не был у меня даже как блудник, ночью. Но я думаю, ничего дурного в этом нет.

Как просто! Она снимает халатик и подготавливает постель. Конечно же она не станет расстраивать гостя, даже, пожалуй, постарается как следует ублаготворить его. Время необычное, но Мэймлон знает кодекс, по которому они живут, хотя и не придерживается его буквально. Сейчас она станет его. Белая кожа, высокие тугие груди. Глубокий пупок, черная путаница волос, щедро вьющихся между ляжками. Она манит его, улыбаясь и потирая коленками друг о друга, чтобы подготовить себя. Он раздевается, аккуратно складывая одежду. Ложится рядом с ней, нервно берет рукой одну из ее грудей, слегка покусывает мочку уха. Ему отчаянно хочется сказать, что он любит ее. Но это уже нарушение обычая, и куда более серьезное, чем те, которые он позволял себе до сих пор. В принципе, хотя и не в принципах XX века, она принадлежит Сигмунду, и Джесон не имеет права вторгаться со своими эмоциями в их жизнь.

Прижавшись губами к ее губам, он поспешно взбирается на нее. Как обычно, паника делает его торопливым. Все же он

овладевает собой и замедляет темп. Даже отваживается открыть глаза. Ему приятно, что ее глаза закрыты. Какие у нее ослепительные белые зубы! И кажется, она мурлычет. Он двигается немного быстрее. Сжимает ее в своих руках, холмики ее грудей расплющиваются его грудью. Что-то необыкновенное и изумительное возбуждает ее резко и сильно. Она вскрикивает и, издавая хриплые нечленораздельные звуки, страстно рвется на него. Он так изумлен неистовством ее оргазма, что забывает насладиться своим. Так это и кончается. Изнуренный, он льнет к ней, а она ласкает его вспотевшие плечи. Впоследствии, хладнокровно анализируя случившееся, он понимает, что это было не слишком-то уж отлично от того, что он испытывал с другими. Возможно, немного больше исступленных мгновений, чем обычно, вот и все. С Мэймлон Клавер, с предметом его пламенных грез в течение предыдущих трех лет — это осталось старым известным и испытанным процессом. Он не испытал каких-нибудь новых ярких ощущений. Слишком много романтики, а на самом деле, как гласит пословица XX века, «ночью все кошки серы», подумал он.

«Вот я и натянул ее».

Он отодвигается от нее, они встают и вместе встают под душ. Она спрашивает:

— Теперь тебе лучше?

— Я думаю, да.

— Когда я пришла, ты был ужасно скован.

— Жаль, — говорит он.

— Может, выпьешь чего-нибудь?

— Нет.

— Тебе не хочется поболтать?

— Нет, нет, — он отводит глаза от ее тела и тянется за своей одеждой. Она одеваться не торопится.

— Кажется, мне пора, — говорит он.

— Приходи как-нибудь еще. Лучше в регулярное блудное время. О, нет, это не значит, что мне не хочется, чтобы ты приходил днем, Джесон, но ночью это было бы непринужденнее. Так ты придешь?

В голосе ее явно чувствуется боязнь отказа. Догадывается ли она, что он в первый раз натянул женщину своего круга? А что, если б он рассказал ей о том, что все его приключения происходили в Варшаве, Рейкьявике, Праге и других грязных городах? Удивительно, как это он раньше боялся прийти к Мэймлон? Теперь он не сомневается, что снова придет к ней.

Джесон уходит, сопровождаемый фейерверком улыбочек, смущенных взглядов и подмаргиваний. На прощанье Мэймлон посылает ему воздушный поцелуй.

Бросив взгляд на часы, он видит, что еще довольно рано. А ведь весь смысл его затеи будет утрачен, если он придет домой вовремя! Поэтому он садится в лифт, едет в свой кабинет и убивает там два часа. Затем, вернувшись в Шанхай чуть позже 18.00, он идет в соматический зал и ложится в ментованну. Плавные пульсации психоволн несколько успокаивают его, но он плохо реагирует на психосоматические вибрации, и его мозг заполняется видениями разрушенных почерневших гонад, заваленных поврежденными балками и глыбами взорванного бетона. Тогда он выбирается из ванны. Экран в раздевалке, отреагировав на его излучение, обращается к нему:

— Джесон Квиведо, ваша жена разыскивает вас.

Прекрасно! Для обеда уже поздно. Пусть позлится. Он кивает экрану и выходит. Погуляв по залам около часа, петляя с 700-го этажа до 792-го, он наконец спускается на свой этаж и направляется домой. Экран в холле у лифта сообщает ему, что его розыски продолжаются.

— Иду, иду, — недовольно бормочет он.

Микаэла выглядит обеспокоенной и в то же время обрадованной его приходом.

— Где ты был? — спрашивает она, как только он появляется в комнате.

— О, везде и повсюду.

— Тебя не было на работе. Я пыталась тебя вызвать. Пришлось подключить сыщиков.

— Будто я потерявшийся ребенок!

— Ну, это на тебя не похоже. Ты не зря исчез посреди дня.

— Ты уже обедала?

— Я ждала тебя, — кисло отвечает она.

— Тогда давай поедим. Я проголодался.

— А ты не собираешься оправдываться?

— Потом, — он пытается создать атмосферу тайны. Он едва замечает, что ест. Затем, как обычно, возится с малышами, пока они не укладываются спать. Тщательно подбирая слова, он про себя повторяет все, что выскажет Микаэле. Внутренне он пытается выработать деланную самодовольную улыбку. В этот раз он нападет первым.

Микаэла всецело поглощена передачей. Тревога ее по поводу его пропажи, кажется, уже прошла. Наконец Джесон не выдерживает:

— Ты, кажется, хотела знать, где я сегодня был?

— А где ты сегодня был? — она взглянула на него с беззаботной улыбкой, как ни в чем не бывало.

— Я ходил к Мэймлон Клавер.

— Ты?! Средь бела дня?

— Я.

— Она была хороша?

— Великолепна! — говорит он, сбитый с толку беззаботностью Микаэлы. — Сверх всяких ожиданий.

Микаэла смеется.

— Это так забавно? — спрашивает он.

— Нет, это ты забавен.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Все эти годы ты запрещал себе блудить в Шанхае и ходил к неряхам. Теперь же, по самой глупой причине, ты наконец позволил себе Мэймлон...

— Ты знала, что я никогда не блудил здесь?

— Конечно, знала, — говорит она. — Женщины все рассказывают друг другу. Я расспрашивала своих приятельниц — ты ни разу не натягивал ни одну из них. Я проследила за тобой: Варшава, Прага... Зачем ты ходил туда, Джесон?

— Сейчас это уже не имеет значения.

— А что имеет?

— А то, что я провел день в постели Мэймлон.

Молчание.

— Ты идиот!

— Сука!

— Неудачник!

— Стерильная!

— Хам!

— Подожди, — говорит он, — а зачем ты ходила к Сигмунду?

— Подразнить тебя, — признается она. — Он карьерист, а ты нет. Я хотела тебя завести, заставить что-нибудь предпринять.

— Ты нарушила обычаи и прелюбодействовала днем с мужчиной по своему выбору. Нехорошо, Микаэла. Я бы сказал, не по-женски.

— Зато ставит все на свои места: женственный муж и мужеподобная жена.

— Дикарка! — кричит он и дает ей пощечину. — Как ты могла?

Потирая щеку, она отодвигается от него.

— Дикарка? Я? Ах ты, варвар! Да я бы могла упечь тебя в Спуск за...

— А я бы мог тебя упечь в Спуск за...

Оба останавливаются и смотрят друг на друга.

— Тебе не следовало бить меня, — говорит она немного погодя.

— Я был возбужден. А ты нарушила правила.

— У меня были свои причины...

— Даже имея причины, нельзя! — говорит он. — В любом случае это может привести сюда нравственных инженеров.

— Ты молчаливый болтун, — в голосе ее слышится нежность. — Мы, наверное, стерилизовали полэтажа своими криками. Какой был в этом смысл, Джесон?

— Я хотел, чтобы ты поняла кое-что о себе. Свою, безусловно, архаичную психологическую сущность, Микаэла. Если бы ты только могла взглянуть на себя со стороны. На последствия своих мелочных побуждений... Мне не хочется снова начинать ссору, я только пытаюсь объяснить тебе...

— А твои побуждения, Джесон? Ты так же архаичен, как и я. Мы оба атависты. Обе наши головы полны примитивных нравственных пережитков. Разве не так? Разве ты не видишь?

Конечно! Он отходит от нее. Встав спиной к ней, он тычет пальцем кнопку включения душа и ждет, пока психическое напряжение отпустит его.

— Да, — произносит он спустя долгое время, — да, я вижу. У нас только внешний лоск гонадского образа жизни. А под ним — ревность, зависть, эгоизм...

— Да, ты прав.

— Ты знаешь, как движется моя работа? Мои тезисы о том, что селективное размножение произвело в гонадах новую расу людей, подтверждаются. Это, наверное, так, но я не принадлежу к новой расе. И ты не принадлежишь к ней. Возможно, некоторые принадлежат. Но сколько их?

Вопрос эхом повторяется в его мозгу.

Микаэла подходит к нему сзади и прижимается к его спине.

Он чувствует ее соски. Они твердые и щекочут его.

— Возможно, большинство, — соглашается она. — Твои тезисы, пожалуй, верны. Но ты здесь чужой. Мы вне времени.

— Да.

— Атависты из уродливых веков.

— Да.

— Поэтому мы должны прекратить мучить друг друга, Джесон. Нам следует научиться скрывать свои чувства. Понимаешь?

— Да. Иначе нас прикончат, сбросив в Спуск. Мы неудачники, Микаэла.

— Оба?

— Оба.

Он поворачивается. Его руки обнимают ее. Он подмигивает ей, она отвечает ему тем же.

— Мстительный варвар... — нежно говорит она.

— Злобная дикарка... — шепчет он.

Они падают на постель. Теперь ночным блудникам придется просто ждать.

Еще никогда он не желал ее так сильно, как в этот момент.

1

9-я межэтажная бригада работает в однообразном вертикальном пласте затемненного пространства, протянувшегося вдоль внешней стороны сердечника обслуживания гонады 116 от 700-го до 730-го этажа. Хотя рабочая зона очень высока, ширина ее не превышает пяти метров. Этакий узкий колодец, из которого все пылинки, исполняя причудливый танец, уносятся прямо во всасывающие фильтры. Работающие здесь 10 человек 9-й межэтажной бригады помещены посредине между внешним пластом гонадских жилых и общественных секторов и его спрятанным сердцем, сердечником обслуживания, в котором размещены компьютеры.

Члены бригады редко входят сами в сердечник. В основном они действуют на его периферии, следя за его неясно вырисовывающейся в сумраке стеной, облицованной панелями управления различными звеньями главного компьютера. Мягко светящиеся зеленые и желтые огоньки мерцают на панелях, непрерывно информируя о состоянии укрытых в стенах механизмов. Люди из 9-й межэтажной бригады контролируют многочисленные блоки саморегулирующих устройств, направляющих работу компьютеров. Всякий раз, когда какие-то цепи контрольной системы оказываются на грани перегрузки, члены бригады быстро отлаживают их так, чтобы они могли выполнять свою функцию нормально. Это не трудная работа, но она первостепенна для жизни гигантского здания.

Каждый день, когда начинается их смена, Майкл Стэтлер и девять членов его бригады проползают через эдинбургский ирисовый затвор-шлюз на 700-м этаже и совершают свой путь по вечным сумеркам межэтажья, чтобы занять свои посты. Самоходные кресла переносят их к назначенным пунктам — лично Майкл начинает с программирования блоков, охватывающих этажи от 709-го до 712-го, и в течение дня перемещается вверх и вниз по межэтажью к зонам нарушения режима работы.

Майклу 23 года. В этой межэтажной бригаде он проработал программистом-наладчиком уже одиннадцать лет. Теперь работа для него стала чисто автоматической — он стал просто придатком машины. Перемещаясь по межэтажью, он повышает напряжение или уменьшает, отключает или подключает, комбинирует или разъединяет, удовлетворяя требования обслуживаемого им компьютера, и делает все это бездумно и хладнокровно, на одних рефлексах. В этом нет ничего предосудительного. Для наладчиков нежелательно думать, нужно только действовать и действовать правильно; даже сейчас, на пятом веку развития электронно-вычислительной техники, человеческому мозгу все еще принадлежит первое место по мощности переработки информации, приходящей на один кубический сантиметр серого вещества. Должным образом обученная межэтажная бригада является эффективной группой из десяти великолепных, органически выращенных компьютеров, запущенных в основной агрегат. Майкл следит за меняющимися узорами индикаторов, выполняя все необходимые регулировки, а мыслительные центры его мозга свободны для всего другого.

Он грезит о незнакомых местах вне гонады 116, которые он видел на экране. Он и его жена Стэсин — заядлые телезрители и редко пропускают какое-либо телепутешествие. В мозгу проплывают изображения старого догонадского мира, старинные достопримечательности, пыльные развалины: Иерусалим, Стамбул, Рим, Тадж-Махал, руины Нью-Йорка, верхушки лондонских зданий, высовывающиеся из окружающих их волн, другие эксцентрические и романтические места за стенами гонады: вулкан Везувий, гейзеры Йеллоустоуна, африканские саванны, южные острова Тихого океана, Сахара, Северный полюс, Вена, Копенгаген, Москва. Великие пирамиды и сфинксы. Джунгли по реке Амазонке, Чичен-Ица. Великая китайская стена.

Существуют ли еще эти места?

Майкл этого не знает. Большинство из того, что они видели на экранах, существовало сто лет назад и больше. Он знает, что распространение гонадской цивилизации потребовало сноса многого из того, что устарело, ликвидации хаотичного прошлого. Конечно, все было сначала заботливо заснято в объеме, а потом исчезло: облачко белого дыма, запах распыленного камня, сухость в ноздрях и горечь во рту. Несомненно, знаменитые памятники старины спасены. Нет нужды перерабатывать пирамиды только для того, чтобы сделать еще одну комнату в гонаде. Но расчищаться должны были большие пространства. Например, бывшие города. В конце концов, гонада 116 входит в Чиппитскую констеляцию, а он слыхал, как его зять — Джесон Квиведо, историк, рассказывал, что когда-то здесь были два города, называвшиеся Чикаго и Питтсбург, которые стояли с противоположных краев нынешней констеляции. А между

ними была непрерывная полоса городских поселений. Где теперь Чикаго и Питтсбург? От них не осталось и следа, на месте их поднялась 51 башня Чиппитской констеляции, все опрятные и организованные. Мы съедаем наше прошлое и извергаем гонады. Бедный Джесон, он, должно быть, скучает по древнему миру, как и я сам, думает Майкл.

Майкл мечтает о приключениях вне гонады 116. Почему бы ему не выйти наружу? Разве он должен провести все свои оставшиеся годы, вися на самоходном кресле между этажами, угождая панелям управления? Так хочется выйти, вдохнуть незнакомый, неочищенный воздух с запахом зеленых растений. Увидеть реку. Полетать вокруг этой первобытной планеты, всматриваясь в ее неровную поверхность. Вскарабкаться на Великую пирамиду! Поплавать в соленой воде океана! Как это интересно! Встать под открытым небом, подставив свою кожу знойным солнечным лучам. Покупаться в лунном свете. Увидеть оранжевое сияние Марса, а на рассвете сщуриться на Венеру...

— Послушай, я бы мог сделать это, — говорит он своей жене, безмятежной разбухшей Стэсин. Она носит их пятое дитя — девочку, которая должна родиться через несколько месяцев. — В конце концов — это не составит особого труда перепрограммировать блок так, чтобы он открыл мне проход наружу. Я бы спустился и вышел из здания раньше, чем кто-либо из шпиков, и спрятался бы в высокой траве. А потом я бы пересек страну с запада на восток и пришел бы в Нью-Йорк, прямо на берег моря. Нью-Йорк не снесен, утверждает Джесон. Его оставили как памятник бедствиям.

— А где бы ты доставал пищу? — спрашивает Стэсин. Практичная девочка.

— Я бы прожил на подножном корму, питаясь дикими плодами и орехами, как индейцы! Мясом бизонов. Бизоны — это такие большие бурые животные. Я подкрадусь сзади и прыгну ему на спину, прямо на зловонный жирный горб, обхвачу его руками за горло и дерну! Он упадет мертвым — и у меня на много недель будет мясо. Можно есть его сырым.

— Нет никаких бизонов, Майкл. Теперь нет никаких диких животных. Ты же знаешь.

— Да я это не всерьез. Ты думаешь, я действительно мог бы убить? Помилуй Бог, у меня могут быть странности, но я не сумасшедший! Нет! Слушай, я бы делал набеги на коммуны. Прокрадусь ночью, наберу овощей, кусок протеинового мяса — все, что попадется. Их склады не охраняются. Они не ожидают, что люди из гонад могут подкрасться. Я бы так питался. И я повидал бы Нью-Йорк, Стэсин, я повидал бы море! И может быть, даже нашел бы там целое общество диких людей с лодками, аэропла-

нами, с чем угодно, которые могли бы переправить меня через океан: в Иерусалим, Лондон, в Африку!

Стэсин смеется:

— Люблю, когда ты становишься таким задорным, — говорит она и, притянув его к себе, кладет его разгоряченную голову на свой гладкий тугой живот. — Ты уже слышишь ее? — спрашивает она. — Она там поет. Бог мой, Майкл, как я люблю тебя!

Она не принимает его всерьез. Да и кто бы принял?

Но он уйдет. Вися в межэтажье, щелкая выключателями и трогая запасные платы, он воображает себя кругосветным путешественником. Он посетит все настоящие города, чьими именами названы гонады 116. Все, сколько их осталось: Варшаву, Рейкьявик, Луиссвиль, Коломбо, Бостон, Рим, Токио, Толедо, Париж, Шанхай, Эдинбург, Найроби, Лондон, Мадрид, Сан-Франциско, Бирмингем, Ленинград, Вену, Сиэтл, Бомбей, Прагу. Даже Чикаго и Питтсбург, если они и в самом деле не исчезли. И другие. Все ли он назвал? Он пробует сосчитать. Варшава, Рейкьявик, Вена, Коломбо... и теряет счет. Но как бы то ни было, он выйдет. Пусть не весь мир — он наверняка больше, чем представляется ему, Майклу, но кое-что он увидит: почувствует дождь на своем лице, послушает шум прибоя, ощутит холодный мокрый песок под подошвами туфель. И солнце. Знойное, палящее солнце!

Давно уже никто не выходит из здания, кроме, возможно, жителей Луиссвиля, посещающих другие гонады, но и они делают это не часто. Он предполагает, что школьники путешествуют вокруг, посещая древние места, но сам Майкл не знает никого, кто бы побывал в таком путешествии. Джесон, хоть и специализируется на XX веке, конечно, не выходил. Конечно же он мог бы посетить руины Нью-Йорка, чтобы получить более живое представление о том, каким он был раньше. Джесон есть Джесон, он не сделал бы этого, даже если бы имел такую возможность. Но он, Майкл, обязан. «Я пойду вместо него. Кто сказал, что нам предназначено провести всю жизнь внутри одного единственного здания?» Он видел как-то в кубиках Джесона картины из старой жизни: открытые улицы, движущиеся автомобили, маленькие здания, предназначенные для одной семьи из трех или четырех человек. Неправдоподобные, неотразимо чарующие картины. Неудивительно, что это общество не выдержало, это тяготеющее к дракам общество развалилось. Мы должны иметь что-то более организованное. Но понимая это, Майкл ощущает притягательность такого образа жизни. Он чувствует центростремительные толчки к свободе и хочет вкусить ее. «Мы не должны жить так, как они, но мы не должны жить и так, как живем. Не все время. Иногда надо выходить, чтобы испытать горизонтальность вместо тысячи этажей, вместо соматических залов, зонных центров, наших священников, наших

нравственных инженеров, наших утешителей, всего нашего. Нужно что-то еще. Краткий визит наружу станет величайшим событием в моей жизни. Я сделаю это».

И вот, вися в межэтажье, рефлекторно гася возникающие в блоках отклонения, он дает себе слово, что не умрет, не выполнив своей мечты.

Его зять Джесон, сам того не ведая, раздул пламя тайных стремлений Майкла своей теорией об особой расе гонадских людей, высказанной как-то вечером, когда Майкл и Стэсин были в гостях у Квиведо. Как сказал тогда Джесон? «Я исследую положение о том, что жизнь в гонадах воспитывает новый тип человеческих существ. Тип, который с готовностью приспосабливается к относительно небольшому жизненному пространству и низкой частной квоте». Относительно этого у Майкла были сомнения. По его мнению, это связано не с генетикой, а скорее с психологическими факторами. Или даже с добровольным одобрением главного положения в целом. Но чем больше рассказывал Джесон, тем убедительнее звучали его идеи.

«Объяснить, почему мы не входим наружу, даже если бы ничто нам не мешало это сделать, мы не можем. Мы приняли, что это безнадежная фантазия. Мы остаемся здесь, нравится это нам или нет. А с теми, кому это не нравится, с теми, кто не может примириться... ну, ты знаешь, что случается с ними». Майкл знает. «За дерзновение — в Спуск. Те, что остаются, приспосабливаются к обстоятельствам. Два века направленного отбора, безжалостно претворенного в жизнь, и теперь все мы здорово приспособлены к этому образу жизни».

И Майкл соглашается, хотя и не верит, что это правда обо всех. А Джесон уступает: «За некоторыми исключениями».

И вот теперь, вися в межэтажье, Майкл думает обо всем этом. Несомненно, селекционный отбор объясняет многое. А именно — всеобщее одобрение гонадской жизни. Или почти всеобщее. Все считают за дар божий такую жизнь — 8000 людей под одной крышей, множество детей, и все прижаты друг к другу. Все довольны. За некоторыми исключениями. «За исключением некоторых из нас, тех, кто выглядывает через окна на голый мир и бесится, и потеет внутри клетушек. Кто хочет выйти наружу. Или у них нет генов одобрения?» Если Джесон прав, если гонадская популяция воспитана, чтобы принимать жизнь такой, какая она есть, и процесс воспитания регулируемый, то тогда должны быть и отклонения. Таковы законы генетики. Гены искоренить нельзя. Их можно упрятать на время, но они все равно когда-нибудь выплывут, например, в восьмом колене. Скажем, во мне. И вот теперь я страдаю.

Майкл решает обо всем этом посоветоваться с сестрой. Однажды утром, в 11.00, когда был он совершенно уверен, что застанет ее дома, он приходит к ней. Она занята с детьми. Его сестра — очаровательный двойник, как всегда соблазнительна, только сейчас она выглядит несколько растрепанной. Прическа ее сбита набок. Единственная одежда на ней — висящее через плечо грязное полотенце. На щеках румянец. Когда он входит, она подозрительно оглядывается через плечо.

— А-а, это ты, — узнав его, она улыбается.

Как мило она выглядит, худенькая, стройная, вся какая-то ровная. В отличие от Микаэлы, груди у Стэсин полны молока, они колеблются и трясутся, как большие мехи.

— Я только на минуту, — говорит он Микаэле. — Ты не будешь против, если я немного побуду?

— Бог мой, сколько хочешь. Не обращай на меня внимания. Дети вгонят меня в гроб.

— Может, тебе помочь?

Но Микаэла делает отрицательный жест. Тогда он садится, скрестив ноги, и следит, как она, суетясь, бегает по комнате. Одного малыша она сует под душ, второго — в детскую нишу. Остальные, слава богу, в школе. Ноги у нее длинные и не жирные, ягодицы тугие, неодрябшие от излишка жира. Очень соблазнительна. Майкл готов натянуть ее прямо сейчас, но она слишком поглощена своей утренней домашней работой. Почему-то он не натягивал ее уже много лет. С той поры, как они были еще детьми. Он всовывал в нее свою плоть, уверенный, что все натягивают своих сестер. Особенно, если они — близнецы, это было так естественно. Возникала особенная близость — подобно обладанию другим собой, только женского пола. Майкл с улыбкой вспоминает, как они расспрашивали друг друга о своих отличиях. Когда им было лет по девять, она, ощупывая его гениталии, спрашивала:

— А что это висит у тебя между ног? Не бьются ли они друг о друга, когда ты ходишь?

Он честно пытался объяснить. А позднее, когда у нее выросли груди, подобные вопросы задавал уже он. Она развилась раньше его. Волосяные покровы появились у нее намного раньше, чем у него. И рано начались менструации. Теперь между ними пропасть, она — зрелая женщина, а он еще ребенок.

— Если я спрошу тебя о чем-то, — говорит он, — ты обещаешь никому об этом не рассказывать? Даже Джесону!

— Разве я была когда-нибудь болтушкой?

— Ладно. Я только хотел убедиться.

Она заканчивает возиться с детишками и устало садится, глядя ему в лицо. Полотенце соскальзывает с плеча и целомудренно ложится складками на ее ляжках. «Интересно, что бы она подумала,

если бы он попросил ее отдаться. О, да, она не откажет, она обязана отдаться, но будет ли она желать его? Или будет испытывать недовольство, отдаваясь своему брату?» Когда-то она этого не стеснялась, но тогда она была еще девочкой.

— Хотелось ли тебе когда-нибудь покинуть гонаду, Микаэла?

— Ты имеешь в виду — перейти в другую гонаду?

— Нет, просто уйти — к Гранд-каньону. К пирамидам. Разве ты никогда не чувствуешь беспокойства, оставаясь внутри здания?

Ее темные глаза заблестели.

— Беспокойство — да! Я никогда не задумывалась о пирамидах, но бывают дни, когда стены давят на меня, будто тяжелые плиты.

— Значит, ты тоже?!

— О чем ты, Майкл?

— О теории Джесона. О людях, которых из поколения в поколение приучают переносить гонадское существование. А я подумал, что некоторые из нас не похожи на таких. Мы отступники. У нас неправильные гены.

— Атависты?

— Да, атависты. Похоже, что мы живем не в своем времени. Нам нужно было родиться тогда, когда люди могли ходить всюду. Я знаю, я чувствую это, Микаэла. Я хочу уйти из гонады и просто побродить...

— Это не серьезно!

— Нет, я думаю, это серьезно. Не то, чтобы это было мне так уж необходимо. Но я хочу. А это означает, что я атавист. Я не подхожу для безмятежной популяции Джесона. Стэсин подходит. Ей нравится здесь, для нее это идеальный мир. Но не для меня. И если это генетика, если я действительно не гожусь для этой цивилизации, то ты тоже не годишься. У меня гены твои, а у тебя — мои. Вот я и подумал, что надо это проверить, чтобы лучше понять себя. Узнать, насколько хорошо мы приспособлены.

— Я не приспособлена.

— Я знал это!

— Не то, чтобы мне хотелось уйти из здания, — говорит Микаэла. — У меня другое: ревность, честолюбие... В моей голове много всякой дряни, Майкл. И то же у Джесона. Только на прошлой неделе мы сражались с пережитками, — усмехается она, — и решили, что мы оба — атависты. Как дикари древних времен. Я не стану входить во все детали... но в основе, я думаю, ты прав: ты и я в душе не настоящие гонадские люди. У нас только внешний лоск. Мы притворяемся.

— Точно! Внешний лоск! — Майкл хлопает в ладоши. — Правильно. Это все, что я хотел узнать.

— Уж не хочешь ли ты самом деле выйти из здания?

— Если я выйду, то ненадолго. Только посмотреть, на что это похоже. И забудь, что я говорил об этом. — В глазах Микаэлы он замечает испуг. Подойдя к ней и притянув ее к себе, он говорит: — Не порти дела, сестра, я сделаю это, я должен это сделать. Ты знаешь меня. Ты понимаешь меня. Так держись молодцом, пока я не вернусь. Если только я решусь пойти.

Теперь его больше ничего не мучит. Кроме разве проблемы прощания. Должен ли он уйти, не сказав ни слова Стэсин? Да, так, должно быть, лучше. Она никогда не поймет его и может только вызвать осложнения. А с Микаэлой? Его влечет навестить ее перед уходом, чтобы проститься. У него нет никого ближе ее в целом здании, а ведь он может и не вернуться из своей загородной увеселительной прогулки. Он думает о том, что непрочь натянуть ее, и предполагает, что она тоже непротив. Любовное прощание — как раз к случаю. Но можно ли рисковать? Нельзя слишком доверять генетике — если Микаэла увидит, что он и в самом деле уходит, она может запросто выдать его и послать к нравственным инженерам — ради него самого. Она, без сомнения, считает его план дерзкой идеей. Взвесив все за и против, Майкл решает не говорить ей ничего. Он натянет ее мысленно. Ее губы прижаты к его губам, язык ее в непрерывном движении, ее руки поглаживают его упругие мышцы. Мягкий рывок! Еще раз! Тела их движутся в полном согласии, как две разделенные половинки единой сущности, соединившиеся вновь на это короткое мгновение. В его воображении эта картина становится такой живой, что он почти готов бежать к Микаэле... Но в конце концов он принимает решение не говорить ей об уходе.

Сделать это довольно легко. Он знает, как заставить главные машины служить его целям. В этот день на работе он пребывает в менее сонном состоянии, чем обычно. Он осматривает свои блоки, регулирует импульсы, плывущие через могущественный нервный узел гигантского здания: блок пищевого снабжения, блок статистики рождения и смертности, атмосферных сводок, уровня расширения в зональных центрах, наполнения трубопроводов в разных распределителях, системах канализации, коммуникационных линиях и так далее. В короткие промежутки между этими регулировками он находит нужный блок и производит подключение к блокам памяти. Теперь он в прямом контакте с центральным мозгом главного компьютера. Блок вспыхивает вереницей золотых огоньков — это значит, что блок готов к приему подпрограммы. Очень хорошо! Он программирует приказ — выдать один пропуск на право выхода Майкла Стэйтлера на любой срок и действительного до востребования. Но усмотрев в этом лазейку для малодушия, он сразу же исправляет приказ: выдачу пропуска произвести в течение двенадцати часов с момента отдачи приказа. Право входа в любое время,

по требованию. Блок отвечает ему сигналами принятия подпрограммы. Отлично. Затем записывает два сообщения, установив время их доставки пятнадцатью часами после выдачи пропуска. Одно сообщение миссис Микаэле Квиведо, квартира 76124: «Дорогая сестра, я сделал это. Пожелай мне удачи. Я принесу тебе песка с морского побережья». Другое сообщение миссис Стэсин Стейтлер, квартира 70411. В нем он объясняет, куда и зачем ушел, и просит ее не беспокоиться, так как рассчитывает скоро вернуться.

Вот и конец смены, 17.30. Нет никакого смысла покидать здание перед наступлением ночи, и он возвращается к Стэсин. Они обедают, он играет с детьми, некоторое время они смотрят передачу, затем предаются любви. Возможно, в последний раз.

— Ты сегодня какой-то отрешенный, Майкл, — говорит она.

— Устал. Сегодня было много работы.

Она дремлет. А он держит ее в своих объятиях — мягкую, теплую и большую, каждую секунду становящуюся все больше. В ее утробе делятся клетки — магический митоз. Бог мой! Мысль об уходе от нее уже почти не привлекает его, но вдруг на экране его памяти появляются изображения дальних краев.

Остров Капри при заходе Солнца, серое небо, серое море, горизонт сливается с небом, по утесу, поросшему пышной зеленью, извивается дорога. Вот вилла императора Тиберия. А вот крестьяне и пастухи, живущие так, как они жили десять тысяч лет назад, незатронутые изменениями материкового мира. Никаких гонад. Услужливое воображение подбрасывает Майклу соблазнительные картины.

Вот влюбленная пара валится в траву. Он задирает ей подол. Смех — лоза, отягощенная виноградными гроздьями, царапает розовую поверхность ее ягодиц, но она не обращает это внимание. Крепкая, ненасытная, возбужденно-страстная крестьянская самка. Какое варварство! Они оба в земле, земля между пальцами ног, земля на коленях.

Вот люди в рваных грязных одеждах. Они пьют вино прямо в винограднике, вкруговую передавая друг другу фляжки. Их кожа темна! Точно дубленая шкура зверей, коричневая, жесткая, обожженная настоящим солнцем. Далеко внизу катятся волны. А на краю моря фантастические скульптуры скал и гроты между ними. Солнце уходит за облака, небо и берег сереют. Все заволакивает красивой пеленой дождя. Близится ночь, и птицы заканчивают петь свои гимны. С горных пастбищ спускаются стада коз.

Майкл идет по покрытому листьями узкому промежутку между деревьями, останавливается, чтобы потрогать шершавую кору, вкусить сладость спелых ягод, вдыхает соленый морской воздух. На рассвете они с Микаэлой бегут по пляжу, оба совсем голые, и первые лучи восходящего солнца расцвечивают их бледные тела,

золотят воду. Они плавают в этой плотной соленой воде, которая держит их на плаву. Они ныряют и резвятся под водой с открытыми глазами, касаясь друг друга. Волосы у Микаэлы распустились в воде, за ее колеблющимися ногами тянется дорожка из воздушных пузырьков. Вдали от берега он обнимает ее; вокруг них играют дружелюбные дельфины. Здесь, в знаменитом Средиземном море, в кровосмесительном совокуплении близнецы зачинают дитя. Не здесь ли Аполлон натянул свою сестру? Или это был другой бог? Сплошная классика. Майкл и Микаэла плетутся по берегу, ежась от порывов утреннего бриза, к их мокрым телам пристал песок, клочки морских водорослей застряли в волосах. К ним приближается мальчик с козленком. Он вытаскивает флягу и предлагает им вина. Он улыбается, Микаэла ласкает козленка. Мальчик любуется ее стройным обнаженным телом. Майкл пытается объяснить, что у него нет денег, но мальчик их и не требует. Он дает Майклу флягу, тот долго пьет. Холодное, свежее вино пощипывает язык. Мальчик смотрит на Микаэлу, потом вопросительно на Майкла. Тот кивает: почему бы и нет? В этом нет ничего дурного. Мальчик идет к Микаэле, робко приникает губами к ее губам, тянется, будто намереваясь потрогать ее груди, но не решается и ограничивается поцелуем. Ухмыляясь, идет к Майклу, целует его и быстро убегает вместе с козленком, оставив им флягу с вином. Майкл протягивает флягу Микаэле. Вино течет по ее подбородку, оставляя сверкающие в лучах солнца капельки. Когда вино кончается, Майкл швыряет фляжку далеко в море. Дар сиренам. Взявшись за руки, Майкл и Микаэла пробираются сквозь заросли куманики вверх по склону; галька сыплется из-под их босых ног. А с прогалины мальчик с козленком машет им рукой...

Красочный экран темнеет. Майкл приходит в себя. Он лежит на спальной платформе рядом со своей сонной беременной женой на 704-м этаже гонады 116.

Надо идти. Он д о л ж е н уйти.

Он встает. Стэсин тоже проснулась.

— Ш-ш, — говорит он, — спи...

— Идешь поблудить?

— Да.

Он раздевается и становится под душ. Затем надевает чистую тунику, обувает сандалии — его самую прочную одежду и обувь. Что еще надо взять? У него ничего нет. Он пойдет налегке.

Майкл целует Стэсин. Возможно, это последний поцелуй. На мгновение его рука касается ее живота. Днем она получит сообщение. «До свидания, до свидания», — говорит он спящим детям. Майкл выходит в коридор и глядит вверх, будто хочет пронзить взглядом 57 этажей. «До свидания, Микаэла, любимая». Сейчас 2.30. До рассвета еще долго. Майкл тянет время. Он останавлива-

ется, осматривает вокруг себя стены, облицованные пластиком, имитирующие полированную бронзу. Прочное здание, отлично спроектированное. Целые реки невидимых кабелей змеятся в его обслуживающей зоне. А в середине всего — огромный бодрствующий человекоподобный мозг, который он так легко обманет.

Майкл находит в коридоре информтер и идентифицирует себя. «Майкл Стэйтлер, 70411. Один пропуск, пожалуйста». Вот и пропуск. Он достает из ниши светящийся голубой браслет и надевает его на запястье. Затем садится в лифт. Без всякой причины он выходит на 580-м этаже. Бостон. У него еще уйма времени. Как гость откуда-нибудь с Венеры, он бродит по залам. Навстречу ему попадается сонный блудник, очевидно, возвращающийся домой. Пользуясь привилегией блудников, Майкл открывает двери, всматривается в спящих людей; некоторые просыпаются, но большинство не реагирует никак. Какая-то женщина приглашает его разделить с ней ложе. Он отрицательно качает головой, закрывает дверь и идет к лифту. Вниз, на 375-й этаж. Сан-Франциско. Здесь живут артисты. Он может послушать здесь музыку. Майкл всегда завидовал жителям Сан-Франциско. У них есть в жизни цель, есть искусство. Здесь он тоже открывает двери.

«Пойдемте, — хочет он сказать. — У меня, есть пропуск, я иду наружу. Идемте со мной, скульптуры, поэты, музыканты, драматические актеры!» Подобно музыканту из сказки, который увел из города всех детей, Майклу хотелось бы увести их всех из гонады. Но он не уверен, что по его пропуску может выйти более, чем один человек, и потому не говорит ничего. Снова вниз. Бирмингэм, Питтсбург, где его зять, Джесон, тщится высвободить безвозвратно канувшее прошлое. Токио, Прага, Варшава, Рейкьявик. Теперь все обширное здание словно бы сидит на его спине. Тысячи этажей, 885 тысяч людей. За это время, что он стоял, выйдя из лифта, народилась дюжина ребятишек. Еще дюжина была зачата, и может быть, кто-то умер. А один человек спасается бегством. Стоит ли говорить «до свидания» компьютеру? Его приборам, наполненным жидкими газами, его блокам? В городе миллион глаз. Эти глаза следят и за ним, но у него все в порядке, у него есть пропуск.

Первый этаж. Все.

Оказывается, это так просто. Но где же выход? Вот это? Такая крошечная шлюзовая камера? А ему представлялся большой вестибюль, ониксовые полы, алебастровые колонны, яркие огни, полированная медь и вращающиеся стеклянные двери. Конечно же ни один важный чин не пользуется этим выходом. Высокие сановники путешествуют на быстролетах, прибывающих и отправляющихся с пристани на тысячном этаже. А грузовые вагоны с продукцией из коммун поступают в гонаду глубоко под землей. Возможно, входом

на первом этаже пользуются раз в несколько лет. Ну что же, он выйдет здесь. Как это делается? Майкл поднимает вверх руку с браслетом-пропуском, надеясь, что где-нибудь поблизости имеется сканирующее устройство. Его надежда оправдывается. Над выходом зажигается красный свет, и шлюз открывается. Майкл проходит через шлюз и оказывается в слабо освещенном длинном прохладном туннеле. Дверь шлюза сразу же закрывается за ним — мера предосторожности от заражения внешним воздухом. Он идет вперед, и перед ним с легким скрипом открывается вторая дверь. Ничего не видно в темноте, Майкл ощупью находит ступеньки. Спустившись на семь или на восемь ступенек, он ощупывает под ногой комковатую, податливую субстанцию. Это земля! Он наруже!

2

Майкл чувствует себя, как первый человек, ступивший на поверхность луны. Он решительно передвигает ноги, не зная, чего можно ожидать. Он не в состоянии воспринять такое множество непривычных ощущений. За его спиной закрывается шлюз, и он остается один. Страха у него нет. Первым делом надо сконцентрироваться на чем-то одном. Например, на воздухе. Он делает глубокий вдох. У воздуха другой вкус! Ему кажется, что воздух внутри расширяется, заполняя самые отдаленные складочки в его легких. Но уже через минуту чувство новизны исчезает: воздух, как воздух! Будто он дышал им всю жизнь. А что, если ему угрожают смертельные бактерии? Ведь он пришел из стерильной, герметически изолированной среды. Может, через час он свалится в агонии, неузнаваемо посиневший и раздутый. Или в его ноздрях пустит ростки пыльца, занесенная ветром, и его задушит разрастающаяся масса грибков. Нет, нет, надо забыть про воздух! Майкл поднимает глаза вверх.

До рассвета еще больше часа. Повсюду по черно-синему небу рассыпаны звезды, и высоко-высоко висит серповидная луна. Ему приходилось видеть небо из окон гонады, но ни разу не видел он такого, как это. Надо поднять голову, расставить пошире ноги, раскинуть руки и принимать ванну из света звезд. Майкла подмывает раздеться и лечь обнаженным, чтоб позагорать при звездах и луне. Он улыбается этой мысли и делает еще десять шагов от здания гонады; потом оглядывается назад. За ним возвышается колонна трехкилометровой высоты. Она висит в воздухе, и кажется, будто она вот-вот упадет. Его охватывает ужас. Успокоившись, он начинает считать этажи, но напряжение в мускулах неестественно запрокинутой шеи вызывает у него головокружение, и он бросает это занятие, не досчитав до пятидесятого этажа. Под таким углом

зрения большая часть здания, круто вздымающегося над его головой, ему не видна, но того, что он видит, ему вполне достаточно: масса гонады словно грозится раздавить Майкла. Он движется прочь по направлению к засаженной деревьями площадке. Теперь он уже отошел от гонады на достаточное расстояние, чтобы можно было охватить ее единым взглядом и оценить ее величественные размеры. Своей вершиной она будто упирается в звезды. Так высока она! И вся в окнах. А за ними более 850 тысяч людей, большую часть которых он никогда не встречал: малыши, блудники, программисты, утешители, жены, матери. Майкл взглядывает налево. Окутанная утренним туманом, там стоит другая гонада. А направо — еще одна. Он опускает взгляд и смотрит на землю. Сад, правильные ряды деревьев, трава. Он становится на колени и срывает былинку; покачивая ею в воздухе, он чувствует угрызения совести: «Убийца!» Он кладет травинку в рот — совсем не вкусно. Он думал, что трава сладкая. А вот почва. Он погружает в нее свои пальцы. Под ногтями появляется чернота. Внимание Майкла привлекает отделенный канавой ряд деревьев. Он подходит к ним, нюхает цветочные чашечки, гладит шершавую кору.

По саду движется робот-садовник, подрезая ветки, удобряя землю. Робот поворачивается на своей тяжелой черной платформе и вопросительно вглядывается в человека. Майкл протягивает руку с браслетом и позволяет роботу осмотреть пропуск. После этого робот теряет к Майклу интерес.

Теперь Майкл уже далеко от гонады 116. С этого расстояния она неотличима от гонад 115 и 117. Майкл поворачивается и идет по аллее, ведущей прочь от линии, вдоль которой выстроились гонады.

Вот пруд. Майкл склоняется над ним и окунает в него руку. Затем наклоняет лицо к поверхности воды и пьет, весело фыркая и брызжа водой.

Восход уже начал окрашивать небо. Погасли звезды, побледнела луна. Майкл поспешно раздевается и медленно погружается в воду, вздрагивая, когда она доходит ему до поясницы. Осторожно плывет, то и дело опуская ноги, чтобы нащупать холодное вязкое дно.

Поют птицы. Бледный свет разливается по небосклону. Майкл выходит из воды и, чуть дрожа, мокрый и голый, стоит на берегу пруда, прислушиваясь к птичьему гомону и созерцая красный диск солнца, всплывающего на востоке. До сознания Майкла постепенно доходит, что он плачет. Он плачет от окружающей его красоты, от одиночества. Он один в первом рассвете мира. Он Адам! Майкл трогает гениталии свои. Взглянув вдаль, он видит на горизонте три гонады и уже не может определить, какая из них 116-я. Там Стэсин и Микаэла. «Если бы Микаэла была сейчас здесь, мы были бы с ней голые, как Адам и Ева, и за ними следил бы змей-ис-

куситель». Майкл улыбается этой мысли. Он совсем один, никого нет в поле его зрения, но он этого не боится. Больше того, ему это нравится, хоть он и тоскует по Микаэле и Стэсин. Он желает их обоих, он хочет каждую. Он дрожит, плоть его твердеет и напрягается от вожделения. Со слезами на глазах он опускается на влажную черную землю. Он замечает, что небо стало голубее, и, закусив губу, охватывает рукой свой член. Усилием воображения он вызывает видения пляжа на Капри, вино, мальчика, козленка, себя и Микаэлу, обнаженных, сплетенных в одно целое, поцелуи... Он тяжело дышит и извергает семя, удобряя голую рыхлую землю. В этой маленькой липкой лужице двести миллионов нерожденных детей.

Потом он снова купается в пруду и, освеженный, пускается в путь, неся свою одежду в руках. Примерно через час он одевается, опасаясь поцелуев жгучего солнца на своей нежной комнатной коже.

В полдень равнины, пруды и сады остались далеко позади. Майкл вступил на периферийную территорию одной из сельскохозяйственных коммун. Мир здесь широк и однообразен, а виднеющиеся на горизонте гонады кажутся поблескивающими колышками, удаляющимися на восток и на запад. Вокруг ни деревца. Нет и намека на то буйство дикой растительности, на то хаотическое переплетение зеленых ветвей, которое он видел в телевизионном путешествии по Капри.

Вокруг Майкла длинные ряды низких растений, разделенных полосами засохшей темной почвы. Тут и там совершенно пустые, видно, поджидающие сева, огромные поля. А это, должно быть, огороды. Майкл рассматривает растения: тысячи каких-то травянистых растений со свисающими кисточками, тысячи каких-то сферических и уложенных спиралью тесно друг к другу, штучек, тысячи каких-то других. И еще. И еще... По мере того, как он проходит мимо посевов, вид растений меняется. Что это? Кукуруза? Бобы? Тыква? Морковь? Пшеница? Он не способен назвать продукт по его виду; познания, полученные им в детстве на уроках географии и естествознания, забылись и он теперь может только гадать. Он срывает листья, пробует на вкус побеги и стручки. Сандалии он несет в руке и идет босиком, ощущая подошвами ног комья земли.

Майкл полагает, что направленная на восток, откуда встало солнце. Но теперь, когда стоит солнце высоко над головой, стало трудно определять направление. Не помогает и вид все уменьшающихся гонад. Сколько же отсюда до моря? При одной мысли о нем глаза его влажнеют. Перед ним возникает вздымающийся при-

бой, а во рту появляется вкус соли. Сколько до него идти? Тысячи километров? Много это или мало? Он прибегает к сравнению — мысленно он кладет гонаду на бок, затем прикладывает к ее верхушке другую, а к этой — следующую. «Если я сейчас нахожусь в тысяче километров от моря, то мне надо пройти расстояние, равное высоте 333-х гонад». Сердце его падает. У него нет реального представления о расстояниях. До моря может быть и десять тысяч километров. Он воображал, что это будет похоже на прогулку из Рейкьявика в Луиссвиль, только по горизонтали. Проявив настойчивость, он сможет проделать этот путь. Если только он найдет пищу. Эти листья и стебли, эти стручки для него бесполезны. Он не знает, какая часть этих растений съедобная, нужно ли их варить и как? Похоже, это путешествие будет гораздо сложнее, чем он его воображал. Правда, у него есть возможность вернуться в гонаду, но он этого не сделает. Это будет смерти подобно, а он еще не жил. Он продолжает путешествие.

Майкл устал. У него кружится от голода голова — он находится в пути уже шесть или семь часов. Сказывается психологическая усталость и физическая. При горизонтальном хождении используются, должно быть, совсем другие группы мышц. Ходить по лестнице — совсем другое дело. Передвигаться в подъемниках и лифтах еще легче. Короткие горизонтальные прогулки по коридорам не подготовили его к длительным переходам. В мышцах бедер, особенно сзади, появилась боль. В суставах неприятное ощущение — будто кости трутся друг о дружку. Ходьба по неровной и рыхлой поверхности еще более усугубляет чувство усталости.

Некоторое время он отдыхает, потом подходит к арыку, пьет, затем раздевается и входит в воду. Прохладная вода освежает его, и он продолжает путь, останавливаясь только дл того, чтобы сорвать еще несозревшие плоды. «Значит, ты считаешь, что забрался далеко от гонады? — обращается он к самому себе. — Ты проголодался и не прочь повернуть назад? Пробиваться сквозь эти поля из последних сил, пытаясь дотащиться от отдаленной башни? Умирать от голода среди этого зеленого изобилия? Нет, ни за что! Он пойдет только вперед, не будь он Майкл Стэйтлер».

Одиночество начинает действовать на него угнетающе. Это чувство удивляет его: ведь в гонаде его раздражала сутолока, толпы людей, путающиеся под ногами малыши, сплетничающие женщины. То, что определяется словом «скученность». В определенном смысле он, бывало, наслаждался дневными часами в межэтажье. Вокруг никого, девять его товарищей по смене, да и те далеко, занимаются своими собственными блоками. Годами лелеял он идею бегства в уединение, мечту об одиночестве. И вот он обрел его и для начала даже всплакнул от счастья. Но после полудня одиночество уже перестало казаться ему столь желанным. Он поймал

себя на том, что время от времени бросает на горизонт взгляды, как будто бы ожидая там силуэт человеческого существа. Возможно, если бы Микаэла была с ним, вдвоем им было бы легче. Как Адаму и Еве. Но она, конечно, не пошла бы с ним. Хоть они и двойняшки, но гены у них не одни и те же. Она тоже неугомонная, но она никогда бы не сделала чего-то экстраординарного. Он представляет, как она через силу передвигается рядом с ним. Как по временам они валятся в посевы, и он натягивает ее.

Одиночество уже утомило его. И он начинает кричать. Он выкрикивает свою фамилию, имена — Микаэла, Стэсин, детей.

— Я житель Эдинбурга! — орет он. — Я из гонады 116! С 704-го этажа! — звуки его голоса уносятся к кудрявым облакам. Как восхитительно сейчас небо, расцвеченное голубым, палевым и белым.

Внезапно доносится гудящий звук... Откуда? Кажется, с севера. С минуты на минуту звук становится громче. Неприятное, пульсирующее, хриплое гудение. Неужели он своими криками привлек внимание какого-то монстра? Он заслоняет от света глаза. Вот оно, чудовище: длинная черная труба медленно пикирует на него с высоты около ста метров. Он бросается на землю, втискиваясь между рядами капусты или турнепса. У черного урода вдоль бортов высовывается дюжина похожих на обрубки сопел, из которых брызжут облака зеленого тумана. Майкл догадывается, что это, наверное, обрызгиватель посевов ядами против насекомых и других вредителей. Он свертывается калачиком, поджимает колени к подбородку, прячет лицо в ладони. Машина уже над головой, звук ее невыносим. Он убьет его своими децибеллами, либо своей мерзкой жидкостью.

Но вот интенсивность звука уменьшается — машина удаляется. Пестицид оседает, и Майкл старается не дышать. Губы у него плотно сомкнуты. Липкая влажная пленка обволакивает Майкла. Как скоро она убьет его? Он отсчитывает минуты до своей смерти. Летающая машина уже далеко, а Майкл жив. Он осторожно открывает глаза и встает. Опасность миновала, и он бежит через поле — прямо к сверкающей полоске ближнего ручья, бухается в него и панически скребет свое тело. Только выбравшись из ручья, он осознает, что ручей тоже ведь был обрызган. Как бы то ни было, а он пока еще жив! Далеко ли до ближайшей коммуны?

В своей беспредельной мудрости планировщики этой фермы почему-то позволили одному низкому холму выжить. Понявшись на него, Майкл осматривается. Вдали необычно уменьшившиеся гонады, вокруг него возделанные поля. Он видит машины, движущиеся в несколько рядов, со множеством рук, выдергивающих сорную

траву. И никаких признаков поселения. Спустившись с холма, он видит одну из сельскохозяйственных машин. Первый контакт за весь день.

— Привет! Я — Майкл Стэйтлер из гонады 116. Как тебя зовут, машина? Какую работу ты выполняешь?

Злобные желтые глаза изучают его и отворачиваются. Машина разрыхляет почву у основания каждого растения и вбрызгивает в корневую систему жидкость молочного цвета. Недружелюбная грязнуля! А может быть, она просто не запрограммирована на разговор.

— Я не в обиде, — говорит Майкл. — Молчание — золото. Хотя было бы совсем не плохо, если бы ты подсказала мне, где я могу достать немного еды или найти людей.

Снова гудение. Надо же! Еще один вонючий обрызгиватель. Майкл пригибается, готовый снова свернуться клубком. Но нет, это летающая штука не брызжется и, кажется, не собирается этого делать. Она кружит над головой и производит адский шум. В брюхе машины открывается люк. Наружу вываливается двойная прядь прекрасного золотистого волокна, достающая до земли. По ней на подъемнике соскальзывают вниз два человеческих существа — женщина и мужчина. Они ловко приземляются и направляются к Майклу. У них зловещие лица, глаза сверкают, как бусинки. У пояса оружие. Единственная одежда — глянцевитые красные повязки, закрывающие их от ляжек до живота. Тела не жирные, кожа — загорелая. У мужчины густая черная борода — неправдоподобные, нелепые волосы на лице! Груди у женщины небольшие и тугие.

Мужчина и женщина обнажают свое оружие.

— Хелло, — хрипло окликает их Майкл. — Я из гонады. Хочу вот посетить ваши края. Я вам друг! Друг!

Женщина произносит что-то невразумительное, а мужчина пожимает плечами.

— Жаль, но я не понимаю...

Они тычут оружием в его ребра. Холодные, непроницаемые лица... Они убьют его? Их глаза похожи на ледяные пуговки.

Теперь начинает говорить мужчина. Медленно и четко, очень громко — так разговаривают с маленькими детьми. Наверное, его обвиняют в нарушении границ полей. Должно быть, одна из сельскохозяйственных машин донесла о нем в коммуну. Майкл показывает им на видную отсюда гонаду и стучит себе в грудь. Они должны понять во что бы то ни стало. Они должны узнать, откуда он. Не меняя выражения лиц, его конвоиры завороженно кивают. Похоже, он арестован. Угрожающий святости полей незваный гость. Женщина берет его за локоть. По крайней мере, они не собираются его убивать. Дьявольски шумная штука все еще кружит над их

головами. Майкла подводят к свисающим волокнистым прядям. Первой поднимается женщина. Мужчина говорит что-то Майклу, что предположительно означает нечто вроде «теперь ты». Майкл улыбается. Сотрудничество — его единственная надежда. Некоторое время он раздумывает над тем, как забраться в подъемник. Мужчина производит настройку, накрывает его, и он поднимается. Ожидающая их наверху женщина извлекает его из подъемника и заталкивает в клеткообразную раму. Оружие она держит наготове. Минутой позже мужчина тоже на борту; люк закрывается, и рев машины усиливается. В полете они оба пытаются допрашивать его, бросая ему резко звучащие слова, но он лишь крутит головой:

— Я не говорю на вашем языке. Как же я могу рассказать вам то, что вы хотите узнать?

Спустя несколько минут машина приземляется. Они выталкивают его на голое красновато-коричневое поле, на краю которого он видит низкие кирпичные здания с плоскими крышами, странные тупорылые серые экипажи, несколько многоруких сельскохозяйственных машин и несколько дюжин мужчин и женщин в красных набедренных повязках. Детей не видно. Наверное, они в школе, хотя уже давно за полдень. Люди смотрят на Майкла и переговариваются между собой. Речь невразумительная, резкая. Слышен смех. Майкл несколько напуган, не столько возможной опасностью, сколько необычностью всего происходящего. Он понимает, что это и есть сельскохозяйственная коммуна.

Вся его дневная прогулка была лишь прелюдией к переходу из одного мира в другой.

Пленившие его мужчина и женщина ведут его через поле и толпу народа и вталкивают в одно из расположенных рядом зданий. Фермеры ощупывают его одежду, трогают его голые руки и лицо, изумленно перешептываются, будто он — марсианин.

Здание плохо освещено, построено грубо, с кривыми стенами, низкими потолками и покоробленными полами из бледной, будто в оспинах, пластмассы. Его заталкивают в пустую, унылого вида комнату с кислым запахом. Чем это пахнет? Рвотными массами?

Прежде чем уйти, женщина жестами указывает на умывальный таз из какого-то белого искусственного вещества со структурой гладкого камня, местами пожелтевшего и потрескавшегося. Спальной платформы здесь нет, очевидно, у одной из стен свалена груда смятых одеял. Душа нет. Для экскрементов имеется очень простой агрегат — пластмассовая воронка, уходящая в пол, и педаль для сброса. Очевидно, это и для мочи, и для кала. Древность и простота устройства подсказывают ему, что у них нет нужды в замкнутом цикле переработки отходов и в их круговороте. В комнате нет источника искусственного света. Последний слабый свет уходящего дня струится сквозь единственное окно. Оно выходит на площадь,

где все еще толпятся фермеры, по-видимому, обсуждающие происшествие. Он видит, как они кивают головами, указывая на его окно пальцами. Окно заделано металлическими прутьями, слишком близко поставленными друг к другу, чтобы протиснуться сквозь них. Значит, это тюремная камера. Он дергает дверь — она заперта. Не скажешь, что его встретили здесь дружественно. Если так будет продолжаться, он не достигнет морского побережья никогда.

— Послушайте, — обращается он к людям на площади. — Я не хочу вам зла! Вам незачем запирать меня!

Они смеются. Двое молодых мужчин прохаживаются у окна и глазеют на него. Один из них подносит руку ко рту и усердно наполняет ладонь слюной; когда это сделано, он предлагает ладонь своему приятелю, который своей рукой выдавливает слюну. Оба корчатся от дикого смеха. Майкл озадаченно наблюдает за ними. Он слыхал о диких нравах в коммунах, о примитивных варварских обычаях. Молодые мужчины говорят ему что-то презрительное и уходят. Их место у окна занимает девушка, как он предполагает, лет пятнадцати или шестнадцати. Груди у нее большие и загорелые, между ними висит амулет в виде мужского полового органа. Она так поглаживает амулет, что он принимает это за похотливое приглашение.

— Я бы полюбил тебя, — говорит он, — если бы только ты вызволила меня отсюда.

Он просовывает руку сквозь прутья, намереваясь погладить ее. Она отпрыгивает назад и делает непристойный жест, тыча в него левой рукой с четырьмя пальцами, нацеленными в его лицо, и прижатым большим пальцем. Явная непристойность.

Как только она уходит, приходят поглазеть несколько людей постарше. Женщина покачивает подбородком в медленном, равномерном, очевидно, полном какого-то смысла ритме; иссушенный мужчина степенно прижимает ее левую ладонь к своему локтю — три раза; другой мужчина нагибается, касается руками земли и встает, поднимая их высоко над головой, возможно, представляя пантомимой рост очень высоких растений, а возможно, здание гонады. Как бы то ни было, он разрешается пронзительным смехом и отступает.

Близится ночь. В сумерках Майкл видит непрерывную череду приземляющихся на площади посевообрызгивающих машин. Они словно птицы, возвращающиеся в гнезда при заходе солнца. Крупно вышагивая, из полей приходят дюжины многоногих самодвижущихся сельскохозяйственных агрегатов. Зрители исчезают; Майкл видит, как они входят в другие здания на площади. Несмотря на неопределенность своего положения, Майкл захвачен всем увиденным: эти люди живут так близко от земли, почти весь долгий день

ходят под палящим солнцем, ничего не знают о наполненных техническими чудесами гонадах.

Вооруженная девушка приносит ему обед; оставив дверь открытой, она входит и ставит поднос; затем выходит, не сказав ни слова.

Вареные овощи, прозрачный бульон, неизвестные ему красные фрукты, холодное вино. Фрукты помятые и перезрелые, но все остальное великолепно. Он жадно ест, очищая поднос. Затем снова подходит к окну. Середина площади пуста, но на дальнем ее конце восемь или десять мужчин, очевидно, дежурная обслуживающая смена, что-то делают у сельскохозяйственных машин при свете трех летающих светящихся шаров.

Теперь его камера погружена в полную темноту, и ему не остается ничего другого, как раздеться и вытянуться на разостланных одеялах. Но, хотя он изнурен долгим дневным переходом, сон к нему приходит не сразу: мозг продолжает функционировать, размышляя о будущем. Несомненно, завтра его будут допрашивать. Должен же кто-нибудь здесь знать язык гонад. Тогда он сможет убедить их, что не хочет причинять им зла. «Улыбнись им, — говорит он сам себе в мыслях, — прояви дружелюбие и чистоту намерений. Уговори их отпустить тебя и позволить продолжить свой путь к морю. А что, если его будут арестовывать от коммуны к коммуне? Не слишком веселая перспектива! Может быть, удастся найти путь, ведущий мимо сельскохозяйственной зоны, например, мимо руин каких-нибудь бывших городов. А если там не живут дикари? Фермеры, по крайней мере, по-своему цивилизованны». Голову его заполняют страшные картины: вот на развалинах старого Питтсбурга его жарят каннибалы... В другом месте его едят сырым... Почему фермеры так подозрительны? Что может сделать им безоружный одинокий странник? Он решает, что это естественная ксенофобия изолированной культуры. Точно так же, как нам не хотелось бы, чтобы фермер оказался в гонаде. Да, но гонады — закрытые системы. В них все пронумерованы, привиты, определены на надлежащие места. А эти люди имеют менее строгую систему. Надо попытаться убедить их, что им нечего бояться незнакомцев. С этой мыслью он погружается в сон.

Спустя час или два его будит нестройная музыка, чувствительная и раздражающая. Он садится: на стенах его камеры мелькают красные тени. Какие-то визуальные проекции? Или снаружи огонь? Майкл бросается к окну. Да! Огромный курган из сухих стеблей, ветвей, овощных отходов пылает по середине площади. Он никогда не видел прежде огня, кроме как на экране, и вид костра одновременно устрашает его и доставляет наслаждение. Эти колышу-

щиеся, поднимающиеся и исчезающие красные клубки — куда они деваются? Даже здесь, в камере, он ощущает идущее волнами тепло. Теплый воздушный поток, переменчивые формы танцующих языков пламени — как это неправдоподобно прекрасно! И опасно. Неужели они не боятся, давая волю огню, вот так, как сейчас? Ну конечно же вокруг костра голая земля, огонь не может пересечь ее. Земля не горит.

Он с усилием отводит глаза от гипнотического безумства огня. Около дюжины музыкантов сидят в ряд слева от костра. Инструменты у них допотопные: духовые, щипковые или клавишные. Звуки, извлекаемые из них, нечистые и неточные — они колеблются около надлежащих частот и чуть-чуть отличаются от основных тонов. Майкла, имеющего отличный музыкальный слух, коробит эта едва заметная фальш. Но фермерам, кажется, все равно. Они не избалованы механическим совершенством научно выверенной музыки.

Сотни фермеров, вероятно, все население деревни, сидят неровными рядами по периметру площади, временами покачиваясь в такт завывающей, пронзительно вскрикивающей музыке, колотя пятками по земле, ритмично похлопывая по локтям. Отсветы огня превращают их в скопище демонов: по их полуобнаженным телам струится зловещий красный свет. Среди них он видит и детей — их здесь не слишком много: двое здесь, трое там, много взрослых пар с одним ребенком, а то и вообще без детей. Он ошеломлен сделанным открытием: они ограничивают рождаемость! Это ужасно! По коже у него ползут мурашки. Он изумлен собственной невольной реакцией. Как бы ни отличались его гены от ген других людей гонады, он человек гонады, со всеми ее условностями.

Музыка становится еще пронзительнее и беспорядочнее. Пламя костра поднимается еще выше. Теперь фермеры начинают танцевать. Майкл ожидает, что это будет не танец, а бестолковая суматоха, но, к его безмерному удивлению, это вполне упорядоченные серии движений: мужчины в одном ряду, женщины в другом; вперед, назад, смена партнеров, локти высоко, головы откинуты, колени покачиваются, теперь прыжок, поворот кругом, снова в ряды, взяться за руки. Темп все время нарастает, но ритм постоянно отчетливый и согласованный. Много па носят явно ритуальный характер. Глаза у танцоров потемнели, губы плотно сжаты. «Это не пирушка, — вдруг осознал он. — Это — религиозный праздник, обряд людей коммуны. Что они там замышляют? Уж не он ли является жертвенным агнцем? Провидение послало им человека из гонады. Специально для этой цели!»

Майкл панически высматривает признаки котла, вертела, кола, любого предмета, пригодного для того, чтобы зажарить или сварить

его. В гонаде всегда циркулируют ужасные слухи о коммунах, но Майкл относился к ним как к примитивным мифам. А может быть, это вовсе и не мифы?

Когда за ним придут, он нападет первым. Лучше быть убитым, чем погибнуть бесславно на деревенском алтаре.

Прошло еще полчаса, но никто даже не взглянул в сторону его камеры. А танец все продолжался. Исходящие потом фермеры выглядят как фигуры из сновидения — блестящие и причудливые. Голые груди подрагивают, ноздри раздуты, глаза пылают. В костер подбрасываются все новые сучья.

Но что это?

На площадь торжественно выходят фигуры в масках — трое мужчин и трое женщин. Их лица спрятаны под грубыми сферическими сооружениями. Женщины несут овальные корзины, в которых можно видеть продукты, произведенные в коммуне: зерна, сухие колосья пшеницы, огородные овощи. Мужчины окружают седьмую фигуру — женщину. Двое тянут ее за руки, а третий подталкивает сзади. Она беременна, видимо, на шестом или седьмом месяце. Она без маски, лицо напряженно и неподвижно, глаза широко раскрыты в испуге. Мужчины бросают ее перед огнем и становятся рядом. Она стоит на коленях с поникшей головой, длинные волосы почти касаются земли, набухшие груди колышутся при каждом ее порывистом вздохе. Один из людей в масках — он, несомненно, жрец — затягивает пронзительное заклинание. Одна из женщин в маске всовывает в каждую руку беременной женщины по колоску пшеницы. Другая посыпает ее едой и приминает еду к ее потной спине. Третья посыпает зернами ее волосы. К песнопению мужчины присоединяются остальные двое мужчин. Прижавшись к прутьям своей камеры, Майкл чувствует себя так, словно его отбросили во времени на тысячу лет назад и он попал на какое-то празднество неолита; ему уже почти невозможно представить себе, что всего лишь в однодневном переходе отсюда вздымается тысячеэтажная громада гонады 116.

Жрецы закончили помазание беременной женщины съестными продуктами. Двое жрецов рывком ставят ее на ноги, а одна из жриц срывает с нее ее последнее одеяние. Жители деревни издают протяжный вой. Жрецы окружают женщину и, поворачивая, выставляют ее наготу на всеобщее обозрение. У нее сильно выдающийся живот, тугой, как барабан, блестящий в свете костра, широкие бедра и крепкие ляжки, мясистые ягодицы. Предчувствуя что-то зловещее, Майкл в ужасе прижимается к прутьям. Вот она — жертва! Вырванный из утробы нерожденный плод, дьявольская пища богов урожая?!

И может быть, он, Майкл, предназначен в палачи. Лихорадочное воображение Майкла дополняет сценарий: он видит, как его выводят из камеры, выталкивают на площадь, в руку ему всовывают серп; у костра животом вверх распростерта женщина, жрецы поют псалмы, скачут жрицы и в пантомиме указывают ему напряженные закругления ее тела, пальцами чертят по предполагаемым линиям разреза, в то время как музыка взвивается ввысь до умопомешательства, костер разгорается все ярче, все выше и... Нет! Не надо! Майкл отворачивается, закрывая глаза рукой. Он весь дрожит, к горлу подступает тошнота. Когда он пришел в себя и снова выглянул в окно, он увидел, что жители деревни движутся в танце к беременной женщине у костра. Она стоит, сжимая в руке колосья пшеницы, стиснув ляжки и изогнув плечи, пристыженная своей наготой. А они глумятся над ней, выкрикивая хриплые ругательства, делая четырьмя пальцами скабрезные жесты, дразня ее и обвиняя. «За что? Кто она? Осужденная на казнь колдунья?»

Женщина сжалась в комок. Толпа подступает к ней вплотную. Он видит, как они пинают ее, плюют на нее.

— Оставьте ее! — кричит он. — Грязные негодяи, прочь он нее руки!

Но его вопль заглушен музыкой. Теперь уже около дюжины фермеров окружают женщину плотным кольцом. Женщина шатается, чуть не падая с ног, туда и сюда мечется, но везде наталкивается на сплошное кольцо. Удары сыплются на ее разбитую грудь и спину. Она часто и тяжело дышит и, одичавшая он ужаса, ищет спасения, но круг не размыкается, и они снова и снова отбрасывают ее внутрь. Когда она падает, они рывком подымают ее и снова швыряют, схватив за руки и перебрасывая по кругу. Когда круг размыкается, другие жители деревни тянутся к ней. Снова раздаются ругательства. Все бьют раскрытыми ладонями, и, кажется, никто не бьет по животу. Удары наносятся с большой силой. Струйка крови течет по ее подбородку и шее, а колено и одна ягодица в ссадинах, образовавшихся при падении на землю. Она прихрамывает — должно быть, подвернула ступню. Совершенно беззащитная из-за своей наготы, она не делает попыток защититься или хотя бы оберегать живот. Сжимая колосья пшеницы, она покорно подчиняется своим мучителям, позволяя швырять, щипать и толкать себя. Толпа колышется возле нее; все сменяются по очереди. Сколько она еще выдержит? Чего они хотят? Забить ее до смерти? Или заставить скинуть ребенка в их присутствии? Майкл не мог представить себе ничего подобного. Он чувствует удары, наносимые ей, так, будто они ложатся на его собственное тело. Если б он мог, то поразил бы этих людей насмерть молниями. Где их уважение к жизни? Эта женщина должна быть неприкосновенной, а они мучат ее.

Толпа вопящих людей скрывает ее. Когда спустя одну-две минуты они расступаются, она стоит на коленях, близкая к обмороку. Ее губы кривятся в истерических сдавленных рыданиях, она вся дрожит, голова ее поникла. Все ее тело покрыто грязью, на правой груди кровавые следы чьих-то ногтей.

Но вот музыка становится неожиданно монотонной, словно предвещая наступление кульминационного момента. «Сейчас они придут за мной, — думает Майкл. — Меня заставят убить ее, или натянуть, или ударить ее по животу, или бог знает что еще». Но никто даже не взглядывает на его темницу.

Три жреца запевают в унисон; музыка звучит все глуше; жители деревни отступают назад, собираясь группами по периметру площади. А женщина, вся дрожа, неуверенно встает и оглядывает свое окровавленное и избитое тело. Лицо ее не выражает ничего — она вне боли, вне стыда, вне ужаса. Она медленно идет к костру. Натолкнувшись на жар пламени, отступает и выпрямляется. Теперь она стоит у самого костра, спиной к огню. Языки пламени почти достают до нее. Вся спина покрыта царапинами. Таз широкий, кости развернуты, так как уже близится время родов.

Громкость музыки вновь нарастает. Жрецы умолкают и замирают в неподвижных позах. Очевидно, близится решающая минута. Может, она прыгнет в пламя?

Нет! Женщина взмахивает руками, протягивая колосья пшеницы к пламени костра, и выбрасывает их в огонь — две короткие вспышки, и они исчезают. Раздается немыслимый рев, музыка превращается в грохочущую какофонию. Изнуренная нагая женщина неверной походкой отходит от костра и падает на левое бедро, конвульсивно всхлипывая. Жрецы величественно уходят в темноту, исчезают и жители деревни. Но площади остаются только двое: скорчившаяся на земле женщина и высокий бородатый человек. Майкл вспоминает, что видел его в центре толпы, когда били женщину. Мужчина подходит к ней, подымает ее и нежно качает. Он целует ее исцарапанную грудь, легонько проводит рукой по животу, как бы удостоверясь, что дитя цело. Женщина льнет к нему. Он что-то тихо ей говорит, она отвечает хриплым от шока голосом. Мужчина берет ее на руки и легко поднимает и несет ее к одному из зданий на противоположной стороне площади.

Все окончилось, остался только костер. Проходит много времени — никто больше не появляется. Майкл отходит от окна и, вконец сбитый с толку, бросается на постель.

Вокруг темно и тихо. Картины жуткой церемонии снова проносятся перед Майклом. Он вздрагивает, чувствуя, что вот-вот заплачет. Наконец забывается тяжелым сном.

3

Его будят к завтраку. Прежде чем подняться, он несколько минут рассматривает поднос. Больные после вчерашней хотьбы мускулы протестующе отзываются на каждое движение. Он ковыляет к окну — там, где был костер, осталась лишь груда пепла. Снуют по своим делам жители, сельскохозяйственные машины уже направляются к полям. Он плещет водой в лицо, отправляется в воронкообразное устройство, автоматически идет в душ и, не найдя его, удивляется, как он терпит слой грязи, накопившейся на его коже. Прежде он не осознавал, как прочно укоренилась в нем привычка — в начале каждого дня забираться под ультразвуковые волны.

Он принимается за поднос: соус, хлеб, сырые фрукты, вино; все выглядит очень аппетитно. Прежде чем он успевает управиться с едой, дверь камеры отворяется, и входит женщина, одетая в короткий костюм, принятый в коммуне. Он догадывается, что она не из рядовых работников: у нее холодный властный взгляд, а лицо имеет интеллигентное выражение. Ей, наверное, около 30 лет. Как и другие женщины коммуны, она стройна; у нее эластичные мускулы, длинные ноги и маленькие груди. Чем-то она напоминает ему Микаэлу, только ее короткие волосы каштанового цвета гладко острижены. На левом ее боку с ремня свисает оружие.

— Мне не доставляет удовольствия вид твоей наготы, — сказала она непререкаемым тоном. — Оденься, и тогда мы сможем поговорить.

Она говорила на языке гонады! Правда, проглатывались с акцентом окончания слов, словно ее ослепительно сверкающие зубы откусывали им хвосты; гласные звуки были искажены. Однако, несомненно, это был язык его родного здания. Наконец-то он установит с ними связь!

Он поспешно набрасывает на себя свою одежду, она с каменным лицом наблюдает за ним. Очевидно, она не из покладистых.

— В гонадах, — говорит он, — нас не слишком заботит, одеты мы или раздеты. Мы живем в так называемом постуединенной культуре.

— Но здесь не гонада!

— Я понимаю, что нарушил ваши обычаи, и сожалею об этом.

Наконец он прикрыл свою наготу. Она несколько смягчилась, благодаря его извинениям и послушанию. Сделав несколько шагов в глубину камеры, она говорит:

— Давно уже среди нас не появлялся шпион из гонад.

— Я не шпион!

Холодная скептическая улыбка.

— Тогда почему ты здесь?

— Я не собирался ничего делать на землях вашей коммуны. Я только проходил по ним, направляясь на запад, к морю.

— В самом деле? — она сказала это так, словно он сообщил ей, что вышел прогуляться к Плутону. — Значит, ты путешествуешь? И, конечно, один?

— Да.

— И когда же началась твоя увеселительная прогулка?

— Вчера, рано утром, — ответил Майкл, — Я из гонады 116. Программист, если это вам что-нибудь говорит. Я внезапно почувствовал, что больше не могу оставаться внутри здания: я должен узнать, на что похож внешний мир. И тогда я устроил себе выходной пропуск и улизнул из гонады перед самым рассветом. Я пришел ни ваши поля, ваши машины увидели меня, и вскоре меня «подцепили». Всему виной языковый барьер. Я не мог объяснить, кто я такой.

— Что ты надеешься узнать, шпионя за нами?

— Я же сказал вам, что я не шпион, — устало говорит он, сразу сникнув.

— Гонадские люди не имеют привычки удирать из своих зданий. Я много лет имела дело с людьми этого рода, я знаю, как вы мыслите. — Взгляд ее холодных глаз уперся в него. — Да вас бы парализовал ужас через пять минут, после того как вы вышли, — добавила она. — Конечно же тебя натренировали для этой миссии, иначе ты был бы не способен продержаться целый день в полях. Никак не пойму, зачем они послали тебя. У вас свой мир, а у нас — свой. У нас нет конфликтов, наши интересы не сталкиваются, а значит, нет нужды в шпионаже.

— Целиком с вами согласен, — говорит Майкл. — Именно поэтому я не шпион.

Он чувствует, что его влечет к ней, несмотря на суровость ее поведения. Ее знания и самообладание привлекают его. Если б она еще улыбалась, то была бы совершенно неотразима. Он продолжает:

— Как мне заставить вас поверить мне? Я только хотел повидать мир вне гонады. Вся моя жизнь прошла внутри помещения. Ни запаха свежего воздуха, ни ощущения солнечных лучей на коже. Тысячи людей живут надо мной. Я обнаружил, что не слишком согласен с гонадским образом жизни. И тогда я вышел наружу. Я не шпион. Я только хотел попутешествовать, увидеть море. Вы видели море? Нет? Это моя заветная мечта — погулять по берегу, услышать шум накатывающихся на него волн, почувствовать под своими ногами мокрый песок...

Страстность его тона, наверное, начинает убеждать ее. Она пожимает плечами, вид ее несколько смягчается, и она говорит:

— Как тебя зовут?

— Майкл Стэйтлер.

— Возраст?

— Двадцать три.

— Мы бы могли посадить тебя на борт следующего быстроходного поезда, груженного грибами. Ты будешь в своей гонаде через полчаса.

— Нет, — просит он, — не делайте этого. Позвольте мне идти на запад! Я не хочу возвращаться, не увидев моря.

— Значит, ты еще не собрал достаточно информации?

— Я же говорил вам, что я не... — он останавливается, поняв, что она поддразнивает его.

— Ладно. Может быть, ты и не шпион. Наверное, просто сумасшедший. — Она улыбается — в первый раз за все время — и садится на корточки у стены, не спуская с него взгляда. И уже легким непринужденным тоном спрашивает: — А что ты думаешь о нашей деревне, Стэйтлер?

— Я даже не знаю, что сказать.

— Ну, какое мы произвели на тебя впечатление? Какие мы? Простые или сложные? А может, злые? Ужасные?

— Странные, — отвечает он.

— Странные относительно тех людей, среди которых ты жил, или вообще?

— Мне трудно определить... Вы как будто из другого мира. Это одно и то же. Я... Как тебя, между прочим, зовут?

— Арта.

— Артур? У нас это мужское имя.

— А-р-т-а.

— А, Арта. Как прекрасно, что ты живешь так близко к земле, Арта. Для меня это только мечта. Эти маленькие дома, эта площадь. Все ходят по открытому пространству. Солнце. Огни зданий. Ни лестниц, ни спусков... А этот обряд ночью. Музыка, беременная женщина. Что это было?

— А-а. Ты о противородовом танце?

— Так вот что это было! Это был... — он запинается, подбирая слово, — обряд стерилизации?

— Это танец для того, чтобы обеспечить хороший урожай, — говорит Арта, — чтобы посевы были здоровыми, а деторождаемость низкой. У нас есть свои законы о рождаемости.

— А женщина, которую били, она что? Забеременела незаконно, да?

— О, нет, — смеется Арта. — Дитя Милчи вполне законное.

— Тогда зачем же... так ее мучить... ведь она могла бы потерять дитя...

— Кое с кем так и случается, — спокойно говорит Арта. — В коммуне сейчас одиннадцать беременных женщин. Они тянули жребий, и Милча проиграла. Или выиграла. Понимаешь, это не

истязание, это религиозный обряд: она — священная избранница, святой козел отпущения... я не знаю соответствующего слова на вашем языке. Своими страданиями она приносит здоровье и процветание коммуне. Охраняет наших женщин от нежеланной беременности, чтобы не нарушалось равновесие. Конечно, это очень больно и стыдно — быть обнаженной перед всеми. Но это должно быть выполнено. Это большая честь. С Милчей этого никогда больше не сделают, и она будет иметь определенные привилегии в течении всей оставшейся жизни. И конечно, все благодарны ей — теперь мы еще на год защищены.

— Защищены? Он чего?

— От гнева богов.

С минуты он старается постичь, при чем тут боги. Потом спрашивает:

— А почему вы стараетесь уклоняться от рождения детей?

— Может быть, ты думаешь, что мы владеем всем миром? — вдруг ожесточается Арта. — У нас есть коммуна. Нам выделена определенная площадь земли. Мы должны производить пищу для себя, а также для гонад, ясно? Что было бы с вами, если бы мы просто размножались, размножались и размножались — до тех пор, пока наша деревня не заняла бы половину существующих полей и пищи, которую мы производим, хватало бы только для наших собственных нужд? Дети должны жить в домах, дома занимают землю. Как обрабатывать землю, занятые домами? Вот и выходит, что должны быть ограничения.

— Но вам незачем расширять свою деревню за счет полей. Вы должны строиться вверх. Как это делаем мы. Тогда можно увеличивать количество членов вашей общины десятикратно, не занимая ни кусочка земли. Ну, конечно, вам потребовалось бы больше пищи, и вы бы отправляли бы меньше нам, но...

— Ты ничего не понимаешь, — огрызнулась Арта. — Зачем нам превращать коммуну в Гонаду? У вас свой образ жизни — у нас свой. Наш образ жизни требует от нас быть немногочисленными и жить посреди изобильных полей. Зачем нам становиться такими, как вы? Мы гордимся тем, что непохожи на вас. Если бы мы развивались, то развивались бы только горизонтально. И через некоторое время покрыли бы поверхность земли безжизненной корой мощеных улиц и дорог, как в прошлые времена. Нет! Нам это не по душе. Мы наложили на себя ограничения — и мы счастливы. И так будет всегда. Тебе это кажется безнравственным? Мы же думаем, что безнравственны гонадские народы, не контролирующие свое размножение, проповедующие бесконтрольное размножение.

— Нам нет нужды контролировать его, — ответил он ей. — Математически доказано, что мы еще далеко не исчерпали воз-

можностей планеты. Наше население могло бы удвоиться и даже утроиться, пока мы будем продолжать жить в вертикальных городах, в гонадах, где для каждого найдется комната. Без вторжения в обрабатываемые земли. Мы строим новую гонаду каждые несколько лет, и при этом снабжение не уменьшается, ритм нашего образа жизни поддерживается и...

— И ты думаешь, это может продолжаться бесконечно долго?

— Ну не бесконечно... — соглашается Майкл. — Но долго. При существующих темпах прироста пройдет, может быть, лет пятьсот, прежде чем мы почувствуем какое-нибудь ущемление своих интересов.

— А потом?

— Эту проблему решат, когда придет время.

Арта яростно трясет головой.

— Нет! И еще раз — нет! Как ты можешь говорить такое? Как можно размножаться, не заботясь о будущем?

— Послушай, — говорит он. — Я разговаривал со своим зятем — историком. Он специализируется на XX веке. Тогда считали, что все будут голодать, если население мира перевалит через 5 или 6 миллиардов человек. Очень много было разговоров о перенаселении. Когда наступила катастрофа, был восстановлен порядок. Старые горизонтальные методы использования земель были запрещены, построили первую гонаду и потом вторую... Получили жилища 10 миллиардов человек, затем 50, а теперь и 75 миллиардов. И их существование обеспечивается более эффективной пищевой продукцией, более высокими зданиями, большей концентрацией людей на непродуктивных землях. В XX веке никто не поверил бы, что возможно прокормить столько людей на Земле. Что может помешать нашим потомкам прокормить 500 миллиардов и даже — как знать? — 1000 миллиардов? А если бы мы тревожились наперед о проблеме, которая в действительности может и не возникнуть, если бы мы гневили бога ограничением рождаемости, мы бы согрешили против жизни, без всякой уверенности, что...

— Ха! — фыркает Арта. — Вы никогда не поймете нас, а мы никогда не поймем вас. — Поднявшись, она крупными шагами идет к двери. — Ты вот что мне скажи: если гонадский образ жизни так удивителен и замечателен, зачем ты ушел из гонады и пустился странствовать по полям?

Ответа она не дожидается. Дверь хлопает за ней, Майкл подходит к двери и обнаруживает, что она заперта. Он остается один и по-прежнему в заключении.

Нескончаемо длится однообразный день. Никто не приходит к Майклу, за исключением девочки, принесшей ему ленч: вошла и вышла. Зловоние камеры подавляет его. Отсутствие душа становится невыносимым; он воображает, что накопившаяся на ко-

же грязь дырявит и разъедает ее. Вытягивая шею, чтобы лучше видеть, он следит из своего узкого окна за жизнью коммуны. Приходят и уходят обрабатывающие землю машины. Рослые фермеры грузят мешки с продуктами на исчезающую под землей конвейерную ленту, идущую, несомненно, к скоростной транспортной системе, что доставляет пищу в гонады, а промышленные товары — в коммуны.

Хромая, мимо проходит Милча, вся в синяках, по-видимому, освобожденная на сегодня от работы; жители деревни приветствуют ее как ни в чем не бывало. Она улыбается и хлопает себя по животу.

Майкл обеспокоен тем, что не видит Арту. Почему она не выпускает его? Он совершенно уверен, что убедил ее в том, что он не шпион. И, по крайней мере, в том, что вряд ли ему удалось бы причинить вред коммуне. И тем не менее он в камере, тогда как день уже склоняется к вечеру. А снаружи повсюду занятые люди — потные, загорелые, целеустремленные.

Майклу видна только часть коммуны: где-то вне поля его зрения должна быть школа, театр, административное здание, склады, ремонтные мастерские. В его памяти оживают картины обряда прошлой ночью. Поистине варварство: дикая музыка, страдания женщины. Но, несмотря на это, он понимает, что думать об этих фермерах как о примитивных существах — заблуждение. Они кажутся ему странными, но их дикость — это только маска, которую они надевают, чтобы отделиться он гонадских жителей. Это — сложное, хорошо сбалансированное общество. Такое же сложное, как и его собственное. Они управляют совсем не простыми механизмами. Без сомнения, у них должен быть вычислительный центр, управляющий выращиванием и уборкой урожая, а для этого нужен штат искусных техников. Надо разбираться в агрономических проблемах: в пестицидах, подавляющих сорняки, а также в экологических тонкостях. Ему, Майклу, видна лишь внешняя сторона их жизни.

Уже в конце дня в его камере появляется Арта.

— Скоро ли меня выпустят? — немедленно спрашивает он.

— Еще не решили, — качает Арта головой. — Я рекомендовала им тебя отпустить. Но некоторые из наших очень подозрительные люди.

— Кого ты имеешь в виду?

— Вождей. Понимаешь, это — старики, с естественным для них недоверием к незнакомцам. Некоторые из них хотят принести тебя в жертву Богу урожая.

— Принести в жертву?

Арта ухмыляется. Сейчас она выглядит менее строгой, почти дружественной. Она на его стороне.

— Это звучит ужасно, правда? При случае наши боги требуют человеческих жизней. А разве не отнимают жизнь в гонадах?

— Когда кто-нибудь угрожает стабильности нашего общества, то да, — соглашается он. — Нарушителей законов сбрасывают в Спуск. В камеры сгорания, на дне здания. Их тела превращаются в энергию. Но...

— Значит, вы убиваете ради стабильности общества. Ну и мы иногда поступаем так же. Но не часто. По правде говоря, я не думаю, что тебя убьют. Но это еще не решено.

— Когда же они решат?

— Может быть, сегодня вечером. Или завтра.

— Разве я представляю какую-нибудь угрозу коммуне?

— А никто этого и не утверждает, — говорит Арта. — Принесение в жертву гонадского человека имеет целью увеличение нашего блага. В этом заключается философский смысл, который не так легко объяснить: жители гонад являются основными потребителями, и если наш Бог урожая символически поглотит гонаду в твоем лице, в лице представителя того общества, из которого ты пришел, то это будет мистическим подтверждением союза двух обществ, нитью, что связует коммуну с гонадой, а гонаду с коммуной и... Впрочем, может быть, они забудут о жертвоприношении. Всего лишь один день прошел после противородового танца, и мы еще не нуждаемся в священной защите. Я им говорила об этом. Я бы сказала, что твои шансы на освобождение довольно высоки.

— Довольно высоки, — мрачно повторяет за ней Майкл. В его голове проносятся видения отдаленного моря, пепельного конуса Везувия, Иерусалима, мраморного Тадж-Махала. Теперь они так же далеки, как звезды. Не море, а зловонная камера была ему уготована. Майкл предается отчаянию.

Арта пытается его ободрить. Она усаживается на корточках рядом с ним. Глаза ее теплы и нежны. От прежней ее воинственной резкости не осталось и следа. Кажется, он ей даже нравится. Узнавая его все больше, она словно бы преодолевает барьер культурных отличий, который делал его раньше таким чужим. То же происходит и с ним. Разделяющее их духовное расстояние уменьшается. Ее мир — не его, но он думает, что смог бы приспособиться к некоторым из этих обычаев. Между ними начинает зарождаться близость. Он мужчина, она женщина, в этом вся суть, а все остальное — форма. И все же в течение разговора он снова и снова вспоминает о том, как они различны. Он спрашивает ее и выясняет, что ей 31 год, что она не замужем. Он ошеломлен. Он говорит ей, что в гонаде нет неженатых людей в возрасте свыше двенадцати-тринадцати лет. Почему же она, такая привлекательная, не вышла замуж?

— У нас и так достаточно замужних женщин, — прозвучал ответ. — Мне незачем выходить замуж.

Может быть, она не хочет рожать детей? Нет, не потому. В коммуне уже есть надлежащее количество матерей. А у нее имеются другие занимающие ее обязанности.

— Какие?

Она поясняет, что входит в штат коммерческой связи между коммуной и гонадами. Вот почему она так хорошо говорит на его языке. Она часто имеет дело с гонадами, договариваясь об обмене продуктов на промышленные товары; отправляя обслуживающие механизмы на ремонт, в случае поломки, которую не могут устранить деревенские техники; выполняет и другие подобные поручения.

— Может быть, я даже передавал твои разговоры. Мне приходилось переключать некоторые каналы в блоках уровня закупок. Если я вернусь домой, я буду слушать тебя, Арта.

Ее улыбка прелестна. Майкл начинает подозревать, что в этой камере зарождается любовь.

В свою очередь Арта расспрашивает его о гонадах. Она ни разу не была внутри гонады: все ее контакты с гонадами проходят по каналам связи. Она просит его описать жилые апартаменты, транспортную систему, лифты и подъемники, школы, залы для развлечений. Кто готовит пищу? Кто решает, какую профессию должны получить дети? Можно ли переезжать из города в город? Где размещаются все новые и новые люди? Как гонадцы, вынужденные жить в такой тесноте, ухитряются не враждовать друг с другом? Не кажется ли им, что они — узники? Тысячи людей, набитые в здание, словно пчелы в улей, — как они это выносят? А как на них действует спертый воздух, искусственное освещение, оторванность от мира природы? Нет, для нее непостижима такая жизнь!

И он пытается рассказать ей обо всем. Так, что даже ему самому, сбежавшему из гонады, начинает казаться, что он любит ее. Он говорит о равновесии, о сбалансированности потребностей и желаний в этой мудро устроенной социальной системе, функционирующей с минимальными трениями и расстройствами; рисует общность жизненного уклада его собственного города и других городов, рассказывает о духе родительства в гонадах, о колоссальном механическом мозге в обслуживающем слое, поддерживающем тонкое взаимодействие городских ритмов в полном согласии. Он говорит с таким жаром, что, кажется, гонадская система превращается в поэму человеческих отношений, чудо гармонической цивилизации.

Арта кажется очарованной его выспренними словесами. А он продолжает восторженно описывать туалетные удобства, спальные приспособления, экраны и информтеры, системы для регенерации

мочи и кала; систему сжигания твердых отходов, обслуживающую генераторы, производящие электрическую энергию и аккумулирующие ее при избытке тепла; воздушную вентиляцию и циркуляционную систему; сложную социальную градацию различных уровней здания — руководители на одних уровнях, промышленные рабочие — на других, школьники, увеселители, инженеры, программисты и вычислители, администраторы — все по свои уровням. Он описывает комнаты старших и комнаты новобрачных, брачные обычаи, приятную терпимость ближних, как следствие непреложной необходимости выполнения заповедей, направленных против эгоизма.

Арта кивает головой и даже подыскивает слова, когда он оставляет предложение незаконченным, чтобы тут же перейти к следующему. Лицо ее вспыхивает от волнения, словно она, захваченная его рассказами, впервые в своей жизни поняла, что вовсе не обязательно считать грубой и античеловеческой скученность сотен тысяч людей в одном строении, в котором они проводят всю свою жизнь. В то же самое время Майкл удивляется, что его не увлекает собственная риторика; речь его звучит как у страстного пропагандиста того образа жизни, насчет которого у него самого появились серьезные сомнения. И все же он продолжает хвалебное описание гонады, считая ее единственно возможным путем развития человечества. Он описывает целесообразность вертикальных городов, красоту гонад, удивительную сложность их построения. Да, конечно, красота есть и вне гонады, он с этим согласен; ведь он ушел, чтобы искать ее повсюду, но крайне несправедливо считать гонаду чем-то предосудительным. Это — единственное в своем роде решение проблемы кризиса перенаселения, героический ответ на беспримерный вызов.

Рассказывая все это, Майкл надеется, что этим он расположит к себе Арту, и она станет доступной, эта сильнаяхладнокровная женщина общины, выросшая под жарким солнцем.

Упоение собственными словами теперь у него преобразуется в сексуальное устремление: он общается с Артой, он завладел ее вниманием, они вместе вступают на путь, который еще вчера никто из них не посчитал бы возможным. Возникшую между ним и ею духовную близость Майкл интерпретирует как зарождающуюся близость физическую. Это естественный эротизм жителя гонад: все доступны друг другу в любое время. Любая возникающая близость обязательно завершается прямым содержанием — физической близостью. И Майкл считает разумным и вполне естественным продолжением их общения переход от собеседования к совокуплению. Она так близко. У нее сияют глаза. У нее маленькие груди. Майкл забывает о Микаэле. Он наклоняется к Арте. Его левая рука скользит по ее плечам, пальцы ищут и находят грудь. Губами он при-

жимается к ее рту, другой рукой нащупывает на талии единственный секрет ее наряда — застежку. Еще миг — и она будет обнажена. Тела их сближаются. Опытные пальцы отыскивают путь для его члена. И вдруг...

— Нет! Не надо...

— Ты не думаешь так, Арта, — уговаривает он ее, развязав наконец ее набедренную повязку. Сжимая маленькую тугую грудь и пытаясь поймать ртом ее губы, он шепчет: — Ты слишком напряжена. Надо расслабиться. Расслабься... Любовь благословение... Любовь...

— Прекрати сейчас же! — Голос ее звучит резко и сурово, она с силой отталкивает его руки.

Что это? Может, в общине именно так полагается отдаваться мужчине?

Арта хватается за свою повязку, отталкивает Майкла головой, пытается поднять колено. Он охватывает ее руками и пробует прижать ее к полу, лаская, целуя, бормоча какие-то слова...

— Пусти!!

Для Майкла это — полная неожиданность: женщина изо всех сил сопротивляется мужчине. В гонаде ее за такое предали бы смерти, но здесь не гонада. Да, здесь не гонада!

Сопротивление Арты распаляет его: уже несколько дней он без женщины — самый долгий период воздержания, который он помнит; член его выпрямлен и предельно натянут, желание доводит его до исступления. Никакие ухищрения ей не помогут, он хочет войти в нее и войдет, как только совладает с нею.

— Арта... Арта, Арта, — мычит он, ощущая ее тело, распятое под ним. Повязки уже нет, перед его глазами мелькают стройные ляжки, соединенные треугольником волос каштанового цвета, и плоский девичий, не знавший ребенка, живот. Если б ему только как-нибудь снять с себя свои одежды, пока он удерживает ее под собой. А борется она, как дьявол. Хорошо еще, что она пришла без оружия. Арта тяжело и часто дышит, дико и суматошливо колотя Майкла кулаками. На его разбитых губах соленый вкус крови. Он смотрит ей в глаза и пугается ее сурового, полного ненависти взгляда. Но чем сильнее она сопротивляется, тем сильнее он желает ее. Дикарка! Если бы она вот так отдавалась? А она вдруг начинает плакать. Он приникает к ее рту губами, ее зубы пытаются укусить его, ногтями она царапает его спину. Она удивительно сильна.

— Ариа, — умоляет он. — Не надо так... Это безумие. Если бы только...

— Животное!

— Позволь мне показать, как я люблю...

— Кретин!

Ее колено бьет ему в промежность. Он изворачивается, уклоняясь от удара, но она каким-то образом ухитряется попасть. Это уже не игра. Если он хочет овладеть ею, он должен сломить ее сопротивление, лишить ее подвижности. А что потом? Изнасиловать бессознательную женщину? Нет! Так нельзя!

Вожделение Майкла вдруг утихает. Он скатывается с нее и становится на колени у окна, глядя в пол и тяжело дыша. Ну что ж, иди, скажи старикам, что я хотел с тобой сделать. Скорми меня своему богу.

Арта, нагая, стоит над ним и угрюмо надевает свою повязку. Он слышит ее хриплое дыхание.

— В гонаде, — говорит он, — считается крайне непристойным отказать в этом мужчине, — его голос дрожит от стыда. — Я был прельщен тобой, Арта. И я думал, что тебя влечет ко мне. А потом мне было уже трудно остановиться.

— Какие вы, должно быть, все животные!

Майкл боится встретиться с ней глазами:

— В какой-то степени это так. Мы не можем позволять нарастать возбудительным ситуациям, поэтому в гонаде нет места конфликтам. У вас все иначе?

— Да.

— Ты можешь простить меня?

— Мы совокупляемся только с теми, кого мы любим, — говорит она. — Мы не отдаемся первому встречному. У нас это не просто: существует определенный ритуал сближения, потом вступают в брак. Откуда тебе это было знать?

— И правда, откуда?

Голос ее гневно и раздраженно хлещет, как кнут:

— Нам было так хорошо! Зачем тебе вздумалось трогать меня?

— Сам не знаю. Нас было двое, мы были одни — и я чувствовал, как меня все больше влечет к тебе... это было так естественно...

— Было так естественно пытаться изнасиловать меня!

— Но ведь я вовремя остановился...

Ехидный смешок.

— Это ты называешь — остановиться? И — вовремя?

— У нас женщины никогда не сопротивляются, Арта. Я думал, ты играешь со мной. Я не понял, что ты отказываешь мне. — Теперь он решается взглянуть на нее. В ее глазах растерянность, понимание и сожаление. — Это произошло по недомыслию, Арта! Давай вернем все так, как было полчаса назад, и попытаемся начать сначала?

— Я не могу забыть ощущения твоих рук на моем теле. Я не могу забыть, как ты раздел меня.

— Не сердись! Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. Между нами бездна: различные взгляды, несхожая практика. Я...

Она медленно качает головой. Никакой надежды на прощение.

— Арта...

Она уходит. Он остается один в сумерках. Часом позже ему приносят обед. Пока он ест, не чувствуя вкуса пищи и пестуя свою горечь, спускается ночь. Майкла гнетет стыд, хотя он пытается уверить себя, что не все еще потеряно. Что делать — столкновение несовместимых культур! Для него это было так естественно, вполне естественно. Он думает о том, как близки они стали перед тем, как это случилось. Очень жаль, что так вышло.

4

Несколько часов спустя после восхода солнца на площади начали складывать новый костер. Он угрюмо следит за приготовлениями. Значит, она пошла к деревенским старостам и рассказала им все. Ей нанесено оскорбление, они утешают ее, обещают отомстить. Теперь они наверняка принесут его в жертву своим богам. Это последняя ночь его жизни. Вся суетность его существования сошлась в этом дне. Никто здесь не предоставит ему последнего желания. Он умрет вдали от дома, без обряда очищения, такой молодой, полный несбывшихся желаний. Так и умрет, не повидав моря.

А что там сейчас? К костру подкатывает гигантская уборочная машина — огромное чудище ростом в пять метров, с восемью длинными руками, шестью многосуставчатыми ногами и широкой пастью. Его полированная металлическая шкура отражает ликующие красные языки огня. Могущественный идол. Молох. Ваал. В своем воображении он видит себя, уносимого вверх огромными металлическими пальцами. Голова его приближается к пасти чудовища. В ритмичном безумии молятся жители деревни. Он видит опухшую от побоев Милчу, поющую псалмы в его смертный час. А вот холодная как лед Арта, радующаяся своей победе. Ее честь восстановлена. Монотонно поют жрецы. Пожалуйста, не надо! Не надо!

А может быть, все будет не так? Ведь прошлой ночью был очищающий обряд, а он подумал, что они мучают беременную. На самом же деле ее удостоили самой высокой чести. Да, но какой зловещий вид у этой машины!

Площадь уже заполнена жителями. Близится роковая минута...

«Послушай, Арта, это же было простое недоразумение! Я подумал, что ты тоже возжелала меня. Я действовал так, как принято в нашем обществе, разве ты этого не поняла? Для нас секс

не такая уж серьезная и сложная вещь. Вроде обмена улыбками или пожатием рук. Если двое людей вместе и есть влечение, то они совокупляются. Почему бы и не сделать это? Ведь я только хотел доставить тебе удовольствие, правда, правда! Нам было так хорошо вместе».

Нарастает звук барабанов. Доносятся ужасные, безмотивные и скрежещущие завывания духовых инструментов. Начинается оргия танцев. Спаси меня, Господи. Вот жрецы и жрицы в своих кошмарных масках. Да, тут полный порядок. И я сегодня — центральная фигура в этом действе. Спаси меня, Господи, я хочу жить!

Проходит час, сцены на площади становятся все безумнее, но никто не приходит за ним. Может, снова он чего-то не понял? Может, сегодняшний ритуал касается его так же мало, как и тот, прошлой ночью?

У дверей его камеры вдруг возникают звуки шагов. Слышно, как открывается замок. Это жрецы идут за ним. Майкл подбадривает себя, надеясь на безболезненный конец. Умереть метафорической смертью, став мистической нитью, связующей общину с гонадой, — такая судьба кажется ему невозможной и нереальной. Но все за то, что его постигает именно эта судьба.

Дверь открывается. В камеру входит Арта. Она быстро закрывает дверь и прижимается к ней спиной. Единственное освещение в камере — неверный свет костра, проникающий сквозь окно. Лицо Арты строгое и напряженное. На этот раз она с оружием. Значит, дело плохо.

— Арта! Я...

— Тсс! Если хочешь жить, говори потише.

— Что там происходит?

— Подготавливается жертвоприношение Богу урожая.

— Меня?

— Тебя.

— Ты им сказала, что я пытался изнасиловать тебя! И вот теперь последует наказание. Пусть так! Это несправедливо, но разве можно здесь ожидать справедливости?

— Я не говорила им ничего. Они приняли это решение на закате солнца. Я тут ни при чем.

Голос ее звучит искренне. Он удивляется, а она меж тем продолжает.

— Они поставят тебя перед Богом в полночь. Сейчас они молят его, чтобы он соблаговолил принять жертву. Это длинная молитва. — Арта с опаской проходит мимо Майкла, будто ожидая, что он снова набросится на нее, и глядит в окно. Потом поворачивается к Майклу. — Очень хорошо. Никто не заметит. Иди за мной, да только тихо, смотри! Если нас с тобой схватят, я убью тебя и скажу, что ты пытался убежать. Иначе мне несдобровать. Идем!

— Куда?

— Идем! — Требовательный шепот гонит его из камеры. Он покорно следует за ней по лабиринтам переходов, по сырым подземным камерам, по узким туннелям, чуть шире туловища человека. Наконец они выходят наружу. Он вздрагивает от ночного прохладного воздуха. С площади по ту сторону здания доносятся музыка и пение. Арта выбегает в пространство между двумя домами, озирается по сторонам и знаками подзывает Майкла. Короткими и быстрыми перебежками они достигают внешнего края деревни. Он оборачивается: отсюда он может еще видеть костер, идола и, будто крошечные танцующие фигурки, людей на фоне огня. Перед ним простираются поля, над ним — серебряный полумесяц луны и сверкающая россыпь звезд. Вдруг невдалеке раздается какой-то звук. Арта обнимает его и дергает вниз, под ветки кустов. Тело ее прижато к нему — кончики ее грудей жгут его, как огненные пики. Но он не смеет ни двинуться, ни заговорить. Кто-то проходит мимо — может быть, часовой. У него широкая спина и толстая шея. Арта, замирая от страха, схватила Майкла за запястья, удерживая его внизу. Часовой исчезает из виду. Арта подымается и кивком показывает, что путь свободен. Они проскальзывают в поля, между рядами высоких, усеянных листьями растений. Минут десять они быстро шагают в сторону от деревни. Майкл, не привычный к хотьбе, хватает ртом воздух. Наконец Арта останавливается. Костер кажется отсюда крошечным пятном света, а пения уже не слышно — его заглушает стрекот насекомых.

— Отсюда ты пойдешь сам, — говорит Арта. — Я должна вернуться. Если меня долго не будет, меня станут подозревать.

— Почему ты отпускаешь меня?

— Потому что я была несправедлива к тебе, — говорит она, силясь улыбнуться. — Тебя тянуло ко мне. Ты не мог знать нашего отношения к таким вещам. Я была жестока, я была полна ненависти — а ты всего лишь хотел показать свою любовь. Мне жаль, что так получилось... Иди!

— Если бы я мог сказать, как я благодарен тебе...

Его рука слегка касается ее руки. Он чувствует ее трепет — желание или отвращение? С внезапной решимостью он притягивает ее в свои объятия. Сначала она упрямится, но тут же расслабляется. Губы прильнули к губам. Пальцами рук он ощущает ее обнаженную мускулистую спину. Живот ее касается его живота, и перед Майклом проносится сладострастное видение: Арта восторженно падает на землю, опрокидывая его на себя и впуская его в себя; союз их тел образует ту метафорическую связь между гонадой и общиной, которую старейшины хотели укрепить его кровью. Но нет. Совокупления в поле, залитом лунным светом, не произойдет. Арта живет по своим законам.

За те несколько секунд, пока эти мысли пронеслись в его мозгу, Арта, видимо, отбросила возможность страстного прощания, выскользнула из его объятий, прервав момент сближения раньше, чем Майкл смог истолковать его как ее капитуляцию. В темноте глаза ее сияют любовью.

— Теперь иди, — шепчет она, поворачивается и пробегает несколько шагов по направлению к деревни. Затем снова оборачивается, делает руками жесты, словно пытается подтолкнуть его в другую строну.

— Иди, иди! Ну почему ты стоишь?

Неверными шагами он спешит сквозь залитую лунным серебром ночь, спотыкаясь и подпрыгивая. Он не стремится выбирать безопасный путь между рядами растений: второпях он мнет и ломает растения, оставляя за собой полосу разрушений, по которой его с наступлением рассвета легко можно будет обнаружить. Он понимает, что до утра должен уйти с территории общины. Как только в воздухе появится посевообрызгиватели, они легко обнаружат его и вернут назад, чтобы скормить Молоху. А может быть, они вышлют разбрызгиватели ночью, как только обнаружат его бегство? Видят ли их желтые глаза в темноте? Он останавливается и прислушивается: не слышно пока этих ужасных жужжащих звуков. Но ведь его могут выследить обрабатывающие машины. Надо торопиться. Если он сумеет к утру выбраться за пределы коммуны, то окажется в безопасности.

Куда же ему идти?

Теперь есть только одно место назначения. На горизонте он видит внушающие благоговение колонны Чиппитских гонад — около десятка башен, сверкающих тысячами своих окон. Отсюда не различимы окна разных залов, но Майкл угадывает их по узорам включаемого и выключаемого света. Там сейчас середина вечера. Концерты, соматические соревнования, бурные состязания — все вечерние развлечения в полном разгаре. Стэсин сидит дома в слезах и тревоге. Давно ли он ушел? Дня два-три. Плачут дети. Микаэла совсем потеряла голову и, возможно, рассорилась с Джесоном, чтобы выпустить пар. А он — здесь, за много-много километров от них. Он убежал от мира идолов и кровавых обрядов, языческих танцев, неподатливых и неплодоносящих женщин. На его обуви и одежде грязь, прилипшая сухая трава. Должно быть, он выглядит ужасно и нехорошо пахнет. Он уже столько дней не был в душе! Один бог знает, какие бактерии внедрились в его организм! Отчаянно болят мускулы, одолевает усталость. Язык шершавый, в горле дерет, как наждаком. Все запахи перебивает запах собственного пота. Майклу представляется, что от частого пребывания на солнце и на ветру его кожа лопается.

Какое там море? Какой Везувий? Какой там Тадж-Махал?

В другой раз! Он готов признать свое поражение. Он ушел так далеко, насколько отважился, и пробыл вне дома так долго, сколько смог; теперь он всей душой хочет вернуться. В конце концов, природа берет свое и среда побеждает генетику.

Приключение состоялось, когда-нибудь, бог даст, у него будет другое. Его фантазия пересекает континент, скользит от общины к общине, все они покинуты жителями — слишком уж много идолов с полированными челюстями ждет его в обитаемых общинах, а он не всегда будет настолько удачлив, чтобы в каждой деревне встречать Арту. Значит — домой!

Проходит еще час, и страх его убывает — никто и ничто не преследует его. Майкл шагает все дальше и дальше, постепенно включаясь в равномерный, механический ритм хотьбы и направляясь к громадной башне гонады.

Он не представляет себе, сколько сейчас времени, наверное, где-то за полночь. Луна уже прошла по небу большой путь, и, по мере того как люди расходятся по спальням, огни гонад затухают. Теперь там бродят одни блудники. Может быть, Сигмунд Клавер из Шанхая спускается навестить Микаэлу, а Джесон направляется к своим грубым возлюбленным из Варшавы или Праги.

Еще несколько часов, предполагает Майкл, и он будет дома. До общины он добирался неполный день, причем не спеша; значит, хотьба по прямой не займет больше времени.

Кругом все тихо. Звездное небо чарует своей магической красотой, и Майкл теперь почти сожалеет о своем решении вернуться в гонаду. Под хрустальным небом он вновь подпадает под волшебное очарование природы.

Примерно через четыре часа хотьбы он останавливается, чтобы искупаться в ирригационном канале. Вода не так хорошо очищает кожу, как ультразвуковой душ, но по крайней мере он смыл с себя трехдневную пыль и грязь. Бодрый и освеженный, он вновь пускается в путь.

Его приключение уже становится фактом истории; он как бы помещает его в капсулу и делает его более рельефным, приукрашивая хорошее и стирая плохое. Как хорошо, что он решился это проделать! Как чудесно вдыхать предрассветный воздух, туман, ощутить землю под ногами! Даже его плен кажется ему теперь скорее волнующим, чем опасным приключением. Чего стоит одно только зрелище противородного танца! А внезапно вспыхнувшая и неутомленная страсть к Арте, их яростная борьба и романтическое примирение! А широко разинутые челюсти идола и страх смерти! А бегство в ночи!.. Кто еще из гонады прошел через такое?

Этот припадок самовосхваления придает ему сил, и он с новой энергией идет через нескончаемые поля общины. Однако расстояние до гонад словно бы не сокращается. Что это? Оптический обман? К своей ли он направляется гонаде? Было бы очень печально выйти к констеляции у 140-й или у 145-й гонады. В этом случае он пройдет по гипотенузе, а потом ему придется тащиться еще по катету. Но Майкл не знает, где какая гонада, он просто бредет наугад.

Исчезает луна. Гаснут звезды. Подкрадывается рассвет.

Наконец Майкл достигает зоны пустующих земель между краем общины и Чиппитской констеляцией. Ноги у него подкашиваются, но он делает над собой усилие. Он теперь так близко к зданиям, что они кажутся висящими в воздухе безо всякой опоры. Впереди — геометрически правильная сетка садов. Неторопливо идут по своим делам роботы-садовники. Навстречу первому свету дня раскрываются чашечки цветов. Легкий бриз разносит их благоухание. Домой, к Стэсин, Микаэле! Надо немного отдохнуть, прежде чем войти внутрь. И придумать правдоподобное объяснение.

Какое же из зданий 116-я гонада?

Башни не имеют номеров: те, кто живет внутри, знают, где они живут.

Шатаясь от усталости, Майкл приближается к ближайшему зданию. Его фасад сияет тысячью этажей, освещенных лучами рассвета. И на каждом этаже бесчисленные крохотные каморки. А под зданием его подземные корни: энергетические станции, перерабатывающие заводы, компьютеры — скрытые от посторонних глаз чудеса, дающие гонаде жизнь. И над всем этим, как некий гигантский плод, поднимается корпус здания, поражающий сложностью и запутанностью построения. И во все это вплетены сотни тысяч жизней.

Глаза у Майкла увлажнились. Домой! Он хочет домой! Майкл подходит к шлюзу. Поднимает вверх запястье с браслетом, показывает его. Компьютер обязан выполнить его запрос.

— Если это гонада 116, открой! Я — Майкл Стэйтлер.

Ничего не происходит. Объективы исследуют Майкла, но ответа нет.

— Какое это здание? — спрашивает он.

Молчание.

— Живей! — поторапливает Майкл. — Скажи мне, где я?

Голос из невидимого динамика произносит:

— Это 123-я гонада Чиппитской констеляции.

Надо же! 123-я! Так далеко от дома!

Ему ничего не остается, как идти дальше. Солнце уже над горизонтом и быстро превращается из красного в золотое. Если там восток, то где же гонада 116? Он безуспешно пытается что-то высчитать усталым мозгом. Куда идти? Он бредет по бесконечным

садам, отделяющим 123-ю гонаду от ближайшего здания, и справляется у динамика в шлюзе. Узнав, что это гонада 122, Майкл отправляется дальше.

Здания стоят по длинной диагонали так, чтобы ни одно из них не затеняло другое. Майкл движется от центра констеляции, отсчитывая пройденные здания. Солнце подымается все выше и выше. От голода и усталости у Майкла кружится голова. Вот и 116-я гонада! Что, если он ошибся в счете, и шлюз не откроется?!

Шлюз открывается, как только Майкл показывает пропуск. Майкл по ступенькам входит в него и ждет, когда дверь закроется за ним. Теперь должна открыться внутренняя дверь. Он в нетерпении. Ну же!

— Почему ты не открываешься? — спрашивает он. — Вот, смотри! Исследуй! — он поднимает пропуск. Наверное, это какая-то обеззараживающая процедура. Но вот наконец дверь открывается. В глаза ему бьет ослепительный свет.

— Стоять на месте! Не пробуйте покинуть вход! — холодный металлический голос пригвождает Майкла к тому месту, где он стоит.

Часто моргая, Майкл делает полшага вперед, затем, сообразив, что это может быть нежелательно, останавливается. Сладко пахнущее облако окутывает его — его обрызгивают каким-то составом, чем-то быстро твердеющим, образующим надежный обездвиживающий кокон. Свет слабеет. Становятся видны фигуры, загораживающие проход: ... три, четыре, пять. Полиция!

— Майкл Стэйтлер? — спрашивает один из них.

— У меня пропуск, — неуверенно отвечает он.

— Вы арестованы за изменение программы, за недозволенный уход из здания и за сокрытие антиобщественных тенденций. Приказано по возвращении в здание немедленно лишить подвижности. Окончательный приговор — уничтожение.

— Подождите! У меня ведь есть право апеллировать!

— Дело уже рассмотрено окончательно и передано нам для исполнения, — голос полицейского звучит неумолимо. Теперь они окружили его со всех сторон, а он не может двигаться, запечатанный твердеющей жидкостью.

«В Спуск? Нет, нет! А чего ты ждал? Ты думал, что одурачишь компьютер? Ты отрекся от своей цивилизации и надеялся спокойно втереться обратно?»

Полицейские погрузили его на какую-то тележку. Кокон уже стал полупрозрачным.

— Мальчики, снимите с него детальные отпечатки и сделайте записи. Подвиньте его к объективам. Вот так... Теперь так.

— Разрешите мне хотя бы повидать жену или сестру. Какой вред от того, что я поговорю с ними в последний раз?..

— Угроза гармонии и стабильности, опасные антиобщественные настроения караются немедленной изоляцией от среды во избежание распространения негативных примеров, — прозвучал ответ. Будто он занес чуму бунтарства. Он видывал такое и прежде: скорый суд, безотлагательная кара. Но никогда по настоящему не понимал происходящего. И никогда не думал, насколько это бесчеловечно.

«Микаэла, Стэсин, Арта!»

Теперь кокон полностью затвердел. Ему уже ничего не видно.

— Послушайте, — говорит он. — Что бы вы со мной ни сделали, я хочу, чтобы вы знали: я б ы л т а м. Я видел солнце, луну и звезды. Это, конечно, не Иерусалим и не Тадж-Махал, но это было нечто такое, чего вы никогда не видели и никогда не увидите. Я видел надежду освобождения ваших душ. Что вы в этом понимаете?

Из-за окутывающей его молочно-белой оболочки доносятся монотонные звуки: ему читают отрывки из кодекса, согласно которым он угрожает структуре общества и подлежит искоренению. Слова уже ничего не значат для него. Тележка снова начинает двигаться.

«Микаэла, Стэсин, Арта, я люблю вас!»

— Спуск... Открывай! — глухо доносится до него.

Он слышит стремительное движение морских приливов и отливов, грохот волн о прибрежные скалы, даже чувствует вкус соленой воды. Он ни о чем не сожалеет. Было бы невозможно вновь покинуть здание, если бы ему сохранили жизнь, он был бы под постоянным надзором миллионов неусыпных глаз гонады. И всю жизнь висел бы в межэтажье. Зачем? Так, пожалуй, даже лучше. Хоть немного пожил. Увидел танцы, костер, запах зеленых растений. А сейчас Майкл не ощущал ничего, кроме безмерной усталости и желания отдохнуть. Толчок тележки, и Майкл чувствует, что скользит куда-то вниз...

«Прощайте! Прощайте заросли на Капри, мальчик, козленок, фляжка золотого вина, дельфины, море, галька на берегу. Благослови, Господи! Прощайте, Микаэла, Стэсин, Арта!»

В последние мгновения перед ним проносятся видения здания с его 885000 безликих особей, копошащихся, движущихся во всех мыслимых направлениях, посылающих мириады сигналов. Размножающихся усиленно и эффективно.

«Как прекрасен мир и все, что в нем есть: гонада на восходе солнца, фермерские поля... Прощайте...»

Темнота.

Кара свершилась. Источник опасности искоренен. Гонада приняла необходимые защитные меры, и враг цивилизации обезврежен.

Все выше и выше
Все ниже и ниже

1

Сегодня вечером они играют в Риме, в знаменитом новом звуковом центре на 530-м этаже гонады 116. Диллон Кримс давно уже не забирался так высоко. Недавно он со своей группой завершил скверное турне по нижним этажам — Рейкьявик, Прага, Варшава. Рабочие, разумеется, тоже имеют право на развлечения. Диллон и сам-то живет не очень высоко — в сердце культурного гетто, в Сан-Франциско, на 370-м этаже, расположенном на высоте одной трети здания. Но это его как-то не очень заботит, у него хватает разнообразия впечатлений. В течение года ему приходится бывать на всех этажах, и только по какой-то статистической аномалии получается так, что некоторое время ему не выпало побывать нигде, кроме придонных этажей. Зато, и вероятнее всего в следующем месяце, он побывает в Шанхае, Чикаго, Эдинбурге — в городах со множеством красивых вещей, с рафинированными длинноногими красотками, которых он не преминет посетить после выступления.

Здание гонады — тысячеэтажное. Оно поделено на 25 городов по 40 этажей в каждом; на дне — Рейкьявик, на вершине — Луиссвиль. Население гонады 116 насчитывает около 880 тысяч людей. Гонада 116 — одна из 51 идентичных гонад в Чиппитской констеляции. Всего в Чиппитсе немногим более 40 миллионов жителей. А все население земного шара, согласно переписи 2380 года, составляет 75 миллиардов человек.

Диллона мало интересует то, что происходит за стенами его собственной гонады. Да и других тоже. Все гонады более или менее похожи друг на друга. О чем тут думать? Сидите дома, рано женитесь, заводите кучу детишек, выполняя божественное предначертание: «Плодитесь и размножайтесь!» И никаких тебе забот! Все так и делают. «Мы намного счастливее сейчас, чем в прежние хаотические времена». Гонады оказались изящным решением проблемы перенаселения. Надо лишь взять кусок сверхнапряженного

бетона трехкилометровой высоты, разделить его на достаточное количество однокомнатных помещений для того, чтобы обеспечить жильем свыше 120 тысяч семей, окружить его плодородными земельными угодьями — и все дела! В такой вертикальной цивилизации можно удваивать население земного шара каждые пять лет и преуспевать, приспосабливаясь к изменяющимся обстоятельствам.

Диллону семнадцать лет. Он выше среднего роста, у него шелковистые белокурые волосы до плеч, прозрачные голубые глаза. Давний традиционный тип музыканта. Так же, как и все в гонаде, он женился рано. С женой ему повезло. У них уже, подумать только, трое малышей. Его жену зовут Электра, она рисует психочувствительные гобелены. Иногда она сопровождает его в турне, но не часто. Во всех своих путешествиях по этажам здания он только один раз встретил женщину, которая восхищает его почти так же, как Электра. Шанхайская штучка, жена какого-то пробивающегося в Луиссвилль выскочки. Ее имя Мэймлон Клавер. «Другие девочки гонады — просто щелки, — часто думает Диллон, — а Мэймлон сливается с партнером воедино». Он никогда не рассказывал Электре о Мэймлон: ревность выхолащивает душу.

Он играет на космотроне, ведущем инструменте в космическом оркестрионе, и считается значительной персоной. Большая часть населения гонады 116 — лишь скопище плодящихся особей, выполняющих черную работу, а он — артист. «Я — уникум, как и флаускульптор», — иногда хвастается он. (Флаускульптура — скульптура, у которой все ее мелкие элементы находятся в непрерывно меняющемся состоянии.) В здании есть и еще один космотронщик, но ведь быть одним всего лишь из двоих — тоже вполне приличное положение. В гонаде 116 только два космических оркестриона: здание не может себе позволить излишеств в развлечениях. Диллон невысокого мнения о конкурирующем оркестрионе, хотя его мнение основано скорее на предубеждении, чем на знакомстве, — он слушал его всего лишь три раза. Ходят слухи о слиянии обоих оркестрионов для из ряда вон выходящего потрясающего выступления, которое якобы будет проведено в Луиссвилле, но никто не принимает этих домыслов всерьез.

Тем временем они перемещаются по гонаде вверх и вниз разными маршрутами, которые планируются им в соответствии с предписаниями службы нравственной погоды. Обычно время пребывания в каждом городе не превышает пяти ночей. Это позволяет всем любителям космического оркестриона в городе, ну хотя бы, скажем в Бомбее, побывать на концерте в одну и ту же неделю и принять участие в общем обсуждении. Затем группа переезжает. Теоретически, они могут совершить полный круг по зданию за шесть месяцев, учитывая свободные вечера. Но иногда время гастролей удлиняется. «Нижним уровням нужен избыток хлеба и зре-

лищ!» — и оркестрион посылается в Варшаву на четырнадцать ночей подряд. «Верхние уровни нуждаются в большой промывке от психологического запора!» — значит, следует двенадцатидневная гастроль в Чикаго.

Случается, что ребята в оркестрионе делаются раздражительными, или расстроятся фильтры, и тогда им дается время на профилактику, недели две, а то и больше. Вот и выходит, что нужны по меньшей мере два оркестриона, странствующих по гонаде, чтобы дать возможность каждому городу рехнуться на космическом представлении хотя бы один раз в год. Сейчас, например, второй оркестрион играет в Бостоне уже третью неделю: там произошли сексуальные беспорядки.

Диллон просыпается в полдень. Электра лежит рядом с ним: малыши давно уже ушли в школу, кроме младенца, воркующего в детской нише. У артистов и художников свой распорядок дня. Ее губы касаются его губ. Поток огненно-рыжих волос закрывает его лицо. Рука ее, блуждая, ложится на его чресла.

— Любишь? — мурлычет она. — Не любишь? Любишь?

— Ты — средневековая колдунья.

— Ты такой милый, Дилл, когда спишь. Волосы длинные, кожа душистая. Прямо, как девушка. Я от тебя становлюсь без ума.

— От меня? — он смеется и затискивает свой член между своих поджарых ляжек. Сжимает ноги. Ладонями, сложенными лодочкой, поднимает мышцы на груди, пытаясь изобразить что-то похожее на женские груди.

— Живей! — хрипло говорит он. — Вот твой шанс.

— Очень глупо. Сейчас же перестань!

— А я думаю, что был бы неплох, если бы был девушкой.

— У тебя не такие бедра, — отвечает она и раздвигает его стиснутые ноги. Но он не собирается спариваться, несмотря на то что его член поднялся и продолжает напрягаться. Он редко предается удовольствиям в это время дня. Да и настроение сейчас не соответствующее — слишком игривое, слишком неуравновешенное.

Электра спрыгивает на пол и нажимом педали опускает постель вместе с лежащим в ней Диллоном, легкомысленно хихикая. У нее игривое настроение. Диллон следит, как она вальсирует к душу. «Какие у нее чудесные ягодицы, — думает он. — Такие белые, полные. Какая великолепная глубокая расселинка. Какие изящные ямочки». Он подкрадывается к ней и слегка, чтобы не осталось меток, покусывает ее за ушком. Они вместе втискиваются под душ. Младенец начинает плакать. Диллон оглядывается через плечо. «Господи, господи, господи!» — басит он, срываясь на фальцет.

«Как прекрасна жизнь, — думает он. — Каким наполненным может быть существование!»

— Дай мне покурить, — просит Электра, набрасывая на себя одежду. Прозрачная ткань ложится на ее груди, розовые соски похожи на слепые глазки. Диллон доволен, что она перестала наконец кормить грудью: биология, конечно, биологией, но пятна от голубовато-белого молока на всем окружающем раздражали его. Разумеется, это его недостаток, который нужно искоренить. Нельзя быть таким привередливым. А Электре нравилось кормить грудью. Она и сейчас позволяет малышу сосать грудь, будто бы ради удовольствия ребенка. Но много ли удовольствия можно получить от сухих сосков? Диллон прекрасно понимает ее истинные мотивы.

— Ты будешь сегодня рисовать? — спрашивает он и тянется за одеждой.

— Вечером, во время твоего выступления.

— Последнее время ты что-то мало работала.

— Я не чувствовала натяжения нитей.

Это ее особое выражение. Чтобы заниматься искусством, она должна чувствовать себя как бы укоренившейся в землю. Нити, поднимающиеся из поверхности планеты, проникают в ее тело, прорастают в нем, подключаясь к ее нервам. И по мере вращения земного шара из ее сияющего и всеобъемлющего тела высвобождаются образы. По крайней мере, так говорит она сама. А Диллон никогда не подвергает сомнению претензии своих друзей художников, особенно если таким другом является собственная жена. Он восхищается ее работами. Было бы сущим безумием жениться на космооркестрантке, хотя в одиннадцать лет он только об этом и мечтал. «Вот бы разделить свою судьбу с девушкой-кометарфисткой!» Если бы он в свое время так и сделал, то сейчас был бы вдовцом. «В Спуск! В Спуск!» Она оказалась легкомысленной развратницей и разбила жизнь удивительного чародея, каким был Перегрин Коннели. «А на его месте мог бы быть я. Мог бы... Мальчики, не женитесь на девушках вашего круга, и вы избежите незаслуженной ненависти».

— Нет fumar? — спрашивает Электра. Последнее время она изучает древние языки. — Por que?

— Вечером я работаю. Если я позволю себе курить раньше времени, это может развеять галактическое настроение.

— А можно я покурю сама?

— Делай, как тебе нравится.

Она закуривает, искусно отломав колпачок острым, как кинжал, ногтем большого пальца. Ее лицо сразу румянится, глаза расширяются. Такая милая черта — она легко переходит из одного состояния в другое. Она выдыхает дым на младенца, который от этого заливается радостным смехом, в то время как поле обслу-

живающей его ниши гудит в безуспешной попытке очистить атмосферу вокруг ребенка.

— Grazie mille, mama! — говорит Электра, подражая чревовещателю. — E molto bollol E dolicioso! Was fur cuones Wetter! Quell a qioio!

Она движется по комнате, танцуя и распевая свои фразы на странных языках. Потом со смехом валится на спущенную постель, задрав подол своего оборчатого платья; ее половые губки, окруженные каштановым ореолом, излучают приятную теплоту и искушают его, несмотря на принятое им решение не отвлекаться. Ему удается сдержать себя, и он только целует ее. Восприняв смену его настроения, она безропотно сдвигает ляжки и опускает подол платья.

Диллон переключает экран, выбирая абстрактную программу, и на стене загораются узоры.

— Я люблю тебя, — говорит он ей. — И я хочу есть.

Электра подает ему завтрак. После завтрака она уходит, сказав, что ей в этот день надлежит посетить духовника. Лично он рад ее уходу; сейчас ему не по себе от ее жизнерадостности. Ему нужно настроиться на концерт, а это требует от него спартанской воздержанности. Как только она уходит, он программирует информтер на резонансное отражение своих психоволн и по мере того, как он проникается мыслями о сути концерта, он легко приходит в соответствующее настроение. Младенец тем временем остается в своей нише, обеспечивающей ему самый лучший уход. И Диллон даже не задумывается о том, что младенец остается один, когда в 16.00 он направляется в Рим, чтобы превратиться в маэстро, исполнителя космической музыки.

Лифт возносит его на сто шестьдесят этажей выше к небу. Выйдя из кабины, он попадает в Рим. Живущие здесь люди в большинстве своем являются мелкими чиновниками, средним эшелоном неудавшихся должностных лиц, таких, которым никогда не попасть в Луиссвилль, исключая случаи доставки отчетов. Они настолько нерасторопны, что им нечего надеяться попасть даже в Чикаго, Шанхай или Эдинбург. Они навсегда останутся в этом добротном сером городе, застывшем в почитаемом ими порядке вещей, выполняя примитивные операции из числа тех, что любые компьютеры выполняют в сорок раз лучше. Диллон чувствует космическую жалость ко всем, кто не является артистами, но больше всех он жалеет жителей Рима. Из-за того, что они не умеют пользоваться ни своими мускулами, ни своими мозгами. Искалеченные души, ходячие нули, уж лучше бы им броситься в Спуск.

Какой-то римлянин натыкается на него, едва он, выйдя из кабины лифта, останавливается, задумавшись о жалкой судьбе этих

людей. Это мужчина лет сорока, без какого-либо намека на одухотворенность. Ходячий мертвец.

— Извините, — бормочет человек и поспешно отскакивает.

— Встряхнись! — кричит вслед ему Диллон. — Полюби! Натяни какую-нибудь девочку! Расслабься! — смеется он. Но что толку — ни один римлянин не засмеется вместе с ним. Похожие друг на друга люди проносятся мимо него по коридору, улавливая последние вибрации восклицаний Диллона.

— Встряхнись! Полюби! ...люби! и! — Звуки расплываются, затухают, бледнеют, исчезают.

«Сегодня я вас угощу, — говорит он про себя. — Я встряхну вас, расшевелю ваши жалкие мозги. — И вы полюбите меня за это. Если б я только мог воспламенить ваши сердца, зажечь ваши души!» Он вспоминает Орфея. «Они разорвут меня на части, — думает он, — если я и в самом деле разбережу их».

Диллон спешит к звуковому центру. Внезапно он останавливается на развилке коридора, опоясывающего все здание, почувствовав вдруг все великолепие гонады. Безумное богоявление: он видит ее в виде клина, подвешенного между небом и землей. А сам находится в средней точке — над его головой немногим более пятисот этажей и чуть меньше пятисот этажей под ногами. Вокруг движутся люди; они спариваются, едят, рожают, делают миллион благословенных дел; каждый из 880 тысяч перемещается по своей собственной орбите. Диллон любит свое здание. И чувствует, что мог бы воспарить от сознания его сложности, как другие могут воспарить от наркотика. Побывать на экваторе, испить божественного равновесия — о, да, да! Правда, он никогда не пробовал этого; хотя он и не принадлежал к рутинерам, но избегал всяких сильных наркотиков, особенно таких, которые открывают ваш ум так широко, что любой может блуждать в нем. Тем не менее здесь, в середине здания, он начинает думать, что этой ночью у него есть возможность испытать новый наркотик. После представления глотнуть пилюлю, которая позволит ему разорвать психические барьеры, позволить всей необъятности гонады 116 проникнуть в его сознание. Для этого он пойдет на пятисотый этаж — поблудить в Бомбее. Правда, ему полагалось бы блудить в том городе, где состоится сегодняшний концерт, но Рим не опускается ниже 521-го этажа, а ему нужен 500-й. Для мистической симметрии. Хотя это и не совсем точно. Где расположена настоящая середина здания из тысячи этажей? Где-то между 490-м и 500-м, не так ли? Значит, он выбирает 500-й этаж, ведь всех учат жить с приближениями.

Вот и звуковой центр.

Прекрасная новая аудитория высотой в три этажа, со сценой в центре и амфитеатром, расположенными вокруг сцены рядами кресел. В воздухе разлит свет ламп. Отверстия звукоизлучателей, за-

деланных в роскошно оформленных потолках, образующих единый колпак, то морщатся в складках, то широко раскрывают свои горла. Уютный, вместительный зал, устроенный здесь милостями Луиссвилля, чтобы внести хоть немного радости в жизнь этих бесцветных, безвольных римлян. Лучшего зала для космического оркестриона не найти во всей гонаде.

Остальные члены группы уже собрались и настраивают инструменты. Кометарфа, чародин, орбитакс, контраграв, допплеринвертон, спектрояль. Зал уже заполнен мерцающими зайчиками звуков и веселыми вспышками света. Весь оркестрион приветственно машет ему руками.

— Опаздываешь, — кричат они. — Где ты был? Мы уж думали, что ты сачканул.

— Я был в вестибюле, — отвечает он, — предлагал римлянам свою любовь.

Его слова вызывают взрыв хохота. Диллон взбирается на сцену.

2

Его инструмент, еще неподготовленный, стоит у края сцены; решетки инструмента покачиваются, а его восхитительно яркая крышка еще не освещена. Грузоподъемник стоит рядом в ожидании, когда Диллон воспользуется им, чтобы поставить инструмент в надлежащее место. Машина привезла космотрон в зрительный зал; ей было положено также настроить его, но Диллон не позволяет ей делать этого. Во всем, что касается настройки инструмента, музыканты мнительны до суеверия. Даже в том случае, если им для настройки понадобится два часа, а машине — всего десять минут, они предпочтут сделать это сами.

— Давай сюда, — приказывает Диллон машине.

Она осторожно переносит космотрон к энергопитающему устройству и подсоединяет его. Диллон даже с места не смог бы сдвинуть этот огромный инструмент. И он охотно уступает эту часть работы машине. Диллон кладет руки на клавиатуру и ощущает рвущуюся из панели мощь. Ах, хорошо!

— Уходи, — приказывает он машине, и та послушно отодвигается. Он массирует и сдавливает проецитроны клавиатуры так, словно доит их. Чувственное наслаждение от контакта с инструментом пронзает его с каждым кресчендо. А-ах! А-ах! А-ах!

— Подстраивайтесь! — предупреждает он остальных музыкантов.

Они подстраивают обратные связи в своих инструментах, иначе внезапная волна его вступления может расстроить инструменты и сбить с толку исполнителей. Один за другим они подтверждают

свою готовность, парнишка за контрагравом вступает последним, и наконец Диллон открывает выходное устройство. Ах! Зал наполняется светом. Со стен фонтаном бьют звезды. Они покрывают потолок растекающимися каплями туманностей. Космотрон — основной инструмент оркестриона, всезначимый создатель пространства, обеспечивающего основу, в соответствии с которой остальные поведут свои партии. Натренированным глазом Диллон проверяет фокус. Кажется, все отчетливо.

Нэт, спектроялист, произносит:

— Дилл, Марс немного не в цвете.

Диллон отыскивает Марс. Да. Он добавляет ему дополнительный пучок оранжевого цвета. А Юпитер? Сияющий шар белого огня. Венера, Сатурн. И все звезды. Диллон удовлетворен тем, что видит.

— Вводите звук, — командует он.

Подушечками пальцев он касается нужных клавишей. Из широко разинутых динамиков доносится мягкий белый шум. Музыка сфер. Диллон вносит в нее галактическую окраску и предоставляет звездному течению самому придавать протяжные оттенки общему фону. Затем быстрым скользящим ударом по проецитронам он, словно взломав дверь, выпускает планетарные звуки. Гудит Юпитер. Сатурн вращается и звенит, как сверкающий круг ножей.

— Вы понимаете? — окликает он коллег. — А как чистота?

— Подбавь астероидам, Дилл, — говорит Софро, орбитаксонист, и Диллон подбавляет; Софро радостно кивает, его подбородок дрожит от удовольствия.

После получаса предварительной настройки Диллон заканчивает также и свою основную настройку. Пока, однако, он сделал только сольную работу. Теперь нужно еще согласоваться с остальными. Медленная деликатная работа — достигнуть взаимодействия со всеми по очереди, создавая сеть взаимного родства, семисторонний союз, использующий все возможности эффектов Гейзенберга, требующий выполнения целого ряда дополнительных регулировок каждый раз, как только к нему подключается очередной инструмент. Во время подключения других инструментов никак нельзя удержать выходные параметры. Сначала Диллон подключает спектрояль. Подключение проходит легко. Тогда Диллон создает ливень комет, а Нэт с удовольствием преобразует их в солнца. Затем к ним добавляется чародин. Сначала возникает легкая скрипучесть, но она быстро устраняется. Прошло хорошо. Дальше — контраграв. Подключение проходит без проблем. Теперь — кометарфа... раздается скрежет. Отключим. Попробуем еще раз. Не получается — восприятие рецепторов притупляется, а внутренняя согласованность нарушается. Диллон и чародин должны теперь перестроиться каждый по отдельности, согласоваться и снова ввести в связь кометар-

фу. На этот раз подключение проходит благополучно. Волны нужных гармоничных ощущений проходят по залу. Следующий — орбитакс. Пятнадцать напряженных минут — соответствие не достигается. Диллон ожидает, что система в любую минуту развалится... но нет, они удерживаются и наконец достигают устойчивых уровней. Теперь по-настоящему трудный инструмент — допплеринвертон, который всегда угрожает диссонансом и трудно согласовывается с космотроном, поскольку и визуальная картина и звук создаются ими обоими; и тот и другой инструмент являются генераторами, а не просто преобразователями каких-то других сигналов. Вот Диллону почти удается настроиться с допплеринвертоном, но при этом теряется согласованность с кометарфой. Она издает тонкий вибрирующий звук, и кометы исчезают. Оркестранты начинают настройку снова, добиваясь такого непрочного равновесия, готового вот-вот разрушиться.

Еще каких-нибудь пять лет назад у них было всего четыре инструмента — больше удержать в системе просто не удавалось. Это было равносильно добавлению четвертого актера в греческую трагедию, технически невозможный подвиг — так, по крайней мере, это должно было бы казаться Эсхилу. А теперь Диллон, подключив инструменты к цепям координации вычислительного центра в Эдинбурге, способен достаточно уверенно координировать шесть инструментов, а с некоторым напряжением и седьмой. Но введение их в синхронизм остается пока привилегией оркестрантов.

Диллон подергивает плечом, торопит допплеринвертониста заканчивать с настройкой.

— Давай, давай, давай, давай, давай! — и в этот раз они наконец достигают синхронизма. Время уже 18.40.

— Ну, теперь пройдемся, — выпевает Нэт. — Маэстро, выдай нам для начала!

Диллон склоняется и захватывает пальцами клавиши проецитронов. Добавляет мощности. Ощущения в пальцах меняются — выпуклости клавишей внезапно ощущаются им как место, где спина Электры переходит в ягодицы. Он улыбается этому чувству. Теперь Диллон — воплощение решительности, настороженности и хладнокровия.

Начали! Одной мощной вспышкой света и звука он создает Вселенную. Зал заполняется изображениями космических тел. Они несутся в пространстве, то сливаясь, то распадаясь. Немедленно пускает в ход арсенал своих трюков чародинист; он мечет аккордами до тех пор, пока не начинает трястись вся гонада. Сногсшибательные петли головокружительных контрапунктов выдает кометарфа и тут же начинает перестройку созданных Диллоном звездных скоплений.

Сидевший до сих пор расслабленно орбитаксонист внезапно склоняется над своим инструментом, и на всех контрольных панелях стрелки приборов начинаются метаться в безумной пляске. Диллон внутренне аплодирует ему за такое впечатляющее вступление. Плавно подает ритм чародин. А вот вступает и допплеринвертон, выбрасывая свой собственный луч света, который свистит и парит с полминуты, прежде чем спектроялисту удается овладеть им и повести его. Теперь все семеро объединяются, нащупывая обратные связи, и при этом создают такое столпотворение сигналов, что его видно, наверное, от Бостона до Сэнсэна.

— Прекратите! Прекратите! — вопит Нэт. — Мальчики, утихомирьтесь!

И оркестранты стихают, снижают ритм и сидят расслабленные, потные, отходят от этого взрыва эмоций. Нэт прав: они не должны выработаться прежде, чем соберутся зрители.

А пока обеденный перерыв — прямо на сцене. Есть никому не хочется. Инструменты, разумеется, оставлены включенными: было бы неразумно разрушить достигнутый с таким трудом синхронизм. Изредка какой-либо из инструментов уплывает за порог холостого прогона и испускает пучок света или волну звука.

«Если им позволить, они бы играли сами, — думает Диллон. — Стоит только включить их на игру, а самим отстраниться — и инструменты сами дадут самопрограммирующийся концерт. Должно быть, странное впечатление оставят разум и искусство машин. С другой стороны, должно быть, чертовски унизительно оказаться ненужным. Как хрупок наш престиж. Сегодня мы прославленные артисты, но стоит только раскрыть секреты профессии, и завтра мы будем таскать мусорные бадьи в Рейкьявике».

Зрители начинают собираться в 19.45. Поскольку это первый вечер гастролей в Риме, распределением билетов правят законы старшинства; поэтому в зале нет никого моложе 20 лет. Диллон, человек среднего возраста, даже не пытается скрывать своего презрения к седым мешковатым людям, усаживающимся в зрительных секторах вокруг сцены. «Может ли хоть что-нибудь заинтересовать их, кроме проблемы размножения? Заинтересует ли их музыка? Или они будут пассивно сидеть, даже не пытаясь приблизиться к восприятию представления? Игнорируя «потеющих» артистов, занимая хорошие места и ничего не получая от фейерверка, света и музыки».

«Мы бросаем вам всю Вселенную, а вы не берете ее! Не потому ли, что вы стары? Что может толстеющая многократная мать тридцати трех лет взять от космического представления? Но нет, дело не в возрасте. В других, более утонченных и искушенных городах проблема контакта со зрителями разного возраста никогда не возникала. Дело не в возрасте, дело в их отношении к искусству

вообще. На дне здания мужланы реагируют темпераментно, шумно. То ли они очаровываются цветными огнями и неистовыми звуками, то ли еще чем-то, но они не остаются безразличными. А в верхних этажах, где интеллект не только разрешен, но и желаем, люди тянутся к представлениям, понимая, что, чем больше они сольются с ним, тем больше они от него получат. Проходя через голову, музыка острее воспринимается органами чувств — разве она не сама жизнь? А здесь, на средних этажах, реакция зрителей вялая. Главное — присутствовать на концерте, отобрав у кого-то другого билет, пустить пыль в глаза, само представление неважно. Это просто шум и свет — несколько сумасбродов из Сан-Франциско делают свою работу, ну и пусть себе делают. Так они и сидят, эти римляне, выключенные из настоящей жизни от черепа до промежности. Какая ирония! Римляне? Да настоящие римляне были не такие, будьте уверены! Когда этот город назвали Римом, было совершено преступление против истории».

Диллон взглядывает на зрителей и тут же расфокусировывает глаза, превращая их лица в расплывчатые пятна; он не хочет видеть эти обрюзгшие серые лица, боясь, что их вид испортит ему настроение. Он здесь, чтобы давать. Если бы только они могли взять!

— Давай начинать, — бормочет Нэт. — Ты готов, Дилл?

Он готов. Он поднимает руки и в виртуозном броске ударяет ими по проецитронам. Старый испытанный прием! С ревом из инструмента появляются Луна, Солнце, планеты и звезды. Целая сверкающая Вселенная извергается в зал. Диллон не отваживается взглянуть на зрителей: «Потряс ли он их? Открывают ли они рты от изумления, дергают ли себя за отвисшие нижние губы? Живей! Живей! Еще Живей!»

Остальные оркестранты, словно почувствовав, что он в ударе, позволяют ему провести вступительное соло. Мысль его неистовствует, пальцы носятся по пульту.

«Плутон! Сатурн! Бетельгейзе! Денеб! Тут сидят люди, которые провели всю свою жизнь, запертые в одном здании; так дай же ты им звезды одним махом, взрывающим черепа! Кто говорит, что нельзя начинать с кульминационной точки? Вступление должно быть мощным, от него должны потускнеть все огни. Разве Бетховен ставил ни во что мощное вступление? Вот так! Туда... И туда! Набросай им звезд! Заставь звезды мерцать и подрагивать. Теперь затмение солнца — а что? Пусть корона потрескивает и колеблется. Теперь заставь танцевать Луну. И добавь звуки — большой вздымающейся волной, которая, как паутина, вплетается в них; теперь колье из пятидесятигерцовых вибраций, опутывающее их.

Помоги им переварить обед, встряхни их старые, легко забивающиеся кишки!»

Диллон смеется. Он хотел бы сейчас видеть свое лицо: наверное, в нем есть что-то демоническое. Но сколько же может продолжаться соло? Почему его не подхватывают? Кажется, он вот-вот выдохнется. Но это его не волнует. Гораздо больше его волнует то, что другие позволяют ему вот так выкладываться. Может, они надеются, что он сойдет с дистанции и будет остаток своей жизни сидеть как слизняк, пуская пузыри? Ну уж дудки! Диллон прекращает свое феерическое соло. Никогда прежде он не делал ничего подобного: достали-таки его эти тупые римляне. И все это — как в бездонную дыру! Какое им дело до него самого и до его таланта!

Вся вселенная вибрирует вокруг него, в этом его гигантском соло. Так, наверное, должен был себя чувствовать Создатель, когда приступил к работе в первый день творенья. Иглы звуков вылетают из динамиков — могучее кресчендо света и звука. Диллон ощущает, как поднимается в нем могучая сила; он так счастлив исполняемой темой, что член его напрягается, и ему приходится откинуться на своем стуле. Разве кто-нибудь исполнял что-либо подобное? Разве кто-нибудь слышал такую импровизацию на космотроне? Хелло, Бах! Хэлло, Вагнер! Выбросьте ваши черепа на свалку!

Диллон проходит пик вдохновения и начинает умерять тонус. Теперь он не полагается на голую мощь, занимаясь более тонкими нюансами исполнения — расцвечивает серо-золотистыми пятнами Юпитер, превращает звезды в белые ледяные точки, использует и другие маленькие хитрости. Зарокотал Сатурн — это сигнал вступать остальным инструментам. И они вступают.

Вот осторожно присоединяется допплеринвертон со своей собственной темой, переняв что-то от всплеска страсти Диллона с его звездной моделью. Кометарфа сразу же покрывает все сериями затухающих аккордов, немедленно преобразующихся в пучки вспышек зеленого света. И все это охватывается звучанием спектрояля, которое взлетает над ними и, широко расплываясь, скользит до ультрафиолета в ливне посвистывающей широкодиапазонной ряби.

Вот и старый Софро начинает свои орбитаксонические нырки; падения и взлеты следуют за падениями и взлетами, наперекор игре спектрояля, но очень умело — это может позволить себе только хорошо сыгранная группа.

Затем вступает чародин — напыщенный, гудящий, он посылает разбивающиеся о стены раскаты, усиливая значения звуковых и астрономических узоров до такой степени, что конвергенции становятся невыразимо прекрасными. Это намек для контраграва, который взрывает это великолепие мощными ритмичными ударами.

Теперь Диллон занимает свое надлежащее место — координатора и дирижера группы, подбрасывая кому нить мелодии, кому пучок света, украшая все, что происходит вокруг. Он спускается до полутонов. Играя почти механически, он сейчас скорее слушатель, чем исполнитель, так спокойно он воспринимает все вариации, которые воспроизводят его партнеры. Сейчас ему незачем напрягать внимание. Весь остаток вечера он может только подавать ритм. Но он этого не хочет: симфония смажется, если каждые 10—15 минут он не будет подкидывать свежего материала. Это его право.

Каждый исполняет соло по очереди. Диллону уже некогда смотреть на зрителей. Он вертится, крутится, потеет, всхлипывает; он свирепо жмет проекцитроны; он фокусничает, чередуя свет и тень. Пульс его успокаивается. Он спокоен, как океан в бурю, он в высшей степени профессионален, он в совершенстве владеет собой и своим мастерством. И в этот момент экстаза кажется ему, что он живет в каком-то другом времени и измерении, что это вовсе не он сам, а другой человек.

Между прочим, сколько же длится его соло? Он потерял счет времени. Но все идет превосходно, и он предоставляет следить за временем методичному Нэту.

После бурного начала концерт вступает в обычное русло. Центр действия смещается к допплеринвертонисту, прядущему серии классических вспышек. Вполне красивых, но избитых, слушанных-переслушанных, смотренных-пересмотренных. Тем не менее его импровизация заражает других, и вся группа свыше двадцати минут импровизирует, плетя сеть контрастов, от которых цепенеют нервы и захватывает дух. Но вот, наконец, Нэт выплескивается эффектно всем спектром, начиная откуда-то южнее инфракрасного и до того, что может быть названо рентгеновскими частотами; и этот бурный взлет сигнализирует о скором окончании представления. Все подхватывают спектроялиста и играют в свободном порыве, кружась, паря и сходясь вместе, образуя единое целое с семью головами, бомбардируя окаменевших зрителей волнами перегрузок.

Да да да да да! Ух ух ух ух ух! Пых пых пых пых пых! Ох ох ох ох ох! Давай давай давай давай давай! Диллон неистовствует в самом сердце импровизации, разбрасывая яркие пурпурные искры, бросаясь солнцами и проглатывая их, он втягивается в эту импровизацию даже больше, чем в своем большом соло, — ведь это узловой момент симфонии, гармония, полное слияние, и он сознает, что это — способ жизни, первопричина всего. Разве это не прекрасно — настроиться на красоту, окунуться прямо в жаркий источник бытия, открыть душу и пустить всех внутрь и снова выплеснуть все наружу; дать дать дать дать дать!

И все кончается. Оркестранты позволяют ему взять финальный аккорд, и он обрывает череповзрывательный пятикратный планетный союз и тройную фугу финалом, длящимся почти десять секунд. Затем руки вниз, выключение и — стена молчания встает на 90 километров высоты. На этот раз он сделал, что хотел. Он выпотрошил все черепа. Он сидит, вздрагивая, кусая губы, ошеломленный ламповым освещением, чуть не плача. Он не смотрит на остальных оркестрантов. Сколько прошло времени? Пять минут? Пять месяцев? Пять веков? И вот наконец... овация! Все римляне на ногах — вопят, хлопают себя по щекам — высшая дань. Четыре тысячи человек выбрались из своих кресел, чтобы поколотить себя пальцами по щекам. Диллон смеется, запрокинув голову, встав на ноги и откинув руки к Нэту, к Софро, ко всем шестерым. Сегодня все было лучше, чем всегда. Даже эти римляне поняли. А что они сделали, чтобы заслужить такой концерт? «Этакие чурбаны! — думает Диллон. — Они вытянули из нас самое лучшее, чтобы заставить нас перевернуть их. И мы их перевернули!»

Овация продолжается.

«Прекрасно! Прекрасно! Мы великие артисты. А теперь надо убираться отсюда, прежде чем я свалюсь с ног от усталости».

3

Он никогда не общается с остальными членами группы после представления. Все они давно поняли, что чем меньше они будут видеться друг с другом в часы досуга, тем интимнее будет их профессиональное сотрудничество. Нет ни внутригрупповой дружбы, ни даже внутригрупповой половой жизни. Они все чувствуют, что любой вид спаривания, гетеро, хомо, тройственный — это для них смерть, и оставляют все это для внешнего мира. А у них есть музыка, объединяющая их. Поэтому он уходит один.

Зрители теснятся к выходам, и Диллон, ни с кем не попрощавшись, выходит по артистической лестнице и спускается на один этаж ниже. Одежда его мокра от пота, и ему в ней очень неудобно. Что-то надо с ней сделать. Крадучись по коридору 529-го этажа, он открывает первую попавшуюся дверь в жилые комнаты, входит и обнаруживает там скорчившуюся перед экраном парочку шестнадцати-семнадцати лет. Он обнажен, а на ней только бюстгальтер; оба явно возбуждены, но не настолько, чтобы не заметить его.

— Диллон Хримс! — со стоном выдыхает женщина, разбудив двоих или троих детей.

— Хэлло, — отвечает Диллон, — я только хотел воспользоваться вашим душем, ладно? Я постараюсь не тревожить вас.

Понимаете, я даже не буду разговаривать — я еще не пришел в себя после выступления.

Он сбрасывает с себя потные одежды и забирается под душ. Душ гудит и присвистывает, счищая с него грязь и пот. Затем он проделывает то же самое с одеждой. Тем временем женщина приближается к нему. Она уже без бюстгальтера; белые отпечатки пряжек на ее розовой манящей плоти быстро краснеют. Стоя на коленях перед ним, она руками тянется к его члену.

— Нет, — говорит он, — не тронь!

— Но почему?

— Я только хотел воспользоваться душем — не выношу собственной вони. А блудить я собираюсь па пятисотом этаже.

Пальцы ее рук скользят по его ляжкам. Он мягко отводит ее руки, а женщина изумленно глядит, как он одевается.

— Ты не хочешь? — спрашивает она.

— Не здесь.

Он идет к дверям, а она все еще недоумевает. Ее шокированный взгляд печалит его. Сегодня он должен быть в центре здания, а завтра наверняка он придет к ней и тогда все объяснит. Он записывает номер комнаты: 529008. Вообще-то блудить полагается наугад, но черт с ним: он обязан ей за ее пыл и за ее разочарование. Но не сегодня, а завтра...

В зале он находит фармацевтический автомат и реквизирует нужные пилюли, выстучав на панели свой метаболический код. Он заказывает телепатический усилитель, о котором сказано, что он обеспечивает самое доступное и всепроникающее путешествие. Он еще не пробовал этого наркотика. Машина выполняет необходимые вычисления и выдает пятичасовую дозу при потере сознания через 12 минут после приема. На желтой бандероли черными прямыми буквами напечатано:

«Осторожно! Этот наркотик повышает телесенсорную чувствительность. Не рекомендуется к употреблению лицами, чей коэффициент ESP превышает 0,55».

Диллон пожимает плечами. Все правильно — не телепат. Но наркотик сделает его телепатом. Он проглатывает наркотик и входит в кабину лифта.

Пятисотый этаж.

Так близко к середине здания, как только можно. Метафизическая прихоть, но почему бы и не исполнить ее? Он еще не потерял способности играть. «Мы, артисты, счастливые люди, потому что в нас сохраняется много детского». Осталось одиннадцать минут до действия наркотика. Он идет по коридору, открывая двери. В первой комнате он находит мужчину, женщину и еще одного мужчину.

— Жаль, — говорит он.

Во второй комнате трое женщин. После минутного колебания он решает, что им не до него — они, похоже, полностью заняты друг другом. В третьей комнате — пара среднего возраста. Они смотрят на него ободряюще, но он выходит.

На четвертый раз ему повезло. В комнате одна темноволосая женщина с надутыми губками. Очевидно, ее муж где-то блудит, а к ней никто не пришел, и эта статистическая случайность выводит ее из себя. Ей чуть больше двадцати, отмечает Диллон, у нее красивый формы нос, глянцевые волосы, прелестные груди и оливковая кожа. Веки у нее чуть припухшие, что лет через десять станет недостатком, но сейчас придает ей выражение знойной чувствительности. Она склонна к раздумьям, полагает он, так как за те пятнадцать секунд или около того, что он находится в ее комнате, сердитое выражение ее лица не меняется — она очень медленно приходит к пониманию того, с кем ей предстоит сегодня блудить.

— Хэлло! — произносит он. — Улыбнись! Почему бы тебе не улыбнуться?

— Я знаю тебя. Космическая группа?

— Да. Диллон Хримс. На космотроне. Мы сегодня играли в Риме.

— Играешь в Риме, а блудишь в Бомбее?

— Черт с ним, у меня есть на то философские причины. Понимаешь, мне надо быть посредине здания. Не требуй у меня объяснений.

Он осматривает комнату. У нее шестеро детишек. Тощая девочка с такой же оливковой кожей, как у матери, проснулась. Ей около девяти лет. Значит, мать не так молода, как выглядит. Очевидно, ей лет двадцать пять. Но Диллону все равно. Как бы то ни было, а через несколько минут он ощупает всю гонаду, все возрасты любого пола и любых форм. Он говорит:

— Я должен сказать тебе о моем путешествии. Я под действием усилителя. Он свалит меня через шесть минут.

Он касается руками своих гениталий.

— Значит, у нас не так много времени. Ты должен войти в меня, прежде чем лишишься сознания.

— Так действует наркотик?

— А ты разве не знаешь?

— Я никогда раньше не принимал их, — сознается он. — И никогда не доходил до беспамятства.

— Я тоже. И не думаю, чтобы кто-нибудь на самом деле принимал усилитель. Но я слышала о том, как полагается это делать.

Разговаривая, она успевает раздеться. Груди у нее тяжеловатые, вокруг сосков — большие темные круги. Ноги у нее странно тон-

кие; когда она стоит прямо, то внутренние стороны ляжек далеко отстоят друг от друга. О женщинах с таким строением существует анекдот, но Диллон не может сейчас его вспомнить. Он сбрасывает с себя одежду. Наркотик начинает действовать на него чуть раньше срока — стены начинают мерцать, они выглядят пушистыми. Необыкновенно! Но метаболизм, пожалуй, еще не достиг максимума ни в чем, кроме света и звука. Он идет к спальной платформе.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Альма Клюн.

— Мне нравится твое имя, Альма.

Она охватывает его своими руками. Он опасается, что в этом эротическом опыте для нее не окажется ничего необыкновенного. Сомневается он и в том, что сможет удовлетворить ее потребности, когда подействует наркотик. Кроме того, из-за недостатка времени совокупление происходит без надлежащей подготовки. Но она, кажется, все понимает. Она не испортит ему путешествия. Он ложится на нее.

— Еще не действует? — спрашивает она.

С минуту он молчит.

— Кажется, начинает, — говорит он наконец, — ощущение такое, словно я натягиваю сразу двух женщин.

Напряженность растет. До максимума еще девяносто секунд. Вот он уже натягивает сразу трех, четырех...

— Действует, — шепчет он. — О, боги, я раздуваюсь!..

Его дух-сознание покидает пределы его тела и начинает неудержимо расширяться. От наркотика он становится психочувствительным; наркотик преодолевает сопротивление защитного химизма его мозга против прямого телепатического контакта, так что он может теперь воспринимать ощущения всех сенсорных рецепторов вокруг себя. Минута за минутой дух ширится все больше и больше. Говорят, что при максимуме глаза и уши всех людей становятся вашими собственными; вы улавливаете бесконечность ответных чувств; вы в здании — сразу везде. Правда ли это? Вливаются ли в него ощущения других людей? Кажется, да. Он чувствует, как пылко трепещущая мантия его души поглощает и впитывает Альму. Это только начало. Вот его душа охватила уже детей Альмы. Он — и шестеро детей и их мать в одной и то же время. Вот уже он стал и семьей из соседней комнаты. Восемью детьми, матерью и блудником с 495-го этажа. Пределы его досягаемости распространяются этажом выше. И этажом ниже. И по коридору...

Над ним 500 этажей, 499 этажей под ним, и он видит все 999 этажей в виде колонны с поперечными полосами, крошечными метками на высоком стволе, набитом муравьями. А он является всеми

муравьями сразу. Почему он не принимал этого наркотика раньше? Это так здорово — чтобы стать целой гонадой!

Вот он распространился, по меньшей мере, на двадцать этажей в обоих направлениях. И продолжает расширяться. Его рецепторы находятся повсюду.

Альму теперь он ощущает смутно. Только один его атом занят ею, а остальные скитаются по залам городов, образующих гонаду 116. Он в каждой комнате. Часть его вверху, в Бостоне, часть в низу, в Лондоне, и одновременно весь он в Риме и в Бомбее. В сотнях комнат. В тысяче. В рое двуногих пчел. Он — это пятьдесят орущих детишек, втиснутых в три лондонские комнаты. Он — это два нетвердо держащиеся на ногах бостонца, идущих на свой пятитысячный сексуальный съезд. Он — это пылкий тринадцатилетний блудник, крадущийся по 483-му этажу. Он — это шесть меняющихся пар в лондонской спальне.

Вот он стал еще шире, достигая внизу Сан-Франциско, а вверху — Найроби. Чем больше он расширяется, тем легче это переносится. Улей. Могущественный улей. Вот он уже объемлет Токио. Вот объемлет Чикаго. И Прагу. Достает до Шанхая, Вены, Варшавы. Толедо! Париж! Рейкьявик! Луиссвилль! Сверху донизу! От вершины до дна! Теперь он — это все 880 тысяч людей на тысяче этажей. Его душа увеличена до предела. Голова разрывается. Через мозг проходят изображения, проплывают кадры реальности, расплывчатые пятачки туманных видений лиц, глаз, пальцев, улыбок, звуков... Все это плавно смешивается, перекрывается и уплывает прочь. Он везде, и он все сразу. Бог мой! Впервые он познает природу такого тонкого организма, как общество; он видит равновесие и противоречия, целый заговор компромиссов, склеивающих все вместе. И все это восхитительно прекрасно. Звучание этого огромного города, состоящего из многих городов, совсем такое же, как звучание космического оркестра: все должно быть взаимосвязано, все должны принадлежать еще кому-то. Поэт из Сан-Франциско является частью уборщика из Рейкьявика. Маленький сопливый честолюбец из Шанхая является частью безмятежного неудачника из Рима. Сколько же тут всего! Диллону интересно знать, останутся ли следы восприятий, когда действие наркотика кончится. Дух его кипит. Он растворяется в тысячах душ сразу. Сотни тысяч совокуплений совершаются в нем. Там — он утрачивает девственность, тут — он сам лишает девственности; он и обладающий и обладаемый одновременно.

Диллон несется в лифте своего воображения. Вверх! 501, 502, 503, 504, 505! 600! 700! 800! 900! 1000! Он стоит на посадочной площадке, на самой верхушке, вглядываясь в ночь. Вокруг него башни — сосед-

ние гонады, 115, 117, 118 — вся констеляция. Раньше он часто спрашивал себя, на что похожа жизнь в других зданиях. Теперь это его нисколько не интересует. Достаточно удивительного и в 116-й гонаде — свыше 880 тысяч пересекающихся жизней. Когда-то от своих друзей в Сан-Франциско он слыхал, что сам дьявол подсунул мысль — переделать мир так, чтобы нагромоздить тысячи людей в единственном колоссальном здании, осуществить эту ульеобразную жизнь. Как не правы эти ворчуны! Если бы они приняли этот наркотик, они бы ощутили правильную перспективу, вкусили бы всю бесконечную сложность нашего вертикального бытия. Теперь вниз 480, 479, 476, 475! Город над городом. И на каждом этаже тысячи лабиринтов. И везде его ждут наслаждения.

«Хэлло! Я — Диллон Хримс. Могу я побыть немного тобой? А тобой? А тобой? Вы счастливы? Нет? Видел ли ты этот великолепный мир, в котором ты живешь?»

«Что? Тебе хотелось бы комнату побольше? А ты хочешь путешествовать? А тебе не нравятся твои дети? А тебе надоела твоя работа? А ты чем недоволен? Идиот! Пойдешь со мной, полетай с этажа на этаж, посмотри вокруг! Поройся в окружающем тебя мире! Полюби его!»

— Это и в самом деле так здорово? — спрашивает Альма. — У тебя сияют глаза!

— Я не могу это описать, — бормочет Диллон, пронзая обслуживающий слой, чтобы попасть на этажи под Рейкьявиком, а затем снова всплывая в Луиссвилль, одновременно касаясь каждой точки здания от верха до самого низа. Он потерял чувство времени. Путешествию полагается длиться пять часов, а он все еще на Альме, что заставляет думать, что прошло не более десяти или пятнадцати минут.

Все так осязаемо. При перемещении по зданию он касается стен, полов, экранов, людей, вещей. Он предполагает, что скоро он начнет свертываться. Но нет! Он все еще расширяется. Одновременность ощущений все усиливается. Он переполняется восприятиями. Люди двигаются, разговаривают, спят, танцуют, совокупляются, едят, читают.

«Я — это вы все. Вы все — часть меня».

Он может отчетливо фокусироваться на отдельных личностях. Вот Электра. А вот Нэт — спектроялист. Вот Мэймлон Клавер, а вот переполненный мыслями социокомпьютер, называемый Чарльзом Мэттерном. Вот луиссвилльский администратор, а вот варшавский мужлан. А я — все они, все благословенное здание.

«О, прекрасное место! О, как я люблю его! О, это стоящая вещь! О!»

Когда он приходит в себя, он видит темноволосую, скорчившуюся на краю спальной платформы, спящую женщину. Он не может

вспомнить ее имени. Он трогает ее за бедра, и она тотчас просыпается, моргая глазами.

— Хэлло, — произносит она, — с возвращением!

— Как тебя зовут?

— Альма Клюн. У тебя красные глаза.

Он молча кивает. Сейчас он чувствует на себе вес всего здания. 500 этажей давят ему на голову, 499 этажей жмут на его ноги снизу. Точка приложения обеих сил где-то около его поджелудочной железы. Его внутренние органы лопнут, если он вовремя не уберется отсюда. В памяти остались только клочки путешествия. Ленты разорванных воспоминаний беспорядочно шелестят в его мозгу. Каким-то образом, помимо зрения, он смутно ощущает перемещающиеся с этажа на этаж полчища муравьев.

Альма тянется к нему. Наверное, хочет удовлетворить его. Он стряхивает ее с себя и ищет одежду. Он хочет вернуться к Электре, попытаться рассказать ей, где он был и что с ним случилось, а затем, может быть, и всплакнуть — может, тогда ему станет легче. Не поблагодарив Альму за гостеприимство, он уходит и ищет лифт, идущий вниз. Вместо этого он наталкивается на подъемный лифт и как-то, он полагает, что случайно, попадает на 530-й этаж. И устремляется в римский звуковой зал. Там темно. Инструменты все еще на эстраде. Диллон подходит к космотрону и включает его. Глаза у него мокрые. Он пытается вызвать в памяти какие-нибудь изображения своего призрачного путешествия. Лица. Экстаз. «О, какое прекрасное место! О, как я люблю его! О, это стоящая вещь! О!» Да, так именно это он тогда и чувствовал. Но сейчас он этого уже не чувствует. На все лег тонкий осадок сомнения. Он спрашивает себя: «Разве так предполагалось это? Разве так это должно быть? Разве это самое лучшее, что мы могли сделать? Это здание, этот величественный улей?»

Руки Диллона ложатся на проецитроны, которые кажутся ему колючими и горячими; он вжимает их в панель, и из инструмента извлекаются угрюмые цвета. Он включает звуковое сопровождение и извлекает звуки, заставляющие заныть его старые кости в отвислых мускулах. «Фу, как неправильно!» Этого следовало ожидать. Все время расширяться, а затем все время свертываться. «Но почему свертывание зашло так глубоко?» И сейчас Диллон прямо принуждает себя играть. Потерзав десять минут инструмент и свои нервы, он выключает космотрон и уходит. Он направляется в Сан-Франциско, 160-ю этажами ниже. Это не так уж много — к рассвету он будет там.

Мы хорошо организованы

1

Сигмунд Клавер все еще чувствует себя в Луиссвилле мальчишкой. Он еще не в состоянии убедить себя, что здесь, наверху, его настоящее место. Он чувствует себя здесь посторонним, незванно вторгшимся субъектом. Когда он поднимается в город гонады 116, им овладевает странная детская робость, которую ему приходится подавлять усилием воли. Ему вечно хочется оглянуться через плечо. При виде охранников он все еще боится, что они преградят ему путь. Вот непреклонная мускулистая фигура загораживает широкий коридор. Что ты здесь делаешь, сынок? Нечего тебе по этим этажам болтаться. Разве тебе неизвестно, что Луиссвилль только для администраторов? И Сигмунд, с горящим от стыда лицом примется лепетать жалкие слова оправдания и заторопится к лифту.

Это глупое чувство он старается подавить и запрятать поглубже. Он понимает, что это чувство недостойно того его образа, который видят все остальные. Образ Сигмунда — рассудительного человека, Сигмунда — избранника судьбы, Сигмунда, с детства предназначенного для Луиссвилля.

Если бы только они знали! Под всем этим прячется уязвимый парень. Под всем этим — робкий, неуверенный в себе Сигмунд, встревоженный своим быстрым продвижением вверх и извиняющийся сам перед собой за свои собственные успехи. Смиренный, неуверенный в себе Сигмунд.

А может быть, это тоже только образ? По временам ему кажется, что этот прячущийся, этот тайный Сигмунд — только фасад того Сигмунда, которого он сам создал для того, чтобы можно было продолжать нравиться себе, и что под этой подповерхностной оболочкой робости, где-то вне пределов его понимания, таится настоящий Сигмунд, каждая частичка которого так же безжалостна, нагла и честолюбива, как тот Сигмунд, которого видит внешний мир.

Теперь он поднимается в Луиссвилль почти каждое утро. Его используют в качестве консультанта. Некоторые из высоких людей сделали его своим любимцем: Льюис Холстон, Ниссим Шоук, Киплинг Фрихаус — все из самых высочайших уровней власти. Он прекрасно понимает, что, пользуясь его честолюбием, они эксплуатируют его, сваливая на его всю скучную утомительную работу, которой им не хочется заниматься самим. «Сигмунд, приготовьте доклад по проблемам возбудимости рабочего класса. Сигмунд, составьте диаграммы баланса адреналина в крови жителей средних городов. Сигмунд, какой в этом месяце коэффициент потерь при обороте? Сигмунд! Сигмунд! Сигмунд!» Но он не остается внакладе. По мере того, как они обретают привычку заставлять его думать за них, он быстро становится необходимым. Через год или два, вне всяких сомнений, ему предложат подняться в здании. Может быть, его повысят с Шанхая в Толедо или в Париж: скорее же всего, что при очередной вакансии его переведут прямо в Луиссвилль. В Луиссвилль! А ведь ему еще нет и двадцати лет! Случалось ли такое с кем-нибудь раньше?

К тому времени, наверное, он почувствует себя среди членов правящего класса гораздо увереннее. Он представляет себе, как они за глаза посмеиваются над ним. Они так давно взобрались на вершину, что забыли о том, что другим для этого приходится очень стараться. Сигмунд понимает, что он должен им казаться комичным — этаким ревностным службистом, энергичным маленьким карьеристом, у которого внутри все горит от напористости, с которой он стремится вверх. Его терпят, потому что он способный — более способный, наверняка, чем большинство из них. Но они уважают его, хотя и считают его глупцом — за то, что он так сильно стремится к тому, что им давно уже успело надоесть.

Взять к примеру Ниссима Шоука. Это один из двух или трех самых значительных людей в гонаде. (А кто — самый значительный? Сигмунд этого себе даже не представляет. На высшем уровне власть становится неясной абстракцией; с одной стороны, все обитатели Луиссвилля имеют абсолютное влияние на все здание, а с другой стороны — никто.) Сигмунд предполагает, что Шоуку около шестидесяти лет. Но выглядит он гораздо моложе. Стройный, атлетически сложенный мужчина с оливковой кожей, с холодным взглядом, сильный физически. Бдительный, осторожный, он производит впечатление ужасно энергичного человека с большим запасом прочности. Несмотря на это, насколько Сигмунд может судить, Шоук вообще ничего не делает. Все управленческие проблемы он передает на рассмотрение своим подчиненным, а сам скользит по кабинетам на вершине с таким видом, словно самые сложные проблемы здания всего лишь игра воображения.

Да и зачем Шоуку стараться? Он на вершине. Он дурачит всех, кроме, пожалуй, Сигмунда. Шоуку нет нужды действовать, ему достаточно только быть. И теперь он бездействует и наслаждается удобствами своего положения, точно принцы из эпохи Ренессанса. Одно слово Ниссима Шоука может отправить почти любого в Спуск. Единственное его замечание способно изменить любое, тщательно охраняемое правило поведения в гонаде. Тем не менее он не порождает программ, не отменяет предложений, он уклоняется от удовлетворения каких бы то ни было требований.

Иметь такую власть и не пытаться употреблять ее! Это так поражает Сигмунда, словно сама идея власти превращается в шутку. Пассивность Шоука несет в себе невысказанное презрение к заслугам Сигмунда. Сардоническая улыбка Шоука осмеивает честолюбие Сигмунда. Она отрицает самый смысл служения обществу. Я здесь, провозглашает Шоук любым своим жестом, и это важно лишь мне; гонада же пусть сама следит за собой; всякий, кто берет на себя ее бремя, — идиот. Сигмунд, тоскующий по власти, считает, что Шоук отравляет его душу сомнением.

«А что, если Шоук прав? Что, если я через пятнадцать лет займу его место и обнаружу, что все это бессмысленно? Нет, нет! Шоук болен, вот и все. Его душа пуста. Жизнь имеет цель и служба обществу осуществляет эту цель. Я хорошо обучен править людьми; следовательно, я бы предал человечество, а также себя, если бы отказался выполнять мои обязанности. Ниссим Шоук не прав. Мне жаль его.

Но почему мне становится не по себе, когда я гляжу в его глаза?»

А у Шоука есть дочь Рея. Она замужем за Паоло, сыном Киплинга Фрихауса, и живет в Толедо, на 900-м этаже. Луиссвилльские семьи имеют обыкновение родниться между собой. А дети администраторов не остаются жить в Луиссвилле; он предназначен для правителей. А их дети, если им не посчастливится найти себе место в рядах администраторов, поселяются, в большинстве своем, в Париже и Толедо, сразу же под Луиссвиллем. Там они образуют привилегированную колонию потомков сильных мира сего. Сигмунд блудит предпочтительно в Париже и Толедо. И Рея Шоук — одна из его фавориток.

Она на несколько лет старше Сигмунда. У нее отцовские гибкие формы: стройное, несколько мальчишеское тело с маленькими крепкими грудями, недостаточно выпуклыми ягодицами и твердыми мускулами. У нее смуглое лицо, сверкающие интимным лукавством глаза, тонкий изящный нос. У нее только трое детей. Сигмунду неизвестно, почему ее семья так мала. Она сообразительна, понятлива и многоопытна. Кроме того, она чуть ли не самая двуполая из всех,

кого знает Сигмунд; он находит ее первобытно страстной, но она говорит, что испытывает такое же сладострастие и при любви с женщинами. Среди ее половых партнеров — жена Сигмунда Мэймлон, которая, как он считает, во многом является более молодой версией Реи. Возможно, поэтому-то он и находит ее такой привлекательной — она воплощает в себе все самое интересное, что он находит в Мэймлон и Ниссиме Шоуке.

Половое развитие Сигмунда шло преждевременно. Свои первые любовные опыты он проделал на седьмом году, на два года раньше гонадской нормы. К девяти годам он был уже знаком с механикой половых связей и уверенно получал самые высокие знаки внимания в своей компании. Ему отдавались даже одиннадцатилетки. Половая зрелость наступила у него в десять лет; в двенадцать лет он женился на Мэймлон, которая более года верховодила им; вскоре она забеременела от него, и семья Клавер переехала из чикагской спальни для новобрачных в свою собственную квартиру в Шанхае. Половые отношения он находил приятными сами по себе, а позднее он стал понимать и их значение в жизни здания.

Он неутомимо блудит. Молодые женщины ему пресны; он предпочитает женщин старше двадцати лет, таких, как Присипесса Мэттерн и Микаэла Квиведо из Шанхая. Или Рея Фрихаус. Женщины с таким опытом в постели получше, чем большинство юных. Главное, однако, для Сигмунда не в этом. Мэймлон может дать ему все физическое наслаждение, которое ему нужно. Но он чувствует, что женщины постарше учат его многим вещам, без слов передавая ему свой жизненный опыт. От них он получает неуловимую способность проникновения в глубины динамики зрелой жизни: кризисы, конфликты, возмездия. Он любит учиться. Он убежден, что его собственная зрелость происходит от его многочисленных встреч с женщинами старшего поколения.

Мэймлон рассказывает, что большинство соседей и знакомых полагает, что он блудит даже в Луиссвилле, фактически же это не так. Он никогда не осмеливался на это. Там, наверху, есть женщины, привлекающие его, женщины, которым за тридцать, за сорок, есть и помоложе, как, например, вторая жена Ниссима Шоука, которая едва ли старше Реи. Но самоуверенность Сигмунда, внушающая благоговение его ровням, исчезает при мысли о женах администраторов. Довольно того, что он, живя в Шанхае, отваживается встречаться с женщинами из Толедо и Парижа. Но Луиссвилль? Залезть в постель с женой Шоука, а затем увидеть пришедшего Шоука, холодно улыбающегося, гостеприимно предлагающего ему бокал шипучки: «Хелло, Сигмунд, как самочувствие?» Нет. Может быть, лет через пять, когда он сам станет жить в Луиссвилле. Но не сейчас. А пока он блудит с Реей Шоук-Фрихаус и некоторыми другими из ее круга. Неплохо для начала.

Роскошно оборудованный кабинет Ниссима Шоука. Вот где в Луиссвилле расточается пространство гравитационного ложа. У Шоука нет стола — он ведет все дела из гравитационного ложа, гамакообразно подвешенного у широкого светлого окна. Позднее утро, солнце уже высоко. Из окна открывается умопомрачительный вид на соседние гонады. Входит Сигмунд, вызванный пять минут назад. Он с трудом выдерживает холодный взгляд Шоука, стараясь при этом казаться не слишком смиренным, не слишком подобострастным, но и не слишком враждебным.

— Ближе, — приказывает Шоук, как обычно играя на нервах Сигмунда.

Сигмунд пересекает необъятную комнату и оказывается нос к носу с Шоуком — пародия на интимность. Вместо того чтобы заставить Сигмунда соблюдать дистанцию, как это обычно требуется от подчиненных, Шоук ставит его так близко, что тот не в состоянии видеть одновременно оба глаза Шоука. Изображение раздваивается, теряется фокус, глаза болят.

Небрежно, едва внятным голосом Шоук цедит:

— Не займетесь ли вы вот этим? — и щелкает по информационному кубику. Это, как объясняет Шоук, петиция от гражданского совета Чикаго, ходатайствующего о смягчении жестких норм на соотношение полов в гонаде.

— Они хотят свободнее выбирать пол своих детей, — говорит Шоук. — Они утверждают, что существующие законы ущемляют индивидуальные свободы и вообще неблагоразумны. Прослушайте потом петицию детально. Что вы об этом думаете, Сигмунд?

Сигмунд напрягает память в поисках какой-либо теоретической информации по проблеме соотношения полов. Ничего. Значит, надо действовать интуитивно. Какой же совет нужен Шоуку? Обычно ему нравится, когда советуют оставить все так, как есть. Хорошо. Как же теперь оправдать законы соотношения полов, не выказывая интеллектуальной лени? Сигмунд начинает поспешно импровизировать. Он легко проникает в логику администрирования, это его талант.

— По первому побуждению я бы посоветовал отказать в ходатайстве.

— Хорошо. Почему?

— Основной упор динамики урбанистического модуля должен быть направлен на стабильность и предсказуемость, исключающих случайность. Гонада не может расширяться физически, а наши условия не вполне приспособлены для размещения избыточного населения. Таким образом, более всего другого мы должны заботиться о программировании регулярного роста населения.

Шоук холодно косится на него и произносит:

— Если вы не имеете в виду непристойность, то позволю себе

заметить, что вы говорите совсем как пропагандист ограничения рождаемости.

— Нет! — выпаливает Сигмунд. — Упаси бог, нет! Конечно, должно оставаться всеобщее плодородие.

Шоук втихомолку посмеивается над Сигмундом, раздражая и издеваясь. Садизм — его любимое развлечение.

— Я хочу показать, — упрямо продолжает Сигмунд, — что в общественном строе, поощряющем неограниченное размножение, следует стараться ввести определенный контроль и баланс, чтобы предотвратить вызывающие распад дестабилизирующие процессы. Если позволить людям самим выбирать пол их детей, весьма вероятно получить поколение, состоящее из 65 процентов особей мужского пола и 35 процентов — женского. Или наоборот, в зависимости от капризов и прихотей минуты. Если это случится, то что делать с неспаренным излишком? Куда им деваться? Представьте себе 15 тысяч мужчин одного возраста, не имеющих сожительниц. Появятся неблаготворные социальные явления — вообразите хотя бы эпидемию изнасилований. Более того, эти холостяки будут потеряны для генетической интеграции. Сама собой возникает перспектива нездоровой конкуренции. Для удовлетворения половой потребности неспаренных мужчин могут возродиться такие древние обычаи, как проституция. Очевидные последствия несбалансированного соотношения полов среди новорождаемого поколения настолько серьезно, что...

— Все ясно, — Шоук тянет слова, не пряча своей скуки, но Сигмунд уже завелся, и ему не так-то легко остановиться.

— Следовательно, свобода выбора пола своего ребенка даже хуже, чем вообще отсутствие регулирования пола. В средневековые времена соотношение полов регулировалось случайными биологическими обстоятельствами и, естественно, имело тенденцию стремиться к отношению 50 на 50 (не принимая в расчет таких специфических факторов, как война или эмиграция, которые, конечно, не имеют к нам отношения!). Но поскольку мы в состоянии контролировать соотношение полов в нашем обществе, мы должны быть осторожны, чтобы не позволить впасть нашим жителям в произвольное неравновесие полов, что совершенно недопустимо. Может статься, что в какой-то год весь город вдруг выберет, скажем, девочек. Мы не можем себе позволить рисковать и тем самым допустить перекос в угоду моде вместо плановости. По семейным обстоятельствам мы можем позволить отдельным парам просить и получить разрешение на рождение ребенка желаемого пола, но такие просьбы должны быть скомпенсированы где-то в другом месте города, чтобы обеспечить желаемое предельное соотношение 50 на 50, даже если это причинит определенные неудобства части жителей. Поэтому я бы рекомендовал продолжать нашу политику мяг-

кого контроля над соотношением полов, руководствуясь установленными нормами свободного выбора, ибо благо гонады в целом должно быть...

— Ради бога, Сигмунд, достаточно на сегодня.

— Сэр?

— Ты высказался. Я же спрашивал у тебя не диссертацию, а только мнение.

Сигмунд чувствует себя обескураженным. Он отступает назад, будучи больше не в силах смотреть в холодные презрительные глаза Шоука на таком близком расстоянии.

— Да, сэр, — бормочет он. —Так что я должен сделать с этой информацией?

— Подготовь от моего имени возражения, положи в основу все то, что ты рассказал мне, только немного приукрась, процитируя каких-нибудь педагогов. Поговори с программистом-социологом и истребуй у него с десяток убедительных доказательств того, что свободный выбор пола, вероятно, приведет к дисбалансу. Привлеки какого-нибудь историка и вели ему обрисовать, что произошло с обществом, которому была разрешена свобода соотношения полов. Закончи призывом хранить верность интересам общества. Ясно?

— Да, сэр.

— И ответь им, но не в лоб, что их просьба отклонена.

— Я отвечу, что их просьба направлена Высшему Совету для дальнейшего изучения.

— Совершенно верно, — соглашается Шоук. — Сколько тебе на все это нужно времени?

— Я мог бы приготовить все это завтра ко второй половине дня.

— Даю тебе три дня. Не торопись. — Шоук жестом отпускает Сигмунда. И прежде чем Сигмунд поворачивается, чтобы уйти, Шоук издевательски подмигивает и произносит:

— Рея шлет тебе привет и свою любовь.

— Не понимаю, почему он так со мной обращается, — говорит Сигмунд, стараясь не очень хныкать. — Он что, со всеми такой?

Он лежит с Реей Фрихаус. Сегодня они еще не предавались любовным утехам. Над ними извивается и мерцает цветковый узор, приобретенный Реей у одного из сан-францисских художников.

— Отец очень расположен к тебе, — отвечает она.

— Странно же он выказывает свое расположение. Он играет со мной, чуть ли не глумится. Он держит меня за глупца.

— Ты просто мнителен, Сигмунд.

— Вовсе нет. Ладно, не мне его порицать. Должно быть, я кажусь ему нелепым. Из-за того, что я берусь за проблемы гонады

излишне серьезно. Из-за моего пристрастия к длинным теоретическим рассуждениям. Все это уже не имеет цены в его глазах, и, наверное, не стоит ожидать, чтобы человек оставался преданным карьере в шестьдесят лет так же, как и в тридцать. Но он заставляет меня чувствовать себя идиотом из-за моего стремления сделать карьеру. Словно всякий, кого влекут административные посты, обязательно должен быть глупцом.

— Никогда не думала, что ты можешь судить о нем так однобоко, — замечает Рея.

— Ему не хватает сознания своих возможностей. Он мог бы стать великим вождем, а вместо того он сидит там, наверху, и смеется над всеми.

Рея поворачивается к нему, преисполненная серьезности.

— Ты недооцениваешь его, Сигмунд. Он предан благу общества так же, как и ты. Тебя отталкивает его манера обращения с тобой, и из-за этого ты не видишь, что он администратор от Бога.

— Можешь ли привести хоть один пример?..

— Очень часто, — продолжает она, — мы наделяем других людей своими же скрытыми чертами. Когда мы глубоко внутри считаем что-либо незначительным или бесполезным, мы негодующе обвиняем других за то, что они так думают. Если мы втайне сомневаемся, так ли уж мы добросовестны и преданы делу, как говорим, мы начинаем жаловаться, что все остальные — лодыри. Может статься, что твоя горячая заинтересованность в административных делах, Сигмунд, представляет собой просто чрезмерный карьеризм, а не энергичное человеческое участие, и ты поэтому чувствуешь себя таким виноватым за свое чрезмерное честолюбие и полагаешь, что и другие думают о тебе так же, как и ты сам...

— Подожди. Я не совсем согласен...

— Перестань, Сигмунд. Я не намерена тебя унижать. Просто я рассказываю какое-то вполне возможное объяснение твоему волнению. Если же ты предпочитаешь, чтобы я умолчала...

— Нет, продолжай.

— Я скажу тебе, что я думаю... и если тебе не понравится, можешь потом возненавидеть меня. Ты слишком молод, Сигмунд, чтобы быть там, где ты оказался. Все знают, что у тебя огромные способности, что ты достойный кандидат для перехода в Луисс-вилль, но тебе самому нелегко дается то, что ты так быстро поднимаешься. Ты пытаешься не показывать этого, но не можешь спрятать это от меня. Ты боишься, что людей возмущает твое возвышение — даже тех, которых ты считаешь пока еще выше себя. Ты мнителен и сверхчувствителен. В самых невинных выражениях людей ты усматриваешь нечто для себя ужасное. На твоем месте, Сигмунд, я бы расслабилась и постаралась бы просто больше

радоваться. И не заботиться о том, что люди думают и что они, возможно, думают о тебе. Не беспокойся за свою карьеру — ты предназначен для верхушки,ты можешь позволить себе полодырничать. Постарайся быть хладнокровным, менее деловым, менее преданным делу своего продвижения. Завязывай дружбу с людьми своего возраста ради них самих, а не только тогда, когда они могут быть тебе полезны. Постигай человеческую природу, старайся сам стать человечней. Походи по зданию, поблуди в Варшаве или в Праге. Это не по правилам, но и не запрещено — это повыбьет из тебя чопорность. Посмотри, как живут простые люди. Ты улавливаешь в этом смысл?

Сигмунд молчит.

— Улавливаю, разумеется, — наконец откликается он.

— Вот и хорошо.

— Твои слова врезаются в память. Со мной еще никто никогда так не разговаривал.

— И ты на меня рассердился?

— Конечно же нет!

Кончиками пальцев Рея слегка касается уголка его губ.

— Так ты не против натянуть меня теперь? Я предпочитаю быть женщиной, а не нравственным инженером, когда в моей постели гость.

Но он продолжает осмысливать ее слова. Он унижен, но не оскорблен, так как многое из того, что она сказала, сказано искренне. Углубившись в самоанализ, он механически ласкает ее, не переставая думать о том, как глубоко смогла она проникнуть в его характер. В конце концов она обращает его внимание на тщетность его вялых стараний.

— Сегодня неинтересно? — спрашивает она.

— Да нет, просто устал, — лукавит он.

Рея смеется. А он думает о том, чтобы не выглядеть нелепым перед людьми Луиссвилля.

И вот он снова дома. Только что минула полночь. На подушке две головы — Мэймлон принимает блудника. В этом нет ничего особенного. Сигмунд знает, что его жена — одна из самых желанных женщин гонады. И не без причины. Он лениво ждет, стоя у двери. В пароксизме страсти Мэймлон постанывает, но Сигмунду ее стоны кажутся фальшивыми и принужденными. Он чувствует смутное возмущение: «Если ты, мужчина, хочешь обладать моей женой, то, по крайней мере, делай это должным образом». Он раздевается и принимает душ, а когда выходит из ультразвукового поля, пара в постели лежит уже тихо. Мэймлон дышит чуть слышно, подкрепляя этим подозрения Сигмунда, что она притворялась.

Сигмунд вежливо кашляет. Встревоженный, с раскрасневшимся, лицом посетитель, щурясь, поднимает голову. Это Джесон Квиведо — безобидный историк, муж Микаэлы. Мэймлон нравится удовлетворять его, хотя Сигмунд не понимает почему. Не понимает Сигмунд и того, как Джесону удается справляться с такой темпераментной женщиной, как Микаэла.

Присутствие Квиведо напоминает ему, что скоро он снова должен навестить Микаэлу, а также и то, что у него есть работа для Джесона.

— Привет, Сигмунд, — здоровается с ним Джесон, не поднимая глаз. Он слезает с постели, разыскивая свои разбросанные одежды. Мэймлон подмигивает мужу. Сигмунд посылает ей воздушный поцелуй.

— Пока ты не ушел, Джесон... — начинает Сигмунд. — Я буду звонить тебе завтра. Нужно проделать небольшое историческое исследование.

Вид Квиведо выражает страстное желание поскорее убраться из апартаментов Клаверов.

— Ниссим Шоук, — продолжает Сигмунд, — подготавливает ответ на петицию из Чикаго, касающуюся возможности отказа от регуляции соотношения полов. Он хочет, чтобы я вместе с ним подобрал примеры, показывающие, как это проходило в ранний период, когда люди выбирали пол своих детей, не считаясь с действиями других людей. Поскольку ты специализировался на двадцатом веке, мне было бы интересно знать, сможешь ли ты...

— Да, конечно. Завтра, прямо с утра. Позвони мне, — Квиведо подбирается к выходу, горя желанием исчезнуть.

— Мне нужен, — продолжает Сигмунд, — какой-нибудь подробный документ, охватывающий, во-первых, средневековый период беспорядочной рождаемости, во-вторых, распределение полов в ранний период контроля. Пока ты подберешь эти данные, я поговорю с Мэттерном, чтобы он подготовил мне какие-нибудь социологические выкладки по политическому значению...

— Уже поздно, — жалуется Мэймлон. — Джесон же сказал тебе, что об этом можно поговорить утром.

Квиведо кивает головой. Он не решается выйти, пока Сигмунд говорит, но и оставаться ему явно неловко. Сигмунд осознает, что опять переусердствовал.

— Ладно, — говорит он, — благослови тебя Бог. Я позвоню тебе завтра.

Обрадованный Квиведо исчезает, а Сигмунд ложится рядом с женой.

— Разве ты не видел, что он как на иголках? — спрашивает его она. — Он такой ужасно застенчивый.

— Бедный Джесон, — вздыхает Сигмунд, поглаживая рукой бедро Мэймлон.

— Куда ты ходил сегодня?

— К Рее.

— Увлекательно?

— Очень. И необычно. Она мне говорила, что я слишком ревностный работник, что я должен убавить свое усердие.

— Вполне благоразумно, — замечает Мэймлон. — Ты согласен с ней?

— Да, наверное. — Он уменьшает в комнате свет. — На легкомыслие отвечать легкомыслием — вот в чем секрет. Работать небрежно. Я попытаюсь. Но работа затягивает меня, и я ничего не могу с собой поделать. Вот хотя бы с этой петицией из Чикаго. Конечно же мы не можем разрешить свободный выбор пола детей. Последствия будут...

— Сигмунд! — она берет его за руку. — Я бы предпочла не выслушивать всего этого сейчас. Я хочу тебя. Надеюсь, Рея не истощила тебя без остатка? А то Джесон что-то сегодня был не слишком пылок.

— Есть еще силушка в жилушках. — Он чувствует, что в состоянии оправдать надежды Мэймлон. — Я люблю тебя, — шепчет он, целуя ее. — Моя женушка, моя единственная!.. Не забыть бы поговорить утром с Мэттерном. И с Квиведо. Как бы то ни было, но надо постараться положить ответ на стол Шоука завтра после обеда. Если бы только Шоук имел стол! Цифры, нормы, комментарии. — Мысленно Сигмунд представляет себе каждую деталь ответа.

2

Сигмунд поднимается на 975-й этаж. Здесь расположены кабинеты большинства ведущих администраторов: Шоука, Фрихауса, Хольстона, Доннели, Стивиса. Сигмунд несет чикагский инфокубик и черновик ответа Шоука, содержащий данные, полученные от Чарльза Мэттерна и Джесона Квиведо. На полпути он задерживается. Здесь так мирно, спокойно, так роскошно; нет малышей, снующих вокруг; нет толп рабочего люда. «Когда-нибудь это будет и мой город». И перед ним встает видение великолепного помещения на одном из жилых этажей Луиссвилля, из трех или даже из четырех комнат; хозяйничающая там, словно королева, Мэймлон; Кипплинга Фрихауса и Монро Стивиса, заглянувших со своими женами на обед; благоговеющего случайного гостя — старого приятеля из Чикаго или Шанхая. Власть, комфорт, ответственность и роскошь. Да-а.

— Сигмунд! — раздается из динамика над головой голос Шоука. — Давай сюда. Мы в кабинете Киплинга.

Его обнаружили видеорадарами. Сигмунд немедленно меняет выражение лица, стерев с него отсутствующее мечтательное выражение. Теперь у него деловой вид. Он сердится на себя за то, что забыл о видеорадарах. Он сворачивает влево и оказывается у кабинета Киплинга Фрихауса. Дверь откатывается.

Глазам открывается великолепная изогнутая комната, окаймленная окнами. Из них виден сверкающий фасад соседней гонады 117, сужающейся к вершине с посадочной площадкой на ней.

Сигмунд обескуражен количеством высокопоставленных особ, собравшихся здесь. Они ослепляют его блеском: Киплинг Фрихаус, глава бюро подготовки новостей, крупный одутловатый мужчина с косматыми бровями; Ниссим Шоук, вкрадчивый чопорный Льюис Хольстон, одетый, как всегда, сверх элегантно; маленький Монро Стивис, с вечной гримасой презрения на лице; Доннели, Кинселла, Воган — целый океан величия. Здесь почти все те, с кем считаются; какой-нибудь бунтарь, спрятавшись в этой комнате с психобомбой, мог бы вывести из строя все правительство гонады разом. Какой же ужасный кризис собрал их здесь всех вместе? Обмирая от испуга, Сигмунд с трудом заставляет себя шагнуть вперед. Херувим среди архангелов. Ему ли встревать в становление истории! Но может быть, он им нужен потому, что они не желают предпринимать никаких шагов и давать свое заключение без представителя будущего поколения вождей и хотят получить его одобрение. От своих собственных измышлений у Сигмунда приятно кружится голова... «Я стану частью этого, чем бы оно ни было». Его самоуважение возрастает, а сияние их ореолов ослабевает в его отношении к ним, в нем возникает нечто вроде чванства. Но затем он замечает, что здесь находятся некоторые другие особи, которым нечего делать на всесильной политической ассамблее. Зачем здесь Рея Фрихаус? И Паоло — ее ленивый муженек? И эти девочки, не старше пятнадцати или шестнадцати лет, в прозрачных газовых накидках и без них — любовницы великих, их наложницы? Все знают, что луиссвилльские администраторы содержат экстрадевочек. Но зачем они здесь? Сейчас? Эти хихикалки на грани исторического момента?

Ниссим Шоук, не вставая, приветствует Сигмунда и делает приглашающий жест.

— Присоединяйтесь к нашей компании! Хочешь какого-нибудь снадобья? Встряхнин, мыслекрас, развдитель, чувствоумножитель — выбирай по своему вкусу.

Компания? Какая компания?..

— Вот доклад по соотношению полов. Данные по истории, социологические выкладки.

— Убери-ка ты его, Сигмунд, подальше! Не порть нам развлечения.

Развлечение?

К нему с затуманенным взглядом, явно под воздействием какого-то снадобья, подходит Рея. Тем не менее наркотики не затуманили ее проницательный ум.

— Ты забыл, что я тебе говорила. Расслабься, — шепчет она, целуя его в кончик носа.

Она берет у него доклад и кладет на стол Фрихауса. Потом проводит ладонями по его щекам; пальцы у нее мокрые. «Я бы не удивился, — думает он, — если бы остались пятна вина, крови, чего угодно...»

— Сегодня мы празднуем Счастливый День осуществления желаний тела. Если тебе хочется, можешь натянуть меня, или какую-нибудь из этих девочек, или Паоло, или кого хочешь, — хихикает Рея, — хоть моего отца. Мечтал ли ты когда-либо обладать Ниссимом Шоуком? Делай, что хочешь, только не порть настроения.

— Я пришел, чтобы отдать важный документ твоему отцу и...

— Заткни-ка ты его себе в жопу, — говорит Рея и, не скрывая отвращения, отворачивается от него.

День осуществления желаний тела. Он забыл о нем. Празднество начнется через несколько часов, и ему следовало бы быть с Мэймлон. А он здесь. Можно ли уйти? На него смотрят. Впору спрятаться, втиснуться в волнистый психочувствительный ковер и не портить никому развлечения. А мысли его никак не могут оторваться от утреннего дела. «Поскольку случайный или чисто биологический выбор пола еще нерожденных младенцев обыкновенно кончается по ожидаемому статистическому распределению относительно симметричным разделением... Устранение элемента случайности, который вызывает опасение... так, например, случилось в бывшем городе Токио, между 1987 и 1996 годами, когда из-за этого фактора едва не упала рождаемость потомства женского пола. Риск не уравновешен».

Сигмунд видит, что здесь начинается настоящая оргия. Он бывал на оргиях и раньше, но не с людьми такого уровня. Кругом струится дым курений. В глаза ему бросается обнаженная фигура Монро Стивиса в окружении упитанных девушек.

— Иди сюда! — орет Киплинг Фрихаус. — Веселись, Сигмунд! Выбирай себе девочку по вкусу!

Насмешник. Распутная девчонка всовывает Сигмунду в руку капсулу с каким-то снадобьем. Он вздрагивает, и капсула падает. Ее тут же подхватывает другая девушка. Подходят еще люди. У величественного элегантного Льюиса Хольстона на каждом колене по девушке. И еще одна стоит на коленях перед ним.

— Ну как, Сигмунд? — спрашивает Ниссим Шоук. — Тебе не хочется? Бедный Сигмунд. Если ты собираешься жить в Луиссвилле, ты должен научиться развлекаться не хуже, чем работать.

«Ага, оценивает. Испытывает его совместимость: окажется ли он достоин элиты, или его разжалуют в слуги и он станет средним буржуа». Сигмунд представляет себя пониженным в Рим. Его одолевает честолюбие: если умение развлекаться является критерием признания, то что ж, он готов развлекаться.

— Я бы хотел для начала встряхнина, — говорит он с ухмылкой. По крайней мере, он знает, что его он может выдержать.

— Встряхнин, мигом!

Золотоволосая нимфа подает ему кубок встряхнина. Он делает глоток, захватывает покрепче чашу, снова делает глоток. Искрящаяся жидкость булькает в горле. Третий глоток. Ну, что же, допивай! Его поощряют громкими восклицаниями, выражая свое одобрение. Рея разбрасывает по комнате свои одежды. Забавы хозяев. Теперь здесь уже около пятидесяти персон. Кто-то дружески хлопает Сигмунда по спине. Это Киплинг Фрихаус. Он оглушительно кричит:

— Все в порядке, мальчик! А то я уж беспокоился за тебя! Очень уж ты серьезный, слишком целеустремленный! Иметь эти достоинства неплохо, хе-хе, но нужно уметь, понимаешь, еще кое-что! Нужно уметь и веселиться.

— Да, сэр! Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр.

Сигмунд бросается в толпу. Его окутывает мускусный запах женщин. Он испытывает целый фонтан ощущений. Кто-то сует ему в рот капсулу. Он проглатывает и минуту спустя чувствует, как наливается и напрягается его член. Его целуют. Кто-то силой опрокидывает его на ковер. Рея? Да. Откуда-то доносится музыка. Он обнаруживает себя в спутанном клубке тел, натягивающим сзади девушку, обнимающую Ниссима Шоука. Тот холодно подмигивает. Сигмунду кажется, что Шоук испытывает его способность к удовольствиям, а все следят за ним, достаточно ли он распущен, чтобы заслужить продвижение в их среду. «Ну что ж. Буду продолжать!»

Он упорно заставляет себя наслаждаться. От этого зависит многое. Под ним 974 этаж, и если он хочет остаться здесь, он должен научиться развлекаться. Он разочарован тем, что администрация оказалась именно такой. Он увидел такой обычный, такой вульгарный и дешевый гедонизм правящего класса. С таким же успехом они могли бы быть флорентийскими дожами, французскими вельможами, борджиями или пьяными боярами.

Не в состоянии принять такой их образ, Сигмунд строит фантазии: они инсценируют этот разгул исключительно для того, чтобы

испытать его характер, установить — действительно ли он лишь скучный слуга или он обладает широтой духа, которая необходима луиссвилльскому мужчине. Глупо считать, что они тратят свое бесценное время, просто пия и совокупляясь; нет, они гибки, они могут веселиться, они могут переходить от работы к развлечениям с равным удовольствием. И если он хочет жить среди них, он должен продемонстрировать равную многосторонность. И он покажет.

Мысли кружатся в его насыщенных парами наркотиков мозгах.

— Давайте петь! — кричит он во все горло. — Пойте все! — и начинает вопить что есть мочи:

Если ты придешь темной ночью ко мне,
Со своей возбужденной до предела
мужской благостью,
И скользнешь в постель ко мне,
И проникнешь в меня с неземной страстью...

Все поют с ним так, что он не слышит своего голоса. Зато он чувствует, как чьи-то черные глаза впиваются в него.

— О, боже! — слышит он протяжный волнующий женский голос. — Ты прелестен. Знаменитый Сигмунд Клавер. Ведь мы встречались раньше, не правда ли? — отрыгивая пузырьки встряхнина, спрашивает она.

— Да, мне помнится, в кабинете Ниссима. Ты — Сцилла Шоук.

Это жена великого человека. Она возбуждает своей красотой. И молодостью. Она не старше двадцати пяти лет. Ходил слух, что первая жена Шоука, мать Реи, была брошена в Спуск за бунтарство. Как-нибудь он проверит, правда ли это. Сцилла Шоук прижимается к нему. Мягкие черные волосы щекочут его лицо. Сигмунда парализует страх: «А можно ли зайти так далеко?» Потеряв голову, он лапает ее и сует руку в тунику. Сцилла содействует ему. У нее полные теплые груди, мягкие влажные губы, окаймленные курчавым шелком волос. А может ли он не исполнить это испытание бесстыдством? Неважно. Неважно. Сегодня Счастливый День осуществления желаний тела! Сцилла порывисто прижимается к нему, и он, в шоке, сознает, что она не против того, чтобы он натянул ее прямо сейчас, здесь, в этой массе высокопоставленного человечества, на полу обширного кабинета Киплинга Фрихауса. Он зашел слишком далеко, слишком быстро. Он выскальзывает из ее объятий, поймав при бегстве мгновенный взгляд разочарования и упрека. Он оглядывается — это Рея.

— Ты почему не натянул ее? — шепчет она.

— Я не мог, — отвечает Сигмунд, поворачиваясь, и тут же какая-то девушка садится на него верхом, широко раскинув ноги,

и льет что-то сладкое и липкое ему в рот. Все вертится у него в голове.

— Это твоя ошибка, — говорит ему Рея, — она хотела тебя.

Слова ее дробятся, и куски их отскакивают, поднимаясь ввысь и разлетаясь по комнате. Что-то странное происходит с огнями; все стало кривым, и от всех плоских поверхностей излучается резкий свет. Сигмунд пробивается сквозь вакханалию, разыскивая Сциллу Шоук. Вместо нее он наталкивается на Ниссима.

— Мне бы хотелось сейчас обсудить с тобой чикагскую петицию по соотношению полов, — говорит ему администратор.

Когда несколько часов спустя Сигмунд возвращается домой, Мэймлон мрачно вышагивает по комнате.

— Где ты пропадал? — Она подступает к нему с расспросами. — День осуществления желаний тела уже кончается. Я искала тебя по всем видеолокаторам, по всей сети общественной связи. Я...

— Я был в Луиссвилле, — отвечает Сигмунд. — У Киплинга Фрихауса была пирушка. — Неверной походкой он обходит ее и бросается лицом на постель. Сначала возникают рыдания, потом слезы, и к тому времени, как они перестают течь, День осуществления желаний тела заканчивается.

Вот и дно, Сигмунд Клавер с трудом бредет среди генераторов. Вес здания сокрушительно гнетет его. Жалобная песня турбин причиняет ему физическую боль. Он утрачивает ориентацию — странник в необъятных недрах. Как огромен этот зал — необъятная коробка, размещенная глубоко под землей так велика, что световые шары на потолке едва освещают далекий бетонный пол. Сигмунд крадется по узкой галерейке между потолком и полом. В трех километрах над его головой роскошный Луиссвилль: ковры и портьеры, паркет из редких пород дерева, мундиры, знаки власти — все это сейчас далеко от него. Он вовсе не собирался идти сюда, так глубоко. Он предполагал сегодня посетить Варшаву. Но как бы то ни было, здесь он впервые. А задержавшись здесь, он испугался. И начал сам себе отыскивать оправдание. Если б он только знал! Внутри него страх. Он не узнает сам себя.

Он касается руками поручней галереи. Металл холоден, пальцы дрожат. Со всех сторон доносится неумолчный пульсирующий гул. Где-то недалеко район спусков, направляющих в энергетические реакторы твердые отходы: отбросы всех сортов, старую одежду, использованные информационные кубики, обертки и упаковки, тела мертвых, а при случае и тела живых. Все это скользит по спиральным путям и сваливается в прессы. А оттуда по транспортерным лентам — в энергетические камеры. Вот так — без отходов, без потерь высвобождается тепло для генерирования электричества. Именно в это

время нагрузка очень велика. Свет горит в каждом помещении здания. Сигмунд закрывает глаза, и перед ним встает видение гонады 116 с ее 886-ю тысячами людей, связанных огромным пучком проводов. Гигантский человеческий коммутатор.

«А я больше не включен в него. А почему я вдруг больше не включен в него? Что со мной случилось? Что со мной происходит?»

Через воздушный мостик он проходит по генераторному залу и попадает в туннель с гладкими стенами; он знает, что за этими глянцевыми, обшитыми панелями стенами проходят линии передачи, по которым подается к вспомогательным системам энергия. А вот и перерабатывающие установки: мочепроводы, фекальные регенеративные камеры. Это все составляет удивительную опору, благодаря которой живет гонада.

Вокруг ни души. Гнетет одиночество. Сигмунд вздрагивает. Ему бы нужно подняться в Варшаву, но он, словно школьник-экскурсант, продолжает бродить по коммунальному центру на самом нижнем этаже гонады, прячась здесь от самого себя. Из сотен защищенных отверстий в полу, стенах и потолках за ним следят холодные глаза электронных наблюдателей.

«Я — Сигмунд Клавер из Шанхая, 787-й этаж. Мне 15 лет и 5 месяцев. Имя моей жены — Мэймлон, сына — Янус, дочери — Персефона. Мне положено работать в качестве консультанта в Луиссвилльском центре общественных отношений, и в последующие 12 месяцев я, несомненно, получу перевод на самые высшие этажи этой гонады. Поэтому я должен радоваться. Я — Сигмунд Клавер из Шанхая, 787-й этаж».

Он кивает электронным наблюдателям. «Привет! Привет!» Он — будущий лидер. Нервно приглаживает взлохмаченные волосы. Здесь, внизу, он провел уже час. Пора подниматься в Варшаву.

Ему слышится голос Реи Шоук-Фрихаус, доносящийся словно с записи, вмонтированной в коре его мозга: «На твоем месте, Сигмунд, я бы расслабилась и постаралась бы просто больше радоваться. И не заботиться о том, что люди думают или не думают о тебе. Впитывай человеческую природу, поблуди в Варшаве или в Праге. Посмотри, как живут простые люди». Проницательные слова. Рея — мудрая женщина. Ну так вверх, вверх!

Остановившись около люка с надписью «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», ведущего в один из блоков компьютера, Сигмунд теряет несколько минут, стараясь унять дрожь в правой руке. Затем он торопится к подъемнику и приказывает поднять себя на 60-й этаж. В самую середину Варшавы.

Здесь узкие коридоры и несколько спертая атмосфера. Это город необыкновенной плотности населения, и не только из-за того, что

его жители так неблагоразумны в своей плодовитости, но и потому, что большая часть площади города занята производственными комплексами. Несмотря на то что здание города здесь гораздо шире, чем в его верхней части, жители Варшавы размещены на относительно небольшой жилой зоне. В Варшаве размещены и машины, которыми производятся другие машины. Волочильные станы, токарные станки, калибровальные, прокатные, сборочные — сплошные производственные нагромождения. Большая часть работ автоматизирована, но для людей работы хватает: загрузка конвейеров, сопровождение изделий, управление на разветвлениях лифтов, маркирование законченных изделий по их месту назначения. Как-то в прошлом году Сигмунд доложил Ниссиму Шоуку и Киплингу Фрихаусу, что почти все, что делается на производственных этажах трудом человека, может выполняться машинами; вместо использования тысяч людей в Варшаве, Праге и Бирмингэме можно создать полностью автоматизированную замкнутую программу с несколькими контролерами для того, чтобы наблюдать за созданными системами, и с несколькими наладчиками на всякий случай, например для наладки машин. Шоук выслушал его тогда и покровительственно улыбнулся:

— Но если бы они не работали, чем бы все эти бедняги заполнили свою жизнь? — спросил он. — Не думаешь ли ты превратить их всех в поэтов, Сигмунд? Или в профессоров истории гонады? Разве ты не видишь, как отчаянно мы ищем для них занятие?

Сигмунд смутился от своей наивности. Это был редкостный промах в методологии управления. Ему еще и до сих пор неловко за этот промах. В идеальном государстве, полагает он, каждая личность должна выполнять значимую работу. И он мечтает, чтобы гонада стала идеальным государством. Но из-за человеческой ограниченности вмешиваются определенные практические соображения. И вот — надуманная работа в Варшаве, погрешность теории.

Ну, выбирай дверь. Скажем, 6021-ю. Или 6023. Или 6025. Странно видеть двери, несущие четырехзначные номера — 6027, 6029. Сигмунд берется за ручку двери, колеблется в приступе внезапной робости. Он представляет себе мускулистого и волосатого, ворчливого работягу мужа и неприбранную утомленную его жену. А он собирается вторгнуться в их интимную жизнь. Он представляет их затаенную реакцию на нарядную его одежду. «Что здесь нужно этому шанхайскому денди? Разве для него не существует правил приличия?» И так далее. И тому подобное. Сигмунд чуть не спасается бегством, но сдерживается. Они не посмеют ему отказать, ни под каким видом. И он открывает дверь.

В комнате темно, светится только ночник; глаза постепенно осваиваются, и он видит на постели спящую пару и пятерых или

шестерых детей в детской подвесной койке. Он подходит к постели и останавливается над спящими. Мужчина и женщина, занимающие это жилье, оказываются совершенно не такими, какими он их себе представлял. Они могли бы быть любой молодой супружеской парой из Шанхая, Чикаго или Эдинбурга. Сбросьте с людей одежды, позвольте сну смыть выражение лица, отмечающее положение на классовой лестнице, и вы не определите принадлежность к классу или к городу.

Спящие обнаженными мужчина и женщина только на несколько лет старше Сигмунда — ему, наверное, девятнадцать лет, а ей, возможно, восемнадцать. Мужчина стройный, плечи у него узковатые с не слишком эффектными мускулами. У женщины пропорциональное тело, мягкие белокурые волосы. Сигмунд легонько прикасается к закруглению ее плеча. Дрогнув пару раз веками, открываются голубые глаза. Проглянувший было страх уступает место пониманию: «О, блудник!» Понимание уступает место смущению — на блуднике одежды высших классов.

Этикет требует представиться.

— Сигмунд Клавер, — произносит он. — Шанхай.

Молодая женщина торопливо проводит языком по своим губам.

— Шанхай!? В самом деле?

Изумленно моргает проснувшийся муж.

— Шанхай? — спрашивает он не враждебно, просто с любопытством. — Зачем же вы здесь, внизу, а?

Сигмунд пожимает плечами, словно признаваясь, что он здесь по прихоти, из каприза. Муж покидает постель. Сигмунд пытается уверить его, что уходить совсем не обязательно, что все будет в порядке, если он останется, но, очевидно, в Варшаве это не практикуется и приход блудника является сигналом для мужа вытряхиваться из постели. На его бледном, почти безволосом теле появляется просторный бумажный халат. Нервная улыбка, слова «увидимся позже, милая», и муж уходит. Сигмунд остается с женщиной наедине.

— Я никогда раньше не встречалась с шанхайцами, — говорит она.

— Ты не сказала своего имени.

— Элен.

Он ложится рядом с ней. Поглаживает ее гладкую кожу. Эхом проносятся слова Реи: «Впитывай человеческую природу. Посмотри, как живут простые люди». Он натянут до предела. Ему кажется, что его плоть каким-то сверхъестественным образом пронизана густой сетью из прекрасных золотых проволочек, проходящих сквозь доли его мозга.

— Чем занимается твой муж, Элен?

— Он сейчас стрелочник. Он был обучен на свивальщика канатов, но получил травму — ударило оборвавшимся тросом.

— У него, наверное, много работы?

— Начальник участка говорит, что он один из лучших рабочих. Я тоже думаю, что он молодец, — она подавляет легкий смешок, — кстати, на каких этажах Шанхай? Это где-то около 700-го этажа, правда?

— От 761-го до 800-го, — отвечает он, лаская ее. Тело ее трепещет — страх или желание? Ее рука стыдливо лезет в его одежды. Наверное, ей просто не терпится отдаться, чтобы он поскорее исчез. Может быть, она напугана незнакомцем с верхних этажей или же не приучена к предварительной любовной игре. Различные темпераменты. Лично он предпочел бы сначала поговорить. «Посмотри, как живут простые люди». Он здесь, чтобы учиться, а не только натягивать. Взгляд его скользит по комнате: обстановка скучная, без вкуса и без стиля. А ведь она сконструирована теми же самыми художниками, которые меблировали Луиссвилль и Толедо. Очевидно, они подлаживались к низменным вкусам рабочих. На всем как бы лежит подавляющий налет серости. Даже на женщине.

«Я мог бы лежать сейчас с Микаэлой Квиведо. Или с Принсипессой. Или с... Или с... А я здесь». Он подыскивает подходящие вопросы, которые он бы мог задать ей, чтобы выявить существенные черты характера этой тусклой личности, которой он, пожалуй, когда-нибудь станет руководить. «Ты много читаешь? А какие твои любимые видеопередачи? А все ли ты делаешь, что в твоих силах, чтобы твои дети поднялись в иерархии здания? Что ты думаешь о людях из Рейкьявика? А о людях из Праги?» Но не спрашивает ничего. Какой смысл? Чему он может научиться? Между ними — непреодолимые барьеры.

Он проводит руками по ее телу, а ее пальцы касаются его вялого члена.

— Я не нравлюсь тебе, — печально говорит она.

«Интересно, часто ли она пользуется душем?»

— Наверное, я немного устал, — отвечает он. — Я был очень занят эти дни.

Он прижимается к ней всем телом. Возможно, ее теплота возбудит его. Ее глаза смотрят в его глаза. А в его зрачках — пустота. Он целует ямочку на ее шее.

— Ой, так щекотно, — говорит она, извиваясь.

Он проводит пальцами чуть ниже ее живота. Она уже готова, а он еще нет. Он не может.

— Тебе, может быть, нужно что-то особенное? — спрашивает она. — Я бы смогла помочь, если это не слишком сложно...

Он качает головой. Его не интересуют кнуты, цепи и плети. Только обычные средства. Но он не может. Ссылка на утомление

лишь притворство: мужской способности его лишает чувство одиночества. Один среди 886000 людей.

«И я не могу овладеть ею», — думает он.

«Шанхайцы спесивы, не способны и лишены мужественности», — думает она. Теперь она уже не боится его и совсем не сочувствует ему. Она принимает его неудачу как знак неуважения к ней. Он пытается рассказать ей, скольких женщин он натягивал в Шанхае, Чикаго и даже в Толедо, где он считается дьявольски опытным, но она пренебрежительно морщится. Он перестает ласкать ее, встает и приводит себя в порядок. Лицо его горит от стыда. Подойдя к двери, он оглядывается. Она же, насмешливо глядя на него, усаживается в непристойной позе и показывает ему комбинацию из трех пальцев, обозначающую здесь, несомненно, скабрезную непристойность.

— Я хочу, чтобы ты усвоила, — говорит он, — имя, которым я назвался, когда вошел, — не мое. Ничего общего.

Он поспешно выходит. Слишком много проникновения в человеческую природу. Слишком много, по крайней мере, для Варшавы.

Он садится в первый же попавшийся лифт и попадает на 118 этаж, в Прагу; проходит полздания, не заходя в жилые помещения и не разговаривая со встречными; садится в другой лифт; выходит на 173-м этаже, в Питтсбурге, и стоит некоторое время в коридоре, прислушиваясь к толчкам крови в капиллярах висков. Затем он входит в Зал осуществления телесных желаний. Даже в этот поздний час находятся люди, пользующиеся его удобствами: около дюжины человек обоего пола плещутся в бассейне с водоворотами, пятеро или шестеро гарцуют на топчане, несколько пар просто совокупляются. Его шанхайские одежды привлекают любопытные взгляды, но к нему не подходит никто. Поникнув головой, он медленно выходит из зала. Теперь он идет по лестницам, образующим большую спираль, пронизывающую всю тысячеэтажную высоту гонады 116. Он всматривается в величественную спираль и различает вытянувшиеся в бесконечность этажи с рядами огней, отмечающих каждую платформу. Бирмингем, Сан-Франциско, Коломбо, Мадрид. Он хватается за перила и всматривается вниз. Взгляд скользит по спирали спускающейся лестницы. Прага, Варшава, Рейкьявик. Головокружительный чудовищный водоворот, сквозь который, словно снежинки, плывут сверху огни миллионов светящихся шаров. Он упрямо карабкается по мириадам ступенек, загипнотизированный своими собственными механическими движениями. Прежде чем это доходит до него, он преодолевает сорок этажей. Он весь пропотел, а мускулы его икр набрякли и собрались в узлы.

Он рывком отворяет дверь и вываливается в главный проход. 213-й этаж. Бирмингэм. Двое мужчин с самодовольными улыбками блудников возвращаются домой, останавливают его и предлагают ему какое-то снадобье — маленькую полупрозрачную капсулу, содержащую темную маслянистую жидкость темно-оранжевого цвета. Сигмунд без возражений берет капсулу и, не задумываясь, проглатывает. Они дружелюбно похлопывают его по бицепсам и уходят своей дорогой. Почти сразу же его начинает тошнить. Затем перед ним плывут расплывчатые красные и голубые огни. Сквозь туман в голове он пытается сообразить, что же ему дали. Он ждет экстаза. Ждет. Ждет...

Следующее, что он сознает, — слабый рассвет. Он сидит в незнакомой комнате, развалившись в сиденье из колеблющихся натянутых металлических ячеек. Над ним стоит высокий молодой человек с золотистыми волосами, и Сигмунд слышит свой собственный голос:

— Теперь я понимаю, почему они пытаются бунтовать. Когда-нибудь вам тоже станет невыносимо. Люди почти касаются вас. Их можно чувствовать... И...

— Спокойнее... Откиньтесь на спину. Вы просто переутомились.

— У меня разрывается голова.

Сигмунд видит привлекательную рыжеволосую женщину, снующую в дальнем углу комнаты. Ему трудно сфокусировать глаза.

— Я не уверен, что знаю, где я нахожусь, — добавляет он.

— Триста семнадцатый. Сан-Франциско. У вас, должно быть, раздвоение, правда?

— Голова... Ее нужно выкачать, а то лопнет.

— Я Диллон Кримс. А это моя жена Электра. Она нашла вас, блуждающего по зданию, — дружелюбное лицо хозяина улыбается. У него удивительные голубые глаза, словно диски из полированного камня. — Знаете, не так давно я принял мультиплексин и стал всеми разветвлениями здания сразу. Я будто расплылся по нему. Представляете — видеть в себе один большой организм, мозаику тысяч умов. Прекрасно! Все было хорошо до тех пор, пока я не начал сокращаться, и тогда все здание превратилось просто в огромное ужасное пчелино-муравьиное скопище. Вы утратили представление о реальности, когда химикалии попали в мозг. А теперь оно постепенно восстанавливается.

— Я не могу восстановить его.

— Что хорошего в ненависти к зданию? Ведь гонада является реальным решением реальных проблем, не так ли?

— Понимаю.

— И в основном это решение эффективно. И потому не стоит тратить силы на ненависть к зданию.

— Не то чтобы я ненавидел его, — отвечает Сигмунд. — Я всегда восхищался теорией вертикальности в развитии гонады. Моя специальность — управление гонадой. Была и есть. Но вдруг все стало неправильно, и я не знаю, в чем неправильность. Во мне или во всей системе?

— Для гонады нет выбора, — говорит Диллон Кримс. — То есть вообще-то можно прыгнуть в Спуск или сбежать в коммуны, но эти альтернативы бессмысленны. Так что оставайтесь здесь и пользуйтесь преимуществом всего этого. Вы, должно быть, слишком много работали. Послушайте, не хотите ли выпить чего-нибудь холодного?

— Пожалуй, да, — отвечает Сигмунд.

Рыжеволосая женщина всовывает ему в руку бокал. Когда она наклоняется к нему, ее груди колеблются, мерно раскачиваясь, словно колокола из плоти. Она великолепна, и крошечная струйка гормонов слегка возбуждает его, напомнив ему, как началась эта ночь: неудачный блуд в Варшаве. Женщины... Он не мог вспомнить ее имени.

— По видео, — сказал Диллон Кримс, — объявили розыски Сигмунда Клавера из Шанхая. Распознаватели включены с четырех часов. Это вы?

Сигмунд утвердительно кивает.

— Я знаю вашу жену. Ее зовут Меймлон, правда? — Кримс косится на свою жену, словно опасаясь ревности. Понизив голос, он продолжает. — Однажды, давая представление в Шанхае, я блудил с ней. Это было восхитительно. Как она свежа и привлекательна! Сейчас она, наверное, очень волнуется за вас, Сигмунд.

— Представление?

— Я играю на космотроне в одной из космических групп. — Кримс пальцами делает жесты, словно касаясь клавиатуры. — Вы, наверное, видели меня. Вы позволите мне позвонить вашей жене?

— Это ваше личное дело, — бормочет Сигмунд, испытывая чувство наступающего раздвоения, отрыва от самого себя.

— Как это?

— Со мной что-то творится. Я ни к чему не отношусь: ни к Шанхаю, ни к Луиссвиллю, ни к Варшаве. Только рой чувств без настоящего «я». А меня нет. Я потерялся. Я потерялся внутри.

— Внутри чего?

— Внутри себя. Внутри здания. Я расползаюсь. Куски меня остаются в каждом месте. С моего Эго отшелушиваются слои и куда-то уносятся. — Сигмунд сознает, что на него смотрит Электра Кримс. Он старается восстановить самоконтроль, но чувствует себя обнаженным до самых костей. Спинной хребет выставлен напоказ, видны кости, гребень позвонков, странно угловатый череп. Сигмунд. Сигмунд...

Над ним серьезное, встревоженное лицо Диллона. Вокруг красивое жилое помещение. Многозеркалье, психочувствительные гобелены. Такие счастливые люди. Они поглощены своим искусством. Они прекрасно встроены в коммутатор жизни.

— Потерян... — шепчет Сигмунд.

— Переводитесь в Сан-Франциско, — предлагает Диллон, — мы здесь не слишком напрягаемся. У нас можно получить комнату. Может быть, у вас откроется аристическое призвание. Может быть, мы смогли бы писать программы для видеоспектаклей. Или...

Сигмунд хрипло смеется. Горло у него словно набито шерстью.

— Я напишу пьесу об алчущем карьеристе, который добирается почти до самой вершины и вдруг решает, что это ему не нужно. Я... Нет я не напишу. Я не имею в виду ничего такого. Это снадобье говорит моим ртом. Те двое всучили мне омерзитель, вот и все. Лучше вызовите Мэймлон.

Он старается встать на ноги, дрожа всем телом. Ощущение такое, словно ему 90 лет. Ноги подгибаются, и он клонится набок. Кримс и его жена подхватывают его. Щека Сигмунда прижимается к колыхающимся грудям Электры. Он выдавливает из себя улыбку.

— Это снадобье говорит моим ртом, — снова повторяет он. — Эти проклятые наркотики! Эти... проклятые... наркотики...

— Это длинная и скучная история, — рассказывает он Мэймлон. — Я попал в такое место, где я не хотел бы быть, принял капсулу, не зная, что в ней, и после этого все смешалось. Но теперь все в порядке. Все в порядке...

3

Проболев один день, он возвращается за свой стол в луисвилльской приемной. Там его ожидает груда писем. Великие люди административного класса испытывают сильную нужду в его услугах. Ниссим Шоук хочет, чтобы он приготовил очередной ответ просителям из Чикаго по тому делу — о разрешении свободы установления пола всякого зачатого плода. Киплинг Фрихаус требует интуитивной интерпретации некоторых графиков в производственно-балансовых сметах следующего квартала. Монро Стивису для встреч с благословителями и утешителями нужна диаграмма, показывающая посещаемость звуковых центров: психологический профиль населения шести городов. И так далее.

Это обворовывание его мозгов. Как благословенно быть полезным. Как утомительно быть полезным!

Он старается изо всех сил, но его ни на миг не покидает мешающее ему ощущение раздвоенности. Расстройство души.

Полночь. Не спится. Он лежит, ворочаясь, рядом с Мэймлон. Нервы натянуты, как струны. Мэймлон знает, что он проснулся. Она успокаивающе гладит его рукой.

— Не можешь расслабиться? — спрашивает она.

— Нет. Никак...

— Может быть, выпьешь встряхнина? Или даже мыслекраса?

— Нет. Не надо.

— Тогда пойди поблуди, — предлагает она. — Выжги часть этой энергии. Ты же весь напряжен, Сигмунд.

Да, он связан золотой нитью. У него раздвоение.

«Может быть, подняться в Толедо? Найти утешение в объятиях Реи? Она всегда готова помочь. А может, поблудить в Луиссвилле? Связаться с женой Ниссима Шоука — Сциллой? Надерзить? А ведь меня пытались навязать ей на той пирушке, в День осуществления телесных желаний. Посмотреть, имел ли я право на продвижение в Луиссвилль». Сигмунд понимает, что в тот день он не выдержал испытания. А может быть, еще не поздно все исправить. Он пойдет к Сцилле. Даже если там окажется Ниссим. Посмотрим, как я игнорирую любые ограничения. Почему бы женщине Луиссвилля не быть доступной мне? Мы все живем по одному и тому же своду законов, не считаясь с запрещениями, которые в последнее время на нас налагают наши обычаи. Так он скажет, если там окажется Ниссим. И Ниссим зааплодирует его браваде.

— Да, — говорит он Мэймлон, — я, пожалуй, поблужу.

Но он остается в постели. Проходит несколько минут. Порыв прошел. Ему не хочется идти; он притворяется спящим, надеясь, что Мэймлон задремлет. Проходит еще несколько минут. Он осторожно приоткрывает один глаз. Да, она спит. Как она прелестна, как прекрасна она даже во время сна. Великолепное сложение, белая кожа, черные как смоль волосы. Моя Мэймлон. Мое сокровище. В последнее время он не чувствовал желания даже в ней. «Может быть, это скука, порожденная утомлением? Или утомление, порожденное скукой?»

Дверь открывается, и входит Чарльз Мэттерн. Сигмунд наблюдает, как социопрограммист на цыпочках подходит к постели и молча раздевается. Губы Мэттерна плотно сжаты, ноздри трепещут. Признаки желания. Мэттерн жаждет Мэймлон; что-то возникло между ними за прошедшие два месяца, думает Сигмунд.

Что-то большее, нежели простое блудство, но Сигмунда это мало интересует. Лишь бы Мэймлон была счастлива. В тишине разносится хриплое дыхание Мэттерна, старающегося тихо разбудить Мэймлон.

— Хэлло, Чарли! — произносит Сигмунд.

Захваченный врасплох Мэттерн робеет и нервно смеется:

— Я не хотел тебя разбудить, Сигмунд.

— Я не спал. Наблюдал за тобой.

— Тогда тебе бы следовало что-нибудь сказать. Я не старался сохранять тишину.

— Извини. Этого раньше со мной не случалось.

Теперь проснулась и Мэймлон. Она привстает, обнаженная до талии. Белизна ее кожи освещается слабым мерцанием ночника. Она сдержанно улыбается Мэттерну — покорная жительница гонады, готовая принять своего ночного гостя.

— Пока ты здесь, Чарли, — говорит Сигмунд, — могу тебе сказать, что я получил задание, в котором требуется твое участие. Для Стивиса. Он хочет видеть, где люди тратят больше времени: с благословителями и утешителями или в звуковых центрах. Двойная диаграмма...

— Уже поздно, Сигмунд, — перебивает его Мэттерн. — Почему бы тебе не рассказать об этом утром?

— Да. Да! Ладно. — Сигмунд с багрово-красным лицом встает с постели. Ему не обязательно уходить, когда у Мэймлон блудник, но он не хочет оставаться. Как и тот варшавский муж, подаривший излишнюю и непрошенную интимность остающейся паре. Он торопливо разыскивает одежду. Мэттерн напоминает ему, что он вправе остаться. Но нет. Сигмунд чуть демонстративно покидает комнату и почти выбегает в зал. «Я пойду в Луиссвилль к Сцилле Шоук». Однако вместо того, чтобы попросить лифт поднять его на тот этаж, где живут Шоуки, он называет 799-й. Там живут Чарльз и Принсипесса Мэттерн. Он не отваживается покуситься на Сциллу в таком неуравновешенном и болезненном состоянии. Неудача может дорого обойтись. А Принсипесса может возбудить. Она как тигрица. Дикарка. Она самая страстная из женщин, которых он знает, исключая Мэймлон. И возраст подходящий — зрелый, но не перезрелый.

Сигмунд останавливается у двери Принсипессы. Ему приходит в голову, что в том, что он желает жену человека, который сейчас проводит время с его собственной женой, есть что-то буржуазное, что-то от догонадской эпохи. Блуд должен быть более случайным, менее целенаправленным, он лишь способ расширения сферы жизненного опыта. Впрочем, это неважно. Толчком локтя он открывает дверь и испускает вздох облегчения и уныния одновременно — до него доносятся звуки стонущих в оргазме людей. На постели двое;

он узнает Джона Квиведо. Сигмунд быстро выскальзывает из комнаты. В коридоре никого.

«Куда же теперь?» Обычным местом назначения является квартира Квиведо. Микаэла. Но, несомненно, у нее тоже окажется гость. Жилки на висках Сигмунда начинают пульсировать. Он не собирается странствовать по гонаде бесконечно. Ему хочется только спать. Блуд вдруг представляется ему отвратительным, как все неестественное и принудительное. Рабство абсолютной свободы. В этот момент тысячи людей слоняются по титаническому зданию. Каждому предопределено выполнять благословенное деяние. Волоча ноги, Сигмунд бредет по коридору и останавливается у окна. Снаружи безлунная ночь. Соседние гонады кажутся немного отдаленней, чем днем. Их окна ярки, их тысячи. Он пытается разглядеть коммуну, расположенную далеко на севере. Там живут эти помешанные фермеры. Майкл, брат Микаэлы, один из тех, кто взбунтовался, по некоторым предположениям посетил коммуну. По крайней мере, так записано в отчете. Микаэла до сих пор переживает из-за брата. Разумеется, он не миновал Спуска, как только сунулся обратно в гонаду. Ясно, что такому человеку нельзя позволить жить здесь по-прежнему, проявляя недовольство, распространяя яд неудовлетворенности и неблагостности. Но для Микаэлы это жестоко. Она говорит, что они с братом очень схожи. Они — близнецы. Она считает, что в Луиссвилле должен был состояться официальный разбор дела. Она не верит, но такой разбор дела состоялся. Сигмунд вспоминает Ниссима Шоука, отдающего приказ: немедленно устранить этого человека, если он вернется в гонаду 116. «Бедная Микаэла! Наверное, между ней и братом происходило что-то нездоровое. Надо бы спросить у Джесона».

«Куда же мне пойти?»

Он осознает, что простоял у окна более часа. Он идет к лестнице и сбегает по ней на свой собственный этаж. Мэттерн и Мэймлон спят, лежа рядышком. Сигмунд сбрасывает одежду и присоединяется к лежащим на постели. Он все еще чувствует раздвоение и расстройство. В конце концов он тоже засыпает.

Религия утешает. Сигмунду следует посетить благословителя. Церковь расположена на 770-м этаже — маленькая комната в торговой галерее, украшенная символами плодородия и светящимися инкрустациями. Войдя в нее, он чувствует себя как чужак. Раньше его никогда не вдохновляла никакая религия. Прадед его матери был христианином, но все в семье считали, что это было следствием старомодных инстинктов старика. Древние религии имели мало последователей, и даже культ божьего благословения,

официально поддерживаемый Луиссвиллем, не мог претендовать более чем на треть взрослого населения здания, согласно последним диаграммам, которые видел Сигмунд. Хотя, возможно, впоследствии произошли изменения.

— Благослови тебя Бог, — произносит благословитель, — о чем скорбит твоя душа?

Благословитель — полный, гладкокожий человек с круглым благодушным лицом и плотоядно поблескивающими глазами. Ему около сорока лет. Что он знает о скорби душевной?

— Я не могу найти себе покоя, — отвечает Сигмунд. — Я как будто раскупорен. Все утратило свое значение, и душа моя пуста.

— А-а. Душевная мука, распад, истощение личности. Знакомые недуги, сын мой. Сколько вам лет?

— Минуло пятнадцать.

— Служебное положение?

— Шанхаец, продвигающийся в Луиссвилль. Вы, наверное, знаете меня. Я — Сигмунд Клавер.

Благословитель поджимает губы. Глаза сами собой прикрываются. Он поигрывает эмблемами священника на вороте своей туники. Да, он слышал о Сигмунде.

— Вы удовлетворены женитьбой? — спрашивает он.

— У меня самая благословенная жена, какую только можно вообразить.

— Дети?

— Мальчик и девочка. В следующем году у нас будет вторая девочка.

— Друзья?

— Достаточное количество, — отвечает Сигмунд. — А еще меня мучает ощущение гниения. Иногда вся кожа зудит. Слои гнили плывут по зданию и окутывают меня. Что со мной происходит?

— Иногда, — говорит благословитель, — те, кто живет в гонадах, испытывают так называемый кризис духовного ограничения. Границы нашего, так сказать, мира, нашего здания кажутся слишком узкими. Наши внутренние возможности становятся недостаточными. Мы мучительно разочаровываемся в тех, кого сегодня любили и кем восхищались. Результат такого кризиса часто неистов, он дает начало феномену бунта. Некоторые, случается, покидают гонаду для новой жизни в коммунах, что конечно же является формой самоубийства, поскольку мы не можем приспособиться к этой грубой среде. Те же, кто не становятся бунтарями и не отделяют себя психически от гонады, уходят от действительности в себя, сжимаясь при столкновениях с близнаходящимися в их психическом пространстве индивидуальностями. Вам это что-нибудь объясняет? — и поскольку Сигмунд не очень уверенно кивает, он продолжает: — Среди вождей этого здания, админи-

стративного класса, среди тех, кто был вознесен наверх благословенным назначением служить своим согражданам, этот процесс особенно болезнен, так как вызывается коллаисом ценностей и утратой целеустремленности. Но этому легко помочь.

— Легко?

— Я вас уверяю!

— Но как?

— Мы сделаем это сразу же, и вы уйдете отсюда здоровым и цельным, Сигмунд. Путь к здоровью лежит через родство с Богом; видите ли, сущность Бога заключается в нашем представлении о собирательной силе, дающей целостность всему миру. И я покажу вам Бога.

— Вы покажете мне Бога? — непонимающе повторяет Сигмунд.

— Да, да! — благословитель суетливо притемняет церковь, выключает огни и скрывается в темноте.

Из пола вырастает чашеобразное плетеное кресло, и Сигмунда мягко подталкивают к нему. Он лежит в нем, глядя вверх. Он видит, как потолок церкви превращается в широкий экран. В его стекловидных зеленоватых глубинах возникает изображение небес, словно песком усыпанных звездами. Миллиард миллиардов световых точек. Из скрытых динамиков льется музыка; плещущие всхлипы космического оркестра. Он различает магические звуки космотрона, темные приглушенные комстарфы, бурные пассы орбитакса. Затем все инструменты сливаются вместе. Наверное, это играет Диллон Кримс со своими коллегами, его собеседник в ту печальную ночь.

Недра воспринимаемого поля над головой углубляются; Сигмунд видит оранжевое сияние Марса, жемчужный блеск Юпитера. Итак, Бог — это светотеатр плюс космический оркестр. Как мелко. Как пусто!

Благословитель поясняет, перекрывая своим голосом звуки музыки:

— То, что вы видите, — прямая передача с тысячного этажа. Это небо над нашей гонадой в данный момент. Вглядитесь в черный мрак ночи! Впитайте прохладный свет звезд! Откройтесь необъятности! То, что вы видите, — Бог. То, что вы видите, — Бог!

— Где?

— Везде. Он вездесущий и всетерпимый.

— Я не вижу.

Музыка меняется. Теперь Сигмунд окружен плотной стеной мощных звуков. Картина звезд становится интенсивней. Благословитель направляет внимание Сигмунда то на одну группу звезд, то на другую, убеждая его слиться с галактикой.

— Гонада — не Вселенная, — бормочет он. — За этими сияющими стенами лежит бесконечное пространство, являющееся Богом. Пусть он поглотит вас и исцелит. Поддайтесь ему, поддайтесь!

Но Сигмунд не в состоянии поддаться. Он спрашивает, не даст ли благословитель ему какого-нибудь наркотика, вроде мультиплексина, который помог бы ему открыться вселенной. Но благословитель явно глумится над ним:

— Каждый в состоянии достичь Бога без помощи химикалиев. Надо только пристально смотреть. Созерцайте. Всматривайтесь в бесконечное, вникайте в божественные узоры. Задумайтесь над равновесием сил, над красотами небесной механики. Бог внутри и снаружи нас. Поддайтесь ему, поддайтесь! Поддайтесь...

— Я не ощущаю ничего, — говорит Сигмунд. — Я заперт внутри самого себя.

В тоне благословителя появляются нотки нетерпения, словно он хочет сказать: «Это нехорошо! Почему вы не в состоянии открыться? Ведь это вполне приличный религиозный обряд».

Но обряд не действует. Спустя полчаса Сигмунд садится, тряся головой. Глаза его устали от пристального созерцания звезд. Он не в состоянии совершить мистический прыжок в бесконечность.

Он подписывает кредитный перевод на счет благословителя, благодарит его и выходит из церкви. Наверное, Бог сегодня находится где-то в другом месте.

Утешение от утешителя — светская терапия, чьи методы в основном покоятся на регулировании метаболизма. Сигмунд страшится этого визита; он всегда считал тех, кому надлежало идти к утешителю, дефективными, и то, что он окажется среди них, больно ранит его. Но он обязан покончить с этим внутренним беспорядком. И Мэймлон тоже настаивает.

Утешитель, к которому он приходит, удивительно моложав, наверняка, не старше тридцати трех лет, с узким бесцветным лицом и неприятным замораживающим взглядом. Он определяет причины недуга Сигмунда чуть ли не раньше, чем тот их описывает.

— А когда вас пригласили на пирушку в Луиссвилль, — спрашивает он, — какой эффект произвело на вас то, что ваши идолы оказались совсем не такими людьми, как вы о них думали?

— Это меня опустошило, — отвечает Сигмунд. — Все мои идеалы, мои направляющие ценности рухнули. Мне тяжело было видеть их такими разнузданными. Никогда не представлял себе такого, что они вытворяли. Я думаю, что с этого и начались все мои беды.

— Нет, — говорит утешитель, — от этого беда просто вырвалась наружу. Беда была уже раньше. Она таилась глубоко внутри вас и только ждала толчка, чтобы обнаружиться.

— Как же мне совладать с ней?

— Сами вы не справитесь. Вас подвергнут терапии. Я передам вас психотехникам. К вам применят процессы активной регулировки.

Но Сигмунд боялся изменений. Они положат его в бак и предоставят ему плавать в нем дни, а то и недели, пока ему будут поласкать мозги разными чудовищными препаратами, нашептывать лекции, делать массаж его больного тела и менять впечатления в его мозгу. И он выйдет от них здоровый, стабильный и... другой. Это будет совсем другая личность. Его прежняя индивидуальность будет утрачена вместе с душевной болью. Он вспоминает женщину по имени Аура Хольстон, которой по жребию выпало переселиться в новую гонаду 158 и которая не желала переезжать, но тем не менее психотехники убедили ее в том, что покинуть родной город не так уж и плохо. И вернулась она из бака послушной и безмятежной, растением вместо неврастенички.

Нет, думает Сигмунд, это не для меня. Ведь это окажется так же и концом его карьеры. Луиссвилль отвергнет человека, у которого был кризис. Для него подыщут какой-нибудь средний пост, какую-нибудь тепленькую работу в Бостоне или Сиэтле и тут же забудут о некогда многообещающем молодом человеке.

Каждую неделю Монро Стивису подается полный доклад по активным регулировкам. Он, конечно же, расскажет Шоуку и Фрихаусу: «Вы слышали о бедняге Сигмунде? Две недели в баке! Какое-то нервное потрясение. Жаль, жаль! Придется с ним расстаться».

НЕТ!

Что же делать? Утешитель уже заполнил направление и зарегистрировал его в одном из блоков компьютера. Искрящиеся импульсы нервной энергии текут по информационной системе, неся его имя. Психотехники на 780-м этаже запланируют для него время, и скоро экран скажет ему час его явки. И если он не пойдет туда сам, за ним придут. Роботы с мягкими каучуковыми подушечками на верхних конечностях поведут его, подталкивая вперед.

НЕТ!

Он расскажет Рее о своем затруднительном положении. Никто, кроме Реи, еще не знает об этом, даже Мэймлон. Он доверяет Рее все свои самые тайные помыслы.

— Не ходи к техникам, — советует она.

— Но приказ уже отдан.

— Отзови его.

Он смотрит на нее так, словно она порекомендовала ему снести Чиппитскую гонадскую констеляцию.

— Изыми его из компьютера, — говорит она ему. — Уговори кого-нибудь из обслуживающего персонала сделать это для тебя. Используй свое влияние. Никто этого не обнаружит.

— Я не могу.

— Тогда ты отправишься к психотехникам. А ты знаешь, что это означает.

Гонада опрокидывается. Груды развалин кружатся в его мозгу.

Кто бы мог устроить это для него? Раньше там работал брат Микаэлы Квиведо — Майкл. Но теперь его нет. Разве что в его бригаде могут оказаться и другие скрытые бунтари.

Когда Сигмунд покидает Рею, он проверяет записи в приемной. В его душе уже работает вирус неблагословенных деяний. И тут его осеняет, что ему нет нужды использовать свое влияние в поисках нужного человека. Просто надо пустить это дело по служебным каналам. Он выстукивает затребованные данные — статус Сигмунда Клавера, направленного на терапию на 780-м этаже. Немедленно приходит информация: Клавера ожидает терапия через семнадцать дней. Компьютер не скрывает данных от приемной Луиссвилля. Существует положение, согласно которому любой, кто их запрашивает, пользуясь оборудованием приемной, имеет на это право. Очень хорошо. Следует очередной роковой шаг. Сигмунд инструктирует компьютер на изъятие назначения на терапию Сигмунда Клавера. На этот раз появляется некоторое сопротивление — компьютер хочет знать, кто утверждает изъятие. Сигмунд колеблется. Затем его осеняет: он информирует машину, что терапия Сигмунда Клавера отменена по приказу Сигмунда Клавера из луиссвиллъской приемной. «Сработает?»

— Нет, — отвечает машина, — вы не можете отменить ваше собственное назначение на терапию. Не думаете же вы, что я глупа?

Но могущественный компьютер глуп. Он думает со скоростью света, но не способен преодолеть пропасти интуиции.

«Имеет ли право Сигмунд Клавер из луиссвиллъской приемной отменить назначение на терапию?» «Да, конечно, он должен действовать от имени Луиссвилля. Тогда оно будет отменено».

В соответствующие блоки летят инструкции. «Неважно, чье это назначение, поскольку факт отмены может быть установлен в надлежащем порядке».

Сделано; Сигмунд выстукивает затребование данных — статус Сигмунда Клавера, отосланного на терапию на 780-й этаж. Немедленно приходит информация, что назначение Клавера на терапию отменено. Значит, его карьера спасена. Но терзания-то его остались! Есть над чем поразмыслить.

Вот дно. Сигмунд Клавер с трудом бредет между генераторами. Вес здания сокрушительно давит на него. Воющая песня турбин тревожит его. Он теряет ориентацию — одинокий странник в недрах здания. Как огромен этот зал!

Он входит в квартиру 6029 в Варшаве.

— Элен! — говорит он. — Послушай. Я вернулся. Хочу извиниться за прошлый раз. Тогда произошла огромная ошибка.

Она качает головой. Она уже забыла его. Но она, естественно, согласна принять его. Всеобщий обычай. Вместо этого он целует ей руку.

— Я люблю тебя, — шепчет он и убегает.

Вот кабинет историка Джесона Квиведо в Питтсбурге, на 185-м этаже. На этом же этаже находятся архивы. Когда к нему входит Сигмунд, Джесон сидит за столом, работая с информационными кубиками.

— В них есть все, правда? — спрашивает Сигмунд. — Вся история краха цивилизации? И то, как мы восстановили ее опять? И про вертикальность, как главную философскую основу образцового человеческого бытия? Расскажи мне об этом. Пожалуйста.

— Ты не болен, Сигмунд? — как-то странно взглянув на него, спрашивает Джесон.

— Нет, вовсе нет! Я совершенно здоров. Мне Микаэла как-то объясняла твои тезисы о генетической адаптации человечества к гонадскому образу жизни. Мне бы хотелось узнать об этом поподробнее. Как нас вырастили такими, как мы есть? Мы здорово счастливы...

Сигмунд поднимает два кубика и почти страстно ласкает их, оставляя отпечатки пальцев на их чувствительных поверхностях.

— Покажите мне древние времена! — просит Сигмунд, но Джесон сбрасывает их в возвратный шлюз, и Сигмунд уходит.

Вот и величественный промышленный город Бирмингэм. Бледный и потный Сигмунд Клавер наблюдает за работой машин, собирающих другие машины. Грустные люди с поникшими руками надзирают над их работой. Вот эта штука с руками поможет в уборке следующего осеннего урожая. Вот этот темный глянцевитый баллон поплывет над полями, опрыскивая насекомых ядом. Сигмунд чувствует, что сейчас заплачет. Он никогда не увидит коммуны. Он никогда не погрузит свои пальцы в жирную коричневую почву. Как прекрасна ячеистая экология современного мира — поэтическое взаимодействие коммуны и гонады на благо тех и других. Как мило! «Почему же тогда я плачу?»

Сан-Франциско — город, где живут музыканты, художники и писатели. Культурное гетто. Диллон Кримс репетирует со своим оркестром. Далеко вокруг разносится оглушающее кружево звуков. Входит Сигмунд.

— Сигмунд? — восклицает Кримс, нарушая свою сосредоточенность. — Как ты тогда добрался? Рад тебя видеть.

Сигмунд смеется. Он жестом показывает на космотрон, кометарфу, чародин и другие инструменты.

— Продолжайте, пожалуйста, — говорит он, — я только взгляну на Бога. Вы не против, если я послушаю? Может быть, Бог здесь. Сыграйте еще.

На 761-м этаже, нижнем этаже Шанхая, он находит Микаэлу Квиведо. Она выглядит неважно. Ее черные волосы потускнели и слиплись, глаза сощурились, губы поджаты. Появление Сигмунда среди дня удивляет ее, но он поспешно произносит:

— Можно мне немного потолковать с тобой? Я хочу кое-что спросить у тебя о твоем брате Майкле. Зачем он покинул здание? Что хотел найти снаружи? Можешь ты мне ответить на это?

Выражение лица Микаэлы становится еще жестче; она холодно отвечает:

— Я знаю только, что Майкл взбунтовался. Он мне ничего не объяснял.

Сигмунд понимает, что это неправда. Микаэла что-то утаивает.

— Не будь неблагословенной! — сердится он. — Мне очень нужно знать. Не для Луиссвилля, для себя самого. — Его рука ложится на ее тонкое запястье. — Я тоже подумываю оставить здание, — признается он.

И вот его собственная квартира на 787-м этаже. Мэймлон дома нет. Как всегда, она в Зале телесных желаний, тренирует свое гибкое тело. Сигмунд диктует для нее краткое послание:

— Я любил тебя, — произносит он. — Я любил тебя. Я любил тебя.

В коридорах Шанхая он встречает Чарльза Мэттерна.

— Приходи к нам пообедать, — приглашает его социолог-программист. — Принсипесса всегда рада видеть тебя. И дети. Индра и Шандор все время о тебе говорят. Даже Марк. «Когда же придет снова Сигмунд, — спрашивают они, — нам он очень нравится».

Сигмунд качает головой.

— Мне жаль, Чарльз, но сегодня не могу. Благодарю за приглашение.

Мэттерн пожимает плечами.

— Благослови тебя Господь! Но мы должны ведь как-нибудь собраться вместе! — говорит он и уходит, оставляя Сигмунда посреди потока пешеходов.

Вот Толедо, где живут избалованные дети административной касты. Здесь живет Рея Шоук-Фрихаус. Сигмунд не намерен вызывать ее. Она слишком чувствительна: она сразу поймет, что он находится в критической фазе депрессии и, несомненно, примет защитные меры. И все-же он должен что-то совершить для нее. Сигмунд останавливается у входа в ее квартиру и нежно прижимается губами к дверям. «Рея. Рея. Рея. Я любил тебя». И уходит.

Он не собирается совершать никаких визитов в Луиссвилль, хотя, пожалуй, стоило бы повидать кого-нибудь из хозяев гонады: Ниссима Шоука, Монро Стивиса или Киплинга Фрихауса. Магические имена — имена, которые вызывают отклик в его душе. Нет, самое лучшее обойтись без этого. Сигмунд идет прямо к посадочной площадке на сотом этаже. Он вступает на плоскую продуваемую ветрами площадку. Ярко сверкают звезды. Там, вверху Бог, вездесущий и всетерпимый, величаво плывущий среди небесных тел. Под ногами Сигмунда всеобъемлемость гонады 116. Какова сегодня ее численность населения? 888904, или около того, с поправкой на тех, кто родился вчера, и тех, кто уехал заселять новую гонаду 158.

«Может быть, все это плод моего больного воображения. Как же это осознать? Во всяком случае, здание пульсирует жизнью, плодотворной и умножающейся. Благослови их Бог! Так много слуг Бога, 34000 только в одном Шанхае. А сколько в Варшаве, Праге, Токио! Это же Апофеоз вертикальности! В этой единой стройной башне мы сжали столько тысяч жизней, включенных в одну и ту же распределительную панель. Все мы здесь хорошо организованы. И все благодаря нашим просвещенным администраторам».

«А теперь взгляни. Взгляни на соседние гонады! На этот удивительный ряд! Гонады 117, 118, 119, 120! 51 башня Чиппитской констеляции. Полное население — 41 516 883 человека, или около того. Западнее Чиппита расположен Босвош, восточнее Чиппита — Сэнсон. А через море — Бернэр, Венбад, Шонконг и Бокрас. А там — еще... И каждая констеляция представляет собой гроздь башен с миллионами замурованных в коробочки душ. Каково же население нашего мира сейчас? Достигло ли оно уже 70 миллиардов? На ближайшее будущее прогнозируется 100 миллиардов. Надо построить много новых гонад, чтобы обеспечить домами добавочные миллиарды людей. Земли осталось еще много. А потом можно строить платформы и на море».

К северу, на краю горизонта, воображение рисует ему отблески костров коммуны. Как у алмаза в солнечном луче. Танцуют фермеры. Ему представляются их гротескные обряды, несущие, по их верованиям, плодородие полям.

«Благослови Бог! Все к лучшему!» Сигмунд улыбается. Он протягивает вперед руки. Если б он сумел обнять звезды, он смог бы найти Бога. Он подходит к самому краю посадочной площадки. Поручни и силовое поле защищают его от внезапных порывов ветра, которые могли бы сбросить его в гибельную бездну. Здесь очень ветрено. Как никак, три километра высоты. Игла, направленная в глаз Бога. Если бы только вспрыгнуть на небеса, взглянуть на проплывающие внизу ряды башен, фермы, удивительный гонадский ритм вертикальности, противостоящий удивительному ритму горизонтальности коммун. Как прекрасен сегодня ночью мир!

Сигмунд откидывает голову назад, его глаза сияют. «Там Бог. Благословитель был прав. Там! Там! Подожди, я иду!» Сигмунд влезает на перила. Немного колеблется. Он возвышается над защитным полем. Поток воздуха напирает на него. Кажется, будто раскачивается все здание. У него мелькает мысль о тепле, которое выделяют из своих тел 888 904 человеческих существа, живущие под одной крышей. Об отходах продуктов, которые они ежедневно отправляют в Спуск. Обо всех этих взаимосвязанных жизнях. «Распределительная панель. А Бог наблюдает за нами. Я иду! Я иду...»

Сигмунд подгибает колени, собирает все свои силы, всасывает глубоко в легкие воздух и в великолепном прыжке летит — прямо к Богу.

И во уже утреннее солнце взошло достаточно высоко, чтобы коснуться своими лучами самых верхних пятидесяти этажей гонады 116.

Скоро наружный восточный фасад засверкает, как гладь моря на исходе дня. Тысячи окон, активированных фотонами раннего рассвета, станут прозрачными. Зашевелятся спящие.

Жизнь продолжается. Благослови Бог!

Начинается следующий счастливый день.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ПАСЫНКИ ЗЕМЛИ
Фантастический роман
3

СТАРХЭВЕН
Фантастический роман
113

ПРЫГУНЫ ВО ВРЕМЕНИ
Фантастический роман
207

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР
Эротическая антиутопия
347

Литературно-художественное издание

Роберт Сильверберг

СТАРХЭВЕН

Фантастические романы

Ответственный редактор И.А. Лазарев
Редактор С.В. Хохлова
Художник А.В. Вальдман
Технический редактор Л.В. Гришина
Корректор К.И. Каревская

Подписано к печати с готовых диапозитивов 02.04.92. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 30,3. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2765. Цена договорная.

МП «Центрполиграф». 127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика» Министерства печати и информации Российской Федерации.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Государственное книготорговое и издательское объединение
«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

Научная фантастика, фэнтези, мистика, ужасы,
детектив, приключения, вестерн —
НАШЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КНИГОИЗДАНИИ!

Мы возрождаем традиции российского книгопечатания и следуем примеру таких дореволюционных издателей, как Сытин, Сойкин, Ахматова.

НАША КНИГА — ВОПЛОЩЕНИЕ ВАШЕЙ МЕЧТЫ !!!

«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

также специализируется на оптовых закупках, продаже и обмене художественной литературы, пользующейся спросом у населения, и предлагает всем заинтересованным книготорговым организациям, предприятиям и кооперативам широкий выбор художественной литературы по номинальной стоимости за наличный и безналичный расчет.

«ЦЕНТРПОЛИГРАФ» — ВАШ НАДЕЖНЫЙ ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР !!!

НАШИ АДРЕСА:

Москва, 127018, ул. Октябрьская, 18
тел. 281-74-11

Москва, 123060, ул. Расплетина, 32
тел. 194-99-65

Москва, 123100, ул. 2-я Черногрязская, д.3, стр.1
тел. 259-53-75

Москва, 109052, ул. Нижегородская, 70/1
тел. 270-02-42

БРОКЕРСКАЯ ФИРМА «ДИСПАРЕЛЬ»

представит Ваши интересы на биржах:

РОССИЙСКАЯ ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА
(транспортная секция)

«ВТОРСЫРЬЕ»

«КОНВЕРСИЯ»

«РОССИЙСКАЯ БУМАГА»

Контактный телефон: 925 94 20
Адрес: 101000, Москва, ул. Мархлевского,
д. 20/2, пом. 43

НА ТОРГАХ КНИЖНОЙ СЕКЦИИ «РОССИЙСКАЯ БУМАГА» ВЫ СМОЖЕТЕ:

предоставить и воспользоваться полиграфическими мощностями крупнейших типографий страны:

воспользоваться услугами издательских центров (компьютерный и фотонабор):

предложить и купить оригинал-макеты и диапозитивы коммерчески-выгодных изданий:

продать и преобрести тиражи книг, открытки, календари и другую полиграфическую продукцию:

Биржа «РОССИЙСКАЯ БУМАГА» также ведет торговлю изделиями народного искусства.

Книжная секция биржи «РОССИЙСКАЯ БУМАГА» — Ваш проводник в МИР КНИГИ!

Контактные телефоны: 208 34 01, 208 56 34

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЦЕНТРПОЛИГРАФ» В 1992 ГОДУ ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ:

Дополнение к серии «Мастера остросюжетного детектива»

Собрание сочинений Картера Брауна

84×108 1/32, тираж 100 000 экз. Обложка целлофанированная.

т.1	**Крадись, ведьма**	Герой романов: Дэнни Бойд
	Этот милый старый блюз	
	Жена на воскресенье	
	Страсти «гневных амазонок»	
	Алая плоть (название книги)	
т.2	Роковой котенок	Герой романов: Рик Холман
	Заводная кукла	
	Эта вдова не плачет (название книги)	
	Порывистая блондинка-рабыня	
т.3	Труп	Герой романов: лейтенант Уиллер
	Прекрасная, бессердечная	
	Обнаженная и мертвая (название книги)	
	Тигрица	
т.4	Тело	Герой романов: лейтенант Уиллер
	Любовница	
	Жертва (название книги)	
	Экзотика	
	Клоун	
т.5	Доброе утро, Мэвис	Герой романов: Мэвис Зейдлиц
	Убийство завтра (название книги)	
	Дела семейные	
	Живые и мертвые	
т.6	Любовники не возвращаются	Герой романов: Джон Бойд
	Страх пришел не сразу (название книги)	Джон Бойд
	Глаз сфинкса	Рик Холман
	Белое бикини	Рик Холман
т.7	Нет больше блондинок	Герой романов: Бейкер
	Если бы я тогда застонал	
	Могилы, которые я раскапываю	
	Красотка	Уиллер
	Ударь тока (название книги)	Уиллер